

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

РУССКАЯ
БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
въг. АВО.

№ ~~857~~ 448

721

757.

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1906 году

(ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1906 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать шесть лѣтъ (1880—1905).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1906 года, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“, и въ Кіевѣ, книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина.

448 *hietak.*

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ СШ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СШ

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1906

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА.

Съ гравированнаго портрета Штенглина 1748 года.

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ.

(1710—1734).

I.

ВЪ ЛЮБИШКАХЪ царилъ страшный переполохъ.

Подъ вечеръ жаркаго лѣтнаго дня разнесся по всему мѣстечку неизвѣстно откуда залетѣвшій слухъ о сраженіи между русскими и поляками, происходившемъ будто бы подъ самымъ городомъ, отстоявшимъ отсюда версты за три.

Сраженіе это должно было роковымъ образомъ отразиться на всей окрестности, населенной православными и католиками съ примѣсю жидовъ. Здѣсь знали по опыту, чему подвергаются православные въ случаѣ побѣды поляковъ, и каково будетъ католикамъ, если одолѣютъ русскіе. Болѣе ста лѣтъ длится братоубійственная брань въ этой мѣстности, болѣе ста лѣтъ, какъ люди здѣсь не знаютъ покоя, въ постоянномъ ожиданіи непріятельскихъ нашествій, въ постоянномъ ужасѣ и страхѣ. Рѣдкій годъ удавалось благополучно снять съ полей жатву и съ деревьевъ плоды, рѣдкій годъ не приходилось воздвигать новыя постройки на пепелищахъ. Дома строились съ глубокими подвалами и потаенными ходами на случай необходимости скрывать добро отъ опьяненныхъ кровью и виномъ побѣдителей и самимъ хорониться отъ ихъ насилій, когда не удавалось раньше бѣжать куда нибудь подальше.

Жили, припѣваючи и ничего не опасаясь, только тѣ, кому покровительствовали монахи изъ сосѣднихъ монастырей, благодаря богатымъ вкладамъ или по другимъ какимъ либо соображеніямъ.

У самыхъ Любишекъ красовался на горѣ богатый іезуитскій монастырь, пользовавшійся большою популярностію по всей окрестности. Сюда отдавали въ ученіе къ мудрымъ патерамъ сыновей важнѣйшихъ варшавскихъ магнатовъ, и святые отцы находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ не только съ сынами католической Польши, но и со многими изъ вліятельныхъ русскихъ бояръ, близкихъ къ царю Петру, который, какъ извѣстно, отличался большою вѣротерпимостію и вреда отъ монаховъ не признавалъ.

Въ ту ночь никто, кромѣ развѣ младенцевъ, не смыкалъ глазъ въ Любишкахъ. Въ неизвѣстности, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, и отъ кого придется страдать, отъ своихъ или отъ чужихъ, русскіе и поляки сидѣли, запершись въ домахъ, дѣятельно готовясь къ приему непрошенныхъ гостей.

Укладывалась серебряная и золотая утварь, образа, драгоценныя украшенія и ткани, рѣдкія книги, картины, все, что было дорого и мило, и что хотѣлось сохранить отъ грабежа, въ сундуки, шкатулки и баулы, которые выносились либо въ подвалы, либо оставались наготовѣ въ ожиданіи доброжелателей изъ сосѣдняго монашескаго монастыря, гдѣ были такіе глубокіе тайники, что, хоть все пожги и перерой, ничего не найдешь.

Всю ночь носились по улицамъ одни только жида, съ предложеніями услугъ и съ вѣстями одна другой ужаснѣе и лживѣе. Они съ клятвами увѣряли, что войска ужъ сюда скачутъ, что слышенъ топотъ ихъ коней и лязгъ оружія, что раненыхъ такое множество, что въ мѣстечкѣ для нихъ не хватитъ мѣста, что убитыхъ цѣлыя кучи, и что рѣшено сжечь Любишки до тла, а всѣхъ жителей перерѣзать и перевѣшать.

Вполнѣ вѣрить этимъ слухамъ нельзя было, тѣмъ не менѣе всѣмъ было страшно, особенно мужьямъ и отцамъ хорошенькихъ женщинъ, скрыть которыхъ отъ побѣдителей, опьяненныхъ виномъ и кровью, было много труднѣе, чѣмъ спрятать баулы съ драгоценными вещами.

Въ одномъ изъ лучшихъ домовъ мѣстечка, у окна съ запертымъ ставнемъ, стоялъ молодой шляхтичъ Стишинскій, съ женой своей Зосей, и оба выглядывали на улицу черезъ продѣланныя отверстія въ ставнѣ на мелькавшія взадъ и впередъ, въ бѣлесоватомъ сумракѣ лѣтней ночи, растрепанныя фигуры въ длинныхъ лапсердакахъ, съ развѣвающимися фалдами и съ мотавшимися по вѣтру пейсами.

Стишинскіе слыли въ здѣшней мѣстности за людей состоятельныхъ. Онъ воспитывался въ домѣ одного русскаго боярина, въ Кіевскомъ воеводствѣ, ходилъ въ походъ противъ татаръ и женился на хорошенькой воспитанницѣ сосѣдней помѣщицы, принесшей ему въ приданое, кромѣ хорошенькаго личика и богатаго приданого тряпками и дорогими украшеніями, протекцію довольно

влиятельной родни въ Варшавѣ, покровительствомъ которой онъ рассчитывалъ воспользоваться въ случаѣ, если бѣ ему не удалось поступить на службу въ Россіи, куда его тянуло несравненно больше, чѣмъ къ Польшѣ, гдѣ у него было меньше друзей, чѣмъ между русскими, съ которыми онъ сблизился особенно коротко во время похода. А пока онъ поселился съ женой и съ трехлѣтней своей дочкой въ Любишкахъ и занимался хозяйствомъ на хуторкѣ, доставшемся ему здѣсь по наслѣдству отъ матери-польки, когда не прекращавшаяся при царѣ Петрѣ война загорѣлась по всей Литвѣ, Польшѣ и Украинѣ, съ перемежнымъ для завоевателя счастьемъ, волнуя и разоряя страну и держа въ непрестанномъ трепетѣ и волненіи населеніе не только тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходили кровопролитныя сраженія, но и всѣ прилегающія къ нимъ земли.

До сихъ поръ судьба шадила Любишки, но въ послѣднее время слухи о приближающихся къ этому мѣстечку войскахъ и о стычкахъ, происходившихъ все ближе и ближе, становились настойчивѣе, и наконецъ сомнѣваться въ томъ, что и это мѣстечко подвергнется одинаковой участи со множествомъ другихъ, стало ужъ невозможно: каждую минуту можно было ждать непріятельскаго нашествія.

Разумѣется, первой мыслью Стишинскихъ было искать убѣжища на своемъ хуторѣ, до котораго отъ Любишекъ было верстъ двадцать пять, но ѣхать туда наобумъ было опасно, и наканунѣ той ночи, съ которой начинается этотъ разсказъ, они послали туда на развѣдки знакомаго фактора Яцека, общавшаго непременно вернуться назадъ не позже ночи, и въ ожиданія котораго они не рѣшались пуститься въ путь. Но онъ не являлся, а вмѣсто него показались на улицѣ тонкія и юркія фигуры монаховъ изъ сосѣдняго католическаго монастыря, и появленіе этихъ черныхъ злобщихъ птицъ наполнило ужасомъ сердце Стишинскаго.

«Значить, и вправду солдаты сюда должны нагрянуть, если ужъ въ монастырѣ всполошились, туда вѣсти всегда доходятъ раньше и вѣрнѣе, чѣмъ въ другія мѣста»,—подумалъ онъ, слѣдя глазами за монахами, которыхъ ужъ, безъ сомнѣнія, поджидали тамъ, куда они пробирались, потому что то тутъ, то тамъ передъ которымъ нибудь изъ нихъ растворялась дверь, за которой онъ безслѣдно исчезалъ въ то время, какъ изъ другого хода выносилось на остановившіяся передъ садовыми калитками повозки и кибитки имущество, приготовленное къ отправкѣ въ надежное мѣсто съ женщинами и дѣтьми.

— Спасаютъ пожитки, должно быть, наши одолѣваютъ,—проговорила за спиной господъ старушка Мариська, вынянчившая барыню и теперь нянчившая ихъ новорожденную дочку, Лизаветочку, сладко спавшую на кроваткѣ въ сосѣдней комнатѣ, въ то время, какъ весь домъ дрожалъ отъ страшнаго ожиданія бѣды.

— Не видать Яцека?—спросила барыня.

— Не видать. Да онъ явится, не безпокойся, успѣемъ, Богъ дастъ, до обители доѣхать,—отвѣчала старуха, испытывая на своемъ вѣку такъ много ужасовъ, что ей, кажется, ничего не могло быть страшно.—Лошади въ фуру запряжены; какъ узнаемъ, какой дорогой ѣхать, такъ и пустимся въ путь. Сейчасъ съ батюшкой простилась, онъ вамъ благословеніе свое посылаетъ, хотѣлъ было зайти, да попададя не пустила. Трусить она, попададято,—прибавила она съ усмѣшкой,—какъ насѣдка сидитъ на повозкѣ, дѣтми обсѣвпшисъ. Въ обитель къ матери Маріи устреляются.

— Ахъ, кабы и мы ужъ были тамъ!—вдохнула Стишинская.

— А ты больше на Бога надѣйся,—возразила Марисъка, стараясь заглянуть черезъ ея голову на улицу.—Наши, наши одолѣваютъ,—продолжала она съ восхищеніемъ,—ишь, сколько черныхъ таракановъ изъ монастыря напозло!... Антоську Дзылянскаго пана выводятъ! Право, ее! Укутали съ головой, да башмаки забыли перемѣнить, ни у кого въ мѣстечкѣ нѣтъ желтыхъ башмаковъ на серебряныхъ каблучкахъ, кромѣ ея,—продолжала она вслухъ свои замѣчанія о происходившемъ на улицѣ.—Вѣрно, панъ превусъ распорядился за нею колымагу прислать... Такъ и есть! Ну, что я говорила!—вскричала она, указывая на большую желтую колымагу, шестерней, которая проѣзжала мимо оконъ Стишинскихъ къ дому Дзылянскихъ.—Прямо, значитъ, паненку къ монахамъ отвезутъ отъ русскихъ солдатъ, изъ огня да въ полымя, хи, хи, хи!..

— А хорошо было бы въ этой колымагѣ и нашу барыню съ барышней отправить,—замѣтилъ Стишинскій.

— Что ты брепешь, грѣховодникъ? Креста что ли на тебѣ нѣтъ, чтобъ супругу съ дитятей папистамъ на съѣденіе бросать?—накинулась она на молодого барина съ развязностью старой служанки, давно занявшей мѣсто изъ почетнѣйшихъ въ семьѣ.—Да ужъ не въ примѣръ лучше здѣсь остаться, на волю Божию полагаючисъ, чѣмъ поганить себя съ иновѣрцами...

Наконецъ съ задняго двора прибѣжалъ хлопецъ съ извѣстіемъ, что пришелъ Яцекъ и проситъ барина выйти къ нему въ сѣни.

— Зачѣмъ не хочеть онъ при мнѣ говорить?—вскричала Зося, хватая мужа за рукавъ камзола, чтобъ удержать его при себѣ.

— Сейчасъ узнаемъ... пусти меня, моя дорога, времени терять нельзя,—проговорилъ съ волненіемъ Стишинскій, вырываясь изъ цѣпкихъ хорошенькихъ ручекъ своей супруги и выбѣгая въ сѣни, гдѣ его ждалъ молодой еврей, съ блѣднымъ лицомъ и безпокойно бѣгающими глазами.

— Что жъ ты узналъ?—спросилъ у него господинъ.

— Ой, какъ плохо! Какъ плохо!—замахалъ въ отчаяніи руками Яцекъ.—До хутора, панове, я добрыхъ десять верстъ не дошелъ,

всѣ дороги запружены солдатами, пѣшими и конными... Никакого, кто попадетса навстрѣчу, безъ допроса вѣшаютъ... Я залѣзъ на дерево и смотрѣлъ оттуда... идутъ прямо къ хутору пана, и ужъ навѣрно тамъ теперь все выжжено, и весь народъ перебитъ... мнѣ на каждомъ шагу встрѣчались бѣглецы... Сколько коней бродить по полямъ и по лѣсамъ безъ хозяевъ, мой пане! Кабы было ихъ куда отвести, — цѣлый табунъ можно бы изъ нихъ составить, богатымъ человѣкомъ сдѣлаться, — прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Куда же намъ дѣться? — задалъ себѣ въ недоумѣніи вопросъ Стишинскій, совершенно растерявшись отъ услышанныхъ вѣстей. — Попросить развѣ убѣжища у матери Маріи, въ монастырѣ?

— У матери Маріи?! О, какъ видно, что мой пане понятія не имѣетъ о томъ, что происходитъ по всей странѣ! Мать Марія еще вчера бѣжала со всѣми сестрами изъ монастыря, и не успѣла она скрыться, какъ пришли туда солдаты и поселились въ немъ. Приготовили помѣщеніе для генерала, котораго ждуть съ минуты на минуту съ цѣлымъ полкомъ, и какъ только они придутъ, тотчасъ же кинутся на Любишки... съ ружьями, съ саблями съ пушками... Ой, вай! Что съ нами со всѣми здѣсь будетъ! Можно умереть отъ одного ожиданія! — произнесъ онъ дрожавшими губами, ежась и жмурясь отъ ужаса.

— Куда же, куда же ѣхать? — повторялъ съ возрастающимъ отчаяніемъ молодой отецъ семейства. — Обратиться развѣ за помощью въ здѣшній монастырь?

— Въ монастырѣ панове не примутъ, панове москальской вѣры... а за послѣдніе дни все больше поляки одолѣваютъ, и на хуторъ пана напали поляки; раньше, чѣмъ своихъ убивать и грабить, они захватятъ имущество схизматиковъ и перебѣгутъ изъ нихъ, сколько можно будетъ... Панове вѣрно слышали, что пріѣхалъ въ Варшаву отъ папы курьеръ съ индульгенціями для вѣрныхъ сыновъ его святой церкви...

Объясненія словоохотливаго жида были прерваны вмѣшательствомъ старой Мариськи.

— Что вы его, баринъ, слушаете? Вѣдь онъ жидъ, а развѣ жиду можно вѣрить? — вскричала она, обращаясь то къ своему господину, то къ Яцеку. — Поѣзжайте-ка съ Богомъ въ нашъ монастырь, къ матери Маріи. Поѣхалъ же къ ней съ семьей нашъ багюшка, значитъ, ничего тамъ еще не случилось... Ты, вѣрно, жидъ пархатый, боишься господъ вести? — накинута она на фактора, который при ея появленіи боязливо попятился къ двери. — Такъ мы и безъ тебя обойдемся... Грицко знаетъ дорогу не хуже тебя... Да вотъ и онъ! Довезешь господъ въ обитель матери Маріи? — обернулась она къ появившемуся въ сѣняхъ, тускло освѣщенныхъ сальнымъ огаркомъ въ фонарѣ, подвѣшенномъ къ потолку, высокому и сутуловатому малому въ длинномъ жупанѣ и съ включенной копной свѣтлыхъ волосъ на головѣ.

— А здѣсь кто же останется? — замѣтилъ баринъ, очнувшись наконецъ отъ тяжелаго замѣшательства.

— Что жь, я, пожалуй, доведу, — медленно произнесъ хладнокровный хохоль, на попеченіе котораго Стишинскіе рассчитывали оставить весь домъ, въ полной увѣренности, что лучше его никому не сохранить его.

Грицко сопутствовалъ барину въ походахъ и, находясь въ постоянномъ общеніи съ русскими солдатами, выучился съ ними говорить и ладить даже и тогда, когда они были такъ пьяны и разъярены, что сами себя не понимали. На кого же оставить домъ, если взять его съ собою?

— Ни съ какой стороны невозможно подѣхать къ обители, — позволилъ себѣ снова возвысить голосъ Яцекъ, пользуясь замѣшательствомъ, выражавшимся на взволнованномъ лицѣ Стишинскаго. — Кабы побѣждали москаля, ну, тогда... тогда и у папистовъ панове нашли бы убѣжище, но москалей вездѣ бьютъ...

— А ты убирался бы вонъ, коли везти панове отказался! — накинулась на него Мариська въ то время, какъ Грицко молча и съ видомъ глубочайшаго презрѣнія на него покосился. — Бѣги къ ляхамъ, тамъ ты будешь нуженъ... паненокъ къ монахамъ везти, — продолжала она, выталкивая жида изъ сѣней на дворъ.

А затѣмъ объявила барину, что караулить домъ останется она, Мариська, и пусть только господа скорѣе уѣзжаютъ.

Впрочемъ, ничего больше не оставалось дѣлать: прибѣжала дѣвчонка, крича изо всѣхъ силъ: «несутся! несутся!» — а изъ другой двери вбѣжала барыня, таща за рученку заспанную дочку. До ушей ея долетѣли дикіе крики, звонъ оружія, лошадиный топотъ... Навѣрное ужъ дерутся подъ самыми Любишками, и выстрѣлы раздаются со стороны замка...

А чтобъ уѣхать на хуторъ, надо было проѣзжать мимо этого замка... Дольше медлить было невозможно, пришлось принять предложеніе Мариськи и оставить на ея попеченіе домъ, а самимъ сѣсть въ фуру, забравъ баулъ съ драгоценностями и все, что можно было захватить изъ имущества, и, съ Грицкомъ на козлахъ, пуститься въ дальній, полный таинственной неизвѣстности путь.

Много приключеній, одно непріятнѣе и опаснѣе другого, пришлось испытать шляхтичу Козиму Стишинскому съ женою и съ дочерью, пока имъ наконецъ не удалось выбраться на дорогу въ Смоленскъ, на которую они рѣшились выѣхать, чтобъ достигнуть Москвы, послѣ того какъ пришлось убѣдиться, что не спасти имъ ни дома въ Любишкахъ, ни хутора, опустошенныхъ до тла воюющими, при кровавыхъ стычкахъ, послѣ которыхъ вся мѣстность

переходила то во власть русскихъ, то снова отбивалась поляками, чтобъ черезъ нѣсколько дней опять достаться москалямъ.

Нѣсколько разъ, оставивъ семью въ безопасномъ мѣстѣ, разъ у пасѣчника въ дремучемъ лѣсу, другой разъ въ женской обители на русской землѣ, Стишинскій отправлялся одинъ верхомъ развѣдывать по окрестностямъ, какъ ѣхать дальше, не рискуя попасть въ западню разбойниковъ, или чтобъ не наскочить на шайку дезертировъ, отстававшихъ отъ войскъ съ цѣлью поживиться на счетъ несчастныхъ бѣглецовъ изъ деревень и хуторовъ, мѣстечекъ и городовъ, спасавшихся бѣгствомъ отъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Пробродивъ нѣсколько дней по разоренной и опустѣвшей мѣстности, онъ возвращался назадъ съ свѣдѣнiami, до такой степени разнорѣчивыми и невѣрными, что, если и пускался съ семьей въ дальнѣйшій путь, то потому только, что оставаться на мѣстѣ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе: нигдѣ не были имъ рады, всѣ были поглощены заботами о спасенiи собственной жизни, и всюду присутствiе чужой семьи было въ тягость.

Всѣ надежды на помощь исчезали одна за другой.

Первое разочарованiе постигло ихъ при приближенiи къ женскому монастырю, гдѣ у нихъ была знакомая игуменiя, мать Марiя. Ядѣкъ на этотъ разъ не совралъ: за версту до обители наши бѣглецы услышали злобѣщiй шумъ и гамъ, поднятый солдатами въ нѣкогда столь тихихъ и мирныхъ кельяхъ монахинь. Поразспросивъ бѣгущую оттуда бабу, Грицко, ни слова не говоря господамъ, повернулъ лошадей въ противоположную сторону и погналъ ихъ къ мызѣ знакомаго шляхтича, у котораго были вѣскiя причины рассчитывать на убѣжище. Но и здѣсь ихъ ждала неудача. Хозяинъ, панъ Голубицкiй, самъ вышелъ навстрѣчу къ бывшему другу и даже отчасти благодѣтелю (Стишинскiй помогъ ему въ прошломъ году выпутаться изъ когтей безжалостнаго кредитора, чѣмъ спасъ его отъ разоренiя) и объявилъ съ низкими поклонами, прижимая руки къ сердцу и поднимая глаза къ небу, призывая всѣхъ святыхъ въ свидѣтели своей скорби, что онъ никакъ не можетъ пустить къ себѣ ночевать дорогаго друга съ семьей даже и на одну ночь: у него остановился самъ панъ полковникъ со свитой офицеровъ и капелланъ вельможнаго пана Ржевусскаго.

Не давъ своему господину, отвѣтить на дерзкiй отказъ, Грицко стегнулъ лошадей и умчалъ своихъ господъ дальше.

Пришлось переночевать въ лѣсу, въ оврагѣ, а на слѣдующiй день пуститься на новые поиски.

Цѣлыхъ двѣ недѣли кружились они такимъ образомъ по мѣстности, разоряемой войною, натываясь то на мызы, замки и монастыри, обращенные въ груды пепла или въ казармы, то на такихъ прохвостовъ, какъ панъ Голубицкiй: Отъ попадавшихся навстрѣчу бѣглецовъ они узнавали о перипетiяхъ войны и что счастье на-

чинаетъ наконецъ поворачиваться на сторону русскихъ, которымъ удалось завладѣть многими мѣстечками, и которые гонятъ поляковъ навадъ къ Варшавѣ. Но Стишинскимъ отъ этого было не легче; всюду натывались они на опустѣвшія и разоренныя жилища, гдѣ нельзя было найти даже корки хлѣба. Доѣвши все до послѣдней крошки и выпивъ все до послѣдней капли, войска шли дальше. Кабы не жида, перемерло бы больше народу отъ голода, чѣмъ отъ огня и меча.

И вотъ, однажды, когда отчаяніе ужъ начинало овладѣвать несчастнымъ шляхтичемъ, когда онъ не видѣлъ себѣ ниткуда надежды и поддержки, когда все — и обстоятельства и люди, точно сговорившись, возставали противъ него, покидая его на произволъ злой судьбы, когда, куда бы онъ ни обернулся, всюду встрѣчалъ враждебность и злой противъ себя и своихъ умыселъ, — счастье наконецъ ему улыбнулось, и ему удалось увидѣть знакомаго человѣка въ начальникѣ коннаго отряда, вѣхавшаго въ тотъ самый лѣсъ, гдѣ они ужъ много дней скрывались отъ мародеровъ, точившихъ зубы на ихъ крѣпкую помѣстительную фуру, на запряженную въ нее пару добрыхъ коней, на остатки ихъ имущества и, кто знаетъ, можетъ быть, на хорошенькую его жену.

Обрадовался неожиданной встрѣчѣ и Лыткинъ, командиръ отряда. Лѣтъ шесть тому навадъ дрались они въ одномъ полку противъ татаръ, успѣли подружиться, а затѣмъ судьба закинула ихъ другъ отъ друга такъ далеко, что мало-по-малу самое воспоминаніе объ этой дружбѣ изгладилось изъ ихъ памяти. Но тутъ все вспомнилось, и долго передавали они другъ другу все, что имъ пришлось испытать хорошаго и худого съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись въ послѣдній разъ. Узнавъ, въ какую бѣду попалъ Стишинскій, благодаря войнѣ, Лыткину стало совѣстно жаловаться на собственныя неудачи и непріятности. Что значила его печаль въ разлукѣ съ близкими, опасности и неудобства, сопряженныя съ войной, сравнительно съ поистинѣ трагическимъ положеніемъ пріятеля! Дрожать каждую минуту за жизнь любимой жены и ребенка, сознавая свое безсиліе ихъ защитить! Лишиться всего состоянія и изъ человѣка съ хорошими средствами къ жизни внезапно превратиться въ бездомнаго бродягу!

— Я покажу тебѣ мою Зосю, ты увидишь, какъ она мила, нѣжна, безпомощна, и ты поймешь, какъ меня страшить будущее, — говорилъ Стишинскій, ободренный участіемъ, съ которымъ его слушали. — Утративъ всякую надежду спасти свое имущество въ Польшѣ, я рѣшилъ ѣхать въ Москву, оставить тамъ семью и снова поступить на царскую службу. Отъ мѣстечка Любишекъ осталась, говорятъ, только гряда пепла, а хуторокъ нашъ сгорѣлъ еще раньше, и теперъ неизвѣстно даже, къ кому перешла моя земля.

Его собесѣдникъ замѣтилъ на это, что вся эта мѣстность теперь завоевана русскими, и что онъ посланъ начальствомъ именно въ Любишки, чтобъ приготовить въ католическомъ монастырѣ главную квартиру для своего командира.

— Ты, разумѣется, не откажешься разузнать, что случилось съ моимъ домомъ и съ несчастной старухой, которую мы оставили охранять наше имущество, а также куда дѣлись и остальные наши люди?—съ живостью спросилъ Стишинскій.

— Я сдѣлалъ бы это и безъ твоей просьбы,—отвѣчалъ Лыткинъ.— И знаешь что,—продолжалъ онъ, точно обрадовавшись новой мысли, блеснувшей у него въ умѣ,—всего было бы лучше, если бъ ты самъ съ нами туда поѣхалъ? Я представилъ бы тебя нашему начальнику, онъ сказалъ бы про тебя царю, и тебя живо бы къ намъ зачислили въ полкъ, и ужъ тогда, самъ долженъ понять, что и землю, гдѣ былъ твой хуторъ, и мѣсто, гдѣ былъ твой домъ, тебѣ бы возвратили, и денегъ бы, можетъ быть, дали изъ контрибуціи на возстановленіе разореннаго хозяйства... Во всякомъ случаѣ, потерять отъ этого ты не можешь, а выиграть можешь многое.

— А куда же я дѣну Зосю мою съ дочерью?—возразилъ ошеломленный неожиданнымъ предложеніемъ Стишинскій.

— Ты везъ ихъ въ Москву?

— Да, мнѣ хочется ихъ тамъ устроить къ какимънибудь добрымъ людямъ, а самъ буду хлопотать о поступленіи на службу. На сбереженія, которыя мнѣ удалось увезти съ собою, намъ можно прожить съ годъ, а за это время, можетъ быть, удастся пристроиться.

— Добрые люди, о которыхъ ты сейчасъ упомянулъ, у тебя ужъ въ виду есть?

— Никого у меня въ Москвѣ нѣтъ, я въ этомъ городѣ никогда не былъ.

— Ну, я могу тебѣ въ этомъ помочь, у меня мать живетъ въ Москвѣ, и она рада будетъ приютить у себя жену и ребенка моего пріятеля,—объявилъ Лыткинъ.— Ей, старухѣ, это даже большое развлеченіе составить, давно желательно ей дитенка поняньчить, и очень она горюетъ, что внуковъ у нея нѣтъ. А чтобъ довести твою семью благополучно до мѣста, я отпущу съ нею моего Ивашку, котораго при послѣдней схваткѣ такъ ловко хватилъ по рукѣ саблей ляхъ, что намъ здѣсь онъ только въ тягость. Прямехонько къ нашему дому у Никитскихъ воротъ доставить онъ твою супругу съ дочкой, и преспокойно прожить онъ у моей матери до нашего возвращенія въ Москву. И привезу я тебя къ намъ, въ сердце Россіи, уже совсѣмъ русскимъ, отличившимся на полѣ брани, можетъ быть, на глазахъ царя; онъ умѣетъ цѣнить доблесть и удалство, а ты такимъ молодцомъ показалъ себя съ татарами,

что и теперь въ грязь лицомъ не ударишь! Рѣшайся же скорѣй, счастье въ твоихъ рукахъ, упустишь фортуна, она больше никогда къ тебѣ не вернется,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ, которымъ слушатель его, отъ природы восторженный и не разъ жалѣвшій, что обстоятельства не дозволяютъ ему принимать участіе въ кипѣвшемъ вокругъ него боѣ, такъ заразился, что съ первыхъ же его словъ всѣмъ сердцемъ принялъ его предложеніе.

Чѣмъ страдать отъ войны пассивно, прятаться, какъ баба, отъ враговъ въ лѣсныхъ дебряхъ, оставляя родовое имущество на произволъ грабителей, не лучше ли вмѣстѣ съ этимъ добрымъ и храбрымъ малымъ драться за Россію, за ея геніальнаго представителя, царя Петра?

Онъ и стрѣлять умѣлъ отлично и рубиться саблей выучился съ раннихъ лѣтъ, онъ будетъ полезенъ, непременно отличится, и царь его замѣтитъ, а замѣтивъ приблизитъ къ себѣ, и тогда счастье его семьи будетъ упрочено, даже если не удастся спасти разоренное имущество... Въ томъ, что его Зосѣ съ дочерью будетъ хорошо у матери его пріятеля, онъ тоже не сомнѣвался, она должна быть такая же добрая, великодушная женщина, какъ и ея сынъ, и ужъ одно то, что онъ ихъ къ ней посылаетъ, можетъ служить порукой ея къ нимъ добраго расположенія...

— Ну, что-жъ, принимаешь ты мое предложеніе? — спросилъ послѣ небольшого молчанія Лыткинъ, немного озадаченный раздумьемъ своего собесѣдника и невольно принимая раздумье это за нерѣшительность.

Не будучи въ силахъ произнести ни слова отъ душившаго его волненія, Стишинскій молча протянулъ ему, въ знакъ согласія, руку, которую старый его товарищъ съ просіявшимъ радостно лицомъ крѣпко пожалъ.

Позвали Ивашку, раненаго въ руку денщика, объяснили ему, что отъ него требуется, и вмѣстѣ съ нимъ отправились къ фурѣ, на которой Зося, видѣя себя отъ нетерпѣнія, ожидала возвращенія мужа.

Однако, какъ ни была она взволнована, но когда Грицко объявилъ ей, что баринъ идетъ къ нимъ съ какимъ-то чужимъ офицеромъ, она, не медля ни секунды, принялась приводить свою прическу и костюмъ въ порядокъ и даже успѣла убрать такъ нарядно свою дочку, что обѣ онѣ произвели самое пріятное впечатлѣніе на Лыткина. Такихъ душекъ мать его не можетъ не полюбить, онѣ съ перваго взгляда располагали къ себѣ всѣ сердца.

Къ разлуцѣ съ мужемъ, къ необходимости ѣхать одной въ незнакомый городъ и къ незнакомымъ людямъ Зося отнеслась скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ печалью и страхомъ. И мужъ ея, и его пріятель наперерывъ твердили ей, что разлука долго

продолжаться не можетъ, что война подходитъ къ концу, что мужъ ея вернется къ ней, покрытый славой и отличенный самимъ царемъ, что всѣ ихъ дѣла устроятся, какъ нельзя лучше; благодаря его участію въ войнѣ, и Зосѣ было такъ приятно всему этому вѣрить, что для грустныхъ мыслей не было мѣста въ ея умѣ и сердцѣ. А когда, оставшись съ нею наединѣ, мужъ передалъ ей ключи отъ шкадулокъ и бауловъ съ серебромъ и драгоценными вещами и, снявъ съ себя кожаную сумку съ червонцами и отсчитавъ себѣ изъ нихъ нѣсколько, надѣлъ ей на шею эту сумку съ остальными, она совсѣмъ повеселѣла и тогда только расплакалась, когда наступила минута разставанія. Рыдая прижималась она къ груди взволнованнаго мужа, съ трудомъ сдерживавшаго слезы, въ то время, какъ ихъ трехлѣтняя дѣвочка, съ недѣтскимъ выраженіемъ тоскливаго испуга въ большихъ черныхъ серьезныхъ глазахъ, не выпуская изъ своихъ рученокъ руку отца, терпѣливо ждала своей очереди въ послѣдній разъ поцѣловать его.

Быстро примирилась Зося со своимъ положеніемъ соломенной вдовы и съ возрастающимъ любопытствомъ всматривалась въ попадавшіяся имъ навстрѣчу все чаще и чаще русскія села, съ золотоглавыми церквями и богатыми господскими усадьбами. Когда они останавливались въ этихъ усадьбахъ, чтобъ покормить лошадей или переночевать, живущіе въ нихъ господа присылали холопа или холопку узнать о проѣзжихъ: кто да кто такіе? откуда и куда путь держать? И узнавъ, что молодая барыня ѣдетъ изъ Польши, спасаясь отъ ужасовъ войны, господа приглашали ее съ ребенкомъ у нихъ отдохнуть въ хоромахъ, гдѣ задерживали ихъ часто на нѣсколько дней и отпускали нагруженныхъ съѣстными припасами на дѣлю недѣлю.

Особенно располагало русскихъ людей къ Зосѣ то обстоятельство, что она, хотя по рожденію поляка, но крещена въ православную вѣру, значить, все равно, что русская, несмотря на то, что по-русски говорить смѣшно, и во всемъ у нея иностранная повадка: одѣта, какъ ряженая, и ничуть не стыдится говорить и смѣяться съ мужчинами. Занятная бабенка и при деревенской скукѣ большое можетъ доставить развлеченіе.

Узнавъ, что она ѣдетъ въ Москву къ боярынь Лыткиной, которая живетъ въ своемъ домѣ у церкви Большого Вознесенія, и у которой сынъ на войнѣ вмѣстѣ съ мужемъ Зоси, ей убѣдительно наказывали посѣтить такихъ-то и такихъ-то друзей и родственниковъ жителей деревни, при чемъ, вмѣсто рекомендательныхъ писемъ, по безграмотности тогдашняго времени женщинъ самаго высшаго круга, еще не вошедшихъ въ употребленіе, ей давали отвезти въ Москву деревенскіе гостинцы, бурачки съ сушеными ягодами, лукошки съ начинавшими уже поспѣвать яблоками и грушами, штуку тонкаго домашняго полотна, собственной

работы полотенецъ, вышитое разноцвѣтными шелками, смотря по степени любви и уваженія, которыя имѣлось въ виду оказать дорогому человѣчку черезъ прїѣзжую изъ далекой страны свидѣтельницау происходившихъ тамъ ужасовъ.

Начатое столь горестно путешествіе оканчивалось такъ весело и прїятно, что, увлекаясь интересными впечатлѣніями и радужными мечтами, Зося все рѣже и рѣже вспоминала про мужа.

Наконецъ, въ концѣ восьмой недѣли со дня ея выѣзда изъ Любишекъ, засверкали передъ ея очарованными глазами золотые кресты на московскихъ храмахъ, и когда Грицко, обернувъ къ ней улыбающееся лицо, вымолвилъ, указывая кнутовищемъ на красиво раскинувшійся на далекое пространство, утопающій въ зелени городъ: «вотъ, пани, наша Москва!»—сердце ея заколотилось радостнымъ предчувствіемъ, и, не выпуская дѣвочки своей изъ рукъ, она высунула свою хорошенькую граціозную головку изъ фуры, чтобъ охватить любопытнымъ взглядомъ незнакомое мѣсто, гдѣ ей суждено жить.

Какой странный городъ! Совсѣмъ не похожъ на Варшаву, гдѣ она много разъ бывала съ боярыней, взявшей ее на воспитаніе, когда ей не было еще трехъ лѣтъ, отъ бѣдныхъ, разоренныхъ войной и внутренними смутами, родителей. Издали никакихъ не видать строеній, кромѣ церквей, и ихъ, кажется, такое множество, что она съ удивленіемъ спрашивала себя: да гдѣ же тутъ люди живутъ?

День клонился къ вечеру, и чѣмъ ближе они подѣзжали, чѣмъ громче и внятнѣе долеталъ до нихъ звонъ колоколовъ... совсѣмъ другой, чѣмъ въ Польшѣ, такой властный, торжественный, проникающій въ самую душу...

О, Зося Стишинская была очень расположена любить Россію и раньше, но теперь она чувствовала себя совсѣмъ русской и радовалась, что она православная, а также и мужъ ея, и ихъ дѣвочка. Русскій князь, въ домѣ котораго она выросла, былъ вполне правъ, настаивая на томъ, чтобъ призрѣнная ими дѣвочка была обращена въ православіе: настоящими русскими могутъ быть только православные, только православные...

Если удобство и прїятность быть православной въ Россіи Зося стала ощущать въ первые дни своего прїѣзда сюда, то здѣсь, въ Москвѣ, она это испытала еще сознательнѣе.

Боярыня Лыткина приняла жену товарища сына съ распростертыми объятіями. Домъ у нея былъ съ виду невзрачный, низкій, расплзшійся въ длину и ширину среди густого сада. Съ улицы, изъ-за забора, его не видно было, но въ немъ было свѣтло, уютно и просторно. Лыткина жила одна, окруженная многочисленной дворней, вся въ Богѣ и въ сынѣ, выѣзжая только въ монастырь на могилу мужа и родителей да въ приходскую церковь.

Зосѣ съ дочерью отвели цѣлое помѣщеніе на антресоляхъ. Ивашка, щедро награжденный боярыней, поотдохнувъ съ дороги, отправился на родину, а Грицко остался при своихъ господахъ, замѣняя Елизаветкѣ няньку.

Впрочемъ, у него здѣсь объявилось такое множество помощницъ въ ухаживаніи за ребенкомъ, что онъ самовольно взялъ на себя должность садовника при обширномъ садѣ, запущенномъ и одичаломъ.

Первое время онъ только похаживалъ по этому саду, покачивая головой и поглядывая на чахлыя деревья и кусты, но потомъ не вытерпѣлъ и сталъ здѣсь все передѣлывать по-своему. Покажетъ онъ москалямъ, какіе тутъ могутъ расти ягоды и плоды! Покажетъ онъ имъ, какъ у нихъ въ Малороссіи садами занимаются!

Новое занятіе не заставляло его забыть прямую свою обязанность, и верховодилъ онъ попрежнему воспитаніемъ маленькой барышни; безъ его разрѣшенія даже гулять въ садъ никто не рѣшался ее выносить, и сама Авдотья Петровна Лыткина совѣтовалась съ нимъ во всемъ, что касалось ребенка, къ которому она съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывалась.

А Зося тѣмъ временемъ наслаждалась, въ полномъ смыслѣ этого слова, жизнью. И времени, и охоты, и случая было для этого достаточно.

Знакомство у нея въ самомъ скоромъ времени завязалось въ Москвѣ пребольшое. Не говоря ужъ про тѣхъ, кому она развезла гостинцы изъ деревень, и которые обошлись съ нею ласково и привѣтливо, ей удалось даже проникнуть къ двору царевенъ, родственницъ самого царя, съ легкой руки котораго иностранцы стали входить въ Россіи въ такую моду, что для того, чтобъ ему и его близкимъ понравиться, въ каждомъ боярскомъ домѣ считали нужнымъ ихъ ласкать.

Царица Прасковья Ѳеодоровна жила просто, а ужъ въ особености въ Москвѣ, вдали отъ строгаго племянника, требованіямъ котораго было такъ тяжело подчиняться приверженцамъ старыхъ русскихъ обычаевъ и ненавистникамъ иностранныхъ новшествъ. Здѣсь можно было принимать людей, по рангу своему не принадлежавшихъ къ придворному штату, какъ, напримѣръ, вдову дворянина Лыткина, съ которой царица познакомилась во время похода на поклоненіе мощамъ преподобнаго Сергія.

Покалякавъ съ Авдотьей Петровной въ садикъ настоятеля, царица милостиво ее пригласила навѣстить ее въ Москвѣ; приглашеніе было принято, и между царицей и Лыткиной завязалась дружба. Когда Лыткина долго не являлась къ ней, царица сучала и приказывала своей ближней боярынь ея провѣдать. Этою честью и милостью умная и осторожная Авдотья Петровна не хва-

сталась, сплетенъ заводитъ про это было, значить, не изъ чего, и, кромѣ удовольствія, знакомство ни той, ни другой ничего не приносило.

Про Зосю царица узнала отъ ближней своей боярыни, встрѣтившей хорошенькую полячку у одной изъ новыхъ знакомыхъ этой послѣдней, и заинтересованная царица приказала эту самую польку къ ней привести, что было, разумѣется, немедленно исполнено.

Зося и ей понравилась. Таковую можно и царю показать, останется доволенъ, онъ любитъ такихъ разбитныхъ хохотушекъ, мастерицъ и поплясать, и поболтать, и пожеманничать. Чтобъ имѣть ее всегда подъ рукой, на случай пріѣзда царя или его близкаго, какъ Александра Даниловича Меншикова, напримѣръ, тоже большого охотника до такихъ вострушекъ, Зосѣ было предложено поселиться во дворцѣ, въ покойчикѣ, отдѣленномъ перегородкой отъ комнаты старшей камеръюнгферы.

И Зося согласилась. Не все ли равно ей было, гдѣ ни спать, когда весь день у нея проходилъ въ развѣздахъ, визитахъ, въ пѣніи и веселыхъ разговорахъ? Забѣгала она въ свою каморку только, чтобы переодѣться изъ одного наряда въ другой. Отъ приглашеній отбоя не было, на Зосю пошла мода. Такое наступило для нея хорошее житье, что умирать не надо. О мужѣ она вспоминала тогда только, когда являлась повидать дочку къ Авдотѣ Петровнѣ, а такъ какъ особеннаго удовольствія ей это не доставляло, и мысль о его возвращеніи скорѣе пугала ее, чѣмъ радовала, то она и старалась подвергаться этой непріятности, какъ можно рѣже.

Подъ счастливой звѣздой родилась Зося. Обстоятельства удивительно кстати для нея складывались: именно въ то время, когда въ неизвѣстности о судьбѣ мужа, отъ котораго не было никакихъ вѣстей, она колебалась принимать приглашеніе новаго своего покровителя, всесильнаго царскаго любимца Меншикова, пріѣхать къ нему погостить въ Петербургъ, боярыня Лыткина получила письмо отъ сына съ печальными извѣстіями: Лыткина, тяжело раненаго, приютили въ католическомъ монастырѣ, а другъ его, Стишинскій, пропалъ безъ вѣсти. Ни между мертвыми, ни между живыми его нѣтъ.

Пропалъ безъ вѣсти Зосинъ мужъ, и осталась она круглой сиротой въ Москвѣ. Но такое сиротство дай Богъ всякому. Никогда еще не было у нея такъ много друзей, покровителей и ухаживателей, какъ въ это время. Даже и недѣлки не дали ей погоревать по мужѣ. Царица повезла ее съ собою въ Питеръ, ей надарили пропасть нарядовъ и драгоценныхъ вещей, а такъ какъ самъ царь про нее вспомнилъ, увидавъ царицу Прасковью Федоровну, и спросилъ, привезла ли она съ собою воструху-польку, то можно себѣ представить, сколько приглашеній посыпалось на нее со всѣхъ

сторонѣ! Ни одного маскарада, ни одного комедійнаго представленія, ни одной ассамблеи безъ нея не обходилось; всѣ восхищались ея ловкостью въ танцахъ, въ разговорахъ, ея находчивостью и свободнымъ обращеніемъ съ мужчинами, которыхъ она сводила съ ума наивнымъ кокетствомъ.

Далеко было до нея глупымъ русскимъ боярынямъ и боярышнямъ, умѣвшимъ только, потупивъ очи, молчать, краснѣть да расхаживать павами. Тѣ же, которыя, въ угоду новымъ вѣяніямъ и чтобъ угодить царю, набирались бойкости и раввязности, казались такъ грубы и пошлы въ сравненіи съ граціозной полькой, что, кромѣ насмѣшекъ, ничего не возбуждали.

Бѣднымъ женамъ и невѣстамъ, у которыхъ она отбивала мужей и жениховъ, оставалось только утѣшать себя тѣмъ, что это у нея въ крови, и что за бѣсовскій даръ сводить съ ума мужчинъ ей на томъ свѣтѣ пощады не будетъ.

Она была очаровательна, но никто не могъ опредѣлить, въ чемъ именно заключалось обаяніе, которымъ она всѣхъ плѣняла: маленькая, щупленькая, худоцавая, гибкая, какъ змѣйка, съ большими исѣтра-зеленоватыми глазами, востроносенькая, съ крошечными ручками и ножками, она такъ мало была похожа на другихъ женщинъ, что казалась существомъ другой породы. Голосъ у нея былъ замѣчательно вкрадчивый и нѣжный, русалочный. И ко всему этому что-то такое наивное, дѣтское въ мысляхъ и чувствахъ, въ каждомъ взглядѣ и движеніи.

Однако, вмѣстѣ съ успѣхомъ росла къ Зосѣ и ненависть и зависть. Столько проливалось изъ-за нея слезъ, столько тратилось денегъ, столько выносилось обидъ и досады, что съ каждымъ днемъ оказывалось все больше и больше людей, желавшихъ ей гибели.

Ничего этого она не замѣчала и продолжала безсознательно пользоваться всѣмъ, что плыло ей въ руки, не спрашивая себя: откуда это и куда ее доведетъ? Пышно расцвѣли на благопріятной почвѣ зачатки себялюбія въ сухомъ ея сердцѣ и узкомъ, одностороннемъ умѣ. Сдерживаемыя раньше обстоятельствами и средой, природныя ея свойства выступили наружу во всей своей силѣ. О мужѣ она давно забыла, а про дѣвочку свою вспоминала только для того, чтобы пожалѣть, что она не съ нею, и что не отъ кого ей учиться искусству извлекать пользу изъ авантажей, которыми надѣлила ее природа. Старая дура Лыткина, женщина бѣвъ всякой полуры, чего добраго, сдѣлаетъ изъ нея нѣчто, похожее на тѣхъ кувалдъ, съ которыми Зося сталкивается въ высшемъ столичномъ обществѣ.

Давно взяла бы она ее къ себѣ и поручила бы ея воспитаніе своей камеръюнгферъ-нѣмкѣ, млѣющей передъ ловкостью и граціей своей госпожи, если бы не надежда, что старуха Лыткина,

окончательно опустившаяся духомъ и тѣломъ отъ печальныхъ извѣстій о медленно умирающемъ на чужбинѣ сынѣ, выразить можетъ быть, намѣреніе оставить все свое состояніе Елизаветкѣ, въ случаѣ смерти единственнаго своего наслѣдника.

Пользуясь своими связями въ военныхъ сферахъ, Зося навела справки объ офицерѣ Лыткинѣ и узнала, что онъ безнадеженъ. Въ католическомъ монастырѣ, гдѣ онъ находился, ожидали смерти его со дня на день.

— А что же ты, стрекоза, не спросишь про муженька своего?— съ лукавой усмѣшкой прибавилъ къ этому извѣстію сѣдой бояринъ, которому было поручено сообщить ей желаемыя свѣдѣнія о Лыткинѣ.— Или любо тебѣ въ соломенномъ вдовствѣ пребывать?— продолжалъ онъ ее поддразнивать, замѣтивъ, въ какое смятеніе привели ее его слова.

— Я знаю, что онъ пропалъ безъ вѣсти, не позаботившись увѣдомить меня о себѣ,—что же мнѣ про него разузнавать? Я же теперь хорошо вижу, что онъ меня никогда не любилъ,—проговорила она съ напускною развязностью.

— А вдругъ, какъ онъ объявится? — продолжалъ свою жестокую шутку бояринъ, забавляясь ея волненіемъ.

«Можетъ быть, онъ не шутилъ, а ждалъ только ея разспросовъ, чтобъ сказать ей, что мужъ ея не только живъ, но что даже извѣстно, гдѣ онъ находится и какъ думаетъ поступить съ женой, такъ легкомысленно отнесшейся къ его исчезновенію?»—вертѣлось у нея на умѣ въ то время, какъ противный старикъ, ухмыляясь, не спускалъ съ ея разстроеннаго лица пытливаго взгляда.

Да, онъ ждалъ разспросовъ, но ничего подобнаго не дождался: Зося предпочитала оставаться въ неизвѣстности. Сегодня она должна была въ костюмѣ викторіи участвовать въ живой картинѣ, устраиваемой у ея соотечественника, графа Ягужинскаго, на праздникъ въ честь царя. Хороша будетъ викторія съ смертельнымъ страхомъ въ душѣ отъ грозящей опасности! Нѣтъ, нѣтъ, надо про это забыть! Не можетъ онъ къ ней вернуться... Для чего ему было и пропадать, если бъ у него не было намѣренія покинуть и ее съ дочерью, и Россію навсегда?.. Очень можетъ быть, что онъ влюбился въ кого нибудь и такъ же, какъ она, ничего такъ не боится, какъ встрѣчи съ нею... во всякомъ случаѣ, всего лучше про это не думать, рѣшила она.

А время шло. Царь воевалъ, праздновалъ побѣды, казнилъ вчерашнихъ любимцевъ, приближалъ къ себѣ новыхъ, незнаемыхъ людей, путешествовалъ. Перемѣны эти Зоси не коснулись; Меншиковъ продолжалъ быть въ силѣ, а она сумѣла сдѣлаться во дворцѣ всемогущаго временщика своимъ человѣкомъ, почти членомъ семьи. Никакого опредѣленнаго положенія она тутъ не за-

нинала, но, всегда веселая, беззаботная и забавная, была здѣсь всѣмъ мила и нужна. И всѣ осыпали ее ласками и подарками. Постоянно можно было встрѣтить ее въ покояхъ княгини, княженъ, молодыхъ князей и ближнихъ къ нимъ людей. Пролѣзла она задворками, черезъ ближнихъ къ цесаревнамъ боярынь, и въ царскій дворецъ и полюбилась младшей цесаревнѣ, которая сама была такая красавица, умная и живая, что соперничества хорошенькой польки опасаться не могла. Жила Зося, какъ птичка небесная, безъ заботъ и труда, всегда прелестно разряженная, всегда окруженная толпою поклонниковъ, такъ часто мѣнявшихся, что они не успѣвали ей надѣсть. По временамъ, очень рѣдко, пробуждалась въ ней материнская нѣжность, и она ѣхала въ чей нибудь чужой каретѣ навѣститъ дочку въ домъ боярыни Лыткиной. Какъ мизеренъ казался ей теперь этотъ домъ! Какъ бѣдна его обстановка, и какъ смѣшонъ, выходявшій къ ней навстрѣчу съ маленькой барышней, старый Грипко!

Елизаветку насильно тащили къ матери. Она отъ нея такъ отвыкла, что забивалась подъ кровать или пряталась въ кусты, когда по двору разносилось извѣстie о приѣздѣ госпожи Стишинской. Въ изорванномъ перепачканномъ сарафанчикѣ, со включенными волосами и въ слезахъ, она производила на мать своею дикостью и мужицкими ухватками такое непрятное впечатлѣние, что Зося долго тутъ не засиживалась. Погладивъ кончиками пальцевъ, въ длинныхъ, расшитыхъ шелками французскихъ перчаткахъ, низко опущенную передъ нею упрямую головенку, она съ досадой спрашивала у смущенной Авдотьи Петровны, когда же наконецъ выучатъ Елизаветку не чуждаться матери, не закрывать себѣ лица рукавомъ и отвѣчать на вопросы. И, не дождавшись отвѣта, она, ко всеобщему удовольствію, поднималась съ мѣста и, выразивъ желаніе быть въ слѣдующій разъ лучше принятой, уѣзжала.

Какъ свободно дышалось въ этотъ день и въ послѣдующіе въ нивенькомъ домикѣ у Вознесенія! Какъ всѣмъ было весело и легко на душѣ! Можно было долго не ждать посѣщенія очаровательной маменьки.

Тихо и мирно протекала тутъ жизнь, вдали отъ страшныхъ политическихъ бурь, волновавшихъ близкую къ царскому двору сферу. О перемѣнахъ, происходившихъ въ Петербургѣ, да и здѣсь совсѣмъ отъ нихъ близко, въ Кремлѣ, у Лыткиной узнавали отъ старыхъ друзей, навѣщавшихъ Авдотью Петровну, да отъ приходскаго священника. Сама она, съ того дня, какъ узнала наконецъ, съ годъ спустя, о кончинѣ сына, совсѣмъ порвала со свѣтомъ и даже не ѣздила больше къ царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ, которая изрѣдка посылала узнавать про ея здоровье и приказывала ей передать черезъ ближнюю боярыню, что и сама она стала, со дня на день, все больше и больше хирѣть.

А Лизаветка съ дѣтами входила въ разумъ и начинала принимать близко къ сердцу досаду, горе и отчаянне окружающихъ, дѣпивѣвшихъ отъ ужаса при слухахъ, долетавшихъ въ мирный, скромный домикъ у Вознесенія и комментируемыхъ на всѣ лады пріятелями и пріятельницами старушки Лыткиной. Кручинилась дѣвушка вмѣстѣ съ благодѣтельницаей и съ ближними къ ней людьми о вѣрныхъ роднымъ устоямъ, терпящихъ гоненіе, болѣла сердцемъ за надежду русскихъ людей, царевича Алексѣя, терзаемаго отцомъ за нежеланіе онѣмечиваться и за любовь къ несчастной, изнавающей въ неволѣ, матери его, за именитыхъ бояръ, дѣтей прославившихъ Россію отцовъ и дѣдовъ, умиравшихъ въ мукахъ за вѣру православную, по родительскимъ завѣтамъ. Возмущалась она кощунственными забавами царя и вспомнить не могла безъ содроганія, что родная ея мать принимаетъ участіе въ этихъ грѣшныхъ забавахъ.

Много было въ то время такихъ уединенныхъ уголковъ въ Москвѣ, да и по всей Россіи, гдѣ въ низкихъ домикахъ, за высокими заборами и густыми садами, печалились о разрушеніи всего, чѣмъ держалась Россія.

Лизаветку именно въ такой уголокъ и закинула судьба. Здѣсь хоронилась будущая національная партія, измученная, обезсиленная, уповающая только на Бога во тьмѣ отчаянія собственными силами одолѣть врага, много страшнѣе и могучѣе татаръ и поляковъ.

А Зося тѣмъ временемъ плясала, наряжалась и веселилась.

Она сдѣлалась совѣтъ полькой. Все русское, навѣянное на нее воспитаніемъ въ русской семьѣ, безслѣдно слиняло съ нея въ новой средѣ, гдѣ всѣ старались подражать иностранцамъ и, наперерывъ другъ передъ другомъ, подавляли въ себѣ все русское и родное. Вводились нравы и обычаи, столь близкіе и милые сердцу Стишинской, что ей ничего не стоило съ ними освоиться.

Польская кровь сказала.

На нее начиналъ уже обращать вниманіе ксендзъ изъ домашней капеллы знатнаго иностранца, и если она не была еще совращена въ католичество, то потому только, что хитрый іезуитъ не усматривалъ большой выгоды въ легкой побѣдѣ надъ бабенкой, занимавшей въ обществѣ далеко не почетную роль шутихи.

Впрочемъ, положеніе это спасало ее и отъ бѣдъ. Опалы покровителей и ухаживателей на ней не отражались; когда пустѣлъ домъ, въ которомъ ей дали пріютъ, она переѣзжала въ другой, вотъ и все.

Переѣзжая съ благодѣтелями и благодѣтельницами съ мѣста на мѣсто, она иногда попадала въ Москву и навѣщала дочь. Но случалось это все рѣже и рѣже, такъ что при послѣднемъ свиданіи съ Лизаветкой, послѣ трехлѣтней разлуки, она нашла въ ней большую переѣвну. Вмѣсто востѣнчивой и упрямой дѣвочки, пря-

тавшей отъ нея лицо въ рукавъ и упорно молчавшей на всѣ ея вопросы, къ ней вышла высокая и стройная дѣвушка, съ серьезными и задумчивыми черными глазами, продолговатымъ лицомъ съ тонкими чертами и длинными, тоже, какъ смоль, черными косами.

Богъ знаетъ, въ кого уродилась такая, но только не въ мать и не въ отца. Въ семьѣ Стишинскихъ или Флевицкихъ, можетъ быть, и была такая прабабушка, но, должно быть, это было очень давно, потому что никогда Зося о такой не слыхала. Вотъ ужъ не ожидала она, что изъ Лизаветки выйдетъ такая внушительная особа. Подъ пристальнымъ и испытующимъ взглядомъ дочери ей было такъ не по себѣ, что она въ этотъ разъ оставалась въ домикѣ Авдотьи Петровны очень недолго.

«Не любить она меня»,—рѣшила она, простившись съ дочерью и возвращаясь къ той боярынь, при которой въ то время жила въ приживалкахъ, въ ожиданіи возвращенія главнаго своего покровителя, Меншикова, изъ чужихъ краевъ съ царемъ.

А любить она дочь, и любила ли она ее когда нибудь? -- вопросъ этотъ, разумѣется, и въ голову ей не приходилъ.

Лизаветка же, проводивъ мать, долго прохаживалась по аллеѣ изъ старыхъ липъ, а ватѣмъ, когда совсѣмъ стемнѣло, и фигура Грицка появилась у калитки, которую онъ никогда не забывалъ запираеть на ночь, чтобъ ребятишки изъ людской не испортили его клумбъ съ цвѣтами и не залѣзли бы къ вишнямъ въ грунтовой сарай, она, ласково ему кивнувъ, поднялась по ступенькамъ крылечка, выходявшаго изъ спальни Авдотьи Петровны въ садъ, тихо вошла въ комнату и, опустившись на колѣни передъ сидѣвшею съ чулкомъ въ рукахъ старушкой, объявила ей, что она согласна выйти замужъ за Петра Филипповича Праксина.

Авдотья Петровна такъ мало этого ожидала, что совсѣмъ опѣшила.

— Хорошо, Лизаветочка, я ему скажу... Да что жъ это ты такъ вдругъ надумала? Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, просила повременить съ этимъ дѣломъ...

Вмѣсто отвѣта дѣвушка прижалась лицомъ къ ея колѣнямъ и зарыдала.

— О чемъ ты, моя родная? О чемъ? Что случилось? Если онъ тебѣ не по сердцу, никто тебя не неволить... А торопиться и вовсе не для чего... Ты не перестарокъ, тебѣ еще и шестнадцать лѣтъ нѣтъ... жениховъ много еще объявится, и свѣтъ не клиномъ сошелся на Праксинѣ,—говорила Лыткина прерывающимся отъ волненія голосомъ.

-- Онъ хорошій, тетенька, и я его знаю, мнѣ другого мужа не надо,—возразила Лизаветка.—Пошли за нимъ скорѣе, пожалуйста,—умоляюще протянула она, съ отчаяньемъ въ голосѣ.

— Но зачѣмъ же скорѣе, моя золотая?

— Тетенька!—вскричала Лизаветка, сверкнувъ злобно глазами.—Пойми же ты, что я не могу ее больше видѣть... не могу... мнѣ слишкомъ тяжело... я насилу удержалась, чтобъ ей этого не сказать... она мнѣ прот...

Ей не дали договорить.

— Что ты, что ты!—прервала ее на полусловѣ Лыткина, зажимая ей ротъ рукой.—Христосъ съ тобой! Развѣ такъ можно?.. Вѣдь она тебѣ мать!

И обѣ зарыдали въ объятіяхъ другъ друга. Да, онѣ понимали другъ друга, и сблизило ихъ чувство постоянного страха за родныхъ по духу и ненависть къ иноземцамъ.

Лизаветка выросла совсѣмъ русской у Авдотьи Петровны. Укрѣпляясь подъ ея вліяніемъ въ православіи, она въ этой слѣпо и тепло вѣрующей средѣ съ каждымъ днемъ все глубже и глубже проникалась русскимъ духомъ, все сильнѣе и сильнѣе прилѣплялась къ своему новому отечеству и предавалась ему всѣмъ своимъ существомъ.

II.

Петра Филипповича Праксина Авдотья Петровна знала съ его дѣтства и была съ нимъ даже въ отдаленномъ родствѣ.

Онъ былъ сирота и богатъ. У него было подъ Москвой маленькое имѣніе да въ Костромскихъ лѣсахъ другое, много больше, у берега Волги. Въ имѣніяхъ этихъ онъ постоянно жилъ, наѣзжая въ Москву только по зимамъ и не забывая при этомъ заѣзжать къ старушкѣ Лыткиной, гдѣ и познакомился съ Лизаветкой. Онъ былъ старше ея лѣтъ на пятнадцать, но она была такая степенная и одинокая, что партія казалась для нея вполне подходящей.

О сватовствѣ Праксинъ заговорилъ съ Авдотьей Петровной съ мѣсяцъ тому назадъ, пріѣхавъ неожиданно лѣтомъ въ Москву, подъ предлогомъ какихъ-то дѣлъ, вызвавшихъ его изъ Костромскихъ лѣсовъ въ подмосковную. Лизаветочка такъ далека была отъ мысли, что Петръ Филипповичъ, можетъ сдѣлаться ея мужемъ, что въ первую минуту испугалась и не знала, что отвѣтить. Понимая ея замѣшательство по-своему, Лыткина сама рѣшила, что надо подождать и дать ей подумать, но она ошибалась, воображая, что Праксинъ ей не по сердцу: у Лизаветочки было къ нему странное, необъяснимое чувство, не похожее на любовь, правда, но еще меньше на отвращеніе. Когда въ обществѣ, собиравшемся у Авдотьи Петровны, чтобъ обмѣняться тяжелыми впечатлѣніями происходившихъ въ Россіи событій и погоревать подъ гнетомъ ниспосланнаго на родину мучительнаго испытанія, она взглядывала на Праксина, единственнаго человѣка, еще молодого между стариками, и ей не хотѣлось оторваться отъ его лица, съ горя-

щими, какъ уголья, страстно возбужденными глазами. Она читала въ глазахъ этихъ отраженіе собственныхъ чувствъ и мыслей, и онъ ей былъ въ эту минуту такъ близокъ, что, кажется, скажи онъ ей, чтобъ она шла за нимъ на край свѣта, она бы, не задумываясь, повиновалась ему.

Когда въ его отсутствіе она слышала про какой нибудь новый ужась, она тотчасъ же вспоминала про него, и когда она дѣлилась съ нимъ мысленно впечатлѣніями, ей начинало казаться, что онъ не за тридевять земель отъ нея, а тутъ, совсѣмъ близко, слышитъ, чувствуетъ то, что она чувствуетъ, и страдаетъ вмѣстѣ съ нею. А между тѣмъ они даже никогда не разговаривали наединѣ и обвинялись при всѣхъ только самыми обыденными фразами, не имѣющими ни малѣйшаго отношенія къ духовной связи, безсознательно существовавшей между ними.

Безсознательно съ ея стороны, а не съ его, потому что соединиться на всю жизнь ему первому пришло въ голову, а не ей.

Да, въ первую минуту Лизаветочка испугалась и попросила повременить отвѣтомъ на сдѣланное ей предложеніе, но посѣщеніе матери заставило ее рѣшиться перейти изъ-подъ опеки Лыткиной, не имѣвшей надъ нею другихъ правъ, кромѣ горячей привязанности; подъ власть мужа, вполне обезпечивающую ей независимость отъ единственнаго существа, близкаго ей по крови и нестерпимо чуждаго ей по духу.

Свадьбу сыграли тихо, безъ матери невѣсты.

Какой-то новый покровитель увезъ ее съ собою въ чужія земли, и вернулась она уже съ другимъ въ Россію, когда у дочери ея родился сынъ, первенецъ, названный при святомъ крещеніи Филиппомъ.

Восприемниками были старушка Лыткина и большой пріятель Праксина, бояринъ Федоръ Ермиловичъ Бутягинъ, тоже изъ опальныхъ и скрывавшійся отъ преслѣдованій въ монастырѣ преподобнаго Саввы Звенигородскаго, у настоятеля, доведившагося ему родственникомъ.

Молодые Праксины поселились въ домъ Лыткиной, такъ что съ выходомъ замужъ внѣшняя обстановка Лизаветы нисколько не измѣнилась; такъ же, какъ и раньше, проводила она время со своей благодѣтельницей въ просторныхъ покояхъ съ низкими потолками, обставленныхъ старой мебелью, стоявшей тутъ еще до рожденія Авдотьи Петровны, при родителяхъ ея покойнаго мужа, и въ саду, который, благодаря Грицку, процвѣталъ великолѣпно. Такихъ цвѣтвъ и фруктовъ не было и у царицы Прасковьи Федоровны, и когда она присылала узнавать о здоровьѣ своей старой пріятельницы, въ карету ея посланной, ближней боярыни, Грицко ставилъ корзину съ гостинцемъ, весьма въ кремлевскомъ дворцѣ цѣнямымъ: весной и лѣтомъ—цвѣты и ягоды, а осенью—яблоки, сливы и дули замѣчательной красоты и вкуса.

Но какъ оживился домъ, когда явился на свѣтъ Филипушка! Истинно можно сказать, точно солнышко взошло надъ скорбной жизнью Авдотьи Петровны, и воскресли подъ его живительными лучами давно умершія радости и надежды. Когда она нянчилась съ здоровенькимъ, веселымъ, красивымъ мальчикомъ Лизаветочки, ей часто казалось, что четверти вѣка какъ не бывало, и что она держитъ на рукахъ своего мальчика, покоящагося теперь неизвѣстно гдѣ, на чужбинѣ, въ нерусской землѣ.

Счастлива была и Лизаветочка, было ей теперь кого любить, для кого жить, была цѣль въ жизни, и самая ея любовь къ Россіи, воплощаясь въ любви къ сыну и къ мужу, приняла болѣе реальную форму: хотѣлось дѣйствовать, способствовать по мѣрѣ силъ и возможности счастью и величію родины сына, принадлежавшаго Россіи столько же, сколько и ей.

Къ старымъ друзьямъ тетюшки Авдотьи Петровны присоединились друзья Праксина. Когда Петръ Филипповичъ возвращался въ Москву изъ своихъ странствованій по дѣламъ, гостей къ нимъ наѣжало много и со всѣхъ концовъ Москвы. Сообщались новости и слухи, обмѣнивались впечатлѣніями, вмѣстѣ плакали и молились.

Политическая атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась, ни малѣйшаго просвѣта не предвидѣлось. Размолвка царя съ сыномъ, надеждой русскихъ православныхъ людей, усиливалась и принимала такіе размѣры, что можно было всего опасаться. Сторонники новой царицы дѣлали все выше и выше, нѣмцы всѣмъ продолжали верховодить, и дня не проходило, чтобъ какой нибудь русскій природный бояринъ, съ историческимъ именемъ, не былъ униженъ и оскорбленъ царемъ, который точно разума липился въ увлеченіи своемъ истребить все русское въ Россіи.

Толки, ходившіе по Москвѣ, становились все страшнѣе и страшнѣе. Царевичъ бѣжалъ въ чужіе края, и пособниковъ у него для этого отчаяннаго дѣла оказывалось такое великое множество, что не было дома, гдѣ бы не дрожали въ ожиданіи сысковъ и допросовъ.

Дрожали и въ домикѣ у Вознесенья, конечно. Чѣмъ больше узнавала Лизаветка своего мужа, тѣмъ сильнѣе и глубже она къ нему привязывалась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все лучше и лучше узнавала, какъ тѣсно связанъ онъ съ супротивниками царя, и какую видную роль онъ играетъ въ ихъ дѣятельности. Здѣсь, въ Москвѣ, ничего важнаго не предпринималось безъ его совѣта и одобренія. Наединѣ съ женой онъ никогда не говорилъ о томъ, что у него было на умѣ, и она его не спрашивала; достаточно знала она и безъ разспросовъ; надо было быть совсѣмъ душой, чтобъ не понимать, для чего проникаютъ черезъ садъ въ домъ, поздно ночью, какіе-то люди, которые, переговоривъ съ Петромъ Филипповичемъ, исчезали такъ же таинственно, какъ и являлись. Вскорѣ она убѣдилась, что Грицко сдѣлался ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ

ея мужа, и что впускаетъ и выпускаетъ ночныхъ посѣтителей въ домъ не кто иной, какъ онъ. Открытіе это ее успокоило. На Грицка можно было положиться, онъ дастъ себя въ куски изрѣзать, не вымолвивъ ни единого лишняго слова, человѣкъ, слава Богу, испытанный.

Самъ Петръ Филипповичъ Праксинъ былъ высокій, худошавый блондинъ, старообразной, аскетической наружности, скрытнаго, серьезнаго нрава.

Жизнь его такъ сложилась, что, если бъ онъ не сошелся съ Лизаветой, вѣкъ бы остался холостякомъ.

Онъ родился въ семьѣ, имѣвшей несчастье испытать на себѣ всѣ муки насильственнаго преобразованія Россіи на европейскій ладъ и представлявшей собою олицетвореніе стойкости въ убѣжденіяхъ, доходившей до крайнихъ предѣловъ. Не казненнымъ за сопротивленіе царю изъ многочисленной семьи Праксиныхъ остался только Петръ Филипповичъ, благодаря малолѣтству, да мать его, успѣвшая послѣ смерти замученнаго мужа постричься въ дальнемъ монастырѣ. Изъ имущества, конфискованнаго у казненныхъ, достался Праксину только небольшой хуторокъ подъ Москвой да нѣсколько сундуковъ домашней утвари и книгъ, въ-время схороненныхъ въ надежномъ мѣстѣ преданными слугами. Но когда ему минуло лѣтъ двадцать, дѣдъ съ материнской стороны оставилъ ему послѣ смерти крупный участокъ въ Костромскихъ лѣсахъ, у самаго берега Волги.

Выросши подъ гнетомъ опалы, тяготѣвшей надъ всѣми дѣтьми и ближними погибшихъ русскихъ людей, Праксинъ, какъ и всѣ ему подобные несчастливцы, жилъ въ постоянной заботѣ оставаться забытымъ и не попадаться на глаза наслаждающихся плодами своего отступничества, раздавателемъ которыхъ являлся всемогущій царь съ компаніей иноземныхъ приспѣшниковъ, сбѣгавшихся къ нему изъ всѣхъ европейскихъ странъ на готовую поживу. Петръ Филипповичъ дѣятельно занимался хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ, а также такими дѣлами, какими брезгали заниматься въ то время дворяне, а именно рубкою и сплавомъ лѣса въ далекія окраины и другими подобными этому промыслами.

Доставшійся ему участокъ въ Костромскихъ лѣсахъ крѣпко ему понравился, и онъ очень скоро сошелся близко съ сосѣдями своими, вольными людьми, между которыми нашелъ множество единомышленниковъ, спасавшихся здѣсь отъ преслѣдованія за вѣрность вѣрѣ и старымъ обычаямъ.

Кромѣ бѣжавшихъ сюда старовѣровъ и опальныхъ бояръ, жили тутъ и бѣглые крѣпостные и каторжники, промышлявшіе такими дѣлами, какъ поджогъ, грабежъ и убійство, но эти ютились не въ домахъ и не на хуторахъ, а въ землянкахъ, большею частью, въ одиночку, сходясь только для промысловъ и не только из-

бѣгая постоянныхъ обитателей, но и уважая ихъ собственность и покой.

Праксинъ нашель между новыми своими сосѣдями нѣсколько такихъ, какъ и онъ самъ, ушедшихъ въ лѣсъ изъ-за того только, чтобъ не сбривать бороды, не носить кургузаго нѣмецкаго платья и не якшаться съ людьми, покорившимися, страха ради іудейскаго, новымъ порядкамъ.

Послѣ каждаго посѣщенія Лебедина, такъ звали его лѣсное имѣніе, утверждался онъ все больше и больше въ мысли, что нигдѣ ему съ женой и съ дѣтьми, которыхъ ему пошлетъ Господь, не будетъ такъ хорошо и привольно, какъ въ лѣсу. Тамъ мечтали они устроить жизнь по-старинному и воспитывать дѣтей вдаль отъ соблазновъ, на устояхъ, заложенныхъ ихъ предками. А такъ какъ единомышленниковъ у нихъ было немного, то и позволительно имъ было залетать въ мечтахъ еще дальше личнаго духовнаго удовлетворенія и увлекаться надеждой положить начало настоящему російскому православному царству среди съ каждымъ днемъ все больше и больше онѣмечивавшагося государства.

Осуществленіе этой мечты задерживалось болѣзненнымъ состояніемъ старушки Лыткиной, оставить которую въ Москвѣ одну Праксины ни за что бы не рѣшились, даже и въ такомъ случаѣ, если бъ общественныя событія не поспѣшали одно за другимъ, не давая жаждающимъ перемѣны перевести духъ, въ постоянномъ колебаніи между страхомъ и надеждой.

Въ такое время вѣрные сыны родины не покидаютъ ея, не ищутъ себѣ удобства и покоя, а бодрствуютъ и готовятся къ дѣятельности.

Окончилось томительное дѣло несчастнаго царевича смертью страдальца. Съ новой силой началась травля русскихъ людей. Смелъ царскій гнѣвъ въ могилы, въ темницы, въ ссылку въ Сибирь да по дальнимъ монастырямъ и деревнямъ такое множество бояръ и боярынь, что Москва опустѣла. На каждомъ шагу попадались дома съ закованными ставнями, въ ожиданіи новыхъ хозяевъ изъ ненасытной стаи коршунувъ, питающихся отобранными отъ погибшихъ имѣніями и домами.

Ужасъ царилъ всюду, постепенно добираясь до отдаленнѣйшихъ деревень и мѣстечекъ. Въ столицахъ расправа уже кончилась, и побѣдители праздновали побѣду, пируя съ утра до вечера и съ вечера до утра, а въ глуши сыски, розыски, доносы, пытки только еще начинались и длились такъ долго, что царь умеръ раньше, чѣмъ всѣ замѣшанные и оговоренные въ дѣлѣ царевича Алексѣя были изловлены и преданы суду, т.-е. казни.

Тѣмъ временемъ сыночекъ Праксиныхъ подросталь и ужъ водилъ ослѣпшую отъ слезъ бабушку Авдотью Петровну въ церковь.

Когда ему минуло семь лѣтъ, отецъ привелъ въ домъ старика въ мужицкой одеждѣ и съ длинной бородой, съ которымъ всѣ обра-

щались чрезвычайно почтительно, невзирая на его простую одежду, большую суковатую палку и лапти на ногахъ, и представилъ его женѣ и теткѣ, какъ учителя для Филиппа, а Филиппу наказалъ строго-настрого слушаться Аѳанасія Петровича и уважать его, какъ родного отца.

Послали просить приходскаго батюшку, отслужили молебенъ, окропили святой водой столъ, обитый черной кожей, съ большой чернильницей, гусиными перьями, съ азбукой и указкой, а также и ученика, чтобъ Господь послалъ ему разумъ и понятіе примѣнить на пользу ученіе, и курсъ наукъ начался.

Къ восьми годамъ Филиппъ ужъ могъ читать за дьячка въ церкви и четьи-минеи бабушкѣ, зналъ церковную службу и всѣ необходимыя каждому христіанину молитвы и считалъ на счетахъ, какъ взрослый. И писалъ онъ прекрасно, такіе выводилъ выкрутасы перомъ, что, хоть любому писарю, такъ въ ту же пору.

Окружающіе были такого мнѣнія, что Филиппъ уродился весь въ мать, такой же острый умомъ и сердцемъ на все отзывчивый и впечатлительный, но онъ былъ откровеннѣе матери и не выучился еще, какъ она, сдерживать сердечные свои порывы.

Росъ онъ одинъ, въ средѣ зрѣлыхъ людей, проникнутыхъ до мозга костей высокою, отвлеченной цѣлью, кладущей отпечатокъ на всѣ ихъ слова, чувства, мысли и дѣйствія. Ограждать его отъ тяготѣнія къ этой цѣли никто не думалъ, напротивъ того, всѣ радовались, что растетъ лишній поборникъ на защиту того, что здѣсь считалось долгомъ защищать во что бы то ни стало, не щадя для этого жизни.

И вдругъ объявилась у Филиппа другая бабушка, о которой онъ зналъ только по тому, что каждое утро и каждый вечеръ выучился поминать съ близкими и дорогими именами отца, матери, бабушки Авдотьи Петровны, крестнаго раба Тимоѳея и учителя раба Божьяго Аѳанасія какую-то рабу Божью Софью, тоже бабушку по матери. Въ одно прекрасное утро, вскорѣ послѣ смерти царя Петра, у воротъ остановилась богатая придворная карета, и изъ нея вышла чудно разряженная боярыня, передъ которой Грицко бросился отворять калитку въ воротахъ.

Мальчикъ былъ съ матерью въ саду, и, завидѣвъ издали направлявшуюся въ ихъ сторону посѣтительницу, Лизавета такъ поблѣднѣла, что Филиппъ трепещущими отъ волненія губами спросилъ у нея:

— Кто это, мама?

— Твоя бабушка, голубчикъ, пойдемъ поцѣлуй, у нея ручку,— проговорила молодая женщина, срываясь съ мѣста, и, схвативъ сына за руку, поспѣшила навстрѣчу матери.

Какъ она измѣнилась, какъ постарѣла! Въ ней нельзя было узнать прежнюю Зосю, невзирая на румяна и бѣлила, которыми

было вымазано ея лицо съ преждевременными морщинами. Но подкрашенные прищуренные глаза смотрѣли такъ же беззаботно нагло, какъ и раньше, а на губахъ играла прежняя очаровательная улыбка.

Встрѣтилась она съ дочерью такъ, какъ будто разсталась съ нею только вчера, величественно протянула внуку руку, въ перчаткѣ, которую онъ, памятуя приказаніе матери, поднесъ къ губамъ, затѣмъ спросила:

— Ну, какъ ты поживаешь?—и, не дождавшись отвѣта, принялась распространяться о своемъ новомъ положеніи компаньонки при дамѣ сердца графа Ягужинскаго.

— Полька и католичка. Мы съ нею съ перваго раза сошлись на всю жизнь; она мнѣ сказала, что не разстанется со мною даже и въ томъ случаѣ, если приметъ предложеніе Меншикова, который предлагаетъ подарить ей домъ въ Петербургѣ, если она покинетъ графа, но она не хочетъ... А Александръ Даниловичъ теперь въ большей силѣ, чѣмъ при царѣ Петрѣ, императрица безъ его позволенія ничего не дѣлаетъ... Покажи же мнѣ твоего мужа, вѣдь это смѣшно, что я до сихъ поръ не видѣла моего зятя! Но эти десять лѣтъ пролетѣли, какъ въ чадуду... Ты знаешь, у меня теперь ужъ два брильянтовыхъ парюра и имѣніе... одно изъ Кикинскихъ... гдѣ-то далеко, я тамъ не была и хочу его продать... Это мнѣ Александръ Даниловичъ устроилъ...

— Меншиковъ? — спросилъ Филиппъ, внимательно прислушавшійся къ разговору:— тотъ, который царевича подвелъ?

Глазенки его сверкали, и голосъ дрожалъ отъ волненія. Мать съ искугомъ приказала ему знакомъ смолкнуть, но было уже поздно: Зося услышала замѣчаніе внука и, широко раскрывая свои подкрашенные глаза, обратилась къ дочери съ вопросомъ:

— Откуда мальчикъ выучился политиканствовать? Напрасно ты не высѣчь его за то, что онъ позволяетъ себѣ говорить о томъ, о чемъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія... Это можетъ имѣть и для него, и для всѣхъ васъ скверныя послѣдствія... И все это потому, что вы живете въ этой противной, затхлои, грубой и глупой Москвѣ... въ Россіи можно жить только въ Петербургѣ и при дворѣ... Тамъ дѣйствительно вполнѣ иностранная полура, почти какъ въ Варшавѣ...

— А вы были въ Варшавѣ?—поспѣшила дать разговору другой оборотъ Лизавета.

— Была. А что? Я туда пріѣзжала въ такомъ важномъ обществѣ, что меня принимали, какъ царицу, праздники устраивали въ мою честь... а когда я на балѣ у короля протанцовала мазурку, всѣ чуть съ ума не сошли отъ восторга... поляки такая прелесть! А какъ очаровательны польки, какъ онѣ умѣютъ одѣваться къ лицу!.. Но ты-то, ты-то какъ одѣта, моя бѣдная цурка!—

вскричала она вдругъ, оглядывая дочь съ ногъ до головы и всплескивая руками.—Въ сарафанѣ, точно русская баба!

— Да я и есть русская баба, — возразила съ улыбкой Лизавета.

— Ахъ, не говори такъ, пожалуйста! Ты—дочь пани Стишинской, какая же ты баба! Теперь я понимаю, почему ты мнѣ показалась такой старой! Вѣдь если насъ рядомъ поставить, всякій приметъ тебя не за дочь мою, а за мать, право!—продолжала она, самодовольно оглядывая свою расфранченную въ топорщащіяся фижмы фигуру, длинный на костяхъ лифъ, до того тѣсно сжимавшій ей станъ, что низко открытая грудь ея высоко поднималась къ горлу. Къ ея пышному напудренному парикау была приколоты крошечная соломенная шляпа, покрытая лентами, цвѣтами и перьями; изъ-подъ довольно короткой юбки выставлялись свѣтлые башмаки на высокихъ каблукахъ, и вся она была увѣшана гремящими и звенящими при каждомъ движеніи финтифлюшками изъ золота съ драгоценными камнями; на поясѣ у нея висѣло опахало, бархатный мѣшочекъ, флаконъ съ духами и съ солями, а въ рукѣ она держала длинную трость съ золотымъ набалдашникомъ.

Когда она пріѣхала, дочь пригласила ее войти въ домъ, но она предпочла оставаться въ саду и заняла своей расфуфыренной особой почти всю скамейку, стоящую подъ большимъ развѣсистымъ дубомъ, такъ что Лизавета еле-еле помѣстилась на краешкѣ. Озадаченный неожиданнымъ явленіемъ, смущенный словами чудной бабушки, Филиппъ отошелъ къ сторонкѣ и продолжалъ издали на нее смотрѣть и слушать съ возрастающимъ недоумѣніемъ.

«Неужели эта кикимора мама моей мамы?»—спрашивалъ онъ себя съ тоскливымъ чувствомъ гадливаго страха передъ такимъ заморскимъ чудищемъ.

А, между тѣмъ, на этотъ разъ Зося пріѣхала съ выгоднымъ предложеніемъ для своей цурки. Не хочетъ ли она поступить въ старшія камеръюнгферы къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ? У пани Стишинской такъ много связей во всѣхъ дворцахъ, что устроить это ей ровно ничего не стоитъ.

— Я замужемъ, маменька,—возразила Лизавета,—у меня мужъ, сынъ, домъ, хозяйство, моя благодѣтельница Авдотья Петровна еще жива,—зачѣмъ же мнѣ итти служить къ чужимъ?

— Да я п мужа твоего могу пристроить на выгодное мѣсто при дворѣ... У насъ самое маленькое мѣсто приноситъ больше дохода, чѣмъ большое имѣніе, вотъ увидите!.. Князь Александръ Даниловичъ не доволенъ однимъ изъ камердинеровъ царевича Петра Алексѣевича... Когда я про это услышала, тотчасъ же вспомнила про васъ... вѣдь я тебя люблю, моя цурка, ты моя кровь!—прибавила она, театральнымъ жестомъ раскинувъ руки и поднимая ихъ къ небу, какъ бы призывая его въ свидѣтели своихъ завѣ-

реній, а затѣмъ она продолжала совѣмъ другимъ тономъ: — всѣ думаютъ, что я утратила довѣріе фамиліи Меншиковыхъ съ тѣхъ поръ, какъ поступила къ возлюбленной Ягужинскаго, и пусть себѣ такъ думаютъ, намъ именно это и надо, — прибавила она съ лукавымъ подмигиваніемъ въ сторону обморачиваемыхъ ею поверхностно судящихъ людей. — Но не въ томъ дѣло, все это я вамъ объясню, когда вы будете пристроены къ мѣсту, а теперь вамъ надо одно только знать... вѣдь вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, что у несчастнаго царевича осталось двое дѣтей?..

Имъ ли этого не знать, когда на дѣтей этихъ возлагалось упованіе всего русскаго народа!

— Мой мужъ былъ бы очень счастливъ служить царевичу, — сорвалось безосознательно съ языка Лизаветы.

— Ну, и прекрасно, — прервала ее Зося, не давая окончить фразы и поднимаясь съ мѣста. — На-дняхъ я къ вамъ опять заѣду, приготовь мнѣ отвѣтъ отъ твоего мужа, и чтобъ долго не медлилъ, до сихъ поръ никто еще не знаетъ, что рѣшено смѣнить камердинера, но какъ узнаютъ, столько будетъ желающихъ занять его мѣсто, что мнѣ ужъ будетъ гораздо труднѣе для васъ хлопотать...

Лизавета не возражала. Неожиданное предложеніе пробудило такое множество мыслей въ ея умѣ, что она не знала, на чемъ остановиться. Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, мужъ ея горевалъ съ пріятелями, что возлѣ царевича Петра нѣтъ никого изъ нихъ... что въ случаѣ надобности не черезъ кого что либо узнать изъ того, что происходитъ въ дворцѣ дѣтей мученика Алексѣя, надежды русскихъ людей, некому предупредить опасность, некому спасти того, на котораго столько смотрятъ, какъ на будущаго царя... И при этомъ всѣ соглашались съ тѣмъ, что опасность должна наступить скоро... Что рѣшить Петръ Филипповичъ, — она даже и представить себѣ не могла, но знала, что, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ права отвѣчать за него и не должна ничего отъ него тайть...

Праксинъ былъ въ своемъ подмосковномъ хуторѣ, и его ждали въ Москву на этой недѣлѣ. Онъ долженъ былъ непременно пріѣхать ко дню рожденія ихъ сына, 10-го іюля, чтобъ отпраздновать дорогой для нихъ всѣхъ день, а затѣмъ, какъ всегда, ѣхать въ Костромское лѣсное имѣніе, гдѣ онъ обыкновенно оставался до осенней распутицы. Въ этотъ день къ нимъ соберутся друзья, которымъ онъ, безъ сомнѣнія, передастъ сдѣланное ему предложеніе... Что-то они на это скажутъ? Что рѣшатъ? Неужели найдутъ, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ возможности принести пользу общему дѣлу? Неужели скажутъ, что онъ долженъ, не задумываясь, все бросить, чтобъ кинуться, очертя голову, въ страшный омутъ политической интриги, изъ котораго никто изъ участниковъ не выберется живымъ?

Мысль эта была такъ ужасна, что леденила ей кровь и сжимала сердце, точно клещами, но отогнать ее отъ себя прочь она была не въ силахъ и провела такую мучительно бессонную ночь, что на другой день поднялась съ постели, поблѣднѣвши и осунувшись, точно послѣ болѣзни. Всѣ домашніе вмѣстѣ съ Авдотѣей Петровной приписали это посѣщенію ея матери и покручинились промежъ себя, что Господь такой имъ наслалъ крестъ, отъ котораго одна только смерть можетъ избавить.

Увы, Лизавета не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ: мужъ ея отнесся къ предложенію своей тещи такъ серьезно, что прежде, чѣмъ отвѣтить на него, созвалъ на совѣщаніе всѣхъ своихъ друзей.

И рѣшено было единогласно ему собою пожертвовать для святого дѣла, не упускать случая приблизиться къ сыну покойнаго цесаревича.

— А я-то какъ же? — съ замирающимъ сердцемъ спросила Лизавета, когда, по уходѣ гостей, мужъ пришелъ сообщить ей результаты совѣщанія.

— И ты должна намъ помогать. Если да оба мы будемъ въ самомъ пеклѣ вельзевудова царства, ты при цесаревнѣ, дочери Петра, а я при его внукѣ, да съ помощью твоей матери, отъ которой можно узнавать про козни Меншикова, сама посуди, какая отъ этого произойдетъ великая польза для государства Россійскаго! — сказалъ онъ, устремляя на нее полный мольбы и страха передъ ея недоумѣніемъ взглядъ.

Колѣбаться дольше она не могла.

— Пусть будетъ по-твоему, не для того вѣнчалась я съ тобою и передъ святымъ алтаремъ клялась быть тебѣ вѣрною до гроба, чтобъ покидать тебя въ трудную минуту и волю свою ставить превыше твоей, — отвѣчала она.

Праксины стали готовиться къ обѣщанному посѣщенію Зоси.

Переговоривъ съ Авдотѣей Петровной и получивъ ея благословеніе на опасное и трудное дѣло, Лизавета по нѣскольку разъ въ день принималась толковать со своею благодѣтельницею про Филиппа, котораго они оставляли на ея попеченіе. Придется имъ ѣхать въ Петербургъ, и, Богъ знаетъ, сколько времени тамъ оставаться, во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока дворъ не переѣдетъ въ Москву. Праксинымъ не хотѣлось бы, чтобъ ихъ мальчикъ прерывалъ начатое ученіе. Кромѣ того, надо было такъ устроить, чтобъ въ случаѣ несчастья бѣда не отразилась на домикѣ у Вознесенія. На всѣхъ людей въ этомъ домѣ можно было положить, что не выдадутъ, всѣ они были преданы и ей и ея мужу, какъ будущимъ господамъ, но всѣхъ больше рассчитывала Лизавета на Грицка, даже больше, чѣмъ на тетеньку, которая въ послѣднее время жаловалась на нездоровье и была такъ слаба, что многого ей не дослышать и не доглядѣть.

Съ Грицкомъ Лизавета говорила о предстоящей переменѣ въ ихъ жизни каждый вечеръ, дожидаясь мужа къ ужину, и умный холъ такъ проникся ея мыслями и чувствами, что самъ подсказывалъ ей то, что она забывала вспомнить.

Нѣсколько разъ порывалась она приготовить и мальчика своего къ предстоящей разлукѣ, но у нея не хватало духу приводить его въ отчаянье. Не все вдругъ, надо было беречь силы для свиданія съ матерью.

Не теряя времени и ея мужъ, весь день проводилъ онъ внѣ дома, а вернувшись писалъ до разсвѣта письма, которыя отправлялъ съ вѣрными людьми въ разные мѣста, между прочимъ командировалъ онъ посланца и въ лѣсное свое имѣнiе, къ ближайшему сосѣду, молодому человѣку, по имени Ветлову, съ которымъ такъ близко сошелся, что всѣ дѣла тамъ они дѣлали вмѣстѣ и во всемъ помогали другъ другу.

Дружба съ Ветловымъ завязалась очень кстати, именно въ то время, когда Праксинъ былъ озабоченъ прискиванiемъ человѣка, которому можно было бы поручить надзоръ за имѣнiемъ во время его отсутствiя, продолжавшагося по восьми мѣсяцевъ и дольше. Оказалось, что и Ветлову необходимо было уѣзжать каждый годъ мѣсяца на три къ матери, подъ Ярославль, и они условились заниматься хозяйствомъ сообща, чтобъ во время отсутствiя хозяевъ ни Лебедино Праксина, ни Черный Яръ Ветлова не остались безъ присмотра.

Въ виду измѣнившихся внезапно обстоятельствъ, надо было просить Ветлова прiѣхать въ Москву для переговоровъ о дальнѣйшемъ веденiи дѣла ужъ имъ однимъ, безъ содѣйствiя Праксина.

Петръ Филипповичъ дѣлалъ много тайственныхъ покупокъ, и къ нему приходилъ примѣривать заказанное новое платье портной.

Когда карета съ его тещей подѣхала въ назначенный ею день къ воротамъ ихъ дома, онъ поспѣшно ушелъ къ себѣ въ комнату, сказавъ женѣ, чтобъ она за него извинилась передъ матерью, что онъ не вышелъ ее встрѣчать.

— Можешь ей сказать, что я занятъ неотложнымъ дѣломъ и явлюсь, какъ только освобожусь, — сказалъ онъ, торопливо удаляясь.

Погода была хорошая, можно было принять гостью въ саду. Филиппа Грицко увелъ въ Кремль помолиться у святыхъ мощей. Авдотья Петровна, запершись въ своей молельнѣ, на колѣняхъ передъ образами, съ стѣсненнымъ жуткими предчувствiями сердцемъ, повторяла:

— Господи, да минуетъ насъ чаша сія! Но да будетъ воля Твоя!

Весь домъ затихъ. Дворня обмѣнивалась шопоткомъ краткими, прерываемыми глубокими вдохами, фразами.

А въ саду ярко и весело свѣтило солнце, пѣли птички и трещали кузнечики, осенніе цвѣты сливали свой аромать съ запахомъ спѣлыхъ плодовъ, еще не снятыхъ съ деревьевъ. На лавочкѣ подъ старымъ дубомъ сидѣла расфранченная Зося и съ оживленіемъ рассказывала, какъ князь Александръ Даниловичъ благосклонно отнесся къ ея просьбѣ помѣстить дочь ея съ зятемъ къ царевичу Петру Алексѣевичу и къ цесаревнѣ Елисаветѣ.

И съ каждымъ произносимымъ ею словомъ тухли одна за другой еще горѣвшія въ сердцѣ Праксиной слабыя надежды на спасеніе отъ бѣды, какъ тухнуть свѣчи отъ холоднаго, мертвящаго и неумолимаго вихря.

— Вся твоя обязанность будетъ состоять въ томъ, чтобъ надсматривать надъ дѣвками, чтобъ не баловались и занимались дѣломъ, а не амурнымъ лазуканіемъ, присутствовать при туалетѣ цесаревны и содержать въ порядкѣ ея гардеробъ, ну, и, конечно, передавать мнѣ все, что ты тамъ услышишь отъ нея и отъ ея приближенныхъ. Первое время тебя будутъ остерегаться, разумѣется, но не долго. Цесаревна такъ обожаетъ русскихъ, что очень скоро будетъ съ тобою на распахку, я въ этомъ увѣрена... Но ты понимаешь, что, если князь васъ ставитъ на хорошія мѣста, то это для того, чтобъ вы ему служили... Тебѣ до него самого доходить не придется, можешь все, что нужно, мнѣ передавать, ну, а мужъ твой—дѣло другое, ему ужъ придется иногда лично ему докладывать... Какой онъ у тебя? Не совсѣмъ мужикъ? Умѣетъ съ вельможами разговаривать? Знаетъ, какъ себя держать въ хорошемъ обществѣ? На все это привычка и смекалка нужна, моя дорогая, я и сама первое время не знала, какъ стать и какъ сѣсть при дворѣ, ну, а теперь такъ наострилась, что въ какой угодно дворецъ сумѣю войти и съ какими угодно важными личностями, знаю, какъ разговаривать... Имъ, главное, надо все поддакивать, смѣяться, когда они смѣются, и плакать, когда они плачутъ, вотъ и вся штука, немудреная, увѣрю тебя... Какъ ты думаешь, пойметъ это твой мужъ?

Нѣсколько дней тому назадъ Лизавету очень оскорбили бы эти вопросы и замѣчанія про человѣка, котораго она считала самымъ умнымъ изъ всѣхъ знаемыхъ ею людей на свѣтѣ, но за послѣдніе дни ей пришлось столько почувствовать, готовясь къ роковой перемѣнѣ въ жизни, что слова матери даже и не удивили ея. Разумѣется, для такихъ, какъ она, которые судятъ о людяхъ по тому, насколько они сумѣли примѣниться къ господствующимъ чужеземнымъ модамъ, иначе нельзя и думать, и она уже готовилась отвѣтить, что если ея мужъ приметъ предлагаемое ему мѣсто, то, безъ сомнѣнія, сумѣетъ приноровиться къ требованіямъ, сопряженнымъ съ новымъ положеніемъ, когда на балконѣ показался господинъ, въ которомъ она не вдругъ узнала Петра Филипповича: такъ измѣнялъ его новый костюмъ и прическа. Гладко выбритый, въ на-

пудренномъ парикѣ, въ темномъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, на свѣтломъ шелковомъ камзолѣ, съ кружевнымъ жабо и манжетами, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, онъ казался вполне свѣтскимъ кавалеромъ.

— Это твой мужъ?! Да онъ вполне приличный господинъ! Его кому угодно можно представить... даже самой императрицѣ,— объявила Зося, поспѣшно наводя лорнетку на приближавшагося, безъ излишней торопливости, Праксина.

Хорошо, что она такъ занялась разсматриваніемъ зятя, что не замѣтила недоумѣнія, выразившагося на лицѣ дочери. Когда она къ ней обернулась, послѣ того, какъ Праксинъ, съ почтительнымъ поклономъ и съ приличнымъ обстоятельствомъ привѣтствіемъ, поцѣловалъ ея руку, Лизавета успѣла оправиться и не могла не улыбнуться изумленію матери.

А между тѣмъ, глядя на мужа, она не переставала себя спрашивать: какъ могъ онъ такъ скоро преобразиться изъ русскаго человѣка въ нѣмца? такъ развязно разговаривать съ представительницей чуждаго ему и противнаго общества и чувствовать себя такъ свободно въ платьѣ, котораго никогда отроду не носилъ? Какъ мало знала она его послѣ десятилѣтней совмѣстной жизни!

Зося была въ восторгѣ и не скрывала этого.

— О! вы непременно понравитесь князю!—объявила она послѣ десятиминутнаго разговора съ мужемъ своей дочери. — Приходите ко мнѣ во дворецъ завтра, въ девятомъ часу утра, и я васъ ему представлю. Мѣсто будетъ за вами. Стоитъ только на васъ взглянуть, чтобъ почувствовать къ вамъ довѣріе... Давно ли я васъ знаю, а ужъ люблю васъ столько же, сколько родную дочь... Вы намъ будете несравненно полезнѣе Шпигеля... А какъ пріятно будетъ царевичу имѣть при себѣ русскаго!.. Странное дѣло, кажется, все дѣлается, чтобъ оторвать его отъ русскихъ, а онъ все продолжаетъ ихъ обожать! Я думаю, что это отъ недостатка культуры, какъ вы думаете?—наивно спросила она.

— Можетъ быть, чтобъ занять это мѣсто, нужны рекомендаціи?— прервалъ свою разболтавшуюся тещу Праксинъ.— Меня хорошо знаетъ бояринъ Шереметевъ, а также князь Черкасскій, могу сослаться и на другихъ.

Зося скорчила презрительную гримаску.

— Не думаю, чтобъ рекомендаціи этихъ господъ вамъ помогли... Знаете что, лучше про нихъ не поминать въ разговорѣ съ княземъ, онъ родовитыхъ бояръ не любитъ... Да и вообще пусть лучше думаютъ, что никто за вами не стоитъ, кромѣ меня... я почти иностранка, а къ чужеземцамъ больше имѣютъ довѣрія, чѣмъ къ коренымъ русскимъ... У князя Александра Даниловича такъ много было непріятностей отъ русскихъ бояръ, что откровенно вамъ скажу, онъ о многихъ изъ нихъ равнодушно слышать не можетъ... о Дол-

горукихъ, напримѣръ... Съ графомъ Ягужинскимъ онъ тоже постоянно ссорится, да и вообще онъ знаетъ, что многіе на него зубы точатъ, отъ зависти, разумѣется, и ему на это наплевать, развѣ онъ въ силѣ, понимаете?

И смущенная серьезнымъ вниманіемъ, съ которымъ ее слушали, она поспѣшила прибавить:

— Вамъ этого объяснять нечего, вы это сами знаете... Вамъ Лизаветка сказала? И и ее хочу при дворѣ пристроить, къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ... Въ настоящее время князю Александру Даниловичу нужна преданная особа и при цесаревнѣ... Вамъ, какъ близкимъ людямъ, я должна сказать, что у него личные виды на цесаревну, онъ подумываетъ женить на ней своего сына,—прибавила она, таинственно понижая голосъ.

— Ну, Лизавета, какъ не сказать, что Самъ Господь, сжалившись надъ Россіей, посылаетъ намъ помощь! — вымолвилъ Праксинъ, внѣ себя отъ волненія, возвращаясь съ женой домой, проводивъ Зосю до кареты, дожидавшей ее у калитки, въ которую, отстранивъ лакея, онъ ловко ее посадилъ.

На другой день Праксинъ представился свѣтлѣйшему и могущественнѣйшему князю Меншикову и произвелъ на него прекрасное впечатлѣніе благообразною наружностью, степеннымъ видомъ и умными краткими отвѣтами на предлагаемые ему вопросы.

На вопросъ, не сынъ ли онъ казеннаго за сопротивление царю боярина Филиппа Праксина,—Петръ Филипповичъ не задумываясь отвѣчалъ утвердительно, и это понравилось Меншикову. Какъ человѣкъ съ желѣзной волей и большого ума, онъ не могъ не цѣнить этихъ свойствъ и въ другихъ. Радъ бы онъ былъ привлечь на свою сторону побольше такихъ людей, какъ Праксинъ. За счастье счелъ бы онъ также убѣдить ихъ въ заблужденіи, да, къ сожалѣнію, рѣдко ему это удавалось, и онъ приписывалъ непонятное для него упорство русскихъ людей особенному нелѣпому фанатизму, въ борьбѣ съ которымъ всѣ средства были хороши и позволительны.

Развѣ такого мнѣнія не держался его великій благодѣтель и учитель?

Но на его бѣду, то, что терпѣливо и безропотно сносилося отъ природнаго царя, Божьяго помазанника, не выносилось съ такою же покорностью отъ бывшего пирожника, и ему съ каждымъ днемъ приходилось все больше и больше убѣждаться въ трудности взятой на себя задачи. Но онъ не унывалъ и, благодаря положенію, занимаемому имъ при императрицѣ, такой же, какъ и онъ, въ глазахъ русскаго народа, проходимкѣ, да еще вдобавокъ чуже-

земкѣ, Меншиковъ старался пріобрѣтать себѣ, если не друзей, что было невозможно, то, по крайней мѣрѣ, сторонниковъ, настолько заинтересованныхъ въ его фортунахъ, чтобъ смотрѣть на его успѣхи, какъ на свое собственное благополучіе, а на паденіе его, какъ на свою гибель.

Само собою разумѣется, что такіе люди ему были особенно нужны тамъ, откуда скорѣе всего могла грозить опасность, со стороны приверженцевъ дочери Петра и его внука, тамъ ему надо было имѣть человѣка, который вполнѣ бы отъ него зависѣлъ, котораго бы онъ вывелъ изъ ничтожества, и у котораго другихъ покровителей, кромѣ него, не было бы.

Положеніе сына казеннаго имѣ русскаго боярина отвѣчало, какъ нельзя лучше, этимъ условіямъ, и надо было только покорить сердце его довѣріемъ, чтобы завоевать его преданность навѣки, думалъ князь, пристально всматриваясь въ стоявшаго передъ нимъ въ почтительномъ разстояніи молодого человѣка, не опускавшаго глазъ подъ его пытливымъ взглядомъ.

Онъ принялъ его, сидя въ золоченомъ, съ высокой спинкой, креслѣ, въ великолѣпномъ, по-царски разубранномъ покоѣ, со стѣнами, увѣшанными драгоцѣнными гобеленами и дорогими картинами въ тяжелыхъ золоченыхъ рамахъ, и послѣ предварительныхъ вопросовъ, съ цѣлью узнать степень развитія его ума, снизошелъ до объясненія ему причинъ, заставлявшихъ его искать вѣрнаго и преданнаго себѣ человѣка въ старшемъ камердинерѣ царевича Петра Алексѣевича.

Изъ объясненій этихъ явствовало, что свѣтлѣйшій князь желаетъ продолжать великое дѣло, начатое покойнымъ царемъ, воспитывая въ его преемникѣ государя, способнаго поставить Россію на ряду со всѣми европейскими державами, чтобы заставить ихъ трепетать передъ ея силою и могуществомъ.

«И для этого ты возвышаешь иностранцевъ и унижаешь все русское!»—думалъ Праксинъ, взглядываясь въ худощавое, энергичное лицо, обрамленное симметричными локонами огромнаго напудренаго парика, смотрѣвшее на него неушолимымъ, пристальнымъ взглядомъ пронзительныхъ огненныхъ глазъ, изрекая громкимъ, самонадѣяннымъ тономъ слова, великое значеніе которыхъ казалось ему внѣ всякаго сомнѣнія. И вспомнились Праксину въ эту минуту рассказы стариковъ, свидѣтелей истиннаго величія Россіи, когда иностранцы, къ намъ пріѣзжавшіе, сталкиваясь съ несокрушимымъ русскимъ духомъ, воспитаннымъ на устояхъ святого православія, спѣшили воспринимать наши нравы и обычаи, чтобъ нераздѣльно слиться съ русскимъ народомъ.

Время это было ужъ не такъ далеко, и здѣсь, среди Москвы, онъ знаетъ вполнѣ обрусѣвшія семьи, гдѣ были еще живы старцы, которыхъ только при переходѣ въ нашу вѣру нарекли тѣми име-

нами, подѣ которыми они живутъ теперь и молятся вмѣстѣ съ нами. И унесутъ скоро всѣ эти Карлы, Фридрихи и Леопольды въ могилу самое воспоминаніе объ иноземномъ своемъ происхожденіи. А насъ заставляютъ подѣ чужихъ поддѣбываться... И мнѣнъ этимъ возвеличить и усилить Россію!

Окончилъ свѣтлѣйшій князь свою инструкцію Праксину призываніемъ немедленно собираться въ Петербургъ и привезти съ собою жену.

— Мы поимѣстимъ ее ко двору цесаревны Елизаветы Петровны, которая, благодаря глупымъ русскимъ попамъ и подлымъ людямъ, окружающимъ ее, заражена самыми нелѣпыми предрассудками и какимъ-то непонятнымъ пристрастіемъ ко всему русскому,— продолжалъ князь.— Жена твоя по рожденію полька, и если умомъ и ловкостью походить на мать, то въ самомъ непродолжительномъ времени сумѣетъ войти къ ней въ довѣріе и направлять мысли ея, какъ намъ желательно... Мнѣ нечего тебѣ говорить,— прибавилъ онъ, мѣняя тонъ и строго возвышая голосъ,— что за малѣйшее уклоненіе отъ данной вамъ инструкции вы подвергаетесь жестокой отвѣтственности, но если вы оправдаете рекомендацію пани Стипинской, то на опытъ узнаете, что князь Меншиковъ умѣетъ награждать преданность и услуги.

Аудіенція кончилась. Праксинъ отвѣчалъ молчаливымъ поклономъ на милостивый кивокъ, съ которымъ его отпустили. Не въ силахъ былъ онъ произнести ни слова: нравственная пытка, на которую онъ добровольно пошелъ, длилась около полчаса и такъ разбила все его существо, что, прежде чѣмъ итти домой, онъ зашелъ въ церковь, чтобъ молитвой подкрѣпить въ себѣ рѣшимость на исполненіе долга до конца.

Покидали Праксины Москву съ тѣмъ же самымъ чувствомъ, съ какимъ мученики за святую вѣру шли на растерзаніе дикими звѣрями. Съѣзжались издалека единомышленники провожать ихъ и ободрять на великій подвигъ.

Пріѣхалъ изъ Костромскихъ лѣсовъ и молодой Ветловъ, чтобъ успокоить Петра Филипповича насчетъ его лѣсного хозяйства, которымъ онъ общалъ заниматься, какъ своимъ собственнымъ, во время его отсутствія. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ онъ жену своего друга, которая, какъ онъ потомъ сознавался, произвела на него сильное впечатлѣніе не столько красотою, сколько не по лѣтамъ развитымъ умомъ и стойкостью убѣжденій. Да, съ такой подругой можно было итти не колеблясь на подвигъ.

«Не русской крови, а волюбила Россію пуще сына родного, пуще жизни»,— думалъ Ветловъ, любуясь невозмутимою покорностью судьбѣ и яснымъ спокойствіемъ, съ которыми Лизавета готовилась покинуть счастливую, спокойную жизнь въ собственномъ домѣ, любимую пріемную мать и обожаемаго сына, чтобъ слѣдо-

вать за мужемъ въ адъ кромѣшный интригъ и тревогъ, одна опаснѣе другой, вступить въ новую жизнь, объ ужасахъ которой она знаетъ только по слухамъ, гдѣ все противно ея привычкамъ и завѣтнѣйшимъ мыслямъ и чувствамъ... «Какъ ей придется себя ломать! Притворяться, слѣдить за собою, скрывать въ глубинѣ души свои муки! Пошли ей, Господи, силъ и терпѣнія до конца, пошли ей успѣха и утѣшенія узнать, что жертва ея не пропала даромъ!»

Все въ ней ему нравилось и приводило его въ восхищеніе, самая красота ея нерусскаго типа, смугловатый цвѣтъ кожи, широкій разрѣзъ темныхъ, какъ ночь, глазъ, съ выразительнымъ, задумчивымъ взглядомъ, прямой длинноватый носъ, какъ на образахъ стараго письма. Ему хотѣлось на нее молиться: вотъ какое чувство она въ немъ возбуждала.

Ея мужъ, переговоривъ съ нимъ въ своемъ покоѣ о дѣлахъ и поручивъ ему въ полное распоряженіе свой лѣсной хуторъ, при вель его на половину жены и сказалъ ей:

— Ну, Лизавета, скажи спасибо молодому сосѣду, большую обузу онъ у меня снялъ съ плечъ: Лебедино я совѣмъ ему передалъ, чтобъ въ случаѣ несчастья со мною ты съ сыномъ въ лѣсу пріютъшла.

Она низко ему поклонилась и, устремивъ на него влажный отъ душевнаго волненія взглядъ, проговорила съ чувствомъ:

— Спасибо вамъ, Иванъ Васильевичъ, и, со своей стороны, прошу васъ быть нашему сыну и отцомъ и матерью, если несчастье и меня постигнетъ.

— Вашъ слуга, вашъ слуга, Лизавета Кассимовна,—прерывающимся отъ волненія голосомъ пролепеталъ онъ, снова отвѣшивая женѣ своего друга низкій поклонъ.

Многое еще хотѣлось ему ей высказать про свое сиротство, про то, какъ осчастливилъ его своей лаской Петръ Филипповичъ, какъ онъ счастливъ имѣть возможность хоть немножечко, самую крошечку, доказать ему свою преданность, какъ онъ благоговѣетъ передъ его рѣшимостью идти на муку за родину, исполнить завѣтъ отца, съ какимъ восторгомъ послѣдовалъ бы онъ его примѣру, если бы была на то для него возможность, и что онъ жизни не пожалѣетъ, чтобы сохранить имъ въ неприкосновенности довѣренное ему имѣніе. Хотѣлось сказать, чтобы она была покойна за сына, что съ этой минуты онъ считаетъ Филиппа роднымъ своимъ, самымъ близкимъ, но слова, наполнявшія его сердце, не выговаривались, и онъ могъ только молить Бога, чтобы она прочитала хотя бы ничтожную часть его чувствъ въ его взглядѣ и покинула бы родное гнѣздо, гдѣ такъ мирно протекла ея жизнь, гдѣ она сошлась съ любимымъ мужемъ, гдѣ родила первенца и единственнаго сына, съ увѣренностью, что есть на свѣтѣ чело-вѣкъ, который жизни для нихъ не пожалѣетъ.

Ивану Васильевичу Ветлову было тогда только двадцать лѣтъ, но замкнутая жизнь въ средѣ такихъ же опальныхъ, какъ и онъ, состарила его раньше времени, и онъ, какъ и Праксины, былъ не по лѣтамъ серьезенъ и душевно развитъ. Съ тринадцати-четырнадцати лѣтъ, когда дѣти, растущія въ обыкновенной обстановкѣ, думаютъ только о развлеченіяхъ и шалостяхъ, онъ уже зачитывался книгами духовнаго содержанія и искалъ общества людей, посвящавшихъ всю свою жизнь изученію религіозныхъ вопросовъ. Въ лѣсу онъ еще больше привыкъ къ созерцательной жизни и началъ уже подумывать о монастырѣ, когда судьба столкнула его съ Праксинимъ, и сношенія съ умнымъ, выдавшимъ виды и далеко не отказавшимся отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ Петромъ Филипповичемъ дали другое направленіе его душевнымъ стремленіямъ, а теперь о монастырѣ ужъ потому нельзя было думать, что надо было заниматься дѣлами Праксиныхъ, и кто знаетъ, что, если онъ будетъ вращаться поневолѣ въ міру по этимъ дѣламъ, Господь не пошлетъ ему счастья встрѣтить дѣвушку, похожую на Лизавету Кассимовну... Отецъ его умеръ мученическою смертію за святую православную вѣру, онъ на небѣ молится за сына и, можетъ быть, вымолить ему такое великое счастье...

Въ ночь передъ отъѣздомъ, когда все уже было уложено, и оставалось только запрячь лошадей въ дорожную карету для господъ и въ бричку для поклажи и для сопровождавшихъ господъ людей, горничной дѣвки Малашки и неразлучнаго съ бариномъ слуги, Ѳедосея, Петру Филипповичу пришли доложить, что его просятъ въ кабинетъ.

— Одинъ тутъ пришелъ издалека, чтобы съ вашею милостію проститься; очень, говоритъ, нужно съ Петромъ Филипповичемъ повидаться.

Будь Праксинъ менѣе озабоченъ приготовленіями къ отъѣзду, онъ, можетъ быть, замѣтилъ бы, съ какимъ страннымъ выраженіемъ въ голосѣ и во взглядѣ Ѳедосей излагалъ ему свой докладъ, и его удивило бы, что, приглашая его на свиданіе съ незнакомцемъ, онъ не полюбопытствовалъ узнать его имени, но въ эту роковую для всей его маленькой семьи ночь ему было не до того, чтобы останавливать свое вниманіе на мелочахъ, и онъ поспѣшилъ скорѣе отдѣлаться отъ докучливаго посѣтителя, чтобы вернуться къ прерванному занятію—къ письму, которое онъ началъ писать старому своему другу Бутягину въ монастырь, за невозможностью заѣхать съ нимъ лично проститься и принять благословеніе на тяжелый подвигъ. Поспѣшно пошелъ онъ въ дальній покой, служившій ему кабинетомъ, и съ перваго взгляда не узналъ ожидавшаго тамъ человѣка въ чуйкѣ изъ толстаго верблюжьяго сукна,

подпоясаннаго веревкой, въ лаптяхъ и съ котомкой за плечами, который подошелъ къ нему и со словами: «Здравствуй, Петръ Филипповичъ!»—крѣпко его обнялъ и расцѣловалъ.

— Ты ли это, Ѳеодоръ Ермилычъ? — вымолвилъ наконецъ Праксинъ, вѣѣ себя отъ изумленія.—Съ чего это ты такъ вдругъ преобразился?

— Съ тебя взялъ примѣръ, Петруша, — отвѣчалъ старикъ. — Какъ узналъ про твое рѣшеніе послужить законному наслѣднику русскаго престола, стыдно стало на покоѣ молиться о спасеніи своей грѣшной души, не попытавшись послужить родинѣ, пока есть еще силы. Давно задумывалъ я постранствовать по Россіи, давно тянуло меня посмотрѣть на страны, завоеванныя Петромъ съ помощью такихъ, какими были и твой отецъ, и я, и всѣ русскіе люди. Давно хотѣлось пощупать, съ какими чувствами и мыслями тамъ люди живутъ, и можно ли намъ отъ нихъ себѣ помощи ждать, да все не рѣшался пускаться въ путь, и старь-то я себѣ казался, и немощенъ. Смотришь, бывало, на странниковъ, что съ котомками за плечами изъ дальнихъ странъ къ намъ въ обитель заходятъ, слушаешь ихъ рассказы про то, что видѣли и слышали, зависть беретъ: кабы и мнѣ такъ постранствовать! Да не давалъ Господь силы привести въ исполненіе завѣтную съ ранняго дѣтства мечту. Видно, время не пришло, а теперь въ самый разъ. Чуетъ мое сердце, что надо мнѣ въ Малороссіи побывать и тамъ языка добиться, а оттуда въ Польшу къ своимъ пройти, которые тамъ скрываются. Надо посмотрѣть, много ли насъ осталось въ живыхъ, и на кого можно, въ случаѣ надобности, рассчитывать. Два вѣка Анна не проживетъ, а Лекшашку-то, можетъ, удастся и раньше ея на тотъ свѣтъ отправить. Вотъ ты идешь нашему законному наслѣднику служить, сынку мученика Алексѣя, а я пойду ему пособниковъ по угламъ Россіи искать. Будемъ, значить, сообща дѣйствовать. Ты тамъ будешь, какъ прикованный къ мѣсту, а я вольной пташкой, гдѣ день, гдѣ ночь. Жди меня въ Питеръ будущей весной. Отсюда я прямо въ Кіевъ, тамъ отговѣю и за тебя съ Лизаветкой помолюсь у мощей св. угодниковъ, а всю зиму въ Малороссіи проведу. У нихъ, у хохловъ-то, тепло, говорятъ, зимой въ хатахъ, поживу съ ними, узнаю, что за народъ. Такіе же православные, какъ и мы, по духу, значить, братья родные, и полячье проклятое имъ, какъ и намъ, поперекъ горла стало... Пали къ намъ въ монастырь слухи, что хохлы—народъ крѣпкій въ вѣрѣ и на бѣсовскіе соблазны неподатливый...

— Хохловъ при дворѣ много, — замѣтилъ Праксинъ.

— Знаю я. Значить, пока ты тамъ съ ними будешь знакомиться, я къ нимъ на ихъ землѣ присмотрюсь. Настоятель отговаривалъ: «Старъ ты, говорить, Ермилычъ, чтобы такой крестъ

тяжелый на себя брать». Ну, да никто, какъ Богъ! Онъ всеблагій благословить; если на подвигъ, такъ и у старца силы проявятся...

— Спасибо, что зашелъ насъ въ путь благословить, Ѳеодоръ Ермиловичъ. Надо Лизаветку позвать... Вѣдь, и она со мной ѣдетъ,—сказалъ Праксинъ.

— Слышалъ я. Дай вамъ Богъ обнимъ успѣха! У насъ весной цѣльный мѣсяцъ прожилъ одинъ паренекъ оттуда, изъ Малороссіи-то,—вернулся онъ къ занимавшему его предмету,—и многое про свою страну рассказывалъ. Благодать у нихъ тамъ, земля какъ масло, что ни брось въ нее, все самъ тридцать, самъ сорокъ родится, плодовъ всякихъ...

— Мы знаемъ. Жену привезъ въ Москву трехлѣтнимъ младенцемъ человекъ оттуда, Грицко,—вставилъ Праксинъ.

— Знаю я вашего Грицка; онъ мнѣ первый, раньше другихъ, про хохловъ рассказывалъ; съ его словъ я и сталъ о Малороссіи помышлять да туда стремиться, а ужъ какъ познакомился я съ тезкой, Хведоромъ Бунчакомъ того мальчика звать, который въ монастырѣ-то у насъ гостилъ, сплю и вижу на его родинѣ побывать.

— Куда же онъ отъ васъ отправился?

— Къ своимъ, въ Питеръ. У него тамъ много свояковъ въ пѣвчихъ при дворѣ. Голосъ у него богатѣйшій, такой чистый да звонкій, заслушаешься. А зачнешь хвалить—обижается: «такіе ли у насъ голоса!»—говорить,—«послушали бы вы нашего пастуха, Алешку Разума, Разумихи сына, такъ послѣ него вамъ бы меня не захотѣлось и слушать». Мой Бунчакъ этой самой Разумихѣ дальнимъ родственникомъ доводится и наказывалъ мнѣ непременно къ ней въ Лемеша зайти, когда я до ихъ мѣста дойду. «Она, говоритъ, васъ ужъ устроить, если не у себя, такъ у которагонибудь изъ сосѣдей, всѣ ее у насъ уважаютъ; даромъ что бѣдная, и на чужихъ ей часто приходится работать». По всему видать, что баба мозговитая, и если да они тамъ всѣ такіе, какъ она, стоитъ съ такимъ народомъ поближе сойтись...

— При дворѣ теперь, и окромя пѣвчихъ, хохловъ много,—сказалъ Праксинъ.—Ихъ Елизавета Петровна, цесаревна, возлюбила за голосистость. Сама пѣтъ мастерица.

— Знаемъ. У нея и духовникъ изъ хохловъ. Не въ мать она и нѣмцевъ терпѣть не можетъ. Все мы про нее знаемъ, объ ней есть кому рассказывать, за нею такъ крѣпко не присматриваютъ, ее такъ тѣсно не сторожатъ, какъ Алексѣева сына...

— Меншиковъ, говорятъ, норовитъ на ней своего сына женить.

— Ну, этому не бывать! Вѣдь наши-то тоже не дремлютъ,—отрывисто проговорилъ Бутягинъ, злобно сверкнувъ глазами.

Узнавши, что у нихъ за гость, Лизавета вошла въ комнату мужа, чтобъ съ нимъ повидаться, и, благословивъ ихъ обоихъ. Ермилычъ сталъ собираться въ походъ, не дождавшися крестника, который еще спалъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ, вдоволь наплакав-

шись накануне вечеромъ, прощаясь съ матерью, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать въ послѣдній разъ въ кровать рядомъ съ ея постелью: по отъѣздѣ родителей онъ долженъ былъ жить съ Грицкомъ въ мезонинѣ.

— Пора, пора и вамъ отправляться, прикажите-ка запрягать лошадей, да и съ Богомъ, пока не совсѣмъ еще разсвѣтало, и некому на васъ глазѣть изъ оконъ,—говорилъ старикъ, оправляя сумку на плечахъ, надѣвая широкополую войлочную шляпу и забирая, поставленный въ уголокъ, толстый суковатый посохъ.

То же наставленіе повторилъ онъ и на дворѣ хлопотавшимъ у экипажей людямъ; затѣмъ, дружески кивнувъ вышедшимъ провожать его на крыльцо хозяевамъ, онъ понутивъ голову направился къ воротамъ и вышелъ на улицу, затворивъ за собою калитку, въ то время, какъ выведенныхъ изъ конюшни лошадей впрягли въ карету, а Петръ Филипповичъ съ женой вернулись въ домъ, чтобъ въ послѣдній разъ помолиться передъ образами и обнять старушку Авдотью Петровну съ Филиппушкой, да поручить ихъ обоимъ Грицку.

— Смотри же, если, что Боже сохрани, случится, заболѣютъ или другое что, той же минутой присылай къ намъ нарочнаго въ Петербургъ,—повторила въ сотый разъ тотъ же наказъ Лизавета своему вѣрному слугѣ.

— Да ужъ знаю я, не беспокойся,—угрюмо отвѣчалъ дрогнувшимъ отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ Грицко.—Ничего у насъ тутъ не случится, Богъ дастъ, а вотъ какъ-то ты тамъ..

И, оборвавъ рѣчь на полусловѣ, онъ, махнувъ рукой, отвернулся, чтобъ не смущать своей возлюбленной паненки, какъ продолжалъ онъ называть Лизавету, несмотря на то, что она ужъ десять лѣтъ была замужемъ и имѣла сына.

Солнце еще не вставало, когда, вырвавшись наконецъ изъ объятій своего дорогого мальчика, Праксины выѣхали изъ дома по направленію къ заставѣ.

Много людей въ Москвѣ въ то утро тоже не спали и молились за нихъ Богу передъ образами съ горѣвшими лампадами въ то время, какъ они проѣзжали съ мрачными мыслями и растерзаннымъ сердцемъ по молчаливымъ и пустымъ улицамъ, мимо запертыхъ воротъ и домовъ съ затворенными ставнями. Разлука съ сыномъ чуть было не поколебала въ душѣ Лизаветы вѣры въ Бога, и она спрашивала себя съ тоскою, неужели она будетъ жить съ такимъ тяжелымъ гнетомъ на сердцѣ. Не видѣтъ дорогого мальчика, не знать, что съ нимъ, что онъ думаетъ, что дѣлаетъ... да это было для нея много ужаснѣе смерти! Не понимала она раньше, что онъ для нея, не могла себя представить, какъ будетъ пуста, скорбна и тяжела жизнь безъ него, какъ безпросвѣтна! Хватить ли силъ съ нею бороться?...

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

(1729 — 1751).

В САМЫЙ день кончины императрицы Екатерины Второй императоръ Павелъ приказалъ графу Ростопчину разобратъ ея бумаги. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, нашелся запечатанный пакетъ съ надписью: «Его императорскому высочеству, великому князю, Павлу Петровичу, моему любезному сыну». Въ пакетѣ оказалась рукопись собственныхъ «Записокъ» императрицы. Прочитавъ ихъ, Павелъ велѣлъ хранить рукопись въ государственномъ архивѣ въ строгой тайнѣ. Существуетъ предположеніе, что государь дозволилъ снять только одну копію другу и товарищу своего дѣтства, князю Куракину. Когда послѣдній умеръ, въ 1818 году, А. И. Тургеневъ, получивъ доступъ въ его бібліотеку и архивъ, сдѣлалъ для себя списокъ и давалъ его нѣсколькимъ лицамъ, которыя, въ свою очередь, сняли для себя копіи. По одной изъ такихъ копій «Записки» были переведены съ французскаго языка на русскій и изданы Герценомъ въ Лондонѣ въ 1859 году. Мы перепечатываемъ

ихъ съ этого лондонскаго изданія.

«Записки» императрицы Екатерины обнимаютъ время съ 1729 по 1751 годъ. Изображенный въ нихъ пятнадцатилѣтній періодъ жизни автора производитъ яркое впечатлѣніе. Тогдашній дворъ, люди, интриги, общественныя отношенія, бытъ придворныхъ—все это, мастерски сгруппированное, представляетъ чрезвычайно живую картину. Разсказъ Екатерины простъ, сжатъ и образенъ, безъ всякихъ претензій на краснорѣчіе. Говоря о людяхъ, съ которыми обстоятельства приводили ее въ сношенія, она никого изъ нихъ не описываетъ, не дѣлаетъ никакихъ портретовъ; но въ разныхъ мѣстахъ о многихъ изъ нихъ разбросаны черты въ высшей степени живыя, очевидно, схваченныя съ натуры. Конечно, является вопросъ, вѣрны ли сдѣланныя авторомъ характеристики, и не имѣлъ ли онъ предвзятаго намѣренія придавать имъ неправильное освѣщеніе. Этотъ

вопросъ имѣть значеніе болѣе съ исторической, нежели съ художественной точки зрѣнія. Историкъ долженъ пользоваться «Записками» съ осторожностью и критической провѣркой, но читатель найдетъ здѣсь талантливое изображеніе жизни тогдашняго общества, колоритъ эпохи, драматическія положенія и объясненіе многихъ событій Елизаветинскаго царствованія.

I.

Мать Петра III, дочь Петра I, скончалась отъ чахотки, черезъ два мѣсяца послѣ его рожденія, въ небольшомъ голштинскомъ городѣ Кильѣ. Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество. Отецъ Петра III, голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ—племянникъ шведскаго короля Карла XII—былъ государь слабый, бѣдный, дурень собою, небольшого роста и слабаго сложенія (смотри журналъ Берхгольца въ «Магазинѣ» Бюшинга). Онъ умеръ въ 1739 г., и опеку надъ его сыномъ, которому тогда было около 11 лѣтъ, принялъ его двоюродный братъ, герцогъ голштинскій и епископъ любекскій, Адольфъ-Фридрихъ, вступившій потомъ, вслѣдствіе Абовскаго мира и по ходатайству императрицы Елизаветы, на шведскій престолъ. Главнымъ воспитателемъ Петра III былъ гофмаршалъ двора его, Брюмеръ, родомъ шведъ, потомъ оберъ-камергеръ Берхголецъ, авторъ вышеупомянутаго журнала, и четыре камергера, изъ которыхъ одинъ, Адлерфельдтъ, написавшій исторію Карла XII. Вахмейстеръ былъ шведъ, а двое другихъ, Вольфъ и Мардефельдтъ, голштинцы. Принца воспитывали, какъ наслѣдника шведскаго престола. Дворъ его, слишкомъ многочисленный для Голштиніи, раздѣлялся на нѣсколько партій, ненавидившихъ другъ друга. Каждая партія старалась овладѣть душою принца, воспитать его по-своему и, разумѣется, внушить ему отвращеніе къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всей души ненавидѣлъ Брюмера и не любилъ никого изъ своихъ придворныхъ, потому что они его тяготили.

Съ десятилѣтняго возраста Петръ III обнаружилъ склонность къ пьянству. Его часто заставляли являться на придворные выходы и слѣдили за нимъ неусыпно. Въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ Россіи онъ любилъ двоихъ стариковъ-камердинеровъ: лифляндца Крамера и шведа Румберга. Сей послѣдній былъ для него дороже всѣхъ. Это былъ человѣкъ довольно грубый и неотесанный; онъ служилъ драгуномъ въ полкахъ Карла XII. Брюмеръ, а слѣдовательно и Берхголецъ, который на все глядѣлъ глазами Брюмера, были приверженцы принца, опекуна и правителя. Всѣ остальные не любили этого принца и еще менѣе его приближенныхъ.

Императрица Елисавета, вступивъ на престолъ русскій, послала за племянникомъ въ Голштинію камергера Корфа, и принцъ-пра-

витель немедленно отправилъ его въ сопровожденіи гофмаршала Брюмера, камергера Берхгольца и камергера Дикера (который былъ племянникъ Брюмера). Приѣздъ его чрезвычайно обрадовалъ императрицу. Вскорѣ затѣмъ она отправилась короноваться въ Москву. Она рѣшилась объявить принца временно своимъ наслѣдникомъ, но прежде всего онъ долженъ былъ принять греческую вѣру. Враги гофмаршала Брюмера, а именно оберъ-камергеръ графъ Бестужевъ и графъ Никита Панинъ, долго бывшій русскимъ посланникомъ въ Швецію, увѣряли, будто, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что императрица объявитъ своего племянника наслѣдникомъ русскаго престола, Брюмеръ всячески старался испортить душу и сердце своего питомца, между тѣмъ какъ прежде онъ прилагалъ стараніе, чтобы воспитать его достойнымъ шведской короны. Но я никогда не могла повѣрить столь жестокому обвиненію, и объясняла воспитаніе Петра III стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ. Расскажу, что видѣла и слышала. Этимъ объяснится многое.

Въ первый разъ я увидала Петра III, одиннадцати лѣтъ, въ Евтинѣ, у его опекуна принца-епископа любекскаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины отца его, герцога Карла-Фридриха. Это было въ 1739 г. Принцъ-епископъ созвалъ въ Евтинѣ всѣхъ родственниковъ, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабушка (мать принца-епископа) и сестра его, моя мать, пріѣхали изъ Гамбурга и привезли меня съ собою. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Кромѣ того, тамъ были еще принцъ Августинъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Голштиніи. Тутъ я услышала, какъ собравшіеся родственники толковали между собою, что молодой герцогъ наклоненъ къ пьянству, что его приближенные не даютъ ему напиваться за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ своихъ приближенныхъ и особливо Брюмера; что, впрочемъ, онъ довольно живого нрава, но сложенія слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно, цвѣтъ лица его былъ блѣдный; онъ казался тощъ и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобы онъ держалъ себя, какъ совершеннолѣтній. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденіи. Натянутость и неискренность перешли отъ вѣнскихъ пріемовъ обращенія и въ самыя характеръ.

Вскорѣ по приѣздѣ этого голштинскаго двора въ Россію, явилось шведское посольство съ просьбою, чтобы императрица дозволила племяннику своему быть наслѣдникомъ шведскаго престола. Но Елисавета, уже объявившая свои намѣренія на этотъ счетъ въ предварительныхъ статьяхъ Абовскаго мира (какъ выше сказано), отвѣчала шведскому сейму, что племянникъ ея наслѣдуетъ русскій престолъ, и что она не отступаетъ отъ предварительныхъ статей Абовскаго мира, по которому наслѣдникомъ шведскаго престола долженъ

быть принцъ-правитель Голштиніи. Старшій братъ принца-правителя былъ обрученъ съ императрицею Елисаветою незадолго до смерти Петра I. Бракъ не состоялся, потому что женихъ умеръ отъ оспы черезъ нѣсколько недѣль послѣ обрученія. Но императрица Елисавета сохранила объ этомъ принцѣ самое нѣжное воспоминаніе, которое выражала всѣмъ его родственникамъ.

Такимъ образомъ Петръ III, исповѣдавъ вѣру по обряду греческой церкви, былъ объявленъ наслѣдникомъ Елисаветы и великимъ княземъ русскимъ. Въ учителя ему дали Симона Тодорскаго, бывшаго потомъ епископомъ псковскимъ. Принцъ былъ крещенъ и воспитанъ по обряду и въ правилахъ самаго строгаго и наименѣе вѣротерпимаго лютеранства. Съ дѣтства онъ не хотѣлъ ничему учиться, и я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ по воскресеньямъ и въ праздничные дни стоило великихъ трудовъ, чтобъ заставить его итти въ церковь и подчиниться благочестивымъ обрядамъ, и что въ разговорахъ съ Симономъ Тодорскимъ онъ по большей части обнаруживалъ отвращеніе отъ религіи. Его императорское высочество не хотѣлъ ни съ чѣмъ согласиться, спорилъ о каждомъ предметѣ, и приближенные его часто бывали призываемы, чтобъ охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ. Наконецъ, послѣ многихъ для себя неприятностей, онъ подчинился волѣ императрицы, своей тетки, но, можетъ быть, по предразсудку, по привычкѣ или по охотѣ противорѣчить, онъ нѣсколько разъ выражалъ, что ему пріятнѣе было бы уѣхать въ Швецію, нежели оставаться въ Россіи. Брюмеръ, Берхгольцъ и другіе голштинцы оставались при немъ до его женитьбы. Къ нимъ для виду присоединили нѣсколько учителей. Преподаватель русскаго языка, Исаакъ Веселовскій, съ самаго начала являлся рѣдко, а потомъ вовсе пересталъ ходить; профессоръ Штелинь, который долженъ былъ учить его математическимъ наукамъ и исторіи, собственно только игралъ съ нимъ и служилъ вмѣсто шута. Всѣхъ точнѣе былъ балетмейстеръ Ланге, учившій танцованію. Во внутреннихъ своихъ комнатахъ великій князь занимался исключительно военною выправкою нѣсколькихъ лакеевъ, которые были даны ему въ услуженіе. Онъ возводилъ ихъ въ чины и степени, и потомъ разжаловалъ, какъ ему вздумалось. Это были настоящія дѣтскія игры, постоянное ребячество. Вообще онъ былъ очень ребячливъ, хотя ему было уже шестнадцать лѣтъ въ 1744 г. Въ 1744 г., 9 февраля, я съ матерью своею пріѣхала въ Москву, гдѣ тогда находился русскій дворъ.

Русскій дворъ въ то время раздѣленъ былъ на два большіе стана, или партіи. Во главѣ первой, начинавшей снова возвышаться послѣ своего униженія, стоялъ вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ внушалъ къ себѣ гораздо больше страха, нежели привязанности, былъ до чрезвычайности пронырливъ и подозри-

теленъ, твердъ и неколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ, довольно жестокъ съ подчиненными, врагъ непримиримый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они сами не измѣняли ему; впрочемъ неуживчивъ и во многихъ случаяхъ мелоченъ. Онъ управлялъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ. Передъ поѣздкою двора въ Москву онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ приближенными императрицы, которыхъ хотѣлъ отмѣнить, но теперь онъ начиналъ оправляться. Онъ держался Англии и дворовъ Вѣнскаго и Дрезденскаго. Приѣздъ мой и матери былъ ему неприятенъ, какъ дѣло, тайно отъ него устроенное противною партією. У него было множество враговъ, но всѣ они трепетали передъ нимъ. Онъ имѣлъ надъ ними превосходство въ занимаемой имъ должности, а характеромъ своимъ неизмѣримо превышалъ дипломатовъ царской передней.

Противоположная партія держала сторону Франціи, находившейся подъ французскимъ покровительствомъ Швеціи и короля прусскаго. Душою этой партіи былъ маркизъ де-ла-Шетарди, а матадорами—прибывшіе ко двору голштинцы. Они привлекли къ себѣ Лестока, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ переворотѣ, который возвелъ на русскій престолъ императрицу Елисавету. Лестокъ въ значительной степени пользовался ея довѣренностью. Онъ служилъ при императрицѣ Екатеринѣ I и по кончинѣ ея сдѣлался лейбъ-медикомъ Елисаветы. И матери и дочери онъ оказалъ существенныя услуги. Онъ былъ довольно уменъ, хитеръ и умѣлъ вести интригу, но нрава злого и сердца чернаго. Всѣ эти иностранцы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который также участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елисавету въ ту ночь, когда она вступала на престолъ. Она женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, на графинѣ Аниѣ Карловнѣ Скавронской. Сія послѣдняя воспитывалась вмѣстѣ съ императрицею Елисаветою и была къ ней очень привязана. Къ этой же партіи присоединился графъ Александръ Румянцевъ, отецъ фельдмаршала, заключившій съ Швеціею Абовскій миръ, почти безъ участія Бестужева. Сюда же отчасти принадлежали генераль-прокуроръ Трубецкой, все семейство Трубецкихъ, и слѣдовательно принцъ Гессенъ-Гомбургскій, пользовавшійся въ то время большимъ уваженіемъ; самъ по себѣ онъ ничего не значилъ, его уважали по многочисленной семьѣ жены его, отецъ и мать которой были еще живы. Старуха Трубецкая была въ большомъ почетѣ.

Главными изъ остальныхъ приближенныхъ къ императрицѣ были тогда Шуваловы. Они соперничали съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ, который на ту пору считался первымъ фаворитомъ. Бестужевъ умѣлъ пользоваться ими; но главною опорою служилъ ему баронъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь императрицы, бывшій нѣкогда при кабинетѣ Петра I, человекъ суровый и упрямый, лю-

бившій порядокъ и справедливость и требовавшій, чтобы во всемъ соблюдалась заведенная форма. Остальные придворные присоединялись то къ той, то къ другой партіи, смотря по выгодамъ и по личнымъ видамъ.

Казалось, великій князь былъ радъ приѣзду моей матери и моему. Мнѣ тогда шелъ пятнадцатый годъ. Въ первые дни онъ былъ очень предупредителенъ ко мнѣ. Уже тогда, въ это короткое время, я увидала и поняла, что онъ мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему суждено было царствовать, что онъ держался лютеранства, что не любилъ своихъ приближенныхъ, и что былъ очень ребячливъ. Я молчала и слушала, и тѣмъ приобрѣла его довѣренность. Помню, какъ, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что ему всего болѣе нравится во мнѣ то, что я—его двоюродная сестра, и что по родству онъ можетъ говорить со мною откровенно; вслѣдъ за тѣмъ онъ мнѣ открылся въ своей любви къ одной изъ фрейлинь императрицы, удаленной отъ двора по случаю несчастія ея матери, госпожи Лопухиной, которая была сослана въ Сибирь; онъ мнѣ объяснилъ, что желалъ бы жениться на ней, но что готовъ жениться на мнѣ, такъ какъ этого желаетъ его тетка. Я краснѣла, слушая эти изліянія родственнаго чувства, и благодарила его за предварительную довѣренность, но въ глубинѣ души я не могла надивиться его безстыдству и совершенному непониманію многихъ вещей.

Въ десятый день по приѣздѣ моемъ въ Москву, въ субботу, императрица отправилась въ Троицкій монастырь. Великій князь остался съ нами въ Москвѣ. Мнѣ уже дали троихъ учителей: Симона Годорскаго для наставленія въ греческой вѣрѣ, Василія Адагурова для русскаго языка и балетмейстера Ланге для танцевъ. Желая поскорѣе выучиться русскому языку, я вставала по ночамъ, и въ то время, какъ все кругомъ спало, я, сидя на постели, вытверживала наизусть тетради, которыя мнѣ давалъ Адагуровъ. Въ комнатѣ было жарко, и, не зная московскаго климата, я не считала нужнымъ обуваться, а какъ вставала съ постели, такъ и учила мои уроки. Вслѣдствіе этого на пятнадцатый день у меня открылось воспаленіе въ боку, которое чуть было не свело меня въ могилу. Въ среду, послѣ отъѣзда императрицы въ Троицкій монастырь, я одѣвалась, чтобы итти съ матушкой обѣдать къ великому князю, какъ вдругъ почувствовала сильную дрожь. Насилу я выпросила у матушки позволеніе лечь въ постель. Воротившись отъ обѣда, она нашла меня въ безпамятствѣ; я была вся въ жару и чувствовала нестерпимую боль въ боку. Матушкѣ вздумалось, что у меня начинается оспа; она послала за докторами и требовала, чтобы они меня лѣчили отъ оспы. Доктора говорили, что мнѣ надо пустить кровь, но она никакъ не соглашалась на это, говоря, что братъ ея умеръ въ Россіи отъ оспы послѣ кровопусканія, и

что она не хочет, чтобы и со мной случилось то же. Доктора и приближенные великаго князя (у котораго еще не было оспы) послали обо всемъ подробное донесеніе къ императрицѣ, а я лежала въ постели, окруженная докторами и матушкою, которые спорили между собою, не зная дѣла. Лихорадочный жаръ и боль въ боку чрезвычайно меня мучили; я стонала, и матушка меня бранила за это, требуя, чтобы я терпѣливо переносила страданія.

Наконецъ, въ субботу вечеромъ, въ семь часовъ, то-есть на пятый день моей болѣзни, императрица возвратилась въ Москву и прямо изъ кареты пришла ко мнѣ въ комнату, гдѣ я лежала въ безпамятствѣ. Съ ней былъ графъ Лестокуъ и еще одинъ лейбъ-медикъ. Выслушавъ мнѣніе врачей, она сѣла у моего изголовья и приказала пустить мнѣ кровь. Я очнулась въ ту же минуту, какъ потекла кровь, и, открывъ глаза, увидала себя въ объятіяхъ императрицы, которая приподымала меня. Но я была между жизнью и смертью 27 дней, въ теченіе которыхъ шестнадцать разъ мнѣ пускали кровь, иногда по четыре раза въ день. Матушку почти не пускали ко мнѣ въ комнату. Она попрежнему вооружалась противъ этихъ частыхъ кровопусканій и громко говорила, что меня хотятъ уморить. Однако, она стала убѣждаться, что у меня не будетъ оспы. Императрица приставила ко мнѣ графиню Румянцеву и еще нѣсколькихъ женщинъ. По всему было видно, что не довѣряли уму моей матушки. Наконецъ, благодаря стараніямъ доктора Санше (родомъ португальца), нарывъ въ правомъ боку прорвался; я его выплюнула, и съ тѣхъ поръ мнѣ стало легче. Я тотчасъ замѣтила, что поступки матушки во время моей болѣзни унизили ее въ общемъ мнѣніи. Когда мнѣ было очень дурно, она хотѣла привести ко мнѣ лютеранскаго священника. Чтобы предложить мнѣ это (какъ я послѣ узнала), меня старались привести въ чувство или воспользовались минутами облегченія, но я отвѣчала: «Зачѣмъ же? Позовите лучше Симона Тодорскаго; я охотно поговорю съ нимъ». Его привели, и мой разговоръ съ нимъ въ присутствіи постороннихъ былъ всею очень пріятенъ. Это значительно расположило въ мою пользу, какъ императрицу, такъ и весь дворъ. Еще другое мелкое обстоятельство повредило моей матушкѣ. Около святой недѣли, поутру, она послала одну изъ своихъ камерфрау сказать мнѣ, чтобъ я ей уступила голубую съ серебромъ матерію, которую передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію подарилъ мнѣ братъ моего отца, потому что она мнѣ очень понравилась. Я отвѣчала матушкѣ: пусть возьметъ, это въ ея волѣ, хотя я очень люблю эту матерію, потому что мнѣ ее подарилъ дядя, видя, какъ она мнѣ нравится. Окружавшіе меня, видя, что я отдаю матерію противъ воли, и зная, что я такъ долго находилась между жизнью и смертью и всего нѣсколько дней какъ стала оправляться, начали толковать между собою, что со стороны моей матери вовсе небла-

горазумно причинять малѣйшее неудовольствіе умирающей дочери, и что не только что отнимать у меня матерію, она не должна бы и поминать о томъ. Все это было пересказано императрицѣ, которая тотчасъ же прислала мнѣ множество богатыхъ и великолѣпныхъ матерій, и между прочимъ одну голубую съ серебромъ, но она сдѣлала это въ досаду моей матери. Сію послѣднюю обвиняли, что она вовсе не бережетъ меня и не имѣетъ ко мнѣ никакой нѣжности. Во время болѣзни я привыкла оставаться съ закрытыми глазами; думая, что я сплю, графиня Румянцева и остальные женщины разговаривали между собою, нисколько не стѣсняясь, и этимъ путемъ я многое узнала.

Такъ какъ я начинала выздоравливать, то великій князь приходилъ проводить вечера въ комнатахъ матушки, которыя въ то же время были моими. Онъ, какъ всѣ, принималъ во мнѣ большое участіе. Во время болѣзни императрица часто плакала обо мнѣ. Наконецъ, 21 апрѣля 1744 г., въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, я почувствовала себя въ силахъ показаться публикѣ въ первый разъ послѣ этой тяжкой болѣзни.

Полагаю, что любоваться во мнѣ было нечѣмъ. Я исхудала, какъ скелетъ, выросла; лицо мое, всѣ черты стали длиннѣе, волосы дѣзли, и я была блѣдна, какъ смерть. Я сама видѣла, что я безобразна, какъ пугало, не могла узнать себя. Въ этотъ день императрица прислала мнѣ баночку румянъ и приказала нарядиться.

Какъ скоро наступила весна, хорошая погода, великій князь сталъ тоже посѣщать насъ. Онъ предпочиталъ гулять, стрѣлять, охотиться въ московскихъ окрестностяхъ. Но по временамъ онъ приходилъ къ намъ обѣдать или ужинать и тутъ попрежнему пускался со мною въ ребяческія откровенности. Свита его обыкновенно разговаривала съ моею матерью, къ которой стѣзжалось много гостей. Разные толки въ этихъ собраніяхъ вовсе не нравились тѣмъ, кто въ нихъ не участвовалъ, и, между прочимъ, графу Бестужеву. Всѣ враги сего послѣдняго собирались у насъ, и въ числѣ ихъ былъ маркизъ де-ла-Шетарди, который въ то время еще не заявилъ себя посланникомъ Франціи, но уже получилъ отъ своего двора кредитивную грамоту на эту должность.

Въ маѣ мѣсяцѣ императрица снова отправилась въ Троицкія монастырь. Великій князь, я и матушка поѣхали вслѣдъ за нею. Съ нѣкотораго времени императрица стала очень холодно обращаться съ матушкою. Въ Троицкомъ монастырѣ дѣло вышло на чистоту. Разъ послѣ обѣда великій князь сидѣлъ у насъ въ комнатѣ; неожиданно явилась императрица, сказала матушкѣ, чтобы она шла за нею въ другую комнату. Графъ Лестокъ пошелъ туда же. Мы съ великимъ княземъ сѣли на окошко и ждали, что изъ

этого будетъ. Разговоръ продолжался довольно времени. Мы хохотали, какъ вдругъ явился графъ Лестоку, проходя мимо, подошелъ къ намъ и сказалъ: «Это веселье тотчасъ кончится». Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Укладывайтесь, вы тотчасъ же отправляетесь въ дорогу и возвращаетесь къ себѣ домой». Великій князь спросилъ, что это значитъ. Лестоку отвѣчалъ: «Узнаете послѣ», и съ этимъ словомъ пошелъ исполнять порученіе, которое было дано ему, и котораго я не знала. Мы съ великимъ княземъ начали разгадывать, что бы это значило. Онъ толковалъ вслухъ слова Лестока, я обдумывала дѣло молча. Онъ говорилъ: «но если матушка ваша виновата, то это до васъ не относится». Я ему отвѣчала: «долгъ мой ѣхать вмѣстѣ съ матушкой и дѣлать, что она прикажетъ». Я видѣла ясно, что онъ разстался бы со мною безъ сожалѣнія. Что касается до меня, то, зная его свойства, я бы не пожалѣла его, но къ русской коронѣ я не была такъ равнодушна. Наконецъ, дверь въ спальню отворилась, императрица вышла оттуда вся красная и съ разгнѣваннымъ видомъ. Вслѣдъ за нею вышла матушка съ красными и заплаканными глазами. Окошко, на которое мы вскарабкались, было довольно высоко, и мы торопливо соскочили съ него. Это разсмѣшило императрицу; уходя, она поцѣловала насъ обоихъ. Когда она удалась, мы нѣсколько разузнали, въ чемъ было дѣло.

Маркизь де-ла-Шетарди, прежде, или, лучше сказать, когда былъ въ первый разъ посланникомъ въ Россіи, пользовался милостью и довѣренностью императрицы, но теперь, во второй прѣздѣ, онъ ошибся въ своихъ надеждахъ. Слова его были скромнѣе его писемъ, пропитанныхъ желчью и горечью. Письма эти были вскрыты и дешифрованы; изъ нихъ обнаружились во всѣхъ подробностяхъ его разговоры съ моею матерью и со многими другими лицами о тогдашнихъ обстоятельствахъ и объ императрицѣ. Такъ какъ онъ еще не успѣлъ представить свою кредитивную грамоту, то его велѣно было выслать изъ имперіи. У него взяли назадъ орденъ св. Андрея и портретъ императрицы, но всѣ остальные ея подарки, состоявшіе изъ брильянтовъ, не были отняты. Я не знаю, успѣла или нѣтъ матушка оправдаться во мнѣніи императрицы, но дѣло въ томъ, что мы не уѣхали, хотя съ матушкой попрежнему обращались крайне недовѣрчиво и холодно. Какіе у нея были разговоры съ маркизомъ Шетарди, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что однажды онъ обратился ко мнѣ и поздравилъ меня съ тѣмъ, что я причесана en Moÿse. Я отвѣчала, что въ угоду императрицѣ я готова носить всякую прическу, лишь бы она ей нравилась. Послѣ такого отвѣта онъ сдѣлалъ вируетъ налѣво, ушелъ отъ меня въ другую сторону и больше со мной не заговаривалъ.

По возвращеніи въ Москву съ великимъ княземъ, мы съ матушкой начали вести болѣе уединенную жизнь, чѣмъ прежде. Къ

намъ меньше стало ѣздить гостей, и меня приготавливали къ исповѣданію вѣры; 28-е іюня было назначено для этого обряда, а на другой день, въ праздникъ св. Петра, должно было послѣдовать мое обрученіе съ великимъ княземъ. Помню, что въ это время гофмаршалъ Брюмеръ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ жалобами на своего питомца и говорилъ, чтобы я постаралась исправить или образумить великаго князя; но я ему отвѣчала, что мнѣ невозможно принять на себя эту обязанность, что въ такомъ случаѣ я ему опротивлю точно такъ же, какъ его приближенные. Въ это время матушка очень подружилась съ принцемъ и съ принцессою Гессенъ-Гомбургскими, и особливо съ братомъ принцессы, камергеромъ Бецкимъ. Дружба эта не нравилась графинѣ Румянцевой, гофмаршалу Брюмеру и вообще всѣмъ. Матушка обыкновенно сидѣла съ ними въ своей комнатѣ, а мы въ это время съ великимъ княземъ возились въ передней комнатѣ, гдѣ намъ была своя воля. Въ обоихъ насъ было много дѣтской рѣзвости.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ императрица праздновала въ Москвѣ миръ съ Швеціею, и по этому поводу мнѣ, какъ русской великой княжнѣ-невѣстѣ, составила особый придворный штатъ. Тотчасъ послѣ празднества императрица приказала намъ ѣхать въ Кіевъ. Сама она отправилась черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за нами. Мы ѣхали не торопясь: матушка, я, графиня Румянцева и матушкина камерфрау— въ одной каретѣ; великій князь, Брюмеръ, Берхгольцъ и Дикеръ— въ другой. Разъ, послѣ обѣда, великій князь, которому надоѣли его педагоги, пересѣлъ къ намъ въ карету, и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ иначе ѣхать, какъ съ нами. Матушкѣ наскучило видѣть передъ собою только его да меня, и она вздумала увеличить компанію. Она сказала объ этомъ молодымъ кавалерамъ нашей свиты, въ числѣ которыхъ были князь Голицынъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) и графъ Захаръ Чернышевъ. Тотчасъ опростали одну изъ каретъ, ѣхавшихъ съ нашими постелями, устроили кругомъ лавки, и на другой день великій князь, матушка, я, князь Голицынъ, графъ Чернышевъ и еще кто-то, или двое, кто былъ помоложе изъ нашей свиты, усѣлись въ этой каретѣ и такъ продолжали наше путешествіе. Намъ было очень весело ѣхать, но остальные спутники вооружились противъ этого нововведенія, особливо гофмаршалъ Брюмеръ, оберъ-камергеръ Берхгольцъ, графиня Румянцева, матушкина камерфрау, да и вся остальная свита, потому что мы ихъ не пускали къ себѣ и веселились всю дорогу, между тѣмъ какъ они ссорились и умирали со скуки.

Такимъ образомъ, въ исходѣ третьей недѣли мы пріѣхали въ Козельскъ, гдѣ въ теченіе трехъ другихъ недѣль дожидались императрицы, которая была задержана въ пути разными обстоятельствами. Въ Козельскѣ мы узнали, что многія лица изъ императрицыной свиты съ дороги отправлены въ ссылку, и что она нѣ

очень дурномъ расположеніи духа. Наконецъ, въ половинѣ августа, она прѣѣхала въ Козельскъ, и мы оставались тамъ еще съ нею до послѣднихъ чиселъ августа. Въ большой залѣ, занимавшей средину дома, постоянно съ утра до вечера шла игра въ фараонъ, и по большой цѣнѣ. Зато въ остальныхъ комнатахъ была тѣснота. Матушка и я спали въ одной комнатѣ, графиня Румянцева и матушкина камерфрау—въ слѣдующей, и такъ далѣе. Разъ великій князь пришелъ къ намъ въ комнату. Матушка писала, подлѣ нея стояла ея отпертая шкатулка. Великому князю изъ любопытства хотѣлось порыться въ ней; матушка не позволила, и онъ ушелъ отъ нея подирыгивая. Но, прыгая въ комнату, чтобы разсмѣшить меня, онъ зацѣпился за отпертую шкатулку и опрокинулъ ее. Матушка разгнѣвалась, и они стали браниться. Матушка говорила, что онъ нарочно уронилъ ея шкатулку; онъ отвѣчалъ, что она говоритъ неправду, и оба они ссылались на меня и требовали моего подтвержденія. Зная нравъ матушкинъ, я боялась, что она надастъ мнѣ пощечинъ, если я не буду держать ея сторону; но въ то же время мнѣ не хотѣлось ни лгать, ни обидѣть великаго князя, и, такимъ образомъ, я была между двухъ огней. Однако я сказала матушкѣ, что я не думаю, чтобы великій князь имѣлъ дурной умыселъ, но что прыгая просто зацѣпилъ платьемъ крышку шкатулки, стоявшей на крошечномъ табуретѣ. Тутъ матушка кинулась на меня; когда она бывала сердита, ей нужно было на кого нибудь излить свой гнѣвъ. Я замолчала и заплакала. Великій князь видя, что весь гнѣвъ матушки обрушился на меня, потому что я взяла его сторону, упрекалъ ее въ несправедливости и говорилъ, что она бѣсится со злости, а она называла его невоспитаннымъ мальчишкой. Однимъ словомъ, брань дошла до того, что оставалось только драться, на что, впрочемъ, они оба не рѣшились.

Съ этихъ поръ великій князь былъ предубѣжденъ противъ матушки и никогда не могъ забыть этого спора. Матушка тоже не переставала сердиться на него; имъ было неловко другъ съ другомъ, и между ними возникла взаимная недовѣрчивость и злоба. Оба они не скрывали этого отъ меня, и мнѣ стоило большихъ трудовъ успокоивать ихъ, въ чемъ я не всегда успѣвала. Они безпрестанно были готовы осмѣять другъ друга и наговорить другъ другу колкостей. Такое положеніе становилось для меня съ каждымъ днемъ тяжеле. Я старалась не выходить изъ повиновенія матушки и угождать великому князю, который въ самомъ дѣлѣ въ то время былъ со мною откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ либо, потому что онъ видѣлъ, что матушка часто бросалась на меня, когда не могла придрататься къ нему. Это очень располагало его въ мою пользу, и онъ довѣрялся мнѣ.

Наконецъ, 29 августа, мы пріѣхали въ Кіевъ. Мы оставались тамъ десять дней и затѣмъ отправились назадъ въ Москву точно такимъ же манеромъ, какъ ѣхали въ Кіевъ.

Въ Москвѣ эту осенью при дворѣ не прекращались балеты, комедіи и маскарады. Но, несмотря на это, императрица часто бывала въ дурномъ расположеніи духа. Однажды мы смотрѣли комедію. Ложа, въ которой мы сидѣли, матушка, я и великій князь, была насупротивъ ложи ея величества. Я замѣтила, что императрица о чемъ-то говорила графу Лестоку съ большимъ жаромъ и съ сердцемъ. Когда она кончила, Лестокъ явился къ намъ въ ложу, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы видѣли, какъ императрица говорила со мною?» Я отвѣчала ему, что видѣла. «Ну, такъ знайте же,—сказалъ онъ,—что она очень на васъ гнѣвается». — «На меня! за что?» — «За то, что у васъ много долговъ,—отвѣчалъ онъ.—Она говоритъ, что колодезь можно наконецъ вычерпать, что когда она была великою княжною, то не получала больше вашего и должна была содержать цѣлый домъ, но не смѣла входить въ долги, потому что знала, что за нее никто не станетъ платить». Все это онъ произнесъ сухимъ и рѣзкимъ тономъ, конечно, для того, чтобы она изъ своей ложи могла видѣть, какъ онъ исполнилъ ея приказаніе. У меня въ глазахъ показались слезы, и я замолчала. Послѣ этого онъ ушелъ. Великій князь, сидѣвшій возлѣ меня и слушавшій нашъ разговоръ, спросилъ у меня, чего не разслышалъ, и потомъ больше выраженіемъ лица, нежели словами, давалъ мнѣ знать, что онъ соглашается съ императрицею, и что онъ доволенъ, что меня побранили. Это былъ у него обыкновенный способъ дѣйствія, онъ думалъ сдѣлать угодное императрицѣ, поддакивая ей, когда она на когонибудь гнѣвалась. Матушка узнавъ, въ чемъ дѣло, стала говорить, что все это отъ того, что ее отстранили отъ меня и дозволили мнѣ не спрашиваться ея совѣтовъ, и что поэтому она умываетъ руки. Такимъ образомъ оба они были противъ меня.

Что касается до меня, то я рѣшилась тотчасъ же привести въ порядокъ дѣла свои и на другой день потребовала счета. Оказалось, что я должна 17.000 рублей. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Кіевъ императрица мнѣ прислала 15.000 и большой сундукъ съ богатыми матеріями. Слѣдовательно, долгу всего было 2.000 рублей, и мнѣ казалось, что это не Богъ знаетъ какая сумма. Разныя причины вовлекли меня въ эти издержки.

Во-первыхъ, я пріѣхала въ Россію съ весьма плохимъ гардеробомъ. Много, если у меня было три или четыре платья, между тѣмъ какъ при Русскомъ дворѣ переодѣвались по три раза въ день. Все мое бѣлье состояло изъ дюжины рубашекъ, и я спала на матушкиныхъ простыняхъ.

Во-вторыхъ, мнѣ сказали, что въ Россіи любятъ подарки, и что щедростью задобриваются люди и приобрѣтаются друзья.

Въ-третьихъ, ко мнѣ приставили графиню Румянцову, которая мотала больше всѣхъ въ Россіи и постоянно возилась съ купцами. Ежедневно она приносила мнѣ всякую всячину и совѣтовала купить. Часто я брала только для того, чтобы подарить ей, потому что ей очень этого хотѣлось.

Великій князь также мнѣ дорого стоилъ, потому что любилъ подарки.

Кромѣ того, я замѣтила, что матушка переставала сердиться, какъ скоро ей дадутъ что нибудь, что ей нравилось, и такъ какъ она въ то время часто сердилась, и особливо на меня, то я не пренебрегала этимъ средствомъ. Причина, отчего матушка была сердита, заключалась отчасти въ томъ, что императрица была очень не довольна ею, унижала ее и дѣлала ей непріятности. Кромѣ того, матушкѣ было непріятно, что я, обыкновенно ходившая позади ея, теперь стала ходить впереди; я избѣгала этого, гдѣ было можно; но въ публикѣ я должна была быть впереди. Вообще я поставила себѣ правиломъ оказывать ей всевозможное предпочтеніе и покорность, но пользы отъ этого было мало: она безпрестанно, при всякомъ случаѣ, бранила меня. Это вредило ей самой и не располагало общаго мнѣнія въ ея пользу.

Многія лица, и особливо графиня Румянцова, своими пересказами и разными сплетнями вооружали императрицу противъ матушки. Много значила тутъ и восьмимѣстная карета, въ которой мы ѣхали въ Кіевъ. Въ ней сидѣла одна молодежь и никого изъ пожилыхъ. Богъ знаетъ, какой оборотъ дали этой забавѣ, въ сущности совершенно невинной. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые, имѣвшіе право сидѣть съ нами по чинамъ своимъ, обидѣлись тѣмъ, что мы предпочли имъ тѣхъ, съ кѣмъ было веселѣе. Но все дѣло пошло отъ того, что мы не пустили въ карету Бецакаго и Трубечкиныхъ; матушка во время путешествія въ Кіевъ была совершенно увѣрена въ ихъ дружбѣ. Брюмеръ и графиня Румянцова также не остались въ долгу, и восьмимѣстная карета осталась намъ памятна.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ великій князь заболѣлъ въ Москвѣ корью. Такъ какъ у меня еще не было ея, то взяты были предосторожности, чтобы она ко мнѣ не пристала. Окружавшіе великаго князя не ѣздили къ намъ, и всѣ увеселенія прекратились. Съ наступленіемъ зимы болѣзнь эта прошла, и мы отправились изъ Москвы въ Петербургъ въ саняхъ, матушка со мною—въ однѣхъ, великій князь съ Брюмеромъ—въ другихъ. День рожденія императрицы, 18-е декабря, мы праздновали въ Твери, и на другое утро поѣхали дальше. На полудорогѣ, въ Хотилковскомъ яму, вечеромъ великій князь занемогъ, сидя у меня въ комнатѣ. Его увели въ его комнату и положили спать. Ночью у него былъ сильный жаръ. На другой день, около полудня, мы съ матушкой попли навѣстить

его. Но едва я переступила порогъ, какъ Брюмеръ очутился передо мною и сказалъ, чтобы я не ходила дальше. Я спросила—зачѣмъ, и узнала, что у великаго князя показались оспенныя пятна. Такъ какъ у меня не было оспы, то матушка поспѣшила увести меня изъ комнаты. Рѣшено было, что мы съ матушкой въ тотъ же день отправимся въ Петербургъ, а великій князь съ своею свитою останется въ Хотиловъ. Графиня Румянцева и матушкина камерфрау также остались тамъ, какъ говорили, ходить за больнымъ.

Къ императрицѣ, которая опередила насъ и была уже въ Петербургѣ, послали курьера. Мы встрѣтились съ нею недалеко отъ Новгорода; узнавъ, что великій князь заболѣлъ оспою, она ѣхала изъ Петербурга къ нему въ Хотилово, гдѣ и оставалась во все время болѣзни. Была полночь, когда мы съ нею встрѣтились; но она велѣла остановиться санямъ и спрашивала у насъ о здоровьѣ великаго князя. Матушка сказала ей, какъ его оставили, и вслѣдъ за тѣмъ императрица велѣла ямщику ѣхать дальше. Мы также поѣхали, и къ утру были въ Новгородѣ.

Было воскресенье, и я ходила къ обѣднѣ. Потомъ мы обѣдали, и затѣмъ собирались въ путь, какъ увидали камергера князя Голицына и камеръ-юнкера Захара Чернышева. Они ѣхали изъ Москвы въ Петербургъ. Матушка разсердилась на князя Голицына, потому что онъ ѣхалъ съ графомъ Чернышевымъ, а графъ Чернышевъ, не знаю, что-то солгалъ. Матушка говорила, что отъ него надобно бѣгать, какъ отъ челоувѣка опаснаго и сплетника. Она дулась на нихъ обоихъ; но, такъ какъ это было очень скучно, при томъ же выбирать было не изъ чего, оба они были умнѣе и разговорчивѣе остальныхъ, то я вовсе не раздѣлила матушкина гнѣва и тѣмъ заслужила ея брань.

Наконецъ мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ насъ помѣстили въ одной изъ пристроекъ дворца. Великому князю также отвели особый домъ, между нашимъ помѣщеніемъ и дворцомъ; дворецъ тогда былъ тѣсенъ, и для него не было тамъ мѣста. Мои комнаты былиhalbъ отъ дворца, матушкины — направо. Увидавъ это, матушка разсердилась: во-первыхъ, ей показалось, что мои комнаты лучше расположены, нежели ея; во-вторыхъ, ей непріятно было, что наши комнаты раздѣлялись общемою залою. На самомъ же дѣлѣ у каждой изъ насъ было по четыре комнаты, двѣ на улицу и двѣ на дворъ, всѣ комнаты были одинаковы, обиты голубою и красною матеріею, безъ всякаго различія. Но вотъ главная причина, отъ чего матушка сердилась. Въ Москвѣ императрица присылала мнѣ черезъ графиню Румянцеву планъ этого дома, спрашивала моего мнѣнія, какъ размѣстить насъ, и приказала, чтобы я никому о томъ не сказывала. Выбирать было нечего, потому что оба отдѣленія были одинаковы; я такъ и сказала графинѣ; но изъ словъ сей послѣдней я заключила, что императрицѣ

было бы пріятнѣе, чтобы я жила особо, а не въ однѣхъ комнатахъ съ матушкой. Я сама желала этого, потому что мнѣ было нелѣбно въ комнатахъ матушки, и, короче сказать, быть въ ея обществѣ никому не нравилось. Матушка провѣдала, что ко мнѣ приносили планъ, стала меня спрашивать, и я ей сказала всю правду, какъ было дѣло. Она бранила меня, зачѣмъ я не сказала ей тотчасъ. Я отвѣчала, что было запрещено говорить; но она этимъ не удовольствовалась. Вообще я замѣчала, что она съ каждымъ днемъ все больше на меня гнѣвается; что она перессори-лась почти со всѣми, такъ что больше не приходила къ намъ за столъ, а обѣдала и ужинала у себя въ комнатахъ. Что касается до меня, то я ходила къ ней раза по три или по четыре въ день. Остальное время я училась русскому языку и играла на клави-кордахъ. Я покупала себѣ книгъ; въ 15 лѣтъ вела уединенную жизнь и была довольно углублена въ себя для моего возраста.

Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Москвы пріѣхало шведское посольство, въ главѣ котораго находился сенаторъ Цедеркрейцъ. Черезъ нѣсколько времени затѣмъ пріѣхалъ еще графъ Гилленбургъ, имѣвшій порученіе извѣстить императрицу о свадьбѣ шведскаго принца (брата моей матери) съ принцессою шведскою. Мы познакомились съ графомъ Гилленбургомъ и со многими другими шведами еще въ то время, какъ наслѣдный принцъ уѣзжалъ въ Швецію. Это былъ очень умный человѣкъ, уже не молодой и очень уважаемый моею матушкою. Во мнѣ онъ оставилъ призна-тельное воспоминаніе, потому что въ Гамбургѣ видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, онъ говорилъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманія, что я дитя выше лѣтъ моихъ, и что у меня философское расположеніе ума. Пріѣхавъ въ Петербургъ и посѣтивъ насъ, онъ спрашивалъ, что стало-сь съ моей философіей въ суетѣ придворной жизни. Я ему пересказала, чѣмъ я занималась у себя въ комнатѣ. Онъ возражалъ, что философъ въ 15 лѣтъ не можетъ знать себя, что я окружена препятствіями, съ которыми не могу бороться, что надо имѣть очень возвышенную натуру, чтобы преодолѣть ихъ, и что надо питать душу чтеніемъ лучшихъ книгъ. Онъ мнѣ совѣтовалъ читать житія знаменитыхъ мужей Плутарха, житіе Цицерона и о причинахъ величія и упадка Римской республики, сочиненіе Мон-тескье. Я тотчасъ послала за этими книгами (ихъ тогда едва можно было сыскать въ Петербургѣ) и сказала ему, что я напишу свой портретъ, такъ какъ знаю себя, для того, чтобы онъ могъ видѣть, знаю ли я себя, или нѣтъ.

Дѣйствительно я описала самое себя, назвала мое сочиненіе: «Изображеніе философа въ 15 лѣтъ», и отдала его ему. Много лѣтъ спустя, именно въ 1758 году, я нашла у себя эту тетрадь, и сама удивилась, съ какою глубиною и точною изобразила я

себя. Къ сожалѣнію, я тогда же сожгла ее вмѣстѣ со всѣми другими бумагами; это было во время несчастнаго дѣла Бестужева; я уничтожила тогда всѣ бумаги, какія у меня были въ комнатахъ.

Графъ Гилленбургъ черезъ нѣсколько дней возвратилъ мнѣ мое сочиненіе. Не знаю, снятъ ли онъ съ него списокъ. Онъ прибавилъ къ нему страницъ двѣнадцать своихъ размышленій обо мнѣ, въ которыхъ старался укрѣпить во мнѣ возвышенность и твердость души, равно и другія качества ума и сердца. Много разъ я читала и перечитывала эти размышленія и старалась проникнуться ими. Я дала себѣ обѣтъ искренно слѣдовать его совѣтамъ; а какъ скоро я давала себѣ въ чемъ нибудь обѣтъ, то я не помню, чтобъ когда нибудь не исполнила его. По желанію графа Гилленбурга, я отдала ему назадъ его размышленія. Я должна признаться, что складъ ума моего и души моей образовался и укрѣпился подъ его значительнымъ вліяніемъ.

Въ началѣ февраля императрица съ великимъ княземъ возвратились изъ Хотилова. Какъ скоро намъ сказали, что она пріѣхала, мы пошли встрѣчать ее и нашли ее въ большой залѣ. Это было между четвертымъ и пятымъ часомъ вечера, въ залѣ было почти темно; но, несмотря на то, я едва не испугалась, увидавъ великаго князя: онъ чрезвычайно выросъ и перемѣнился, всѣ черты его сдѣлались грубѣе, опухоль на лицѣ еще не прошла, и не было никакого сомнѣнія, что у него останутся сильныя рябины. Онъ былъ остриженъ и носилъ огромный парикъ, который еще больше безобразилъ его. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, узнаю ли я его. Я пробормотала ему какую-то любезность на счетъ его выздоровленія, но въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ ужасно дурень.

9 февраля прошелъ ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала къ Русскому двору. 10 февраля 1745 г., императрица праздновала день рожденія великаго князя. Ему наступилъ 18-й годъ. Императрица обѣдала на тронѣ со мною одной. Великій князь не являлся въ публику ни въ этотъ день, ни долго послѣ. Его не торопились показывать, потому что оспа обезобразила его. Въ этотъ день императрица была со мною очень ласкова. Она сказала мнѣ, что ее очень утѣшали русскія письма, которыя я ей писала въ Хотилово (правду сказать, ихъ сочинялъ Ададуровъ, я только переписывала), и что она знаетъ, какъ я прилежно занимаюсь русскимъ языкомъ. Она говорила со мною по-русски, хотѣла, чтобы я отвѣчала ей также по-русски, и изволила хвалить мое произношеніе. Потомъ она говорила, какъ я похорошѣла послѣ московской болѣзни; однимъ словомъ, во все время обѣда она безпрестанно оказывала мнѣ знаки расположенія и милости. Послѣ обѣда я возвратилась къ себѣ веселая и счастливая, и всѣ поздравляли меня съ этимъ. Императрица приказала принести къ

себѣ мой портретъ, начатый живописцемъ Каравакомъ, и оставила его у себя въ комнатѣ. Это—тотъ самый портретъ, который скульпторъ Фальконетъ увезъ съ собою во Францію. Онъ былъ въ то время необыкновенно похожъ.

Чтобы итти къ обѣднѣ или къ императрицѣ, мы съ матушкою должны были проходить комнатами великаго князя, которыя были рядомъ съ моими, такимъ образомъ мы его часто видали. По вечерамъ онъ также являлся къ намъ на нѣсколько минутъ, но безъ особеннаго удовольствія; напротивъ, онъ всегда бывалъ радъ какому нибудь предлогу остаться у себя въ комнатахъ, гдѣ предавался своему обыкновенному ребячеству, о которомъ я упоминала.

Вскорѣ послѣ приѣзда императрицы и великаго князя въ Петербургъ матушка была очень опечалена и не могла скрыть этого. Вотъ какъ это было.

Братъ ея, принцъ Августъ, написалъ къ ней въ Кіевъ о своемъ желаніи приѣхать въ Россію. Матушку извѣстили, что онъ собирается въ Россію только затѣмъ, чтобы прибрать въ свои руки управленіе Голштиніею, именно: хотѣли заранѣе объявить великаго князя совершеннолѣтнимъ и такимъ образомъ уничтожить опеку старшаго брата, сдѣлавшагося наслѣднымъ принцемъ шведскимъ; младшій братъ, принцъ Августъ, сталъ бы править Голштиніею отъ имени великаго князя.

Таковы были замыслы голштинской партіи, враждебной наслѣдному принцу шведскому. Въ интригѣ этой участвовали также и датчане, они не могли простить шведскому принцу того, что онъ одержалъ верхъ надъ датскимъ принцемъ, котораго далекарлійцы хотѣли выбрать наслѣдникомъ шведскаго престола. Матушка отвѣчала брату своему, принцу Августу, изъ Козельска, что вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ замыслахъ людей, враждебныхъ брату, ему слѣдуетъ ѣхать къ мѣсту своей службы, въ Голландію, и что лучше съ честью погибнуть въ сраженіи, нежели строить козни противъ своего брата и въ Россіи мѣшаться съ врагами сестры своей. Подъ сими послѣдними матушка разумѣла графа Бестужева, который благопріятствовалъ этимъ замысламъ, желая черезъ то повредить Брюмеру и всѣмъ остальнымъ приверженцамъ наслѣднаго принца шведскаго, бывшаго опекуномъ великаго князя по управленію Голштиніею. Матушкино письмо было вскрыто и прочтено графомъ Бестужевымъ и императрицею, которая была очень не довольна матушкою, и противъ наслѣднаго принца шведскаго была также заранѣе предубѣждена, потому что онъ, по совѣтамъ жены своей, сестры короля прусскаго, поддался французской партіи и французской политикѣ, все несогласной съ видами Россіи. Его называли неблагодарнымъ, а матушку обвиняли въ томъ, что она вовсе не любитъ своего

младшаго брата, такъ какъ она писала ему о погибели въ сраженіи. Выраженіе это находили жестокимъ и безчеловѣчнымъ, между тѣмъ какъ матушка хвалилась имъ передъ друзьями своими и называла его твердымъ и торжественнымъ. Какъ бы то ни было, мнѣнія матушки не были уважены. Напротивъ, чтобы насолить ей и досадить всей голштинно-шведской партіи, графъ Бестужевъ, безъ вѣдома матушки, выхлопоталъ принцу Августу позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Узнавъ, что онъ ѣдетъ, матушка чрезвычайно разгнѣвалась и огорчилась. Она встрѣтила его очень холодно; но это нисколько не смутило его, такъ какъ онъ опирался на Бестужева. Императрицу убѣдили благосклонно принять его, что она и сдѣлала для виду. Впрочемъ, все это не продолжалось и не могло продолжаться, потому что самъ по себѣ принцъ Августъ былъ лицо вовсе не замѣчательное. Уже одна наружность не располагала въ его пользу: онъ былъ малъ ростомъ и неуклюжъ; сверхъ того, небольшого ума и раздражительнаго нрава. Имъ руководили его приближенные, тоже люди, ничего не значащіе. Сказать правду, онъ былъ просто глупъ и тѣмъ очень сердилъ матушку, которую пріѣздъ его довелъ почти до отчаянія. Черезъ приближенныхъ совершенно овладѣвъ принцемъ Августомъ, графъ Бестужевъ разомъ попалъ въ нѣсколько цѣлей. Ему хорошо было извѣстно, что великій князь такъ же, какъ и онъ, терпѣть не могъ Брюмера, котораго, въ свою очередь, не любилъ и принцъ Августъ за его приверженность къ наслѣдному принцу шведскому. Подъ предлогомъ родства и въ качествѣ голштинца, принцъ Августъ не отходилъ прочь отъ великаго князя, безпрестанно говорилъ съ нимъ о Голштиніи, твердилъ о его будущемъ совершеннолѣтніи, и по его навѣтамъ великій князь сталъ просить тетку и графа Бестужева, чтобы его заранѣе объявили совершеннолѣтнимъ. Для этого нужно было согласіе римскаго императора, которымъ въ то время былъ Карлъ VII, изъ баварскаго дома; но между тѣмъ какъ шли переговоры, онъ умеръ, и дѣло было отложено до избранія въ императоры Франца I.

Дурно принятый матушкою принцъ Августъ не оказывалъ ей уваженія и тѣмъ самымъ еще болѣе унижилъ ее во мнѣніи великаго князя. Съ другой стороны, какъ принцъ Августъ, такъ и старый камердинеръ, фаворитъ великаго князя, вѣроятно, опасаясь моего будущаго вліянія, часто твердили ему о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ женою. Ромбергъ, бывшій шведскій драгунъ, говорилъ ему, что его жена не смѣла передъ нимъ пикнуть, не только что мѣшаться въ дѣла его, что какъ только она разѣвала ротъ, онъ ей приказывалъ молчать, что онъ былъ глава дома, и что мужчинѣ стыдно быть простакомъ и слушаться жены своей. Но они, видно, не рассчитывали на скромность великаго князя, или не знали, что когда у него бывало что нибудь на сердцѣ или въ

головѣ, то онъ немедленно являлся разсказывать обо всемъ тѣмъ, съ которыми обыкновенно говорилъ, вовсе не обращая вниманія, кто были эти лица. Такимъ образомъ я узнала объ этихъ внушеніяхъ отъ самого великаго князя при первой нашей встрѣчѣ. Вообще онъ воображалъ, что всѣ люди держатся одного съ нимъ мнѣнія, и что это очень естественно и такъ должно быть. Я, разумѣется, все это держала про себя, но въ то же время не переставала серьезно обдумывать предстоящую мнѣ участь. Я рѣшилась щадить откровенность великаго князя для того, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, видѣлъ во мнѣ лицо, которому можетъ довѣряться во всемъ безъ малѣйшихъ для себя неприятностей, и въ теченіе долгаго времени мнѣ это удавалось. Вообще я обращалась со всѣми, какъ могла лучше, и старалась приобрести дружбу, или, по крайней мѣрѣ, смягчить непріязнь тѣхъ людей, которыхъ я могла подозрѣвать въ неблагопріятномъ къ себѣ расположеніи. Я не хотѣла держаться никакой партіи, ни во что не вмѣшивалась, всегда показывала веселый видъ была предупредительна, внимательна и вѣжлива со всѣми. Я была отъ природы веселаго нрава и съ удовольствіемъ замѣчала, что съ каждымъ днемъ росло расположеніе ко мнѣ публики, которая смотрѣла на меня, какъ на замѣчательнаго и умнаго ребенка. Я показывала великую почтительность матушкѣ, безпредѣльное послушаніе императрицѣ, отличную внимательность великому князю, и однимъ словомъ всѣми средствами старалась снискать любовь публики.

Еще въ Москвѣ императрица назначила мнѣ дамъ и кавалеровъ, составлявшихъ мой дворъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ она приставила ко мнѣ русскихъ женщинъ для того, чтобы, какъ она говорила, я могла скорѣе выучиться русскому языку. Я была очень этимъ довольна. Самой старшей изъ дѣвушекъ, которыхъ мнѣ дали, было около двадцати лѣтъ; всѣ онѣ были очень веселаго нрава, такъ что съ этого времени, вставши чуть съ постели и до самой ночи, я не переставала пѣть, танцовать, рѣзвиться и дурачиться у себя въ комнатѣ. Вечеромъ, послѣ ужина, ко мнѣ приходили въ спальню три мои фрейлины, двѣ княжны Гагарины и Кошелева, и тутъ мы играли въ жмурки и въ разныя другія игры, по нашему возрасту. Всѣ эти дѣвушки ужасно боялись графини Разумовской, но, такъ какъ она съ утра до вечера играла въ карты въ передней комнатѣ либо у себя и вставала изъ-за стола только за нуждою, то мы почти не видали ея. Посреди этихъ веселостей мнѣ пришлось въ голову распредѣлить обязанности моихъ фрейлинъ. Деньги, расходы и бѣлье я оставила на попеченіи мамзель Шенкъ, старой фрейлины, пріѣхавшей со мною изъ Германіи, глупой и ворчливой, которой вовсе не нравились наши веселости, и которой досадно было, что всѣ эти молодые дѣвушки стали раздѣлять ея должность и мое расположеніе. Брильянты я поручила

дѣвицѣ Жуковой, такъ какъ она была умнѣе, веселѣе и откровеннѣе другихъ, и я начала очень любить ее. Камердинеръ Тимоѣей Евреиновъ принялъ въ свое вѣдѣніе мои платья; дѣвица Балкова, вышедшая потомъ замужъ за поэта Сумарокова, должна была смотрѣть за моими кружевами; ленты я отдала дѣвицѣ Скороходовой старшей, впоследствии вышедшей за Аристарха Кашкина; младшая сестра ея, Анна, ничего не получила, потому что ей всего было 13 или 14 лѣтъ. На другой день вечеромъ послѣ того, какъ я совершенно полновластно, никого не спрашиваясь, устроила свое хозяйство, давали комедію. Надо было проходить туда комнатами матушки. Комедію смотрѣли императрица, великій князь и весь дворъ. Ее давали въ маленькомъ театрѣ, который былъ устроенъ въ манежѣ, принадлежавшемъ въ царствованіе Анны герцогу Курляндскому (я занимала его комнаты). Послѣ комедіи, когда императрица возвратилась къ себѣ, графиня Разумовская явилась ко мнѣ въ комнату и объявила, что императрица не довольна гѣмъ, что я раздала мои вещи подъ присмотръ моимъ женщинамъ, и что она приказала взять назадъ у Жуковой ключи отъ моихъ брильянтовъ и отдать ихъ попрежнему мамзель Шенкъ. Графиня Румянцева тутъ же, въ моемъ присутствіи, исполнила это приказаніе и ушла затѣмъ. У насъ съ Жуковой вытянулись лица, а мамзель Шенкъ торжествовала послѣ такого довѣрія, оказаннаго ей императрицею. Она начала подымать носъ предо мною, и оттого стала еще глупѣе прежняго и еще менѣе внушала къ себѣ расположенія.

На первой недѣлѣ великаго поста у меня была очень странная сцена съ великимъ княземъ. Утромъ я съ своими женщинами, которыя всѣ были очень набожны, была у себя въ комнатѣ и слушала заутреню, которую служили въ передней комнатѣ, какъ вдругъ ко мнѣ явилось посольство отъ великаго князя: онъ прислалъ своего карлика спросить о моемъ здоровьѣ и сказать, что по случаю великаго поста онъ въ этотъ день не придетъ ко мнѣ. Когда карликъ вошелъ, мы всѣ слушали молитвы и во всей точности исполняли правила поста, по нашему обряду. Я велѣла передать великому князю обыкновенное привѣтствіе, и карликъ ушелъ назадъ. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ былъ тронутъ гѣмъ, что видѣлъ, или вообразилъ, что дорогой господинъ его, вовсе не имѣвшій охоты молиться, захочетъ послѣдовать нашему примѣру, или, можетъ быть, по глупости, только что возвратившись въ комнату великаго князя, онъ началъ чрезвычайно расхваливать благочестіе, царствовавшее у меня въ комнатахъ, и этимъ самымъ очень разсердилъ противъ меня великаго князя. При первой нашей встрѣчѣ я увидала, что онъ на меня дуется, и когда спросила—за что, онъ сталъ меня бранить за чрезмѣрную набожность. Я спрашивала, кто ему сказалъ о моей набожности, и онъ сослался на карлика,

какъ на очевидца. Я возражала ему, говоря, что исполняю только приличіе, котораго невозможно обойти безъ скандала, и дѣлаю то, что всѣ дѣлаютъ, но онъ оставался при своемъ мнѣніи. Споръ этотъ кончился такъ же, какъ кончается большая часть споровъ, т.-е. каждый остался при своемъ; но, такъ какъ во время обѣдни его императорскому высочеству не съ кѣмъ было больше говорить, какъ со мною, то понемногу онъ пересталъ дуться на меня.

Черезъ два дня послѣ этого произошла другая тревога. Было утро; у меня служили заутреню, какъ вошла ко мнѣ въ комнату мамзель Шенкъ, вся взволнованная, и объявила, что матушкѣ дурно, и что она въ обморокѣ. Я тотчасъ побѣжала къ ней и нашла ее на полу, на матрацѣ, но въ памяти. Я осмѣлилась спросить, что съ нею; она отвѣчала, что хотѣла пустить себѣ кровь, но что фельдшеръ по неловкости четыре раза не попадалъ, куда слѣдуетъ въ обѣихъ рукахъ и ногахъ, и что отъ этого она лишилась чувства. Я знала, какъ матушка боялась кровопусканія, и не могла понять, какъ ей вздумалось пустить себѣ кровь, и зачѣмъ это было нужно. Тѣмъ не менѣе она упрекала меня, что я вовсе не принимаю въ ней участія, и по этому поводу наговорила мнѣ множество непріятностей. Я защищалась, какъ могла, и извиняла себя невѣдѣніемъ; но видя, что она въ дурномъ нравѣ, я замолчала, старалась удерживать слезы и оставалась при ней до тѣхъ поръ, пока она съ неудовольствіемъ приказала мнѣ уйти. Я возвратилась въ свою комнату въ слезахъ, и, когда мои женщины спрашивали, о чемъ я плачу, я имъ рассказала все, какъ было. По нѣскольку разъ въ день я ходила въ комнаты къ матушкѣ и оставалась тамъ, сколько слѣдовало, чтобы не быть ей въ тягость, чего она строго всегда требовала, и къ чему я очень привыкла. Въ жизни моей я ничего такъ не избѣгала, какъ быть комунибудь въ тягость, и я всегда удалялась тотчасъ же, какъ скоро въ душѣ моей рождалось подозрѣніе, что я могу быть въ тягость, и слѣдовательно могу наскучить; но я знаю по опыту, что не всѣ держатся этого правила, потому что мнѣ часто приходилось терпѣть отъ людей, которые не умѣютъ удаляться, прежде чѣмъ отяготятъ собою и наскучатъ.

Во время поста матушка испытала и настоящее огорченіе; совершенно неожиданно она получила извѣстіе, что младшая сестра моя, Елисавета, трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду, скоропостижно скончалась. Матушка была очень огорчена; я также плакала по сестрѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ одно прекрасное утро, императрица пришла ко мнѣ въ комнату. Она послала за матушкою и вмѣстѣ съ нею пошла въ мою уборную, гдѣ онѣ долго наединѣ разговаривали, и затѣмъ возвратились въ мою спальню, матушка съ красными глазами и въ слезахъ. Онѣ про-

должали говорить, и я узнала, что дѣло шло о кончинѣ императора Карла VII, о которой императрица тогда получила извѣстіе. Въ это время императрица еще ни съ кѣмъ не заключила союза и колебалась между Пруссіею и Австріею, которыя обѣ имѣли своихъ приверженцевъ. Она имѣла однѣ и тѣ же причины неудовольствія, какъ противъ австрійскаго дома, такъ и противъ Франціи, съ которою былъ въ дружбѣ король прусскій; ибо, если маркизъ Ботта, министръ Вѣнскаго двора, былъ принужденъ выѣхать изъ Россіи за дурные отзывы на счетъ императрицы, которымъ въ то время постарались придать значеніе заговора, то, съ другой стороны, подъ этимъ же предлогомъ былъ высланъ изъ Россіи и маркизъ де-ла-Шетарди. Я не знаю, что собственно было цѣлью разговора императрицы съ матушкою; но матушка, повидимому, осталась очень довольна имъ и возымѣла великія надежды. Въ то время она вовсе не была расположена къ австрійскому дому. Что касается до меня, то во всемъ этомъ я была просто зрителемъ, весьма страдательнымъ, весьма скромнымъ и, можно сказать, даже равнодушнымъ.

Послѣ святой, когда настала весна, я сказала графинѣ Румянцевой, что мнѣ хотѣлось бы выучиться ѣздить верхомъ, и она испросила на то согласіе императрицы. Ровно черезъ годъ послѣ воспаленія, которымъ я была больна въ Москвѣ, у меня начались боли въ груди; я лопрежнему была чрезвычайно худа и по совѣту докторовъ пила каждое утро молоко и зельцерскую воду. Въ домѣ Румянцевой, въ казармахъ Измайловскаго полка, я взяла первый урокъ верховой ѣзды; въ Москвѣ я ѣдила нѣсколько разъ верхомъ, но очень дурно.

Въ маѣ мѣсяцѣ императрица съ великимъ княземъ переѣхали въ Лѣтній дворецъ, а мнѣ съ матушкой дали каменное строеніе, въ то время находившееся вдоль Фонтанки, возлѣ дома Петра I. Часть этого строенія занимала матушка, а другую часть — я. Тутъ прекратились частыя посѣщенія великаго князя; онъ послалъ человека начисто сказать мнѣ, что живетъ слишкомъ далеко отъ меня, и потому не можетъ часто видаться со мною. Я хорошо чувствовала, какъ ему мало было до меня дѣла, и какъ мало онъ меня любитъ. Мое самолюбіе и моя суетность страдали, но я была слишкомъ горда, чтобы горевать о томъ; я сочла бы себѣ униженіемъ, если бы ктонибудь смѣлъ изъявлять мнѣ состраданіе. Но, тѣмъ не менѣе, оставаясь одна, я заливалась слезами, потомъ тихонько утирала ихъ и отправлялась шалить съ моими дѣвчушками. Матушка также обращалась со мною очень холодно и церемонно; но не проходило дня, чтобы я по нѣскольку разъ не навѣщала ея. Въ сущности мнѣ было очень скучно, но я никому о томъ не говорила. Жукова однажды подмѣтила мои слезы и стала разспра-

шивать. Я ей сказала причины, какія мнѣ показались наиболѣе правдоподобными, но скрыла настоящія. Больше, чѣмъ когда либо, я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ думать, что я нуждаюсь во всѣхъ, и всячески приобрѣтать общую любовь, въ чемъ я и успѣла.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СНѢЖНЫЙ КОМЪ.

ИХЪ БЫЛО трое: Цвингеръ, Нудель и Ципулькесъ.

Можеть быть, вы думаете, что эти три почтенныя имени дружно составляли одну фирму, которая вела торговлю хлѣбомъ, тканями или скобянымъ товаромъ? И каждую субботу, возвратясь изъ синагоги, Цвингеръ бралъ свою жену Ривку, разряженную въ рыжее шелковое платье, съ массивными золотыми браслетами на обѣихъ рукахъ, съ алмазными серьгами въ ухахъ, и подъ ручку съ нею шелъ въ гости къ Нуделю, кушалъ тамъ селедку съ лукомъ и желтый пряникъ съ чернымъ изюмомъ въ серединѣ, посыпанный сверху пахучимъ анисомъ, а потомъ отправлялся къ Ципулькесу и опять кушалъ тамъ селедку съ лукомъ и желтый пряникъ, а вечеромъ

Нудель и Ципулькесъ подъ руки со своими женами, у которыхъ платья тоже были изъ настоящаго шелка, на рукахъ тоже красовались массивные браслеты, а въ ухахъ алмазы, — приходили къ Цвингерамъ, садились за круглый столъ, на которомъ горѣло семь свѣчей, мирно бесѣдовали объ успѣхахъ своей фирмы, закусывая селедкой съ лукомъ и желтымъ пряникомъ съ пахучимъ анисомъ?...

Это вы такъ думаете, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, и фирмы такой никогда не существовало, да и не могло существовать, потому что Цвингеръ, Нудель и Ципулькесъ были кровными врагами. Почему они были врагами, несмотря на то, что принадлежали къ одному и тому же сословию, всѣ трое

дѣйствительно любили и селедку съ лукомъ и желтый пряникъ съ анисомъ и даже посѣщали одну и ту же синагогу? Почему они были врагами? Это неизвѣстно. Можетъ быть, послѣ это и объяснится, а теперь мы должны рассказывать все по порядку.

I.

Ц в и н г е р ь .

Болтиковъ былъ очень еще молодой человѣкъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ 25—26. Средняго роста, хорошо сложенный, прилично одѣтый, онъ своимъ открытымъ лицомъ, на которомъ было все ясно, свѣтло, искренно и наивно, производилъ впечатлѣніе добраго малаго. Онъ служилъ въ городскомъ управленіи помощникомъ дѣлопроизводителя, получалъ сто рублей въ мѣсяць, годъ тому назадъ женился и жилъ скромно, аккуратно, сводя концы съ концами. Говорили, что онъ подавалъ надежды, но не объясняли, на что. Самъ же онъ не раздѣлялъ этого мнѣнія и рассчитывалъ лѣтъ черезъ шесть повыситься до дѣлопроизводителя и на этомъ остановиться. Такимъ образомъ его мечты не шли дальше двухтысячнаго дѣлопроизводительскаго оклада. Таковъ былъ Андрей Андреичъ Болтиковъ. Надо сказать еще, что у него былъ спокойный и добродушный характеръ, и что, когда онъ смотрѣлъ на нѣкоторыхъ своихъ товарищей, въ особенности на дѣлопроизводителя Амарантова, который ежеминутно высматривалъ, у кого бы призанять денегъ, онъ думалъ: «слава Тебѣ, Господи, что у меня нѣтъ долговъ».

Такъ думалъ Болтиковъ, но случилось одно обстоятельство, которое ставило его втупикъ. Его молоденькая жена была беременна, это было въ порядкѣ вещей. Уже восемь мѣсяцевъ они готовились достодолжнымъ образомъ принять даръ, который послало имъ небо. Они вооружились пеленками, рубашенками, тюфячками, одѣяльцами; все это стоило большихъ жертвъ, но дѣло обошлось безъ потрясеній бюджета, просто Болтиковъ ваялъ на точномъ основаніи устава двухмѣсячное жалованье и, кромѣ того, сталъ вмѣсто двухрублеваго чая покупать въ рубль восемьдесятъ, а табакъ въ два сорокъ замѣнилъ полторарублевымъ.

Наступилъ торжественный часъ. Болтиковы получили наследника. Вотъ тутъ-то и пошли пертурбаціи. Послѣ трехдневнаго отсутствія Болтиковъ пришелъ на службу совершенно разстроенный, съ растеряннымъ видомъ.

— Что съ вами, Андрей Андреичъ? — участливо спросилъ его Амарантовъ.

Дѣлопроизводитель Амарантовъ былъ человѣкъ веселый и всегда умѣвшій сохранять необычайную бодрость духа. Казалось,

этотъ человекъ только и думалъ о томъ, какъ бы найти денегъ, только и дѣлалъ, что подписывалъ векселя, бралъ деньги подъ звѣрскіе проценты и сію же минуту отдавалъ ихъ въ другія руки. «Я осужденъ всю жизнь нести ростовщическое иго, — говорилъ онъ, — я созданъ для того, чтобы на нихъ работать». И дѣйствительно онъ работалъ, какъ волъ, и въ управѣ, и въ газетахъ, и гдѣ придется, зарабатывалъ немало, но платилъ еще больше и опять бралъ, чтобы жить и платить, и въ этомъ заколдованномъ кругѣ вращался Амарантовъ многіе года, безъ малѣйшей надежды выйти изъ него.

— Ахъ, представьте, жена родила, и молока не оказалось, кормить нечѣмъ, — отвѣчалъ Болтиковъ.

— Ну, что жъ такое? Возьмите кормилицу...

— Кормилицу? — съ ужасомъ спросилъ Болтиковъ, — да гдѣ же мнѣ взять столько денегъ, чтобы содержать ее? Кромѣ того, еще вдругъ явились расходы: акушеркѣ надо заплатить, женѣ хересь прописали, деликатную пищу... Ахъ, у меня волосы дыбомъ встаютъ... Откуда я возьму денегъ на все это?

— Вотъ пустяки! Да это очень просто: возьмите у ростовщика.

И въ самомъ дѣлѣ для Амарантова это было очень просто: пошелъ къ ростовщику, далъ дьявольскіе проценты, предложилъ чертовскія гарантіи и подписалъ вексель. Но Болтиковъ пришелъ въ ужась.

— У ростовщика? Боже сохрани! Что вы это?

— Да почему же? Это такъ просто: возьмите и понемногу вы платите.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ. Да, наконецъ, кто же мнѣ дастъ?

— Вамъ кто дастъ? Любой дастъ. Выйдите на улицу, тамъ ихъ видимо-невидимо ходитъ, и каждый изъ нихъ навѣрное ростовщикъ. Зайдите въ любую лавку, въ любой кабакъ, всюду съ наслажденіемъ даютъ деньги подъ проценты. Зайдите, наконецъ, на биржу и крикните: денегъ подъ хорошіе проценты! И сейчасъ же всѣ бросятъ свои акціи, накинутся на васъ и чуть не разорвутъ васъ на части. Да вотъ что самое лучшее: я дамъ вамъ карточку съ адресомъ, и вы отправитесь.

— Куда?

— Куда? Ну, хоть къ Цвингеру. Вотъ вамъ...

— Я подумаю, — сказалъ Болтиковъ и взялъ карточку на всякій случай. Но это «подумаю» онъ сказалъ такъ себѣ, по обычной осторожности, въ сущности же думать было некогда. Нельзя же было оставить ребенка безъ пищи, жену безъ подкрѣпляющаго напитка и пр. и пр., что назрѣло совершенно внезапно, чего онъ никакъ не ожидалъ и къ чему совсѣмъ не приготовился. Такимъ образомъ думать было некогда. Отъ Амарантова онъ получилъ разрѣшеніе уйти со службы и отправился по адресу,

Среди невысокихъ, большею частью, двухъэтажныхъ домовъ Чижииковской улицы стоялъ старый домъ съ грязными, ободранными, словно облитыми помоями, стѣнами, съ кривыми воротами, съ деревяннымъ балкономъ на улицу, который, казалось, ждалъ только удобной минуты, чтобы обломиться и свалиться на голову прохожаго. Надъ воротами красовалась новая табличка, гласившая, что этотъ домъ принадлежитъ Айзику Аароновичу Цвингеру. Болтиковъ вошелъ въ подворотню и увидѣлъ съ правой стороны дверь, а на ней мѣдную дощечку съ надписью: «докторъ Михаилъ Григорьевичъ Цвингеръ». Онъ остановился въ недоумѣннн. Откуда взялся этотъ докторъ? Что общаго между ростовщикомъ и докторомъ? И какимъ образомъ этотъ Цвингеръ могъ оказаться Михаиломъ Григорьевичемъ?

— Во всякомъ случаѣ это не тотъ, — подумалъ Болтиковъ, — потому что на карточкѣ написано «Айзикъ Аароновичъ». Тутъ же рядомъ онъ увидѣлъ другую дверь, на которой значилось: «помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Андрей Григорьевичъ Цвингеръ». Ну, и это, разумѣется, не тотъ.

Онъ вернулся на улицу, отыскалъ ручку звонка и позвонилъ. Потомъ онъ вошелъ во дворъ и сталъ въ ожиданнн дворника. Дворъ былъ немовѣрно грязенъ. Застроенный множествомъ безобразныхъ флигельковъ съ деревянными лѣстницами и крылечками, онъ весь былъ залитъ помоями, которые со всѣхъ сторонъ выливались сюда, и забросанъ обглоданными костями, остатками скудныхъ кушаньевъ и всякой гадостью. Въ тѣсныхъ и полутемныхъ квартиркахъ ютились еврейскн бѣдняки, ихъ страшно многочисленныя семейства въ затасканныхъ одеждахъ, съ лицами, блѣдными отъ затхлаго воздуха, которымъ они дышали, съ глазами, воспаленными отъ луку и чесноку, которыми они сдобривали свою скудную и однообразную пищу. Во дворѣ лежали цѣлыя кучи до невозможности грязныхъ подушекъ и перинокъ съ огромнѣйшими пятнами, вынесенныхъ для просушки; тутъ же кувыркались ребятишки съ горбатыми носами и длинными оттопыренными ушами, одѣтые въ промозглую рвань; надо всѣмъ этимъ носилась невообразимая вонь и раздавался гвалтъ. Такова была картина двора, принадлежавшаго Айзику Аароновичу Цвингеру, съ его жильцами. Станнымъ, почти сказочнымъ показалось Болтикову появленн среди этой живой помойной ямы — русскаго мужика, здороваго, плечистаго, съ окладистой русой бородой, въ большихъ сапогахъ и ситцевой рубашкѣ, съ метлой въ рукѣ, точно онъ вышелъ для того, чтобы вымести отсюда всю эту мерзость.

— Вамъ кого?—обратился онъ къ Болтикову.

— Мнѣ господина Цвингера...

— Цвингера? А котораго вамъ? Тутъ ихъ, какъ собакъ. Вамъ, можетъ, доктора?

— Нѣтъ, не доктора... другого...

— Такъ, можетъ, того, который по судейской части?

— Нѣтъ, и не этого... А того, что... Ну, какъ тебѣ сказать... Ну, который деньги подъ проценты даетъ...

— Да они всѣ даютъ... Третьяго дня еще этотъ судейскій серебряный подносъ съ ложками, значить, на залогъ принялъ... А докторъ, такъ тотъ безъ залогоу даетъ...

— Ну, что ты говоришь? Можно ли, чтобы врачъ занимался такими дѣлами?

Дворникъ пристально взглянулъ въ Болтикова и даже прищурился, какъ бы желая сказать: «а ты, баринъ, видно, совсѣмъ еще простоватый малый».

— Можно? — какъ-то презрительно-иронически произнесъ онъ сквозь зубы:—а, можетъ, и нельзя, почему мнѣ знать?

И прибавилъ:—Вамъ, видно, Айзика надобно.

— Вотъ именно, Айзика Аароновича!—поспѣшилъ подтвердить Болтиковъ.

— Такъ это со двора, вонъ тамъ слѣва дверь, войдите п на верхъ.

Болтиковъ пошелъ по указанію. По утлой деревянной лѣстницѣ онъ поднялся во второй этажъ. Въ стеклянномъ коридорѣ стояли приткнутые одинъ къ другому этажерки, комоды, шкафы, стулья и столы. У невысокой двери звонка не было, поэтому онъ постучалъ. Съ внутренней стороны вышла женщина съ желтымъ морщинистымъ лицомъ, въ чепцѣ, поставила глаза къ самому стеклу двери, взглянула въ Болтикова и спросила пѣвучимъ голосомъ:

— Что вамъ нужно?

— Цвингера, Айзика Аароновича!—съ досадою отвѣчалъ Болтиковъ, который терпѣть не могъ разговаривать сквозь дверь.

— А на что вамъ Айзикъ?—продолжала женщина, держась за ручку двери.

— Нужно!—сердито сказалъ Болтиковъ.

— А зачѣмъ нужно?—пѣла старуха.

«Чортъ возьми, это мнѣ начинаетъ надоѣдать», — подумалъ Болтиковъ и сказалъ:

— Онъ нуженъ мнѣ по дѣлу, денежному дѣлу.

— Денежному?

Это объясненіе, повидимому, удовлетворило старуху. Она отворила дверь и сказала:

«Онъ дома, Айзикъ, мой мужъ, дома». Вслѣдъ за этимъ она пріотворила дверь налѣво и проговорила туда какую-то еврейскую фразу. Въ отвѣтъ послышалось короткое еврейское слово, сказанное хриплымъ и, какъ показалось Болтикову, сердитымъ голосомъ.

— Заходите сюда. Онъ здѣсь, Айзикъ здѣсь,—сказала женщина, и Болтиковъ вошелъ налѣво.

Обширная комната, четыре окна которой выходили на улицу, съ пятою дверью на балконъ, была вся наполнена разнообразными предметами, не имѣвшими между собой никакой связи и, повидимому, ничего общаго съ хозяевами. Мягкая мебель была одѣта въ сѣрые парусиновые чехлы. Во всѣхъ углахъ стояли столики: круглый съ перламутровой мозаикой, изображавшей шахматную доску, восьмиугольный старинной тонкой вычурной рѣзьбы, сдѣланный очевидно по заказу и рисунку большого любителя, квадратный съ доской изъ дорогого розоваго прозрачнаго мрамора и еще какіе-то. Тутъ же стоялъ высокій массивный комодъ съ разными фигурами птицъ и обезьянъ, а на комодѣ цѣлая коллекція канделябръ всевозможнѣйшихъ формъ, изъ серебра и бронзы. Нѣсколько этажерокъ, стоявшихъ у стѣны въ рядъ, были завалены самыми разнообразными бездѣлками. Тутъ были дорогія китайскія коробочки, серебряныя портсигары, бронзовыя статуэтки, браслеты, рамки, массивныя янтарныя мундштуки, золоченые кубки. На стѣнахъ и просто на полу у стѣнъ — картины въ дорогихъ рамкахъ, на особомъ орѣховомъ столѣ нѣсколько часовыхъ группъ подъ стеклянными колпаками. Пораженный этой странной смѣсью, Болтиковъ остановился на порогѣ и окинулъ комнату взоромъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что на диванѣ, у круглаго стола, покрытаго вязанной скатертью, сидитъ высокій и довольно плотный человѣкъ, въ шелковомъ, сильно замасленномъ халатѣ, съ сигарой въ зубахъ и съ газетой въ рукахъ. Сложивъ нога на ногу, онъ полулежалъ, опираясь на спинку дивана. При появлении Болтикова онъ опустилъ газету на колѣни, вынулъ двумя пальцами изо рта сигару и посмотрѣлъ на Болтикова прищуренными глазами, слегка приподнявъ голову.

— А?—произнесъ онъ охрипшимъ голосомъ.—Кто такой?

— Господинъ Цвингеръ?—спросилъ Болтиковъ, рѣшительно не зная, какой взять ему тонъ передъ этимъ самодовольнымъ господиномъ, не удостоившимъ его даже вѣжливаго поклона.

— Я—Цвингеръ, разумѣется, Цвингеръ, а вамъ что?

— Меня направилъ къ вамъ Амарантовъ.

— Ага! Амарантовъ, который въ управѣ? Онъ хорошій человѣкъ, онъ мнѣ всегда долженъ...

— Я—его помощникъ.

— Ага, помощникъ. Чего же вы не садитесь? Садитесь! Я читаю газету отъ скуки... Что вы такъ смотрите? Хорошія вещи? Правятся? Что-жъ, купите, я продамъ, дешево продамъ. Вотъ этотъ столъ для шашекъ одинъ хорошій господинъ оставилъ... Я дешево продамъ...

Болтиковъ сѣлъ. Онъ чувствовалъ себя крайне неловко. Первый разъ въ жизни онъ пришелъ къ постороннему человѣку просить денегъ. Съ какой стати? Что у него общаго съ этой жирной мордой,

которая такъ презрительно смотрѣла на него своими ястребиными глазами? Лицо Цвингера нисколько не располагало въ его пользу. Оно было, пожалуй, красиво. Крупный носъ съ горбинкой, довольно толстыя губы, прикрытыя густыми черными съ просѣдью усами, большой лобъ съ сурово нависшими бровями, бритые щеки и подбородокъ, коротко остриженные волосы, все это было бы хорошо, если бы на этомъ лицѣ не было выраженія какого-то животнаго самодовольства, а въ глазахъ не игралъ откровенно хищническій огонекъ.

Болтиковъ вынулъ изъ кармана карточку Амарантова.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не покупщикъ, а вотъ...

Онъ подалъ карточку Цвингеру. Тотъ сначала осмотрѣлъ ее съ обѣихъ сторонъ, какъ бы желая убѣдиться, не фальшивая ли она, а потомъ сталъ читать.

— Денегъ? Вы хотите денегъ?—сказалъ онъ съ удивленіемъ.— Пф... Такъ у меня-жъ нѣтъ. Ей-Богу, у меня нѣтъ денегъ...

— А Амарантовъ сказалъ, что вы можете...

— Амарантовъ? Пф... Что онъ знаетъ, Амарантовъ!... Развѣ онъ считалъ у меня въ карманѣ? У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Если бы были, я сейчасъ бы далъ... Я же не жалѣю... Я готовъ оказать помощь человѣку... Когда-жъ у меня нѣтъ денегъ...

«Что за чепуха?—подумалъ Болтиковъ, совершенно сбитый съ толку.—Неужели Амарантовъ сыгралъ со мною штуку?»

— Я имѣлъ въ виду предложить вамъ хорошіе проценты,—сказалъ онъ, какъ послѣдній доводъ.

— Проценты? Пф... Вотъ штука! На-те вамъ проценты, дайте мнѣ денегъ... А что? Нѣту? Ну, я же говорю вамъ, что и у меня нѣту...

— Въ такомъ случаѣ это, должно быть, недоразумѣніе!—сказалъ Болтиковъ и поднялся съ видимымъ намѣреніемъ уйти.

— Уходите? Зачѣмъ же такъ скоро? Посидите.

— Что-жъ мнѣ сидѣть? Я пришелъ по дѣлу.

— Нѣтъ, какъ же такъ скоро? Поговоримъ... Я съ хорошимъ человѣкомъ готовъ поговорить... Подумаемъ... А, можетъ, чтонибудь и придумаемъ...

Болтиковъ сѣлъ. Рѣшительно ему противно было это собесѣдованіе. Онъ догадывался, что Цвингеръ просто желаетъ предварительно поморочить ему голову. «И какъ это Амарантовъ выдерживаетъ подобныя сцены?—думалъ онъ:—вѣдь ему чуть не каждый день приходится вести подобные переговоры».

— Такъ вы помощникъ? а?—спросилъ Цвингеръ.

— Да, я занимаю мѣсто помощника дѣлопроизводителя.

— Ага! И много получаете?

— Я получаю тысячу двѣсти рублей въ годъ.

— Что жъ, это хорошо. Ну, тамъ еще доходы разные... То, се...

— Какіе доходы?

— Ну, что тамъ говорить... Я же только такъ, по-пріятельски... Имѣете семейство? а?

— Да, я женатъ.

«Къ чему онъ все это спрашиваетъ?»—недоумѣвалъ Болтиковъ.

— И хозяйство? а?

— Да, есть хозяйство...

— Ага, это хорошо... Хозяйство—хорошо...

Цвингеръ замолчалъ. Болтиковымъ все больше и больше овладѣвало нетерпѣніе. Что онъ здѣсь сидитъ и удовлетворяетъ праздное любопытство какого-то закладчика, когда тамъ, дома, ребенокъ остается безъ молока, а женѣ, можетъ быть, крайне необходима рюмка хересу? Онъ рѣшилъ поставить вопросъ ребромъ.

— Такъ что же, дадите мнѣ денегъ, господинъ Цвингеръ?—рѣшительно спросилъ онъ.

Цвингеръ сначала скорчилъ потѣшную мину, прищуривъ глаза и сдвинувъ губы, а потомъ расхохотался.

— Сейчасъ вынулъ деньги и далъ? Ха, ха, ха, ха! Такой скорый, а? сейчасъ? Вотъ сію минуту? а?

— Да, мнѣ необходимы деньги сейчасъ...

— Сейчасъ никогда денегъ не бываетъ... Деньги собираются понемножку. Тамъ рубль, тамъ десять, тамъ пять... Деньги никогда не лежатъ дома. На что мнѣ онѣ? Деньги работаютъ. Одинъ рубль пошелъ работать и принесъ съ собой другой рубль.. А сколько вамъ?

— Мнѣ рублей двѣсти...

— Ага! Двѣсти рублей... А кто подпишетъ?

— Я подпишу... Кто же еще? Я беру, я и подпишу...

— А если вы умрете? Кто мнѣ заплатитъ?

— Кто? Вотъ странно. Во-первыхъ, я не собираюсь умирать, а... Ну, если предположить, что я умру, то вамъ заплатитъ жена...

— А если и жена умретъ?—какимъ-то методическимъ ровнымъ голосомъ продолжалъ Цвингеръ. На это Болтиковъ не отвѣтилъ, а только пожалъ плечами.

— Нѣтъ, такъ не дѣлается... Надо, чтобъ было хорошее жиро...

— Что это такое жиро?—спросилъ Болтиковъ, который никогда не слышалъ этого слова.

— Какъ? вы не знаете жиро? Такой образованный человѣкъ и не знаетъ, что такое жиро?

И Цвингеръ смотрѣлъ на Болтикова съ самымъ непритворнымъ изумленіемъ. «Жиро» было однимъ изъ основныхъ тезисовъ его вѣры. Онъ рѣшительно не могъ представить себѣ человѣка, который не зналъ бы, что такое жиро. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это ему понравилось. Это было сильнымъ доказательствомъ того, что Бол-

тиковъ до сихъ поръ еще никому не выдалъ векселей, а Цвингеръ ужасно любилъ «свѣженькихъ». Онъ объяснилъ:

— Жиро, это вотъ что: вотъ вексель (онъ поставилъ передъ глазами Болтикова свою ладонь). Вы подпишете вотъ здѣсь, внизу (онъ провелъ пальцемъ другой руки внизу ладони), а онъ подпишетъ здѣсь. (Цвингеръ перевернулъ свою ладонь и указалъ на верхнюю часть руки); вотъ это жиро. Вы заплатите—хорошо, а нѣтъ—онъ долженъ заплатить. Ну, кто же вамъ дастъ жиро? а?

— Не знаю, право, не знаю,—медленно и раздумывая сказалъ Болтиковъ. Его уже бросило въ жаръ отъ этихъ переговоровъ. Амарантовъ изобразилъ ему это такъ просто: пришелъ, сказалъ—денегъ, посулилъ большіе проценты и получилъ. А тутъ выходитъ цѣлая исторія. Кто дастъ ему это проклятое «жиро», и къ кому онъ можетъ обратиться съ такой странной просьбой: если, молъ, я не заплачу, такъ вы заплатите? Да наконецъ какое право имѣеть этотъ разжирѣвшій господинъ дѣлать предположеніе, что онъ не заплатитъ?

— Я не понимаю, почему бы вамъ не дать мнѣ безъ этого жиро...—сказалъ онъ съ нескрываемой досадой.

— Безъ жиро? Какъ же можно? Долженъ же я себя обезпечить. Я даже миллионеру не дамъ безъ жиро... Нѣтъ, вы возьмите Амарантова... Я, такъ и быть, для васъ приму его жиро, хотя оно немного стоитъ... а?

Болтиковъ задумался. Конечно, онъ будетъ просить Амарантова, но это для него будетъ очень тяжело. Амарантовъ—хорошій товарищъ и добрый человекъ, но навязывать себѣ еще чужой долгъ, когда у него своихъ не оберется,—едва ли ему будетъ пріятно, и, чего добраго, онъ откажетъ. Какъ же тогда быть съ кормилицей, съ хересомъ, съ акушеркой? Болтиковъ былъ ужасно разстроенъ, кровь стучала у него въ вискахъ, въ ушахъ шумѣло, какъ послѣ добраго приѣма хинина.

— Я сейчасъ же поѣду и попрошу Амарантова,—рѣшительно заявилъ онъ:—и если онъ согласится, то я сейчасъ же могу получить?

— Ну, тамъ посмотримъ, посмотримъ....

Болтиковъ всталъ.

— А условія знаете? На шесть мѣсяцевъ, по четыре процента въ мѣсяць...

— Какъ? по четыре процента въ мѣсяць?.. Такъ вѣдь это сорокъ восемь годовыхъ...

— Я не беру годовыхъ. Я только беру четыре процента въ мѣсяць.

— Четыре со ста,—высчитывалъ вслухъ Болтиковъ,—это значитъ съ двухсотъ восемь, шестью восемь—сорокъ восемь... За двѣсти рублей я долженъ заплатить сорокъ восемь за полъ-года? Это ужасно...

— Зачѣмъ ужасно? Не берите, я же васъ не прошу. Вы у меня просили. А мнѣ это не надо... Я хотѣлъ сдѣлать вамъ одолженіе. А не хотите, не берите... Ужасно? Это даже обидно слушать... Ей-Богу... Я же не ростовщикъ какойнибудь... Ростовщикъ, онъ и три возьметъ, а сдѣлаетъ такъ, что выйдетъ десять. А я честно: четыре процента, и не больше... Проценты снимемъ, получите сто пятьдесятъ два рубля чистыми деньгами...

— Какъ? и это еще? Я же говорю вамъ, что мнѣ надо двѣсти.

— Ну, разумѣется, двѣсти... Такъ оно и выходитъ, что двѣсти. Вы получите сто пятьдесятъ два, а будете должны мнѣ двѣсти. Ну?

— Пусть будетъ такъ,—рѣзко и гнѣвно сказалъ Болтиковъ, и при этомъ въ глазахъ его сверкнула злоба.—Я сейчасъ пойду къ Амарантову...

— Вотъ и хорошо... Пріѣзжайте черезъ часъ и, можетъ быть, получите деньги. А бумажку прихватите на триста... Такъ, на всякій случай...

Этой послѣдней прибавки Болтиковъ даже не понялъ. Онъ такъ былъ радъ, что могъ вырваться на свѣжій воздухъ, что не простившись бросился опрометью внизъ по лѣстницѣ, при чемъ надѣлалъ страшнаго шума и заставилъ старую еврейку пустить ему вслѣдъ энергическую фразу на ея родномъ языкѣ.

Онъ взялъ извозчика и поѣхалъ прямо въ управу. Его взволнованный видъ удивилъ швейцара и всѣхъ, кто встрѣтилъ его на лѣстницѣ, а затѣмъ и самого Амарантова.

— Вы чего примчались? Да еще съ такимъ растеряннымъ видомъ?—спросилъ его дѣлопроизводитель.

— Ахъ, что вы со мной сдѣлали? Куда вы меня послали? Вѣдь онъ измучилъ меня, онъ цѣлый часъ терзалъ меня...—воскликнулъ Болтиковъ.

— А, да, да, онъ это любить... Онъ никогда не даетъ сразу. Этотъ народъ желаетъ нашей головой гарантировать себѣ каждую копейку. Знаете, ростовщикъ всегда дастъ деньги, но дастъ такъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не потерять изъ нихъ ни рубля. Вы думаете, это все? Ошибаетесь. Вы у него новичекъ, и онъ изслѣдуетъ васъ до послѣдней косточки. Во-первыхъ, онъ сейчасъ пойдетъ къ старшему сыну—доктору, и спроситъ его, не знаетъ ли онъ васъ, не слыхалъ ли что про васъ; потомъ то же самое сдѣлаетъ у сына-адвоката. Если нужно, они соберутъ справки... Потомъ онъ придетъ сюда, въ управу, и тутъ у когонибудь, будто нечаянно, мимоходомъ, заброситъ удочку на вашъ счетъ, да вдобавокъ ко всему зайдетъ во дворъ, гдѣ вы живете, и тамъ инкогнито разузнаетъ о вашей обстановкѣ, о томъ, хорошо ли вы платите за квартиру, даже о томъ, хорошо ли вы живете съ женой. Это очень важно для него. Дурно живете, можете разойтись. Холостой человѣкъ считается непрочнымъ. Они требу-

ють, чтобъ всё были женаты, потому что это привязываетъ чело-
вѣка къ мѣсту... Но онъ дастъ, дастъ...

Тутъ Болтиковъ увидѣлъ тяжелую необходимость сказать про
жиро. При этомъ онъ до того смѣшался, что никакъ не могъ на-
чать фразы.

— Онъ еще сказалъ... Онъ упомянулъ васъ...

— А, подпись? Жиро? Онъ принимаетъ мою подпись? Удиви-
тельно. Ну, что же, я обѣими руками...

Болтиковъ вздохнулъ свободно. «Какъ, однако, этотъ человѣкъ
легко относится къ подобнымъ вещамъ!»—подумалъ онъ.

— Я, знаете, привыкъ. У меня даже такая потребность обра-
зовалась,—говорилъ Амарантовъ:—ежели я съ недѣлю векселя не
подписываю, то чувствую нѣкій зудъ въ правой рукѣ... Вы уди-
вляетесь? Все равно, батенька, они мнѣ такъ затянули петлю, что
никогда я не выпутаюсь. Однимъ векселемъ больше, однимъ меньше,
не все ли равно?

— Псстойте!—вспомнилъ Болтиковъ:—когда я уходилъ, онъ ска-
залъ мнѣ, чтобы я привезъ бумагу на триста... Зачѣмъ это? Вѣдь
я беру двѣсти...

— А, это для гарантіи, все для гарантіи... Представьте, что вы
банкротъ, и я банкротъ,—я, положимъ, родился банкротомъ,—и пла-
тимъ полтинникъ за рубль. Когда у него вексель на триста, онъ
все-таки свои деньги получить.. Э, батенька, тутъ все преду-
смотрѣно...

Часа черезъ два они вдвоемъ поѣхали къ Цвингеру. Болтикова
поразило обращеніе Амарантова съ ростовщикомъ. Этотъ почтен-
ный человѣкъ, занимавшій въ управѣ довольно видное мѣсто и
пользовавшійся общимъ уваженіемъ, пріятельски, почти дружески
жалъ Цвингеру руку, хлопалъ его по плечу и по колѣнямъ, гово-
рилъ ему:

— Э, что, дружище Цвингеръ!.. Ну, ну, любезнѣйшій Айзикъ
Аароновичъ! Вѣдь мы съ вами хорошо знаемъ другъ друга...

А Цвингеръ въ свою очередь обнималъ его за талію и говорилъ:

— Ужъ для друга я готовъ все сдѣлать.

«Они это ужасно любятъ, когда съ ними обращаются, какъ съ
порядочными людьми»,—объяснилъ потомъ Амарантовъ своему по-
мошнику.

Черезъ четверть часа Болтиковъ, нагруженный бутылкой хереса
и какими-то аптечными товарами, спѣшилъ домой. Онъ размышлялъ
о томъ, что хересъ, за который онъ заплатилъ два съ полтиной,
въ сущности стоилъ ему четыре. А кормилица, которую онъ сей-
часъ найдетъ за двѣнадцать рублей въ мѣсянъ, обойдется ему въ
двадцать. «Вотъ она гдѣ, настоящая пошлина!»—подумалъ онъ.

II.

Нудель.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Болтиковъ, какъ человѣкъ аккуратный, съ перваго же мѣсяца послѣ займа началъ было откладывать часть своего жалованья. Въ день полученія жалованья онъ отложилъ цѣлыхъ тридцать пять рублей и заперъ ихъ въ ящикъ своего письменнаго стола, завернувъ ихъ въ бумагу и заложивъ въ самый отдаленный уголъ ящика. Онъ сказалъ женѣ:

— Ну, Лизанька, я получилъ изъ кассы всего восемьдесятъ рублей, потому что двадцать вычли въ погашеніе ссуды. Тридцать пять я откладываю для уплаты этому мерзавцу Цвингеру, остается сорокъ пять рублей, которые и передаю тебѣ: хозяйничай, какъ хочешь.

— Сорокъ пять рублей на цѣлый мѣсяць? — съ ужасомъ воскликнула Лизанька:— да ты съ ума сошелъ!

— А что же дѣлать? Иначе нельзя. Мы сдѣлали долгъ и обязаны платить его.

— Но это невозможно. Посуди: мамкѣ 12 рублей, кухаркѣ восемь, вотъ уже двадцать. Ну, а остальные двадцать пять за квартиру. Что же ты кушать будешь?

— Не знаю, не знаю... Просто не знаю... Должны же мы заплатить долгъ, должны! Вѣдь Амарантовъ поручился, онъ жиро далъ, понимаешь— жиро?

— Такъ не можемъ же мы питаться этимъ его «жиро»,— резонно возразила Лизанька, и Болтиковъ замѣтилъ, что въ ея голосѣ появилась подозрительная нотка. Онъ ужасно боялся этой нотки и старался придумать исходъ, который могъ бы успокоить жену.

— Послушай, вотъ что: нельзя ли на время отпустить кухарку?..

Онъ сказалъ это и спохватился. И какъ это сорвалось у него съ языка? Лизанька сначала поблѣднѣла, потомъ покраснѣла, затѣмъ встала и опять сѣла, наконецъ закрыла лицо руками и начала всхлипывать.

— Боже мой, что ты дѣлаешь?

— Еще бы! Недавно только встала съ постели, и ты уже готовъ спровадить меня въ кухню, посылатъ на базаръ и поставить жариться около плиты. Вотъ всѣ вы такіе — мужчины. Сначала, пока влюблены, готовы всѣ удобства доставить, на словахъ, по крайней мѣрѣ, а потомъ, когда пылъ пройдетъ,— ступай на кухню... Бѣдная женщина еще не успѣла оправиться, у меня ноги дрожатъ, когда хожу...

Болтиковъ сознавалъ, что заслужилъ всѣ эти упреки, хотя они и не были справедливы. Какое онъ имѣлъ право, въ самомъ дѣлѣ, заставлятъ молодую женщину нести такой трудъ? Женился, зна-

читать, долженъ содержать прилично, а откуда брать—это твое дѣло. Онъ бросился къ женѣ, увѣрялъ ее, что сказалъ это такъ себѣ, нечаянно, просто не сообразилъ. Да и что такое эти кухаркины восемь рублей? Развѣ можно на нихъ семейству кормиться цѣлый мѣсяцъ, да еще въ такомъ городѣ, гдѣ все дорого, какъ въ столицѣ? Онъ вынулъ изъ дальняго угла спрятанные тридцать пять рублей и вручилъ ихъ женѣ, а самъ пошелъ къ Амарантову, который былъ теперь его оракуломъ. Онъ объяснилъ ему свое горе.

— Откладывать?—удивился Амарантовъ:—вотъ глупости! Я никогда не откладываю. Да и изъ чего откладывать, позвольте васъ спросить?

— Но изъ чего нибудь же надо уплатить?—возразилъ Болтиковъ.—Изъ чего же? Изъ какихъ источниковъ?

— Ну, тамъ изъ чего нибудь заплатится... Какъ нибудь, знаете... не стоитъ объ этомъ думать.

— Однако же, тамъ ваша подпись...

— Моя подпись? Ну, и пускай себѣ покоится, сколько ей угодно... Клянусь вамъ честью, я о подобныхъ пустякахъ никогда не думаю.

Болтикову поневолѣ пришлось стать на эту точку зрѣнія дѣлопроизводителя. Впрочемъ, онъ для успокоенія совѣсти, но безъ всякихъ основаній, рѣшилъ, что ему должны выдать къ Рождеству награду, примѣрно, рублей въ двѣсти, т.-е. столько, сколько ему было нужно.

И такъ прошло шесть мѣсяцевъ. Болтиковъ до того освоился со взглядомъ на дѣло Амарантова, что почти позабылъ о долгѣ, или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ упустилъ изъ виду надвигавшійся срокъ платежа.

Однажды, когда онъ былъ на службѣ и сидѣлъ за деревянной рѣшеткой, обрѣтаясь въ самомъ яростномъ разгарѣ докладовъ и отношеній, въ отдѣленіи появился Цвингеръ. Увидѣвъ его издали, Болтиковъ сначала не узналъ этого въ высшей степени приличнаго господина въ короткой шубенкѣ съ бобровымъ воротникомъ, съ котиковой шапкой въ рукахъ, въ теплыхъ перчаткахъ, съ солидной палочкой, съ начисто выбритыми щеками и подбородкомъ. Тогда онъ видѣлъ его въ грязномъ халатѣ и, когда представлялъ себѣ Цвингера на улицѣ, то не иначе, какъ въ длинномъ черномъ кафтанѣ, въ плисовомъ картузѣ, надѣтомъ на затылокъ. Тѣмъ не менѣе, какое-то непріятное и вмѣстѣ тревожное воспоминаніе кольнуло его въ сердце.

Подойдя къ рѣшеткѣ, Цвингеръ поманилъ его пальцемъ. Онъ подошелъ и, только когда очутился около самаго его носа съ горбинкой, вдругъ призналъ его и понялъ весь ужасъ своего положенія.

— Мое почтеніе, господинъ Болтиковъ,—очень вѣжливо сказалъ Цвингеръ.

— Здравствуйте,—могильнымъ голосомъ отвѣчалъ Болтиковъ.

— Ну, какъ поживаете? Ваша жена здорова? а?—продолжалъ Цвингеръ.

Болтиковъ молчалъ. Онъ думалъ о томъ, что сказать и чѣмъ отвѣтѣться. А Цвингеръ продолжалъ:

— Я никогда не заставляю, чтобы ко мнѣ приходили. Зачѣмъ? Развѣ у меня нѣтъ ногъ? Я всегда самъ прихожу...

Онъ засунулъ руку въ боковой карманъ, вынулъ оттуда засаленный бумажникъ и сталъ рыться въ цѣломъ складѣ векселей, лежавшихъ тщательно сложенными, въ образцовомъ порядкѣ. Онъ не вынималъ ихъ и не разворачивалъ, чтобы справиться, гдѣ чей вексель; онъ различалъ ихъ по внѣшнему виду, по какойнибудь ничтожной складкѣ, можетъ быть, даже по запаху. Вынувъ одинъ изъ нихъ, онъ сказалъ серьезно и дѣловито:

— Получите вексель, а мнѣ позвольте деньги.

— Извините, г. Цвингеръ, у меня сейчасъ нѣтъ... Я еще не приготовилъ.

— Такъ значитъ передать нотаріусу? а?

— Какъ нотаріусу? Зачѣмъ?

— Чтобы онъ представилъ на протестъ.

— Къ протесту? Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого, я прошу васъ, г. Цвингеръ, Айзикъ Аароновичъ!

Это послѣднее восклицаніе вырвалось у него нечаянно. Ни за что на свѣтѣ въ спокойномъ состояніи не назвалъ бы онъ ротловщика по имени и отчеству. Но, видно, самъ языкъ въ такихъ случаяхъ приспособляется и помимо головы и сердца начинаетъ льстить.

— Не могу! — кратко отвѣчалъ Цвингеръ.

— Дайте мнѣ отсрочку, я вамъ заплачу проценты.

— Зачѣмъ мнѣ проценты? Я не хочу лишнихъ процентовъ. Я не хочу обижать человѣка... Дайте мнѣ капиталъ и возьмите свой вексель.

Было ясно, что Цвингеръ неумолимъ. Болтиковъ былъ въ отчаяніи. Въ это самое время появился Амарантовъ. Увидѣвъ Цвингера, онъ въ ту же минуту просіялъ.

— А, дружище, почтеннѣйшій, любезнѣйшій, добродѣтельнѣйшій Айзикъ Аароновичъ! Какъ ваше здоровье? Здорова ли ваша супруга?—спросилъ онъ, дружески обнимая его за талію.

Онъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло.

— Охъ-охъ-охъ! Женѣ моей плохо. Бѣдная Ривка имѣетъ плохой желудокъ! — скорбно закатывая глаза подъ лобъ, отвѣтилъ Цвингеръ, который принялъ вопросы Амарантова за чистую монету.

— Ай, какое несчастье!—соболезновалъ Амарантовъ.

Потомъ онъ отвелъ Цвингера въ сторону и минутъ десять бесѣдовалъ съ нимъ, при чемъ Цвингеръ очень долго отъ чего-то отказывался.

— Ну, ну, нехай будетъ уже такъ, — воскликнулъ наконецъ Цвингеръ и, подойдя къ Болтикову, сказалъ:

— Уже это я только для нихъ дѣлаю, и чтобъ въ послѣдній разъ. Я для друга готовъ.

По уходѣ Цвингера оказалось слѣдующее: онъ согласился получить съ Болтикова проценты за новые шесть мѣсяцевъ, т. е. сорокъ восемь рублей, съ условіемъ уплаты капитальнаго долга помѣсячно и чтобы первые тридцать три рубля были уплачены теперь же.

Такимъ образомъ на завтра нужно было достать восемьдесятъ одинъ рубль.

— Дьявольскія условія! — сказалъ Болтиковъ. — Но гдѣ же я возьму эти деньги? Все равно, ихъ у меня нѣтъ.

— Ну, пустяки, мы сейчасъ же ихъ и найдемъ. Это можно перехватить у какогонибудь мелкаго давателя...

— Какъ? Опять?

— Разумѣется, опять. А вы думали? Ужъ, батенька, разъ начали, такъ продолжайте. Другого выхода нѣтъ, пока не выиграете двѣсти тысячъ... Кого бы вамъ?

Онъ задумался, перебирая въ своей памяти знакомыхъ ростовщиковъ.

— Да вотъ что: самое лучшее — у Нуделя. Кстати, онъ тутъ вертится, я только что его видѣлъ... Вы знаете Нуделя?

— Нѣтъ, не знаю.

— Экій вы чудакъ! Ему вся управа понемногу должна. Ну, однимъ словомъ, мы его сейчасъ найдемъ... Эге, да вотъ онъ, смотрите, выглядываетъ кроличья морда...

Дѣйствительно, во входную дверь просунулась рыжая голова, которую Болтиковъ очень часто видѣлъ въ стѣнахъ управы, но не обращалъ на нее вниманія. Сравненіе этого лица съ кроличьей мордой, очевидно, относилось только къ глазамъ, которымъ было свойственно выраженіе безконечной трусости. Казалось, онъ высматривалъ, нѣтъ ли по близости чьегонибудь кулака, приподнятаго съ единственной цѣлью — дать ему въ затылокъ. Въ остальномъ лицо его нисколько не напоминало кролика. Длинное, съ большимъ прямымъ, но какъ-то черезчуръ низко посаженнымъ носомъ, оно удлинялось еще узенькой рыжей бородкой клиномъ. Яркорыжіе волосы лучеобразно расходились отъ макушки во всѣ стороны и походили на водерильный парикъ. Онъ былъ небольшого роста, въ клѣтчатомъ, сильно засаленномъ, пиджакѣ, въ цвѣтной некрахмаленной рубашкѣ, въ порыжѣвшихъ истоптанныхъ и искривленныхъ сапогахъ, съ толстой палкой въ рукахъ.

— Нудель, Нудель! — сдержаннымъ голосомъ, поманивая пальцемъ, позвалъ его Амарантовъ.

Глазки Нуделя засуетились, какъ бы отыскивая, гдѣ собственно лежитъ тотъ процентъ, который онъ сейчасъ заработаетъ.

— Идите сюда, Нудель.

Нудель вошелъ осторожно, на цыпочкахъ, оглядываясь по сторонамъ, и приблизился къ рѣшеткѣ.

— Вы знаете Болтикова? — спросилъ его Амарантовъ вполголоса, потому что въ отдѣленіи показалась публика.

— Какъ же не знаю? Знаю, — поспѣшно отвѣтилъ Нудель, и при этомъ радостно осклабился, показывая два ряда зубовъ — мелкихъ и частыхъ, какъ у крысы.

Радовался онъ потому, что предвидѣлъ «знакомство» съ Болтиковымъ, который до сихъ поръ не обращалъ на него вниманія.

— Я ихъ уже давно знаю! — повторилъ онъ, указывая глазами на Болтикова.

— Ну, такъ вотъ ему нужно восемьдесятъ пять рублей, — только живо!

— Ой, ой, ой! Цѣлыхъ восемьдесятъ пять! Гдѣ же я ихъ возьму?

Нудель почесывалъ затылокъ и усиленно думалъ.

— Можетъ, вамъ пятьдесятъ будетъ довольно, господинъ Болтиковъ? — несмѣло спросилъ онъ.

Болтиковъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну, возьмите шестьдесятъ пять.

— Нудель! — строго сказалъ ему Амарантовъ: — или давайте восемьдесятъ пять, или убирайтесь къ чорту. Мы у другого возьмемъ.

— Ой, зачѣмъ же такъ сердиться? Я не говорю: нѣтъ, я только спрашиваю. Спрашивать всегда можно...

— То-то! Отправляйтесь и черезъ часъ принесите.

— Пускай лучше будетъ черезъ два часа! — сказалъ Нудель.

— Говорятъ вамъ — черезъ часъ. Ступайте вонъ.

Нудель моментально исчезъ.

Этотъ маленькій неказистый человѣчекъ имѣлъ, однакожъ, чистыхъ денегъ тысячъ семьдесятъ. Но зато можно сказать, не боясь ошибиться, что онъ нажилъ ихъ усердіемъ, настойчивостью и терпѣніемъ. Совершенно лишенный всякихъ другихъ нравственныхъ качествъ, онъ обладалъ этими тремя въ изумительныхъ размѣрахъ. Женившись лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ получилъ за женой всего на все двѣсти рублей и еще какую-то древнюю лисью шубу, которую она вынашивала до сихъ поръ. Онъ пріютился въ какой-то грязной ямѣ, а деньги пустилъ въ оборотъ. Его тайна заключалась въ мелкихъ оборотахъ. Крупныя ссуды даются на извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ и за опредѣленные проценты. Процентъ этотъ не можетъ быть столь великимъ, какъ рисовало Нуделю его пылкое воображеніе. Нельзя дать тысячу рублей мѣсяца на три съ тѣмъ, чтобы получить полторы; это слишкомъ замѣтно, и никто на это не согласится. Если взять

даже по пяти процентовъ въ мѣсяць—что, конечно, не дурно—то и это на тысячу рублей въ полгода дастъ какихъ нибудь триста. Совсѣмъ другое дѣло—мелочь. Тутъ совершенно прилично можно брать и двѣсти, и триста, и даже пятьсотъ процентовъ, и дающій ихъ даже подовѣрѣвать не будетъ. Поэтому Нудель началъ разыскивать кліентовъ скромныхъ, большею частью, чиновниковъ, получающихъ рублей 50—60 въ мѣсяць. Ничего не было легче, какъ отыскать среди этого народа желающихъ достать денегъ. Стоитъ только повертѣться въ подворотнѣ канцеляріи разъ-другой. Человѣкъ, нуждающійся въ деньгахъ, нюхомъ чуетъ другого человѣка, готоваго дать подъ проценты, точно такъ же, какъ ростовщикъ нюхомъ распознаетъ человѣка, которому нужны деньги до зарѣва. И вотъ Нудель стоитъ лицомъ къ лицу со своимъ кліентомъ.

— А сколько бы вамъ хотѣлось? — спрашиваетъ онъ, сперва убѣдившись при помощи служащихъ, что кліентъ штатный и при томъ не пьяница.

— Рублей десять бы.

— Ну, хорошо. Я вамъ дамъ десять, а когда отдадите?

— Когда же? Извѣстно, двадцатаго числа жалованье получаемъ.

Нудель высчитываетъ, что до двадцатаго остается двѣ недѣли.

— Ну, хорошо, а что вы мнѣ дадите за услугу?

— Да ужъ вы сами скажите, сколько процентовъ...

— Зачѣмъ проценты? Мнѣ не надо процентовъ, мнѣ только за услугу... ну, я вамъ дамъ десять, а вы мнѣ дадите пятнадцать.

— Это много...

— Ну, нехай будетъ много. Я не хочу васъ обижать. Ну, такъ четырнадцать.

Сходятся на тринадцати. Нудель беретъ вексель на двадцать— для гарантіи. Нужно отдать ему справедливость: онъ всегда беретъ вексель на сумму, вдвое большую выданной, но никогда не злоупотребляетъ. Другое дѣло, если ему не отдають и доводятъ до коммерческаго суда,—тогда онъ требуетъ полностью весь вексель. Это на его языкѣ называется «честностью».

Двадцатаго числа Нудель за свои десять получаетъ тринадцать да еще съ благодарностью. Кліенту и въ голову не приходитъ сосчитать, сколько Нудель взялъ съ него процентовъ. Тринадцать вмѣсто десяти, это кажется такъ немного, въ особенности отъ ростовщика. А Нудель дома уже себя сосчитываетъ: тринадцать за десять, это значитъ тридцать процентовъ въ двѣ недѣли, а въ мѣсяць—60, а въ годъ... Тутъ Нудель даже глаза закрываетъ отъ восторга, ибо въ годъ выходитъ невѣроятная цифра 720. Но у Нуделя она превращается въ достовѣрную, потому что онъ роздалъ такимъ образомъ—по десяти, по пятнадцати рублей—все женино приданое, а, получивъ гдѣ нибудь маленькій долгъ, онъ сію же ми-

нугу опредѣляеть его въ другія руки, и, такимъ образомъ, деньги у него растутъ, какъ въ сказкѣ.

Сдѣлавъ изъ двухсотъ рублей семьдесятъ тысячъ, Нудель и теперъ питалъ пристрастіе къ мелочамъ. Какъ и двадцать лѣтъ назадъ, онъ вѣчно выискивалъ скромныхъ клиентовъ, которымъ не хватало пустяковъ или нужна до зарѣза какая нибудь небольшая сумма. Онъ встаетъ очень рано, въ 7 часовъ, завтракаетъ какою нибудь гадостью, одобренной лукомъ, беретъ свою палку и идетъ на добычу. Буквально цѣлый день онъ употребляетъ на хожденіе, переходя изъ одного учрежденія въ другое. Тутъ онъ получаетъ, тамъ сейчасъ же отдаетъ полученное, въ другомъ мѣствѣ опять получаетъ и опять отдаетъ. Не было еще случая, чтобы больше рубля оставалось у него въ карманѣ больше двухъ-трехъ часовъ. Ужъ и это онъ считалъ убыткомъ. Никто не зналъ и такого случая, чтобы Нудель далъ кому нибудь больше двухсотъ рублей. Это былъ предѣлъ, дальше котораго онъ не шелъ, и даже однажды, молясь въ синагогѣ и бія себя кулакомъ въ грудь, онъ далъ клятву передъ Іеговой никогда не переходить этой границы. Также точно остался онъ вѣренъ прежнему отвращенію къ процентамъ и къ дальнимъ срокамъ. Нѣтъ, онъ давалъ на мѣсяцъ, на два, и бралъ только за услугу.

Одѣвался онъ въ грязное старье, жилъ на грязномъ дворѣ, въ двухъ комнатахъ, несмотря на то, что изрядно размножался. Въ одномъ только отношеніи онъ былъ щедръ: всѣ дѣти его учились въ гимназіяхъ, а старшій сынъ уже кончалъ гимназію и готовился учиться на доктора. Но и тутъ былъ прямой расчетъ, ибо Нудель хорошо понималъ, что въ концѣ концовъ расходы на образование не принесутъ Нуделямъ убытка.

Однако были въ жизни Нуделя и мрачные эпизоды. Попадались кліенты, которые отказывались платить не только за услугу, но и самый капиталъ. Тогда Нудель начиналъ ходить къ нимъ, т.-е. въ ту канцелярію или контору, гдѣ они служили; если это не помогало, онъ появлялся каждый день, очень хорошо понимая, что его появленіе неприятно, что на этотъ визитъ нельзя иначе смотрѣть, какъ на оскверненіе дома, и на это рассчитывалъ. Источивъ всѣ средства, Нудель являлся съ судебнымъ приставомъ и самымъ спокойнымъ образомъ описывалъ.

Но подобныя вещи никогда не проходили ему даромъ. Его били, большей частью, по фізіономіи, потому что она располагала къ этому, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на неизбѣжное зло, и на другой день послѣ потасовки вставалъ въ обычное время, ѣлъ обычную гадость съ лукомъ, вооружался палкой и шелъ на охоту. Но эпизоды эти оставляли слѣдъ въ выраженіи его глазъ. Ни одной минуты онъ не былъ увѣренъ, что его сейчасъ не побьютъ, поэтому всегда остерегался, осматривался и даже по улицѣ шелъ съ оглядкой.

Управа была его излюбленнымъ мѣстомъ. Здѣсь было масса служащихъ, которыхъ онъ ссужалъ мелкими суммами. Въ стѣнахъ управы онъ сдѣлался почти своимъ человѣкомъ.

Минуть черезъ десять послѣ того, какъ Амарантовъ прогналъ Нуделя, его рыжая голова опять появилась въ дверяхъ, а робкіе, но пронирыливые глазки беспокойно смотрѣли за рѣшетку въ тотъ пунктъ, гдѣ сидѣлъ Болтиковъ. Случайно поднявъ голову, Болтиковъ увидѣлъ Нуделя, который дѣлалъ ему лицомъ призывные знаки. Очевидно, онъ боялся Амарантова. Болтиковъ вышелъ. На площадкѣ, отъ которой шла внизъ лѣстница, между ними произошло объясненіе.

— Господинъ Болтиковъ! Что я вамъ скажу: зачѣмъ вамъ восемьдесятъ пять? Будетъ съ васъ шестьдесятъ... умоляющимъ тономъ сказалъ Нудель.

— Мнѣ необходимо восемьдесятъ пять,—заявилъ Болтиковъ.

— А можетъ... Ну, пусть шестьдесятъ пять, а? ну? нехай ужъ семьдесятъ, а? ну?

— Да поймите же, что мнѣ необходима эта сумма.

Болтиковъ началъ выходить изъ себя.

— Ну, зачѣмъ же сердиться? Нужно—будетъ... У меня сейчасъ нѣтъ, а будетъ... Ну, а что мнѣ за услугу? Вы знаете, я не беру процентовъ, ну ихъ... Нѣтъ: вотъ я вамъ дамъ восемьдесятъ пять, а вы мнѣ помѣсячно будете давать по тридцать, на четыре мѣсяца...

Болтиковъ раскрылъ ротъ отъ изумленія.

— За четыре мѣсяца сто двадцать рублей? Но послушайте, г. Нудель, это... это... ужъ, право, не знаю, что это...

— Много? а? Ну, такъ по двадцать девять. Это ужъ совсѣмъ мало...

— Что вы? Это невозможно!..

— Ну, какъ же! Я же вамъ совсѣмъ безъ хлопотъ и даже безъ жиро... Мнѣ не надо жиро, я васъ знаю же... Я знаю же, что вы очень честный человѣкъ, и мои деньги не пропадутъ... Ну, такъ ужъ по двадцать девять... Такъ я пойду...

— Послушайте, это ужъ слишкомъ тяжелыя условія!—послалъ ему вслѣдъ Болтиковъ.

Нудель сдѣлалъ ему рукою успокоительный жестъ и продолжалъ спускаться. Болтиковъ плюнулъ и пошелъ въ канцелярію.

Нечего и говорить, что Нудель надулъ. Три часа было слишкомъ мало для того, чтобы онъ собралъ такую сумму. Къ вечеру Болтиковъ былъ въ страшномъ волненіи и, конечно, бросился къ Амарантову.

— Не беспокойтесь,—сказалъ дѣлопроизводитель:—онъ «работаетъ». Я увѣренъ, что онъ и теперь еще бѣгаетъ по городу и собираетъ деньги. Завтра утромъ онъ явится.

На утро дѣйствительно въ управѣ появился Нудель.

— Ну, такъ довольно будетъ семьдесятъ пять, а?.. я досталъ!— сказалъ онъ Болтикову.

— Да поймите же, что мнѣ нужно, безусловно необходимо восемьдесятъ одинъ рубль.

— Ну, ну, вотъ и хорошо!—радостно сказалъ Нудель:—вотъ возьмите восемьдесятъ одинъ рубль... У меня какъ разъ столько и есть.

Онъ вынулъ вексельную бумагу.

— Только ужъ мнѣ за бумагу тридцать пять копеекъ сейчасъ дайте. Я купилъ въ лавочкѣ въ долгъ, надо заплатить... Я—человѣкъ бѣдный...

— Позвольте, почему же бумага на триста?—спросилъ Болтиковъ.

— А ужъ какая наплась въ лавочкѣ... Я спѣшилъ, чтобы вы не безпокоились,—невинно отвѣчалъ Нудель.

Болтиковъ колебался. Но уже приближалось время, когда долженъ былъ прійти Цвингеръ; онъ махнулъ рукой и подписалъ. Нудель быстро свернулъ вексель и положилъ его въ бумажникъ. Затѣмъ онъ, отсчитавъ восемьдесятъ рублей шестьдесятъ пять копеекъ, потому что тридцать пять копеекъ вычелъ за бумагу, вручилъ ихъ Болтикову.

— Такъ, значитъ, по двадцать девять на четыре мѣсяца, а?— и тутъ онъ взялъ шляпу и направился къ двери.

— Какъ? Что вы? Вѣдь я просилъ у васъ восемьдесятъ пять, а взялъ восемьдесятъ одинъ, и все-таки будетъ двадцать девять?

— Ну, что ужъ тамъ о пустякахъ разговоръ заводить! Я же вамъ дѣло сдѣлалъ... И совсѣмъ безъ хлопотъ...

И онъ поспѣшилъ уйти, основательно разсуждая, что время узаконить назначенную имъ цифру.

Уплативъ Цвингеру и придя домой, Болтиковъ вынулъ записную книжку и хотѣлъ было сосчитать, сколько ему до этого дня стоили сто пятьдесятъ два рубля, полученные имъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ отъ Цвингера, но на первомъ же шагу онъ пришелъ въ ужасъ и рѣшилъ, что гораздо спокойнѣе будетъ вовсе не разсчитывать.

III.

Ципулькесъ.

Мѣсяцъ пролетѣлъ очень быстро. За три дня до срока Болтиковъ получилъ отъ Цвингера записку, въ которой тотъ вѣжливымъ и вполнѣ литературнымъ языкомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ грамматики, предупреждалъ его о срокѣ мѣсячнаго платежа.

— Неужели онъ грамотенъ, чортъ возьми?—воскликнулъ Болтиковъ, но тутъ же замѣтилъ, что подпись Цвингера была наца-

рапана совсѣмъ другой рукой, довольно безобразно, и понялъ, что письмо писалъ адвокатъ или докторъ, а Цвингеръ только подписывался. Однако, черезъ два дня ему предстояло заплатить Цвингеру тридцать три и Нуделю двадцать девять, всего шестьдесятъ два рубля, а жалованья онъ получалъ теперь только восемьдесятъ.

— Да вы, что жъ, изъ жалованья, что ль, собираетесь платить имъ?—удивился Амарантовъ:—ну, этой глупости я никогда не дѣлаю. У меня такой принципъ: ростовщикамъ должны платить ростовщики. Вотъ Цвингеру заплатилъ Нудель, а Нуделю долженъ заплатить третій... Иногда я позволяю себѣ подровнять счетъ изъ посторонняго случайнаго заработка, но жалованье— вещь священная, оно принадлежитъ нашимъ дѣтямъ.

— Но, вѣдь такимъ образомъ долгъ будетъ безконечно нарастать?

— Сдѣлайте милость, не безконечно. Наступитъ моментъ, когда ни одинъ ростовщикъ не дастъ намъ ни рубля. Они этотъ предѣлъ очень хорошо чувуютъ. Вы думаете, они не знаютъ нашихъ дѣлъ? Могу васъ увѣрить, что они знаютъ лучше, чѣмъ я, количество моихъ долговъ и всѣ сроки. И вотъ, когда наступитъ этотъ моментъ, тогда баста! Они будутъ сторожить каждую заработанную нами копейку и, прежде чѣмъ ей попасть въ наши карманы, будутъ перехватывать ее въ свои. Тогда мы съ вами волками завоемъ... Но, знаете, это время не такъ еще близко,— по крайней мѣрѣ, для васъ.

— Какъ же быть съ этимъ срокомъ?

— А вотъ я подумаю и завтра вамъ скажу.

На другой день Амарантовъ встрѣтилъ Болтикова съ улыбкой и весело потиралъ руки.

— Я нашелъ ходъ, и довольно оригинальный.

— Ну-те?

— Представьте себѣ: вчера я разыскалъ Штрингеля,—это такъ себѣ, паршивенькій маклерокъ по денежной части. Я поручилъ ему найти вамъ денегъ. Къ вечеру является ко мнѣ: есть, говорить, и не только г. Болтикову, но и вамъ. Я, разумѣется, съ наслажденіемъ...

— Въ чемъ же дѣло?

— А вотъ въ чемъ: существуетъ на свѣтѣ нѣкій господинъ Цикульскъ. Г. Цикульскъ имѣетъ торговлю «всякими товарами», на Паскудной улицѣ, куда ходятъ покупать купеческія дамы и просвири съ дочками. Вы знаете, что такое «большой выборъ всякихъ товаровъ»? Это значитъ большой выборъ всякой гнили и безвкусія. Такъ вотъ-съ, г. Цикульскъ—владѣлецъ магазина «всякихъ товаровъ», которые никто у него не хочетъ брать, желаетъ пріохотить себѣ покупателей. Онъ предлагаетъ деньги съ обязательствомъ забрать у него товаръ въ кредитъ.

— Зачѣмъ же мнѣ эти гнилые товары?

— А это ужъ ваше дѣло. Знаете, я уже воспользовался. Я вчера же вечеромъ взялъ у него сто рублей, разумѣется, съ вычетомъ процентовъ, вексель далъ на двѣсти, а сегодня утромъ жена забрала у него товаръ. При этомъ она, ей-Богу, плакала,—такая тамъ гадость...

— Ахъ!—простоналъ Болтиковъ:—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ...

— Именно, именно. Эге, да вотъ и маклеръ прибѣжалъ. Поговорите-ка съ нимъ...

Маклерокъ Штрингель по внѣшнему виду никакъ не производилъ впечатлѣніе «паршивенькаго», и это опредѣленіе, вѣроятно, относилось до его душевныхъ качествъ. Это былъ высокій мужчина съ роскошной черной бородой, крупнымъ носомъ, тонкими губами и острыми, пронизательными глазами. Одѣтъ онъ былъ вполне прилично и производилъ впечатлѣніе человѣка, вполне обезпеченнаго.

— Г. Болтиковъ, г. Штрингель, — представилъ Амарантовъ:—переговорите.

— А тутъ можно? Я, г. Болтиковъ, чтобы все было тихо!—сказалъ Штрингель.

— Садитесь!—пригласилъ Болтиковъ. Штрингель вынулъ изъ кармана платокъ, стеръ пыль со стола и на прочищенномъ мѣстѣ положилъ свой цилиндръ. Потомъ онъ обѣими руками раздвинулъ фалды скюртука и сѣлъ на стулъ.

— Вы уже знаете, г. Болтиковъ... вамъ уже извѣстно... — началъ Штрингель.

— Да, да, мнѣ говорилъ Амарантовъ,—перебилъ Болтиковъ.

— Ну, то онъ говорилъ, а то я скажу... Вексель на двѣсти. Процентомъ за четыре мѣсяца вычтется 32, ну, 68 рублей получите чистыми денежками, а на сто рублей возьмете товаровъ, а будете платить по 50 рублей въ мѣсяць.

— А нельзя безъ этихъ товаровъ?

— Безъ товаровъ? Вы хотите безъ товаровъ? Нѣтъ, онъ не хочетъ. Онъ хочетъ съ товарами. И какой товаръ? Вотъ какой товаръ!

При этомъ Штрингель, чтобы показать, какой это хорошій товаръ, почти страстно поцѣловалъ два пальца своей правой руки.

— А Амарантовъ говоритъ, что дрянъ страшная.

— Дрянъ? Г. Амарантовъ? Такъ онъ ничего не понимаетъ... Ну, знаете что, г. Болтиковъ? Вотъ я—человѣкъ, вотъ я—Штрингель, я—бѣдный маклеръ, у котораго нѣтъ лишней копейки, но душа у меня есть. Такъ я вамъ говорю: пускай изъ меня сію минуту душа выйдетъ, если я совралъ. Плохой товаръ? Дай Богъ, чтобы мой сынъ имѣлъ такой товаръ на своихъ плечахъ... Ну, не вѣрите? Ну?...

— Когда можно получить деньги?

— Хоть сию же минуту. Зайдите въ магазинъ и получите.

— Прекрасно. Такъ я сегодня зайду.

Болтиковъ всталъ, давая знать, что разговоръ конченъ.

— Пойдите, пойдите на одну маленькую минутку!—остановилъ его Штрингель.—Я же долженъ знать, какой куртажъ мнѣ будетъ.

— Какъ? четыре процента, и еще куртажъ?

— А я думаю. Четыре процента пойдутъ въ карманъ Ципулькеса, а въ мой карманъ ничего не поидеть... А мнѣ же надо кушать. У меня дочь есть. Мой сынъ въ этомъ году гимназію кончаетъ, надо ему поддержку дать... Я—человѣкъ бѣдный, г. Болтиковъ, ухъ, какой я бѣдный человѣкъ...

— «О, Боже мой! зачѣмъ я сдѣлалъ этотъ проклятый цвингеровскій долгъ?»—съ отчаяніемъ подумалъ Болтиковъ.

— Сколько же вамъ?—спросилъ онъ.

— Ну, что тамъ! Развѣ мнѣ много? Ну, 10 рублей дадите.

— Что? десять рублей еще вамъ? Это, значить, уже выйдетъ не четыре процента, а чортъ знаетъ сколько!

— Зачѣмъ вы говорите—проценты? Это Ципулькесу проценты, а мнѣ куртажъ. Я же трудился... Я—бѣдный человѣкъ... Я—ужасно бѣдный человѣкъ...

— Нѣтъ, это невозможно, это невозможно!—повторялъ возмущенный Болтиковъ.—Что же я получу тогда? Да мнѣ тогда совсѣмъ не хватитъ на... на то, что мнѣ нужно... Нѣтъ, я не могу. Рубля три еще, пожалуй, куда ни шло...

— Три рубля?—тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка воскликнулъ Штрингель:—вы хотите, чтобъ я взялъ три рубля, а? Нѣтъ, я не согласенъ. Что такое? Я спѣшилъ, я для г. Болтикова спѣшилъ... Мнѣ извозчикъ стоитъ чегонибудь. Я его въ спину гвалъ... А вы не вѣрите? Вы думаете, я не ѣхалъ? Ну, пускай моя дочь такъ къ вѣнцу будетъ ѣхать, какъ я ѣхалъ. Г. Болтиковъ, если бъ я вралъ, у меня отсохъ бы языкъ.

— Да поймите же вы, что я тогда получу слишкомъ мало, и мнѣ не хватитъ.

— А! Мало? Такъ вы хотите, чтобъ всѣ остались? Ну, хорошо... Такъ это жъ можно. Вы получите всѣ шестьдесятъ восемь, всѣ до одного гроша, но тамъ моихъ будетъ десять рублей. Только нехай они у васъ будутъ... А черезъ мѣсяцъ, черезъ одинъ мѣсяцъ вы уже дадите мнѣ пятнадцать. А? хорошо?

У Болтикова вдругъ явилось неотразимое желаніе накинуть на шею Штрингеля петлю и вздернуть его на первомъ попавшемся крючкѣ.

— Ладно!—сказалъ онъ и при этомъ посмотрѣлъ на Штрингеля такъ свирѣпо, что тотъ сейчасъ же поднялся и взялъ цилиндръ.

— Такъ, значить, трактовать на это дѣло?

— Это еще что означаетъ?

— Ну, трактовать... ну, работать... сдѣлать дѣло.

— Трактуйте,—бѣшено промолвилъ Болтиковъ и вышелъ изъ комнаты. Вслѣдъ за нимъ скромно, какъ-то бокомъ, вышелъ Штрингель. Но тутъ онъ надѣлъ цилиндръ и преобразился въ человѣка, сознающаго свое достоинство. Онъ сейчасъ же сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, очевидно, «трактовать».

Послѣ службы Болтиковъ зашелъ домой и взялъ съ собой жену, которая рѣшила выбрать у Ципулькеса себѣ мѣхъ на шубу.

«Магазинъ разныхъ товаровъ» вполне оправдалъ свое названіе. Помѣщеніе его было узкое и длинное. Передняя часть его освѣщалась съ улицы при посредствѣ двери, а задняя ничѣмъ не освѣщалась, а просто уходила куда-то въ темную глубину, и казалось, что тамъ-то, въ этой глубинѣ, и совершаются темныя дѣла. На полкахъ лежали штуки матерій—полотняныхъ, бумажныхъ, шерстяныхъ, а на стойкахъ были наворочены кучами платки, шали, пледы, куски мѣха.

Когда Болтиковъ съ женой вошли въ магазинъ, покупателей въ немъ совсѣмъ не было. Какой-то невысокій человѣкъ, въ жилеткѣ безъ скюртука, съ выдающимся животомъ, съ низко остриженной красно-рыжей головой, съ густыми усами и бритыми щеками и подбородкомъ, стоялъ за конторкой и щелкалъ на счетахъ.

Увидавъ вошедшую даму, онъ сказалъ:

— Извините, мадамъ! — и, взявъ со стула пиджакъ, надѣлъ его.—Что прикажете?

— Вы,—г. Ципулькесь?

— Я, Ципулькесь!—отвѣтилъ обладатель рыжей головы.

— Я,—Болтиковъ. Вамъ говорилъ обо мнѣ Амарантовъ.

— А, да... Очень пріятно познакомиться. Какъ же! Съ г. Амарантовымъ мы—друзья... Да, да, онъ говорилъ мнѣ... И Штрингель тоже говорилъ. Знаю, знаю... Мое почтеніе.

И Ципулькесь вдругъ, неожиданно для Болтикова, взялъ и потрясъ его руку, а затѣмъ еще болѣе неожиданно сдѣлалъ то же самое съ рукой его жены.

— Вы какіе товары желаете, г. Болтиковъ? — спросилъ онъ.

— Я собственно никакихъ товаровъ не желаю...

— Да? Такъ вамъ, значить, неизвѣстны мои условія, г. Болтиковъ...

— Ахъ, нѣтъ, условія мнѣ извѣстны... У васъ есть лисій мѣхъ?

— Лисій мѣхъ? Разумѣется, есть... У меня все есть, г. Болтиковъ. Мой магазинъ — универсальный, европейскій, г. Болтиковъ... Шмель, Шмель! Поди сюда, Шмель! — крикнулъ онъ, обратившись въ темное пространство, и въ отвѣтъ на это оттуда

выглянулъ мальчуганъ съ совершенно «добѣла» выстриженной головой.—Шмель, принеси сюда мѣха... лисья! Ты слышалъ?

Шмель исчезъ, а Ципулькесъ въ это время говорилъ о преимуществахъ его мѣховъ надъ мѣхами, продаваемыми въ другихъ магазинахъ, при чемъ оказывалось, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ всѣ мѣха извѣдены молью, только его товаръ пощадило это бѣдствіе.

Когда Шмель принесъ мѣха и вывалилъ ихъ на стойкѣ передъ Болтиковыми, ничего не стоило убѣдиться, что звѣри, которыхъ они нѣкогда согрѣвали, не находились съ лисицей даже и въ отдаленномъ родствѣ. Жена Болтикова сейчасъ же высказала это.

И нужно было видѣть изумленіе Ципулькеса.

— Это не лисій мѣхъ? Вы говорите, что это не лисица? Такъ что же это, по-вашему? Нѣтъ, я прошу васъ, г-жа Болтикова, назовите мнѣ этого звѣря... Я убѣдительно прошу васъ.

— Но я не знаю... право, не знаю...

— А, вы не знаете. А я вамъ скажу: это тунгусская лисица. А вотъ это исландская... Лучшая лисица. Такой лисицы вы не найдете ни въ одномъ магазинѣ...

Болтиковы никакъ не могли согласиться съ этимъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ другого выхода не было, пришлось взять итѣй мѣхъ, который Ципулькесъ опредѣлилъ, какъ норвежскую лисицу.

Когда дѣло коснулось цѣны, то оказалось, что у него безъ торгу. Положеніе Болтикова и съ этимъ заставило его согласиться. Тогда оказалось, что мѣхъ не исчерпываетъ всей суммы, которая должна быть взята товаромъ, и пришлось выбрать еще коверъ, по происхожденію изъ Бѣлостока, но которому, по словамъ Ципулькеса, всѣ французскіе и англійскіе его собратья и въ подметки не годились.

— Ну, вотъ,—сказалъ тогда Ципулькесъ,—а теперь мадамъ Болтикова будетъ развлекаться французскими матеріями, пока мы съ г. Болтиковымъ займемся расчетомъ... Знаете, расчетъ, это не дамское дѣло.

Женѣ Болтикова дѣйствительно оставалось только разсматривать то, что Ципулькесъ называлъ «французскими матеріями». Болтиковъ же въ это время стоялъ съ Ципулькесомъ у самой конторки, и Ципулькесъ что-то долго объяснялъ ему вполголоса, показывалъ счетъ, совалъ ему вексельную бумагу. Болтиковъ, наконецъ, подписалъ, взялъ и положилъ въ карманъ какія-то деньги. Ципулькесъ опять потрясъ руки обѣимъ супругамъ, и они вышли изъ магазина, а вслѣдъ за ними пошелъ и слѣдовалъ за ними по пятамъ, неся подъ мышкой увѣсистый свертокъ, маленькій Шмель.

IV.

Всѣ вмѣстѣ.

Странная операція съ товаромъ устроила Болтикова на короткое время. Но прошелъ срокъ, и вотъ надъ его головой нависли разомъ три дамокловыхъ меча.

Уже наканунѣ Болтиковъ сталъ усиленно думать о томъ, какимъ образомъ удовлетворить справедливыя притязанія всѣхъ трехъ благодѣтелей. Что всѣ они придутъ и потребуютъ своихъ правъ, въ этомъ нельзя было сомнѣваться ни на одну минуту. Новый заемъ? Но это ужасно, это уже петля, настоящая висѣлица, и когда онъ подумалъ объ этомъ, — кровь ударила ему въ голову, и началась такая дикая головная боль, точно Цвингеръ, Нудель и Ципулькесъ всѣ вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ били его молотками въ голову. Онъ ходилъ по комнатѣ и высчитывалъ: Цвингеру—33, Нуделю—29, Ципулькесу—50 и наконецъ Штрингелю—15, а всего 127. Откуда ихъ взять? Вѣдь жалованья онъ получалъ всего 80 рублей, и нужно же заплатить за квартиру и прокормить семейство. Мысль о томъ, что вся эта компанія придетъ въ управу и накинется на него, сдавила ему горло.

Онъ пошелъ въ управу въ самомъ мрачномъ настроеніи и, разумѣется, сейчасъ открылся Амарантову.

— Это скверно, что у васъ для всѣхъ одинъ срокъ: надо бы распределить ихъ по разнымъ числамъ, а то это дѣйствительно утомительно, если они всѣ въ одинъ день станутъ морочить вамъ голову. Конечно, можно было бы достать четвертаго благодѣтеля и заставить его заплатить этимъ тремъ, но лучше, я думаю, сдѣлать отдыхъ...

— Какимъ же образомъ?

— Очень простымъ. Возьмите жалованье и ассигнуйте изъ него рублей двадцать этимъ хищникамъ. Придетъ одинъ вы его такъ и сякъ, по имени и отчеству величайте, почтеннѣйшимъ и уважаемѣйшимъ называйте и непременно освѣдомляйтесь о здоровьи его супруги. Они это страсть какъ любятъ, они это цѣнятъ больше всего, конечно, кромѣ полученія процентовъ. Сошлитесь на какія нибудь экстренныя обстоятельства: ну, тамъ сестра умерла, на похороны издержался, что ли.

— Да вѣдь это же унижительно: лгать передъ ростовщикомъ!— съ негодованіемъ воскликнулъ Болтиковъ.

— Нисколько: это только употребленіе равнаго оружія. Ростовщикъ лжетъ и обманываетъ насъ на каждомъ шагу, надо и его обманывать. Да-съ, такъ побольше разговору. И такъ, знаете, не безъ задушевности, они это тоже любятъ. А въ концѣ предложите не въ зачетъ, такъ себѣ — тому пять, тому шесть, тому семь, а этому, маклеру, можно дать два рубля.

— Знаете — что? Ей-Богу, у меня ничего не выйдет, и я испорчу только дѣло. Я совсѣмъ не умѣю съ ними разговаривать.

— Надо учиться, мой другъ, надо учиться, — серьезно-наставительнымъ голосомъ сказалъ Амарантовъ.

— Нѣтъ, не могу, рѣшительно не могу, — заявилъ Болтиковъ.

— Экій вы, право! Ничего съ вами не подѣлаешь. Придется мнѣ за васъ дѣйствовать... Приготовьте-ка деньги...

Шествіе началось съ Ципулькеса. Но въ качествѣ его предтечи появился Штрингель и съ таинственною важностью заявилъ:

— Онъ самъ здѣсь... Ужъ вы, пожалуйста, дайте ему... Онъ любитъ аккуратность.

Амарантовъ вышелъ на лѣстницу, и здѣсь произошло собесѣдованіе съ Ципулькесомъ. Бесѣда продолжалась минутъ двадцать. Амарантовъ обнялъ Ципулькеса за талію, хвалилъ его товары, пріятельски трепалъ по плечу, вралъ что-то объ умершей теткѣ, вралъ за Болтикова и за себя и кончилъ тѣмъ, что за Болтикова далъ шесть рублей, а за себя отдѣлался добрымъ словомъ. Въ то же время Болтиковъ употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Штрингеля взять два рубля, но у него это выходило какъ-то сухо и даже сердито.

Штрингель клялся, что онъ ужасно обѣденъ, и согласился взять два рубля съ тѣмъ, чтобы долговая сумма изъ пятнадцати превратилась въ семнадцать. Когда это было улажено, и они вчетверомъ стояли на площадкѣ, договаривая послѣднія условія соглашенія, на лѣстницѣ появилась высокая фигура Цвингера. Онъ взощелъ на площадку, молча поклонившись Амарантову и Болтикову; при этомъ онъ прищурился и презрительно посмотрѣлъ на своихъ конкурентовъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, — сказалъ вдогонку Амарантовъ.

Когда Цвингеръ скрылся за дверь, Штрингель началъ укоривленно качать головой:

— Ай, ай, ай, вы съ этимъ человѣкомъ имѣете дѣло? Ай, ай, ай, ай, это такой ростовщикъ, такая собака. Ухъ!...

— Я такому господину даже руки не подамъ, — презрительно замѣтилъ Ципулькесъ: — онъ кровь высасываетъ.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то, — беззаботно объяснилъ Амарантовъ: — у него управское дѣло.

— Ну, а только я же вамъ говорю... Потому я вамъ желаю добра: не имѣйте дѣло съ такой собакой. Онъ — ростовщикъ.

И, давъ такой благодѣтельный совѣтъ, добродѣтельный чело-вѣкъ ушелъ.

— Пф... Ципулькесъ! — произнесъ вмѣсто привѣтствія Цвингеръ: — это же прямо жуликъ. Если бъ я зналъ, что у васъ съ нимъ гешефтъ, я бы вамъ не далъ денегъ...

— Ну, какой тамъ гешефтъ? Онъ хочетъ тротуаръ вымостить около своего магазина, вотъ и пришелъ посоветоваться!— совралъ Амарантовъ.

Цвингеръ оказался кремнемъ. Амарантовъ совершенно истощилъ всѣ свои приемы. Онъ хвалилъ его характеръ, хвалилъ его сына-доктора, восхищался способностями другого сына-адвоката, хвалилъ матерію, изъ которой были сшиты штаны Цвингера, и приходилъ въ восторгъ отъ его шубы и палки и дошелъ до того, что назвалъ его «честнымъ благодѣтелемъ». Въ концѣ концовъ Цвингеръ таки взялъ семь рублей. Но въ то самое время, когда онъ собирался уйти, въ дверь просунулась и въ тотъ же мигъ исчезла рыжая голова Нуделя.

— Пфэ! Это ужъ даже стыдно... произнесъ Цвингеръ съ такой миной гадливости, будто проглотилъ муху.—Нудель! Пфэ! Это гадина... Зналъ бы, не взялъ бы семи рублей...

Амарантовъ успокоилъ его, сказавъ, что Нудель имѣлъ дѣла съ другими служащими въ управѣ.

Сейчасъ же по уходѣ Цвингера появился Нудель. Онъ былъ встревоженъ, его красные, отъ неумѣреннаго употребленія лука, глаза бѣгали, какъ двѣ мыши, пойманныя въ ловушку.

— Цвингеръ?... О, онъ васъ съѣстъ! О, это—волкъ.. это—акула!..

Но съ нимъ былъ разговоръ коротокъ. Амарантовъ ткнулъ ему прямо въ руку шесть рублей и сказалъ:

-- Ну, проваливайте къ чорту, безъ разсужденій.

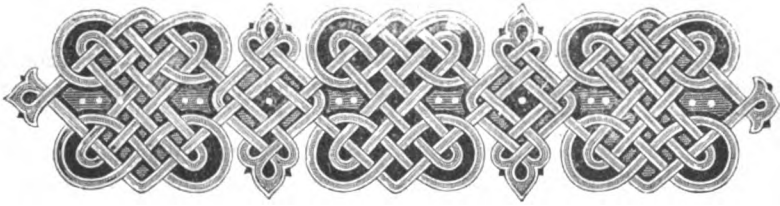
И Нудель схватилъ деньги и точно сквозь землю провалился. Послѣ ухода Нуделя Болтиковъ сѣлъ за конторку и составилъ маленькую исторію своего займа, который онъ восемь мѣсяцевъ назадъ сдѣлалъ у Цвингера. Онъ получилъ тогда 152 рубля, которые истратилъ на свои нужды. За то какъ онъ заплатился за это удовольствіе! Теперь онъ долженъ: Цвингеру—119, Нуделю—85, Ципулькесу—200 и Штриягелю—17, всего 423 рубля. Такимъ образомъ 271 рубль росли въ теченіе восьми мѣсяцевъ единственно потому, что нужно было Цвингеру въ первый срокъ уплатить 33 рубля взноса!

Болтиковъ никакъ не могъ хорошенько усвоить этой ариметики, и такое приращеніе казалось ему просто волшебнымъ.

— Смотрите, смотрите! Вотъ такъ картина!—воскликнулъ Амарантовъ и притащилъ Болтикова къ окну. Изъ окна была видна часть бульвара. На отдаленной скамейкѣ воссѣдали рядомъ Цвингеръ, Нудель и Ципулькесъ, а передъ ними почтительно стоялъ Штриягель. Они вели общій разговоръ и оживленно размахивали руками.

— Снюхались!—сказалъ Амарантовъ:—теперь они подведутъ итоги всѣмъ нашимъ долгамъ и рѣшатъ вопросъ, можно ли еще позволить намъ наслаждаться жизнью, или пора ужъ окончательно насъ скушать.

И. Потапенко.

ЗАПИСКИ О ВРЕМЕНИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА И ЕГО КОНЧИНѢ.

В 1865 году, въ лондонскомъ журналѣ «Fraser's Magazine for town and country», появилась статья подъ заглавіемъ: «Reminiscences of the court and times of the Emperor Paul I of Russia up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General Officer» ¹⁾, которая уже по самому своему заглавію должна была вызвать интересъ русской исторической критики. Тѣмъ не менѣе, таинственный русскій авторъ, напечатанный въ Англии свои воспоминанія, оставался неизвѣстнымъ до 1869 г. ²⁾, когда въ ноябрьской книжкѣ издававшегося въ то время при Чертковской библиотекѣ «Русскаго Архива» впервые напечатано на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ статьи «Fraser's Magazine» подъ заглавіемъ: «Изъ записокъ Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла Петровича. Переводъ съ англійскаго» ³⁾. Въ виду цензурныхъ условій переводъ естественно не могъ быть полнымъ, такъ что почти половина «Записокъ» осталась неизвѣстной для русской читающей публики и главнымъ образомъ послѣдняя часть ихъ, посвященная описанію заговора и самому событію 11 марта 1801 г. Что касается

¹⁾ «Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора російскаго Павла I до эпохи его смерти. Изъ бумагъ умершаго русскаго генерала».

²⁾ Краткое извлеченіе изъ воспоминаній Саблукова, въ 60-хъ годахъ, было сдѣлано также во французскомъ журналѣ «Revue Moderne».

³⁾ Переводъ сдѣланъ С. А. Рачинскимъ.

англійскаго подлинника «Воспоминаній», то послѣдній, въ настоящее время, по прошествіи 40 лѣтъ, представляетъ большую библиографическую рѣдкость, такъ какъ журналъ «Fraser's Magazine» издавался въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и всѣ нумера 1865 г. давно вышли изъ продажи и не имѣются даже у наиболѣе извѣстныхъ заграничныхъ антикваріевъ.

Настоящимъ переводомъ отчасти пополняется этотъ пробѣлъ въ нашей исторической библиографіи, до сихъ поръ не имѣвшей полнаго перевода «Записокъ Саблукова», представляющихъ, по безпристрастности изложенія и искренности тона, драгоценнѣйшій матеріалъ для будущихъ историковъ и бытописателей Павловской эпохи, еще столь мало изслѣдованной и едва ли безпристрастно оцѣненной.

Авторъ «Записокъ», Николай Александровичъ Саблуковъ, родился въ Петербургѣ въ 1776 г. Отецъ его, Александръ Александровичъ Саблуковъ¹⁾, сенаторъ и впослѣдствіи одинъ изъ первыхъ членовъ только что учрежденнаго Александромъ I государственнаго совѣта, былъ вице-президентомъ мануфактуръ-коллегии въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ эпоху Павла I. Сыну своему онъ далъ весьма тщательное, домашнее образованіе, при чемъ, благодаря заботамъ матери автора, Екатерины Андреевны Саблуковой, рожденной Волковой, женщины высоко-образованной и гуманной, особенное вниманіе было обращено на изученіе иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Вскорѣ затѣмъ молодой Саблуковъ, по обычаю богатыхъ дворянъ того времени, былъ отправленъ путешествовать за границу, посѣтилъ Германію, Италію и, благодаря близкимъ связямъ съ русскою знатью, былъ представленъ ко многимъ иностраннымъ дворамъ. Вернувшись въ Россію въ 1792 г., 17-лѣтній юноша Саблуковъ поступилъ въ блестящій и аристократическій, въ Екатерининское время, конно-гвардейскій полкъ, въ которомъ и оставался до самой кончины Павла I, находясь въ послѣднее время въ чинѣ полковника и командуя эскадрономъ.

Не будучи «гатчинцемъ», какъ Аракчеевъ и Ростопчинъ, не состоя въ числѣ любимцевъ, какъ Кутайсовъ и Уваровъ, Саблуковъ, несмотря на это, пользовался благосклонностью и уваженіемъ Павла, чувствовавшаго въ немъ неподкупную вѣрность порядочнаго человѣка. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ,

¹⁾ Александръ Александровичъ былъ сынъ коллежскаго совѣтника Александра Ульяновича Саблукова, служившаго при дворѣ Елисаветы Петровны. Службу свою Александръ Александровичъ началъ въ 1762 г. и за время царствованія Екатерины II былъ награжденъ Владимиромъ 2 класса, чиномъ тайнаго совѣтника и Аннинской лентой. При Павлѣ I пожалованъ сенаторомъ. Скончался въ Петербургѣ въ 1826 г., будучи членомъ государственнаго совѣта и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Похороненъ въ Александро-Невской дѣвѣ.

что авторъ «Записокъ» былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ лицъ, близко стоявшихъ къ двору, которымъ удалось удержаться на службѣ въ теченіе всего четырехлѣтняго царствованія Павла. Саблуковъ былъ джентельменъ въ полномъ смыслѣ этого слова: это былъ рыцарь безъ страха и упрека, спокойно смотрѣвшій въ глаза такому государю, какъ Павелъ I, сумѣвшій сдерживать порывы такой взбалмошной натуры, какъ Константинъ, вызывавшій невольное удивленіе робкаго и запуганнаго отцовскими строгостями Александра. Вотъ почему «Записки Саблукова», въ которыхъ каждая фраза, каждая строчка дышатъ правдой и благородствомъ, должны имѣть особое значеніе въ глазахъ историка: въ этихъ качествахъ автора онъ увидитъ несомнѣнное доказательство, какъ правдивости передаваемыхъ имъ фактовъ, такъ и вполне безпристрастной оцѣнки личности императора Павла.

Отдавая полную справедливость высокимъ душевнымъ качествамъ, лежавшимъ въ основѣ характера этого государя, любя его искренно, какъ человѣка, Саблуковъ сообщаетъ, однако, цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на несомнѣнную ненормальность Павла, рѣзкія выходки котораго, доходившія зачастую до непонятной жестокости, могутъ быть объяснены исключительно душевнымъ разстройствомъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ основной характеръ «Записокъ Саблукова», представляющихъ собою историческій документъ первостепенной важности для будущихъ изслѣдователей этого кратковременнаго, полнаго загадочности и противорѣчій царствованія. Авторъ ихъ, являющійся образцомъ искренности и правдивости, въ одномъ только случаѣ впадаетъ въ довольно странное противорѣчіе, а именно, когда онъ упоминаетъ о роли, которую сыграла англійская политика въ трагическомъ событіи 11 марта 1801 г. Стараясь какъ будто бы доказать полную неосновательность слуховъ объ участіи англійскаго посла, лорда Уитворда, въ заговорѣ противъ Павла, онъ въ то же время категорически говоритъ о любовной связи этого дипломата съ О. А. Жеребцовой, сестрой Зубовыхъ—главныхъ руководителей заговора. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ «Записокъ» мы находимъ слѣдующую недвусмысленную фразу, не требующую дальнѣйшихъ комментаріевъ: «Г-жа Жеребцова предсказала печальное событіе 11 марта, въ Берлинѣ, за нѣсколько дней до смерти императора, и какъ только узнала о совершившемся фактѣ, отправилась тотчасъ въ Англію навѣстить своего стараго друга, лорда Уитворда» (гл. III, стр. 72).

Единственнымъ объясненіемъ этого противорѣчія, которое со-всѣмъ не вяжется съ категорическимъ и яснымъ тономъ всего повѣствованія, можетъ служить то обстоятельство, что рукопись Саблукова, напечатанная въ Лондонѣ, прошла черезъ горнило

англійскаго журнала, редакція котораго, естественно, была заинтересована въ об'явленіи дѣйствій «коварнаго Альбіона».

Убіиство императора Павла произвело на Саблукова удручающее впечатлѣніе и было глубоко ненавистно его взглядамъ на неприкосновенность личности помазанника Божія и самодержца. Онъ хочетъ бѣжать отъ двора, среди котораго ему ежедневно приходится сталкиваться съ участниками ужасной драмы, и съ радостью принимаетъ на себя охрану императрицы Маріи Теодоровны, удалившейся изъ Петербурга въ свое Павловское уединеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ не можетъ примириться съ дѣятелями 11 марта и при первой возможности, въ концѣ 1801 г., подаетъ въ отставку и ѣдетъ за границу искать забвенія и успокоенія въ новомъ путешествіи по Европѣ. Въ 1803 г., находясь въ Англии, онъ женится по любви на англичанкѣ, миссъ Юліанѣ Ангерштинѣ, дочери извѣстнаго знатока и любителя живописи Эдуарда Ангерштина, имѣвшаго богатую коллекцію картинъ, завѣщанную имъ впоследствии Лондонской Національной Галлерей. Вернувшись въ Россію въ 1806 г., Николай Александровичъ, по совѣту своего стараго знакомаго, тогдашняго морского министра, адмирала П. В. Чичагова, поступаетъ на службу въ адмиралтействъ-коллегію и въ слѣдующемъ же году назначается управляющимъ счетною экспедиціей съ утвержденіемъ въ чинѣ генераль-майора. Въ 1809 г. онъ выходитъ въ отставку съ мундиромъ (л.-гв. Коннаго полка) и снова удаляется въ Англію, къ родственникамъ жены. Но и здѣсь, на чужбинѣ, онъ продолжаетъ горячо любить Россію, и при первомъ извѣстіи объ опасности, угрожающей отечеству, Саблуковъ спѣшитъ на родину и въ рядахъ арміи принимаетъ участіе въ безсмертной эпопее 1812 г., находясь при особомъ кавалерійскомъ отрядѣ генераль-майора барона Корфа. Когда народное бѣдствіе, наконецъ, миновало, когда непріятель былъ изгнанъ, и Россія уже не нуждалась въ жертвахъ своихъ сыновъ, Саблуковъ окончательно выходитъ въ отставку, снова удаляется въ Англію и до самой своей смерти остается вдали отъ государственныхъ дѣлъ, то навѣщая въ Россію, то путешествуя по Европѣ, при чемъ ведетъ дѣятельную переписку съ своими друзьями, живущими въ Россіи. Къ числу такихъ друзей принадлежалъ, между прочимъ, извѣстный ученый и богословъ, протоіерей Г. П. Павскій, духовный наставникъ цесаревича Александра Николаевича и переводчикъ библии съ еврейскаго языка на русскій. Въ этихъ письмахъ къ Павскому Саблуковъ является горячимъ сторонникомъ просвѣщенія отечества въ смыслѣ нравственнаго и умственнаго воспитанія и возрожденія духа русскаго народа. Искренній и убѣжденный православный, Н. А., тѣмъ не менѣе, желаетъ видѣть русскихъ служителей церкви, какъ духовныхъ пастырей народа, болѣе образованными, стоящими на высотѣ своей великой воспитательной задачи.

Таковъ нравственный обликъ автора настоящихъ «Записокъ», носящаго въ себѣ отличительныя черты лучшихъ людей того времени, людей съ широкимъ, просвѣщеннымъ умомъ, съ душою, открытою для всего добраго, великодушнаго, справедливаго. XIX вѣкъ, въ отличіе отъ своего предшественника, постепенно лишалъ личность ея особенностей, нивелируя, такъ сказать, ея индивидуальность подъ одинъ шаблонъ, выдѣляя идеаль безличнаго исполненія; но тѣмъ болѣе интересъ, тѣмъ болѣе цѣнность представляютъ собою люди критики, въ которыхъ жизнь бьетъ живымъ энергичнымъ ключемъ; тѣ лучше люди славной Екатерининской эпохи, которые, несмотря на наступившую аракчеевщину, не доведены были до безцвѣтности общимъ равеніемъ русской жизни подъ капральски-бюрократическій шаблонъ того времени. То были люди истинно русскіе и притомъ люди свободной инициативы, что не мѣшало имъ, однако, быть искренно и убѣжденно-преданными самодержавію и всѣмъ остальнымъ исконнымъ завѣтамъ русской жизни, дѣлать въ годину народнаго бѣдствія великое патріотическое дѣло, полагая душу свою за родину. Таковъ былъ авторъ настоящихъ «Записокъ».

К. Военскій.

I.

Вступленіе. — Дворъ великаго князя. — Е. И. Нелидова. — Путешествіе графа и графини Сѣверныхъ. — Гатчина. — Кончина Екатерины. — Первые дни новаго царствованія. — Мѣропріятія императора. — Судъ надъ княземъ Сибирскимъ. — Новые люди. — Кутайсовъ. — Оболяиновъ. — Кологривовъ. — Котлубицкій. — Великіе князья. — Аракчеевъ. — Ростовчинъ. — Женскій персоналъ Павловскаго двора.

На-дняхъ мнѣ пришлось перечитывать «Исторію Россіи» Леева, въ которой говорится о разногласіи въ мнѣніяхъ, существующихъ до настоящаго времени относительно Лжедмитрія, при чемъ меня особенно поразила скудость свѣдѣній объ этой замѣчательной эпохѣ въ смыслѣ показаній современниковъ и очевидцевъ. А между тѣмъ самъ Леевъ утверждаетъ, что такіа показанія имѣютъ чрезвычайную важность для исторіи, такъ какъ одни только очевидцы могутъ засвидѣтельствовать правдивость тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ.

Я самъ былъ очевидцемъ главнѣйшихъ событій, происходившихъ въ царствованіе императора Павла I. Во все это время я состоялъ при дворѣ этого государя и имѣлъ полную возможность узнать все, что тамъ происходитъ, не говоря уже о томъ, что я лично былъ знакомъ съ самимъ императоромъ и со всѣми членами императорскаго дома, равно какъ и со всѣми вліятельными личностями того времени. Все это, вѣсть взятое, и побудило меня записать все то,

что я помню о событіяхъ этой знаменательной эпохи, въ надеждѣ, что такимъ образомъ, быть можетъ, прольется новый свѣтъ на характеръ Павла I, человѣка, во всякомъ случаѣ, не зауряднаго.

Смѣю думать, что читатель не поставитъ мнѣ въ вину, если въ теченіе этого повѣствованія мнѣ не разъ придется говорить о себѣ лично, про многихъ изъ моихъ друзей и про полкъ, въ которомъ я служилъ. Подробности эти я привожу лишь, какъ доказательство правдивости моего повѣствованія, которая только и можетъ придать настоящій интересъ этому разсказу.

Въ эпоху вступленія на престолъ императора Павла I мнѣ было двадцать лѣтъ, я былъ въ чинѣ подпоручика Конной гвардіи, прослуживъ передъ тѣмъ въ томъ же полку два года унтеръ-офицеромъ и четыре года въ офицерскомъ чинѣ¹⁾. Передъ тѣмъ я много путешествовалъ за границей и былъ представленъ ко многимъ дворянъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, вслѣдствіе чего много вращался въ высшемъ обществѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Отецъ мой держалъ открытый домъ, въ которомъ собирались запросто многіе министры и дипломаты, вслѣдствіе чего, несмотря на мою молодость, я уже достаточно былъ подготовленъ къ пониманію текущихъ политическихъ событій. Къ этому надо прибавить, что, будучи вообще хорошо знакомъ съ нѣсколькими иностранными языками, я живо интересовался политическими вопросами и съ особеннымъ вниманіемъ читалъ газеты.

Теперь я сдѣлаю небольшое отступленіе и буду говорить о времени, непосредственно предшествовавшемъ вступленію на престолъ императора Павла, такъ какъ свѣдѣнія о томъ, что тогда происходило, послужатъ къ объясненію многихъ послѣдующихъ событій, которыя иначе было бы трудно понять.

Въ бытность великимъ княземъ Павелъ Петровичъ имѣлъ великолѣпные апартаменты въ Зимнемъ дворцѣ, а также во дворцѣ Царскосельскомъ. Здѣсь совершались выходы и приемы, и тутъ же великій князь и его супруга давали пышные обѣды, вечера и балы, оказывая постоянно чрезвычайную любезность своимъ гостямъ. Всѣ высшіе чины ихъ двора, равно какъ прислуга, принадлежали къ штату императрицы, поочередно, въ теченіе недѣли, дежурили въ обоихъ дворцахъ, при чемъ всѣ издержки уплачивались изъ кабинета ея величества. Въ этихъ приемахъ своего сына императрица Екатерина, обыкновенно, весьма милостиво сама принимала участіе и послѣ перваго выхода радушно присоединялась къ обще-

¹⁾ Будучи унтеръ-офицеромъ, я былъ ординарцемъ у фельдмаршала, графа Салтыкова, дежурилъ у него черезъ недѣлю и обязанъ былъ въ это время всюду сопровождать его. Благодаря этому, мнѣ часто приходилось бывать съ его свитою въ прихожей кабинета императрицы Екатерины II.

Прим. автора.

ству, не допуская обычнаго этикета, установленнаго при ея собственномъ дворѣ.

Съ внѣшней стороны великій князь постоянно оказывалъ своей матери величайшее уваженіе, хотя всѣ хорошо знали, что онъ не раздѣлялъ тѣхъ чувствъ любви, благодарности и удивленія, которыя русскій народъ питалъ къ этой монархинѣ. Великая княгиня, его супруга, однакоже, любила Екатерину, какъ нѣжная дочь, и привязанность эта была вполне взаимная. Дѣти Павла, юные великіе князья и великія княжны, воспитывались подъ надзоромъ ихъ бабки-императрицы, которая во всѣхъ случаяхъ совѣтовалась съ ихъ матерью¹⁾.

Кромѣ названныхъ апартаментовъ, у великаго князя былъ еще очень удобный дворецъ — Каменноостровский, расположенный на одномъ изъ острововъ на Невѣ. Здѣсь великій князь и его супруга также давали избранному обществу весьма веселыя празднества, на которыхъ происходили такъ называемыя *jeux d'esprit*, театральныя представленія, словомъ, все то, что изобрѣли остроуміе и любезность стараго французскаго двора. Сама великая княгиня была чрезвычайно красивая женщина, весьма скромная въ обращеніи, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже излишне строгая, такъ что казалась суровою и скучною, насколько могли ее сдѣлать таковою добродѣтель и этикетъ. Павелъ Петровичъ, напротивъ, былъ полонъ жизни, остроумія и юмора, отличая своимъ вниманіемъ тѣхъ, которые блистали тѣми же качествами.

Самою яркою звѣздою на придворномъ горизонтѣ была молодая дѣвушка, которую пожаловали фрейлиною въ уваженіе превосходныхъ дарованій, выказанныхъ ею въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ она получила воспитаніе. Ее звали Екатерина Нелидова²⁾. По наружности она представляла полную противоположность съ великою княгинею, которая была бѣлокура, высокаго роста, склонна къ полнотѣ и очень близорука. Нелидова же была маленькая, смуглая, съ темными волосами, блестящими черными глазами и лицомъ, полнымъ выразительности. Она танцевала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ.

Павелъ недолго оставался равнодушнымъ къ ея совершенствамъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что великій князь отнюдь не былъ человѣкомъ безнравственнымъ, напротивъ того, онъ былъ добродѣтеленъ, какъ по убѣжденію, такъ и по намѣреніямъ. Онъ

¹⁾ Генералы Протасовъ (Александръ Яковлевичъ, род. 1742, ум. 1799 г.) и Сакенъ (графъ Карлъ Ивановичъ, впоследствии дѣйств. тайн. сов., род. 1733, ум. 1808 г.) были воспитателями великихъ князей, а баронесса Ливень гувернанткою великихъ княженъ и довѣреннымъ другомъ ихъ матери.

²⁾ Екатерина Ивановна Нелидова, фрейлина высочайшаго двора, довѣренный другъ императора Павла и Маріи Феодоровны, род. 1758, ум. 1839 г.

ненавидѣлъ распутство, былъ искренно привязанъ къ своей прелестной супругѣ и не могъ себѣ представить, чтобы какая нибудь интриганка могла когда либо увлечь его и влюбить въ себя безъ памяти. Поѣтому онъ свободно предался тому, что онъ считалъ чисто платонической связью, и это было началомъ его странностей.

Императрица Екатерина, знавшая человѣческое сердце несравненно лучше, чѣмъ ея сынъ, была глубоко огорчена за свою невѣстку. Она вскорѣ послала сына путешествовать вмѣстѣ съ супругою и отдала самыя строгія приказанія, дабы не щадить денегъ, чтобы сдѣлать эту прогулку по Европѣ столь же блистательной, сколь интересной, при помощи вліянія на дворы, которые имъ придется посѣтить. Путешествовали они *incognito*, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, и всѣмъ хорошо извѣстно, что остроуміе графа, красота графини и обходительность обоихъ оставили самое благоприятное впечатлѣніе въ странахъ, которыя они посѣтили.

Не слѣдуетъ думать, что первоначальное воспитаніе великаго князя Павла было небрежно; напротивъ того, Екатерина употребила все, что въ человѣческихъ силахъ, чтобы дать сыну воспитаніе, которое сдѣлало бы его способнымъ и достойнымъ царствовать надъ обширною Россійскою имперіею. Графъ Н. И. Панинъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей своего времени, пользовавшійся уваженіемъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей, за свою честность, высокую нравственность, искреннее благочестіе и отличное образованіе, былъ воспитателемъ Павла. Кромѣ того, великій князь имѣлъ лучшихъ наставниковъ того времени, въ числѣ которыхъ были и иностранцы, пользовавшіеся почетною извѣстностью въ ученomъ и литературномъ мѣрѣ. Особенное вниманіе было обращено на религіозное воспитаніе великаго князя, который до самой своей смерти отличался набожностью. Еще до настоящаго времени показываютъ мѣста, на которыхъ Павелъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ молитву, и часто обливался слезами. Паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ¹⁾. Графъ Панинъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ масонскихъ ложъ, и великій князь былъ также введенъ въ нѣкоторыя изъ нихъ. Словомъ, было сдѣлано все, что только возможно для физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія великаго князя. Павелъ Петровичъ былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ своего времени и съ ранняго возраста отличался на каруселяхъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ языки славянскій, рус-

¹⁾ Офицерская караульная комната, въ которой я сидѣлъ во время моихъ дежурствъ въ Гатчинѣ, находилась рядомъ съ частнымъ кабинетомъ Павла, и мнѣ нерѣдко приходилось слышать вѣдохи императора, когда онъ стоялъ на молитвѣ.
Прим. автора.

скій, французскій и нѣмецкій, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ латинскомъ, былъ хорошо знакомъ съ исторіей, географіей и математикой, говорилъ и писалъ весьма свободно и правильно на упомянутыхъ языкахъ. Въ дѣлѣ воспитанія великаго князя два помощника, главнымъ образомъ, содѣйствовали графу Панину: флота капитанъ Сергѣй Плещеевъ¹⁾ и уроженецъ города Страсбурга, баронъ Николаи²⁾. Плещеевъ прежде служилъ въ англійскомъ флотѣ, былъ отличнымъ офицеромъ, человѣкомъ широко образованнымъ и особеннымъ знатокомъ русской литературы. Баронъ Николаи былъ вообще человѣкъ ученый, жившій сначала въ Страсбургѣ и написавшій нѣсколько научныхъ трудовъ. Оба эти лица сопровождали великаго князя во время его путешествія за границу, и впоследствии Плещеевъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «*Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord*». Оба остались близкими и вліятельными людьми при императорѣ Павлѣ до самой его кончины.

Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ Павелъ проникся тѣми высокоаристократическими идеями и вкусами, которые, не будучи согласны съ духомъ времени, довели его впоследствии до большихъ крайностей въ его стремленіи поддержать нравы и обычаи стараго режима въ такое время, когда французская революція сметала все подобное съ европейскаго континента. Но какъ ни пагубны были эти вліянія для чуткой и воспримчивой души Павла, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ вліяніемъ, которое произвели на него въ Берлинѣ прусская дисциплина, выправка, мундиры, шляпы, кивера и т. п., словомъ, все, что имѣло какое либо отношеніе къ Фридриху Великому. Павелъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ преслѣдовали его, подобно кошмару. Къ счастью Павла и для Россіи, онъ не заразился бездушною философіей этого монарха и его упорнымъ безбожіемъ. Этого Павелъ не могъ переварить, и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, доброе сѣмя все-таки удержалось.

Но, чтобы вернуться къ эпохѣ, которая непосредственно предшествовала восшествію Павла на престолъ, я долженъ упомянуть о томъ, что, кромѣ дворца на Каменномъ острову, онъ имѣлъ еще великолѣпный дворецъ и имѣніе въ Гатчинѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ Царскаго Села. Къ Гатчинѣ были приписаны обширныя земли и нѣсколько деревень. Супруга великаго князя имѣла такое же

¹⁾ Сергѣй Ив. Плещеевъ, род. 1752, ум. 1802 г. въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника; писатель по географіи и переводчикъ съ французскаго.

²⁾ Николаи, баронъ Андрей Львовичъ, бібліотекаръ и секретарь Павла Петровича, преподавалъ ему логику; впоследствии президентъ академіи наукъ; род. 1737, ум. 1820 г.

имѣніе въ Павловскѣ съ обширными парками и богатыми деревнями. Этотъ дворецъ находился всего въ трехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Въ этихъ двухъ имѣніяхъ великій князь и его супруга, обыкновенно, проводили большую часть года одни, имѣя лишь дежурнаго камергера и гофмаршала. Здѣсь великій князь и великая княгиня, обыкновенно, не принимали никого, исключая лицъ, особо приглашенныхъ. Скоро, однакоже, и здѣсь стала появляться Екатерина Ивановна Нелидова и вскорѣ сдѣлалась пріятельницей великой княгини, оставаясь въ то же время платоническимъ кумиромъ Павла. Какъ въ Гатчинѣ, такъ и въ Павловскѣ строго соблюдались костюмъ, этикетъ и обычаи французскаго двора.

Отецъ мой въ то время стоялъ во главѣ государственнаго казначейства, и въ его обязанности, между прочимъ, входило выдавать ихъ высочествамъ ихъ четвертное жалованье и лично принимать отъ нихъ расписку въ счетную книгу казначейства. Во время поѣздокъ, которыя онъ совершалъ для этой цѣли въ Гатчину и въ Павловскъ, я иногда сопровождалъ его и живо помню то странное впечатлѣніе, которое производило на меня все то, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ. Тутъ все было какъ бы въ другомъ государствѣ, особенно въ Гатчинѣ, гдѣ выстроенъ былъ форштадтъ, напоминавшій мелкіе германскіе города. Эта слобода имѣла заставы, казармы, конюшни и строенія точь-въ-точь такія, какъ въ Пруссіи. Что касается войскъ, здѣсь расположенныхъ, то можно было побиться объ закладъ, что они только что пришли изъ Берлина.

Здѣсь я долженъ объяснить, какимъ образомъ Павелъ задумалъ сформировать въ Гатчинѣ эту курьезную маленькую армію. Когда великій князь былъ еще очень молодъ, императрица, пожелавшая дать ему громкій титулъ, не сопряженный, однако, съ какою либо трудною или отвѣтственною должностію, пожаловала его генераль-адмираломъ російскаго флота; впоследствии онъ былъ назначенъ шефомъ превосходнаго кирасирскаго полка, съ которымъ онъ прослужилъ одну кампанію противъ шведовъ, при чемъ имѣлъ честь видѣть, какъ надъ головой его пролетали пушечныя ядра во время одной стычки съ непріателемъ. Поселившись въ Гатчинѣ, великій князь, въ качествѣ генераль-адмирала, потребовалъ себѣ баталіонъ морскихъ солдатъ съ нѣсколькими орудіями, а какъ шефъ кирасировъ—эскадронъ этого полка, съ тѣмъ, чтобы образовать гарнизонъ города Гатчины.

Оба желанія великаго князя были исполнены, и такимъ образомъ положено начало пресловутой «гатчинской арміи», впоследствии причинившей столь неудовольствій и вреда всей странѣ. Въ Гатчинѣ, кромѣ того, на небольшомъ озерѣ, находилось нѣсколько лодокъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ на подобіе военныхъ ко-

раблей, съ офицерами и матросами; и это учрежденіе въ послѣдствіи приобрѣло большое значеніе.

Баталіонъ и эскадронъ были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый изображалъ полкъ императорской гвардіи. Всѣ они были одѣты въ темнозеленые мундиры и во всѣхъ отношеніяхъ напоминали собою прусскихъ солдатъ.

Вся русская пѣхота въ это время носила свѣтлозеленые мундиры, кавалерія — синіе, а артиллерія — красные. Покрой этихъ мундировъ не походилъ на мундиры другихъ европейскихъ армій, но былъ прекрасно приспособленъ къ климату и обычаямъ Россіи. Русскія войска всѣхъ родовъ оружія покрыли себя славой въ войнахъ противъ турокъ, шведовъ и поляковъ и справедливо гордились своими подвигами. Подобно всякимъ другимъ войскамъ, они гордились и мундирами, въ которыхъ они пожинали эти лавры, и это заставляло ихъ смотрѣть съ отвращеніемъ на новое гатчинское обмундированіе.

Гатчинскіе моряки также носили темнозеленое сукно, между тѣмъ какъ мундиръ всего русскаго флота былъ бѣлый, установленный еще самимъ Петромъ Великимъ, и это измѣненіе также возбуждало неудовольствіе. Во всѣхъ гатчинскихъ войскахъ офицерскія должности были заняты людьми нивкаго происхожденія, такъ какъ ни одинъ порядочный человекъ не хотѣлъ служить въ этихъ полкахъ, гдѣ господствовала грубая прусская дисциплина. Я уже упомянулъ выше, что дворъ великаго князя состоялъ отчасти изъ лицъ, служащихъ при дворѣ императрицы, такъ что все происходившее въ Гатчинѣ тотчасъ дѣлалось извѣстнымъ при большомъ дворѣ и въ публикѣ, и будущая судьба Россіи подвергалась свободному обсужденію и не совсѣмъ умѣренной критикѣ.

Но, съ другой стороны, великій князь былъ восходящимъ свѣтиломъ, и, конечно, нашлось немало услужливыхъ людей, передававшихъ ему о невыгодномъ впечатлѣніи, которое нѣкоторыя его распоряженія производили при дворѣ императрицы, — распоряженія, считавшіяся имъ, однако, крайне важными. Ему доносили также и о многихъ злоупотребленіяхъ, дѣйствительно существовавшихъ въ разныхъ отрасляхъ управленія. Съ другой стороны, мягкость и материнскій характеръ управленія Екатерины ему изображали въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Вспыльчивый по природѣ и горячій, Павелъ былъ крайне раздраженъ отстраненіемъ отъ престола, который, согласно обычаю посѣщенныхъ имъ иностранныхъ дворовъ, онъ считалъ принадлежащимъ ему по праву. Вскорѣ сдѣлалось общезвѣстнымъ, что великій князь съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе и рѣзче порицаетъ правительственную систему своей матери.

Екатерина, между тѣмъ, становилась стара и немощна, и еще недавно у нея былъ легкій припадокъ паралича, послѣ котораго

она не поправилась вполнѣ. Она искренно любила Россію и пользовалась искреннею любовью своего народа. Екатерина не могла думать безъ страха о томъ, что великое государство, столь быстро выдвинутое ею на путь благоденствія и славы, останется безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія, особенно въ такое время, когда Франція распространяла революціонную заразу, и «Комитетъ общественной безопасности» заставилъ дрожать на престолахъ почти всѣхъ монарховъ Европы и потрясалъ старинныя учрежденія въ самыхъ ихъ основаніяхъ.

Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своей страны, и если бы ей удалось убѣдить Павла сдѣлаться государемъ конституціоннымъ, то она умерла бы спокойно, не опасаясь за будущее Россіи ¹⁾. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть конституціи, уже начертанной, въ каковомъ случаѣ былъ бы назначенъ наслѣдникомъ его сынъ, Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ утвердилъ новую конституцію.

Слово «конституція», столь часто здѣсь упоминаемое, не должно быть, однако, понимаемо въ обычномъ, слишкомъ употребительномъ смыслѣ парламентскаго представительства, еще менѣе въ смыслѣ демократической формы правленія. Оно обозначаетъ здѣсь великую хартію, благодаря которой верховная власть императора перестала бы быть самодержавною.

Слухи о подобномъ намѣреніи императрицы ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Втихомолку, однако, говорили, что 1 января 1797 г. долженъ быть обнародованъ весьма важный манифестъ, и въ то же время было замѣчено, что великій князь Павелъ сталъ рѣже появляться при дворѣ, и то лишь въ торжественные приемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастіе къ своимъ опруссаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ. Мы, офицеры, часто смѣялись между собою надъ гатчинцами. Въ 1795—1796 г. я былъ за границу и, проведя нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, порядочно ознакомился съ прусскою выправкою. По возвращеніи моемъ домой, мои товарищи часто заставляли меня подражать, или, вѣрнѣе, передразнивать прусскихъ офицеровъ и солдатъ. Въ то время мы и не помышляли, что скоро мы всѣ будемъ обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину. Впослѣд-

¹⁾ Оставляемъ эту фразу, столь мало похожую на дѣйствительное положеніе вещей въ Россіи и столь несогласную со взглядами самого Н. А. Саблукова, — на отвѣтственности англійской редакціи.

ствіи оказалось, что знаніе этихъ подробностей сослужило мнѣ большую услугу.

Ознакомивъ вкратцѣ читателя съ положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ и Гатчинѣ, я буду продолжать свое повѣствованіе. По возвращеніи моемъ изъ заграничнаго путешествія въ 1796 г., я часто посѣщаль домъ нѣкоей г-жи Загряжской ¹⁾, свѣтской дамы, чрезвычайно умной и любезной. Племянница ея, Васильчикова, была только что помолвлена за графа Кочубея, и потому вечера ея стали интимнѣе и менѣе людны. Я былъ одинъ изъ немногихъ, которыхъ, однако, продолжали приглашать въ домъ, куда мы собирались играть въ лото, дофинъ и другія игры.

Въ четвергъ, 6 ноября 1796 г., я прибылъ, по обыкновенію, къ Загряжскимъ. Къ семи часамъ вечера на столѣ было приготовлено лото, и я предложилъ себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвѣчала болѣе холоднымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно: «хорошо», и я началъ игру. Играющіе, однако, думали, повидимому, о чемъ-то другомъ, такъ что я даже слегка пожурилъ ихъ за то, что они не отмѣчаютъ номеровъ.

Между тѣмъ, г-жа Загряжская вдругъ отозвала меня въ сторону и сказала:

— Vous êtes un singulier homme, Sabloukoff!

— En quoi donc, madame?—возразилъ я.

— Vous ne savez donc rien?

— Mais qu'y a-t-il à savoir?

— Comment donc, l'Impératrice a eu un coup d'apoplexie et on la croit morte ²⁾..

Я чуть не свалился съ ногъ и такъ поблѣднѣлъ, что г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Какъ только я пришелъ въ себя, я побѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ мой экипажъ и отправился въ домъ моего отца. Оказалось, что онъ уже уѣхалъ въ сенатъ, куда его вызвали. Катастрофа, дѣйствительно, совершилась, сомнѣній быть не могло. Екатерина скончалась.

Александръ Мухановъ ³⁾, капитанъ Конной гвардіи, который на слѣдующее утро долженъ былъ жениться на моей сестрѣ Натальѣ, также уѣхалъ изъ дома и отправился въ казармы нашего полка, куда поспѣшилъ и я.

¹⁾ Наталья Кирилловна Загряжская, рожденная графиня Разумовская, статсъ-дама, жена оберъ-шенка, род. 1747, ум. 1837 г.

²⁾ — Вы удивительный человекъ, Саблуковъ!

— Въ чемъ дѣло?—возразилъ я.

— Значить, вы ничего не знаете?

— Что же случилось?

— А то, что съ государыней сдѣлался ударъ, и полагають, что она скончалась.

³⁾ Александръ Васильевичъ Мухановъ, впоследствии дѣйствительный статскій совѣтникъ и полтавскій гражданскій губернаторъ (1806 г.).

По дорогѣ мнѣ попадались люди разнаго званія, которые шли пѣшкомъ или ѣхали въ саняхъ и каретахъ, и всѣ куда-то спѣшили. Нѣкоторые изъ нихъ останавливали на улицѣ своихъ знакомыхъ и со слезами на глазахъ высказывали свое горе по поводу случившагося. Можно было думать, что у каждаго русскаго умерла нѣжно любимая мать.

Князь Платонъ Зубовъ, послѣдній любимецъ Екатерины и ея первый министръ, немедленно отправилъ въ Гатчину своего брата, графа Николая Зубова, имѣвшаго званіе италмейстера, съ тѣмъ, чтобы сообщить великому князю Павлу о кончинѣ его матери. Сенатъ и синодъ были въ сборѣ, и всѣ войска столицы подъ ружьемъ, въ ожиданіи манифеста. Графъ Безбородко, въ качествѣ старшаго изъ статсъ-секретарей, находился въ кабинетѣ покойной императрицы, прочіе же статсъ-секретари и высшіе чины двора собрались во дворцѣ въ ожиданіи прибытія великаго князя.

Скорѣй вернулся графъ Зубовъ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи Павла. Площадъ передъ дворцомъ была переполнена народомъ, и около полуночи прибылъ великій князь. Въ теченіе ночи былъ составленъ манифестъ, въ которомъ оповѣщалось, для всеобщаго свѣдѣнія, о кончинѣ императрицы Екатерины II и о вступленіи на престолъ императора Павла I. Актъ этотъ былъ также прочитанъ въ сенатѣ, и была принесена обычная присяга.

Нельзя выразить словами ту скорбь, которую испытывалъ каждый офицеръ и солдатъ Конной гвардіи, когда въ нашемъ полку прочтенъ былъ этотъ манифестъ. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ, многіе рыдали, словно потеряли близкаго родственника или лучшаго друга. То же самое происходило и въ другихъ полкахъ, и такимъ же образомъ выразилась и всеобщая печаль народа въ приходскихъ церквахъ.

Рано утромъ, 7 (19) ноября, нашъ командиръ, майоръ¹⁾ Васильчиковъ, отдалъ приказъ, чтобы на слѣдующее утро всѣ офицеры явились на парадъ передъ Зимнимъ дворцомъ; назначенный же туда караулъ отъ нашего полка былъ осмотрѣнъ нашимъ майоромъ самымъ тщательнымъ образомъ. Между тѣмъ, въ теченіе ночи выпалъ глубокій снѣгъ, а къ утру настала оттепель и пошелъ мелкій дождь, и всѣмъ намъ было крайне непріятно идти вслѣдъ за нашимъ коннымъ отрядомъ отъ казармъ до дворца, около трехъ англійскихъ миль, въ лучшихъ нашихъ мундирахъ синихъ съ золотомъ, въ парадныхъ шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, увязая въ глубокомъ снѣгу, лежавшемъ по дорогѣ.

¹⁾ Вѣроятно, ошибка въ англійскомъ текстѣ. При восшествіи на престолъ императора Павла, Конною гвардіею командовалъ генералъ-майоръ Григорій Алексѣевичъ Васильчиковъ, который въ слѣдующемъ 1797 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Это не было хорошимъ предзнаменованіемъ для новаго царствованія и новаго порядка вещей. Едва мы дошли до Дворцовой площади, какъ уже намъ сообщено множество новыхъ распоряженій. Начать съ того, что отнынѣ ни одинъ офицеръ ни подъ какимъ предлогомъ не имѣлъ права являться куда бы то ни было иначе, какъ въ мундирѣ; а надо замѣтить, что наша форма была очень нарядна, дорога и неудобна для постоянного ношенія. Далѣе намъ сообщили, что офицерамъ вообще воспрещалось ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволяется только ѣздить верхомъ или въ саняхъ, или въ дрожкахъ. Кромѣ того, былъ изданъ рядъ полицейскихъ распоряженій, предписывавшихъ всѣмъ обывателямъ носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещавшихъ ношеніе круглыхъ шляпъ, сапогъ съ отворотами, длинныхъ панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ и чулкахъ, вмѣсто которыхъ предписывалось носить пряжки. Волосы должны были зачесываться назадъ, а отнюдь не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ велѣно было останавливаться при встрѣчѣ съ высочайшими особами, и тѣ, кто сидѣлъ въ экипажахъ, должны были выходить изъ оныхъ, дабы отдать поклонъ августѣйшимъ лицамъ. Утромъ 8 (20) ноября 1796 г., значительно ранѣе 9-ти часовъ утра, усердная столичная полиція успѣла уже обнародовать всѣ эти правила.

Мы также услышали о курьезныхъ вещахъ, происшедшихъ во дворцѣ съ прибытіемъ новаго императора. Говорили, что онъ вмѣстѣ съ графомъ Безбородкомъ¹⁾ дѣятельно занимался сожженіемъ бумагъ и документовъ въ кабинетѣ покойной императрицы; что императоръ имѣетъ видъ очень сумрачный и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія своихъ собственныхъ войскъ изъ Гатчины. Естественно, что всѣ эти слухи не могли намъ быть пріятны, особенно послѣ счастливаго времени, проведеннаго нами при Екатеринѣ, царствованіе которой отличалось милостивой снисходительностью ко всему, что только не носило характера преступленія.

Но вотъ пробило, наконецъ, десять часовъ, и началась ужасная суетока. Появились новыя лица, новые сановники. Но какъ они были одѣты! Невзирая на всю нашу печаль по императрицѣ, мы едва могли удержаться отъ смѣха: настолько все нами видѣнное напоминало намъ шутовской маскарадъ. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи появились въ своихъ гатчинскихъ мундирахъ, напоминая собою старинные портреты прусскихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ.

¹⁾ Князь Александръ Андреевичъ Безбородко род. 1747, ум. 1799 г. При воцареніи императора Павла пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ I класса; 5 апрѣля 1797 г. въ день коронаванія императора, пожалованъ свѣтлѣйшимъ княземъ и вскорѣ назначенъ канцлеромъ. Умеръ холостымъ, оставивъ все свое состояніе брату Ильѣ Андреевичу, который и основалъ въ Нѣжинѣ лицей князя Безбородка, въ память канцлера.

Ровно въ 11 часовъ вышелъ самъ императоръ въ преображенскомъ мундирѣ новаго покроя. Онъ кланялся, отдувался и пыталъ, пока проходила мимо него гвардія, пожимая плечами и головой въ знакъ неудовольствія. Послѣ этого онъ велѣлъ подать свою лошадь «Помпона». Въ то же время ему доложили, что гатчинская «армія» приближается къ заставѣ, и его величество тотчасъ поскакалъ ей навстрѣчу. Приблизительно черезъ часъ императоръ вернулся во главѣ этихъ войскъ. Самъ онъ ѣхалъ передъ тѣмъ гатчинскимъ отрядомъ, который ему угодно было называть «преображенцами»; великіе князья Александръ и Константинъ такъ же ѣхали во главѣ такъ называемыхъ «Семеновскаго» и «Измайловскаго» полковъ. Императоръ былъ въ восторгѣ отъ этихъ войскъ и выставлялъ ихъ передъ нами, какъ образцы совершенства, которымъ мы должны подражать слѣпо. Ихъ знаменамъ была отдана честь обычнымъ образомъ, послѣ чего ихъ отнесли во дворецъ, сами же гатчинскія войска, въ качествѣ представителей соответствующихъ гвардейскихъ полковъ, были включены въ нихъ и размѣщены по ихъ казармамъ.

Такъ закончилось утро перваго дня новаго царствованія Павла Перваго.

Мы всѣ вернулись домой, получивъ строгое приказаніе не оставлять своихъ казармъ, и вскорѣ затѣмъ новыя пришлецы изъ гатчинскаго гарнизона были представлены намъ. Но что это были за офицеры! Что за странныя лица! Какія манеры! И какъ странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ семьямъ русскаго дворянства. Всѣ новыя порядки и новыя мундиры подверглись строгой критикѣ и почти всеобщему осужденію. Вскорѣ, однако, мы убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, доносилось куда слѣдуетъ. Какая грустная перемена для полка, который издавна славился своею порядочностью, товариществомъ и единодушіемъ!

Мы получили приказаніе обмундироваться, какъ можно скорѣе, согласно новымъ предписаніямъ. Новый походный мундиръ былъ коричневаго цвѣта, а вицъ-мундиръ кирпичнаго цвѣта и квакерскаго покроя. Мнѣ удалось достать этого сукна и спать себѣ вицъ-мундиръ, и на другое утро я явился въ новой формѣ, пердразнивая гатчинцевъ à s'у пѣргенде, вслѣдствіе чего командиръ немедленно назначилъ меня въ этотъ день въ караулъ. Будучи, какъ я уже упомянулъ, хорошо знакомъ съ прусскою выправкою, я усвоилъ себѣ съ большою легкостью первые уроки нашихъ гатчинскихъ наставниковъ, а въ одиннадцать часовъ, во время парада, такъ отличился, что императоръ подѣхалъ ко мнѣ, чтобы меня похвалить, и, проходя нѣсколько разъ въ теченіе дня мимо

моего караула во дворцѣ, онъ всегда останавливался, чтобы заговорить со мною.

Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенныхъ мною въ караулѣ во дворцѣ. Что это была за суета, что за бѣготня вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ! Какіе странные костюмы! Какіе противорѣчивые слухи! Императорское семейство то входило въ комнату, въ которой лежало тѣло покойной императрицы, то выходило изъ оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потерѣ, другіе самонадѣянно улыбались въ ожиданіи получить хорошія мѣста. Я долженъ, однакоже, признаться, что число послѣднихъ было невелико. Императоръ, какъ говорятъ, еще былъ занятъ разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ съ графомъ Безбородкомъ. Ходили также слухи, что за графомъ Алексѣемъ Орловымъ былъ посланъ нарочный, что вслѣдъ за обнародованіемъ церемоніала о погребеніи императрицы тѣло Петра III, находящееся въ Невской лаврѣ, будетъ вынута изъ могилы, перенесено во дворецъ и поставлено рядомъ съ тѣломъ Екатерины.

Для того, чтобы понять причины, побудившія императора Павла сдѣлать такое распоряженіе, надо вспомнить, что Петръ III, желая вступить въ бракъ съ своею любовницею, графиней Воронцовой намѣревался объявить императрицу Екатерину виновною въ прелюбодѣянніи и сына ея Павла незаконнымъ. Съ этою цѣлью мать и сынъ должны были быть заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость на всю жизнь. Объ этомъ уже былъ заготовленъ манифестъ, и только наканунѣ его обнародованія и арестованія матери и сына начался переворотъ. Слѣдствіемъ этого событія было, какъ извѣстно, провозглашеніе Екатерины царствующею императрицею и публичное отреченіе Петра III отъ престола, о чемъ имъ былъ подписанъ формальный документъ. Послѣ этого Петръ III удалился въ Ропшу, гдѣ и умеръ, спустя шесть дней, по мнѣнію однихъ— вслѣдствіе геморроидальныхъ припадковъ, по мнѣнію же другихъ— онъ былъ задушенъ въ кровати. Тѣло его было торжественно выставлено для публики въ теченіе шести дней, но такъ какъ онъ ранѣе отрекся отъ престола и умеръ уже не царствующимъ императоромъ, то и былъ погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, а не въ Петропавловскомъ соборѣ, который служить усыпальницею русскихъ императоровъ, начиная отъ Петра Великаго.

Всѣ эти событія засвидѣтельствованы документами, хранящимися въ архивахъ, и были хорошо извѣстны многимъ лицамъ, въ то время еще живымъ, которые были ихъ очевидцами. Поэтому императоръ Павелъ считалъ полезнымъ перенести прахъ отца изъ Невской лавры въ Петропавловскій соборъ, желая этимъ положить предѣлъ слухамъ, которые ходили на его счетъ, а такъ какъ графъ Алексѣй Орловъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ переворотѣ, совершенномъ въ пользу Екатерины, то ему повелѣно было прибыть въ Петербургъ для участія въ погребальномъ шествіи.

Многіе увѣряли, будто бы причина вызова Орлова заключалась въ томъ, что онъ былъ предполагаемымъ убійцей Петра III, но это несправедливо. Если уже были виновники этого злодѣянія, то это должны были быть Пассекъ и князь Ѳедоръ Барятинскій ¹⁾, подъ охраной которыхъ Петръ III былъ оставленъ въ Ропшѣ. Во всякомъ случаѣ, это не былъ Орловъ, такъ какъ его даже не было въ комнатѣ во время смерти императора. По тому способу, которымъ Павелъ обошелся съ Алексѣемъ Орловымъ и говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ во время похоронной церемоніи (чему я самъ былъ очевидцемъ), я убѣжденъ, что императоръ не считалъ его лично виновникомъ убійства, хотя онъ, конечно, смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ главныхъ, оставшихся въ живыхъ, дѣятелей переворота, возведшаго на престолъ Екатерину и спасаго ее и самого Павла отъ пожизненнаго заключенія въ Шлиссельбургѣ, гдѣ еще донинѣ можно видѣть приготовленное для нихъ помѣщеніе.

Въ эпоху кончины Екатерины и вступленія на престолъ Павла Петербургъ былъ, несомнѣнно, одной изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, исключая, быть можетъ, Парижа и Лондона, которыхъ я въ то время не видалъ, и потому не могъ судить о нихъ. Какъ по внѣшнему великолѣпію, такъ и по внутренней роскоши и изяществу ничто не могло сравниться съ Петербургомъ въ 1796 г.: таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе всѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію, и которые проводили тамъ многіе мѣсяцы, очарованные русскою веселостью, радушіемъ, гостепріимствомъ и общительностью, которыя Екатерина съ особеннымъ умѣніемъ проявляла во всей имперіи.

Внезапная перемѣна, происшедшая съ внѣшней стороны въ этой столицѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, просто невѣроятна. Такъ какъ полицейскія мѣропріятія должны были исполняться съ всевозможной поспѣшностью, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро, и Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современную столицу, принявъ скучный видъ маленькаго нѣмецкаго города XVII столѣтія. Къ несчастію, перемѣна эта не ограничилась одною внѣшнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту, самый духъ жителей былъ подверженъ угнетенію. Это проявленіе деспотизма, выразившееся въ самыхъ повседневныхъ, банальныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалось особенно тягостнымъ въ виду того, что оно явилось продолженіемъ эпохи, ознаменованной сравнительно широкой личной свободой.

Всеобщее неудовольствіе стало высказываться въ разговорахъ, въ семьяхъ, среди друзей и знакомыхъ и приняло характеръ злобы

¹⁾ Барятинскій, кн. Ѳед. Серг., род. 1742, ум. 1813 г.; оберъ-гофмаршалъ при Екатеринѣ II.

дня. Чѣмъ болѣе, однако, оно проявлялось, тѣмъ энергичнѣе становилась дѣятельность тайной полиціи. Офицеры нашего полка, который, какъ я уже упомянулъ, пользовался столь высокой репутаціей порядочности и благородства, сдѣлались предметомъ особаго наблюденія, и малѣйшая ошибка во время парада наказывалась арестомъ. Въ царствованіе Екатерины арестъ, какъ мѣра наказанія для офицера, примѣнялся только въ исключительныхъ, серьезныхъ случаяхъ, такъ какъ онъ влекъ за собою военный судъ (court-martial), и офицеръ, который былъ арестованъ въ наказаніе, обыкновенно, долженъ былъ выходить изъ полка. Таковъ былъ point d'honneur въ екатерининское время. Не то было теперь, когда Павелъ всюду ввелъ гатчинскую дисциплину. Онъ смотрѣлъ на арестъ, какъ на пустякъ, и примѣнялъ его ко всѣмъ слоямъ общества, не исключая даже женщинъ. Малѣйшее нарушеніе полицейскихъ распоряженій вызывало арестъ при одной изъ военныхъ гауптвахтъ, вслѣдствіе чего послѣднія зачастую бывали совершенно переполнены.

Наши офицеры, однакоже, не были расположены сносить подобное обращеніе, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль шестьдесятъ или семьдесятъ человѣкъ оставили полкъ. Обстоятельство это, естественно, чрезвычайно ускорило производство, а такъ какъ, благодаря счастливой случайности, я попалъ подъ арестъ всего одинъ разъ, и то вмѣстѣ съ девятью другими полковниками, послѣ маневровъ 1799 г., то я не только остался въ полку, но даже вскорѣ значительно повысился.

Упомянувъ о предосудительной и смѣшной сторонѣ тогдашней правительственной системы, необходимо, однако, указать и на нѣкоторыя похвальныя мѣры, принятыя для благоденствія народа. Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія Павла на престолъ, во дворцѣ было устроено обширное окно, въ которое всякій имѣлъ право опустить свое прошеніе на имя императора. Оно помѣщалось въ нижнемъ этажѣ дворца, подъ однимъ изъ коридоровъ, и Павелъ самъ хранилъ у себя ключъ отъ комнаты, въ которой находилось это окно. Каждое утро, въ седьмомъ часу, императоръ отправлялся туда, собиралъ прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ и затѣмъ прочитывалъ ихъ или заставлялъ одного изъ своихъ статсъ-секретарей прочитывать ихъ себѣ вслухъ. Резолюціи, или отвѣты, на эти прошенія всегда были написаны имъ лично или скрѣплены его подписью и затѣмъ публиковались въ газетахъ для объявленія просителю. Все это дѣлалось быстро и безъ замедленія. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться въ какое нибудь судебное мѣсто или иное вѣдомство и затѣмъ извѣстить его величество о результатѣ этого обращенія.

Этимъ путемъ обнаружались многія вопіющія несправедливости, и въ таковыхъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ. Никакія личныя или сословныя соображенія не могли спасти виновнаго

отъ наказанія, и остается только сожалѣть, что его величество иногда дѣйствовалъ слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые покарали бы виновнаго гораздо строже, чѣмъ это дѣлалъ императоръ, а между тѣмъ онъ не подвергался бы зачастую тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа.

Не припомню теперь въ точности, какъ преступленіе совершилъ нѣкто князь Сибирскій¹⁾, человѣкъ высокопоставленный, сенаторъ, пользовавшійся благосклонностью императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступокъ его, каковъ бы онъ ни былъ, обнаружился черезъ прошеніе, поданное государю вышеописаннымъ способомъ, и князь Сибирскій былъ преданъ уголовному суду, приговоренъ къ разжалованію и къ пожизненной ссылке въ Сибирь. Императоръ немедленно же утвердилъ этотъ приговоръ, который и былъ приведенъ въ исполненіе, при чемъ князь Сибирскій, какъ преступникъ, публично былъ вывезенъ изъ Петербурга черезъ Москву, къ великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственниковъ. Этотъ публичный актъ справедливости очень встревожилъ высшее чиновничество, но произвелъ весьма благоприятное впечатлѣніе на общество.

Будучи весьма строгъ относительно всего, что касалось государственной экономіи, и стремясь облегчить тягости, лежащія на народѣ, императоръ Павелъ былъ, несмотря на это, весьма щедръ при раздачѣ пенсій и наградъ за заслуги, при чемъ въ этихъ случаяхъ отличался истинно царскою милостью. Во время коронаціи въ Москвѣ онъ роздалъ многія тысячи государственныхъ крестьянъ важнѣйшимъ сановникамъ государства и всѣмъ лицамъ, служившимъ ему въ Гатчинѣ, такъ что многія изъ нихъ сдѣлались богачами. Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя, обыкновенно, назначаются для завѣдыванія государственными имуществами. Несомнѣнно и то, что сами крестьяне считали милостью и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе. Моему отцу пожаловано прекрасное имѣніе съ пятью стами душъ крестьянъ въ Тамбовской губерніи, и я очень хорошо помню удовольствіе, выраженное по этому поводу депутаціей отъ крестьянъ этого имѣнія.

Прежде чѣмъ продолжать мой разговоръ, необходимо ознакомить читателя съ главнѣйшими лицами, вывезенными Павломъ изъ Гатчины, а также съ нѣкоторыми другими, которыхъ онъ собралъ

¹⁾ Кн. Васил. Оедор. Сибирскій, ген.-лейтенантъ, сенаторъ, род. 1761, ум. 1808 г.

вокругъ себя въ Петербургѣ, и которыя играли видную роль до самой его смерти.

Раньше всѣхъ слѣдуетъ упомянуть объ Иванѣ Павловичѣ Кутайсовѣ¹⁾, турченкѣ, взятомъ въ плѣнъ въ Кутаисѣ и котораго Павелъ, будучи великимъ княземъ, принялъ подъ свое покровительство, велѣлъ воспитать на свой счетъ и обучить бритью. Онъ въ послѣдствіи сдѣлался императорскимъ брдобреемъ и, въ качествѣ такового, ежедневно имѣлъ въ рукахъ императорскій подбородокъ и горло, что, разумѣется, давало ему положеніе довѣреннаго слуги. Это былъ чрезвычайно смышленный человекъ, обладавшій особенною проницательностью въ угадываніи слабостей своего господина. Надо, однако, сознаться, что онъ, по возможности, всегда старался улаживать все къ лучшему, предупреждая тѣхъ, которые являлись къ императору, о настроеніи духа своего господина. Съ теченіемъ времени онъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ любовницы Павла, составилъ себѣ большое состояніе и былъ сдѣланъ графомъ. Когда въ 1798 г. Павелъ получилъ титулъ гротмейстера Мальтійскаго ордена, Кутайсовъ былъ возведенъ въ званіе оберъ-шталмейстера ордена. Надо сказать, что графъ всегда былъ готовъ всѣмъ помогать и никогда не дѣлалъ никому зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина и такъ же обладала значительнымъ состояніемъ. У нихъ было два сына, изъ коихъ одинъ былъ сенаторомъ²⁾, а другой, отличный артиллерійскій генералъ, былъ убитъ подъ Бородинымъ³⁾.

Самъ графъ Кутайсовъ былъ тоже любитель походовъ, и пока Павелъ, какъ гротмейстеръ Мальтійскаго ордена, имѣлъ свои любовныя походы, его оберъ-шталмейстеръ также не отставалъ отъ своего господина. Они обыкновенно отправлялись вдвоемъ на эти свиданія, якобы сохраняя incognito. Лакеи и кучеръ были одѣты въ красныя ливреи (цвѣтъ ордена), и было строго приказано полиціей не узнавать государя.

Слѣдующее за Кутайсовымъ мѣсто, по старшинству, среди гатчинцевъ, занималъ адмиралъ Куселевъ⁴⁾, человекъ въ высшей степени полезный, поддерживавшій расположеніе императора къ флоту.

Другой честный, услужливый, добрый и благочестивый чело-

¹⁾ Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, оберъ-гофмейстеръ императора Павла I, ум. 9 января 1834 г.

²⁾ Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ, гофмейстеръ и сенаторъ, род. 1780. ум. 1840 г.

³⁾ Графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ, генералъ-майоръ, род. 1784, ум. 1812 г. Убитъ въ должности начальника артиллеріи 1-й арміи въ Бородинскомъ сраженіи.

⁴⁾ Графъ Григ. Григ. Куселевъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегии, род. 1750, ум. 1833 г.

вѣкъ былъ генераль-майоръ Оболяниновъ¹⁾, сдѣланный генераль-адъютантомъ при восшествіи на престолъ Павла. Въ теченіе своей жизни этотъ человекъ много сдѣлалъ для того, чтобы смягчать послѣдствія вспыльчивости и строгости Павла. Въ концѣ его царствованія онъ былъ сдѣланъ генераль-прокуроромъ сената и въ этой должности много старался о томъ, чтобы возстановить безпристрастіе въ судахъ. Павелъ любилъ и уважалъ его до такой степени, что никогда не подозрѣвалъ людей, близкихъ съ Оболяниновымъ, который и самъ ни въ комъ не подозрѣвалъ никогда ничего дурного. Это всемъ извѣстное обстоятельство сдѣлало въ послѣдствіи его домъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ заговорѣ противъ Павла. Странно сказать, что я, будучи въ большой милости у Оболянинова, ни разу не былъ ни на одномъ изъ его вечеровъ, хотя мой отецъ бывалъ тутъ почти каждый вечеръ, чтобы играть съ нимъ въ вистъ. Этотъ прекрасный человекъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что, когда послѣ смерти Павла онъ удалился въ Москву, то былъ избранъ тамъ губернскимъ предводителемъ дворянства и занималъ эту почетную должность до конца своей жизни.

Я уже упомянулъ о баронѣ Николаи, который до самой смерти Павла оставался его статсъ-секретаремъ, бібліотекаремъ и хранителемъ его кабинета. Мой дядя Плещеевъ также остался при императорѣ, но умеръ отъ чахотки въ Монпелье. Генераль Донауровъ²⁾ также былъ незначительнымъ гатчинскимъ морякомъ, и то же самое можно сказать и о полковникѣ Кологривовѣ³⁾, добродушномъ гусарѣ и порядочномъ фронтовикѣ, главнымъ образомъ, замѣчательномъ тѣмъ, что у него была очень красивая жена, не слишкомъ жестокая къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ. Она заставляла своего мужа держать ради этихъ господъ весьма оживленный и веселый домъ.

Полковникъ конной артиллеріи Кутлубицкій⁴⁾ былъ также гатчинецъ и часто рисковалъ своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ Павла, спасая отъ наказаній молодыхъ офицеровъ. Я знаю это изъ личнаго опыта.

Изъ числа новыхъ дѣйствующихъ лицъ, выступившихъ на сцену, слѣдуетъ также упомянуть о двухъ великихъ князьяхъ: Александрѣ и Константиѣ. Александръ былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго, а Константинъ Измайловскаго полка. Александръ,

¹⁾ Петръ Хрисане. Оболяниновъ, генераль-прокуроръ при Павлѣ I, род. 1762, ум. 1841 г.

²⁾ Донауровъ, Мих. Ив., секретарь императора Павла, род. 1758, ум. 1818 г.

³⁾ Кологривовъ, Андрей Семеновичъ. Род. 1774, ум. 1825 г.

⁴⁾ Кутлубицкій, Николай Осиповичъ, генераль-лейтенантъ, былъ генераль-адъютантомъ и довѣреннымъ лицомъ императора Павла I. Скончался въ 1849 г.

кромѣ того, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Ему были подчинены военный комендантъ города, комендантъ крѣпости и петербургскій оберъ-полицеймейстеръ. Каждое утро, въ семь часовъ, и каждый вечеръ — въ восемь, великій князь подавалъ императору рапортъ. При этомъ необходимо было отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъѣзжавшихъ въ немъ и въ его окрестностяхъ, и за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. Великій князь Александръ былъ молодъ, и характеръ его былъ робокъ; кромѣ того, онъ былъ близорукъ и немного глухъ; изъ сказаннаго можно заключить, что эта должность не была синекурою и стоила Александру многихъ безсонныхъ ночей. Оба великіе князя смертельно боялись своего отца, и, когда онъ смотрѣлъ сколько нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали, какъ осинový листъ. При этомъ они всегда искали покровительства у другихъ вмѣсто того, чтобы имѣть возможность сами его оказывать, какъ это можно было ожидать, судя по высокому ихъ положенію. Вотъ почему они внушали мало уваженія и были непопулярны.

Два князя Чарторыйскіе, Адамъ и Константинъ, были назначены адъютантами къ великимъ князьямъ, первый — къ Александру, второй — къ Константину. Это возбудило много толковъ, которые кончились тѣмъ, что оба князя испросили себѣ увольненіе отъ должности.

Какъ я уже сказалъ выше, много полковниковъ, майоровъ и другихъ офицеровъ были включены въ составъ гвардейскихъ полковъ, и такъ какъ всѣ они были лично извѣстны императору и имѣли связи съ придворнымъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ императору, и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Благодаря этому, мы, естественно, были сильно вооружены противъ этихъ господъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ узнали, что они занимались доносами и передавали все до малѣйшаго вырвавагося слова.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, именъ которыхъ не стоить и упоминать, особеннаго вниманія, однако, заслуживаетъ одна личность, игравшая впоследствии весьма важную роль. Это былъ полковникъ гатчинской артиллеріи Аракчеевъ¹⁾, имя котораго, какъ страшилища павловской и особенно александровской эпохи, несомнѣнно, попадетъ въ исторію. По наружности Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ и мускулистъ, съ виду сутуловатъ, съ длинной тонкой шеей, на

¹⁾ Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, впоследствии любимецъ Александра I, членъ государственнаго совѣта и Андреевскій кавалеръ, род. 1769, ум. 1834 г.

которой можно было бы изучить анатомію жилъ, мускуловъ и тому подобное. Въ довершеніе всего, онъ какъ-то особенно сморщивалъ подбородокъ, двигая имъ какъ бы въ судорогахъ. Уши у него были большія, мясистыя; толстая безобразная голова всегда нѣсколько была склонена на бокъ. Цвѣтъ лица былъ у него земляной, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, большой ротъ и нависшій лобъ. Чтобы закончить его портретъ, скажу, что глаза были у него впалые, сѣрые, и вся фizioномія его представляла странную смѣсь ума и злости. Будучи сыномъ мелкопомѣстнаго дворянина, онъ поступилъ кадетомъ въ артиллерійское училище, гдѣ онъ до того отличался способностями и прилежаніемъ, что вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ преподавателемъ геометріи. Но въ этой должности онъ проявилъ себя такимъ тираномъ и такъ жестоко обращался съ кадетами, что его перевели въ артиллерійскій полкъ, часть котораго вмѣстѣ съ Аракчеевымъ попала въ Гатчину.

Въ Гатчинѣ Аракчеевъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе Павла и, благодаря своему уму, строгости и неутомимой дѣятельности, сдѣлался самымъ необходимымъ человѣкомъ въ гарнизонѣ, страшилищемъ всѣхъ живущихъ въ Гатчинѣ и пріобрѣлъ неограниченное довѣріе великаго князя. Надо сказать правду, что онъ былъ искренно преданъ Павлу, чрезвычайно усерденъ къ службѣ и заботился о личной безопасности императора. У него былъ большой организаторскій талантъ, и во всякое дѣло онъ вносилъ строгій методъ и порядокъ, которые старался поддерживать строгостью, доходившею до тиранства. Таковъ былъ Аракчеевъ. При вступленіи на престолъ императора Павла, онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, сдѣланъ шефомъ Преображенскаго полка и назначенъ петербургскимъ комендантомъ. Такъ какъ онъ прежде служилъ въ артиллеріи, то сохранилъ большое вліяніе на этотъ родъ оружія и, наконецъ, былъ назначенъ начальникомъ всей артиллеріи, въ каковой должности оказалъ большія услуги государству.

Характеръ его былъ настолько вспыльчивъ и деспотиченъ, что молодая особа, на которой онъ женился, находя невозможнымъ жить съ такимъ человѣкомъ, оставила его домъ и вернулась къ своей матери. Замѣчательно, что люди жестокіе и мстительные обыкновенно трусы и боятся смерти. Аракчеевъ не былъ исключеніемъ изъ этого правила: онъ окружилъ себя стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи кряду въ одной и той же кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренной кухаркою (она же была его любовницею), и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ долженъ было пробовать всякое кушанье, и то же дѣлалось за завтракомъ и ужиномъ.

Этотъ жестокій и суровый человѣкъ былъ совершенно неспособенъ на нѣжную страсть, но въ то же время велъ жизнь крайне

развратную. Тѣмъ не менѣе, у Аракчеева было два большихъ достоинства. Онъ былъ, дѣйствительно, безпристрастенъ въ исполненіи суда и крайне бережливъ на казенныя деньги. Въ царствованіе Павла Аракчеевъ былъ, несомнѣнно, изъ тѣхъ людей, которые возбудили неудовольствіе общественнаго мнѣнія противъ правительства; но императоръ Павелъ, по природѣ челоѣкъ великодушный, проникательный и умный, сдерживалъ строгости Аракчеева и, наконецъ, удалилъ его. Но когда, послѣ смерти Павла, императоръ Александръ снова призвалъ его на службу и далъ его вліянію распространиться на всѣ отрасли управленія, при чемъ онъ на дѣлѣ сдѣлался первымъ министромъ, тогда Аракчеевъ поистинѣ сталъ бичемъ всего государства и довелъ Александра до того шаткаго положенія, въ которомъ онъ находился въ минуту своей смерти въ Таганрогѣ, и которое разрѣшилось бунтомъ, вспыхнувшимъ при вступленіи на престолъ императора Николая, первою мѣрою котораго для успокоенія умовъ было увольненіе и удаленіе графа Аракчеева.

Изъ остальныхъ правительственныхъ лицъ этого царствованія я упомяну еще о графѣ Ростопчинѣ¹⁾, бывшемъ въ 1812 г. московскимъ генераль-губернаторомъ, челоѣкъ весьма даровитомъ и энергичномъ, но при этомъ насмѣпливомъ и ѣдкою. Онъ былъ генераль-адъютантомъ и, на короткое время, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ту же должность нѣкоторое время занималъ и графъ Паленъ, челоѣкъ также чрезвычайно талантливый и благородный, но холодный и крайне гордый. Адмиралъ Рибасъ²⁾, родомъ мальтїецъ, отличался въ турецкихъ войнахъ при Екатеринѣ вмѣстѣ съ Паленомъ и адмираломъ Литтою. Это былъ челоѣкъ чрезвычайно хитрый, предприимчивый и ловкій. Закончу этотъ списокъ генераломъ Нелидовымъ³⁾, родственникомъ выше-названной Екатерины Ивановны Нелидовой, прекраснымъ молодымъ челоѣкомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на императора и который вмѣстѣ съ своею родственницею прилагалъ всѣ свои старанія, дабы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые подверглись опалѣ.

А теперь перехожу къ женскому персоналу двора императора Павла.

Я уже упоминалъ о томъ положеніи, которое занимала при дворѣ баронесса, впоследствии графиня и позже княгиня Ливенъ⁴⁾.

¹⁾ Ростопчинъ, графъ Фед. Васильевичъ, род. 1778, ум. 1826 г.

²⁾ Рибасъ, Осипъ Михайл., род. 1750, ум. 1800 г., вице-адмиралъ; былъ генераль-кригсъ-комиссаромъ, кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Георгія.

³⁾ Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ, генераль-адъютантъ Павла I, родной братъ фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, род. 1778, ум. 1828 г.

⁴⁾ Ливенъ, княгиня Доротея, рожденная фопъ-Бевкендорфъ, род. 1784, ум. 1857 г. Первоначально была фрейлиной императрицы Маріи Феодоровны. Въ 1812 г.

Она была воспитательницей великихъ княженъ, другомъ и довѣреннымъ лицомъ императрицы и обладала рѣдкими душевными качествами и выдающимся умомъ. Ея прямота, твердость и благородство заставляли самого императора уважать ея мнѣніе. По ея рекомендаціи, двѣ ея пріятельницы, графиня Паленъ ¹⁾ и г-жа фонъ-Ренне, получили должность статсъ-дамъ при великихъ княгиняхъ: Елизаветѣ Алексѣевнѣ (супругѣ Александра) и Аннѣ Теодоровнѣ (супругѣ Константина). Здѣсь кстати замѣчу, что мужъ первой изъ этихъ дамъ, графъ Паленъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ командиромъ Конной гвардіи и инспекторомъ тяжелой кавалеріи. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, управляющимъ иностранными дѣлами и почтовымъ вѣдомствомъ, вслѣдствіе чего въ его рукахъ находились ключи отъ всѣхъ государственныхъ тайнъ, такъ что въ столицѣ никто не могъ предпринять чего либо безъ его вѣдома.

Такъ какъ читатель уже ознакомленъ съ необыкновеннымъ характеромъ этой эпохи, а также съ большинствомъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашняго времени, то я вернусь теперь къ моему повѣствованію и буду излагать въ хронологическомъ порядкѣ событія кратковременнаго царствованія императора Павла.

Н. А. Саблуковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

мужъ ея., кн. Ливенъ, назначенъ посломъ въ Лондонъ, гдѣ онъ пробылъ до 1834 г. Княгиня Ливенъ блистала своимъ умомъ и граціей въ дипломатическомъ мірѣ, была другомъ Меттерниха и Гизо и пользовалась репутаціей одной изъ самыхъ умныхъ женщинъ въ Европѣ. Она скончалась въ Парижѣ, 26-го января 1857 года; тѣло ея перевезено въ Курляндію и предано землѣ въ фамильномъ склепѣ въ окрестностяхъ Митавы.

¹⁾ Графиня Юліана Паленъ, рожденная баронесса Шёппингъ, супруга графа Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Палена.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1902 ГОДУ.

ХАРЬКОВСКІЙ губернаторъ, К. С. Старинкевичъ, любезно разрѣшилъ мнѣ воспользоваться всѣми безъ исключенія документальными данными, въ томъ числѣ такъ называемыми «секретными», относящимися къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1902 г. На основаніи этихъ данныхъ я и составилъ историческій очеркъ печальной страницы изъ жизни населенія этихъ двухъ уѣздовъ. Держась строго фактическаго изложенія, я въ нѣкоторыхъ случаяхъ высказываю и личные взгляды, а также мнѣнія тѣхъ людей, которые близко стояли къ дѣлу. Но избѣжать такого пріема было нельзя, да врядъ ли полезно для всесторонняго освѣщенія, такъ какъ всѣ заключенія вытекаютъ изъ фактическаго положенія различныхъ моментовъ этой драмы, которая обездолила многихъ землевладѣльцевъ, причинила немало горя крестьянамъ, вовлеченнымъ въ преступныя дѣйствія группою лицъ, исповѣдующихъ и пропагандирующихъ извѣстную формулу: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

I.

31 марта 1902 г., харьковскій губернаторъ, князь И. М. Оболенскій, получилъ отъ змиевскаго уѣзднаго исправника телеграфическое извѣстіе слѣдующаго содержанія: «Крестьяне Полтавской губерніи на-дняхъ разграбили нѣсколько экономій въ Константи-

ноградскомъ уѣздѣ, вторглись сегодня въ Валковскій уѣздъ, подговорили мѣстныхъ крестьянъ и начали грабить экономію Глушкова (земскаго начальника) при с. Калейниковѣ. Просимъ немедленно выслать войска на станцію Искровка Харьковско-Николаевской желѣзной дороги». Съ просьбою о присылкѣ войскъ одновременно обратился къ губернатору предсѣдатель Валковской уѣздной земской управы, г. Енишерловъ. Вѣсть эта быстро разнеслась въ Харьковѣ и для многихъ не была неожиданностью. Еще задолго до начала движенія, въ Полтавской губерніи ходили тревожные слухи о готовящихся волненіяхъ среди крестьянъ. Помѣщики были встревожены. Ихъ семьи выѣзжали въ города. Имущество, находящееся въ усадьбахъ, сдавалось на храненіе. Вездѣ во всѣхъ классахъ общества замѣчалось тревожное настроеніе. Пишущій эти строки выѣзжалъ въ одно имѣніе подъ Полтавой въ концѣ февраля для осмотра усадьбы на берегу Ворсклы и тогда слышалъ отъ владѣльца-казака, что уже въ теченіе цѣлаго года идутъ настойчивые толки объ отобраніи земли у частныхъ владѣльцевъ на основаніи какихъ-то никому невѣдомыхъ «парскихъ указовъ», существованіе которыхъ считалось крестьянами безспорнымъ. Распространеніе этихъ волнующихъ слуховъ, преимущественно исходило отъ грамотной крестьянской молодежи, увѣрявшей односельцевъ, что они сами читали эти «указы», что ихъ имъ давали на прочтеніе «скупенты», наѣзжіе господа изъ Полтавы, жандармы и генералы. Казакъ, о которомъ я упомянулъ, былъ глубоко убѣжденъ, что когда начнется отобраніе земли и разгромъ, то эти «наѣзжіе люди» придутъ на мѣста въ деревни, села и хутора и станутъ руководить крестьянами. Мѣстныя власти этимъ толкамъ не придавали особаго значенія. Слухи то усиливались, то затихали, но въ послѣднее время имѣли болѣе или менѣе постоянный характеръ и отличались наибольшей интенсивностью. Какъ увидимъ ниже, въ Полтавской губерніи пропаганда въ этомъ направленіи встрѣтила особо благоприятныя условія, а энергичная агитація готовила народный бунтъ систематически. Страннымъ казалось одно: администрація слишкомъ спокойно отнеслась къ подготовительнымъ дѣйствіямъ агитаторовъ, мало интересуясь жизнью деревни. Во всемъ и у всѣхъ проглядывало успокоительное желаніе внушить себѣ, что все обойдется, уляжется, войдетъ въ нормальную колею. Сдѣланныя замѣчанія нѣсколько обясняютъ, что и въ Харьковской губерніи, въ пограничныхъ съ Полтавской губерніей уѣздахъ, также мало интересовались, что происходитъ у сосѣдей. И тутъ въ значительной степени былъ развитъ индифферентизмъ, воспитываемый той канцелярской атмосферой, которая густымъ туманомъ застилаетъ дѣйствительность и за лѣсомъ входящихъ и исходящихъ бумагъ не позволяетъ разглядѣть, куда и какъ направляется жизнь народная. Телеграмма

валковскаго исправника—лучшее доказательство полнѣйшей неосвѣдомленности, что дѣлалось въ теченіе «нѣсколькихъ дней» на разстояніи 30—50 верстъ отъ его резиденціи. Содержаніе телеграммы, какъ мы видѣли, имѣло характеръ полной неожиданности извѣстія о событіяхъ, какъ бы вдругъ объявившихся, въ родѣ какого-то грома изъ внезапно появившейся нивѣсть откуда тучи. Земскія учрежденія, казалось бы, близко стоящія къ населенію черезъ посредство третьяго элемента, часто находящагося въ деревняхъ, должны были бы знать о толкахъ, угрожающихъ общему спокойствію, личной и имущественной безопасности. Имъ и ихъ агентамъ до послѣдняго времени населеніе во всякомъ разѣ больше довѣрялось, чѣмъ земскимъ начальникамъ и полицейскимъ чиновникамъ. Но вкоренившійся антагонизмъ между земствомъ и администраціей, затѣмъ строгое соблюденіе принципа невмѣшательства земскихъ дѣятелей, даже и тамъ, гдѣ единеніе въ дѣйствіяхъ могло бы оказать безспорную услугу, какъ это воочію доказали печальныя событія, также сыграли въ руку тѣмъ, кто рѣшилъ тѣми или иными способами подготовить населеніе къ волненіямъ, а затѣмъ и произвести самыя бунты.

Тотчасъ по полученіи телеграммы князь Оболенскій просилъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа оказать содѣйствіе военной силой, телеграфируя генералу Драгомирову, что крестьяне, вторгнувшіеся въ Валковскій уѣздъ, грабятъ помѣщичьи экономіи. «Ни увѣщанія, ни мѣры полицейскія не дѣйствуютъ»,—говорилъ онъ въ телеграммѣ. Распоряженіе о посылкѣ войскъ не заставило себя ждать. Воинскій поѣздъ въ 11 часовъ вечера того же 31 марта вышелъ изъ Харькова. Въ немъ были посажены 1 батальонъ пѣхоты и сотня казаковъ. Войскъ этихъ вскорѣ оказалось недостаточно. По мѣрѣ надобности войска, однако, прибывали быстро. Съ батальономъ отправился и губернаторъ, передавъ управленіе губерніей управляющему казенной палатой. На мѣсто крестьянскихъ волненій былъ командированъ непремѣнный членъ харьковскаго губернскаго присутствія, дѣйствительный статскій совѣтникъ де-Коноръ, для руководительства дѣйствіями земскихъ начальниковъ. Исправнику была послана телеграмма: «дѣйствовать рѣшительно». Предсѣдатель управы, г. Енишерловъ, былъ вызванъ на ст. Искровку ко времени пріѣзда туда губернатора. Князь Оболенскій понималъ, что, кромѣ войскъ, должны оказать содѣйствіе земскіе начальники, участіе которыхъ могло принести пользу только при объединеніи ихъ дѣйствій и руководствѣ компетентной властью, что предсѣдатель уѣздной управы далеко не будетъ лишнимъ въ принятіи мѣръ къ успокоенію населенія, какъ лицо, которое по существу своей дѣятельности должно быть освѣдомленнымъ, какъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ заволновавшейся мѣстности, такъ и о тѣхъ наилучшихъ способахъ, какими успѣшнѣе

можно достигнуть возможно быстро успокоенія населенія. А быстрота и энергія были необходимы, какъ показали многія обстоятельства, при которыхъ возникло грабительское движеніе, и какъ оно развивалось. Но оказалось, что предсѣдатель Валковской управы уже не могъ прибыть по вызову губернатора въ назначенное имъ мѣсто: онъ самъ находился въ осадномъ положеніи. Изъ письма г. Енишерлова къ князю Оболенскому видно, что положеніе его было изъ затруднительныхъ. «Осмѣливаюсь послушаться губернатора,—писалъ онъ,—и не явлюсь въ Искровку. Можетъ быть, съ Божьей помощью удержу до ночи крестьянъ отъ грабежа. Спѣшите съ войсками». Дѣло, очевидно, было плохо. По прибытіи на мѣсто губернаторъ тотчасъ увѣдомилъ, что прибывшихъ войскъ недостаточно. Грабительское движеніе перекатывалось широкой волной, захватывавшей все большую и большую территорію. Телеграммы, нарочные съ письмами летѣли въ временную резиденцію губернатора съ просьбою о помощи. Землевладѣлецъ Воликъ телеграфировалъ: «Крестьяне деревень Очеретиной, Сидоренковой и Чебанковки грабятъ всѣ мѣстныя экономіи». Директоръ Ново-Ивановскаго свеклосахарнаго завода увѣдомлялъ: «Идетъ разграбленіе сахарнаго завода». Арендаторъ Липгартъ, въ лицѣ своего довѣреннаго Г. А. Сакса, взывалъ о помощи войсками: «Ради Бога, помогите»,—телеграфировалъ онъ князю. Грабежъ шелъ въ полномъ разгарѣ въ имѣніи генерала Перлика. Крестьяне деревень Горовой, Низовой и Чернецины толпою до 1.000 человекъ напали на экономію, разбивали замки у амбаровъ, грабили хлѣбъ, угоняли скоть, разносили постройки. Земскій гласный Близнюкъ увѣдомлялъ, что экономія Молдавскаго разграблена, и крестьяне, сопровождаемые подводами, направляются на с. Коломакъ. Часъ отъ часу становилось не легче, а тутъ еще полтавскій губернаторъ Бельгардъ прислалъ безнадежную телеграмму, что полтавскіе крестьяне уже ограбили землевладѣльца Волика, который только нѣсколько часовъ назадъ просилъ о помощи. Увезли 20 тысячъ пудовъ хлѣба, угнали скоть. Самъ полтавскій губернаторъ находился съ войсками въ Чутовѣ недалеко отъ Полтавы и сообщалъ: «лишенъ возможности наказывать грабителей и вернуть награбленное, которое увезено въ Валковскій уѣздъ». Такимъ образомъ въ теченіе 31 марта и 1 апрѣля движеніе охватило большую часть Валковскаго уѣзда, направляясь отъ границы Константиноградскаго уѣзда и подвигаясь на сѣверо-западъ черезъ Богодуховскій къ Сумскому уѣзду. Уже 1 апрѣля имѣется донесеніе Богодуховскаго уѣднаго исправника о разграбленіи экономіи полковника Дабича, куда явились крестьяне хуторовъ Рябковки, Богаевки и Скибовки, до 400 душъ, и разграбили у арендатора этой экономіи Липгарта 6.000 пудовъ хлѣба, сѣно, какое было въ экономіи, и разное имущество. Всюду командировались войсковыя части, которыя задерживали подводы съ на-

грабленнымъ имуществомъ. Такъ, въ имѣніи Дабича было задержано 40 человекъ; обнаружено 18 зачинщиковъ.

Въ близлежащихъ къ имѣнію хуторахъ былъ произведенъ обыскъ въ присутствіи земскаго начальника и двухъ жандармовъ ротой Воронежскаго полка. Слухи о рѣшительныхъ мѣрахъ, принятыхъ губернаторомъ для подавленія беспорядковъ, быстро проникали въ населеніе, которое, разумѣется, знало о приходѣ войскъ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ, но, тѣмъ не менѣе, беспорядки разрастались. Никакія увѣщанія не помогали. Крестьяне, въ особенности зачинщики, увѣряли предводимыя ими толпы, что «паны напросили войска», что «казаки сами распоряжаются», «безъ приказа царя», что «ихъ нужно бить». Контора Натальевской экономіи П. И. Харитоненка извѣщала губернатора, что въ Алексѣевской экономіи собрались толпы крестьянъ. Было 11 часовъ ночи. Подводы окружили экономію, и толпа ожидала только сигнала къ началу разоренія. Служащіе находились въ осадномъ положеніи. Управляющій просилъ войскъ. Но какъ переслать письмо съ просьбою? Какъ прорвать блокаду? Рѣшили. письмо написать въ пяти экземплярахъ и снарядить 5 верховыхъ, въ надеждѣ, что ктонибудь изъ пяти доставитъ просьбу губернатору. Характерно то, что всѣ пять писемъ были получены, и въ Алексѣевку была командирована сотня казаковъ 2 апрѣля въ восемь съ половиной часовъ вечера. Крестьянскіе грабежи захватили Благодатновскую экономію А. А. Задонской, имѣніе земскаго начальника Сребдольскаго, помѣщиковъ Дублянскаго, Качалова. Вездѣ, разумѣется, была паника. Кто могъ увѣзжалъ, а кого заставлялъ грабежъ, тѣ въ ужасѣ ожидали, что дѣло дойдетъ и до насилій. Никакимъ имуществомъ крестьяне не брезгали. Такъ, церковный староста Успенской церкви въ селѣ Коломанѣ увѣдомлялъ становаго пристава 2-го стана Валковскаго уѣзда 1 апрѣля: «Сегодня вечеромъ предполагается разграбленіе церкви». Если этого не случилось, то только потому, что подоспѣли войска. Тутъ же было обнаружено, что въ планъ разграбленія села Коломана входило, кромѣ ограбленія церкви, разрушить телеграфъ, разбить почтовое отдѣленіе и монопольную лавку. Изъ Валокъ земскій начальникъ, г. Фюнерь, телеграфировалъ о тревожномъ состояніи населенія: жители сдаютъ цѣнное имущество на храненіе. И дѣйствительно, въ подгороднихъ хуторахъ было сильное броженіе. Слышались угрозы, и организовывалось нападеніе. Опоздай войска на часъ, на два, и г. Валки былъ бы разграбленъ. Движеніе охватило деревни Снѣжковку, Перекопъ и Кантакузово. Въ хуторѣ Мирномъ, имѣніи Кенига, крестьяне намѣревались произвести грабежъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь толпы народа съ подводами, мѣшками и разными приспособленіями къ грабежу ждали приказа начать свою разрушительную работу. Подоспѣвшія войска предупредили разгромъ. Къ губернатору не переставали приходять донесенія о новыхъ

и новыхъ мѣстахъ возмущеній. Ротмистръ Кременчугскаго жандармскаго полицейскаго желѣзнодорожнаго управленія, командированный въ помощь князю Оболенскому, доносилъ, что къ с. Старой Водолагѣ двигается толпа въ пять тысячъ крестьянъ. Необходима немедленно военная сила. Такое же донесеніе было получено отъ начальника того же управленія полковника Егупова, изъ котораго усматривалось, что с.с. Ковячи и Огулицы находятся въ опасномъ положеніи. Угрожающія разгромомъ толпы крестьянъ собираются, готовы напасть на экономіи каждую минуту. Въ деревняхъ Рѣдкодубѣ и Дмитровкѣ разгромъ удалось предупредить. Въ Марсовомъ Полѣ, Майданѣ и Ганновкѣ, когда прибыли войска, разгромъ уже былъ произведенъ. Въ послѣдней были сожжены постройки, за исключеніемъ дома, мельницы и клуни. Волненіе распространялось не по одному нами указанному направленію, но двигалось къ ст. Люботину Харьковско-Николаевской желѣзной дороги. Такъ, землевладѣлецъ Е. М. Духовской, владѣлецъ Мерчика, сообщалъ, что крестьяне грозятъ нападеніемъ на его усадьбу. Товарищъ прокурора Харьковскаго окружнаго суда, Волчанецкій, увѣдомлялъ, что въ ночь подъ 3-е апрѣля, какъ ходятъ слухи, крестьяне намѣреваются напасть на экономію Павлюковскаго. Нужна военная сила. Не спокойно было и на Гутянскомъ сахарномъ заводѣ, также въ Подолянскомъ и въ Пархомовскомъ, въ с.с. Кирасирскомъ и Шаровкѣ.

II.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній вполне ясно, съ какой интенсивностью распространились волненія крестьянъ. Продолжаясь всего четыре дня, движеніе захватило часть Валковскаго и часть Богодуховскаго уѣздовъ. По произведенному подсчету число населенныхъ мѣстъ, гдѣ грабежи происходили и подготовлялись, но были предупреждены, выражалось 65. Но это число нельзя признать точнымъ, такъ какъ въ матеріалахъ, которыми приходилось пользоваться, свѣдѣнія можно было добыть изъ донесеній полицейскихъ чиновъ, земскихъ начальниковъ и командировъ тѣхъ воинскихъ частей, которыя были призваны для восстановленія порядка. При сличеніи ихъ между собой, они не всегда совпадали. Самыя названія, по незнанію мѣстности, неодинаково обозначались. Но, во всякомъ случаѣ, число это по сравненію съ общимъ числомъ поселенныхъ мѣстъ въ Богодуховскомъ и Валковскомъ уѣздахъ, 697, является незначительнымъ. Волненія крестьянъ захватили лишь населенныя мѣста близъ границы Константиноградскаго уѣзда и, распространяясь по Валковскому уѣзду, по этой границѣ направлялись къ сѣверозападнымъ уѣздамъ и частью къ Харьковскому уѣзду. Дальнѣйшее ихъ распространеніе было прекращено. Удалось локализовать грабежи въ сущности на незначительной

территории и, разумѣется, тѣмъ предупредить ужасъ всего того, что могло произойти. Мы имѣли уже случай указать на преступную, по нашему мнѣнію, непредусмотрительность мѣстной полиціи, сидѣвшей, сложа руки, въ то время, когда въ Полтавской губерніи безпорядки были уже въ разгарѣ. Ничѣмъ, какъ незнаніемъ своихъ обязанностей, легкомысленнымъ отношеніемъ къ своему долгу, нельзя объяснить того классическаго ничегонеделанія, которое съ такою силою проявили мѣстныя власти. Подтвержденіемъ этого служатъ отзывы самого губернатора, отмѣтившаго въ своихъ выводахъ довольно рѣзкими выраженіями именно это обстоятельство. Не приводимъ ихъ дословно изъ нежеланія тревожить тѣхъ, къ кому они относились.

Возвращаясь къ прерванному изложенію, укажемъ на нѣкоторыя частности общей картины этого поистинѣ печальнаго событія, что дастъ возможность уяснить характеръ возникшихъ безпорядковъ, разразившихся, какъ мы отчасти видѣли, весьма прискорбными послѣдствіями. Изъ сказаннаго ясно, что безпорядки, сопровождавшіеся разгромомъ экономическихъ усадебъ, поджогами и уничтоженіемъ имущества, происходили такъ. Крестьяне собирались толпами отъ 400 до 1.000 и болѣе человекъ, окружали назначенную для разграбленія усадьбу или же размѣщались «таборомъ» съ подводами и мѣшками вблизи ея и по данному вожаками сигналу съ свистомъ и криками врывались въ помѣщичьи усадьбы, уничтожая силою всѣ преграды, требовали ключи отъ амбаровъ, клунь, сараевъ и другихъ помѣщеній; если требованія ихъ не встрѣчали препятствій, крестьяне мирно, если такъ умѣстно выразиться, начинали расхищать чужое добро. Когда же покушались сдѣлать отпоръ или прибѣгали къ увѣщаніямъ, то всѣ затворы разбивались, ломались, и хищеніе начиналось съ какимъ-то остервенѣніемъ. По отзывамъ мѣстныхъ жителей, передъ разгромомъ въ большинствѣ случаевъ происходили обильныя угощенія водкой, которая какъ-то таинственно появлялась при участіи людей, всегда благополучно скрывавшихся. И безъ того достаточно возбужденные самимъ характеромъ событія, въ которомъ они участвовали, полупьяные крестьяне, разумѣется, не могли послѣдовать за благо-разумными совѣтами, а шли дерзко на грабежъ, какъ бы выдвигая свое удалство и свою, какъ имъ казалось, несокрушимую силу. Всѣ эти признаки рельефнѣе выступаютъ, если станемъ разсматривать отдѣльные случаи изъ погромовъ, о которыхъ хотя и не сохранилось всесторонняго матеріала, но и того, какой удалось извлечь изъ документовъ, достаточно для яснаго о нихъ представленія.

Наибольшему разгрому подвергнута экономія Молдавскаго при деревнѣ Ново-Ивановкѣ Валковскаго уѣзда. Ожесточенность толпы нельзя объяснить тѣмъ, что владѣлецъ завода Д. М. Молдавскій—еврей, какъ на этомъ настаивали даже нѣкоторыя власти. Гра-

бежи и самые беспорядки носили вполне опредѣленный характеръ, ничего съ національной враждой не имѣющій. Заводъ былъ первый по пути и представилъ возможность воспользоваться болѣе цѣннымъ имуществомъ. Алексѣевское волостное правленіе въ своемъ увѣдомленіи о происходящемъ въ Ново-Ивановкѣ говоритъ слѣдующее: «Въ экономію Д. М. Молдавскаго прибыла партія неизвѣстныхъ лицъ, нѣкоторыя были въ форменныхъ костюмахъ. Эти лица, подговоривъ мѣстныхъ и сосѣднихъ крестьянъ, разбили замки разныхъ хранилищъ на заводѣ и въ экономическихъ амбарахъ, и по данному знаку крестьяне приступили къ грабежу, а вожаки направились дальше» (т. 1, л. 42). Кто эти лица, въ дѣлѣ указаній нѣтъ. 4-я сотня Оренбургскаго № 1 казачьяго полка прибыла въ Ново-Ивановку въ 7 часовъ 20 м. вечера 1 апрѣля, когда заводъ и экономія были уже разграблены, но озвѣрѣвшая толпа не прекращала разрушенія. Разгрому подверглась даже больница. Тифозныхъ больныхъ сбрасывали съ кроватей, тюфяки и все, что попадалось подъ руку, грабили, складывали и увозили на подводахъ. Не такъ легко было остановить это безобразіе, но все же при натискѣ казаковъ толпа начала рѣдѣть. Часть казачьяго отряда подъ командой хорунжаго Шнырева направилась задержать подводы съ награбленнымъ и нагнала ихъ. Хорунжій потребовалъ остановиться, но крестьяне отказались повиноваться, начали хлестать лошадей, думая скрыться. Тогда хорунжій Шныревъ заскакалъ впередъ обоза. Крестьяне, сопровождавшіе обозъ, бросились на него съ дубинами, но г. Шныревъ не потерялся, врѣзался въ толпу, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда къ нему на помощь подскакало нѣсколько казаковъ, и обозъ остановился. Казакъ Андрей Пушкаревъ замѣтилъ среди крестьянъ господина, одѣтаго въ пиджачную пару, бѣжавшаго изъ толпы, онъ бросился за нимъ, но «интеллигентъ» успѣлъ добѣжать до близъ находящагося болота и опрометью кинулся туда, рассчитывая, что верхомъ казакъ вѣхаетъ не можетъ. Пушкаревъ соскочилъ съ коня и продолжалъ преслѣдовать убѣжавшаго. Господинъ въ пиджакѣ, имѣя намѣреніе не подпускать къ себѣ казака, выхватилъ изъ кармана револьверъ и нацѣлился въ Пушкарева и крикнулъ: «не подходи, убью». Но Пушкаревъ быстро приблизился къ нему и ударомъ нагайки по рукѣ выбилъ револьверъ, задержалъ его и передалъ въ руки полиціи. Кто былъ этотъ вожакъ, изъ дѣла не видно, что представляетъ собою весьма странное обстоятельство. Тѣмъ болѣе, что описаніе этого случая основано уже не на слухахъ или разказахъ казака, который могъ и выдумать такой эпизодъ, а на основаніи официального донесенія командира 4-ой сотни.

Въ усадьбѣ Корсуна, имущество котораго также подверглось грабежу, прибывшія войска на требованіе разойтись были встрѣчены свистками и ругательствами. Нѣкоторыя изъ крестьянъ бро-

сились на казаковъ съ дубинами и кольями. Разумѣется, они были отброшены, и порядокъ былъ восстановленъ. Когда казаки выходили изъ усадьбы названнаго владѣльца, находящейся по сосѣдству съ крестьянскими дворами, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ плетня стоялъ «молодой человѣкъ», обратившійся къ нимъ съ такой рѣчью: «Что вы шлаетесь здѣсь, валетаете, какъ черти!» Одинъ изъ казаковъ, показывая нагайку, спросилъ: «не хочешь ли этого отвѣдать?» Молодой человѣкъ, нисколько не смутясь, отвѣтилъ: «попробуй тронуть, скоро казаки дождутся отъ мужиковъ не кольевъ и дубины, какъ теперь, а чего нибудь похуже». Этотъ фактъ также заимствованъ изъ того же официальнаго источника.

Въ имѣніи А. И. Орлова при деревнѣ Михайловкѣ значительная толпа крестьянъ, подъ предводительствомъ нѣкоего Собакара, оказала явное сопротивленіе казачьему отряду и требованію разойтись не подчинилась, начавъ наступать съ криками: «вали, небойсь, бей!» Было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, два крестьянина упало, и толпа отхлынула, унося раненыхъ, но затѣмъ снова начала наступать. Казаки въ это время были спѣшны. Приказный Нагаевъ скомандовалъ на коней и ринулся на толпу. Собакаръ, бросившись на впереди скакавшаго Нагаева, замахнулся оглоблей, желая сбить съ лошади, но ударомъ шашки по головѣ Собакаръ былъ сбитъ съ ногъ, и толпа обратилась въ бѣгство. Подполковникъ Грифъ, командовавшій пѣхотнымъ отрядомъ, такъ рассказываетъ о событіяхъ. Быстрое передвиженіе командуемаго имъ батальона, раздѣленнаго на части, способствовало къ такому же быстрому водворенію порядка; гдѣ форсированнымъ маршемъ, а гдѣ и на подводахъ воинскія части всюду успѣвали во-время. Пока мы разсматриваемъ только отдѣльные этюды изъ печальныхъ Валковско-Богодуховскихъ событій, почему и возьмемъ изъ донесенія подполковника только то, что къ этой части изложенія относится. Крестьяне деревень Могилясовки, Очеретовки и хутора Сидоренкова оказали смѣлое сопротивленіе войскамъ. Они собирались въ правильные карре, бросая полѣнья и камни; при обыскахъ отказывались возвращать награбленное, вездѣ встрѣчая солдатъ отчаяннымъ сопротивленіемъ. Вблизи села Высокополя былъ такой ручей: проходилъ воинскій отрядъ, въ сторонѣ дороги находился ровъ, гдѣ вооруженные кольями и дубинами устроили засаду. Несмотря на развѣдочные отряды, никто не зналъ о готовящемся нападеніи, и, какъ только воинская часть поровнялась со рвомъ, толпа ее атаковала. Изъ толпы былъ даже сдѣланъ выстрѣлъ, къ счастью, не причинившій никому вреда. Командиръ взвода, унтеръ-офицеръ Власовъ, быстро построилъ свою часть въ боевой порядокъ и съ крикомъ «ура» бросился на толпу, обративъ ее въ бѣгство, при чемъ былъ захваченъ одинъ крестьянинъ. Въ хуторѣ Мозулевѣ, гдѣ была сожжена усадьба владѣльца, крестьяне отка-

зались возвращать награбленное. Никакія угрозы не дѣйствовали, крестьяне упорствовали, и въ концѣ концовъ поиски его оказались безрезультатными. Впослѣдствіи, имущество было найдено въ спущенномъ прудѣ, разумѣется, никуда негодное. Вблизи имѣнія Духовскаго отрядомъ казаковъ былъ встрѣченъ обозъ изъ пяти-сотъ подводъ. Командиръ 5-ой сотни Оренбургскаго казачьяго полка приказалъ обозу остановиться. Крестьяне начали сбрасывать часть награбленнаго для облегченія подводъ и погонять лошадей, но остановиться не пожелали, тогда командиръ сотни заѣхалъ впереди обоза и изъ револьвера убилъ лошадь первой подводы. Обозъ остановился. Не обошлось, разумѣется, и безъ нѣкоторыхъ комическихъ приключеній. Всѣ были напуганы. Пустой случай возбуждалъ тревогу, совершенно понятную при томъ возбужденіи, въ которомъ находилось населеніе. Такъ, напримѣръ, въ лѣсу помѣщика Е. М. Духовскаго проѣзжавшій объѣздчикъ услышалъ трескъ и какой-то шумъ. Не рѣшаясь приблизиться къ мѣсту, откуда шли страшные звуки, онъ быстро направился въ усадьбу и доложилъ управляющему, что въ лѣсу совершается что-то не ладное. Это происходило, когда безпорядки были прекращены, но войска еще оставались въ предѣлахъ уѣзда. Напуганный управляющій тотчасъ далъ знать исправнику, что волненія крестьянъ начались вновь, прося немедленно прислать военную силу. Тридцать пять казаковъ были высланы къ мѣсту предполагавшейся порубки лѣса, гдѣ и арестовали на мѣстѣ преступленія семь чловѣкъ крестьянъ, занимавшихся ловлею бѣлокъ. Въ этомъ занятіи крестьяне сломали нѣсколько вѣтвей, разумѣется, не нанеся никакого ущерба владѣльцу. Валковскій исправникъ рапортомъ донесъ объ этомъ происшествіи губернатору, который на этомъ рапортѣ сдѣлалъ довольно оригинальную отмѣтку: «остроумно».

Нужно ли говорить, что крестьяне были освобождены изъ-подъ ареста немедленно. Къ характеристикѣ грабежа, производимаго крестьянами, слѣдуетъ упомянуть о разграбленіи усадьбы А. А. Богаевского. Тутъ крестьяне расхитили не только продукты сельско-хозяйственнаго производства, но всю движимость, находившуюся въ помѣщицьемъ домѣ, оставивъ голыя стѣны. Впрочемъ, это былъ не единичный случай, и въ другихъ мѣстахъ разбирался не только хлѣбъ, но уничтожали и движимость въ домахъ. Въ указанномъ случаѣ грабители не пощадили многихъ древнихъ предметовъ и предметовъ роскоши, на собраніе которыхъ было потрачено немало времени и денегъ; также точно уничтожили довольно цѣнную бібліотеку. Можно было бы привести еще немало подобныхъ примѣровъ, но для характеристики волненій достаточно и сказанныхъ.

III.

О происходивших беспорядках харьковскій губернаторъ, князь И. М. Оболенскій, 31 марта донесъ телеграммой министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ въ то время былъ нынѣ покойный Д. С. Сипягинъ, на что 1 апрѣля получилъ такой телеграфическій отвѣтъ: «Вполнѣ надѣюсь, что ваше сіятельство рѣшительнымъ образомъ дѣйствій съ примѣрнымъ наказаніемъ виновныхъ немедленно прекратите перешедшее изъ Полтавской губерніи безобразное движеніе. Буду ждать подробнаго сообщенія о принятыхъ мѣрахъ и ихъ результатахъ» (т. I, л. 28). Въ чемъ же заключались мѣропріятія губернатора? Этотъ вопросъ необходимо выяснитъ подробнѣе. Въ обществѣ, хотя и не во всей его совокупности, раздавались нескрываемаго справедливыя порицанія кн. Оболенскаго относительно превышенія имъ власти, жестокости и незаконности его дѣйствій. Говорили даже, что оставленіе имъ должности харьковскаго губернатора связано съ незаконностью его дѣйствій при восстановленіи нормальнаго теченія сельской жизни. Эти разговоры во многомъ были основательны, отмѣчаю ихъ, какъ фактъ того, что общественное мнѣніе не было на сторонѣ мѣропріятій кн. Оболенскаго. Конечно, трудно отрицать, что не всѣмъ было извѣстно дѣйствительное положеніе вещей, вызывавшихъ въ чрезмѣрно усердномъ губернаторѣ необходимость рѣшительныхъ мѣръ, съ точки зрѣнія закона несомнѣнно не дозволенныхъ: «нужда законъ измѣняетъ»,—такъ говорили его сторонники. Но, какъ бы то ни было, а принятая репрессія были незаконны. Ибранный губернаторомъ путь, правда, ограничилъ территорію беспорядковъ, безъ жертвъ со стороны того населенія, которое по невѣжеству и по темнотѣ своей было вовлечено въ преступленіе и въ то же время разраставшимся погромомъ угрожало неисчислимыми бѣдствіями, но, прибѣгнувъ къ поркѣ, онъ озлобилъ населеніе, деморализировалъ его. Выше нами указано, что 31 марта губернаторъ выѣхалъ на мѣсто беспорядковъ, и съ нимъ вмѣстѣ отправился одинъ батальонъ пѣхоты и сотня казаковъ на станцію Искровку Харьковско-Николаевской желѣзной дороги. Прибывъ на мѣсто, губернаторъ тотчасъ убѣдился, что беспорядки распространяются съ быстротой сплошнаго пожара, что прибывшихъ войскъ недостаточно. Черезъ начальника харьковскаго гарнизона 1 апрѣля была вытребована еще сотня казаковъ. Мѣстныя власти дали въ общихъ чертахъ характеристику беспорядковъ и схему ихъ распространенія. Районъ дѣйствій губернатора въ силу закона былъ ограниченъ предѣлами Харьковской губерніи, но при первыхъ же шагахъ выяснилось, что тутъ не можетъ быть соблюдаемъ принципъ невмѣшательства къ подавленію движенія только потому, что сосѣднія съ границей Харьковской губерніи населен-

ныя мѣста Полтавской губерніи подчинены въ отношеніи административнаго надзора и управленія полтавскому губернатору, который лично самъ признавалъ свою безпомощность, что и выражено имъ въ приведенной выше его телеграммѣ. Вотъ почему князь И. М. Оболенскій узнавъ, по прїѣздѣ на станцію Искровку, въ чемъ дѣло, немедленно отправилъ полторы роты на станцію Кочубеевку для подавленія беспорядковъ въ близлежащихъ къ этой станціи мѣстахъ. Затѣмъ самъ губернаторъ сталъ во главѣ коннаго отряда. Изъ телеграммы министру внутреннихъ дѣлъ видно, что отрядъ началъ свое движеніе отъ границы Полтавской губерніи. Въ каждомъ селѣ или хуторѣ войска разгоняли толпу, задерживали виновныхъ и награбленное имущество. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне выбрасывали съ возовъ похищенные изъ усадебъ предметы или же прятали ихъ въ кустарникахъ, сами же старались скрыться. Въ мѣстахъ грабежа, задержанные крестьяне наказывались розгами, арестовывали только тѣхъ, на кого указывали, какъ на наиболѣе виновныхъ. Тѣлесному наказанію подвергались и тѣ, кто былъ задержанъ съ поличнымъ. Губернаторъ съ кратковременными передышками пробылъ на конѣ 52 часа, лично дѣлая распоряженія. Крестьяне Полтавской губерніи, села Лисичья, задержанные, какъ грабители и поджигатели, въ числѣ 64 человекъ, были переданы судебной власти. Предупредить беспорядки полицейскими мѣрами въ моментъ ихъ возникновенія, какъ удостовѣряетъ губернаторъ, не было возможности, и онъ вновь относитъ всю вину за прошедшее къ распущенности сельской и уѣздной полиціи, которая далеко не была на высотѣ сознанія своего долга. Очевидно, что за дѣятельностью полиціи до этого времени никто не слѣдилъ, не было руководящей сильной власти. Всѣ были предоставлены самимъ себѣ, и наличность кажущагося мѣстнаго благополучія удостовѣрялась рапортами и донесеніями. Несмотря на энергичныя мѣропріятія князя Оболенскаго, ходъ беспорядковъ указывалъ, что могутъ потребоваться новыя части войскъ, которыхъ командировать изъ Харькова въ нужномъ числѣ не представлялось возможности. И въ Харьковѣ необходимо было оставлять воинскія части для охраны города; здѣсь, въ особенности среди учащейся молодежи, было неспокойно. Этимъ объясняется телеграмма департамента полиціи, дававшая знать губернатору, что «о незамедлительной присылкѣ войскъ въ ваше распоряженіе въ случаѣ надобности и изъ сосѣднихъ губерній сообщено по телеграфу командующему войсками Кіевскаго военнаго округа, къ которому благоволите и обращаться». Однако, для быстроты дѣйствій губернатору удобнѣе было бы сноситься съ начальниками мѣстныхъ гарнизоновъ, которые могли бы держать наготовѣ части войскъ вблизи станцій отправленія. Для сношеній съ командующимъ войсками требовалось время. Тѣмъ болѣе умѣстенъ былъ

бы такой способъ, что не вездѣ, въ мѣстахъ, охваченныхъ безпорядками, послѣ прохода войскъ и генеральной порки восстанавливалось спокойствіе. Войска уходили, безпорядки возобновлялись. Надлежало оставлять войска хотя бы на нѣкоторое время до полного упокоенія населенія, но осуществить такую мѣру, въ особенности вначалѣ, было нельзя по малочисленности командированныхъ войскъ. Что безпорядки возобновлялись въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ они, повидимому, были прекращены, доказываетъ телеграмма прокурора харьковской судебной палаты прокурору полтавскаго окружного суда, которая говоритъ: «грабежи продолжаютъ послѣ прохода войскъ; однородныхъ случаевъ свыше 20» (т. I, л. л. 29, 30, 79, 84). Это обстоятельство, несомнѣнно, подтверждаетъ и то, что крестьяне-грабители не очень-то боялись подвергнуться репрессіямъ вновь, и что войска не производили на нихъ того впечатлѣнія, на которое рассчитывали власти. Впрочемъ это только попутное замѣчаніе.

Недостатокъ войскъ поставилъ въ зависимость самый характеръ мѣръ и способовъ прекращенія безпорядковъ. Извѣщенія письменныя, телеграфныя, отъ владѣльцевъ поступали въ изобиліи, хотя въ ихъ помѣстья посылались летучіе малочисленные отряды, на которые и были раздѣлены войска, призванныя къ подавленію движенія. Этимъ отрядамъ давались маршруты слѣдованія. Въ большей части случаевъ пѣхота доставлялась на мѣста разгромовъ на подводахъ, наряжаемыхъ отъ сельскихъ обывателей. Для большаго успѣха былъ организованъ особый развѣдочный отрядъ, который задерживалъ двигавшіеся въ разныхъ направленіяхъ обозы съ награбленнымъ имуществомъ и гдѣ непосредственно, а гдѣ съ помощью вызванныхъ войсковыхъ частей отбиралъ награбленное имущество, или же подъ охраной направлялъ по принадлежности. Только такимъ путемъ возможно было быстро прекратить или предупредить безпорядки въ дер. Рѣдкодубѣ, Дмитровкѣ, Марсовомъ Полѣ, въ Мирной—Кенига и другихъ мѣстностяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей было приказано принимать рѣшительныя мѣры къ прекращенію движенія, но не употреблять въ дѣло оружія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда возмущившіеся крестьяне окажутъ сопротивленіе войскамъ. Мы уже имѣли возможность убѣдиться, что факты такого сопротивленія наблюдались не рѣдко, и, разумѣется, нельзя не одобрить приведеннаго распоряженія, устранившаго неизбежность человѣческихъ жертвъ, хотя совѣмъ избѣжать такого исхода не удалось. Изъ донесенія полковника Грифа видно, что онъ задерживалъ зачинщиковъ, по указанію самихъ крестьянъ,—наказывалъ ихъ тѣлѣсно. Въ Калениковѣ было арестовано 96 человѣкъ. По представленію мѣстнаго земскаго начальника и владѣльца въ то же время этого же села, съ разрѣшенія вице-губернатора Осоргина

эни были подвергнуты тому же наказанію. Телеграммой отъ 4 апрѣля губернаторъ поручалъ богодуховскому исправнику примѣнять тѣлесное наказаніе по его усмотрѣнію, предоставляя тѣ же права другимъ чинамъ полиціи. Арестовывать и передавать судебной власти предписывалось только подстрекателей, если таковыя будутъ задержаны, и полицейскимъ дознаніемъ будетъ установлена наличность этого именно преступленія. Войска, прибывая въ мѣста грабежа, употребляли всѣ усилія пріостановить движеніе мѣрами увѣщанія. Гдѣ мирныя обращенія не помогали, приходилось прибѣгать къ экзекуціи. Отрывочныя свѣдѣнія, имѣющіяся въ разсмотрѣнныхъ матеріалахъ, даютъ указанія, гдѣ крестьяне были подвергаемы тѣлесному наказанію. Въ деревнѣ Перекопѣ подвергнуто этому наказанію 43, въ хуторѣ Левендаровкѣ 87, въ Рябовкѣ изъ 40 задержанныхъ наказаніе примѣнено къ 10, 8 переданы въ распоряженіе судебной власти. Земскій начальникъ 3-го уч. Богодуховскаго уѣзда увѣдомлялъ губернатора, что въ Мирной 76 человекъ «перепорото» и 11 передано судебной власти (т. 2, л. 169). Тѣлесное наказаніе примѣнялось не ко всѣмъ участвовавшимъ въ грабежахъ поголовно, а къ тѣмъ, кто былъ задержанъ съ поличнымъ, кто оказывалъ сопротивленіе по выдачѣ ограбленнаго имущества, и къ наиболѣе дѣятельнымъ грабителямъ, вожаки же и подстрекатели, насколько это можно было установить, передавались судебной власти.

Какъ мы уже сказали, экзекуція была поручена не только полиціи, но всѣмъ командовавшимъ отдѣльными воинскими отрядами, исправникамъ, полицейскимъ чинамъ и земскимъ начальникамъ. Такое распоряженіе нельзя признать правильнымъ. Если признано было необходимымъ прибѣгать къ этой незаконной мѣрѣ, то, конечно, требовалась особая осторожность въ предоставленія правъ къ ея примѣненію. Иначе должны были происходить и дѣйствительно имѣли мѣсто самоуправныя распоряженія. Одинъ изъ землевладѣльцевъ письмомъ увѣдомлялъ губернатора: «умиротвореніе происходитъ безпорядочно, патрули являются въ одну деревню и порютъ, въ другой прощаютъ» (т. 2, л. 198). Нужно ли говорить, что такія дѣйствія еще болѣе усугубляли незаконность способа умиротворенія и во всякомъ случаѣ не могли оказать вліянія на крестьянъ въ смыслѣ уваженія къ власти. Хотя въ дѣлѣ есть указанія на то, что наказаніе розгами не превышало 20—25 ударовъ, но надо думать, не вездѣ было такъ. Непремѣнный членъ губернскаго присутствія просилъ губернатора смягчать наказанія, а это указываетъ если не на полное его несочувствіе этой мѣрѣ, которое открыто высказано быть не могло, то, несомнѣнно, на вѣроятность жестокости его примѣненія. Впрочемъ, это не единственное указаніе на то, что нѣкоторыя мѣстныя власти не вездѣ одинаково примѣняли этотъ родъ наказанія. При томъ условіи, что

войска раздѣлялись на отряды, командованіе которыми вручалось даже унтеръ-офицерамъ, а у казаковъ приказнымъ, самое наказаніе могло только ожесточать населеніе. Облекать широкими правами такихъ лицъ врядъ ли было рационально. Кромѣ тѣлеснаго наказанія, селенія, въ которыхъ временно находились войска, подвергались реквизиціи, но только тогда, когда населеніе отказывалось за плату отпустить продовольствіе нижнимъ чинамъ и фуражъ лошадямъ. Реквизиціонный способъ примѣнялся не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Оружіе, за исключеніемъ одного указаннаго случая, не примѣнялось нигдѣ для подавленія беспорядковъ, какъ о томъ уже и сказано выше. Губернаторъ не разъ предписывалъ избѣгать по возможности этого способа усмиренія. И такое отношеніе къ дѣлу значительно смягчаетъ впечатлѣніе отъ тѣлеснаго наказанія, которое, къ сожалѣнію, производилось въ широкихъ размѣрахъ и вызывало справедливое порицаніе со стороны общества. Гдѣ руководилъ подавленіемъ беспорядковъ губернаторъ лично, тамъ этотъ способъ наказанія, повторяемъ, незаконный, былъ примѣняемъ въ предѣлахъ извѣстной сдержанности, но въ другихъ мѣстахъ дѣло обстояло иначе. Кн. Оболенскій, видя лично распространеніе беспорядковъ и наблюдая, что войска своимъ появленіемъ не вездѣ производятъ ожидаемое впечатлѣніе на крестьянъ, полагалъ, что поступать на основаніи закона, т.-е. стрѣлять въ безоружную толпу, слишкомъ жестоко, почему и прибѣгнулъ къ этой крайней мѣрѣ, какъ неизбежной, въ виду тѣхъ послѣдствій, какія могли произойти въ дальнѣйшемъ, если бы не рѣшиться на какой либо изъ способовъ энергичнаго воздѣйствія.

На сторонѣ тѣлеснаго наказанія стояли почти всѣ мѣстные власти. Даже валковскій уѣздный предводитель дворянства, В. В. Ширковъ, явился самымъ яркимъ сторонникомъ порки. Такъ, онъ домогался наказывать всѣхъ черезъ десятаго, пятнадцатаго, сотскихъ и всѣхъ должностныхъ лицъ перепорѣтъ, а нѣкоего Михея Абдулу наказать въ присутствіи десяти сельчанъ (т. 2, л. 198). Затѣмъ этотъ же предводитель требовалъ непосредственнаго руководства усмиреніемъ. Но губернаторъ просилъ Ширкова не принимать участія ни въ какихъ дѣйствіяхъ ни военныхъ ни гражданскихъ властей. По этому поводу предводитель дворянства на сѣздѣ земскихъ начальниковъ сказалъ пространную рѣчь, критикуя дѣйствія разныхъ лицъ. Этотъ инцидентъ вызвалъ со стороны губернатора обращеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ просилъ вызвать Ширкова и оказать вліяніе въ смыслѣ прекращенія дальнѣйшаго его вмѣшательства въ распоряженія гражданскихъ и военныхъ властей, признавая неудобнымъ оставлять его во главѣ уѣзднаго сѣзда (т. 2, л. 200). Г. Ширковъ былъ вызванъ къ министру, чѣмъ инцидентъ и былъ исчерпанъ.

Какъ всегда, такъ и въ разсматриваемомъ случаѣ единства дѣйствій не было. Князь Оболенскій нисколько, впрочемъ, этого обыденнаго явленія не скрывалъ. Столкновенія властей между собою, совершенно не согласующіяся съ требованіями служебнаго долга, не были ни для кого секретомъ. Когда населеніе, не участвовавшее въ беспорядкахъ, отказывало въ отводѣ квартиръ или въ отпускѣ подводъ, какъ то удостовѣряетъ подполковникъ Грифъ, не отпустило продовольствія и фуража даже за плату, то такое отношеніе можетъ имѣть какія либо оправдывающія объясненія. Но когда власти входили въ препирательства, да еще въ такое время, когда ихъ дѣйствія могли ослаблять принимаемыя мѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ очевидный вредъ, то тутъ логически ничего не объяснишь. Укажу на нѣкоторые примѣры такого характера. Подполковникомъ Грифомъ и другими властями было арестовано 150 крестьянъ; ихъ нужно было охранять, что должно бы составлять обязанность полиціи, которая могла предвидѣть массу арестовъ, а потому и усилить свой составъ, не считаясь съ какими либо препятствіями, легко устранимыми при извѣстной заблаговременной распорядительности. Но недостатокъ надзора за арестованными оказался полный. Въ числѣ указанныхъ 150 были и серіозные преступники: поджигатели и вожаки. Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, г. Марки, потребовалъ отъ подполковника Грифа выдѣлить изъ его батальона часть нижнихъ чиновъ для охраны арестованныхъ. Но командиръ батальона, очевидно, исполнить это требованіе не могъ: одна рота находилась въ селѣ Рѣдкодубѣ, полъ-роты въ хуторѣ Майданѣ, полъ-роты были въ развѣдочномъ отрядѣ для поимки поджигателей, остальные части находились въ Константиновскомъ заводѣ и другихъ мѣстахъ. Съ подполковникомъ Грифомъ былъ незначительный по численности отрядъ, который долженъ былъ двигаться для прекращенія беспорядковъ по данному губернаторомъ маршруту и не могъ безъ ущерба для дѣла выдѣлить охранную стражу. Но судебный слѣдователь Марки отказъ въ исполненіи его требованія счелъ за неисполненіе подполковникомъ служебныхъ обязанностей и грозилъ составленіемъ протокола для привлеченія подполковника къ законной отвѣтственности. Съ точки зрѣнія закона, требованіе судебного слѣдователя было врядъ ли справедливо, а угроза протоколомъ еще тѣмъ менѣе. Богодуховскій уѣздный исправникъ рапортомъ отъ 22 апрѣля за № 399 доносилъ губернатору, что судебный слѣдователь 2-го участка этого уѣзда, по распоряженію прокурорскаго надзора, привлекъ къ предварительному слѣдствію только зачинщиковъ. Остальныхъ грабителей, которые къ тому же не подвергались наказанію и значились въ особомъ, представленномъ ему спискѣ, освободилъ отъ преслѣдованія. Мотивомъ для такихъ дѣйствій послужило то, что, по мнѣнію судебного слѣдователя, «ока-

жется слишкомъ много обвиняемыхъ и дать много работы судебной власти». Этотъ приемъ взволновалъ, по словамъ исправника, многихъ помѣщиковъ, которые, можетъ быть, были и правы, считая дѣйствія судебного слѣдователя могущими послужить поощреніемъ для такихъ крестьянъ-грабителей, которые случайно не привлечены, какъ таковые. Вообще прокурорскій надзоръ высказывалъ неудовольствіе по поводу недостатка полиціи, которая въ такую критическую минуту должна была быть на своихъ мѣстахъ и въ достаточномъ числѣ. Сельская полиція сама участвовала въ грабежахъ. Такъ, прокуроръ полтавскаго окружного суда въ довольно рѣшительныхъ выраженіяхъ заявлялъ о невозможности вести разслѣдованія, просилъ вернуть командированную по разнымъ мѣстамъ полицію и выслать войска (т. I, л. 30). На самомъ дѣлѣ при массѣ задержанныхъ трудно было производить разслѣдованіе безъ охраны, да и населеніе не такъ было спокойно, чтобы не мѣшать слѣдственнымъ дѣйствіямъ. Губернаторъ непосредственно указывалъ на нежелательныя столкновенія между властями. Такъ, въ телеграммѣ непремѣнному члену губернскаго присутствія онъ просилъ, между прочимъ: «удерживайте стремленіе мѣстныхъ властей сводить личные счеты» (т. II, л. 190).

Изъ общей характеристики беспорядковъ, основанной на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ лицъ, такъ или иначе, принимавшихъ участіе въ ихъ подавленіи, мы видѣли, что они распространялись съ «ужасающей быстротой», грозя перейти въ сосѣдніе уѣзды и направиться въ районъ съ относительно значительнымъ фабрично-заводскимъ населеніемъ, а именно въ Сумскій уѣздъ, но губернаторъ и тамъ предпринялъ предварительныя мѣры предосторожности, которыя далеко не оказались лишними. Агитаторы, подстрекавшіе къ бунту и возмущенію, появлялись и здѣсь, но нѣсколько запоздали. Изъ распоряженій губернатора видно, что къ предупрежденію возможности возникновенія движенія привлечены были всѣ мѣстныя власти. Земскимъ начальникамъ было предложено слѣдить за настроеніемъ крестьянскаго населенія; въ случаѣ появленія броженія и обнаруженія неблагонадежныхъ лицъ принимать рѣшительныя мѣры. Слухъ о беспорядкахъ и насиліяхъ крестьянъ разнесся быстро, возмущалъ населеніе, которое настойчивыми ложными, хотя и нелѣпыми по существу, рассказами о «передѣлѣ» держалось злоумышлявшими въ тревожномъ настроеніи. Отовсюду шли безпокойныя извѣстія. Невѣжественная среда, введенная въ заблужденіе путемъ подстрекательства, шла за вожаками на грабежи въ большинствѣ инстинктивно. Стрѣлять въ эту толпу людей съ помутившимся разсудкомъ, убивать совершенно невинныхъ, чего избѣжать въ такихъ случаяхъ никогда не удавалось, врядъ ли можно признать и человѣчнымъ и необходимымъ тогда, когда умиротворенія можно было достигъ не поркой, а дру-

гими способами, если бы крестьянское населеніе имѣло хоть каплю довѣрія къ тѣмъ, кто стоитъ близко къ нему, какъ власть. Мѣропріятія князя Оболенскаго быстро потушили внѣшній пожаръ на территоріи безпорядковъ; но уничтожили ли эти же мѣропріятія тѣ искры огня, которыя продолжали тлѣть до перваго вѣтерка, вполне достаточнаго для новаго бѣдствія? Врядъ ли населеніе поняло, что принятія мѣры были незаконныя, хотя и сознало неправоту своихъ дѣйствій. Во многихъ селахъ крестьяне стояли на колѣняхъ, давали клятву, что никогда ничего подобнаго не повторится. Войска были встрѣчаемы съ хлѣбомъ-солью. Но заявленія мѣстныхъ дѣятелей утверждали совсѣмъ другое. Офіціальныя данныя, попавшія въ докладъ губернатора, утверждаютъ слѣдующее. Въ Алексѣевской волости, откуда и началось волненіе, населеніе успокоившись, какъ это видно изъ донесенія волостного правленія, рѣшило собирать сельскіе сходы. Въ полномъ ихъ составѣ крестьяне отправлялись къ помѣщикамъ просить забыть ихъ вину, въ которую вовлечены они были злоумышленниками (т. I, л. 122). Изъ сообщеній непремѣннаго члена губернскаго присутствія также можно убѣдиться въ раскаяніи крестьянъ за все происшедшее и въ стремленія достичь прощенія въ видѣ избавленія отъ наказанія, а нравственнаго удовлетворенія для возможнаго успокоенія совѣсти. Во многихъ мѣстахъ крестьяне обращались къ священникамъ, просили ихъ помолиться вмѣстѣ съ ними о прощеніи «содѣянныхъ беззаконій». Въ этихъ яркихъ простыхъ выраженіяхъ чувствъ и мыслей нельзя не видѣть весьма важной характеристической стороны самаго движенія, которое произошло не отъ обострившихся отношеній между ними и землевладѣльцами на почвѣ экономическихъ затрудненій, а создано искусственно путемъ давленія и подстрекательства. Сами агитаторы и ихъ главари нисколько, впрочемъ, своихъ намѣреній и не скрывали. Они признали произведенный опытъ революціи неудачнымъ, а крестьянскую среду къ ней не подготовленной, что, какъ увидимъ ниже, подтверждается фактически. Гдѣ же истинная, правдивая причина безпорядковъ? Вотъ вопросъ, который подлежитъ теперь нашему разрѣшенію.

IV.

Всякое волненіе среди крестьянскаго населенія обыкновенно объясняютъ аграрными причинами. Но, спрашивается, по какимъ основаніямъ можно было бы признать, что крестьянскія движенія въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ имѣли характеръ аграрныхъ безпорядковъ, когда остальная часть губерніи находится въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ? Обеспеченіе крестьянъ землей въ Валковскомъ уѣздѣ по своимъ размѣрамъ не предста-

вляеть какихъ либо рѣзкихъ особенностей по сравненію съ крестьянами остальныхъ уѣздовъ. Въ Валковскомъ уѣздѣ надѣльной земли, по свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, 113.314 десятинъ удобной, т.-е. способной къ культурѣ; неудобную мы исключаемъ. Крестьянское населеніе исчисляется по даннымъ послѣдней переписи въ 147 тысячъ лицъ обоего пола.

Исслѣдованія нѣкоторыхъ уѣздовъ Харьковской губерніи показали, что на одинъ дворъ, или хозяйство, къ концу девяностыхъ годовъ приходилось 6 лицъ обоего пола. Значить, среднее хозяйство сельскаго земледѣльческаго населенія мы можемъ принять и для Валковскаго уѣзда въ шесть душъ обоего пола, а по этому числу опредѣлить, что здѣсь на каждое хозяйство приходится удобной надѣльной земли по четыре съ половиной десятины.

Эта цифра не такъ уже незначительна, чтобы можно было утверждать, что въ Валковскомъ уѣздѣ мы имѣемъ дѣло съ типичнымъ малоземельемъ. Нельзя также не имѣть въ виду, что въ томъ же уѣздѣ до 60 тысячъ десятинъ принадлежатъ частному землевладѣнію, изъ которыхъ эксплуатируется непосредственно, если принять вѣроятную величину, выработанную для черноземныхъ губерній, только 75%, остальные 25%, или 15 тысячъ десятинъ земли, находятся въ пользованіи крестьянъ за отработки изъ доли урожая, или въ краткосрочной арендѣ за деньги, что составляетъ значительное подспорье для земледѣльческаго населенія и значительно ослабляетъ нужду въ землѣ. Валковскій уѣздъ характерно земледѣльческій, фабричная и заводская промышленность выражается въ немъ совершенно незамѣтными величинами, да и у самого населенія не обозначается нужды въ отходѣ на заработки на сторону. Благопріятнымъ экономическимъ признакомъ служить еще и то, что случаевъ переселеній изъ Валковскаго уѣзда въ теченіе 1901 и 1902 годовъ не было, какъ то удостовѣряютъ свѣдѣнія Харьковскаго статистическаго комитета и всеподданнѣйшіе отчеты харьковскаго губернатора за тѣ же годы. А это явленіе, при сравненіи его съ другими уѣздами губерніи, представляется исключительнымъ, такъ какъ переселеній не наблюдалось за указанное время только въ этомъ и Зміевскомъ уѣздахъ. Затѣмъ другія данныя изъ экономической жизни населенія разсматриваемой территоріи также не даютъ указаній на особо неблагоприятныя условія, на почвѣ которыхъ могло возникнуть аграрное движеніе.

Хлѣбные запасы превышали установленную закономъ пропорцію; такъ, на 37.983 души, подлежащихъ сбору хлѣба, въ магазинахъ на 1 января 1901 г. было озимаго 42.433 четверти и яроваго 21.652 четверти, да продовольственнаго капитала 8.931 р. При этомъ населеніе было совершенно свободно отъ долговъ по займамъ изъ имперскаго и губернскаго продовольственнаго капиталовъ.

Это послѣднее обстоятельство весьма важно, указывая на то, что въ недороды 1883, 1891 и 1892 гг. крестьяне Валковскаго уѣзда обошлись своими средствами, когда крестьяне остальныхъ уѣздовъ задолжали значительныя суммы. Но, можетъ быть, результаты урожая 1901 года были такъ неудовлетворительны, что сразу пошатнули крестьянское хозяйство, которое, очутившись въ крайней нуждѣ, и вызвало броженіе, а затѣмъ и безпорядки на аграрной почвѣ? И это предположеніе статистическими данными центрального статистическаго комитета опровергается съ достаточной убѣдительностью. Урожай хлѣбовъ за предшествовавшій безпорядкамъ сельско-хозяйственный годъ равнялся въ среднемъ: озимаго хлѣба, преимущественно ржи, 9 самъ, а ярового 6 самъ. За десятилѣтіе съ 1891 г., только въ 1893 г. урожай яровыхъ былъ выше, а именно самъ семь. Урожай сѣна былъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, а именно съ заливныхъ луговъ было собрано 133 п. съ десятины, а съ незаливныхъ 87 п. Наконецъ, недоимочность въ платежахъ и сборахъ была также относительно ничтожна, не составляя и 12% къ окладу 1901 г. Итакъ, отнести возникновеніе безпорядковъ въ Валковскомъ уѣздѣ исключительно къ причинамъ экономическаго характера, угнетавшимъ населеніе, нѣтъ никакихъ основаній. Крестьянское малоземелье, какъ причина, по которой могло возникнуть движеніе, для даннаго случая мѣста не имѣло.

Затѣмъ крестьяне, участвовавшіе въ грабежахъ, нигдѣ никакихъ опредѣленныхъ требованій не выставляли, а, если относиться къ оцѣнкѣ событій, происшедшихъ, какъ въ Харьковской, такъ и въ Полтавской губерніяхъ, безпристрастно, то необходимо признать, что движеніе это имѣло всѣ признаки смуты, возбужденной революціонными элементами. Разграбленіе и уничтоженіе имущества, поджоги и насилія, какъ это видно изъ предыдущаго, не были результатомъ экономическаго угнетенія и безвыходнаго положенія, когда наличность такихъ причинъ иногда вынуждаетъ идти силою для облегченія своего невозможнаго существованія. Повторяю, этого не было. А по условіямъ дѣйствительности, представленной и подтвержденной фактически, и не могло быть. Нужно витать въ области предвзятыхъ шаблоновъ, чтобы отнести Валковскіе и Богодуховскіе безпорядки къ наарѣвшимся аграрнымъ условіямъ. Это движеніе было дѣломъ рукъ социаль-революціонной партіи. Его начало, его ходъ и все то, что послужило къ его возникновенію, лучшее тому доказательство. Ошибаются тѣ, кто жаждетъ увѣрить, что среди крестьянства партія социаль-демократовъ безсильна, вслѣдствіе невѣжества массъ и совершенной неподготовленности къ воспріятію послѣднихъ словъ революціоннаго социализма. Здѣсь, въ этой средѣ, наши революціонеры такими идеями и не задаются. Имъ нужно распространять анархизмъ и

терроръ. Соціалисты и революціонеры и дѣйствуютъ въ крестьянской средѣ только постольку, поскольку могутъ достигать этихъ именно цѣлей. Сами они это утверждаютъ, и вовсе не имѣютъ намѣренія воспитать въ крестьянствѣ идеи политической свободы: для этого, они хорошо знаютъ, нѣтъ почвы, а стремятся имѣть въ крестьянствѣ слѣпое орудіе для возбужденія бунтовъ и насажденія террора. Сдѣлаемъ выдержки изъ основной программы дѣятельности соціалистовъ-революціонеровъ, въ подтвержденіе выказаннаго положенія.

«Крестьянство,—говорятъ они,—представляя часть трудящатося населенія Россіи, призвано играть важную роль въ нашемъ экономическомъ и политическомъ будущемъ. Но, отводя крестьянству такую роль въ будущемъ, соціаль-революціонная партія не можетъ считать его въ настоящее время опорой для достиженія политической свободы и удобной почвой соціаль-революціонной пропаганды». «Крестьянство мало доступно соціально-революціонной пропагандѣ, а сознательное массовое революціонное движеніе въ крестьянствѣ пока невозможно». «Дѣятельность партіи въ крестьянской средѣ должна сводиться къ пропагандѣ идей социализма и въ особенности политической свободы среди развитой части крестьянства, при помощи лицъ, близко стоящихъ къ нему, къ воздѣйствію черезъ эту передовую часть на остальную массу крестьянства. Воздѣйствіе это выражается въ организациі или лишь участіи и руководствѣ всякаго рода крестьянскими движеніями, преслѣдующими ближайшія и практическія цѣли, содѣйствующія росту солидарности интересовъ, а главное подрывающими довѣріе къ современному политическому строю». «Однимъ изъ средствъ борьбы является политическій терроръ, систематически доведенный до конца, который совмѣстно съ другими революціонными дѣйствіями, получающими только при немъ огромное рѣшающее значеніе открытой массовой борьбы, какъ, на примѣръ, фабричныя и аграрныя бунты, демонстраціи и проч., дезорганизуеъ врага, т.-е. самодержавіе, и поведетъ къ достиженію полной политической свободы» ¹⁾. Вотъ выдержки весьма не двусмысленнаго характера, не позволяющія сомнѣваться, что крестьянскія движенія, начиная съ 1852 г. (бунты въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ), всегда были дѣломъ революціоннаго подстрекаательства, революціонной организациі, какъ средство не только терроризировать населеніе, но и въ основаніи подрывать престижъ власти. Если затѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію причинъ возникновенія беспорядковъ въ Харьковской губерніи, то факты насъ убѣдятъ, что и тутъ дѣйствовала та же разрушительная

¹⁾ Записка соціаль-революціоннаго комитета, разосланная въ январѣ 1906 г. разнымъ лицамъ.

сила. Здѣсь примѣнялась программа социалистовъ-революціонеровъ со всею энергіей и настойчивостью, какія присущи этой партіи. Она заблаговременно подготовила бунтъ крестьянъ чуть не на виду у всѣхъ властей, которыя, пребывая въ полнѣйшемъ невѣдѣніи, дѣйствовали по системѣ широко у насъ практикуемой: «авось», «небось», «какъ нибудь».

Крестьянскіе беспорядки въ Полтавской губерніи начались 14 марта 1902 г. Крестьяне деревни Лисичьей Константиноградскаго уѣзда явились толпой въ Карловскую экономію къ управляющему, г. Шейдеману, и стали настойчиво требовать выдать имъ на обмененіе картофель. Попытки отказать въ этомъ требованіи были встрѣчены вызывающе, и управляющій, изъ опасенія весьма вѣроятныхъ осложненій въ случаѣ отказа, сдѣлалъ распоряженіе сѣмена картофеля выдать. Когда это было исполнено, толпа и подводы, бывшія съ ней, удалились. Надо имѣть въ виду, что въ сѣвооборотѣ крестьянскаго хозяйства картофель нужно считать скорѣе огороднымъ растеніемъ, нежели полевымъ. Производство его въ хозяйствѣ крестьянъ ограничивается размѣрами потребленія семьи и незначительнымъ сбытомъ на мѣстныхъ рынкахъ. Обыкновенно этотъ продуктъ составляетъ предметъ «бабьяго хозяйства». Выручка идетъ «бабамъ и дивчинамъ» на «кофты», «спидницы» и другія незатѣйливыя принадлежности сельскихъ франтихъ. Требованіе сѣмянъ этого именно продукта никакъ не могло служить признакомъ бѣдственнаго положенія крестьянъ. Если же недостатокъ его на обмененіе существовалъ, то нуждавшіеся могли обратиться въ уѣздную земскую управу, и просьба въ выдачѣ ссуды на покупку сѣмянъ картофеля была бы разрѣшена безпрепятственно уже потому, что могла быть совершенно незначительной по суммѣ. Но дѣло, разумѣется, не въ картофельныхъ сѣменахъ. Это была развѣдка со стороны крестьянъ деревни Лисичьей: какъ «панъ» отнесется къ ихъ вызывающему требованію, незаконность котораго они ясно понимали. Для вожаковъ такое мирное разрѣшеніе вопроса было совсѣмъ не желательнымъ, а руководимой ими толпѣ вселило, что путемъ нахальныхъ домогательствъ можно воспользоваться чужимъ добромъ, которое при всякомъ состояніи хозяйства крестьянъ окажется не лишнимъ. Всѣмъ извѣстно, что обвиненія въ массовомъ невѣжествѣ нашихъ «мужиковъ» черезчуръ преувеличены.

Крестьянинъ очень серьезно и ревниво относится къ огражденію своей собственности и нарушеніе ея своими же односельцами восстанавливаетъ самыми драконовскими мѣрами. Примѣровъ этому не занимать стать. Но онъ же съ необыкновеннымъ легкомысліемъ нарушаетъ собственность сосѣда землевладѣльца безразлично, къ какому бы сословію тотъ ни принадлежалъ. Установившіяся между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ отношенія въ разрѣшеніи во-

просовъ о разныхъ потравахъ, запахиваніи междъ, самовольной пастьбѣ скота, на почвѣ равнообразныхъ компромиссовъ, не могли привить крестьянину здравое понятіе о неприкосновенности чужой собственности. Вотъ почему не понадобится особаго труда, чтобы двинуть толпу на грабеждъ землевладѣльческаго имущества, если къ тому же принять соотвѣтствующія мѣры и озаботиться созданиемъ организациі для подговора и подстрекательства. Успѣхъ крестьянъ деревни Лисичьей въ экскурсіи въ Карловскую экономію, несомнѣнно, ободрилъ толпу, а главарямъ и вожакамъ не было особаго труда подстрекнуть крестьянъ на требованія въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Тѣ же крестьяне въ селѣ Чернецинѣ уже требовали хлѣба, сѣна, муки, сала и проч. до варенья изъ разныхъ фруктовъ включительно. Страсти разгорались, гдѣ оказывали сопротивленіе, тамъ разбивали запоры, разносили по бревнамъ дома, забирали домашнюю утварь, даже не брезгали кражей св. иконъ, угоняли скотъ, жгли усадьбу, стрѣляли и т. д. Примѣръ этихъ крестьянъ, несомнѣнно, при содѣйствіи главарей движенія быстро заразилъ всю округу, и бунтъ формальный началъ быстро распространяться. Почему крестьяне деревни Лисичьей оказались пионерами бунта, это разъясняется послѣдующимъ изложеніемъ.

Изъ предыдущаго мы видѣли, что въ Харьковской губерніи безпорядки были начаты крестьянами Полтавекой губерніи, которые вторглись въ Валковскій уѣздъ, а затѣмъ и въ Богодуховскій. Изъ числа 60 арестованныхъ на первыхъ порахъ были именно крестьяне деревень Лисичьей, Варваровки и Максимовки, Константиноградскаго уѣзда. По произведенному разслѣдованію было обнаружено, что революціонная пропаганда къ возбужденію крестьянскаго бунта свила себѣ довольно теплое гнѣздо въ Лисичьей еще въ 1899 г. Вблизи этой деревни къ началу 1900 г. поселился племянникъ землевладѣльца Т—ко, бывшій студентъ, уволенный изъ Харьковскаго университета, А—въ. Стремясь сойтись съ крестьянами поближе, ознакомиться съ ихъ жизнію, стать своимъ человѣкомъ, А. назвалъ въ восприемные отцы къ сыну крестьянина Антона Левина. Завязавъ родственныя отношенія съ его семействомъ, А. сталъ часто посѣщать хату Левина и тамъ просвѣщать собиравшихся крестьянъ въ духѣ той миссіи, которую онъ на себя принялъ. Число слушателей у А. постепенно увеличивалось. Кромѣ разговоровъ о плохомъ житьѣ крестьянъ, обязанныхъ своимъ трудомъ за гроши увеличивать благосостояніе богачей, раздавались брошюры революціоннаго содержанія на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Брошюры читались съ разъясненіями, а затѣмъ, лица, заявившія себя болѣе или менѣе надежными къ пропагандѣ, снабжались ими въ изобиліи для распространенія среди крестьянъ, разумѣется, грамотныхъ. Содержаніе брошюръ не внушало никакихъ сомнѣній относительно задачъ,

преслѣдуемыхъ партіей социаль-демократовъ. Въ нихъ выставлялось въ тенденціозной окраскѣ угнетенное положеніе крестьянъ, какъ слѣдствіе не въ интересахъ населенія проведенной реформы 1861 г. Говорилось въ нихъ, что крестьяне получили нищенскіе надѣлы, что слѣдовало отобрать всю землю отъ помѣщиковъ, и что правительство намѣревалось такъ поступить, но помѣщики не позволили этого намѣренія привести въ исполненіе. Мрачными красками изображалось приниженное положеніе крестьянъ, свобода административнаго насилія. Виновниками обездоленнаго положенія крестьянъ указывались помѣщики, администрація, съ которыми и надлежитъ вести энергичную открытую борьбу. Наиболѣе распространенной была брошюра подъ заглавіемъ «Дядько Дмитро». Она въ сгущенныхъ краскахъ изображала всѣ бѣды крестьянъ, а затѣмъ указывала на способы, какъ избавиться отъ правительства и помѣщиковъ. Уже въ 1901 г. мѣстная жизнь была подготовлена правильной организаціей къ возбужденію крестьянскаго движенія. Тревожные признаки въ видѣ грабежей, безпричиннаго массоваго ухода рабочихъ изъ экономіи были налицо. Во главѣ этой организаціи, кромѣ студента А., состоялъ и студентъ Петербургскаго университета, С—кій, проживавшій въ 7 верстахъ отъ Лисичьей, въ деревнѣ Варваровкѣ. Въ составъ ея входили молодые люди, наѣхавшіе изъ Полтавы. Были указанія на то, что эти лица принадлежали къ статистическому бюро губернскаго земства, но это обстоятельство осталось точно не разслѣдованнымъ, какъ и другія весьма важныя обстоятельства.

Г. С—кій пріобрѣлъ среди крестьянъ большую популярность, пользовался особымъ уваженіемъ и большимъ довѣріемъ. Многіе изъ нихъ называли его благодѣтелемъ. Когда внушеніе необходимости революціоннаго движенія путемъ бунтовъ было достаточно усвоено, въ составъ той же организаціи вошли крестьяне деревни Лисичьей: Т. Е. Стороженко, А. Ф. Буцкій, В. Я. Коркишко, В. Денисько, К. Козакъ и А. Литвиненко, которые и стали ревностными послѣдователями ученія ихъ главарей. Населеніе этого района получило новыхъ агентовъ культуры возмущенія. Никакими средствами не гнушались. Бесѣды, брошюры, прокламаціи, натравливаніе на помѣщиковъ и управляющихъ—все было въ ходу. При этомъ всѣ эти дѣятели не ограничивались поднять народъ только къ бунту, но вмѣстѣ съ тѣмъ задались проведеніемъ въ жизнь крестьянства той завѣтной мечты, котрая еще съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія усиленно пропагандировалась. Мечта эта—отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи, которая находила даже въ интеллигентной и служилой средѣ много сочувствующихъ, въ особенности въ Полтавской, Киевской и Черниговской губерніяхъ. Въ послѣдней она поддерживалась многими земскими дѣятелями, которые добивались возрожденія малорусскаго языка, малорусской литературы,

задавленныхъ, какъ они выражались, гнетомъ русскаго правительства. Въ этомъ направленіи производились разныя попытки. Такъ, въ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи по докладу губернскаго гласнаго III. состоялось въ 1900 г. постановленіе ходатайствовать передъ правительствомъ о преподаваніи въ народныхъ школахъ на малорусскомъ языкѣ. Въ Полтавѣ и Черниговѣ организовались дѣятельные кружки украинофиловъ, имѣвшие весьма оживленныя сношенія съ галиційскими сепаратистами, въ программу которыхъ входила пропаганда и агитація среди крестьянъ почти тѣхъ же идей, какими задавалась и социаль-революціонная партія, которая была съ ними, этими кружками, вполне солидарна. То же разслѣдованіе устанавливаетъ, что главный агитаторъ А—въ и организованный имъ социаль-революціонный кружокъ имѣли сношенія съ представителемъ революціонной украинофильской партіи въ этой же мѣстности, бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета Р—вымъ, главой которой состоялъ студентъ Харьковскаго же университета А—скій. Въ распорядительномъ комитетѣ участвовало 10 членовъ. Такой же кружокъ существовалъ и въ Кіевѣ, гдѣ главнымъ руководителемъ былъ нѣкто Р—скій. Всѣ эти кружки получали изъ Львова революціонныя изданія, переводили ихъ на малорусскій языкъ и усиленно снабжали ими крестьянское населеніе.

Въ Женеvѣ, чрезъ посредство одного изъ членовъ кружка, велись личные переговоры эмигрантомъ Антономъ Ляхотскимъ относительно изданія «Молодая Украина» для проведенія идеи отдѣленія Малороссіи отъ Россіи на федеративныхъ началахъ. Сначала это изданіе предполагалось во Львовѣ, но австрійская цензура не допустила журнала съ такой окраской. Въ 1900 и 1901 г. г. всѣ лица, принадлежавшія къ указаннымъ двумъ нелегальнымъ организаціямъ, частью за уличные, а частью за студенческіе безпорядки были уволены изъ университета и, поселившись въ Полтавской губерніи, какъ мы уже могли убедиться, начали дѣятельную пропаганду среди крестьянъ относительно насильственнаго завладѣнія имуществомъ помѣщиковъ. Пропаганда велась настойчиво, систематически. Такъ, «благодѣтели» крестьянъ въ деревнѣ Лисичей въ декабрѣ 1901 г. устроили елку при мѣстной сельской школѣ. Тутъ находились не только школьники, но и взрослые крестьяне. Каждому давали подарокъ: ситецъ, платки, рубахи, въ которыя предусмотрительно были завернуты революціонныя изданія. Подпольная литература успѣшно распространялась и въ сосѣднихъ деревняхъ: Варваровкѣ и Максимовкѣ. Особый успѣхъ пропаганда имѣла въ деревнѣ Варваровкѣ, гдѣ проживало значительное число штундистовъ, которые, какъ извѣстно, никогда не были сторонниками русскаго государственнаго строя и при каждомъ удобномъ случаѣ примыкали къ партіи протестан-

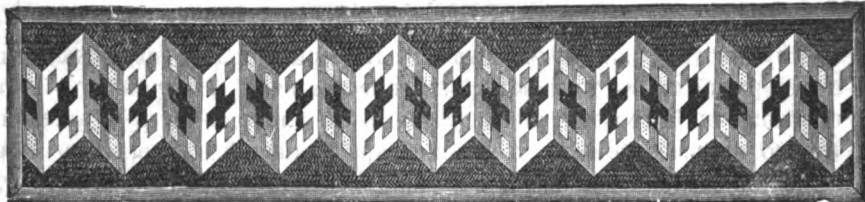
товъ. Дѣло доходило до того, что мѣстный староста былъ усерднымъ распространителемъ прокламацій, самъ ихъ читалъ односельчанамъ и толковалъ ихъ смыслъ, а также указывалъ, какъ нужно дѣйствовать. Къ числу единомышленниковъ принадлежали нѣкоторые изъ народныхъ учителей, земскихъ фельдшеровъ, приказчиковъ торговыхъ заведеній и даже одинъ изъ священниковъ, участіе котораго выразилось въ увѣщаніи не выдавать другъ друга. Такимъ образомъ сѣятелей смуты было достаточно. Они рекрутировались изъ всей деревенской интеллигенціи, близко соприкасавшейся съ крестьянскимъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе брошюрами революціоннаго содержанія, прокламаціями и бесѣдами поднять крестьянскую массу было нельзя. Она плохо усваивала идеи подпольной литературы, ей нужны были указанія, которыя были бы болѣе просты, болѣе подходили къ ихъ психологіи, къ ихъ міросозерцанію. Крестьяне, какъ ихъ ни старались деморализовать, какъ ихъ ни подготавливали расправиться съ помѣщичьимъ добромъ, не могли безапелляціонно повѣрить въ проповѣдь своихъ непрошенныхъ защитниковъ. Они привыкли думать, что никакое дѣло безъ царскаго указа исполнено быть не можетъ. Имъ представлялась весьма заманчивой перспектива «чернаго передѣла», направлявшаго ихъ къ легкому обогащенію, но все же двинуться на этотъ «передѣлъ» даже по энергичной инициативѣ ихъ подстрекателей они не рѣшались. Выше сказано, что въ составъ кружковъ А. и С. вошло нѣсколько крестьянъ, на нихъ-то и было возложено распространить слухи, что по губерніи разъѣзжаютъ чиновники и генералы, присланные императоромъ, и объявляютъ народу царскую волю объ отобраніи отъ помѣщиковъ хлѣба, сѣна и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, на томъ основаніи, что эти продукты получены отъ земли трудами крестьянъ, что вслѣдъ за этимъ указомъ выйдетъ другой объ отобраніи земли. Эти слухи, разумѣется, должны были оказать дѣйствительное воздѣйствіе на крестьянъ, въ умахъ которыхъ революціонная пропаганда тѣми способами, какими она себя проявила въ указанной мѣстности Константиноградскаго уѣзда, успѣла развить смуту. Самые же слухи сыграли роль подтвержденія того, о чемъ съ ними бесѣдовали, читали и распространяли для прочтенія. Въ данномъ случаѣ не одна только легковѣрность, не одно только умственное убожество, не одна темнота были силами, двигавшими населеніе на грабежъ и насилія, но и систематическое внушеніе со стороны лицъ, организовавшихъ причины волненій, подтвержденное къ тому же слухами о законности тѣхъ наущеній, которыя пропагандировались агитаторами террора. Можно съ увѣренностью сказать, что нелѣпые слухи воздѣйствовали въ немовѣрно большей степени, чѣмъ всѣ другіе способы для возбужденія крестьянъ, хотя, повторяю, это довѣріе почти безусловное

создалось и укрѣпилось, благодаря усиленной подготовкѣ населенія тѣми же революціонными кружками. Интересно остановиться на содержаніи тѣхъ слуховъ, которые усиленно распускались среди крестьянъ. Въ селѣ Караванѣ крестьянинъ Григорій Галушко собиралъ крестьянъ и объявлялъ имъ, что «царь уѣхалъ на три года за границу и приказалъ крестьянамъ забирать господское имущество» (т. 2, л. 37). Въ селѣ Чутовѣ крестьянинъ Петръ Петренко собралъ сосѣдей и увѣщевалъ итти грабить дворянъ: «пришелъ на то царскій приказъ». Когда крестьяне возражали, что за это «ихъ не помилуютъ», что къ нимъ уже командирована полиція, а ночью они слышали полицейскіе свистки, то Петренко, нисколько не задумываясь, далъ такое объясненіе: «эхъ, вы дурачье, то ангелы вовѣщали своими голосами, что настала пора грабить». О томъ, что вышелъ «царскій указъ», объявлялось даже на сходахъ. Въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныя лица являлись въ деревню или въ хуторъ и чрезъ своихъ единомышленниковъ изъ крестьянъ собирали крестьянъ въ полѣ въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ и тамъ объявляли «царскую волю», тутъ же раздавали и прокламаціи. Разгромъ сахарнаго завода Молдавскаго былъ начатъ неизвѣстными людьми, о чемъ въ своемъ мѣстѣ отмѣчено. И эти неизвѣстные люди появлялись вездѣ. Сдѣлавши свое дѣло, они исчезали. Появлялись ли они въ роли уполномоченныхъ въ генеральскихъ мундирахъ, какъ то настойчиво утверждали крестьяне, или это также относится къ области слуховъ, осталось положительно не выясненнымъ, но что пропаганда, подстрекавшая къ бунту и насиліямъ, велась людьми, не принадлежащими къ крестьянскому сословію, это несомнѣнно. Должностными лицами указывалось, напримѣръ, что задолго до безпорядковъ прокламаціи разбрасывались въ Полтавской губерніи переодѣтыми жандармами (т. 1, л. 37). Наконецъ нельзя не считаться и съ тѣми неподлежащимъ сомнѣнію обстоятельствомъ, что землевладѣльцы сами не отрицаютъ появленія среди населенія агитаторовъ задолго до начала крестьянскихъ безпорядковъ. Они заявляли объ этомъ официально, и если эти агитаторы ускользали отъ задержанія, то этотъ фактъ общераспространенъ вездѣ не только въ деревняхъ, гдѣ полиція отсутствуетъ, но и въ крупныхъ центрахъ, которые, хотя и относительно, но все же лучше обслуживаются въ области охраны личной и имущественной безопасности. Виновные были преданы суду и понесли наказанія, къ которымъ, правда, отнеслись весьма критически. Крестьяне, возвратившіеся изъ тюрьмы, говорили: «за насъ студенты, они насъ не оставляютъ, прислали намъ даровыхъ защитниковъ»; «панамъ досталось, а наказаніе отбыли меньшее, чѣмъ за кражу лошади» (т. 2, л. л. 388 и 389). Выписывая это, мы никакъ не хотимъ упрекнуть правосудіе въ излишней снисходительности къ

преступнымъ дѣянiямъ крестьянъ. Но, приводя эту выдержку, мы подтверждаемъ тотъ выводъ, что крестьянскія волненiя въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ не могутъ быть объяснены только невѣжествомъ и темнотою крестьянской среды, что движенiе не было аграрнымъ, что на крестьянъ воздѣйствовали тѣ революцiонные элементы, участiе которыхъ въ этихъ печальныхъ событiяхъ никакъ отрицать нельзя. Намъ не интересуютъ обстоятельства, при которыхъ происходило судебное разбирательство, отличавшееся разными эксцентричными выходками адвокатовъ, насколько не служившими къ разъясненiю дѣла и для облегченiя участи подсудимыхъ. Для правильного освѣщенiя потребовалось бы знакомство съ самимъ дѣлопроизводствомъ, оглашенiе фактовъ котораго врядъ ли вызывается необходимостью. Цѣль нашей работы заключалась въ томъ, чтобы выяснить на основанiи имѣющагося матеріала характеръ печальныхъ событiй въ его правдивомъ, совершенно объективномъ освѣщенiи, что мы по силѣ возможности и старались сдѣлать.

Князь Михаилъ Шаховской.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ,

I.

ОДИЛСЯ я въ Петербургѣ, въ ночь съ 7-го на 8-е декабря 1841 г., по тогдашнему наименованію, въ Грязной улицѣ, нынѣ Николаевской, во дворѣ, въ деревянномъ домѣ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ большой каменный домъ подъ № 10. Родился я, по рассказамъ моей матери, недоношеннымъ и долго былъ совсемъ хилымъ ребенкомъ. Дабы я дошелъ, меня, по совѣтамъ разныхъ старухъ-кумусекъ, завертывали въ кудель и ежедневно ставили въ корзинѣ на шестовъ русской печи. Грудью кормила меня сама мать. У родителей моихъ было до меня два сына, но эти дѣти умерли, не доживъ и до году послѣ рожденія. Я былъ третьимъ и росъ первенцомъ. Естественно, что на меня было обращено самое усиленное вниманіе. Меня холлили, нѣжили, держали подъ мѣхомъ въ тонкомъ бѣльѣ, батистовыхъ чепчикахъ, гарусныхъ шапочкахъ и шерстяныхъ башмакахъ, такъ какъ мать моя, когда-то портниха, учившаяся ремеслу у своей тетки, имѣвшей модную мастерскую, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, была большой рукодѣльницей. Эта-то тетка моей матери—Варвара Сергѣевна Шведова, помнившая нашествіе французовъ въ Москву и любившая рассказывать, какъ она отъ нихъ, будучи уже взрослой, спасалась въ 1812 г., была моей крестной матерью. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ дядя мой, братъ отца, Иванъ Ивановичъ Лейкинъ, служившій приказчикомъ въ одной иностранной купеческой конторѣ въ Петербургѣ,

въ Гостиномъ дворѣ, дружившій съ приказчиками-иностранцами и всегда восхищавшійся нѣмцами, англичанами и голландцами.

Мать крестная также отдавала мнѣ все свое вниманіе и задаривала меня, какъ портниха, самыми разнообразными нарядами своей работы. Ребенкомъ одѣтъ я былъ, по словамъ матери, всегда, какъ куклолка. Родившись хилымъ, я очень скоро сталъ говорить, но долго не могъ приучиться ходить и даже стоять на ногахъ. Чтобы придать ногамъ моимъ скорѣе больше крѣпости, меня ставили въ четверикъ и засыпали овсомъ или горохомъ. Въ овсѣ или горохѣ я приучался стоять. Отъ груди я былъ отнятъ очень рано, такъ какъ у матери пропало молоко, и меня пересадили на манную кашу, протирая мнѣ десна обручальнымъ кольцомъ, дабы скорѣе выходили у меня зубы, и для этой же дѣли давали кусать солодковый корень. Молочной кашей я питался лѣтъ до трехъ, на горе моихъ родителей, отказываясь отъ другой пищи, такъ что къ супамъ и мясу меня пришлось приучать силой, хотя зубы у меня вышли въ свое время, и говорить я началъ рано.

Такъ рассказывала мнѣ моя мать.

Я—коренной петербуржецъ. Въ Петербургѣ родился я, въ Петербургѣ родился мой отецъ, въ Петербургѣ родился мой дѣдъ—отецъ отца. Прадѣдъ же былъ крестьянскаго происхожденія. Онъ пріѣхалъ изъ деревни, изъ Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ половинѣ XVIII столѣтія сначала въ Ораніенбаумъ, а затѣмъ переселился въ Петербургъ. Родъ нашъ—одинъ изъ стариннѣйшихъ купеческихъ. Изъ справочныхъ книгъ Петербургской купеческой управы о лицахъ, платившихъ гильдейскія повинности, видно, что родъ Лейкиныхъ состоялъ въ петербургскомъ купечествѣ съ 1784 г., записавшись изъ ораніенбаумскихъ купцовъ. Въ той же купеческой управѣ имѣются свѣдѣнія, что прадѣдъ мой былъ пирожнаго торгова, а дѣдъ галантерейнаго торгова. Отецъ рассказывалъ мнѣ, что прадѣдушка мой имѣлъ пирожный курень. Отъ него ходили по улицамъ пирожники-разносчики съ корзинами пироговъ, останавливались около кабаковъ и на мостахъ и выкрикивали: «съ сижкомъ, съ яичкомъ!» Дѣдъ мой уже имѣлъ лавку въ Гостиномъ дворѣ по Большой Суровской линіи, торговалъ кружевами, лентами, вообще товаромъ, который называется прикладомъ для портнихъ и модистокъ. Онъ сильно пострадалъ во время наводненія въ 1824 г. Отецъ мой былъ во время наводненія уже восемнадцатилѣтнимъ юношей и впоследствии очень часто вспоминалъ объ этомъ бѣдствіи. Онъ даже тонулъ, и его спасли будочники, развѣзжавшіе на лодкѣ. По его рассказамъ, когда вода сбыла, по улицамъ было очень много труповъ утонувшихъ, которые долго не убирались. Люди ходили по улицамъ и отыскивали своихъ пропавшихъ родственниковъ. На трупахъ лежали мѣдные деньги, положенныя прохожими на погребеніе. Такихъ труповъ въ

особенности было много на набережной Фонтанки, на тротуарѣ, около рѣшетки. Когда вода сбывала, рѣшетка задержала группы и не дала имъ сплыть въ рѣку.

Также любилъ отецъ рассказывать, какъ онъ во время холеры въ 1831 г. былъ схваченъ на Чернышовомъ мосту стоявшими тогда на набережной Фонтанки и взбунтовавшимися ломовыми извозчиками, искавшими поляковъ, будто бы отравлявшихъ воду. Его приняли почему-то за поляка, обыскали и нашли у него въ карманѣ банку ваксы. Дабы доказать, что это была не отравка, отецъ долженъ былъ отхлебнуть изъ банки малую толику ваксы и тѣмъ спастся.

Вспоминается мнѣ и рассказъ моего отца о государѣ Николаѣ Павловичѣ, также во время холернаго бунта въ 1831 г. усмирявшемъ на Сѣнной площади народъ одними площадными ругательствами. Государь пріѣхалъ на Сѣнную въ самый разгаръ народнаго волненія, поднялся на ноги во весь ростъ въ коляскѣ и сталъ ругать народъ направо и налево, а когда усталъ, то, указывая на Спасосѣнновскую церковь, грозно воскликнулъ: «На колѣни!»

— И весь народъ упалъ на колѣни и началъ креститься на церковь,—заканчивалъ отецъ.

Дѣдъ мой не одѣвался по-русски, какъ большинство тогдашнихъ купцовъ, и не носилъ бороды, что я знаю по гипсовой маскѣ, снятой съ него послѣ его смерти и хранившейся у моего отца. Вообще, онъ былъ то, что называлось купцомъ полированнымъ, былъ прилично грамотный, носилъ фракъ, служилъ по выбору въ сиротскомъ судѣ и состоялъ даже членомъ Нѣмецкаго клуба, куда ходилъ очень часто играть въ карты въ ламушъ и бостонъ. Въ этомъ Нѣмецкомъ клубѣ онъ и захворалъ во время игры. Ему сдѣлалось дурно. Его привезли домой, и онъ тотчасъ же умеръ. Дѣда я не помню и записываю это со словъ отца.

Послѣ смерти дѣда торговля въ Гостиномъ дворѣ досталась моему отцу, Александру Ивановичу, и братьямъ его, дядьямъ моимъ, Ивану, Василю и Николаю. Всѣ они, какъ и при жизни дѣда моего, оставившаго послѣ себя вторую жену, продолжали жить вмѣстѣ при мачехѣ, но торговля въ лавкѣ была уже настолько плоха, обременена долгами и разстроена, что не могла питать ихъ всѣхъ, и дяди мои уступили лавку отцу моему, какъ старшему и къ тому же семейному, а сами, какъ холостые, поступили на службу приказчиками, и замѣчательно, всѣ трое къ купцамъ-иностранцамъ.

Отецъ мой женился по любви. Мать моя, Любовь Ивановна, живя у своей тетки, портнихи и модистки, и работая вмѣстѣ съ ней, будучи молоденькой дѣвушкой, ходила къ отцу моему въ лавку за покупками приклада для платьевъ и шляпъ. Отцу моему она очень понравилась, и онъ женился на ней, довольно, впро-

чемъ, долго выпрашивая позволеніе на это у своего отца, не соглашавшагося на бракъ.

Мать моя, Любовь Ивановна, родилась въ крѣпостной крестьянской, или, лучше сказать, дворовой семьѣ. Родилась она въ Тульской губерніи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Парахинѣ, о которомъ упоминается у Тургенева. Отецъ ея, мой дѣдъ, былъ егеремъ, мать—птичницей. Тетка моей матери, портниха Шведова, сама вольноотпущенная, выкупила мать мою еще дѣвочкой у господъ за 700 рублей ассигнаціями, взяла къ себѣ и стала учить портному и шляпному мастерству. И, выйдя замужъ за моего отца, мать продолжала работать. Она шила крестильные чепчики и рубашечки ему въ лавку, а онъ продавалъ. Приготовляла она также для лавки дамскія головныя накладки на каркасѣ, блондовые и кружевные чепцы и украшенія для платьевъ. Я очень хорошо помню тѣ картонные болваны, на которыхъ мать моя мастерила накладки. Они мнѣ, маленькому, служили игрушками. Я углемъ и карандашомъ подрисовывалъ имъ усы и пугалъ ими сестру мою. Болваны эти носили у меня названіе черкесовъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія происходило завоеваніе Кавказа, постоянно были битвы съ горцами, носившими у насъ общее названіе черкесовъ, и даже слово черкесъ было какимъ-то страшнымъ словомъ.

Отецъ мой не имѣлъ никакого капитала для торговаго оборота, кредита тогда почти совсѣмъ не было, торговалъ онъ плохо, хотя жилъ очень скромно. Лавка оказалась ему не подъ силу. Онъ передалъ ее, уплатилъ кое-какіе долги и поступилъ приказчикомъ въ контору Герике, имѣвшаго кладовую съ иностранными товарами въ Гостиномъ дворѣ, на верхней линіи. Онъ поступилъ на сто рублей въ мѣсяцъ, по-тогдашнему очень большое жалованье, которое только и платили иностранцы. Контора Герике находилась на Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ дальнихъ линій, а мы жили на Владимирской улицѣ, въ домѣ барона Фредерикса, который и понынѣ принадлежитъ лицу той же фамиліи, и отцу каждый день приходилось ходить или ѣздить черезъ Исаакіевскій мостъ въ контору. Это было въ концѣ сороковыхъ годовъ. Конокъ тогда и въ проектѣ не было, дилижансы или омнибусы по улицамъ тоже не ходили, и отцу, въ большинствѣ случаевъ, приходилось ходить пѣшкомъ. Въ особенности это было трудно въ ледеходъ, когда разводились невскіе мосты, которые тогда были всѣ деревянные. Приходилось переѣзжать черезъ Неву на яликахъ и ялботахъ, такъ какъ перевоза черезъ Неву на пароходахъ не было. Я помню рассказъ отца, какъ ему вмѣстѣ съ другими пассажирами случалось застревать во льду, какъ ихъ несло въ ялботѣ по теченію, какъ перевозчики выбивались изъ силъ, ломали объ ледъ весла. Помню, что мать моя въ дни ледехода всегда очень тревожилась объ отцѣ, зажигала у образовъ лампады, молилась

Богу и заставляла насъ, дѣтей, молиться. Уходя въ 8 часовъ утра въ контору за ключами отъ гостинодворской кладовой, отецъ долженъ былъ къ 11 часамъ утра уже явиться въ Гостинный дворъ и отворить эту кладовую для покупателей. И вотъ, въ дни ледохода, сейчасъ же послѣ 11 часовъ утра, мать бѣжала въ Гостинный дворъ узнать, благополучно ли мой отецъ сдѣлалъ свою поѣздку черезъ Неву на Васильевскій островъ и обратно.

О самомъ себѣ я могу вспоминать съ возраста шести-семи лѣтъ. Въ это время мы жили въ томъ же домѣ на Владимирской, въ квартирѣ о 6 комнатахъ, въ четвертомъ этажѣ, на дворѣ и платили за эту квартиру 30 рублей въ мѣсяцъ безъ дровъ. Осталось у меня въ памяти, что говорили о дороговизнѣ квартиры. Помню, что комнаты были маленькія, окрашенные клеевой краской, съ панелью другого цвѣта, и по стѣнамъ были выведены фризъ, а въ углахъ бѣлыхъ потолковъ намалеваны по трафарету какія-то цвѣтныя вазы. Бумажные обои тогда только еще входили въ моду и были очень рѣдки и дороги. Мебель была потемнѣлаго краснаго дерева, мягкая, но непружинная, потертая и въ чехлахъ. На окнахъ висѣли кисейныя занавѣски, передъ простѣлочными зеркалами на ломберныхъ столахъ съ бронзовыми ободками стояли подсвѣчники съ никогда не зажигающимися восковыми свѣчами. Стеариновыхъ свѣчей тогда не было, и жгли только сальныя свѣчи, снимая нагаръ съ ихъ свѣтиленъ щипцами. Восковыя свѣчи передъ большими праздниками всегда мыли съ мыломъ, такъ какъ онѣ до того засиживались мухами и покрывались копотью, что дѣлались пестрыми. Въ углахъ каждой комнаты было по нѣскольکو старинныхъ иконъ въ серебряныхъ окладахъ, съ серебряными же лампадами. Иконы эти были родовыя, отъ прапрадѣда, прадѣда и дѣда, и каждая имѣла свою исторію, которыя такъ любилъ рассказывать отецъ. Одна икона Тихвинской Божіей Матери въ натуральную величину называлась старообрядческой. По рассказамъ отца, она досталась прабабушкѣ моей изъ разоренной полиціей старообрядческой моленной. Прабабушка была старообрядка безпоповщинскаго толка, Косцова согласія. Послѣ нея осталось много старинныхъ эмальированныхъ мѣдныхъ складней и старообрядческихъ мѣдныхъ крестовъ. Эти складни и кресты висѣли на иконахъ. Одинъ изъ такихъ складней находится теперь у меня. Покойный Н. С. Лѣсковъ, знатокъ мѣдныхъ складней, опредѣлялъ его древность слишкомъ въ 400 лѣтъ.

Помню, что икона Тихвинской Божіей Матери висѣла въ столовой. Она была въ темномъ кіотѣ. Ликъ иконы былъ коричневый съ преувеличенно большими глазами и настолько необычайными морщинами, что я, мои братья и сестры питали къ ней непреодолимый страхъ и, когда по вечерамъ въ столовой бывало темно, боялись въ нее входить. Помню и то, что когда мы, дѣти, по по-

стамъ украдкой ѣли чтонибудь скоромное, мы завѣшивали ликъ этой иконы, чтобы она не видѣла, что мы дѣлаемъ. Въ кюлтѣ этой иконы, среди кусочковъ артоса, стружекъ отъ мощей, хранилась маленькая рукописная книжечка «Сонъ Пресвятой Богородицы», къ которой мать наша питала суевѣрный страхъ и ни сама ея не читала, ни намъ читать не давала.

Семья у насъ была большая, жили мы тѣсно, но сравнительно чисто. Тараканы и клопы водились, считаясь неизбѣжной принадлежностью жилья, но ихъ время отъ времени морили бурой, скипидаромъ, ошпаривали кипяткомъ. Это была своего рода эпоха для насъ, дѣтей, и развлеченіе. Помню, что полы у насъ въ квартирѣ были простые, крашеные, и по субботамъ происходило генеральное мытье ихъ, послѣ чего разстилались половики, полотняныя дорожки, а вечеромъ во время всенощной зажигались у иконъ всѣ лампы. И мы, дѣти, бродя по слабоосвѣщеннымъ теплящимися лампадами комнатамъ, чувствовали, что завтра праздникъ, воскресенье. Воскресенье ощущалось и по пирожной опарѣ, которая ставилась въ субботу въ кухню въ большомъ горшкѣ. Безъ пирога въ воскресенье или въ какой либо праздникъ за столъ не садилась. А пирогъ всегда былъ громадный, такъ какъ накормить нужно было много ртовъ. Дабы угодить на разные вкусы, его пекли съ двумя, а иногда и съ тремя разными начинками по концамъ. Пирогъ былъ всегда гордостью кухарки и ховяйки. Въ то время кухарка и цѣнилась въ нашей семьѣ по пирогу. О пирогахъ говорили съ вечера и въ день, когда его ѣли. Въ особенности цѣнились постные пироги. А постное мы ѣли не только по постамъ, но даже въ среду и въ пятницу. Впослѣдствіи какъ-то среды и пятницы отпали, но посты остались, и я помню, что на первой и на послѣдней недѣляхъ Великаго поста не ѣли даже рыбы. Вотъ въ эти-то недѣли пироги ужъ царили ежедневно, и я теперь удивляюсь тому разнообразію постныхъ начинокъ, которыя тогда намъ предлагались. Пеклись пироги съ капустой, съ лапшой, съ грибами, съ зеленымъ лукомъ, съ гречневой кашей, съ рисомъ, съ манной крупой, съ солеными груздями и т. д., а сладкіе пироги, помимо ягоднаго варенья, съ моченой брусникой, съ сушеной малиной, съ миндалемъ и коринкой, съ изюмомъ и т. д. Каждый день къ столу подавалась какая-нибудь каша. И вотъ поэтому-то у меня и до сихъ поръ сохранилось влеченіе къ пирогамъ и кашамъ.

Вообще мучного и въ скоромные дни ѣли больше, чѣмъ мяса. Помню масленую. На масленой недѣлѣ мясо совсѣмъ исчезало со стола и замѣнялось рыбой, а блины пекли, начиная съ сборнаго воскресенья, каждый день по два раза. Блинная опара заготовлялась такого объема, что въ ней ребенку утонуть было можно. Всю недѣлю квартира наша была пропитана блиннымъ чадомъ. А

когда масленица кончалась, у насъ выжигались сковороды отъ скоромни. Для этой же цѣли выпаривали горшки, вываривались кастрюли въ щелокѣ, а остатки скоромной ѣды отдавали кучеру, татарину, служившему у кого-то на нашемъ дворѣ. Не говоря уже о масленой и Пасхѣ, когда въ изобиліи пеклись куличи на всю недѣлю, усиленной мучной ѣдой отмѣчались и другіе праздники. Такъ, напримѣръ, на Крестовоздвиженіе пеклись изъ тѣста кресты, на 40 мучениковъ жаворонки, а во всѣ родительскія субботы—блины и приготовлялся кисель. Кисели ѣли, помимо ягодныхъ, миндальные, гороховые, овсяные. Думаю, что такой перевѣсъ мучной пищи надо приписать относительной дороговизнѣ мяса, потому что помню жалобы матери, что къ говядинѣ «приступа нѣтъ, сдѣлалась 10 коп. фунтъ». Это было въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ. А къ этому времени семья уже увеличилась и состояла изъ матери, отца и шестерыхъ дѣтей. Кромѣ того, съ нами жили старуха-бабушка, мачеха отца, Марія Алексѣевна, холостой дядя Василій Ивановичъ, служившій приказчикомъ въ кладовой Франца Боненблуста въ Гостиномъ дворѣ, и тетка моя, родная сестра матери, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, Ольга Ивановна, выкупленная изъ крѣпостной зависимости отцомъ моимъ и нашими родственниками въ складчину и ваятая изъ деревни. Въ общемъ за столъ садилось 11 человекъ, и очень часто приходила къ обѣду мать крестная моя, тетка матери, Варвара Сергѣевна. Кромѣ того, было двое прислугъ: кухарка и нянька. У меня осталось въ памяти жалованье этой прислуги. Онѣ получали по 4 рубля въ мѣсяцъ, обѣ были крѣпостныя и высылали своимъ господамъ оброкъ, помогая и роднѣ въ деревнѣ и посылая деньги только съ occasiō, съ земляками. Такое жалованье тогда считалось хорошимъ. Впрочемъ, ходили онѣ всегда босикомъ, имѣя обувь только на выходѣ. Чулки вязали себѣ сами изъ присланныхъ изъ деревни въ подарокъ отъ родныхъ нитокъ или шерсти.

За покупкой провизіи мать сама ходила или ѣздила въ Ямской мясной рынокъ, находящійся недалеко отъ Владимирской улицы, гдѣ мы жили, и очень часто брала меня съ собой, какъ старшаго. Извозчики были тогда дешевы, проѣхать такой конецъ зимой на саняхъ мать платила пяточокъ, да и лѣтомъ извозчики на дрожкахъ-гитарахъ возили также за пяточокъ. Отъ пяточковой платы извозчики не отворачивались, и мы, дѣти, ѣздили съ отцомъ даже въ баню въ Лештуковъ переулокъ за пяточокъ. Отъ Гостиного двора, мѣста очень бойкаго, до Владимирской извозчики охотно брали гривенникъ, а зимніе возили за пяточокъ.

Я хорошо помню даже фирмы лавокъ въ Ямскомъ рынкѣ, въ которыхъ мы покупали провизію. Онѣ существуютъ и понынѣ: мясная лавка Степановыхъ и зеленая и курятная съ лабазомъ Любимова. Остались въ памяти и кое-какія сцены конца сороковыхъ

годовъ. Въ лавки я ѣздить любилъ, потому что меня тамъ баловали. При появленіи нашемъ въ лавкѣ, старикъ-хозяинъ Любимовъ тотчасъ же лѣзъ въ банку съ паточными леденцами и преподносилъ мнѣ леденецъ. Эти леденцы продавались во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ четыре штуки за копейку. Они были со стихами на всунутыхъ въ нихъ билетикахъ, совсѣмъ не дѣтскаго содержанія, хотя раскупались дѣтьми. На билетикахъ было напечатано:

«Лучше въ морѣ утопиться,
Чѣмъ въ несклонную влюбиться»;

или:

«Мила ты мнѣ, мила
И будешь, и была»;

а то:

«Катя, ангелъ, какъ не стыдно
Сердце взять и не отдать».

Иногда подносился мнѣ Любимовымъ пряникъ, изображающій конька, на головѣ котораго былъ прикрѣпленъ кусочекъ сусального золота. Помню, что пряники того времени, изображавшіе какіе либо предметы (сердце, лѣстницу, конька, рыбу, бабу, упершую руки въ бока, и т. д.), непременно были украшены маленькимъ кусочкомъ сусального золота.

Лавочникъ-старикъ, о которомъ я упоминаю, былъ очень популярнымъ человѣкомъ въ Ямскомъ рынкѣ и въ самой Ямской. Онъ лѣчилъ глаза, употребляя какую-то примочку собственного издѣлія, и заговаривалъ зубную боль, давая проглатывать бумажку съ написанными имъ таинственными словами, которыя читать не позволялъ. Помню, что къ нему обращалась за помощью наша прислуга и нѣкоторые изъ нашихъ родственниковъ и, какъ рассказывали, получали исцѣленіе. Носили къ нему и дѣтей съ гноящимися глазами и трудно прорѣзывающимися зубами. Дѣтямъ давалась опять та же примочка для глазъ, а для скорого выхожденія зубовъ вѣшалась на шею какая-то ладанка. Ладанки эти мать моя называла симпатическимъ средствомъ и говорила, что въ нихъ положены «рачы жернова», что секретъ этого лѣченія передается у лавочника изъ рода въ родъ. Лѣчилъ онъ даромъ и только требовалъ, чтобы была поставлена свѣчка Петру и Павлу, такъ какъ самъ онъ носилъ имя Петра. Свѣчка тогда не была обременительна, потому что въ церквахъ продавались свѣчки желтаго воска даже за копейку. Нянька моя, Клавдія, крестьянская дѣвушка-ярославка, очень часто лѣчившаяся у него отъ зубной боли, говорила, что лѣченіе онъ знаетъ по «чернымъ книгамъ», которыя читаетъ, что читать эти книги—великій грѣхъ, такъ какъ нужно это дѣлать ночью при свѣчкѣ изъ человѣчьяго сала. Мать моя пробовала ее убѣждать въ противномъ, но она стояла на своемъ, увѣряя, что

у нихъ даже въ деревнѣ есть такіе, которые читаютъ черныя книги. Замѣчательно, что эта неграмотная дѣвушка и крѣпостная подросткомъ была у себя въ деревнѣ въ старообрядческой моленной клирошанкой. Она крестилась старымъ крестомъ, пѣла иногда какую-то пѣсню о прелести скитской жизни бѣлицъ, но когда жила у насъ, то ходила въ нашу церковь и исповѣдывалась у священниковъ.

Вообще, когда я былъ ребенкомъ, знахарей-лѣкарей, подобныхъ купцу Любимсву, было много въ Петербургѣ. Лѣчили отъ разныхъ болѣзней сторожъ Владимирской церкви, давая пить какой-то настой травъ на водкѣ, лѣчили странницы-богомолки, переходя изъ дома въ домъ, лампаднымъ масломъ съ камешковъ и стружекъ отъ мощей, sprыскивали водой съ семи углей изъ семи печей «отъ сглазу». Лѣчили будочникъ, полицейскій стражъ, хохолъ, будка котораго находилась около ограды Владимирской церкви въ Колокольной улицѣ. Онъ лѣчилъ отъ вередовъ и ломоты «снадобьемъ», которое самъ составлялъ и давалъ въ видѣ мази. Онъ же приготовлялъ и нюхательный табакъ зеленого цвѣта, который продавалъ любителямъ. Помню, что большую практику медицинскую имѣлъ коноваль въ Ямской. Про него говорили, что онъ — настоящій скрипинскій коноваль и лучше всякаго доктора. Лѣчилъ онъ заговорами, натиралъ больное мѣсто пациента лошадиной дугой, отворялъ жильную кровь, накидывалъ горшки и банки, а также снабжалъ и лѣкарствомъ, которое самъ приготовлялъ. Приемъ этихъ лѣкарствъ сопровождался обрядами, и мнѣ кажется теперь, что эти-то обряды темнымъ людямъ и нравились. Такъ, передъ тѣмъ, какъ принять лѣкарство, нужно было продѣть его между спицъ колеса трижды, пить изъ берестянаго стакана, пить на зарѣ, наливать непременно лѣвой рукой, стоять при этомъ не на полу, а на землѣ и т. п. Коновала этого самъ я не видалъ, но слышалъ объ немъ множество разказовъ, и эти-то разказы впоследствии и послужили мнѣ для написанія повѣсти «Коноваль».

Успѣхъ знахарей того времени я объясняю малочисленностью врачей, почти отсутствіемъ амбулаторій и плохой славой, которой пользовались тогдашнія больницы. Простого человѣка въ больницу можно было отправить только силой. Ходили разказы въ народѣ, что въ больницахъ нѣмцы-лѣкаря морятъ голодомъ (діета), сажаютъ въ кипятокъ (ванна), потрошатъ кишки. Поэтому простой народъ и предпочиталъ лѣчиться у знахарей, въ баняхъ растираніемъ мазями, правленіемъ костей, накидываніемъ банокъ и горшковъ. Въ баняхъ всегда были цырюльники, занимающіеся кровопусканіемъ всѣхъ родовъ и вообще лѣченіемъ, а иногда продѣлывали это и простые мужики-парильщики, а въ женскихъ баняхъ бабки-сторожихи. Большой прислугѣ стоило только намекнуть о больницѣ, какъ она бросалась въ ноги и умоляла ея не отпра-

влять въ больницу. Помню, что кровь бросать, банки себѣ ставить и сухіе горшки накладывать очень многимъ изъ лицъ того времени, которыхъ я знавалъ, очень нравилось. При какомъ либо нездоровьѣ говорили, что это «кровь нудить», «кровь наружу просится», «кровь въ вереда пошла», шли къ цырюльнику и бросали себѣ жильную кровь. У насъ былъ дальній родственникъ, старикъ, приказчикъ-гостинодворъ, который бросалъ себѣ кровь каждый мѣсяцъ. Разрѣзительныхъ записокъ отъ врачей, насколько мнѣ помнится, тогда не требовалось, а цырюльники имѣлись чуть ли не на каждомъ перекресткѣ. Обыкновенно цырюльное ремесло объединялось вмѣстѣ съ парикмахерскимъ, и въ нижнихъ этажахъ домовъ то и дѣло видѣлись вывѣски, гласившія: «здѣсь стригутъ и бреютъ, рвутъ зубы и кровь отворяютъ». Вывѣски эти были всегда иллюстрированы. Сидѣла, напримѣръ, дама въ платьѣ декольте и въ цвѣтахъ на головѣ съ вытянутой рукой, опершейся на палку, и изъ руки фонтаномъ била кровь въ тарелку, которую держалъ въ рукѣ мальчикъ въ синемъ фракѣ и желтыхъ панталонахъ. На окнахъ этихъ цырюленъ стояли банки съ пѣвками, и, я помню, мы, маленькіе, проходя мимо, всегда останавливались и ихъ рассматривали. Такихъ цырюленъ было особенно много на Развѣзжей улицѣ и въ Чернышевомъ переулкѣ. Объясняется это тѣмъ, что этотъ районъ былъ мѣстомъ жительства торговаго класса, и купцы и приказчики, проходя въ лавки Апраксина, Щукина и Гостиного дворовъ, заходили сюда для бросанія крови. Была такая же цырюльня и на углу Владимирской и Невскаго проспекта, гдѣ трактиръ Палкина. Мѣстность эта называлась Вшивой биржей. Нижний этажъ дома былъ подъ арками, въ немъ помѣщались лавки, и около нихъ всегда толпились носильщики-поденщики съ веревками за поясами, а также была стоянка ломовыхъ извозчиковъ и легковыхъ лихачей, гдѣ зачастую можно было видѣть сцены исканія другъ у друга въ головахъ насѣкомыхъ. Тутъ же шныряли разносчики, продававшіе рубецъ и печенку, сайки, сбитень, пироги, гречневики, пряники, и происходили игры шпибанія гречневиковъ и ломанія пряниковъ, составлявшія забаву этихъ носильщиковъ и извозчиковъ. Игра происходила на мѣдныхъ деньгахъ, и выигравшій, кромѣ того, пользовался пряниками и гречневиками.

Помню также, что въ дѣлѣ лѣченія была слабость къ ношенію фонтанелей, что дѣлалось въ большинствѣ случаевъ не по указанію врачей, а по совѣту опять-таки «свѣдущихъ людей», то-есть цырюльниковъ, знахарей, знахарокъ. Мой дядя, братъ отца, Иванъ Ивановичъ, носилъ фонтанель горошину на рукѣ около плеча и растравлялъ себѣ рану въ теченіе многихъ лѣтъ. Знахари ставили отъ ломоты, сыпей или вередовъ и заволоки подъ кожу изъ шелковой ленты, что при передвиженіи ленты для удаленія накопившагося гноя производило страшное мученіе. Я наблюдалъ это на

нашихъ родственникахъ и знакомыхъ, которые, впрочемъ, выносили эти мученія стоически. Прибавлю, что противъ грыжи многіе мужчины носили въ ухѣ серебряную серьгу, а противъ какой либо заразы непременно мѣдный крестъ на шеѣ, который часто вѣшался рядомъ съ золотымъ, а также и ладанку съ головкой чеснока. Также отъ заразы у входныхъ дверей квартиры вѣшали открытую банку съ дегтемъ и пучокъ чеснока. Это была тогдашняя дезинфекція.

Такіе мѣдные кресты и ладанки съ чеснокомъ носили на шеѣ и мы, дѣти. Висѣли у насъ и деготь и чеснокъ у дверей въ квартиру. Въ домѣ у насъ вѣрили въ «симпатическія средства», въ ладанки, но для лѣченія насъ отъ недуговъ приглашали доктора М. М. Моргуліеса, имѣвшаго небольшую лѣчебницу въ нѣсколько кроватей въ своемъ домѣ въ Грязной, нынѣ Николаевской, улицѣ. Это былъ обрусѣвшій крещеный еврей, толстенькій, маленькаго роста, гладко-бритый, веселый человекъ, въ золотыхъ очкахъ и всегда въ синемъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Это былъ пожилой холостякъ, но онъ очень любилъ дѣтей, и когда пріѣзжалъ насъ лѣчить, всегда былъ съ запасомъ леденцовъ, которые назывались ячменными, и ими одѣлялъ насъ. Помню, что когда я былъ мальчикомъ лѣтъ десяти и уже учился въ приготовительной школѣ, Моргуліесъ подарилъ мнѣ маленькую готевальню. Отецъ платилъ ему за визитъ по трехрублевому, то-есть, по 75 коп. (тогда и монета такая была), и эта плата считалась очень хорошею. Когда онъ пріѣзжалъ лѣчить, его всегда угощали мадерой. Подавалась бутылка, онъ выпивалъ рюмку, осматривалъ больныхъ и уѣзжалъ, непременно прописавъ лѣкарство. Безъ лѣкарства лѣченію не вѣрили. Помню, что мы, дѣти, болѣли очень часто горловыми болѣзнями. Лѣченіе заключалось въ прижиганіи горла ляписомъ, полосканіи шалфеемъ съ ромашкой и молокомъ, и внутрь прописывался луковый и фіалковый сиропы. О хининѣ я что-то не помню. Для пониженія жара поили потогоннымъ: малиной, бузиной, липовымъ цвѣтомъ. Температура тѣла не измѣрялась. Какъ слабительное, давался настой александрийскаго листа. Піявки были въ большомъ употребленіи, для постановки которыхъ приглашался цырюльникъ. Онъ же ставилъ и клистиры. Піявки сохранялись у насъ дома въ банкѣ съ водой, и про нихъ говорили, что онѣ «отдыхаютъ».

Но независимо отъ приглашенія доктора насъ лѣчили и домашними симпатическими средствами. Отъ кашля надѣвался на горло шерстяной чулокъ съ лѣвой ноги, натертый сѣрымъ мыломъ, а на грудь накладывался нагрудникъ изъ синей сахарной бумаги, пропитанной свѣчнымъ саломъ. Свѣчнымъ же саломъ смазывали и носъ отъ насморка и даже давали сало пить, накапанное въ ромашку, отъ грудной боли. Отъ горловыхъ болѣзней на шею вѣ-

пали также кольцо, свернутое изъ хряща гусинаго горла. Подчасъ насъ, больныхъ дѣтей, спрыскивали и водой съ углей, такъ какъ большинство болѣзней приписывалось глазу. Дѣлали спрыскиваніе изо рта, внезапно, такъ чтобы испугать больного. Водка-перцовка считалась также лѣкарствомъ и внутреннимъ и наружнымъ.

Микробовъ, бактерій и бациллъ тогда не знали, но все-таки предугадывали ихъ, и при заразныхъ болѣзняхъ окуривали помещеніе больныхъ можжевельникомъ и уксусомъ, ставили деготь на блюдечкахъ, дѣлали ванны съ сѣрнымъ цвѣтомъ и мыли зеленымъ калийнымъ мыломъ. Дезинфекціей это, впрочемъ, не называлось, да тогда и не знали этого слова. Также не слыхалъ я тогда въ нашей семьѣ и слова дифтеритъ, хотя онъ, несомнѣнно, въ нашей семьѣ бывалъ.

II.

До двѣнадцатилѣтняго моего возраста семья наша на дачу въ лѣтнее время не переселялась. Въ сороковыхъ годахъ дача была достояніемъ людей со средствами, а въ купеческомъ быту ея очень мало пользовались и люди состоятельные. Лѣтнюю природу я впервые созерцалъ въ маленькомъ садикѣ на дворѣ дома барона Фредерикса, на Владимирской улицѣ, гдѣ мы жили. Въ этотъ миниатюрный садикъ посылали насъ гулять вмѣстѣ съ нянькой Клавдіей. Садикъ этотъ прилично содержался, и въ немъ росли только три сорта насажденій: сирень, желтая акація и бузина, которую мы называли волчьими ягодами, и красныя ягоды которой намъ строго запрещалось ѣсть. Помню, что съ акаціи я собиралъ червей, то-есть гусеницъ, и хранилъ ихъ у себя въ коробкѣ въ дѣтской, давая имъ листочки. Также ходилъ я съ нянькой гулять въ ограду Владимирской церкви, гдѣ росли кое-какія убогія деревца и прилегалъ прудъ сосѣдняго двора, огороженный рѣшеткой. Въ прудѣ плавали гуси. Предпринимали мы и болѣе дальнія прогулки въ Владимирову рощу, которая находилась на Лиговкѣ, близъ строившейся тогда Николаевской желѣзной дороги. Березовая роща эта занимала тогда все пространство, гдѣ теперь находится колонія Санъ-Галли и каменные дома ея, и простиралась вплоть до Кузнечнаго переулка. Ходили мы гулять и на огороды, которыхъ было нѣсколько на Кабинетской, Большой и Малой Московскихъ (тогда Гребецкихъ) и на Грязной (Николаевской) улицахъ. Огороды эти, обнесенные заборами, были промысловые; тамъ у моей няньки, ярославки, были знакомые ярославскіе мужики-огородники, и насъ тамъ иногда одаривали рѣпкой, морковкой, огурцами, горшкомъ реzedы или левкоя. На эти же огороды ходилъ я съ матерью и за покупкой овощей, имѣя возможность съ дѣтства наблюдать, какъ растутъ капуста, огурцы, корнеплоды.

Помню, что иногда въ воскресенье семья наша ѣздила и за городъ, на Крестовскій или въ Екатерингофъ. Дѣлалось это такъ: пекли дома пироги, забирали съ собой закусокъ, самоваръ, чай, сахаръ, посуду, садились въ ялботъ на Фонтанкѣ на углу Графскаго переулка и всей семьей съ двумя перевозчиками отправлялись пить чай «подъ елки». По приѣздѣ на мѣсто, ставили самоваръ, согрѣвая его еловыми шишками, собираемыми нами, дѣтьми, тамъ же, располагались на коврѣ, пили, ѣли и возвращались домой въ сумерки. Такого же рода выѣзды дѣлали и на Волково кладбище на могилки, гдѣ у насъ за рѣшеткой были похоронены дѣдъ, бабка, прадѣдъ и другіе родственники. На Волково отправлялись въ четырехмѣстной каретѣ, которую тогда можно было нанять для такой поѣздки за рубль или рубль съ четвертью. На могилахъ располагались также съ самоваромъ и съ ѣдой. Ктонибудь снималъ съ ноги сапогъ и голенищей раздувалъ самоваръ, что намъ, ребятишкамъ, очень нравилось. Поѣздка эта иногда объединялась нѣсколькими родственными намъ семьями. Служили литіи по покойникамъ. У мужчинъ не обходилось и безъ возліаній.

Помню и двѣ поѣздки на лошадяхъ — одну въ Петергофъ, въ царскій день на фейерверкъ, другую въ Колпино, на богомолье, въ Николинъ день 9-го мая. Ѣздили также съ провизіей и самоваромъ. Кареты были набиты биткомъ, сидѣли и на козлахъ съ извозчикомъ, а на крышахъ каретъ были привязаны корзины съ провизіей и посудой.

Помню также, что ходили мы весной справлять семикъ въ Ямскую на Лиговку. Ямская того времени жила деревенскою подгородною жизнью. Дѣвушки въ семикъ ходили по улицѣ съ березками въ рукахъ, пѣли пѣсни, водили хороводы, заплетали вѣнки и опускали ихъ на воду въ Лиговку. Тамъ, въ Ямской, у насъ жили родственники и знакомые: тетка моя, сестра отца, Анна Ивановна Крупенкина, мужъ которой имѣлъ ножовую лавку въ Гостиномъ дворѣ, и многосемейный купецъ Страховъ, содержатель постоялаго двора и извоза. Онъ перевозилъ товары изъ Петербурга въ Нарву, Ревель, а также привозилъ и оттуда. Страховъ жилъ въ своемъ домѣ и имѣлъ у себя на дворѣ садъ съ яблонями, вишнями и кустами смородины. Въ этомъ саду былъ прудъ съ карасями, и на берегу его стояли вырѣзанныя изъ листового желѣза и раскрашенныя фигуры оленя, медвѣдя, лисицы и двухъ охотниковъ: одного съ рогатиной, а другого — стрѣляющаго изъ лука. Семья Страхова была очень гостепріимная. Страховъ ходилъ порусски, въ длинной сибиркѣ, съ бородой, но, какъ часто посѣщавшій Нарву и Ревель и имѣвшій тамъ дѣла, хорошо говорилъ по-нѣмецки. Страховы придерживались старообрядства. Отецъ мой и дядя у нихъ не курили. Знакомство съ Ямской послужило мнѣ въ послѣдствіи для написанія очерка: «Ямская въ праздники и въ будни».

Домовъ съ садами и прудами въ Петербургѣ въ центрѣ города было тогда довольно много, стало быть, земля не требовалась подъ застройку и дорого не цѣнилась. Были садъ и прудъ на Загородномъ проспектѣ у Пяти Угловъ.

Изъ увеселительныхъ садовъ въ эту эпоху въ Петербургѣ существовала только одна «Королева дача» на Выборгской сторонѣ, близъ Черной рѣчки. Тамъ игралъ оркестръ музыки, была лотерея аллегри, разыгрывавшая цѣфты и стеклянную посуду. Раза два меня, маленькаго, выряженнаго въ красную рубашку съ золотымъ поясомъ, возили туда на музыку.

А затѣмъ музыку слушали мы у себя на дворѣ. Въ то время, помимо самыхъ разнообразныхъ шарманокъ, ходили по дворамъ цѣлые оркестры, и жильцы всего двора усердно кидали имъ за игру мѣдныя деньги изъ оконъ. Вмѣстѣ съ шарманками ходили по дворамъ «петрушки» съ ширмами, ученые собаки въ костюмахъ давали свои представленія, ходили акробаты, и плясали дѣвицы въ балетныхъ костюмахъ по проволокамъ. Большимъ успѣхомъ пользовался на дворахъ обезьяній циркъ съ маленькой лошадкой, угадывающей среди столпившихся зрителей пьяницъ. Возили показывать и звѣрей: тюленя въ бадѣ, барсуковъ, медвѣжатъ, лисицъ. Ребятишки толпами сопровождали ихъ со двора на дворъ.

Вотъ лѣтнія развлечения, которыми пользовалась наша семья и я до моего школьнаго возраста.

Зимой развлечения были еще скромнѣе. Холостой дядя, Василій Ивановичъ, жившій вмѣстѣ съ нами, ходилъ иногда по театрамъ и въ Нѣмецкій клубъ, увлекался Мартыновымъ въ Александринскомъ театрѣ, Бозіо и Лаблашомъ въ Большомъ театрѣ, гимнастами Виолемъ и Пачифико и много и восторженно рассказывалъ намъ о нихъ, но мой отецъ и мать позволяли себѣ ходить въ театръ только на Рождествѣ и на масленой, и при этомъ брали и насъ, маленькихъ дѣтей. Помню, что ложа третьяго яруса стояла тогда не дороже трехъ рублей, а четвертаго—еще дешевле. Кресла были за рубль, а мѣста за креслами 75 копеекъ. До отправленія въ театръ разговаривали объ этомъ цѣлую недѣлю и цѣлую недѣлю говорили о видѣнной пьесѣ послѣ посѣщенія театра. Обыкновенно бралась ложа во второмъ или третьемъ ярусѣ и заполнялась совершенно: отецъ, мать, дядя, тетка моя и насъ, ребятъ, двое или трое. Съ собой брали для насъ холодный чай въ бутылкѣ, пирожки, бутерброды. Первою пьесой, которую мнѣ пришлось видѣть, была: «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока». Актеровъ я не помню, но пьеса произвела на меня такое впечатлѣніе, что я не спалъ ночь, бредилъ, крича о пожарѣ, а на утро сейчасъ же самъ сталъ устраивать въ дѣтской сцену за пологомъ дѣтской кровати, нарядившись для чего-то въ красную фуфайку и изображая героя пьесы.

Помню, что я всему подражалъ, что впервые видѣлъ. Это видѣнное оставалось у меня надолго въ впечатлѣніи. Когда меня свели въ деревянный циркъ Віоля, находившійся у Александринскаго театра, и когда я увидалъ Віоля, прыгавшаго по сценѣ лягушкой и висѣвшаго на трапеціи, я самъ сталъ воображать себя акробатомъ, старался научиться прыгать лягушкой и сдѣлать себѣ трапецію въ дверяхъ. Увидавъ фокусника, который, взявъ у музыканта трубу, началъ выбивать изъ нея пухъ и набилъ цѣлую гору пуху, я самъ распоролъ дома подушку, высыпалъ изъ нея пухъ и сталъ продѣлывать нѣчто подобное же съ игрушечной трубой, заполонивъ пухомъ всю дѣтскую. Помню, что мнѣ жестоко за это досталось. Мать выдернула изъ вѣника пруть и высѣкла меня. Подражательность у меня была во всемъ. Попавъ въ театръ на водевилъ съ переодѣваньемъ, которые тогда были въ большомъ ходу, я дома самъ навьючивалъ на себя всевозможныя свои одежды и одежды сестеръ и изображалъ передъ нашими домашними переодѣваніе, убѣгая для сбрасыванія съ себя костюма за альковъ въ спальнѣ отца и матери. Красная фуфайка и красная турецкая феска съ кисточкой, которую кто-то подарилъ дядѣ, были у меня въ большомъ ходу.

А наказывала насъ, дѣтей, мать довольно часто, хотя и любила насъ горячо. Въ спальнѣ ея за туалетнымъ зеркаломъ всегда торчала розга, и эта розга всегда ходила по насъ, когда мы упрямилась, дерзничали или портили какія либо вещи. При приготовленіи къ экзекуціи я всегда прятался подъ кровать или подъ диванъ, но меня оттуда вытаскивали и стегали. Послѣ экзекуціи я опять прятался подъ кровать и долго лежалъ тамъ. Мать была горяча, но отходчива. Когда гнѣвъ ея проходилъ, она выманивала меня изъ-подъ кровати уже гостинцами. Отецъ былъ мягче матери и, когда мать наказывала, отнималъ меня отъ нея, но и онъ раза два отхлесталъ меня подтяжками. Сѣдали, обыкновенно, поваливъ на четвереньки и ущемивъ голову между колѣнъ. Тогда это было въ обычаѣ и составляло непремѣнную суть воспитанія дѣтей. Семейныя дамы, приходя другъ къ другу въ гости и перецѣловавъ всѣхъ дѣтей, хвалили ихъ за умъ и тотчасъ же спрашивали, часто ли ихъ наказываютъ и чѣмъ именно. Хозяйки удовлетворяли любопытство и въ свою очередь задавали вопросъ о наказаніяхъ. Въ большомъ ходу были ременные плетки, продававшіяся въ игрушечныхъ и щепныхъ магазинахъ, и эти плетки даже дарили дѣтямъ на елку. Такъ, мой дядя, теткинъ мужъ, А., смотритель Биржевого гостиннаго двора на Васильевскомъ островѣ, человекъ многосемейный, имѣвшій дѣтей отъ двухъ женъ, устраивая на Рождествѣ елку для своихъ дѣтей и для насъ, племянниковъ, каждому ребенку дарилъ по плеткѣ. Розга и плетка ходили и по дѣвочкамъ. У моего дяди и отца крестнаго, Ивана Ивановича Лейкина, жена-

таго на рижской уроженкѣ, старовѣркѣ безпоповскаго толка, были только дочери, но въ ихъ семьѣ и по дѣвочкамъ ходили ровга и плетка. Мать моя тоже не дѣлала исключенія для моихъ маленькихъ сестеръ. Плетка имѣла гражданственность, была какой-то непремѣнной принадлежностью воспитанія и ученія. Когда меня дома посадили за азбуку, о чемъ будетъ рѣчь впереди, прежде всего положили на столъ плетку. Дѣлалось это добродушно, безъ злобы, но дѣлалось. Была даже поговорка о плеткѣ при ученіи: «азъ, буки—бери указку въ руки, оита, ижица—плетка ближится». Были случаи, когда насъ, дѣтей, стегали ласково, ради обычая, напримѣръ, въ Вербную субботу, возвратясь отъ всенощной съ освященной въ церкви вербой. Дѣлали вербой три удара и приговаривали: «верба — хлестъ, бей до слезъ, третье — на здоровье». Затѣмъ верба ставилась къ образамъ, за кіотъ, а одинъ ея пруть отдѣлялся и помѣщался въ бутылку съ водой на окнѣ; весной же, когда онъ давалъ корни, его въ день радоницы, во вторникъ на Троиной недѣлѣ, отвозили на кладбище и сажали въ землю на могилкахъ, христосуясь съ покойниками. Такъ было заведено у насъ, у нашей родни и знакомыхъ нашихъ изъ купечества.

Я не упомянулъ еще о всѣхъ масленичныхъ и святочныхъ развлеченіяхъ, которыя доставлялись намъ, дѣтямъ. Балаганы, горы и карусели въ то время на масленой строились на Исаакіевской площади. И вотъ, въ одинъ изъ дней масленицы занимались извозчичьи четырехмѣстные, такъ называемыя поповскія сани, куда сажали насъ, дѣтей, и возили вокругъ балагановъ и горъ, гдѣ въ то время бывало народное гулянье. Катанье это было въ большой модѣ у купечества. Богатыя купеческія семьи показывали дорогіе мѣха, рысаковъ, парадную упряжь. Да и не однѣ купеческія семьи. Этими катаньями не брезговалъ и высшій свѣтъ. Въ придворныхъ каретахъ возили вокругъ горъ воспитанницъ-смоляненокъ въ красныхъ гарусныхъ капорахъ, воспитанницъ изъ Екатерининскаго и Николаевскаго институтовъ въ зеленыхъ салопахъ. Кареты и другіе экипажи тянулись въ нѣсколько рядовъ, а между рядами стояла и бродила военная и статская чиновная молодежь и перемитивалась съ хорошенькими юными питомцами. Катали и насъ среди этой вереницы и раздрающей уши смѣси звуковъ оркестровъ и шарманокъ, прислушивались съ восторгомъ къ грохоту стрѣльбы въ балаганахъ. Тогда балаганныя представленія были всѣ съ пальбой. Сдѣлавъ три-четыре круга, сани останавливались около какого нибудь балагана, и насъ вели въ мѣста смотрѣть представленіе. Помню, что лучшій балаганъ былъ балаганъ Легата съ арлекинадой, съ превращеніями, съ чертями. Арлекина рубили и рѣзали на части, онъ оживалъ нѣсколько разъ, билъ всѣхъ линейкой и къ концу представленія при освѣщеніи краснымъ бенгальскимъ огнемъ и при выстрѣлахъ возносился на облака подъ потолокъ.

вмѣстѣ съ дѣвицей въ трико и тюлевома платьѣ. Помню, что послѣ такого представленія я долго задавалъ себѣ вопросы, какъ это дѣлается, что арлекина изрубятъ на глазахъ, разбросаютъ его голову, руки и ноги, а онъ потомъ живъ. Мать говорила мнѣ, что это дѣлается машинами, а нянька увѣряла, что глаза отводятъ.

На Рождествѣ намъ устраивали елку, и елка эта зажигалась по-нѣмецки, непременно наканунѣ Рождества, въ сочельникъ. Отецъ и дяди мои служили приказчиками у нѣмцевъ и съ нѣмцевъ брали примѣръ. Сначала взрослые сходятъ ко всеобщей, вернутся и зажгутъ для насъ елку. Помню, что мать тщательно оберегала насъ отъ скороми и не давала намъ наканунѣ Рождества ѣсть съ елки пряниковъ, которые ей казались скоромными. И мы слушались, оставляя эти лакомства до Рождественскаго утра. Въ Рождественскій сочельникъ у насъ въ домѣ былъ постъ строгій, и женская половина до звѣзды, т.-е. до вечера, ничего не ѣла, а мы, дѣти, питались только булками съ постнымъ чаемъ и не имѣли даже супу, такъ какъ даже постный супъ безъ масла не сварить, а въ этотъ день до вечера и постное масло изгонялось. Да и сахаръ считался скоромнымъ, такъ какъ онъ, какъ объ немъ тогда у насъ говорили, бычьей кровью и костями очищается, а потому къ чаю вмѣсто сахара давали желтый изюмъ или красный медъ.

Игрушекъ на елку намъ дарили много, такъ какъ тутъ были дары отца и матери, двухъ дядей, матери крестной, но игрушки эти были дешевыя: куклы съ головами изъ чернаго хлѣба, выкрашенными краской, а то и изъ тряпокъ съ нарисованными физиономіями и съ пришитой куделью вмѣсто волосъ, но мать и мать крестная, какъ портнихи, одѣвали этихъ куколъ по-своему, въ болѣе роскошныя наряды и шили имъ костюмы. Затѣмъ, неизбѣжными игрушками были барабанъ, бубенъ, дудка, труба изъ жести. Гостинцы, украшавшіе елку, были самые дешевые. Ихъ покупали въ пряничномъ куренѣ братьевъ Лапиныхъ въ Чернышевомъ переулкѣ. Конфеты, завернутыя въ бумажкахъ съ картинками, были изъ смѣси сахара съ картофельной мукой и до того сухи, что ихъ трудно было раскусить. Картинки изображали нѣчто въ родѣ слѣдующаго: кавалеръ въ желтыхъ брюкахъ и синемъ фракѣ и дама въ красномъ платьѣ и зеленой шали танцуютъ галопъ, и внизу подпись: «Юлія и Амалія»; пастушка въ короткомъ платьѣ и барашекъ, похожій больше на собаку, и подпись: «Пастораль». Картинки эти раскрашивались отъ руки и очень плохо. Пряники были нѣсколько лучше конфетъ. Они были изъ ржаной и бѣлой муки и изображали гусаровъ, барынь, упершихъ руки въ бока, рыбъ, лошадокъ, пѣтуховъ. Ржаные были покрыты сахарной глазурью и расписаны, бѣлые тисненые и отдавали мятой или розовымъ масломъ. Золоченые грецкіе орѣхи, украшавшіе елку, всегда были стившіе, и я помню, что торговцы, продававшіе ихъ, въ

оправданіе свое всегда говорили: «помилуйте, да вѣдь свѣжихъ-то и не вызолотишь, поволота не пристанетъ».

Припоминая теперь дни своего дѣтства, я долженъ сказать, что ни у насъ, ни у нашихъ родныхъ никогда ничего изящнаго не было. Все было самое примитивное, грубое, простое. Двоюроднымъ братьямъ моимъ Крупенкинымъ, отецъ которыхъ имѣлъ ножовую лавку въ Гостиномъ дворѣ, какой-то пріѣзжій иностранный агентъ торговаго дома за хорошую выписку ихъ отцомъ товара привезъ изъ-за границы и подарилъ двѣ игрушки: маленькаго зайчика съ пружиной, бѣгавшаго по полу, и музыкальный ящичекъ, наигрывающій двѣ пьесы. Эти двѣ игрушки такъ цѣнились и казались настолько рѣдкими, что какъ только у Крупенкиныхъ бывали гости, сейчасъ же вынимались эти игрушки и показывались гостямъ. Зайчикъ заводился и бѣгалъ по полу, музыкальный ящичекъ пиликалъ пьески, а гости смотрѣли, слушали и умилялись. А понынѣшнему игрушки были самыя простыя и заурядныя.

Елка, зажженная въ первый разъ наканунѣ Рождества, продолжала у насъ стоять въ украшеніяхъ вплоть до Новаго года и зажигалась нѣсколько разъ. Устраивалась на святкахъ всегда вечеринка и, большей частью, въ Новый годъ, когда дядя Василій бѣвалъ именинникъ, на которую приглашались родственники, пріѣзжавшіе съ ребятами, и маленькихъ двоюродныхъ братьевъ моихъ и сестеръ у насъ собиралось на елкѣ человѣкъ до двадцати. Взрослые садились играть въ лото, а мы, дѣти, рядились во что попало и бѣгали по комнатамъ въ «уродскихъ» и «арапскихъ» маскахъ. На святкахъ обыкновенно намъ дарили карикатурныя маски съ длинными уродливыми носами, вывернутыми острыми подбородками, съ нарисованными воддырями на лбу и на щекахъ. Были и черныя маски негра съ красными губами. Дѣвочки рядились всегда цыганками въ пестрые платки, а мальчики, большей частью, выворачивали шубы мѣхомъ вверхъ и, надѣвъ ихъ, ползали на четверенькахъ, рыча и изображая медвѣдей и волковъ. Угощеніемъ для дѣтей были пряники, мармеладъ, пастила и орѣхи. Орѣхи давили дверьми. Трескотня шла по всей квартирѣ. Играющимъ въ лоте взрослымъ подавались пуншъ, мадера, варенье. Помню, что блюдцевъ не полагалось къ варенью. Варенье подносилось въ вазочкѣ, въ ней была положена одна десертная ложка, и всѣ гости ѣли варенье по очереди съ одной ложки. Варенье подавалось разныхъ сортовъ. Подавались яблоки, нарѣзанныя на четвертинки, синій изюмъ и миндаль. Вечеринка заканчивалась ужиномъ, въ которомъ играла главную роль ветчина съ горошкомъ и клѣтчатый пирогъ съ вареньемъ и желе изъ бѣлаго вина съ вареньемъ и восковымъ зажженнымъ огаркомъ внутри. Иногда во время этихъ вечеринокъ приходили неизвѣстные намъ ряженые, «на огонекъ», какъ тогда говорилось. Эти ряженые въ большинствѣ слу-

чаевъ были также въ самодѣльныхъ костюмахъ, пищали или ре-вѣли басомъ, называли хозяевъ и гостей по именамъ, и хозяева и гости старались угадать, кто бы это были подъ масками. Такихъ ряженныхъ впускали въ домъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній и разспросовъ и тщательно слѣдили за ними, чтобы они чего нибудь не украли. Ряженые эти всегда являлись съ своимъ музыкантомъ— гитаристомъ или скрипачемъ, тоже ряженнымъ. Они плясали, напивались и уходили. Среди нашей родни не было музыканта, хотя у насъ въ домѣ и было старое разстроенное фортепиано.

Сестра моей матери, тетка моя Ольга, тогда молодая дѣвушка, а вмѣстѣ съ ней и наша прислуга, гадали на святкахъ про суженаго, спрашивали на улицѣ имена, смотрѣли въ зеркало, подслушивали у дверей чужихъ квартиръ. Удавалось или не удавалось имъ что либо видѣть во время гаданья въ зеркалѣ, я не знаю, но рассказывали онѣ потомъ много фантастическаго, въ которомъ большую роль игралъ «военный съ усами». Тетка впоследствии вышла замужъ, но не за военнаго съ усами, а за бородача купца-рыночника, торговавшаго обувью.

Къ Крещенью, въ крещенскій сочельникъ маски отъ насъ отбирались и сжигались. Считалось, что послѣ Крещенья грѣшно было держать ихъ въ домѣ. Являлись приходскіе священники съ крещенской водой, пѣли, кропили квартиру, а по уходѣ ихъ мы, дѣти, ставили мѣломъ кресты на всѣхъ дверяхъ и окнахъ «отъ нечистой силы». Святки съ ихъ «бѣсовскими» играми считались законченными.

Послѣ Крещенья опять тянулись длинные зимніе вечера, ничѣмъ не отмѣчаемые. Отецъ и дядя Василій, приходя домой со службы изъ конторъ обѣдать въ 5 часовъ, тотчасъ же надѣвали халаты и туфли и послѣ обѣда ложились соснуть. Въ 9-мъ часу, послѣ запора лавокъ въ Гостиномъ, приходилъ пить чай служившій въ голландскомъ магазинѣ дядя Николай, сидѣлъ часа два и уходилъ. Онъ жилъ у хозяевъ-голландцевъ, ѣлъ по постамъ скоромное и очень осуждался за это женской половиной нашего семейства. Иногда онъ приносилъ намъ для просмотра картинокъ номеръ «Иллюстраціи» Фурмана или «Художественнаго Листка» Тимма, получавшагося имъ и его товарищами-приказчиками въ складчину. Сами мы въ то время журналовъ и газетъ не получали, и только во время крымской кампаніи я припоминаю у насъ въ домѣ номера «Полицейской Газеты» и «Сѣверной Пчелы». О всѣхъ происшествіяхъ въ городѣ получались свѣдѣнія изъ Гостиного двора отъ покупателей, и, придя домой, отецъ и дядя сообщали намъ о нихъ. Въ особенности сообщали о пожарахъ, которые тогда были очень часты вслѣдствіе обилія деревянныхъ построекъ. Пожары, освѣщая по вечерамъ Петербургъ заревомъ, производили переполохъ. Отецъ и дядя и сами ѣздили на пожары. Пожары

были тогда какимъ-то спортомъ. На нихъ съѣзжалась аристократія, бывали лица царской фамиліи и самъ государь. Большимъ любителемъ ѣздить на пожары былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Помню рассказы о немъ, какъ о воодушевлявшемъ пожарныхъ молодецкими выкриками отборныхъ ругательствъ. Увѣряли, что пожарные очень цѣнили это изъ его устъ и лѣзли прямо въ огонь.

Также помню, что въ зимніе вечера у насъ иногда происходило и литературное чтеніе. Дядя Василій, любитель стиховъ, читалъ по рукописнымъ экземплярамъ «Евгенія Онѣгина» Пушкина и «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Печатные экземпляры были тогда очень рѣдки. Читались и «Мертвыя души» Гоголя. А всѣ домашніе сидѣли и слушали. Чтеніе происходило въ маленькой гостиной при двухъ сальныхъ свѣчкахъ, съ которыхъ то и дѣло снимали нагаръ свѣтиленъ. Помню, что читали и «Ивана Выжигина» Булгарина, который тогда имѣлъ большой успѣхъ, читали «Тысячу одну ночь»—арабскія сказки Шехерезады. Мать крестная, старуха Варвара Сергѣевна въ послѣдствіи пересказывала ихъ намъ, дѣтямъ. Рассказывала она и эпизоды изъ романовъ Купера и Вальтеръ-Скотта, которые читала, а читала она много и памятью обладала замѣчательной.

Отецъ и дядя знали наизусть много цитать изъ «Евгенія Онѣгина» и «Горя отъ ума» и очень часто употребляли ихъ въ разговорахъ. Переписаны экземпляры этихъ сочиненій были самимъ дядей Василюмъ. Помню, что у него въ комнатѣ висѣла даже гипсовая маска Пушкина, а подъ ней двѣ рапиры крестъ на крестъ и маски для фехтованія, хотя фехтованіемъ у насъ никто не занимался. Висѣла и турецкая пашка на стѣнѣ. Рассказывали, что это оружіе было оставлено дядѣ кѣмъ-то за долгъ. Комната эта была пропитана табакомъ настолько, что въ ней даже мухи не могли жить. Дядя курилъ тогда табакъ Жукова изъ трубокъ на длинныхъ чубукахъ, которыхъ у него было много, и стояли онѣ въ углу въ мѣдномъ тазу.

Комната была меблирована замѣчательно просто. Не было въ ней ни ковра ни драпировки. Дядя не имѣлъ даже кровати и спалъ на сафьяновомъ диванѣ. Не было письменнаго стола, а въ простѣнкахъ стоялъ только карточный или ломберный столъ, какъ тогда ихъ называли, и на немъ банка огнива, зажигавшася при нажатіи пружины, и ящикъ съ табакомъ, выложенный свинцомъ, да два подсвѣчника. Зеркальце висѣло самое убогое въ полъ-аршина, хотя дядя самъ брился и по-тогдашнему считался франтомъ, носилъ плащъ-альмавиву и сѣрую шляпу. На пальцѣ у него было чугунное кольцо съ вставленнымъ въ него гранатомъ, а въ галстухѣ была булавка съ адамовой головой. Онъ ходилъ съ длинными волосами, въ усахъ. Дома у насъ говорили, что онъ «знаетъ массонскіе знаки».

Скажу кратко, какъ у насъ проходилъ первый день Рождества, и перейду къ Пасхѣ. Утромъ всѣ ходили къ ранней обѣднѣ въ церковь Владимирской Божіей Матери, а, вернувшись домой, разговлялись ветчиной и пили кофе со сливками. Зажигалась елка. Приходили мальчишки-славильщики со звѣздами изъ бумаги и славили Христа передъ образомъ. Это были дѣти дворниковъ, водовозовъ, ремесленниковъ съ нашего и сосѣднихъ дворовъ. Ихъ приходило партій пять-шесть. Принимали ихъ всѣхъ и давали имъ копейки по три, по пятачку. Также являлись христославы-будочники и тоже пѣли передъ иконами. Будочники у насъ были знакомые и поставляли намъ швабры и банныя мочалки, которыя сами выдѣлывали. Они приходили, какъ изъ будки съ Владимирской улицы, такъ и отъ Гостинаго двора. Ихъ угощали водкой и давали имъ деньги. Затѣмъ приходили поздравлять дворники, водовозы, трубочисты, сторожа изъ церкви, парильщики изъ бани, сторожа изъ Гостинаго двора, сторожихи и бабки изъ бани, просвири, богадѣленки, звонари съ колокольни, мусорщики и проч. Хорошо, что тогда рубль имѣлъ цѣну большую, и отецъ давалъ всѣмъ не болѣе, какъ по 20—30 копеекъ. Впрочемъ, всѣмъ поющимъ, кромѣ того, подносили водки, и этого добра тогда къ праздникамъ покупалось много. Припоминаю, что откупная водка тогда была препротивная, и дома ее у насъ не могли пить иначе, какъ съ прибавленіемъ какихъ-то капель, приобрѣтаемыхъ въ аптекъ. Отецъ крестный мой носилъ эти капли даже всегда съ собой въ карманѣ. Для того, чтобы не сбиться, сколько выдано поздравителямъ, и потомъ записать въ расходъ, отецъ мой держалъ большіе счета на подоконникѣ и послѣ каждой выдачи прибавлялъ сумму къ костяжкамъ. Христославленіе заканчивалось священниками изъ прихода, которые приходили уже часовъ около трехъ дня и непременно оставались выпить и закусить. Христа славилъ они уже совсѣмъ навеселѣ. Затѣмъ отецъ надѣвалъ фракъ и ѣхалъ дѣлать необходимые визиты и въ этотъ день обѣдать домой ужъ не пріѣзжалъ, а обѣдалъ у своего патрона, г. Герике. Дядя, служившій у швейцарца Боненбюста, обѣдалъ также у своего хозяина. Дома у насъ въ этотъ день обѣда съ супомъ не было, но мы ѣли съ утра до вечера съ праздничнаго стола, который такъ и не убирался.

Такой же порядокъ былъ и въ первый день Пасхи, съ тою только разницею, что всѣмъ приходилось христосоваться разъ по сту, какой бы мужикъ ни приходилъ. Отказываться считалось не по-христіански, не въ обычаѣ. У насъ въ домѣ говорили, что даже и царь въ этотъ день христосуется съ солдатами. Со всѣми непременно обмѣнивались яицами. Яйца брали съ собой, отправляясь съ визитами. Нѣкоторые приспособливали у себя особые мѣшечки у пальто для яицъ.

Заутреню въ Пасху вся семья отставала въ дни моего дѣтства въ церкви Владимирской Божіей Матери—мужчины въ алтарь, женская половина на клиросѣ за рѣшеткой, и, чтобы пройти туда, въ церковь забирались рано, далеко еще до начала полунощницы. Ко всенощнымъ въ дни Страстной недѣли и къ Свѣтлой заутрени начали меня брать съ 6-ти лѣтъ, и часто случалось такъ, что я, уставъ, тамъ и засыпалъ, сидя на верхней одеждѣ, которую семья наша, снимая съ себя, складывала вмѣстѣ. Свѣтлую заутреню стояли съ нами вмѣстѣ дяди мои, даже и тѣ два, которые не жили съ нами, Николай, холостой, и Иванъ, женатый, но въ церковь послѣдній прїѣзжалъ всегда одинъ, безъ жены. Жена его, старообрядка безпоповщинскаго толка, и его двѣ свояченицы, жившія съ нимъ вмѣстѣ, нанимали карету и ѣздили къ заутрени въ модельную на Волково кладбище, для чего передъ отправленіемъ туда переряживались въ сарафаны и коты, расчесывали волосы, уничтожая свои модныя прически, покрывались платками и запасались подручниками и лѣстовками. Дядю очень огорчало, что жена его на бывала съ нимъ вмѣстѣ у заутрени. Онъ всячески склонялъ ее принять православіе, но тщетно. Ярой старообрядкой осталась она до своей смерти, и на ея похоронахъ ее отпѣвали старообрядческіе старики-наставники. Православные священники не ходили къ дядѣ въ домъ, жена не допускала. Крестили рождающихся дѣтей не на дому, а въ церкви.

III.

Не помню хорошо, но, должно быть, къ исходу седьмого года начали меня учить грамотѣ. За это дѣло взялась мать. Кубиковъ съ буквами для игры прежде не было, а потому, играя, я не могъ ознакомиться съ буквами, такъ что пришлось начинать прямо съ азбуки. Дѣлалось это не безъ нѣкоторой торжественности. Обрядная сторона у насъ въ семьѣ всегда играла роль. Прежде всего купили азбуку и указку—палочку изъ кости, которая тогда продавалась въ игрушечныхъ магазинахъ. Азбука была тоненькая съ картинками для каждой буквы: азъ, а, ананасъ; буки, б, барабанъ; вѣди, в, волкъ. Но на Фигу составитель не могъ придумать какого либо предмета, и стоялъ мужикъ съ кувшиномъ, а подпись гласила: «Ѳома съ квасомъ». Начали меня учить 1 ноября, въ день Космы и Даміана — патроновъ всѣхъ учащихся, а передъ началомъ ученія сводили въ церковь и поставили имъ свѣчку. Передъ полуднемъ усадили за азбуку. Помню, я плакалъ. Сестры и братья мои недоумѣвающе и съ сожалѣніемъ смотрѣли на меня, оторваннаго отъ игръ, но ихъ выгнали вонъ изъ комнаты.

Замѣчательно, что событія дѣтства я лучше помню, чѣмъ событія въ дни юности и даже зрѣлыхъ лѣтъ. Такъ и начал

моего ученія запечатлѣлось у меня въ памяти. Мать сказала мнѣ, что если я буду прилежно учиться, то мнѣ къ Рождеству на елку купятъ театръ. (Картонный театръ съ опускающимися и поднимающимися декорациями и актерами на подставкахъ былъ моею мечтой). Если же буду лѣниться, то по мнѣ будетъ ходить розга. И мать торжественно указала на зеркало, изъ-за котораго всегда торчала розга. Ученіе пошло успѣшно. Черезъ мѣсяць я уже читалъ по складамъ и зналъ цифры. А 1 декабря, въ день пророка Наума, меня опять повели въ церковь, поставили свѣчку и заставили молиться, чтобы «батюшка пророкъ Наумъ навелъ меня на умъ». Черезъ мѣсяць еще я уже читалъ многосложные склады: «свя-тѣй-шій», «пра-ви-тель-ствую-щій», «вы-со-ко-пре-вос-хо-ди-тель-ство», «архан-ге-ло-го-род-скій» и т. п. Одновременно съ чтеніемъ учили и писать. Сначала я обводилъ по карандашу перомъ буквы и цифры, которыя писала мать, хотя писала плохо и сама. Затѣмъ сталъ списывать съ прописей, сначала въ карандашныхъ линейкахъ, а затѣмъ по транспаранту. Готовыхъ линованныхъ тетрадей тогда не продавалось, и тетради нужно было лिनовать самимъ. Линейка была принадлежностью учащагося. Ею часто и наказывали, били по пальцамъ за плохое письмо. Прописи у меня были всякаго рода письма: прямого, косога, готическаго. Онѣ состояли изъ изреченій въ родѣ слѣдующихъ: «Ничего не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня». «Что острѣе меча? Языкъ злого человѣка». «Столицу нашу спасаетъ отъ наводненія множество каналовъ». Былъ у меня и транспарантъ, на которомъ ничего, кромѣ черныхъ линеекъ, не находилось, а между тѣмъ внизу была подпись: «Печатать дозволяется. Цензоръ Обертъ».

Когда мать моя бывала занята по хозяйству, въ дѣлѣ ученія ее замѣняла тетка Ольга, ея сестра, молодая дѣвушка, сама только кое-какъ научившаяся читать и писать и начавшая это ученіе 16-ти лѣтъ, когда была выкуплена изъ крѣпостной зависимости и привезена изъ деревни. Училась она тоже у моей матери.

Должно быть, я учился хорошо, потому что картонный театръ у меня къ Рождеству явился. Помню, что я ужасно обрадовался, когда, выйдя изъ воротъ вмѣстѣ съ матерью на прогулку, могъ прочесть висѣвшую на углу Колокольной улицы вывѣску «Трактиръ купца Ротина». Очень радовало меня и то, что я при знакомствѣ съ цифрами могъ уже играть въ лото, когда старшіе члены семьи садились за него.

На слѣдующій годъ осенью я былъ отданъ для продолженія ученія въ начальное училище, находившееся на той же улицѣ, гдѣ мы жили. Его содержала жена инженернаго офицера Бѣляева и вмѣстѣ съ мужемъ своимъ обучала дѣтей всѣмъ предметамъ, не исключая Закона Божія и танцевъ. Законоучителя священника или дьякона мы не видѣли. Учащихся было немного—человѣкъ 15.

Были мальчики и дѣвочки. Партъ не было. Сидѣли за столами съ откидными полами на подставленныхъ ножкахъ. Помню, что полы эти иногда, если дѣти распалются и отодвинуть ножку, падали, съ нихъ все летѣло, и полъ заливался чернилами. Насъ наказывали: ставили въ уголъ, иногда на колѣни. Былъ и дурачкій колпакъ съ ослиными ушами, какъ наказаніе, сдѣланный самимъ Бѣляевымъ. Дѣвочки и мальчики были подѣлены по разнымъ комнатамъ, и мы, мальчики, учились въ комнатѣ, гдѣ за ситцевой занавѣской стояли двѣ кровати и спали двѣ старухи, тетки Бѣляевой. Бѣляевы были очень бѣдны, дѣтей не имѣли, но были обременены престарѣлыми родственниками. Кромѣ двухъ старухъ, на ихъ попеченіи былъ еще сумасшедшій братъ Бѣляевой, бывшій офицеръ. Онъ иногда прибѣгалъ въ классы въ халатѣ съ раскрашеннымъ клюквой и жженой пробкой лицомъ и декламировалъ монологи изъ трагедій, но Бѣляевы тотчасъ же его выгоняли. Помѣшанъ онъ былъ на театрѣ. Одна изъ тетокъ Бѣляевой, вѣчно вязавшая чулокъ, изображала иногда у насъ въ училищѣ въ отсутствіе учительницы Бѣляевой нѣчто въ родѣ классной дамы и рассказывала намъ, что она когда-то имѣла тысячу душъ крестьянъ и ѣздила на четверкѣ въ каретѣ, но мужъ ея проигралъ все въ карты. Прислугой у Бѣляевыхъ была ихъ крѣпостная дѣвушка — высокая, рябая, съ попорченнымъ оспой глазомъ. Она ходила всегда босая, въ затрапезномъ платьѣ и часто жаловалась намъ, что она живетъ впроголодь, и выпрашивала у насъ себѣ на булку. Бѣляевъ и его жена были буквально красавцы, молодые, свѣжіе, онъ брюнетъ, она блондинка. За ученье они брали по 3 рубля въ мѣсяць и совсѣмъ не дѣлали лѣтнихъ каникулъ, дабы не лишиться въ лѣтніе мѣсяцы платы за ученіе. Бѣляевъ отлично рисовалъ и былъ превосходнымъ каллиграфомъ. Къ поздравленьямъ, которыя заставляли насъ, учениковъ, писать и подавать родителямъ къ Пасхѣ и Рождеству, онъ дѣлалъ сверху замысловатыя виньетки перомъ. За это и мы отблагодаряли его. Было принято приходиться поздравлять ихъ съ праздниками и приносить сладкіе кондитерскіе пироги. Такіе же пироги подносили имъ и въ дни ихъ именинъ. Меня и сестру мою Бѣляевы учили французскому и нѣмецкому языкамъ, но были въ училищѣ ученики и ученицы, которые отъ обученія иностраннымъ языкамъ отказывались. Составъ учащихся былъ самый разнообразный. Были дѣти купцовъ, ремесленниковъ, духовенства и была даже дочь полицейскаго хожалаго. Судьба такъ устроила, что у Бѣляевыхъ учился и сынъ того купца Ротина, чью вывѣску надъ трактиромъ я прочелъ, впервые научившись читать. Этотъ сынъ трактирщика Ротина сдѣлался моимъ школьнымъ пріятелемъ. Онъ умеръ недавно.

Вторымъ школьнымъ пріятелемъ былъ Сапа — сынъ мелкаго кухмистра, проживавшаго въ одномъ съ нами домѣ и отпуслав-

шаго съ своей кухни кушанье, а иногда устраивавшаго свадебные столы и похоронные поминки. Саша былъ юркій и способный мальчикъ. По праздникамъ у насъ въ приходской церкви онъ подпѣвалъ дьячкамъ на клиросѣ, помогаль церковнымъ сторожамъ растапливать въ ризницѣ печку для кадила, убираль по ихъ указанію и тушилъ огарки изъ подсвѣчниковъ, а иногда выносилъ и свѣчу въ подсвѣчникъ передъ Евангеліемъ. Все это мнѣ очень нравилось, и я стремился подражать ему. Такъ какъ въ церковь меня водили каждый праздникъ ко всенощной и къ обѣднѣ, то познакомиться черезъ Сашу мнѣ было очень нетрудно и со сторожами и дьячками, и я также сталъ подпѣвать на клиросѣ и собирать огарки. Пѣвчихъ тогда при нашей церкви не было, и пѣла «сборная братія», какъ тогда называли. Козлилъ теноромъ купецъ-яичникъ, былъ басъ — приказчикъ мужа моей тетки, пѣли братья-фруктовщики Н., мой двоюродный братъ Саша Крупенкинъ, мальчикъ моихъ лѣтъ, пѣлъ посудникъ Щ. и какой-то безбородый, испитой скопецъ въ длиннополой сибиркѣ съ жирно смазанными волосами на головѣ. Помню, что Щ. хорошо читаль часы и Апостола, куда лучше дьячковъ. Усердствующіе прихожане изъ купцовъ ходили и за сборомъ съ кружками по церкви во время богослуженій, а кружекъ, блюдевъ и кошельковъ носили тогда куда больше десятка. Впереди всѣхъ шелъ съ блюдомъ приказчикъ старосты, звонилъ въ колокольчикъ и расталкивалъ народъ, за нимъ двигалась вся вереница. На кошелькахъ также были колокольчики. И вотъ въ этой процессіи участвовалъ иногда и я съ кошелькомъ или блюдомъ, и это мнѣ очень нравилось.

Такъ же во время крестныхъ ходовъ въ Пасхальную недѣлю вокругъ церкви я, Саша-кухмистеръ, какъ мы его звали, и Саша Крупенкинъ каждый день носили зажженные свѣчи передъ образами, а иногда и самые образа, если не было на это желающихъ изъ взрослыхъ. Держать блюдо съ кусочками антидора или святой водой, когда священникъ кропилъ богомольцевъ, подходившихъ ко кресту, считалось для меня также высшимъ удовольствіемъ, а когда меня кто-то изъ нашихъ родственниковъ сводилъ на колокольню, и я увидалъ, какъ тамъ тревоняетъ, я былъ на верху блаженства. Подтягиваніе на клиросѣ заставляло меня учить кондаки, тропари и ирмосы, что я и дѣлалъ по молитвеннику. Два Саши и я, сходясь вмѣстѣ, даже репетировали передъ службами, дѣлая спѣвку.

Вскорѣ я такъ сжился съ церковью, что зналъ всѣхъ нищихъ на паперти, а нищихъ тогда было такое множество, что они покрывали всю паперть. Были хромые и безрукіе отставные солдаты, бабы съ ребятами за пазухами, слѣпые, расгвѣвающіе Лазаря, расслабленные, привозимые въ колясочкахъ, ныли ребяташки въ отрпьяхъ, протягивая руки и причитая, стонало множество

старухъ въ капорахъ и съ лукошечками для сбора, монахини и сборщики на церковь съ книгами, странники, подвизанныя лица въ замасленныхъ фуражкахъ съ кокардами, которыхъ всѣ звали «чиновниками». Помню, что про одного нищаго въ синихъ круглыхъ очкахъ всѣ говорили, что у него есть «капиталь», но ему все-таки подавали; про другую старуху нищую рассказывали, что она выдала дочку замужъ за иконописца и дала за ней хорошее приданое. Такое скопище теперь можно видѣть развѣ въ провинціальныхъ монастыряхъ. Полиція нищихъ тогда не разгоняла. Это былъ ея доходъ. Подавали милостыню почти всѣ, такъ какъ благотворительныхъ обществъ почти не было. Милостыня была непременно принадлежностью посѣщенія церкви. Купцы и купчихи являлись въ церковь съ кожаными кисами, наполненными мѣдными деньгами, и раздавали то за упокой, то за здравіе, произнося при каждой подачкѣ по пяти, по шести именъ. Многіе нищіе грубили прихожанамъ, говорили дерзости, плевались, грозили за малую подачку, но ихъ считали юродивыми, и успѣхъ ихъ былъ еще большій въ дѣлѣ сбора милостыни.

Кромѣ нищихъ, около паперти стояли торговцы-разносчики, продававшіе дешевыя иконы, крестики, ладанки, книжки житій святыхъ, освященныя стружки, камешки, деревянное масло въ пузырькахъ. Были и разносчики съ квасомъ, сбитнемъ, пряниками. И все это раскупалось охотно. У насъ говорили, что весь нищій, а также и торговый людъ, стоявшій у церкви, дѣлился тогда съ церковными сторожами, и отецъ мой и дяди въ шутку называли сторожей откупщиками.

Занесу первое мое говѣнье. Къ причастію мнѣ сдѣлали новую синюю курточку съ бронзовыми пуговицами и сизосѣрыя брюки. Дѣлалъ дѣтскій портной Альвангъ, и наши домашніе долго потомъ вздыхали, сколько онъ съ нихъ содралъ; это было, впрочемъ, только одинъ разъ. Въ домѣ у насъ привыкли къ экономіи, костюмы для дѣтей шили дома сами, суконныя вещи всегда непременно изъ стараго, изъ отцовскаго, изъ спорковъ съ шубъ. Для суконныхъ вещей призывался портной Николай Алексѣичъ (фамиліи мы его не знали)—старикъ въ длинномъ сертукѣ, сѣдой, съ клинистой бородкой и въ круглыхъ оловянныхъ очкахъ. Бралъ онъ очень дешево и считался очень выгоднымъ портнымъ. Про него говорили, что онъ былъ такой искусникъ, что и изъ старой шапки ухитрялся сдѣлать жилетку. Снималъ онъ мѣрку бумажной мѣркой, которую дѣлалъ тутъ же, прося бумажки, и отмѣчалъ на ней нарѣзками. Его всегда просили, чтобы онъ шилъ дѣтямъ платье «на ростъ», то-есть рукава и полы длиннѣе, чѣмъ нужно. Рукава иногда засучали. Дѣлали складки и на штанишкахъ. Фантастическихъ костюмовъ у насъ не было никакихъ. Экономія въ домѣ была во всемъ. Даже и передѣланное изъ спорковъ платье но-

силъ я одинъ, какъ старшій, а братьямъ моимъ почти всегда платье переходило отъ меня, когда я выросалъ изъ него.

Говѣли мы всегда всѣмъ домоу сразу, и для говѣнья всегда намѣнивалось новое мелкое серебро, преимущественно пяточки и гривенники, чтобы расходовать въ церкви. Исповѣдывались всѣ у отца настоятеля Владимирской церкви, протоіерея Михаила Маленина, дряхлаго старика, совершенно глухого, но все-таки вѣдившаго въ Рождество и Пасху славить и взбравшагося къ намъ въ четвертый этажъ. Онъ вѣнчалъ отца и мать, крестилъ меня и другихъ дѣтей. Помню, что первая моя исповѣдь заключалась въ разспросахъ со стороны священника: чей ты такой, не обманываешь ли родителей, не таскаешь ли украдкой сахаръ изъ сахарницы, не оскоромился ли, не грубишь ли родителямъ? Отвѣтовъ моихъ онъ не слыхалъ, да и не интересовался ими. Помню, что, когда я послѣ исповѣди положилъ ему на блюдо блестящій пяточокъ, онъ досталъ его съ блюда и, передавая его мнѣ обратно, сказалъ: «возьми себѣ на пряники». А про него говорили, что онъ былъ очень скупъ, и я помню, что онъ ходилъ всегда въ потертой, выцѣтшей лиловой рясѣ, совсѣмъ отрепанной, тогда какъ другіе священники нашего прихода одѣвались франтовато и во всю душились розовымъ масломъ.

Прибавлю, что протоіерею Михаилу Маленину въ день его ангела всегда посылали отъ насъ сладкій кондитерскій пирогъ. Это было принято у прихожанъ.

Мать наша была богомольна, молилась дома утромъ и вечеромъ по молитвеннику, равно, какъ и тетка ея, моя мать крестная, которую, когда мнѣ минуло лѣтъ десять, пришлось за старостью лѣтъ взять въ домъ, и у насъ уже стали жить двѣ старухи — мачеха отца и тетка матери. Живя въ одной комнатѣ, эти старухи всегда ссорились. Мачеха отца была не совсѣмъ въ здоровомъ умѣ и дѣлала много чудачествъ. У нея были деньги, до 10.000 рублей, полученныя ею по наслѣдству отъ какого-то родственника, были и брильянтовыя вещи, какъ ея приданое, но она денегъ не тратила, вещей никому не давала и держала ихъ въ комодѣ, а ключъ отъ комода на крестѣ. Впослѣдствіи эти деньги у нея выманила обманомъ ея сестра, привела ее чуть не къ окончательному умопомѣшательству, и она впала въ дѣтство. Мачеха отца почти никогда не выходила изъ дома, и ее чуть не силой водили въ церковь говѣть и раза три въ годъ возили въ баню. Теткѣ матери она очень часто дѣлала самыя дѣтскія оворничества: то и дѣло гасила «неугасимую» лампаду передъ ея образомъ, умышленно плевала на полъ передъ тѣмъ, какъ той надо молиться и дѣлать земные поклоны, сажала ей въ коробку съ зубнымъ порошкомъ таракановъ и мухъ, а также и въ молитвенникъ ея. Съ этого и начиналась перепалка.

Отецъ и дядя не были богомольны, но соблюдали всѣ церковныя обряды и наканунѣ праздникоу и въ праздники посѣщали церковь. Ходить наканунѣ воскресенья и праздникоу въ гости и принимать у себя гостей считалось у насъ грѣхомъ. Впослѣдствіи это стало измѣняться, но, когда мы были дѣтьми, было такъ. Насъ, дѣтей, мать заставляла утромъ, когда мы вставали отъ сна, и вечеромъ, ложась спать, читать передъ образомъ «Отче Нашъ», «Богородицу», «Вѣрую», поминать на молитвѣ всѣхъ членовъ семьи, и при этомъ мы дѣлали земные поклоны. Пока мы не знали молитвъ, мы повторяли ихъ за матерью. Будучи уже мальчикомъ лѣтъ 12—13, я безъ угрызенья совѣсти не могъ лечь спать, не прочитавъ всѣхъ этихъ молитвъ, хотя бы наскоро, бормоткомъ; кромѣ того, я молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ знать завтра уроки и получить хорошую отмѣтку, при чемъ крестилъ книгу и клалъ ее подъ подушку. Помню, что даже молился, чтобы нашлись потерянные вещи, въ родѣ перочиннаго ножика, чтобы нашлся нашъ большой сѣрый котъ, котораго мы, дѣти, такъ любили, и который часто пропадалъ на два-три дня.

Кстати о котѣ. Съ самаго ранняго дѣтства мы жили среди животныхъ. У насъ всегда были два-три кота, двѣ-три собаки, и я очень любилъ ихъ и мальчикомъ бралъ кота спать въ постель. Кромѣ того, у насъ всегда бывали морскія свинки или кролики. Кошекъ и собакъ мы всѣ очень любили и даже кормили пришедшихъ бродячихъ кошекъ, которыя всегда во множествѣ сидѣли у насъ на черной лѣстницѣ, около нашихъ дверей. Ихъ мы называли «нищими» и выносили имъ подаваніе.

Въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности я всегда имѣлъ при себѣ собаку или кошку, спалъ съ ними, и любовь къ этимъ животнымъ у меня сохранилась и понынѣ. Будучи ребенкомъ и отправляясь съ нянькой гулять въ церковную ограду, я всегда захватывалъ съ собой хлѣба, чтобы кормить бѣдныхъ бродячихъ собакъ, которыя ютились тамъ, получая отъ рѣзвящихся дѣтей кусочки пряниковъ, покупаемыхъ у разносчиковъ, расположившихся въ оградѣ.

Въ Благовѣщенье на этой оградѣ появлялись продавцы птицъ съ садками, и богомольцы усердно раскупали этихъ птицъ на выпускъ. Выпускалъ и я на волю такихъ птичекъ, выпросивъ у матери нѣсколько копеекъ. Помню, когда былъ ребенкомъ, жила у меня галка, выпавшая изъ гнѣзда и привезенная съ кладбища, которую я воспитывалъ, кормя говядиной. Галка эта сдѣлалась ручной, но, вполнѣ окрѣвши, улетѣла и не возвратилась, что меня очень огорчило; я долго плакалъ и на молитвѣ дѣлалъ земные поклоны, чтобы галка вернулась.

Съ особеннымъ удовольствіемъ кормилъ я голубей и воробьевъ, которые прилетали ко мнѣ на подокозникъ. Мы, дѣти, отмѣчали

болѣ смѣлыхъ воробьевъ; они носили у насъ названіе знакомыхъ и назывались Кузьма, Матрена и т. п.

Кстати сказать, кормленіе птицъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, было связано съ благочестіемъ. Почти каждый лавочникъ занимался этимъ, вынося поутру изъ лавки зерна или хлѣбъ для голубей и воробьевъ, высыпая кормъ и при этомъ крестился. Часто можно было видѣть лавочниковъ, къ которымъ голуби садились на голову, на плечи. Гнѣздо птицы, свитое въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно даже мѣшало, никогда не разорялось взрослыми и считалось благословеніемъ Божиимъ. Въ радоницу, при поминовеніи усопшихъ, кормили птицъ на кладбищахъ. Члены нашей семьи возили на кладбище грачамъ, галкамъ и воронамъ даже говядину. Гостиный дворъ былъ переполненъ голубями. На углахъ Гостиного двора стояли ряды саечниковъ и калачниковъ, выкрикивая «сайки горячи» и прямо всовывая ихъ въ руки прохожихъ. Отъ зазыванія покупателей выкрики висѣли въ воздухѣ, и, невзирая на это, голуби летали надъ головами саечниковъ, садились къ нимъ на плечи, на лотки съ товаромъ. Голубь считался птицей священной. Отецъ мой рассказывалъ, что какой-то англичанинъ, торговавшій внутри Гостиного двора въ кладовой, вѣдумалъ стрѣлять тамъ изъ духового ружья голубей на жаркое, такъ домовые извозчики, всегда стоявшіе внутри Гостиного двора, до того этимъ возмущались, что чуть не убили англичанина, нанеся ему жестокіе побои.

Н. А. Лейкинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

И. С. ТУРГЕНЕВЪ И ЭМИГРАНТЫ.

РИ ПОЛНОМЪ собраніи сочиненій И. С. Тургенева, изданномъ А. Ф. Марксомъ, какъ приложение къ журналу «Нива» за 1898 г., помѣщенъ біографическій очеркъ нашего знаменитаго романиста. Въ этомъ очеркѣ вскользь говорится о разрывѣ дружескихъ отношеній Ивана Сергѣевича съ Герценомъ, и что вслѣдствіе какого-то недоумѣнія чуть не было возбуждено въ сенатѣ дѣло «о преступныхъ сношеніяхъ Тургенева съ Герценомъ».

Для болѣе полнаго выясненія этого обстоятельства и освѣщенія, между прочимъ, самой личности великаго писателя и его взглядовъ на то броженіе, которое въ 1860-хъ г.г. существовало въ русскомъ обществѣ, поддерживалось «Колоколомъ» и послужило даже Тургеневу поводомъ къ написанію романа «Дымъ», мы приводимъ слѣдующее извлеченіе изъ производившагося по высочайшему повелѣнію въ правительствующемъ сенатѣ дѣла по обвиненію разныхъ лицъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ, Бакунинымъ, Кельсиевымъ и Огаревымъ.

Въ январѣ 1863 г. Тургеневу, проживавшему въ то время въ Парижѣ, въ виду поданной имъ просьбы и болѣзненнаго состоянія, были посланы сенатомъ чрезъ русское посольство въ Парижѣ вопросные пункты, на которые онъ чрезъ то же посольство 27 февраля 1863 г. далъ нижеслѣдующіе собственноручные письменные отвѣты:

«Я, дворянинъ Тульской губерніи, отставной коллежскій секретарь, называюсь Иванъ Сергѣевъ Тургеневъ, имѣю отъ роду

44 года, живу теперь въ Парижѣ, rue de Rivoli, 210, исповѣдую православную вѣру, былъ у исповѣди и причастія въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ деревнѣ, находился около двухъ лѣтъ на службѣ въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, при графѣ Перовскомъ, не получилъ на службѣ ни знаковъ отличія, ни выговоровъ, за мною недвижимое имѣніе, населенное 1900-и крестьянами. Я женатъ не былъ, но имѣю дочь, которой теперь 21-й годъ.

«Перечислить всѣхъ моихъ знакомыхъ, вспомнить время и образъ нашего сближенія, опредѣлить мои сношенія съ ними — рѣшительно превосходить силы моей памяти, а потому полагаю, что рѣчь идетъ преимущественно о поименованныхъ ниже лондонскихъ изгнанникахъ. Я знакомъ съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ; г. Кельсіева я вовсе не знаю и никогда не видалъ. Съ Герценомъ и Огаревымъ я познакомился въ Москвѣ около 1842 г.; съ Бакунинымъ я познакомился еще ранѣе, а именно въ 1840 г., въ Берлинѣ. Въ то время мы оба занимались изученіемъ философіи и, проживъ въ одномъ домѣ, почти въ одной комнатѣ, около года, не разсуждали о политическихъ вопросахъ, считая ихъ дѣломъ постороннимъ и второстепеннымъ. Послѣ этого я потерялъ его изъ виду, встрѣчался съ нимъ изрѣдка за границей, а въ 1848 г. въ Парижѣ, во время февральской революціи, въ которой онъ игралъ нѣкоторую роль, — не былъ у него ни разу и видѣлъ его только однажды на улицѣ. Дальнѣйшая участь его извѣстна; увидѣлся я съ нимъ снова въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Лондонѣ, куда ѣздилъ на три дня. Я никогда не раздѣлялъ его образа мыслей и не участвовалъ ни прямо, ни косвенно ни въ одномъ изъ его предпріятій.

«Съ Огаревымъ никогда не былъ близокъ и мало говорилъ съ нимъ; Герцена я зналъ хорошо и находился съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Я долгое время не прерывалъ съ нимъ связи, хотя зналъ, что онъ дѣйствуетъ противъ правительства; нечего прибавлять, что я не принималъ никакого участія въ этихъ дѣйствіяхъ, будучи, по самому существу своему, врагомъ всего, что походить на заговоръ, и т. п. Но я сознаю необходимость объяснить мои сношенія съ нимъ,—начну съ начала.

«Я познакомился съ Герценомъ, какъ уже сказано, въ сороковыхъ годахъ. Разсказать подробно исторію послѣднихъ двадцати лѣтъ было бы неумѣстно и затруднительно; но всякому русскому извѣстно, какой громаднй внутренней переворотъ совершился у насъ въ теченіе этого времени. Тогдашнее молодое поколѣніе, къ которому принадлежали Герценъ и я, и многіе другіе—живые и мертвые—имѣло общіе интересы, стремилось къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, на примѣръ, освобожденіе крестьянъ, уже достигнуты и, спѣшу прибавить, достигнуты подъ руководствомъ и по указаніямъ самого правитель-

ства; но, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ совершавшихся событій, переменъ царствованія, большей зрѣлости общественнаго мнѣнія и гражданскихъ убѣжденій та сплошная масса молодого поколѣнія, о которомъ я говорилъ, стала понемногу разбиваться, раздѣляться на группы; одни, усталые, остались назади,—другіе, нетерпѣливые, ушли впередъ, и такъ далеко впередъ, что потеряли изъ виду самую Россію; иные, наконецъ, сдѣлались добровольными изгнанниками. Въ числѣ ихъ, какъ извѣстно, находится Герценъ. Оставляя родину въ концѣ 1846 г., онъ уже находился въ разладѣ со всей умѣренной, династически-либеральной партіей, изъ которой я, на примѣръ, могу назвать покойнаго Грановскаго. Въ Россіи до 1846 г. я видѣлся съ Герценомъ весьма рѣдко: я только что начиналъ свое литературное поприще, и вопросы чисто политическіе занимали меня мало. Я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ 1848 г. Зрѣлище, представляемое тогда Европой, сильно потрясло меня, но и тутъ я оставался только зрителемъ поднявшейся бури, да и самъ Герценъ находился тогда, какъ бы въ бездѣйствіи: о пропагандѣ, о вліяніи на русскую публику не было и рѣчи; нужно было сперва понять, куда шла, чего хотѣла исторія. Насколько ему удалось, или, говоря правильнѣе, какъ мало это ему удалось, можно видѣть въ его сочиненіяхъ; но, возвращаясь въ Россію весной 1850 г., я оставлялъ его политическимъ писателемъ, чѣмъ-то среднимъ между теоретикомъ и скептикомъ, но уже никакъ не пропагандистомъ, не проповѣдникомъ социализма и возстанія у насъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ мною въ Россіи, окончательно рѣшили мою судьбу: я сдѣлался писателемъ, и больше ничѣмъ. Я понялъ, что я призванъ, по мѣрѣ силъ своихъ, дѣйствовать гласно, дѣйствовать словомъ и образами, и я постоянно трудился на этомъ поприщѣ, быть можетъ, не безъ пользы. Когда, въ 1856 г., я снова пріѣхалъ за границу,—въ Лондонѣ уже второй годъ издавался «Колоколь»; но Герценъ все еще не вступалъ безвозвратно на дорогу, которая окончательно привела его къ одиночеству, въ которомъ онъ теперь находится, къ полному разединенію со всѣми его бывшими друзьями. Онъ тогда еще только отрицалъ и обличалъ: отрицаніе его было рѣзкое, часто необдуманное, обличеніе часто несправедливое; но онъ въ душѣ своей еще вѣрилъ въ возможность правильной и спокойной будущности для Россіи, скорбѣлъ о томъ, что онъ считалъ ошибками правительства, радовался его успѣхамъ. Я увидѣлъ его въ Лондонѣ, и хотя я уже тогда чувствовалъ, какая глубокая черта меня отъ него отдѣляла, однако я не признавалъ ни необходимымъ, ни даже полезнымъ прекратить съ нимъ сношенія, несмотря на то, что эти сношенія часто выражались въ однихъ спорахъ. Герценъ все-таки былъ представителемъ извѣстныхъ силъ и направлений рус-

ской жизни, русскаго ума. Но время шло, и все стало измѣняться. Теряя болѣе и болѣе пониманіе дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей Россіи, которой онъ, впрочемъ, никогда хорошо не зналъ, увлекаясь болѣе и болѣе старыми предубѣжденіями и новыми страстями, враждуя съ правительствомъ даже въ такомъ святомъ дѣлѣ, каково было освобожденіе крестьянъ, подчинившись, наконецъ, тѣмъ самымъ ученіямъ, отъ которыхъ здравый смыслъ отводилъ его нѣкогда, — Герценъ пересталъ отрицать и началъ проповѣдывать преувеличенно, шумно, какъ обыкновенно проповѣдуютъ скептики, рѣшившіе сдѣлаться фанатиками. Рѣже и рѣже выдаясь съ нимъ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ (съ осени 1860 г. до нынѣшняго времени я провелъ съ нимъ всего три дня, въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года), я съ каждой встрѣчей становился ему болѣе чуждымъ. И не я одинъ, всѣ прежніе его товарищи одинъ за однимъ отъ него отвернулись. Они не измѣняли своимъ стариннымъ, задушевымъ убѣжденіямъ, но Герценъ, сдѣлавшійся республиканцемъ и социалистомъ, Герценъ, подпавшій подъ вліяніе Огарева, не имѣлъ уже рѣшительно ничего общаго ни съ однимъ здравомыслящимъ русскимъ, не раздѣляющимъ народа отъ царя, честной любви къ разумной свободѣ отъ убѣжденія въ необходимости монархическаго начала. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года я видѣлъ Герцена въ послѣдній разъ (онъ тогда уже прочелъ «Отцы и дѣти»), и наши личныя сношенія прекратились. Глубоко раздражаемый чувствомъ своего одиночества, ослабленіемъ своего значенія, всеобщимъ осужденіемъ бывшихъ друзей, которое онъ называлъ измѣной, Герценъ утратилъ почти всю свою силу, самый блескъ своего безспорно-замѣчательнаго таланта. Мнѣніе его обо мнѣ, какъ объ охладѣвшемъ эпикурейцѣ и чело-вѣкѣ отсталомъ и отжившемъ, выразилось въ письмахъ, озаглавленныхъ: «Концы и начала». Я ему отвѣчалъ съ безпощадною искренностью... Теперь все это стало для меня невозвратнымъ прошедшимъ.

«Я объяснился съ полной откровенностью, — что же мнѣ еще остается отвѣтить? Если одни сношенія, какого бы рода они ни были, съ политическимъ преступникомъ, съ изгнанникомъ считаются преступленіемъ въ глазахъ правительства, то я виноватъ, и меня слѣдуетъ наказывать. Но я надѣюсь, что судьи мои до произнесенія приговора примутъ въ соображеніе то обстоятельство, что я былъ представителемъ событія, совершившагося надъ цѣлымъ поколѣніемъ, — событія, которому само правительство не можетъ не сочувствовать, а именно: отрезвленія и успокоенія умовъ, происходящаго отъ удовлетворенія законныхъ требованій; я надѣюсь, что мои судьи вспомнятъ, что сношенія, въ которыхъ меня обвиняютъ, носили въ послѣдніе годы характеръ полемики, борьбы, и что заслуга борьбы съ направлениемъ, вреднымъ для государ-

ства, не уменьшается отъ того, что эта борьба и независима и безкорыстна».

Въ виду показанія одного изъ подсудимыхъ, кандидата университета Налбандова, что Бакунинъ, проживавшій въ Лондонѣ, просилъ его сообщить Тургеневу въ Парижѣ и брату своему въ Петербургѣ, чтобы они хлопотали о выпискѣ его, Бакунина, жены изъ Сибири въ Тверскую губернію, что имъ, Налбандовымъ, и было исполнено; что, по приѣздѣ въ С.-Петербургъ, Тургеневъ приглашалъ его къ себѣ и говорилъ, что видѣлся уже съ женою брата Бакунина, и семейство его согласно выписать къ себѣ въ имѣніе жену изгнанника Бакунина, и что Тургеневъ при этомъ просилъ его, Налбандова, дать за его счетъ женѣ брата Бакунина 300 рублей сер., въ чемъ и далъ ему расписку,—Тургеневъ представилъ слѣдующее объясненіе:

«Всѣ показанія г. Налбандова совершенно справедливы, и я могу прибавить къ нимъ нѣкоторыя подробности и объясненія. Бакунинъ во время своей бытности въ Сибири женился на дочери чиновника въ Иркутскѣ, польской уроженкѣ. При своемъ бѣгствѣ изъ Сибири, лѣтомъ 1861 г., онъ принужденъ былъ оставить еѣ въ Иркутскѣ, и, прибывши въ Лондонъ, началъ хлопотать о томъ, какъ бы ее выписать, если не за границу, то, по крайней мѣрѣ, въ Тверскую губернію, въ деревню Ирлмухино Торжковскаго уѣзда, гдѣ живетъ его семейство, состоящее изъ вѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Но къ исполненію этого намѣренія представлялись важныя затрудненія. Не говоря уже объ отдаленіи Лондона отъ Иркутска и невозможности прямыхъ сообщеній, жена Бакунина не имѣла денегъ для совершенія столь продолжительнаго путешествія и имѣла долги; при томъ же самъ Бакунинъ не былъ увѣренъ въ томъ, захотятъ ли его братья и сестры принять ее къ себѣ въ домъ, такъ какъ свадьба его была имъ, какъ онъ полагалъ, неприятна. Къ довершенію всего, двое изъ братьевъ Бакунина—Николай и Алексѣй, содержались въ Петропавловской крѣпости по дѣлу адреса тверскихъ дворянъ. Увидавшись со мною въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Лондонѣ, Бакунинъ обратился ко мнѣ съ самой настоятельной просьбой помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и я не отказалъ ему. Я не отказалъ ему, между прочимъ, и потому, что окончательно разошелся съ нимъ во всѣхъ моихъ убѣжденіяхъ. Я видѣлъ предъ собою не политическаго изгнанника, съ которымъ уже давно не имѣлъ ничего общаго, а чело-вѣка въ горѣ, стараго товарища молодости, помочь которому предписывало состраданіе и не запрещала совѣсть. Въ томъ же самомъ маѣ мѣсяцѣ и по тому же поводу я познакомился въ Парижѣ съ г. Налбандовымъ, видѣлся съ нимъ раза три или четыре, а разговаривалъ съ нимъ исключительно о средствахъ переселенія жены Бакунина изъ Сибири въ Тверскую губернію. По при-

ѣздѣ въ Петербургъ, я прежде всего желалъ удостовѣриться, точно ли семейство Бакунина не хочетъ принять его жены къ себѣ въ домъ. Для этого мнѣ нужно было видѣться съ братьями Бакунина, заключенными въ крѣпости. Безъ разрѣшенія с.-петербургскаго генераль-губернатора, князя Суворова, это было невозможно. Я прямо обратился къ князю, откровенно объяснился съ нимъ, и князь, взявши съ меня слово, что разговоръ мой съ братьями Бакунина будетъ касаться однихъ частныхъ дѣлъ, далъ мнѣ возможность видѣться съ ними въ крѣпости. Они немедленно объявили мнѣ свою готовность принять къ себѣ жену брата; оставалось доставить ей денежные средства перебраться изъ Иркутска въ Тверскую губернію. Средствъ этихъ въ то время у Бакунина не оказалось, я предложилъ свои, и вмѣстѣ съ полученными отъ г. Налбандова 300 рублей сер. доставилъ своихъ 200 рублей женѣ третьяго брата Бакунина, Павла, находившейся тогда въ С.-Петербургѣ. Деньги эти, сколько мнѣ извѣстно, были доставлены женѣ Бакунина въ Иркутскъ, и сама она, кажется, недавно перѣехала въ Тверскую губернію. Я тогда же отправилъ Бакунину письмо, въ которомъ увѣдомилъ его обо всемъ, что было сдѣлано для его жены. На этомъ дѣло для меня остановилось. Самой жены Бакунина я никогда не видалъ и не имѣлъ съ нею никакихъ сношеній. Впрочемъ, приложенное мною письмо Бакунина ко мнѣ подтверждаетъ все вышесказанное».

Такъ какъ у Налбандова при обыскѣ найдена визитная карточка Бакунина съ надписью: «Другу Налбандову отъ Герцена, Огарева и меня общій и сердечный поклонъ», и съ припиской на ней, что Бакунинъ рекомендуетъ Налбандову Ничипоренка, и такъ какъ Налбандовъ по поводу этой карточки сначала объяснялъ, что получилъ ее въ Парижѣ, у Тургенева, отъ неизвѣстнаго ему господина, а потомъ, что ему передалъ ее Ничипоренко въ квартирѣ самого Тургенева, то Тургеневъ относительно этихъ обстоятельствъ объяснилъ:

«Г. Ничипоренко былъ у меня въ Парижѣ прошлой весной разъ или два, никакъ не болѣе, и могъ встрѣтиться у меня съ г. Налбандовымъ, который около того времени заходилъ ко мнѣ. О передачѣ карточки я ничего не зналъ, но невѣроятности въ этомъ нѣтъ. Г. Налбандовъ былъ мнѣ извѣстенъ, какъ знакомый Бакунина, взявшій къ сердцу дѣло его жены. Могу увѣрить (и г. Налбандовъ подтвердитъ мои слова), что въ наши весьма немногочисленные свиданія рѣчь исключительно шла о семейныхъ дѣлахъ Бакунина и не касалась политики. Г. Ничипоренка я знаю еще менѣе. Я его встрѣтилъ мелькомъ въ Россіи года три тому назадъ. Прошлой осенью я, къ удивленію своему, прочелъ въ какомъ-то нѣмецкомъ журналѣ, что г. Ничипоренко былъ арестованъ въ Италіи, какъ агентъ Бакунина. Не могу судить, насколько

это справедливо, но могу утвердительно сказать, что я только тогда узналъ, что г. Ничипоренко занимается пропагандой. Вообще же я долженъ замѣтить, что лондонскимъ изгнанникамъ, не прекратившимъ со мною частныхъ связей, мой образъ мыслей былъ хорошо извѣстенъ; а потому, когда имъ случалось адресовать соотечественниковъ ко мнѣ, преимущественно какъ къ литератору, они оставляли въ сторонѣ политическіе вопросы».

Кромѣ карточки, въ бумагахъ Налбандова найдено было письмо къ нему Бакунина отъ 24 апрѣля 1862 г., въ коемъ онъ благодарилъ его за исполненіе порученія относительно устройства переѣзда жены его изъ Иркутска въ Лондонъ и, говоря о перепискѣ, присовокуплялъ: «И лексиконъ у насъ также есть». Налбандовъ въ объясненіе этого письма подтвердилъ то же, что и прежде, то-есть, что онъ принималъ участіе въ переѣздѣ жены Бакунина изъ Иркутска въ Лондонъ или Тверскую губернію, показалъ, что Бакунинъ еще въ Лондонѣ говорилъ ему, что Тургеневъ обѣщаль дать 2.000 рублей сер.

По поводу этого обстоятельства Тургеневъ показалъ:

«Я дѣйствительно обѣщаль Бакунину сумму денегъ, частью на переѣздъ его жены изъ Сибири въ Тверскую губернію, частью на собственные его расходы. Впрочемъ эта сумма не такъ значительна, какъ онъ ее показывалъ. Я ему обѣщаль 3.500 франковъ, а выдалъ въ дѣйствительности около 1.000 франковъ, да 500 рублей сер., то-есть около 1.800 франковъ, послалъ изъ деревни женѣ Павла Бакунина. Не могу не прибавить, что, по-моему, большая или меньшая значительность суммы въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакой важности, такъ какъ вся эта сумма назначалась для цѣли домашней, частной, и выдавалась единственно изъ чувства состраданія, воспоминаній молодости и т. п. Я уже объяснилъ выше, что и 500 рублей, пересланныхъ мною Натальѣ Семеновнѣ Бакуниной, назначались на тотъ же предметъ».

Изъ другого письма Бакунина къ Налбандову, отъ 6 іюня 1862 г., между прочимъ, выяснилось, что онъ писалъ письма по словарю, данному ему Бакунинымъ, и Налбандовъ объяснилъ, что по смыслу самого письма Бакунина видно, что словарь этотъ былъ данъ и Тургеневу.

На это Тургеневъ возразилъ:

«Изъ предыдущихъ моихъ отвѣтовъ и изъ копій съ собственноручныхъ писемъ Бакунина видно, я надѣюсь, съ достаточной ясностью, что единственныя отношенія между нами состояли въ моемъ обѣщаніи доставить его женѣ возможность вернуться изъ Сибири въ Тверскую губернію да въ личномъ вспоможеніи ему. Легко можетъ статься, что Бакунинъ, чрезвычайно озабоченный участіемъ своей жены и огорченный молчаніемъ своихъ родственниковъ, имѣлъ въ мысляхъ дать мнѣ нѣчто въ родѣ словаря,

или условнаго ключа, для облегченія мнѣ возможности писать на его имя письма; я даже припоминаю, что во время свиданія со мною въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Лондонѣ онъ говорилъ мнѣ, что въ случаѣ надобности можно назвать жену его однимъ мужскимъ именемъ, а городъ Иркутскъ, гдѣ она тогда находилась, другимъ мужскимъ именемъ; я соглашался съ нимъ, хотя и не видѣлъ въ этомъ особенной необходимости; но, во всякомъ случаѣ, Бакунинъ не исполнилъ своего намѣренія и не далъ мнѣ никакого пространнаго словаря, хотя, повидимому, писалъ объ этомъ г. Налбандову. Да и на что было ему давать такой словарь человѣку, про котораго онъ самъ писалъ, что онъ принадлежитъ къ «противному лагерю», съ которымъ онъ рѣшился прекращать всякіе политическіе споры, какъ ни къ чему не ведущіе, и т. п.? Повторяю, онъ могъ имѣть намѣреніе сообщить мнѣ ключъ, или словарь, для облегченія переписки объ его женѣ, но этого намѣренія онъ не исполнилъ; а я, какъ выше сказано, обошелся безъ всякаго ключа и написалъ ему письмо, въ которомъ прямо разсказалъ все, что было сдѣлано для его жены».

Другой подсудимый, Ничипоренко, между прочимъ, показавъ, что въ Парижѣ онъ получилъ отъ изгнанника Герцена записку съ приложеніемъ письма къ Серно-Соловьевичу и нѣсколько десятковъ экземпляровъ перепечатки изъ «Колокола» о деньгахъ для русскихъ, и что письмо къ Серно-Соловьевичу и часть перепечатокъ, а также свою собственную записку о подробностяхъ изданія его сочиненія, касательно денежной части, онъ, Ничипоренко, вручилъ Тургеневу, уѣзжавшему въ то время изъ Парижа, для передачи Серно-Соловьевичу.

На это Тургеневъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

«Съ г. Серно-Соловьевичемъ я видѣлся всего два раза, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ его магазинѣ, въ С.-Петербургѣ. Я съ нимъ не былъ знакомъ лично и обратился къ нему, какъ къ книгопродавцу и издателю. Одна знакомая мнѣ дама поручила мнѣ продать рукопись сочиненной ею дѣтской книжки, подъ заглавіемъ: «Дневникъ дѣвушки». Г. Серно-Соловьевичъ, къ которому я пришелъ послѣ отказа двухъ или трехъ другихъ книгопродавцевъ, купилъ у меня эту рукопись и напечаталъ ее впоследствии вмѣстѣ съ моимъ предисловіемъ. Помнится мнѣ, что кто-то поручилъ мнѣ — въ 1861 или 1862 г. — передать г. Серно-Соловьевичу небольшой пакетъ, содержаніе котораго мнѣ было неизвѣстно; весьма можетъ быть, что этотъ пакетъ былъ мнѣ переданъ г. Ничипоренкомъ, котораго я видѣлъ въ числѣ многихъ другихъ русскихъ у себя на квартирѣ, въ Парижѣ. Такого рода порученія (доставленіе пакетовъ, писемъ и т. п.) даются почти каждому русскому, возвращающемуся изъ-за границы на родину. Мнѣ совершенно неизвѣстно, о какой денежной части говорилъ

Герценъ г. Ничипоренку; что же касается до фонда для русскихъ политическихъ изгнанниковъ, или на такъ называемое «общее дѣло», то о немъ часто упоминается въ «Колоколѣ»; въ одномъ изъ номеровъ издатели, между прочимъ, жалуются на незначительность собираемыхъ суммъ. Собственно я въ этотъ фондъ денегъ не вносилъ—ни своихъ, ни черезъ мои руки присланныхъ—и вообще я объ этомъ фондѣ имѣю только тѣ свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ «Колокола». Повторяю, что съ г. Серно-Соловьевичемъ я разговаривалъ только о «Дневникѣ дѣвушки», да и самый пакетъ, сколько мнѣ помнится, вручилъ не ему, а одному изъ его приказчиковъ въ магазинѣ.

Наконецъ, въ дополненіе всѣхъ своихъ объясненій, Тургеневъ показавъ:

«Изъ отвѣтовъ моихъ всякій можетъ заключить, что я, по глубокому чувству убѣжденія, всегда чуждался и чуждаюсь всякаго рода пропаганды, особенно тайной; вижу въ ней положительный вредъ и важное препятствіе къ успѣшному ходу народнаго развитія и самой свободы. Всякій мракъ мнѣ ненавистенъ: мракъ заговоромъ не менѣе другихъ. Все, что я дѣлалъ до сихъ поръ, совершалось завѣдомо для каждаго, открыто и ясно, при солнечномъ свѣтѣ: ни одинъ добросовѣстный писатель не можетъ дѣйствовать иначе. Смѣю прибавить, что мнѣ нѣтъ никакой причины, ни даже выгоды, сойти съ дороги, по которой я шелъ до сихъ поръ. Вслѣдствіе этого мнѣ остались совершенно чужды всѣ сношенія, которыя могутъ существовать между русскими пропагандистами и ихъ единомышленниками въ Россіи и за границей, и я съ совершенно спокойной совѣстью объявляю заранѣе, что никогда и нигдѣ не откажусь отъ моего имени, потому что мое имя не встрѣтится тамъ, гдѣ бы мнѣ слѣдовало отъ него отказаться».

Вмѣстѣ съ этими отвѣтами посольство прислало въ сенатъ и засвидѣтельствованныя копии съ 4-хъ писемъ, писанныхъ Тургеневу Бакунинымъ и Герценомъ, слѣдующаго содержанія.

I.

Письмо Бакунина.

23 октября 1862 г. Londres 10. Paddington Green. W.

«Ты правъ, Тургеневъ, прекратимъ бесполезныя разсужденія о вопросахъ политическихъ, которые насъ только раздраживаютъ, ссорять и ни на шагъ не подвигаютъ. Мы оба слишкомъ стары, чтобы мѣнять шкуру, останемся на каждыи при своей старой, но также останемся и друзьями. Правда, что въ этой дружбѣ весь выигрышъ мой, ты для меня много дѣлаешь, я же для тебя сдѣ-

лать ничего не могу. Но пусть будет это неравенство, лишь бы оно не надоело тебе, я с ним мирюсь, и в доказательство сейчас же начинаю говорить о своих делах. Наконец, после долгого, долгого молчания, я получил письмо не от братьев, которые остаются верны, если не старой дружбе, то, по крайней мере, новому равнодушию, но от жены, из Иркутска, от 5 июня. Вот что она мне пишет: она совсем было собралась ехать в Россию, еще до получения денег, своими средствами, или, вернее, средствами своих родителей, но ее не пустили, объяснив, что надо наперед испросить соизволения верховной власти, — одним словом, не дали паспорта. Она — в отчаянии. Правда, что в это время Корсаков был на Амуре, и место его временно занимал ограниченный формалист, Николаевский, генерал Жуковский, — правда, что перед отъездом своим Корсаков обещал ей выдать паспорт не в Лондон и не в С.-Петербург, а в Тверь; тем не менее, обстоятельства могли измениться, а с ними вместе и гумор правительства. У нея в Иркутске действительных помощников нет, братья спят сном молодецким, и если ты через своих друзей, умных и хороших, о которых ты пишешь, мне не поможешь, я, право, не буду знать, куда ехать и что делать с своим горем. Жена пишет, что она послала в Петербург просьбу о дозволении ей выехать из Сибири, или что начальство сделало запрос, наверное не знаю, потому что она говорит об этом с женскою безтолковостью. Все это в высшей степени нелпо и бесполезно, и глупо и незаконно. Но ведь у нас, не в укорь вашей милости, закон, даже пресловутый проект о юридических и гражданских реформах, — ловушка, чтобы отвлечь внимание от действительно повсюду вводимого военного положения, — это ясно, как ты сам еще лучше меня знаешь, вздор, один произвол, глупый, дикий, безстыдный произвол. Уже если они мне делают честь меня бояться, то, по крайней мере, они должны бы были понять, что человек с женою в сто крат безопаснее человека без жены. Тургенев, помоги, — и разумнай и помоги, — а если можешь, чрез когонибудь жигани братьев, чтобы они наконец проснулись, устыдились и поняли, что мало быть добрыми людьми, и что вѣра без дела мертва есть. Пусть же наконец они мне напишут хоть слово не о своих политически-философских стремлениях, до которых мне, право, нет дела, не о моих делах, о моей жене, о том, что они сделали и собираются сделать для того, чтобы освободить ее.

«Правительство не разсердится на братьев, которые пишут брату о предмете, столь дорогом для него, как жена. Само наше правительство, пожалуй, удивится их добродетельной скромности и воздержанности, которую, за неимением русского слова, я, по-

жалуй, готовъ окрестить словомъ: «lâcheté». Братъ Павелъ въ отвѣтъ на мои безчисленные, измученныя письма, въ которыхъ я умолялъ ихъ всѣхъ объ извѣстіяхъ о женѣ, о помощи ей, о тепломъ для нея словѣ,—братъ Павелъ послалъ мнѣ, правда, въ началѣ нынѣшняго лѣта длинную, длинную философскую диссертацию, но она до меня не доплыла. Должно быть, на дорогѣ пропала. Укралъ ее какой нибудь нѣмецъ, а онъ, вѣроятно, пишетъ другую. А сестра жены пишетъ, что она, бѣдная, съ тоски заболѣла. Вѣдь, право, можно съ ума сойти. Помоги, Тургеневъ. Другая моя забота—Налбандовъ: говорятъ, что онъ былъ въ Петропавловской крѣпости, а теперь пропалъ, никто не знаетъ куда. Узнай, Тургеневъ. Вотъ, видишь ли, и безъ политики наполнилъ цѣлое письмо, а подъ конецъ тебя обнимаю и на тебя уповаю.

«Твой М. Б.»

II.

Извлеченіе изъ письма М. Бакунина.

1862 г. London. 10. Paddington Green. W.

«Добрый другъ. Спасибо тебѣ за письмо и за все, что ты для меня сдѣлалъ. Я радъ, что братья не совсѣмъ забыли меня. Еще болѣе былъ бы радъ, если бы они вспомнили, что на свѣтѣ есть чернила, перья, бумага, и что, написавъ мнѣ невинное письмо о моей женѣ и моихъ дѣлахъ, они даже со стороны нашего правительства не могли бы подвергнуться ни малѣйшей опасности. Прошу тебя, Тургеневъ, dokonчи сдѣланное, постарайся узнать что нибудь положительное и опредѣленное о женѣ, и лишь только узнаешь, увѣдомь меня. Ты, безъ сомнѣнія, читалъ «Концы и начала» Герцена, собственно написанные для тебя. Не сомнѣваюсь въ томъ, что они понравились тебѣ въ отношеніи литературномъ. Но что думаешь ты о ихъ содержаніи и цѣли? Ты одинъ изъ противнаго лагеря остаешься намъ другомъ, и съ тобою однимъ мы можемъ говорить, выворачивая все сердце наружу. А хорошо, что у тебя есть на Западѣ свои люди, друзья, и что въ западномъ мірѣ ты создалъ для своего обихода свой собственный міръ. Въ Россіи, между твоими теперешними единомышленниками, людьми «средними», тебѣ, я думаю, приходилось жутко. Вѣдь для такого порядочнаго человѣка, какъ ты, не можетъ быть возможности жить съ такими дрянными людьми, какъ всѣ, которымъ позволено нынѣ открыто говорить и печатать въ Россіи. Посылаю тебѣ мою брошюру, не для того, чтобы убѣдить тебя, а просто потому, что мнѣ хочется, чтобъ все написанное мною было тобою прочтено. Трудъ небольшой, я пишу немного. Я думаю, ты ошибся, назвавъ русскій народъ «второстепеннымъ по природѣ» народомъ. Дѣло въ томъ, что онъ народъ не городской, а земледѣльческій, — земледѣльческіе

же народы не легко поддаются на движение, зато, когда приходятъ въ движение, ихъ не успокоишь такъ скоро. Доказательствомъ можетъ служить движение гуссистовъ въ Богеміи. Да, роды русскіе трудны, имъ пужно помочь военною операціею. Мы къ этому и стремимся. Ты, безъ сомнѣнія, прочелъ въ «Колоколѣ» письмо Варшавскаго комитета. Это—не статья, а документъ, первый дѣйствительный шагъ, сдѣланный Польшею для сближенія съ Россіею. А я ожидаю отъ этого сближенія благодѣтельнаѣйшихъ результатовъ. Въ будущемъ № «Колокола», № 147, 15-го октября, ты прочтешь великолѣпный отвѣтъ Герцена и письмо его къ русскимъ офицерамъ въ царствѣ Польскомъ, а въ № 148, 23-го октября, адресъ тѣхъ же офицеровъ къ великому князю Константину Николаевичу, въ которомъ высказана вся постыдная нестерпимость положенія русскихъ войскъ въ Польшѣ. Посмотримъ, что выйдетъ изъ всего этого

. Мы дѣлаемъ и будемъ дѣлать по совѣсти,—es geschehe, was geschehen soll.

«А что Налбандовъ, ради Бога постарайся узнать о его участи. Слышно также, что и маркиза посадили за одинъ мой поклонъ ему въ письмѣ къ Nathalie Bakounine. Тамъ сказано было: «поклонись маркизу, и если онъ захочетъ писать мнѣ, вььми его письмо и перешли мнѣ черезъ Ветошниковъ». Все это было взято на этомъ несчастномъ Ветошниковѣ. Впрочемъ, за маркиза я не боюсь, онъ невиненъ, какъ дитя. Да и Налбандовъ невиненъ, да у него нѣтъ связей, и онъ слабъ грудью, а крѣпость для грудныхъ болѣзней нехороша. Узнай, что только возможно узнать, и увѣдомь меня

«Ну, а когда увидимся? Вѣдь ты, вѣрно, не побоишься къ намъ пріѣхать. А мы тебя, несмотря на всѣ различія въ мысляхъ и въ направленіяхъ, примемъ съ старою дружбою и съ старою радостью.

«Твой М. Б.»

III.

Извлеченіе изъ письма А. И. Герцена.

«22-го ноября. Orsetthouse Westb. Tenaу.

«Я какъ-то съ мѣсяцъ тому написалъ тебѣ довольно злое письмо, и оставилъ его у себя въ столѣ. Потомъ пришло твое, съ критикою противъ послѣдняго письма «Концы и начала». Ты ошибаешься въ твоей оцѣнкѣ, но писать объ этомъ скучно. Замѣчаешь ли ты, что ты съ своимъ Шопенгауеромъ (о Шопенгауерѣ я и Энгельсонъ писали въ 1-й «Полярной Звѣздѣ», т.-е. въ 1855 г.) становишься нигилистомъ. Меня не это фруассировало въ твоихъ письмахъ, а замѣчательная метода—на мнѣ казнить другихъ. Во-

первыхъ, откуда эта нетерпимость къ Огареву? Вѣдь этакія слабости допускаютъ однимъ беременнымъ женщинамъ. Ты же вообще такъ гуманенъ, т.-е. такъ мало разборчивъ, что могъ быть другомъ и на «ты» съ воришкой Некрасовымъ, вѣроятно, и теперь еще знакомъ съ Чичеринымъ и съ Катковымъ, но до этого до всего мнѣ дѣла нѣтъ. Напротивъ, я люблю гуманность, идущую до необходимости исключенія знакомыхъ самобытныхъ, для приглашенія нравственныхъ нищихъ и чужадныхъ нахлѣбниковъ à la Strübing. Но, 1-ое, почему ты съ твоей тонкой наблюдательностью, зная, что я съ Огаревымъ въ хорошихъ, тѣсныхъ, близкихъ сношеніяхъ, считаешь умнымъ ругать его статьи, именно въ письмахъ ко мнѣ? 2-ое, полагаю же я, что всякій честный дѣятель, работающій на общей аренѣ, заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы не порицаніями прибавляли больше ревоновъ, чѣмъ брюхатая женщина въ своихъ антипатіяхъ. О какой теоріи социализма Огарева ты говоришь, какимъ мнѣніемъ, какимъ выводомъ ты недоволенъ, съ чѣмъ несогласенъ? Почему его добросовѣстный трудъ ты ставишь на одну доску съ fatras Бакунинской демагогіи.

«Колоколъ» основанъ Огаревымъ.

«Вѣче» основано Огаревымъ, да оно въ вашихъ кружкахъ не нравится, а намъ оно принесло переписку съ раскольниками . . .

«Ты имѣешь зубъ на молодое поколѣніе и грызешь имъ старое, благо оно ближе».

IV.

Выписка изъ письма А. И. Герцена.

«1-го ноября. Orsetthouse Westb. Tenau.

«Итакъ, ты вообразилъ, что я разсердился за адресъ.

«Политическимъ человѣкомъ я тебя никогда не считалъ, и теперь не считаю, несмотря на то, что ты съ Робинсономъ Крузе на островѣ Вайтѣ говорилъ объ азбукѣ.

«Напротивъ, то, что ты четыре раза писалъ объясненія, смягченія . . . меня помирило бы съ тобою, и въ самомъ дѣлѣ, если бы я въ гнѣвобѣсіе взошелъ.

«Позвольте спросить, какъ нравится продолженіе писемъ «Концы»?»

Не довольствуясь вышеозначенными письменными отвѣтами Тургенева и признавая необходимою личную его явку въ судъ, между прочимъ, и для очной ставки съ нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ, сенатъ объявилъ объ этомъ Тургеневу по его жительству

«истор. вѣстн.», январь, 1906 г., т. спп.

18

въ Парижѣ, назначивъ при этомъ ему срокомъ явки въ Петербургъ, согласно выраженному самимъ Тургеневымъ ходатайству,— ноябрь мѣсяць 1863 г.

Тургеневъ, однако, и въ этотъ срокъ за болѣзнію прибыть изъ-за границы не могъ, о чемъ и сообщилъ двумя письмами: первымъ—на имя русскаго посла въ Парижѣ, и вторымъ—на имя г. первоприсутствующаго сенатора Карниолинъ-Пинскаго. При послѣднемъ письмѣ Тургеневъ приложилъ и медицинское свидѣтельство мѣстнаго Баденскаго доктора о невозможности ему, въ виду постоянной его болѣзни, отправиться въ путь.

Письма эти нижеслѣдующаго содержания.

I.

«Ваденъ-Баденъ. «Schillerstrasse, 277. 14 сентября, 1863 г.

«Милостивый государь!

«Прошу васъ извинить невольное замедленіе моего отвѣта: ваше письмо было адресовано *poste-restante* и, пр лежавъ на почтѣ нѣсколько дней, только сегодня дошло въ мои руки. Изъ него я могъ заключить, что сенатъ не удовлетворился объясненіями на предложенные мнѣ вопросы, которыя я послалъ черезъ посольство; но, такъ какъ онъ требуетъ моего возвращенія не безусловно, а въ случаѣ, если состояніе моего здоровья и дѣлъ моихъ не представитъ тому препятствія, то я долженъ замѣтить, что именно эти двѣ причины лишаютъ меня возможности возвратиться теперь въ Россію, даже на неопредѣленное время; мнѣ это легче будетъ сдѣлать въ ноябрѣ, когда я поселю свою дочь въ Парижѣ и устрою ея положеніе. Притомъ считаю долгомъ завѣрить снова честию, что я сообщилъ въ совершенной подробности всѣ касающіяся до меня обстоятельства въ моихъ отвѣтахъ, и что, слѣдовательно, мое личное отсутствіе не можетъ затруднять производимое слѣдствіе о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами. Въ Парижъ я надѣюсь прибыть недѣль черезъ шесть и, разумѣется, немедленно явлюсь къ вамъ.

«Прошу васъ принять выраженіе чувствъ моей совершенной преданности и почтенія.

«Ив. Тургеневъ».

II.

«Милостивый государь,

«Матвѣй Михайловичъ!

«Мнѣ приходится сообщить вашему превосходительству фактъ, весьма для меня прискорбный. Я не могу явиться къ сроку въ Петербургъ и даже не знаю въ точности, когда я буду въ состоя-

ни это сдѣлать. Незначительная боль въ ногѣ, начавшаяся двѣ недѣли тому назадъ, приняла такіе размѣры, что всякое движеніе стало мнѣ невозможнымъ, не говорю уже о путешествіи. Прилагаемое свидѣтельство доктора, скрѣпленное нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Столыпинымъ, служитъ тому удостовѣреніемъ. Я ждалъ до послѣдняго дня, въ надеждѣ на облегченіе боли, но теперь я долженъ покориться необходимости. Считаю излишнимъ увѣрять ваше превосходительство, до какой степени это неожиданное препятствіе меня огорчаетъ. Мнѣ особенно тяжело думать, что по причинѣ моей неявки уже замедлилось и можетъ еще замедлиться разрѣшеніе участи многихъ лицъ, находящихся подъ судомъ. А потому покорно прошу ваше превосходительство, какъ предсѣдателя комисіи, вызывавшей меня въ С.-Петербургъ, соблаговолить принять къ свѣдѣнію мое теперешнее заявленіе и дать дѣлу, къ которому я прикосновененъ, законный ходъ. Спѣшу прибавить, что я, какъ только мнѣ позволитъ моя болѣзнь, прибуду въ Петербургъ и также готовъ попрежнему дать полный и подробный отвѣтъ на всякій мнѣ поставленный вопросъ. Но повторяю, что отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго снисхожденія ко мнѣ и покоряюсь заранѣе приговору закона.

«Засимъ, прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и таковой же преданности, съ которыми честь имѣю пребыть вашего превосходительства

«покорнѣйшимъ слугою.

«Ив. Тургеневъ».

«Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277. 9—21 декабря, 1863 г.».

Въ январѣ мѣсяцѣ 1864 г. состояніе здоровья Тургенева позволило ему, наконецъ, пріѣхать въ Петербургъ. 7 января онъ явился въ присутствіе сената, гдѣ выслушалъ высочайшее его императорскаго величества повелѣніе о преданіи его суду сената, а также вычитанныя ему прежнія его показанія, которыя во всемъ подтвердилъ, и далъ того же числа подписку о неотлучкѣ своей изъ Петербурга безъ разрѣшенія сената, а 13 января, по предъявленіи Тургеневу позднѣйшихъ показаній Налбандова и Ничипоренка, онъ въ дополненіе къ прежнимъ своимъ отвѣтамъ объяснилъ:

«Въ показаніяхъ г. Налбандова я нашелъ новаго—противъ присланныхъ мнѣ запросовъ—только упоминovenіе моего свиданія съ маркизомъ де-Траверсе. Я дѣйствительно видѣлся съ маркизомъ де-Траверсе два раза по тому же дѣлу доставленія женѣ Бакунина денегъ и ни о чемъ другомъ съ нимъ не говорилъ. Онъ, сколько

мнѣ помнится, далъ сто рублей и сообщилъ мнѣ адресъ г-жи Бакуниной, жены Павла Александровича Бакунина, черезъ которую деньги были посланы въ Иркутскъ. Г. Налбандовъ упомянулъ было въ одномъ показаніи о полученіи черезъ меня какого-то письма Бакунина, но потомъ самъ вычеркнулъ мое имя, вспомнивъ, что это письмо было вручено ему маркизомъ де-Траверсе. Мнѣ остается подтвердить это показаніе въ томъ смыслѣ, что собственно я ничего не зналъ объ этомъ письмѣ. Сверхъ того, я долженъ повторить уже объясненное мною въ моихъ отвѣтахъ: Бакунинъ, дѣйствительно, выражалъ мнѣ свое желаніе снабдить меня словаремъ для облегченія мнѣ переписки о его женѣ, о ея путешествіи изъ Сибири въ Тверскую губернію и т. п. Но этого словаря онъ мнѣ не далъ, и если писалъ объ этомъ, то либо память ему измѣнила, либо онъ дѣйствовалъ въ силу неизвѣстныхъ мнѣ цѣлей.

«Что касается до показанія г. Ничипоренка, то въ пополненіе моихъ прежнихъ отвѣтовъ имѣю сказать слѣдующее.

«Я г. Ничипоренка видѣлъ всего два раза: лѣтомъ 1860 г. у себя въ деревнѣ, въ Орловской губерніи, и потомъ 1862 г. весной въ Парижѣ. Въ деревню онъ ко мнѣ заѣхалъ (какъ онъ это самъ показываетъ на листѣ 59-мъ), временно проживая въ гостяхъ по сосѣдству и желая со мной познакомиться. Я нашелъ въ немъ человѣка молчаливаго и мало интереснаго; посѣщеніе его продолжалось весьма недолго, и онъ уѣхалъ, не высказавъ никакихъ своихъ убѣжденій. Я совершенно забылъ о его существованіи, когда онъ явился ко мнѣ въ Парижѣ, и тутъ наше свиданіе продолжалось еще менѣе и было еще незначительнѣе. Я собирался ѣхать въ Россію, и онъ просилъ меня передать небольшой пакетъ г. Серно-Соловьевичу. Въ г. Серно-Соловьевичѣ, съ которымъ я вовсе знакомъ не былъ, я могъ видѣть только книгопродавца и не имѣлъ никакого понятія объ его политическихъ воззрѣніяхъ, а въ г. Ничипоренкѣ я имѣлъ передъ собой человѣка, почти мнѣ незнакомаго, политическія воззрѣнія котораго мнѣ были также совершенно неизвѣстны, и которому приходилось оказывать небольшое одолженіе, весьма обыкновенное при отъѣздѣ русскихъ изъ-за границы. Вообще весь этотъ фактъ, по своей незначительности и обыденности, до того мало слѣда оставилъ въ моей памяти, что я, по справедливости, могъ написать въ своихъ прежнихъ отвѣтахъ, что не помнилъ хорошенько, отъ кого именно получилъ я этотъ пакетъ. По прибытіи моемъ въ Петербургъ, я передалъ его даже не самому г. Серно-Соловьевичу, а одному изъ его приказчиковъ, и, помнится, тутъ же подписалъ небольшую сумму въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ (дѣло происходило въ маѣ мѣсяцѣ 1862 г.) на листѣ, выставленномъ отъ имени того же самага г. Серно-Соловьевича. Нечего прибавлять, что я

не зналъ и не любопытствовалъ знать содержаніе врученнаго мнѣ пакета, въ которомъ, какъ видно изъ словъ г. Ничипоренка, содержались запрещенныя бумаги.

«Остается мнѣ упомянуть о письмѣ Герцена, найденномъ у неизвѣстнаго мнѣ г. Владимірова, въ которомъ онъ, Герценъ, проситъ выслать деньги на его имя въ Лондонъ или на имя мое въ Парижъ. Я утверждаю честнымъ словомъ, что ни денегъ никакихъ не получалъ, ни Герценъ не просилъ меня объ этомъ. Онъ и не нуждался въ подобной просьбѣ, справедливо предполагая, что, если бы я получилъ деньги на мое имя для доставленія ему,— я бы ихъ не задержалъ и препроводилъ бы ихъ по адресу. Но, повторяю, денегъ я никакихъ не получалъ, и вообще въ первый разъ объ этомъ слышу. Въ такъ называемомъ русскомъ фондѣ, извѣстномъ мнѣ единственно по «Колоколу», нѣтъ ни моихъ, ни присланныхъ черезъ меня денегъ, подтверждаю это вторично моимъ честнымъ словомъ».

Затѣмъ, 28 января, состоялось постановленіе сената о разрѣшеніи Тургеневу выѣхать за границу, съ отобраніемъ отъ него подписки, что онъ, въ случаѣ требованія сената, долженъ въ оный немедленно явиться, а 1 іюня 1864 г. правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ самое дѣло, по отношенію къ Тургеневу нашелъ: прикосновенность Тургенева къ настоящему дѣлу состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ вышепоименованныхъ подсудимыхъ, Надбандовъ, показалъ, что Бакунинъ просилъ его сообщить Тургеневу, проживающему въ Парижѣ, чтобы онъ принялъ участіе въ женѣ его, касательно выписки ея изъ Иркутска въ Тверскую губернію, а по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ, по просьбѣ Тургенева, далъ на его счетъ женѣ брата Бакунина 300 рублей серебромъ, въ чемъ и взялъ съ Тургенева расписку, которая находится при дѣлѣ. Участіе Тургенева въ упомянутомъ дѣлѣ Бакунина видно и изъ письма Бакунина къ невѣсткѣ его, женѣ брата, Натальѣ, привезеннаго Ветошниковымъ, въ коемъ Бакунинъ увѣдомляетъ ее, что Тургеневъ хотѣлъ прислать 500 рублей серебромъ на тотъ же предметъ. Другой подсудимый по дѣлу сему, Ничипоренко, показалъ, что въ Парижѣ получилъ онъ отъ изгнанника Герцена записку, съ приложеніемъ письма къ Серно-Соловьевичу и нѣсколько десятковъ экземпляровъ перепечатокъ изъ «Колокола» о деньгахъ для русскихъ. Письмо и часть перепечатокъ онъ отдалъ Тургеневу, отъѣзжавшему тогда изъ Парижа, для передачи Серно-Соловьевичу. Противъ сихъ обстоятельствъ Тургеневъ объяснилъ, что, дѣйствительно, онъ, по просьбѣ Бакунина, принималъ участіе въ пересылкѣ жены его изъ Иркутска въ Тверскую губернію, и данную ему Ничипоренкомъ посылку къ Серно-Соловьевичу, по пріѣздѣ въ Петербургъ, отдалъ въ магазинъ Серно-Соловьевича, не зная содержанія оной. Въ преступныхъ же замыслахъ Герцена, Огарева

и Бакунина противъ русскаго правительства онъ никакого участія не принималъ и не сочувствовалъ идеямъ ихъ, въ доказательство чего представилъ извлеченія изъ писемъ ихъ, засвидѣтельствованныя въ вѣрности посольствомъ нашимъ въ Парижѣ, изъ коихъ видно, что Герценъ и Огаревъ укоряли Тургенева въ томъ, что онъ не сочувствуетъ идеямъ ихъ и не принадлежитъ къ ихъ лагерю. При таковыхъ обстоятельствахъ дѣла Тургеневъ, по совершенной невинности его, долженъ быть отъ всякой по настоящему дѣлу отвѣтственности освобожденъ. Въ виду вышеизложеннаго сенатъ опредѣлилъ: коллежскаго секретаря Ивана Сергѣева Тургенева, хотя бывшаго въ перепискѣ съ пропагандистами, но въ участіи съ ними въ преступныхъ замыслахъ ихъ не сознавагося и собственными письмами ихъ невинность свою доказавшаго, отъ всякой по настоящему дѣлу отвѣтственности освободить.

Сообщено А. В. Безроднымъ.

КЪ БИОГРАФИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

(По астраханскимъ документамъ).

ВЪ СТАТЬЕ г. Скорикова: «Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани» («Историческій Вѣстникъ», 1905 г., май), были приведены нѣкоторыя данныя о пребываніи автора «Что дѣлать» въ этомъ городѣ. Къ сожалѣнію, г. Скориковъ, описывая болѣе свое знакомство съ Николаемъ Гавриловичемъ, не коснулся архивныхъ о немъ данныхъ и другихъ подробностей о тамошнемъ его житіи. Въ бытность мою въ Астрахани, въ сентябрѣ 1905 г., мнѣ удалось разыскать въ архивѣ мѣстнаго губернскаго правленія нѣсколько, правда, отрывочныхъ, но, по моему мнѣнію, цѣнныхъ документовъ, касающихся Чернышевскаго¹⁾.

Самыми важными изъ нихъ являются «Вѣдомости о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи», гдѣ, кромѣ того, перечисляется семейное и матеріальное положеніе Чернышевскаго, поведеніе его и занятія во время жизни въ Астрахани. Напримѣръ,

¹⁾ Припомнимъ, что въ періодической печати за 1904 и 1905 г.г. причинами его ссылки выставляли: 1) преступныя сношенія съ эмигрантомъ Герценомъ, 2) участіе въ составленіи и напечатаніи прокламаціи къ крестьянамъ и 3) письма къ поэту Плещееву преступнаго содержанія, (существованіе коего мною опровергнуто въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1905 г.). Издатель же «Закаспійскаго Обзорнія», К. М. Федоровъ (въ книгѣ «Н. Г. Чернышевскій», Асхабадъ, 1904 г., стр. 89), утверждаетъ еще, что «дѣйствительной причиной дѣла были, разумѣется, печатныя пронаведенія Ч—го, которыя были упомянуты и въ опубликованномъ приговорѣ» (хотя авторъ такового никогда не выдастъ). Но, какъ увидимъ ниже, только вторая изъ перечисленныхъ причинъ является достоверной.

въ «Вѣдомости» за 1884 г.¹⁾ сказано: «Государственный преступникъ, лишенный всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, Николай Гавриловъ Чернышевскій, уроженецъ Саратовской губерніи, 57 лѣтъ, присланъ по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 6-й день іюля 1883 г., изъясненному въ указѣ правительствующаго сената отъ 15 іюля того же года № 11.513, послѣдовавшему г. начальнику Астраханской губерніи и присланному въ копіи при предписаніи отъ 29 іюля за № 2.832, — за сочиненіе возмутительнаго воззванія, передачу онаго для тайнаго напечатанія съ цѣлью распространенія и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управленія».

Прибыль Н. Г. въ Астрахань, какъ указываетъ та же «Вѣдомость», «изъ г. Вилуйска Якутской области», «27 октября 1883 г.», съ учрежденіемъ надъ нимъ тамъ «гласнаго надзора, безъ срока». Но, какъ рассказываетъ А. М. Поповъ²⁾, обязательной явкъ на повѣрку въ полицію, вслѣдствіе своего, должно быть, болѣзненнаго состоянія, онъ не подвергался, «и я не видѣлъ также, чтобы въ квартиру къ нему для той же цѣли являлась полиція».

Приѣхавъ онъ туда уже посѣдѣвшимъ, «согбеннымъ старикомъ». Сибирская почти двадцатилѣтняя ссылка наложила на него свой отпечатокъ: онъ измѣнился, похудѣлъ и нажилъ трудно поправимый недугъ (катаръ желудка), который болѣе усилился въ жаркомъ астраханскомъ климатѣ. Поэтому, видимо, онъ избѣгалъ излишествъ въ пищѣ, предпочитая молоко всякимъ другимъ кушаньямъ. За обѣдомъ ѣлъ мало, особенно мясного, и никогда не ужиналъ, ограничиваясь вечернимъ чаемъ съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Первое время своего пребыванія тамъ Н. Г. занималъ квартиру въ пять небольшихъ комнатъ въ домѣ Полетаева³⁾, на углу Западной и Воздвиженской (Спасской) улицъ, какъ разъ противъ церкви Воздвиженія и наискось ограды Благовѣщенскаго женскаго монастыря. Съ нимъ жили жена, Ольга Сократовна, и старшій сынъ, Александръ. Младшій, Михаилъ, обучался въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ началѣ, кажется, 1885 г. уѣхалъ въ Петербургъ и Александръ.

¹⁾ Въ дѣлѣ астраханскаго губернскаго архива по канцеляріи губернатора за 1884 г. № 185/167, л. л. 87—88. Собственно дѣла о Чернышевскомъ нѣтъ, хотя по настояннмъ реестрамъ таковое значится за 1883 г. подъ № 169. Оно исчезло неизвестно куда прямо изъ канцеляріи, не будучи сдано въ архивъ.

²⁾ Г. Поповъ состоялъ у Ч—го секретаремъ до занятія этой должности К. М. Федоровымъ. Нынѣ онъ служитъ въ астраханской городской управѣ.

³⁾ Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ преподавателю астраханской мужской гимназіи, А. Е. Рудневу.

Недалеко отъ квартиры, на Московской (Екатерининской) улицѣ, находился Полицейскій садикъ (существующій и по сіе время), въ которомъ Ч — скій изрѣдка гулялъ. Жизнь онъ велъ почти затворническую. Рѣдко гдѣ бывалъ самъ, рѣдко кого принималъ у себя. Въ послѣднемъ случаѣ очень зорко оберегала его покой Ольга Сократовна, допускавшая къ нему посѣтителей по особому своему выбору. Отчасти, впрочемъ, и самъ писатель былъ противъ того, чтобы его навѣщали астраханцы, особенно же учащіеся, «во избѣжаніе навлечь на нихъ подозрѣніе и непріятности со стороны администраціи». Болѣе частыми посѣтителями его были братъ писателя Короленка и студентъ Кудровъ. Нѣкоторымъ расположеніемъ Н. Г.—ча пользовался еще купецъ Аветовъ (армянинъ), къ которому и онъ захаживалъ иногда въ послѣобѣденное время, съ цѣлью, какъ можно догадываться, позаимствованія отъ него свѣдѣній о жизни армянъ, ихъ исторіи, торговлѣ. Онъ даже намѣревался учиться армянскому языку. По крайней мѣрѣ, въ Астрахани Н. Г. зналъ алфавитъ и нѣсколько армянскихъ словъ.

Онъ очень интересовался этимъ болѣе азиатскимъ, чѣмъ европейскимъ краемъ. Бывшій преподаватель астраханской мужской гимназіи, а нынѣ директоръ Троицкосавскаго реальнаго училища, К. Н. Малиновскій, рассказывалъ мнѣ, какъ Н. Г. упрасивалъ его дозволить ему осмотрѣть гимназическую бібліотеку, гдѣ имѣлось много цѣнныхъ научныхъ сочиненій на нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ и восточныхъ языкахъ: персидскомъ, татарскомъ, арабскомъ¹⁾ и армянскомъ, болшею частію, пожертвованныхъ мѣстными купцами, такъ какъ до половины XIX столѣтія въ гимназіи преподавались всѣ эти языки. Болѣе всего интересовали Н. Г. римскія и восточныя древности.

✓ Въ то время,—говорилъ г. Малиновскій,—бібліотекой завѣдывалъ я, и для меня было большое удовольствіе показать ее такому великому человѣку, а потомъ принимать его у себя. Раза два былъ и я у него, встрѣтивъ самый радушный приѣмъ со стороны любезнаго хозяина. До сей поры безъ восторга не могу вспомнить о тѣхъ часахъ, которые я провелъ въ обществѣ Н. Г., наслаждаясь его разумной бесѣдой. Конечно, я очень охотно далъ ему на домъ нѣсколько имъ отобранныхъ книгъ, которыя онъ возвратилъ съ рѣдкой аккуратностью.

Между прочимъ, въ одной изъ бесѣдъ коснулись они печальнаго существованія Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края, учрежденнаго кружкомъ мѣстныхъ интеллигентовъ, преимущественно преподавателей классической гимназіи и духов-

¹⁾ На этомъ языкѣ хранился тамъ очень рѣдкостный экземпляръ Алкорана, пожертвованный туда вскорѣ послѣ открытія въ 1806 г. гимназіи богатнымъ грекомъ Варваціемъ.

ной семинаріи, въ память посѣщенія въ 1722 г. императоромъ Петромъ Великимъ Астрахани. Цѣль общества была «собрать свѣдѣнія, относящіяся къ дѣлу всесторонняго изученія края и распространять ихъ въ видѣ сырыхъ матеріаловъ или въ обработанномъ видѣ». Открылось оно 4 октября 1874 г., но уже въ мартѣ слѣдующаго года принуждено было прекратить свою дѣятельность за недостаткомъ средствъ и энергіи со стороны учредителей. Только въ сентябрѣ 1886 г., съ разрѣшенія товарища министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-лейтенанта Оржевскаго, общество возобновило свои засѣданія, избравъ своимъ предсѣдателемъ директора мужской гимназіи, М. И. Рубцова, человѣка съ узкими и отсталыми взглядами.

— Я такимъ начинаніямъ мало сочувствую,—замѣтилъ на разсказъ г. Малиновскаго Н. Г.— Всѣ эти провинціальныя «ученія» общества никакой существенной пользы не приносятъ, а занимаются только переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Если же кто дѣйствительно желаетъ служить родинѣ изслѣдованіемъ ея прошлаго, тотъ сдѣлаетъ это и безъ выѣски и показа.

Когда изъ отпуска пріѣхалъ директоръ Рубцовъ (теперь покойный), г. Малиновскій разсказалъ ему о посѣщеніи бібліотеки Чернышевскимъ и о его взглядахъ на изученіе мѣстной исторіи.

— Что вы надѣлали?—напустился тотъ на бібліотекаря.—Вы не знаете, какой это человѣкъ... (при чемъ Рубцовъ обоввалъ Н. Г. оскорбительными словами, которыя стыдно помѣстить въ печати). Это—государственный преступникъ, завзятый революціонеръ... Его на порогъ гимназіи не слѣдуетъ пускать...

Между тѣмъ, этотъ «завзятый революціонеръ», по крайней мѣрѣ, въ Астрахани ничѣмъ не проявилъ своей «преступной» дѣятельности и не вызвалъ ничьего неудовольствія, чтобы къ нему такъ относиться. Напротивъ, полиція изъ года въ годъ отмѣчала въ «Вѣдомости о поднадзорныхъ», что Чернышевскій «ведетъ себя отлично и ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ». Даже покровительственный и далеко не сочувствовавшій политическимъ ссыльнымъ губернаторъ Н. М. Цеймернъ постоянно аттестовалъ его шефу жандармовъ: «поведенія хорошаго»¹⁾. Но почему-то администрація всегда указывала, что онъ «ничѣмъ не занимается», «казеннаго содержанія не получаетъ». Лишь новый губернаторъ, князь Л. Д. Вяземскій, въ первой же своей аттестациі за 1888 г. рѣшился рекомендовать Чернышевскаго: «ведетъ себя безукоризненно, занимается переводомъ «Всеобщей исторіи» Вебера»²⁾.

¹⁾ Впрочемъ въ «Вѣдомости» за 1883 г., во время губернаторства жившаго все время въ Петербургѣ генераль-майора Н. И. Петрова (съ 7 сентября 1883 г. по 18 января 1884 г., когда онъ былъ назначенъ начальникомъ почтъ и телеграфовъ), Чернышевскій аттестовался «поведенія одобрятельнаго».

²⁾ Дѣло астраханскаго губернскаго архива за 1888 г., № 87/89, л.л. 186 и 204.

Видимо, полиція астраханская и Цеймернъ не придавали этому занятію особеннаго значенія, «заслуживающаго съ канцелярской точки зрѣнія вниманія», хотя Н. Г. почти съ самаго прїѣзда въ Астрахань занимался этой работой. «Онъ диктовалъ «Исторію» съ нѣмецкаго такъ, — говоритъ г. Поповъ, — будто читалъ русскую книгу, что я не успѣвалъ за нимъ записывать».

Надо думать, князь Вяземскій нарочно подчеркнул это обстоятельство, дабы болѣе повліять на министра внутреннихъ дѣлъ въ только что возбужденномъ имъ ходатайствѣ объ освобожденіи Чернышевскаго отъ полицейскаго надзора съ возвращеніемъ его на родину. Это имѣло хорошія послѣдствія. Отношеніемъ 3 іюня 1889 г., № 1.972, департаментъ полиціи увѣдомилъ губернатора, что ходатайство его уважено¹⁾.

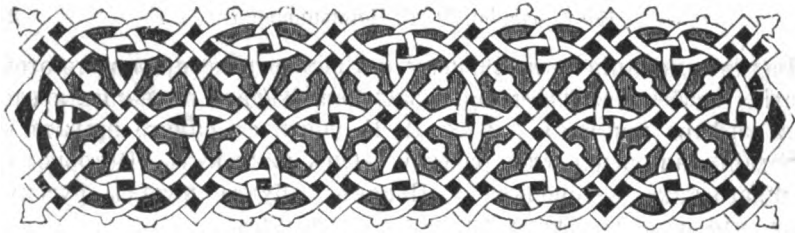
Конечно, такая радостная вѣсть была тотчасъ же сообщена Н. Г., который въ ту пору квартировалъ (около трехъ лѣтъ) въ домъ Пуховой на Бѣлогородской улицѣ, черезъ домъ отъ церкви Знаменія Богородицы и недалеко отъ бульвара императора Александра II на Адмиралтейской площади.

Въ концѣ іюня онъ распрощался съ Астраханью и отправился на пароходѣ въ Саратовъ, гдѣ Ольга Сократовна наняла для него верхній этажъ дома А. М. Никольскаго, противъ сада «Липки» и Александро-Невскаго собора.

П. Л. Юдинъ.

¹⁾ Дѣло астраханскаго губернскаго архива, 1889 г., № 26/16, л. 7.—Въ «Вѣдомости о перемѣнахъ, происшедшихъ въ іюнь 1889 г. въ положеніи лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи въ Астраханской губерніи», писатель уже названъ просто: «Чернышевскій, Н. Г.», безъ прибавленія эпитетовъ «государственный преступникъ» и проч. (см. выше).

СРЕДИ КАЛАКУТОВЪ ¹⁾.

I.

ОМУ не приходилось жить въ царствѣ Польскомъ, въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, тотъ врядъ ли можетъ составить правильное понятіе о томъ, какую роль въ исторіи этого края сыграетъ объявленная свобода вѣроисповѣданій. Я, какъ уроженецъ этого края, вынесъ оттуда много впечатлѣній, которыми и считаю теперь своевременнымъ подѣлиться.

Эти двѣ губерніи, входившія первоначально въ составъ бывшей Холмской Руси и впослѣдствіи захваченныя поляками, населены, какъ извѣстно, чистокровными малороссами. Племенные особенности этого народа, несмотря на неблагопріятныя условія, созданныя польскимъ режимомъ, сохранились въ достаточной чистотѣ. Тотъ же малороссійскій языкъ, тѣ же обычаи, костюмы; на улицѣ, въ полѣ и дома слышатся тѣ же пѣсни: поютъ про волю, про широкій дугъ, про тихія воды Дуная, воспѣваютъ неустрашимые казацкіе набѣги... На свадьбахъ—тѣ же «ручники», «коровай», «чепканье молодухи»... Заботливыя хозяйки, какъ и въ коренной Малороссіи, бѣлятъ свои хаты, а въ красномъ углу вѣшаютъ вѣнки изъ руты, чеберцю и барвинку; въ маленькое окошечко глядитъ со двора та же «червоная вишня»... На

¹⁾ Вѣроятно, отъ польскаго *kolo kuta* (въ углу). Такъ называютъ въ Польшѣ бывшіехъ уніатовъ, не возсоединившихся съ православіемъ, упорствующихъ.

Рождество «парубки и дивчата колядуютъ», подъ праздники собираются на «вечерниці»... Настоящая Малороссія!..

Но, сохранивъ свое, родное, народъ этотъ всосалъ уже въ себя и много чужого, наноснаго. Проходя по деревнѣ, вы слышите пѣніе священныхъ гимновъ; поются они и въ Малороссіи, но тамъ народъ поетъ свои родные гимны; тутъ же въ ходу уже и польскія «кантычки»; народъ носитъ на шеѣ холмскіе, почаевскіе и кіевскіе крестики и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣпляетъ еще ченстоховскіе рожанцы и шкаплеры; баба говоритъ свое родное «Отче нашъ»—и затѣмъ, въ видѣ дополненія, безсознательно лепечетъ «do Matki Najświętszej» или «do świętego Dominika»... Мало того, добрая половина населенія, забывъ свое историческое прошлое и уступивъ главную особенность племени—любовь къ вѣрѣ отцовъ, сама отшатнулась отъ этой вѣры и потянулась теперь къ католицизму.

Не буду повторять того, какія силы оказали такое роковое воздѣйствіе на судьбу этого народа,—объ этомъ исторія давно уже сказала свое послѣднее слово. Мнѣ хочется поговорить лишь о тѣхъ силахъ, какія находились тамъ въ дѣйствиіи въ послѣднее время.

Уже много вѣковъ это многотрадальное племя выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть ожесточенной борьбы двухъ могучихъ силъ: русской-православной и польской-католической. Одолѣваетъ одна,—порабощаетъ народъ, навязываетъ ему свой культъ. Но не успѣетъ еще народъ отдохнуть отъ этой передѣлки, не успѣетъ присмотрѣться къ новой обстановкѣ, какъ является другая сила и въ свою очередь начинаетъ ломать... И обѣ силы ломаютъ грубо, жестоко, какъ варвары...

Одна изъ такихъ ломокъ была произведена тамъ, какъ извѣстно, въ 1875 г.—въ видѣ воссоединенія униатовъ. Эта реформа должна была сдѣлать поворотъ въ духовной жизни народа. Таковы были задачи нашихъ обрусителей; для достиженія этой цѣли они выставили тамъ свои силы. Результаты намъ извѣстны.

Какими же мѣрами производилось это пресловутое обрусеніе, какія силы выставило русское правительство для выполнения своихъ задачъ? Тамъ находились въ дѣйствиіи три силы: администрація, духовенство и, мнѣ кажется, народные учителя. Посмотримъ, что же это за силы такія, и въ чемъ проявили онѣ свою дѣятельность.

II.

Что сдѣлала администрація? Она уничтожила унию. Но правда ли это? Нѣтъ! Уніи она не уничтожила: она закрыла лишь униатскія церкви, разрушила алтари, сожгла или убрала униатскіе кресты, хоругви, иконы... Съ безпримѣрной въ исторіи жестокостью совершила она этотъ безцѣльный подвигъ. Не щадила она рели-

грозныхъ чувствъ народа, не хотѣла понять и того, что имѣеть дѣло съ темной массой... Народъ самоотверженно охранялъ свои святыни, сражался, просилъ и плакалъ... Но эти грозные палачи были сильны и неумолимы: солдаты съ ружьями, казаки съ нагайками врывались въ безоружную толпу, били, топтали, вьзали всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей; вламывались въ алтари и изъ рукъ обезумѣвшей отъ ужаса толпы вырывали священниковъ, похищали священные предметы, оскверняя святыню, кощунствуя надъ тѣмъ, чѣмъ жива была эта темная масса...

Но вотъ обратила она униатскія церкви въ православные храмы, усмирила народъ. Унію на бумагѣ зачеркнула и вмѣсто нея вписала православіе. Православіе восторжествовало, въ странѣ водворилось спокойствіе. Но это православіе — мнѣ, спокойствіе страны — затаенный ужасъ народа. Православіе въ Польшѣ... Сколько тутъ пронія! Заидите въ большинство церквей Сѣдлецкой и Люблинской губерній,—кого вы тамъ увидите? Попа, его семью, псаломщика, учителя, старосту, писаря, если онъ не католикъ, иногда войта и двухъ-трехъ захудалыхъ мужичковъ. А спросите попу, сколько у него прихожанъ; онъ назоветъ вамъ крупную цифру: три, а то и пять тысячъ; спросите потомъ писаря или войта, сколько совершается «незаконныхъ» браковъ, сколько некрещенныхъ дѣтей, сколько штрафовъ и отсидокъ за уклоненіе народа отъ церкви и тяготѣніе къ костелу; они назовутъ вамъ крупныя цифры.

Что же это значить? Это значить, что администрація уніи не уничтожила,—это и есть унія. Народъ очухался немного послѣ произведеннаго погрома и сталъ обдумывать свое положеніе. Церковь отъ него отняли, грубо осквернивъ ее, въ костелъ не пускаютъ. Какъ тутъ быть, куда итти? А администрація тѣмъ временемъ продолжала свое губительное дѣло. Соберутся въ домъ крестьянина нѣсколько человекъ, начнутъ пѣть, молиться... Откуда ни возмись—полиція, и въ результатъ протоколъ съ послѣдствіями; пронюхала она, что кто либо обмолвился неосторожнымъ словомъ—протоколъ, и «агитатора» убрали; показался ксендзъ подозрительнымъ—убираютъ и его, а костелъ закрываютъ или обращаютъ въ православную церковь; для пользы дѣла изгнали польскій языкъ, закрыли польскія школы, монастыри; для пользы дѣла на всю жизнь обывателя наложили строгій контроль: не похоронилъ калакутъ покойника по православному обряду—штрафъ или отсидка, не крестилъ ребенка, пошелъ къ исповѣди въ костелъ—то же, женилъ сына или выдалъ дочь калакутскимъ бракомъ—и тутъ вмѣшались.

Мнѣ хочется разсказать одинъ фактъ, который показываетъ, до какой крайности доходила администрація въ проведеніи своихъ предначертаній. При этомъ предупреждаю, что это—не случайный

фактъ, а нѣчто обычное,—административная мѣра, практиковавшаяся повсемѣстно. Дѣло было во Влодавскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи въ началѣ девятностыхъ годовъ. Калакутъ женилъ сына калакутскимъ бракомъ. «Калакутскіе» браки обыкновенно устраиваются такъ. Женихъ и невѣста уѣзжаютъ куда-то дня на три, конечно, къ извѣстному имъ всендзу, который тайно ихъ вѣнчаетъ; затѣмъ возвращаются, какъ новобрачные, собираютъ гостей и пируютъ свадьбу. Такіе браки до послѣдняго времени считались тамъ недѣйствительными, а дѣти отъ этихъ браковъ—незаконно-рожденными. На эту свадьбу пригласилъ мужикъ и мѣстнаго учителя. Тотъ не могъ отказать. Свадьба была въ полномъ разгарѣ. Молодые, какъ это вообще водится, сидѣли въ красномъ углу, подъ образами; гремѣла музыка; раздавались тосты, поздравленія, молодежь танцевала. Вдругъ откуда-то дошелось магическое «начальникъ!» Произошелъ переполохъ; нѣкоторые изъ гостей за шапки—и бѣжать. Отворилась дверь—и въ комнату вошелъ помощникъ начальника уѣзда съ цѣлымъ штатомъ земскихъ стражниковъ.

— Ага, сволочи! калакутскую свадьбу играете!—гаркнулъ онъ, остановившись въ дверяхъ.—Думали, укроетесь? О, я—старый воробей, отъ меня ничего не скроешь! Брать ихъ!

Хозяинъ поднялся и съ низкимъ поклономъ просилъ начальника откушать хлѣба-соли.

— И вы?—продолжалъ начальникъ, обращаясь къ учителю:—и вы, русскій человекъ, побратались съ калакутами? Очень похвально, очень хорошо!..

Гости разбѣжались. Молодые попали въ протоколъ, а бѣдный учитель еле-еле упросилъ начальника не впутывать его въ это дѣло. Иначе ему плохо пришлось бы.

Этотъ грозный администраторъ, вѣроятно, по недоразумѣнію всегда называлъ себя старымъ воробьемъ. Было бы болѣе кстати именоваться ему старой ищейкой. И дѣйствительно, ни одна свадьба, ни одинъ семейный праздникъ крестьянина не обходились безъ того, чтобъ онъ ихъ не обнюхалъ и не составилъ протокола.

Итакъ, администрація въ дѣлѣ обрусенія этого края оказала правительству медвѣжью услугу. Она обнажила свой мечъ тамъ, гдѣ не было враговъ, грозила кулаками тѣмъ, кого слѣдовало приласкать. Результаты получились неожиданные: этотъ добродушный малороссъ, соплеменникъ того хохла, который собственной кровью готовъ защищать неприкосновенность своей вѣры и народности, возненавидѣлъ все то, что имѣетъ какое либо отношеніе къ Россіи и православію.

III.

Посмотримъ теперь, что сдѣлало тамъ наше духовенство, или, вѣрнѣе, наши православные миссіонеры. Миссіонеры!... и въ этомъ словѣ помимо моего желанія слышится мнѣ безпощадная иронія. Пусть не взыщутъ съ меня эти гордые служители алтаря, если я назову ихъ просто евангельскими наемниками. Ибо не возляжетъ пастырь добрый за вечерю, когда овцы его не накормлены, не пойдетъ спать въ теплый шатеръ, когда овцы мокнутъ подъ дождемъ, гибнутъ отъ грозы, не будетъ молчать, когда хищный звѣрь на нихъ нападаетъ. Такъ поступалъ самъ Великій Пастырь, такъ поступали и всѣ истинные Его послѣдователи. Эти же пастыри—совсѣмъ иного рода. Замѣьте только. Жалованья имъ отъ казны 1.200 рублей въ годъ; кромѣ того, они имѣютъ еще церковной земли два или три надѣла, прекрасныя хозяйственныя постройки, поддерживаемыя средствами прихожанъ, хорошій домъ въ пять или шесть комнатъ, при домѣ—садъ. У каждаго попа—пять-шесть породистыхъ лошадей, десятка два головъ крупнаго рогатаго скота, стада овецъ, свиней, стаи домашней птицы... Если онъ самъ не хозяинъ, то отдаетъ землю мужику «на третьякъ» и такимъ образомъ каждый годъ собираетъ тамъ, гдѣ не сѣялъ, беретъ оттуда, куда не вкладывалъ ни труда, ни капитала; если же онъ хозяйничаетъ самъ, то пользуется бесплатнымъ трудомъ прихожанъ, которые «толокой» выполняютъ, если не всѣ, то, во всякомъ случаѣ, важнѣйшія хозяйственныя работы. А доходы за требы, а разные побочные поборы зерномъ, яйцами, колбасами, саломъ, кнышами, домашней птицей!.. Это—не мелочь, а цѣлыя богатства! Зайдите къ нему въ домъ,—у него прекрасная мебель, рояль, дорогія зеркала, картины. Со стола никогда не снимаются кушанья и напитки; на кухнѣ у него цѣлый штатъ прислуги. Рогатый скотъ пасется на помѣщичьихъ поляхъ и сѣнокосахъ; откормленные поповскія свиньи не ѣдятъ отрубей и половы: ихъ кормятъ мужицкимъ зерномъ и пирогами. Сравните эту обстановку съ обстановкой хотя бы самаго зажиточнаго прихожанина. Я не совру, если скажу, что добрая половина ихъ была бы счастлива, если бы имѣла возможность хоть разъ въ годъ откусать той пищи, какую батюшка ѣстъ ежедневно; мало того, есть, можетъ быть, много и такихъ, которые въ этомъ отношеніи и поповскимъ свиньямъ завидуютъ.

Кромѣ прекраснаго матеріальнаго обезпеченія, духовенство этого края и въ правовомъ отношеніи занимаетъ тамъ видное мѣсто. Это—«миссіонеры», и, какъ таковые, они считаются тамъ на особомъ положеніи—внѣ всякой зависимости отъ общества. И дѣйствительно, кто можетъ вмѣшаться въ кругъ дѣятельности духовенства, предписать ему законы, подвергнуть взысканію? Гражданская

власть ему—не указъ, тѣмъ болѣе, что въ чиновничьей средѣ духовенство имѣетъ своихъ людей: родню или хорошихъ знакомыхъ. Простые прихожане, особенно опальные калакуты, и подавно не страшны ему. Если иногда, доведенные до крайности, они и жалуются, кому слѣдуетъ, на своего настоятеля, то жалобы эти, въ большинствѣ случаевъ, остаются безъ послѣдствій, такъ какъ онѣ разбираются духовными судьями, которые, конечно, всегда поддерживать своего собрата. Остается одинъ архіерей, который только и можетъ нагнать на нихъ страхъ. Но руководительная дѣятельность этого начальства всѣмъ намъ хорошо извѣстна. Если архіерей развѣ въ десять лѣтъ поѣдетъ по епархіи, то смотреть лишь на внѣшнюю сторону дѣятельности своихъ подчиненныхъ, слѣдить за формой: онъ требуетъ лишь, чтобы духовенство во-время вышло къ нему съ крестами и хоругвями, чтобы на церкви крестъ не покосился, чтобы внутри храма не видно было паутины, чтобы богослужбеныя книги не были закапаны воскомъ, а въ бухгалтерскихъ книгахъ не встрѣчалось бы подчистокъ. Вотъ и все, внутренняя же сторона дѣла никѣмъ не учитывается.

Итакъ, и въ матеріальномъ и въ правовомъ отношеніи духовенство Привислинскаго края поставлено гораздо выше окружающей его среды: по средствамъ—это помѣщики, по положенію—крупные чиновники. И они живутъ, какъ помѣщики, а службу несутъ, какъ казенные чиновники. Священникъ знаетъ, что ему вѣнено въ обязанность въ извѣстные дни отслужить ту или иную требу; онъ и отслуживаетъ ее, если не найдетъ благовиднаго предлога уклониться отъ этого. Другихъ же обязательствъ онъ за собой не признаетъ; мало того, на все и на всѣхъ, кромѣ своихъ сотоварищей, онъ смотритъ пренебрежительно, свысока. Учитель ему—не братъ, не товарищъ, мужикъ—слуга, дойная корова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, презрѣнное существо. Такъ онъ съ ними и обращается. Приходитъ, напримѣръ, къ нему мужикъ по дѣлу: за метрикой или заказать извѣстную требу. Онъ принимаетъ его. Если мужикъ не упорствующій, то онъ условливается съ нимъ о размѣрѣ гонорара и отпускаетъ съ миромъ; если же приходитъ калакутъ, то прежде, чѣмъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ, онъ считаетъ нужнымъ намылить голову этому невольному кліенту, говорю «невольному» потому, что только крайность заставитъ калакута обратиться къ попу. «Калакутъ, жидъ, нехристь, порожденіе діавола, ксендзовскій прихвостень» и тому подобныя выраженія одно за другимъ изливаются вдругъ на голову несчастнаго уніата, виноватаго лишь тѣмъ, что некому его просвѣтить...

Надругавшись же вволю, онъ заломитъ съ него за услугу баснословный гонораръ, такъ какъ знаетъ, что мужикъ другого выхода найти не можетъ. Иной, правда, заупрямится, не хотеть платить: бываютъ, напримѣръ, случаи, когда покойникъ нѣсколко

дней лежитъ безъ погребенія потому лишь, что родные его не могутъ сойтись съ попомъ въ цѣнѣ, а случилось и такъ, что калакутъ по той же причинѣ подвозилъ покойника къ церкви и оставялъ его тамъ или хоронилъ самъ безъ отпѣванія, за что, конечно, подвергался строгой карѣ, такъ какъ хоронить униатскаго покойника только въ церкви, по православному обряду, предписано было администраціей. Въ большинствѣ же случаевъ мужику приходится платить то, что съ него батюшка запроситъ, хотя бы для этого пришлось продать ему послѣднюю корову или овечку.

Такими же отборными эпитетами клеймятъ священникъ всѣхъ отщепенцевъ и въ церкви съ амвона, когда выступаетъ тамъ съ своимъ «обличительнымъ» словомъ. И туда вносятъ онъ духъ злобы и порицанія. Онъ занятъ обличеніемъ, а дѣйствительная потребность народа—потребность нравственнаго совершенствованія, остается неудовлетворенною. Священники и ксендзы яростно грызутся другъ съ другомъ, обвиняаясь взаимными проклятiями, а народъ слушаетъ и воображаетъ, что въ этомъ и состоитъ вся религія. И дѣйствительно, спросите любого мужика, какія обязанности налагаетъ на него религія,—онъ вамъ отвѣтитъ такъ: ходить по праздникамъ въ церковь, молиться утромъ и вечеромъ, не ѣсть въ постные дни скоромной пищи, при чемъ православный скажетъ, что всѣ неправославные пойдутъ въ адъ, а католикъ отдастъ преимущество своей вѣрѣ... Вотъ и все.

Такимъ образомъ общественная дѣятельность духовенства выражается лишь въ томъ, что оно по закону или по обязанностямъ службы выполняетъ извѣстныя требы да выступаетъ иногда со своими обличительными проповѣдями, которыя не могутъ зародить въ народѣ иныхъ чувствъ, кромѣ грубаго фанатизма.

IV.

Отъ этого важнаго недостатка не свободны, къ сожалѣнію, и лица высшей духовной іерархіи: и они думаютъ, что въ обличеніи противника — вся сила. Не лишнимъ считаю разказать одинъ фактъ, который прекрасно иллюстрируетъ дѣятельность этого духовенства и, кстати, отношеніе калакутовъ къ православію.

Въ село Г., Влодавскаго уѣзда, весною 1893 г., имѣлъ пріѣхать епископъ люблинскій Гедеонъ (онъ давно уже ушелъ на покой). Съ нимъ ѣхалъ начальникъ учебной дирекціи и, въ качествѣ свиты, уѣздная администрація. Въ день его пріѣзда въ мѣстной церкви долженъ былъ собраться народъ, а въ школѣ—учащiеся. Я служилъ тогда учителемъ въ сосѣдней деревнѣ. Предписано было и мнѣ доставить туда своихъ учениковъ. Но легко было директору предписывать; на мою же долю выпала болѣе трудная задача: изъ всѣхъ моихъ учениковъ, а ихъ было у меня около

шестидесяти человѣкъ, только одинъ былъ православный, было еще нѣсколько католиковъ, а всѣ остальные—самые заядлые калакуты. Метнулся я по деревнѣ, сталъ вести переговоры съ мужиками, объявивъ имъ, что начальникъ дирекціи хочетъ узнать, чему дѣти научились. Не соглашаются.

— Если бъ былъ тамъ одинъ начальникъ дирекціи, тогда отпустили бы, а къ архіерею—никогда! — заявляютъ всѣ въ одинъ голосъ.

Къ архіерею же потому не желаютъ пустить, чтобы онъ ихъ не крестилъ насильно. Напрасно я убѣждалъ ихъ въ томъ, что никто не имѣетъ права насиловать ихъ, ничто не помогло. «Нѣтъ дураковъ!»—и баста.

И нарочно въ назначенный день, еще съ ночи, всѣ дѣти были увезены родителями въ поле на работы. Съ большими усиліями выпросилъ я у родителей трехъ мальчугановъ и, заплативъ за каждого изъ нихъ по рублю, взялъ ихъ съ собою. Но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе. Еще съ вечера сотскому заказаны были подводы, но онъ въ назначенный срокъ не пришли. Я обращаюсь къ сотскому—онъ въ полѣ, я иду по дворамъ—нигдѣ нѣтъ лошадей. Пришлось отправиться пѣшкомъ. Къ счастью, недалекій былъ путь, всего пять верстъ. Проходимъ дорогой межъ полей, тамъ работаютъ наши же крестьяне. Глядятъ и смѣются.

— Идете архіерею бороду лизать?

И опять смѣются.

Взбунтовались мои ученики:

— Не пойдѣмъ, не хотимъ—и баста!

Я начинаю упрашивать, затѣмъ—угрожать, ничто не помогаетъ.

— Не хотимъ архіерею бороду лизать!

Уговорилъ кое-какъ. Пошли дальше. Но одинъ изъ троихъ, подъ предлогомъ, что ему «хочется на дворъ», убѣжалъ таки съ дороги.

Пришелъ я въ Г. самъ третій. Архіерея еще не было, директора тоже, но уѣздная администрація была уже въ полномъ составѣ. Ко мнѣ подошелъ помощникъ начальника уѣзда, тотъ самый, который именовалъ себя старымъ воробьемъ.

— Васъ только трое?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да, такъ!

— А сколько по списку?

— Человѣкъ шестьдесятъ!..

— Что же это вы сдѣлали?—ужаснулся онъ. — Шутить вздумали, что ли? Вы губите себя, вы губите насъ!.. Да знаете ли вы, чѣмъ это пахнетъ?

— Знаю, но что прикажете дѣлать?

— Войтъ, сотскій! — закричалъ онъ, вдругъ заметавшись во всѣ стороны.

Явился войтъ.

— Немедленно доставить сюда учениковъ!

Войтъ засуетился, сѣлъ на первую попавшуюся подводу и уѣхалъ собирать учениковъ. Его миссія оказалась болѣе плодотворной. Часа черезъ полтора онъ вернулся и привезъ полдюжины мальчугановъ. Но, Боже, что это были за ученики! Въ школу они никогда не ходили, и ни одинъ изъ нихъ не зналъ русской грамоты. Это были деревенскіе пастушки; войтъ подобралъ ихъ гдѣ-то въ полѣ и привезъ въ полной пастушеской амуниціи. Надо было видѣть, какъ трепетали эти несчастныя созданья, сидя на возу въ объятіяхъ войта. Что они думали, какія чувства переживали? Но войту надо было исполнить приказаніе начальства... Насилу упробилъ я этого грознаго администратора отпустить пастушковъ къ своимъ стадамъ.

Но вотъ ударили въ колокола, показался экипажъ архіерея. Владыка вышелъ, благословилъ народъ и направился въ церковь. Тамъ онъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ священникомъ, который тутъ же въ довольно обстоятельной рѣчи сообщилъ свѣдѣнія о состояніи православія въ этомъ приходѣ. Свѣдѣнія эти были неутѣшительны; архіерей при каждомъ словѣ священника съ неудовольствіемъ покачивалъ головой: видно было, что не нравились ему такія рѣчи. Послѣ молебна обходили вокругъ церкви съ крестнымъ ходомъ, и затѣмъ епископъ остановился на паперти. Наступила торжественная минута. Тутъ, на паперти, было много народу, но все это были должностныя лица: учителя, писаря, духовенство, архіерейская свита... А тамъ, за церковной оградой, толпились тысячи простого народа, калакутовъ, которые полюбопытствовали взглянуть на православнаго архіерея. Это были поистинѣ торжественныя минуты. Архіерей посмотрѣлъ на народъ и обратился къ священнику:

— Ты говоришь: некого учить. Посмотри, какъ много ихъ, жаждущихъ, собралось. Увѣщевай же ихъ сейчасъ, пусть не стоятъ они за оградой, какъ овцы блудящія!

Священникъ поправилъ ризы, кашлянулъ въ кулакъ и дрожащимъ голосомъ началъ было что-то говорить. Но послѣ двухъ-трехъ фразъ епископъ оборвалъ его, рѣзко замѣтивъ:

— Какъ же къ тебѣ народъ пойдетъ, когда ты толковаго слова сказать не можешь?

И владыка началъ говорить самъ: онъ говорилъ о Святомъ Духѣ, о козняхъ діавола, приглашалъ народъ освободиться отъ діавола и вселить въ себя «Духъ Святъ»... Около часа говорилъ онъ, а народъ все такъ же толпился на улицѣ, у церковной ограды. Наконецъ епископъ сталъ вызывать желающихъ для религіозной бесѣды. Въ народѣ послышался сдержанный шопотъ, и минуты черезъ двѣ толпа вытолкала впередъ нѣсколько человекъ, кото-

рше упрямылись было, не хотѣли выступать. Начался религиозный споръ, горячій и продолжительный. О чемъ они спорили, я теперь ужъ не помню, зато финалъ этого спора никогда не изгладится изъ моей памяти. Послѣ спора, надо добавить, безрезультатнаго архіерей хотѣлъ преподать своимъ оппонентамъ благословеніе и вручить каждому по кресту. Но тѣ отказались.

— Не хотимъ ни вашего благословенія, ни крестиковъ вашихъ! Такого отвѣта епископъ, повидимому, не ожидалъ.

— Почему жъ это вы не желаете получить отъ меня по кресту?—спросилъ онъ.

— Потому, что не желаемъ!

— Какъ же это быть вамъ безъ крестовъ?

— Мы имѣемъ крестики изъ Ченстохова, а благословеніе отъ отца святого!

— А все-таки возьмите и отъ меня на память.

— Не хотимъ вашихъ крестиковъ, не хотимъ и вспоминать васъ!—отвѣтили калакуты.

А кто-то высказался и болѣе рѣшительно: «плевать на ваши крестики!»...

Еле замѣтный жестъ обиды—и стражники увели куда-то дерзкихъ слушниковъ. Отпустили они ихъ потомъ или посадили,—я тогда не поинтересовался узнать. Но долго мужики не могли забыть того, какъ архіерей обрѣзалъ попа, а они—архіерея.

Однако, хочу дорисовать картину. Изъ церкви епископъ отправился въ школу, а оттуда—къ попу на обѣдъ. А «старый воробей» тѣмъ временемъ позаботился о томъ, чтобы архіерею устроены были приличные проводы. Онъ разослалъ сотскихъ по деревнѣ, и черезъ полчаса у поповскаго подѣзда возсѣдало на заморенныхъ клячахъ десятка два мужичковъ, умышленно одѣвшихъ въ изорванные свитки. Надо было видѣть этотъ чудный кортежъ, когда открылъ онъ шествіе! По ухабистой проселочной дорогѣ, въ облакахъ пыли, тяжело громыхла архіерейская колымага; впереди и свади, на деревенскихъ бричкахъ, ѣхала свита, а по сторонамъ дороги, по мягкому полю, важно гарцовала на своихъ блестящихъ россинантахъ эта своеобразная стража... Давно это было, а я и до сихъ поръ не могу забыть этой рѣдкостной картины. Я смотрѣлъ тогда на нее и не зналъ, плакать ли мнѣ, или смѣяться...

V.

Итакъ, православное духовенство Привислинскаго края не завоевало себѣ симпатій народа, и потому не могло оказать никакого вліянія на его умъ и чувства. Я еще коснусь этого вопроса, теперь же скажу о дѣятельности народныхъ учителей. Мы уже видѣли, при какихъ обстоятельствахъ приходится рабо-

татъ тамъ этимъ маленькимъ людямъ: имъ желательно быть полезными народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ личной безопасности, не хочется гнѣвить начальства; для выполнения же второй задачи имъ часто приходится принимать на себя нежелательныя обязательства поддерживать то, что слѣдовало бы разрушить, хвалить то, что заслуживаетъ порицанія... и въ результатѣ— часто служить козломъ отпущенія за грѣхи другихъ. Такъ оно всегда и бываетъ съ маленькими людьми. Но вернемся еще разъ къ описанной мною ревизіи.

«Старый воробей» былъ правъ, заявивъ мнѣ, что я себя гублю. Такъ оно въ дѣйствительности и случилось. Архіерей многозначительно пожалъ плечами, когда увидѣлъ моихъ учениковъ.

— Это всѣ?

— Всѣ!

Начался экзаменъ. Православный ученикъ отвѣчалъ довольно бойко, а калакутъ все дѣло испортилъ.

— Ты какой вѣры?—спросилъ его архіерей.

— Уніатской.

— Ты православный: теперь уніатовъ нѣтъ!

— Нѣтъ, я уніать.

— Куда же ты молиться ходишь?

— Въ костель.

— Почему жъ не ходишь въ церковь?

— Куда ходятъ родители, туда и я.

— Перекрестись.

Перекрестился по-католически.

— Почему же ты не крестишься по-православному?

— Меня такъ родители научили.

— Скажи молитву Господню.

— Я знаю только польскія молитвы.

— А развѣ васъ учитель не учитъ русскимъ молитвамъ?

— Учитъ, но я не учу ихъ.

Была ли тутъ усмотрѣна демонстрація, или нашла меня бездѣятельнымъ, но за эту ревизію я получилъ строгій выговоръ. Впрочемъ, этотъ выговоръ былъ мнѣ сдѣланъ, вѣроятно, по желанію архіерея, такъ какъ начальникъ дирекціи хорошо былъ знакомъ съ моею дѣятельностью.

Вскорѣ я былъ переведенъ въ Соколовскій уѣздъ. Въ это время, или немного раньше, было запрещено преподаваніе въ школахъ польскаго языка. Надо замѣтить, что Соколовскій уѣздъ тоже населенъ малороссами, но племенные черты ихъ тамъ ужъ очень слабо выражены. Живя по сосѣдству съ мазурами и мелкой польской шляхтой, этотъ народъ позаимствовалъ отъ нихъ нѣкоторые обычаи, костюмы и даже языкъ. Неудивительно поэтому, что онъ съ неудовольствіемъ принималъ у себя всякаго русскаго, тѣмъ

болѣе учителя. Но первый ударъ получилъ я, однако, совсѣмъ не отсюда, откуда могъ ожидать его. Не успѣлъ я пріѣхать туда и расположиться, какъ слѣдуетъ, какъ мнѣ уже передали, что батюшка мною недоволенъ. Я зналъ еще раньше, что этотъ батюшка «сѣлъ» много учителей. На третій или четвертый день пришелъ псаломщикъ и сказалъ, что священникъ идетъ ко мнѣ. Я еще не совсѣмъ устроился, однако былъ очень радъ принять такого почтеннаго гостя, и встрѣтилъ его очень привѣтливо. Онъ вошелъ, кивнулъ мнѣ головою и тутъ же высказалъ свое неудовольствіе за то, что я не пришелъ къ нему на квартиру, чтобы получить отъ него соотвѣтствующія распоряженія. Онъ держалъ себя со мною такъ, какъ будто считалъ себя прямымъ моимъ начальникомъ: давалъ мнѣ распоряженія, наставленія, осматривалъ классъ, мою комнату, бібліотеку и даже поинтересовался заглянуть въ мой чемоданъ; въ разговорѣ то и дѣло употреблялъ и даже подчеркивалъ выраженія: «мои учителя, мои распоряженія, такого-то учителя держу, а такого-то не потерплю»... Онъ довелъ меня до того, что я вынужденъ былъ напомнить ему, кого я считаю своимъ начальникомъ; на это онъ мнѣ замѣтилъ, что учителя вообще «много воображаютъ», что онъ ужъ многихъ за это наказалъ, и что во мнѣ онъ хочетъ видѣть благоразумнаго педагога. Въ заключеніе онъ опять кивнулъ мнѣ головою и ушелъ домой.

Сталъ я ходить по деревнѣ, чтобы свести знакомство съ народомъ. Но добиться этого было не легко. Народъ избѣгалъ встрѣчи со мною, и часто на мои привѣтствія или вопросы мужики и бабы демонстративно отворачивались, или отдѣлывались сердитыми восклицаніями. Иногда хозяйка передъ самымъ моимъ носомъ запирала дверь на засовъ, когда видѣла, что я хочу войти въ хату, а если мнѣ и удавалось войти, то многіе не отвѣчали на мои вопросы, или прямо заявляли, что не желаютъ, чтобы я заходилъ къ нимъ. И эта незаслуженная злоба была такъ сильна, что во многихъ домахъ отказывались продавать мнѣ сѣстное и вообще все то, что можно достать у крестьянина.

Насколько народъ не понимаетъ тамъ дѣйствительнаго призванія учителя, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Однажды въ правдникъ проходилъ я по деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ собралось нѣсколько человѣкъ мужичковъ и о чемъ-то бесѣдовали. Я подошелъ къ нимъ. Какой-то пожилой крестьянинъ, кривой на одинъ глазъ, безъ всякаго повода накинулся вдругъ на меня со страшной злобой:

— Вы схизматикъ, вы недовярокъ!..

И одинъ за другимъ посыпались вопросы:

— Зачѣмъ ваши попы пьютъ водку, постовъ не постятъ и въ карты играютъ, почему у васъ въ церкви не поютъ «киріе-елейсонъ», почему вы не хотите быть католиками, когда Матерь Божія

была католичкой, и святые отцы знали одну лишь церковь—ка-
оолическую, почему у васъ крестный ходъ противъ солнца идетъ,
зачѣмъ ваша попадьа сморкается въ тѣсто, когда просфоры пе-
четь?

Сначала я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, думая, что
это сумасшедшій: такъ неумѣстно было все то, что онъ говорилъ.
И лишь потомъ узналъ въ немъ одного изъ доморощенныхъ ка-
лакутскихъ богослововъ. Напрасно я старался убѣдить этого не-
вѣжественнаго фанатика, что вопросами религіозными я совсѣмъ
не занимаюсь, что моя цѣль—учить ихъ грамотѣ. Онъ меня и слу-
шать не хотѣлъ, и, кривляясь и отчаянно жестикулируя, продол-
жалъ:

— Они, какъ черти паршивые, они, какъ жида пархатые!..

Я не могъ больше оставаться въ толпѣ и ушелъ, провожаемый
общимъ взрывомъ хохота...

Но вотъ я мало-по-малу сошелся съ народомъ и сталъ зани-
маться. Опять встрѣтилось затрудненіе: половина не хочетъ чи-
тать молитвъ передъ ученіемъ и послѣ ученія; мало того, нашелся
такой протестантъ, сынъ богослова, который отказался даже вста-
вать, когда другіе читали молитву. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ
это дѣлаетъ, онъ сказалъ, что здѣсь цольская школа, и онъ со-
всѣмъ не желаетъ, чтобы читались тутъ русскія молитвы. Въ дан-
номъ случаѣ онъ былъ не правъ, такъ какъ въ цѣломъ классѣ
было не больше трехъ католиковъ, остальные же на бумагѣ числи-
лись православными. Но, какъ бы тамъ ни было, а я обязанъ былъ
прочитывать въ классѣ эти молитвы. Между тѣмъ, сынъ бого-
слова въ короткое время успѣлъ взбунтовать весь классъ. Какъ
тутъ быть? Я могъ на него пожаловаться, кому слѣдуетъ, но не
хотѣлось мнѣ губить молодого человѣка. Ограничился я тѣмъ, что
исключилъ его изъ школы. Можетъ быть, я поступилъ нехорошо,
но при данныхъ условіяхъ я не могъ поступить иначе.

Къ этому огорченію прибавилось еще и новое. Батюшка сталъ
мнѣ жаловаться, что половина учениковъ отсутствуетъ на уро-
кахъ Закона Божія. Когда же я сказалъ объ этомъ дѣтямъ, то
они въ одинъ голосъ заявили, что съ батюшкой невозможно за-
ниматься, такъ какъ онъ слишкомъ грубо съ ними обращается:
ругаетъ ихъ калакутами, нехристями, жидами и бьетъ беспощадно.
Я и самъ зналъ объ этомъ, но неловко мнѣ было дѣлать священ-
нику замѣчаніе. Чтобы удержать его порывы, я подъ разными
предлогами старался самъ присутствовать на его урокахъ. Но это
мало помогло. Батюшка меня ничуть не стѣснялся; напротивъ, это
обстоятельство давало ему возможность лишній разъ доказать мнѣ,
что онъ здѣсь хозяинъ. Я замѣчалъ все это и понималъ, что съ ба-
тюшкой мы не уживемся. И дѣйствительно разрывъ произошелъ
очень скоро. Однажды онъ при мнѣ жестоко избилъ одного уче-

ника: онъ схватилъ его за волосы и ткнулъ лицомъ въ скамейку; у несчастнаго ребенка полилась кровь изъ носа. Онъ сталъ плакать, а съ нимъ и весь классъ. Такого варварскаго поступка я не могъ обойти молчаніемъ и тутъ же предупредилъ батюшку, что долженъ буду довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства. Онъ обзвалъ меня мужикомъ и съ угрозами ушелъ изъ класса. На слѣдующій день онъ самъ поѣхалъ въ дирекцію съ жалобой. Тамъ, какъ мнѣ потомъ передавали, онъ аттестовалъ меня атеистомъ, анархистомъ и чуть ли не антихристомъ, жаловался, что не хожу я въ церковь, не исповѣдуюсь, дружу съ калакутами, не оказываю должнаго почтенія апостольскому сану. Вышло, что меня слѣдуетъ судить по всей строгости російскихъ законовъ. Однако у отца законоучителя на этотъ разъ сорвалось: начальникъ дирекціи попросилъ его успокоиться и хоть со мною зажить въ мирѣ. Но онъ не успокоился и потому совсѣмъ пересталъ посѣщать свои уроки. Отъ этого мои ученики, конечно, ничего не потеряли; но я самъ не нашелъ возможнымъ оставаться въ этой школѣ и вынужденъ былъ уйти оттуда. Я нарисовалъ картину учительскаго быта въ его правовомъ отношеніи. Картина эта не измѣнится, если мы, вмѣсто священника, подставимъ войта, писаря, стражника, начальника уѣзда и прочихъ чиновъ администраціи. Всѣ ему—начальство, всѣхъ онъ долженъ бояться.

При такихъ-то обстоятельствахъ приходится работать тамъ на родному учителю. Миссія его велика: ему приходится вновь создавать то, что разрушается другими, исправлять чужія ошибки... Но для этого у него слишкомъ мало средствъ и полномочій. Онъ занимается тамъ такую низкую ступеньку, что каждый черезъ него шагаетъ, каждый его опрокидываетъ...

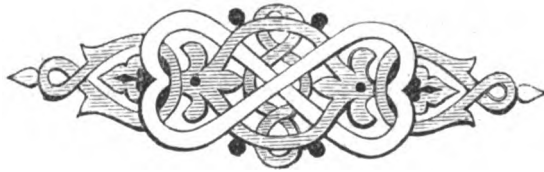
VI.

Такъ вотъ какія силы выставило тамъ русское правительство для борьбы съ уніей и католицизмомъ. Ни администрація, ни духовенство, ни постановка дѣла народнаго образованія не оказали на народъ желаннаго воздѣйствія, и онъ, вполне естественно, перешелъ на ту сторону, которая выказала въ этой борьбѣ больше умѣнія и силы: онъ подчинился католическому духовенству. Это—совсѣмъ другія силы; правда, онѣ за тьму, онѣ за деспотизмъ—ихъ нельзя желать, но силы эти могучи. Католическое духовенство, въ противоположность православному, обнаружило полное пониманіе психологіи народныхъ массъ; кромѣ того, оно вполне предано своему дѣлу, въ этомъ—вся его сила. Гдѣ плачемъ, гдѣ силою слова, гдѣ лаской, а гдѣ страшными угрозами, открыто и тайно гипнотизировало оно это темную массу, а усыпивъ—поработило, и на такой удобной почвѣ оно сѣяло свои излюбленныя сѣмена: религіозную смуту, фанатизмъ...

На этомъ я заканчиваю свою статью. Предоставляю читателю сдѣлать изъ нея соответствующій выводъ. Отъ себя же скажу, что я радъ за этихъ несчастныхъ дикарей: имъ позволено наконецъ вѣрить въ Бога по-своему. Одного не могу скрыть: мнѣ жаль, что такъ трагически закончилось свое существованіе племя холмскихъ малороссовъ, оно теперь ужь умретъ, такъ какъ вмѣстѣ съ католичествомъ впитаетъ въ себя и новую культуру. Я—сторонникъ свободы, но такой, когда устранена возможность какого бы то ни было насилія. Эта же «свобода»—не что иное, какъ передача рабовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, не менѣе грубыя и деспотичныя.

Только свобода гражданская и развитіе въ народѣ самосознанія путемъ широкаго просвѣщенія могутъ освободить его отъ религіознаго рабства; только школа можетъ указать ему вѣрные пути къ сохраненію и дальнѣйшему развитію самобытности этого симпатичнаго племени, только школа можетъ предохранить его отъ сліянія съ чуждымъ и враждебнымъ ему элементомъ.

П. И. Корневскій.

РАСПЕЧАТАННЫЕ АЛТАРИ.

Запечатану гробу и дверемъ заключеннымъ,
ученикомъ предсталъ еси, Христе Боже, духъ
правый тѣми обновляя намъ.

(Изъ пасхальныхъ тропарей).

I.

ОГОЖСКОЕ кладбище, Преображенское кладбище, Громовское кладбище и разныя другія кладбища большихъ городовъ предоставлены были старообрядцамъ для выполненія своихъ религіозныхъ обрядовъ и молитвъ. Какъ бы признавался только одинъ актъ старообрядческой жизни—погребеніе. «Старая» вѣра была обречена въ Россіи на вымираніе, и ей не нашлось мѣста нигдѣ, какъ на кладбищахъ...

Мало того, правительство распорядилось «святыя святыхъ» старообрядцевъ закрыть и запечатать, какъ нѣкогда римскія власти и іудейскіе первосвященники запечатали камень надъ погребеннымъ Іисусомъ Христомъ.

Но... какъ бы во исполненіе словъ Спасителя — «если зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода» — горькое зерно «старой» вѣры въ наше время вдругъ ожило, расцвѣло, расширилось, укрѣпилось, украсилось.

Посмотрите, съ какимъ спокойствіемъ, увѣренностью и упованіемъ на будущее собирается теперь сонмъ старообрядческихъ свя-

тителей и благочестивыхъ мирянъ на ежегодный съѣздъ въ Нижнемъ Новгородѣ!

Да, они стали на ноги твердо, непоколебимо, надежно.

За вѣру!

Таковъ призывъ, какъ главный, стоитъ впереди всего у русскаго человѣка.

Два съ половиною вѣка стояли старообрядцы за свою «старую» вѣру съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ когда-то боролись первые, мученики христіанства. Съ гимнами и церковными пѣснями на устахъ, они смѣло шли на поношеніе, на наказаніе, на дыбу, на казнь, на сожженіе. И каждая капля крови «малыхъ сихъ», пролитая на землю за вѣру, рождала новыхъ ея поборниковъ.

«Не та церковь, которая гонитъ, а та, которую гонятъ».

Подъ этимъ флагомъ старообрядцы вынесли на своихъ плечахъ всевозможныя гоненія за право исповѣдывать Христа такъ, какъ имъ подсказываетъ совѣсть. И они побѣдили.

Терпѣніе, кротость, смиреніе, самоотреченіе и покорное принятіе креста страданій,—вотъ что дало имъ торжествовать побѣду!

Пасха тысяча девятьсотъ пятаго года была днемъ этого торжества.

Въ Москвѣ, въ великую субботу, 16 апрѣля, неожиданно по телефону приглашаются къ градоначальнику попечители и выборные старообрядческаго общества. Имъ объявили, чтобы они собрались въ церквахъ Рогожскаго кладбища для выслушанія высочайшаго повелѣнія отъ только-что прибывшихъ въ Москву царскихъ пословъ.

Въ 3 часа дня, густая толпа старообрядцевъ, волнуясь отъ неожиданной вѣсти, окружала свои дорогія святыни. Подъѣзжаютъ генераль-адъютантъ князь Голицынъ и флигель-адъютантъ графъ Шереметевъ, въ сопровожденіи градоначальника, генерала Волкова. Толпа обнажила головы и съ радостнымъ трепетомъ вошла за ними въ храмъ.

Князь Голицынъ съ амвона обратился къ собравшемуся народу съ слѣдующими словами:

— Государь императоръ высочайше соизволилъ 16 апрѣля отправить московскому генераль-губернатору слѣдующую телеграмму:

«Повелѣваю въ сегодняшний день наступающаго Свѣтлаго праздника распечатать алтари старообрядческихъ часовенъ Рогожскаго кладбища и предоставить впредь состоящимъ при нихъ старообрядческимъ настоятелямъ совершать въ нихъ церковныя службы. Да послужитъ это столь желанное старообрядческимъ міромъ снятіе долговременнаго запрета новымъ выраженіемъ моего довѣрія и сердечнаго благоволенія старообрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью престолу. Да благословитъ и умудритъ

ихъ Господь съ полною искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіемъ русской православной церкви воссоединить ихъ съ нею и прекратить соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только церковь. Николай II».

Со слезами на глазахъ старообрядцы выслушали радостную вѣсть и прежде всего обратились съ горячею молитвою къ Богу.

Рогожское кладбище. Зимній храмъ.

Изъ всѣхъ болѣе или менѣе благоприятныхъ распоряженій послѣдняго времени относительно старообрядцевъ, ни одно изъ нихъ такъ не обрадовало московскихъ «людей древяго благочестія», какъ указъ 16 апрѣля 1905 г. Но онъ былъ только прелюдией того огромнаго значенія указа, который былъ обнародованъ по всей землѣ Русской на другой день, 17 апрѣля, въ самый праздникъ Пасхи. Съ этого знаменитаго дня начинается въ Россіи настоящая вѣротерпимость. Отнынѣ сняты всѣ искусственныя перегородки въ общемъ народномъ храмѣ во имя Христа, и каждый русскій можетъ открыто исповѣдывать Бога «по совѣсти». Этимъ указомъ признано, что русскій народъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста. Съ него сняты всѣ помочи. Нянька отнята. Онъ можетъ больше не питаться молокомъ школьныхъ толкованій. Предъ нимъ

раскрыта вся библия. Теперь онъ самъ читаетъ и толкуетъ ее, какъ ему подсказываютъ его умъ и сердце. Ему дана та самая великая свобода, предъ которой предложено на выборъ «жизнь и добро, смерть и зло» (Второзаконіе, ХХХ, 15).

Значеніе указа 17 апрѣля велико! Съ него начинается новая эпоха въ исторіи русскаго народа, если онъ дастъ давно желанный миръ послѣ многолѣтней религіозной распри.

II.

Спустя четыре мѣсяца послѣ распечатанія алтарей въ храмахъ Рогожскаго кладбища, мнѣ случилось быть въ Москвѣ и бесѣдовать съ старообрядцами. Они въ одинъ голосъ стали упрашивать меня посѣтить ихъ обновленную святыню.

— Вамъ непременно надо посмотрѣть нашъ храмъ. Пожалуй, онъ не уступитъ Успенскому въ Кремлѣ. Не откладывайте, побѣжайте сейчасъ!

Несмотря на дождь и на порядочно длинную дорогу, я отправился. Было два часа дня. Извозчикъ долго ѣхалъ къ восточной части Москвы, гдѣ проходитъ старое Рязанское шоссе. Вдругъ онъ круто свернулъ нѣлво, переѣхалъ линію желѣзной дороги и сразу очутился у южныхъ воротъ Рогожскаго кладбища. Старичокъ-сторожъ, кутаясь отъ дождя въ сѣрый разодранный армякъ, указалъ мнѣ, какъ пройти въ храмъ.

— А кто же мнѣ откроетъ его?

— Открытъ, открытъ сейчасъ. Пожалуйте!

Миная рядъ жилыхъ домовъ, подхожу къ первому зимнему храму, выкрашенному въ красный цвѣтъ съ бѣлой раздѣлкой. Входныя западныя двери его на замкѣ, а въ раскрытыя сѣверныя—работіе носятъ доски, глину, кирпичъ.

— Не въ этомъ ли храмѣ распечатанъ алтарь? — спрашиваю проходящую женщину.

— Да, и въ немъ распечатали. Но здѣсь идетъ передѣлка. Пройдите въ лѣтнюю церковь: тамъ все теперь въ порядкѣ.

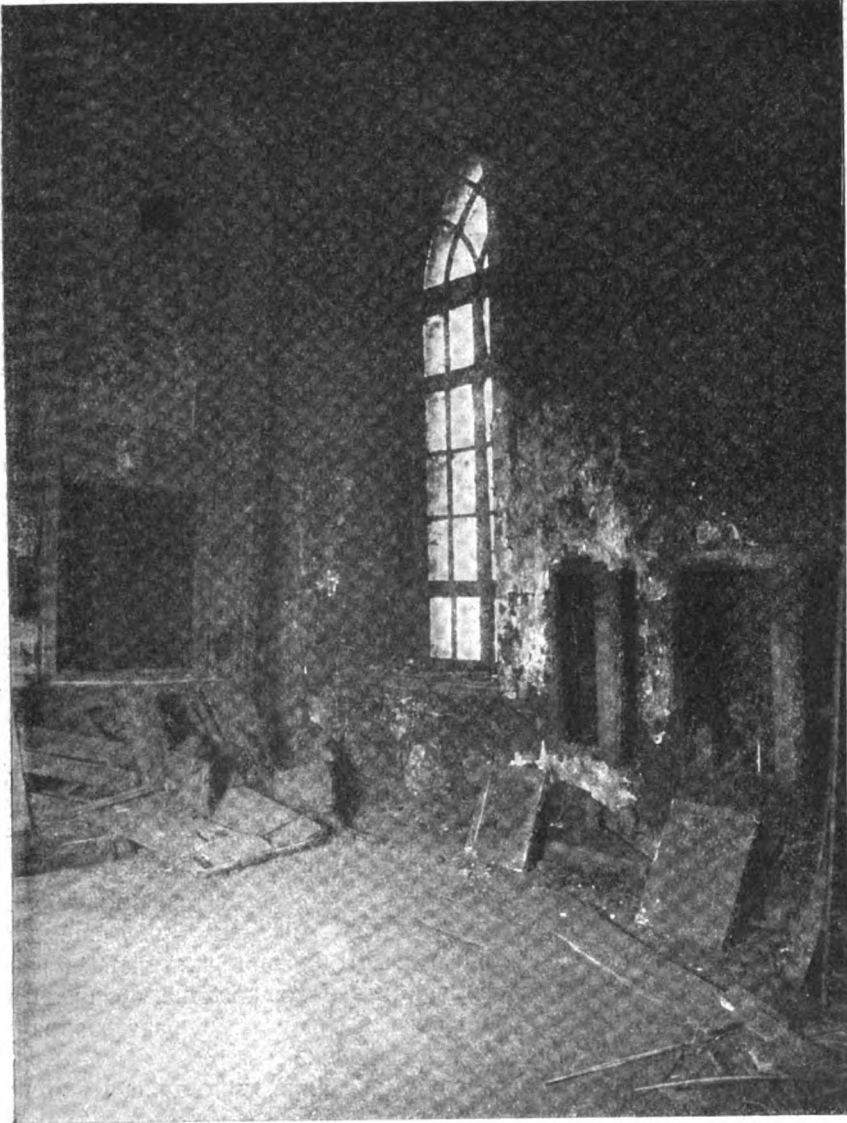
И она указала на этой же площади другой храмъ, большихъ размѣровъ, выкрашенный въ желтоватую краску. Входныя двери его были раскрыты настежь. Несмотря на дождь, отъ паперти черезъ всю лѣстницу былъ протянутъ красный коверъ до западныхъ воротъ ограды.

Среди пестрой толпы женщинъ на паперти рѣзко выдѣлялись черные кафтаны со сборами. Это пѣвчіе и понамари храма.

— Не архіерея ли ждете?—спрашиваю одного изъ нихъ.

— Нѣтъ, свадьба! Ждемъ невѣсту,—съ сіяющимъ лицомъ пояснилъ старообрядецъ.

— Здѣсь распечатанные алтари?

Рогожское кладбище. Алтарь зимняго храма справа, въ моментъ распечатанія.

— Да, да, здѣсь! Пожалуйте, я вамъ покажу,—и онъ быстрой походкой пошелъ впереди меня къ южнымъ алтарнымъ дверямъ. Что-то праздничное, веселое, блестящее было въ убранствѣ огромнаго храма. Средина его держится на шести гигантскихъ столпахъ, обставленныхъ съ четырехъ сторонъ большими образами. Всѣ

стѣны и столпы расписаны. Паникадила, лампы и свѣчи горѣли веселыми огоньками, отражаясь въ золоченомъ иконостасѣ и въ ризахъ старинныхъ иконъ. Весь полъ выстланъ краснымъ сукномъ. Многочисленные поѣзжане уже съѣхались и толпились на лѣвой сторонѣ храма.

— Вотъ посмотрите, — показываетъ мнѣ на алтарную дверь мой путеводитель: — здѣсь еще остались слѣды снятыхъ печатей.

— Да, тутъ ихъ было нѣсколько!

— Девять. То же самое на сѣверной двери. А въ ширину царскихъ вратъ внутри алтаря была протянута веревка, и концы ея тоже были припечатаны. Кто говорить, что для большей крѣпости такъ много наложено печатей, а кто объясняетъ, что чиновники сошлись отъ разныхъ вѣдомствъ, и каждый прикладывалъ свою особую печать. Все, что находится за этимъ большимъ иконостасомъ, все это сорокъ девять лѣтъ было сокрыто отъ глазъ чловѣческихъ. По сю сторону иконостаса, какъ было раньше, такъ вотъ все остается и теперь. Каждый день здѣсь происходили богослуженія, только литургіи не совершали. Впрочемъ, было время, когда разрѣшили намъ поставить въ храмѣ палатку съ переноснымъ алтаремъ, и мы могли служить обѣдню. Но это продолжалось недолго, года полтора...

— Какъ это странно! — перебиваю его повѣствованіе. — Разрѣшили ставить переносный алтарь предъ запечатаннымъ алтаремъ. Не проще ли было тогда распечатать готовые алтари?! Кому же вы обязаны, что вамъ позволили служить обѣдню?

— Навѣрно не могу вамъ сказать. Кажется, по ходатайству покойнаго графа Лорисъ-Меликова, потому что послѣ его ухода въ 1884 г. изданъ приказъ — убрать палатку изъ храма и обѣденъ здѣсь болѣе не служить.

Мы вошли въ алтарь чрезъ южную дверь. За общимъ большимъ иконостасомъ, по бокамъ главнаго алтаря, было еще два небольшихъ придѣла со своими особыми иконостасами малыхъ размѣровъ. Здѣсь находились священникъ и два діакона, облаченные въ дорогія золотыя ризы. Они сидѣли въ углу и разговаривали въ ожиданіи невѣсты.

Предо мною открылась красивая вереница чтимыхъ святыхъ въ главномъ алтарѣ. Противъ царскихъ вратъ, какъ полагается, стоялъ престолъ съ евангеліемъ и съ восьмиконечными крестами. За престоломъ — серебряный семисвѣчникъ. За нимъ — большая стойка съ выноснымъ крестомъ и двумя образами на палкахъ. Затѣмъ — подставка въ видѣ арки для трехъ евангелій, покрытыхъ стеклянными колпаками. И все это замыкаютъ на одномъ общемъ большомъ пьедесталѣ три высокія серебряныя дарохранительницы, какъ три многоглавыя церкви художественной работы. Старообрядцы называютъ эту исключительную по размѣрамъ дарохранительницу

Рогожское кладбище. Въ алтарь зимняго храма престоль, въ моментъ распечатанія.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЪСТАНІЕ», ЯНВАРЬ, 1908 г., т. III.

Сю номъ и придаютъ ей особое символическое значеніе, такъ какъ она стоитъ на «горнемъ мѣстѣ», гдѣ полагается сидѣть патриарху.

Верхъ алтаря былъ въ лѣсахъ. Тамъ скопился народъ, поправляя потолокъ. Внизу работали позолотчикъ, накладывая на потускнѣвшій орнаментъ золотыя листочки. Хотя нѣкоторыя иконы были вынуты изъ рамъ, въ общемъ алтарь выглядывалъ чистымъ и убраннымъ. Стѣнная живопись его блестяла яркими красками. И подумалъ, не по-новому ли написаны иконы.

— Нѣтъ, тутъ красками пока ничего не тронуту, — замѣтилъ мой провожатый. — Просто отмыли. Это въ сосѣднемъ зимнемъ храмѣ много попорчено; а здѣсь, слава Богу, все хорошо сохранилось, даже ковры и маты, на которыхъ вы стоите. Это облаченіе на престолѣ тоже полвѣка было взаперти. Правда, все тутъ покрыто было сукномъ...

— А какъ же говорили, что полъ провалился, что мертвыхъ голубей нашли, что пыль на всемъ лежала толстымъ слоемъ?...

— Полъ мѣстами провалился, это вѣрно, въ сосѣднемъ храмѣ, а здѣсь онъ изъ плитъ. Пыль была вотъ такимъ слоемъ (онъ показалъ пальцами толщину его). Все было черно, какъ въ траурѣ. Паутина висѣла, какъ веревки. Были и голуби мертвые. Должно быть, они залетѣли сюда изъ храма чрезъ иконостасъ, а выбратъ не сумѣли. Здѣсь окна были защищены снаружи войлокомъ и забиты досками.

Словоохотливый проводникъ сталъ мнѣ показывать въ боковомъ шкафу массу золоченыхъ брачныхъ вѣнцовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ въ нѣсколько столбцевъ.

— Полъ-столѣтія хранились взаперти наши вѣнцы, — многозначительно замѣтилъ онъ.

— Ну, вотъ теперь они вамъ доступны...

Въ этотъ моментъ грянулъ хоръ пѣвчихъ и прервалъ мою рѣчь. Проводникъ бросился бѣжать изъ алтаря.

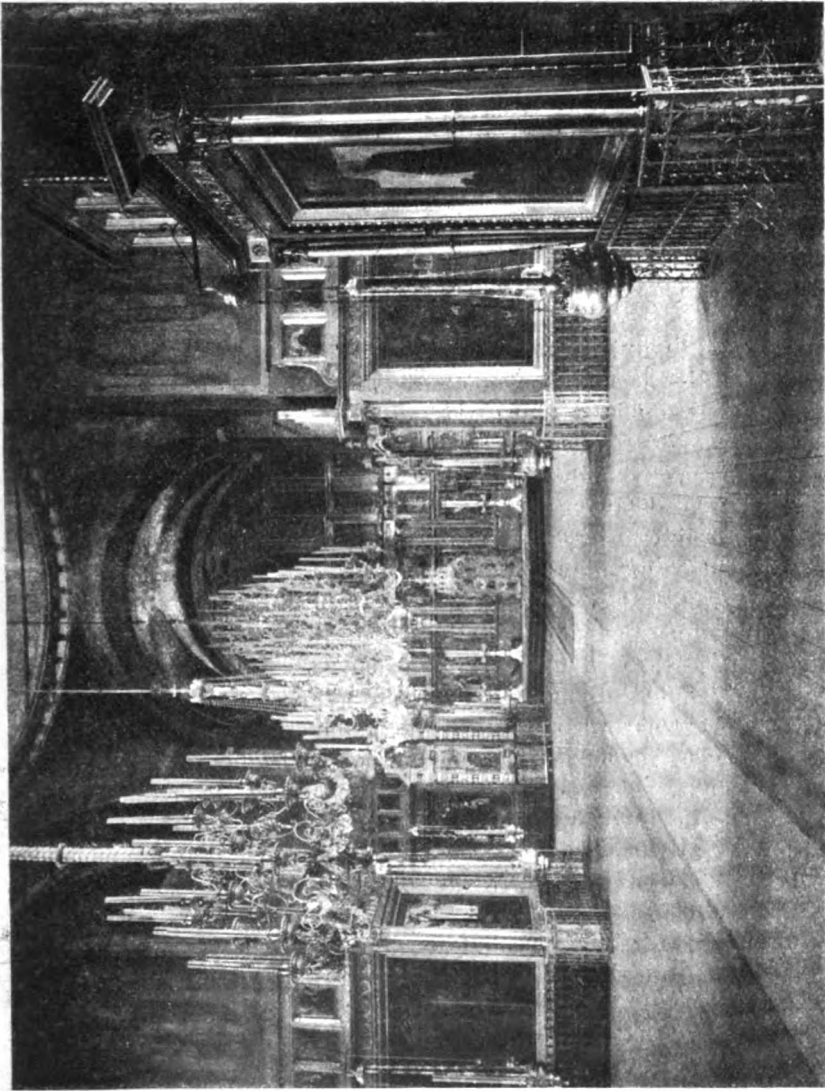
— Невѣста пріѣхала!

Я тоже пошелъ посмотрѣть на старообрядческую свадьбу.

Посреди церкви стоялъ аналой, нѣсколько ближе къ входнымъ дверямъ — другой. Пѣвчіе въ черныхъ кафтанахъ, въ высокихъ сапогахъ, пѣли у средняго столпа съ правой стороны.

Женихъ былъ тоже въ длинномъ черномъ кафтанѣ со сборами, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, изъ-за котораго тонкой каймой выдѣлялось крахмальное бѣлье. Въ рукахъ бѣлая съ золотомъ лѣстовка съ треугольниками — старообрядческаго типа четки. Невѣста въ обыкновенномъ подвѣчномъ платьѣ, со всѣми его атрибутами и тоже съ бѣлой лѣстовкой въ рукахъ. Дружки и шафера съ букетами и бутоньерками. Нѣкоторые во фракахъ — непозволительное новшество въ глазахъ заправскихъ приверженцевъ «старинки».

Передъ вѣчаніемъ женихъ и невѣста положили установленный началъ, то-есть, молитвенно трижды склонились руками на бѣлыя атласныя подушки-подручники, лежація передъ ними на полу.

Ружское кладбище. Срединя лѣтняго храма.

У передняго столпа высился саженный ликъ Спаса. Я невольно остановился передъ нимъ и сталъ разглядывать.

— Изволите разсматривать нашу церковь?—обратился ко мнѣ пожилой господинъ въ сюртукѣ. Мнѣ показалось, что онъ одинъ изъ поѣзжанъ свадьбы.

— Да, я прїѣхалъ взглянуть, что стало съ нею послѣ распечатанія алтарей. И, признаться, я не ожидалъ застать ее въ такомъ убранствѣ и чистотѣ.

— Собственно, эта часть, что вы видите, всегда была въ такомъ порядкѣ. Но если бы вы заглянули въ алтарь, когда мы его только что распечатали! Впрочемъ, здѣсь не такъ много было испорчено вещей, какъ въ зимнемъ храмѣ.

— Отчего такая разница?

— Въ этомъ храмѣ не топили зимой, и потому температура стояла болѣе или менѣе ровная, безъ большихъ колебаній. Въ зимнемъ же храмѣ топили съ одной стороны. Пары изъ теплой половины осѣдали на холодныя стѣны алтарной части и производили сырость, гвиль и тлѣніе.

— Судя по обстановкѣ,—спрашиваю его,—богатая свадьба? Купеческая?

— Нѣтъ. Женихъ изъ духовнаго званія.—Собесѣдникъ взглянулъ на часы.—Время-то только выбрали неладное для свадьбы...

— Чѣмъ неладное? Погода дождливая?

— А вотъ не угодно ли взглянуть.—И онъ развернулъ предомною газету съ оповѣщеніемъ о затменіи солнца 17 августа 1905 г.—Вотъ видите сейчасъ по времени должно быть затменіе солнца. Какъ вы думаете, въ этомъ явленіи нѣтъ ли какого нибудь дурного предзнаменованія?

— Не пугайтесь! А главное, не пугайте другихъ,—послѣшилъ я успокоить его.—Сейчасъ идетъ дождь. Никому и въ голову не придетъ, что въ это самое время краешекъ солнца покрывается луною. Да если бы и увидѣли, я ничего дурного не вижу въ этомъ совпаденіи свадьбы съ затменіемъ. Затменіе и есть свадьба солнца съ луной, какъ говорили древніе. Да и въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ величается солнцемъ краснымъ, а невѣста—мѣсяцемъ яснымъ. Считается, напротивъ, хорошо примѣтою начинать всякое дѣло съ новой луной. Лучше я вамъ скажу про другое совпаденіе, если вы только не слышали про то.

— Что такое?

— Сейчасъ по Москвѣ распространилось извѣстіе, что русскіе и японскіе уполномоченные въ Портсмутѣ пришли къ соглашенію по всѣмъ пунктамъ переговоровъ, такъ что вопросъ о мирѣ окончательно рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ.

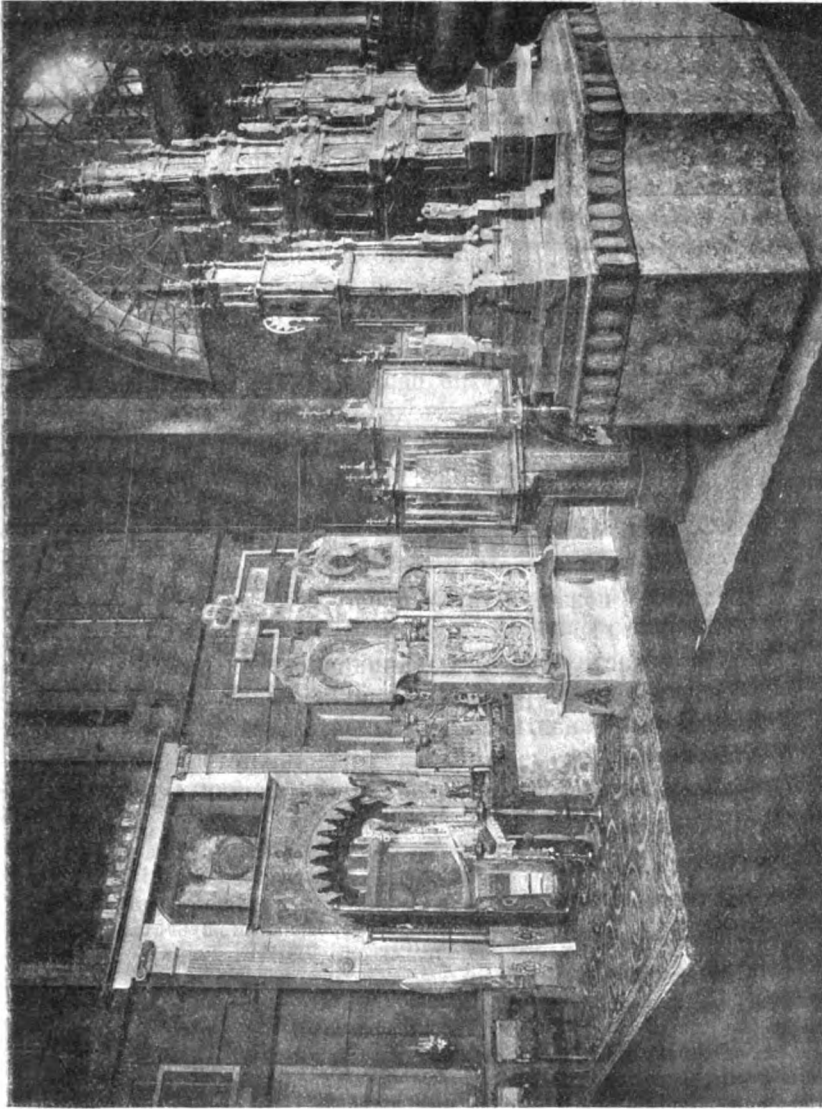
— Можетъ ли это быть! Наконецъ-то! Ну, слава Богу! Вотъ спасибо вамъ большое за эту новость!

Обрадованный господинъ схватилъ мою руку и сталъ сильно трясти ее, приговаривая:

— Теперь мнѣ есть съ чѣмъ поздравить молодыхъ. Вотъ ужъ попьемъ шампанскаго! Ахъ, скоро ли кончится вѣнчаніе?...

Но вѣнчаніе, какъ нарочно, тянулось очень медленно. Священникъ и діаконъ старательно, истово отчеканивали каждое слово.

Пѣвчіе тянули тягучимъ знаменскимъ напѣвомъ. Рѣзко выдѣлялись «во вѣки вѣкомъ», «на небеси» и другія словечки, которыми отличается старообрядческое чтеніе.

Рогожское кладбище. Алтарь лѣтняго храма.

Пока совершалось вѣнчаніе, я пошелъ въ сосѣдній зимній храмъ, гдѣ также былъ запечатанъ алтарь. На площади между обоими храмами стоитъ только что выстроенная звонница — высокая деревянная колокольня, крытая бѣлымъ желѣзомъ. Де-

рево еще не было окрашено. Очевидно, это—временная постройка, сколоченная наскоро. При мнѣ плотники доколачивали послѣдніе гвозди. Уже виситъ подборъ изъ восьми совершенно новенькихъ блестящихъ колоколовъ.

— Теперь и это разрѣшено вамъ?—указываю на колокольню сопровождавшему меня старообрядцу ¹⁾).

— Можно, можно! Уже звонили!—съ сіяющимъ лицомъ отвѣтилъ онъ.—Только бы вотъ еще намъ добиться выхода на воду. У насъ есть недалеко отсюда прудъ. Въ былое время мы ходили къ нему перваго августа. И теперь было пошли,—поднялись единовѣрцы. Тутъ вѣдь рядомъ съ нами единовѣрческая церковь, взятая отъ насъ, старообрядцевъ. Пошли жалобы. Насъ попросили пока не ходить на воду. Не знаю, что дальше будетъ.

Около сѣверныхъ входныхъ дверей зимняго храма была гора мусора и разнаго матеріала. У самага входа выкопана яма, и въ ней устраивалось паровое отопленіе для всего храма. Я прошелъ по перекинутымъ доскамъ внутрь церкви, гдѣ толклись рабочіе въ шапкахъ. Невысокіе, по четыре въ два ряда, столпы, соединенные арками, раздѣляли храмъ на три части. Алтарь отдѣлялся заново. Полъ настланъ новый. Изъ храма все вынесено. Стѣнная живопись кое-гдѣ еще держалась.

Сопровождавшій подвелъ меня къ древнему старцу, живому свидѣтелю запечатанія алтарей.

— Расскажите, пожалуйста, — прошу его, — какъ это случилось?

— Раньше у насъ были священники переманенные, — началъ старикъ, вѣроятно, много разъ повторявшій одинъ и тотъ же рассказъ. — Когда умеръ нашъ отецъ настоятель Иванъ Матвѣевичъ Ястребцевъ, а отца Петра Ермилова переманили въ благословенную ²⁾, то мы остались безъ священника. Правилъ утреди, часы,

¹⁾ Въ секретномъ наставленіи для дѣйствій съ раскольниками (циркуляръ губернаторамъ 16 октября 1858 г.), которое имѣло силу до послѣдняго времени, предписывалось гражданскому начальству «отнюдь не дозволить совершенія раскольническихъ обрядовъ явно или съ признаками публичнаго оказательства». Подъ публичнымъ же оказательствомъ разумѣлись: «крестные ходы; пѣніе внѣ моленъ и такое пѣніе внутри моленъ, которое слышно было бы внѣ оныхъ; торжественное совершеніе крещенія и брака; сопровожденіе тѣлъ умершихъ на кладбища въ мантияхъ, клобукахъ и иныхъ раскольническихъ особенныхъ одѣяніяхъ, съ пѣніемъ; ношеніе раскольниками монашескаго одѣянія; открытіе вновь раскольническихъ моленъ; поставленіе надъ молеельными новыиъ крестовъ или возобновленіе старыхъ и употребленіе въ молеельняхъ или при оныхъ колоколовъ».

²⁾ Т.-е. единовѣрческую церковь. Старообрядцы не желаютъ подчинить себя и своихъ священниковъ благословенію и духовной власти православныхъ архіереевъ, на что согласились единовѣрцы. Единовѣрческая церковь на Рогжскомъ кладбищѣ появилась, благодаря стараніямъ старообрядца Владимира Андреевича Сапѣжкіна. Онъ не признавалъ законности австрійской іерархіи на томъ

вечерни, но обѣдни не было. Я тогда былъ пѣвчимъ. 29 іюня 1856 г., послѣ обѣда, вдругъ приходятъ къ намъ чиновники. И попъ съ ними.—Вы тутъ что?—спрашиваютъ. — Пѣвчіе,—говоримъ. Забрали насъ. Тѣмъ временемъ запечатали алтари. Насъ долго держали подъ арестомъ, а затѣмъ каждого отправили на свою родину. Мнѣ удалось скоро вернуться назадъ въ Москву. Тогда стали наѣзжать къ намъ тайно священники, поставленные новыми архіереями. Слышали, вѣроятно, про австрійскую Бѣлую Криницу? Только они не смѣли служить здѣсь, въ этихъ храмахъ, а переходили изъ дома въ домъ богатыхъ купцовъ, у которыхъ были свои молельни, какъ церкви.

— Вы присутствовали также и при распечатываніи алтарей?—спрашиваю старика.

— Какъ же! тутъ и былъ. Какъ раскрыли алтарь въ этомъ храмѣ, — и войти страшно. Про пыль, паутину и всякую грязь нечего и говорить. Завелась сырость. Штукатурка обвалилась. Половые доски сгнили. Ковры истлѣли. Сколько иконъ испортилось! Нѣкоторыя выпали изъ рамъ... Плачь по всей церкви шелъ. Кланяются въ ноги царскимъ посламъ. Что тутъ было, и рассказать нельзя! Народу сколько сошлось! Сотни рукъ весь вечеръ въ лѣтнемъ храмѣ чистили алтарь къ празднику. Зато и встрѣтили Пасху! Какъ запѣли «Христосъ воскрес»,—воистину было воскресеніе! Никакое сердце не могло удержаться, чтобы не заплакать.

III.

Происхожденіе Рогожскаго кладбища, на которомъ распечатаны алтари, относится ко второй половинѣ XVIII вѣка. Во время чумы 1771 г. московскимъ старообрядцамъ - поповцамъ было отведено мѣсто для погребенія умершихъ на восточной окраинѣ города. Они испросили еще у князя Григорія Орлова, тогдашняго распорядителя Москвы, разрѣшеніе построить тамъ часовню для отпѣванія покойниковъ. Дорогія могилки родственниковъ вызвали со стороны старообрядцевъ большой приливъ пожертвованій. Сначала устроили при часовнѣ постоянное поминовеніе усопшихъ, а впоследствии здѣсь образовалось монастырское общежитіе, которое подъ именемъ Рогожскаго кладбища стало центральнымъ мѣстомъ для всѣхъ ревнителей старой вѣры, принимающихъ бѣглое священство. Ко

основаніи, что митрополитъ Амвросій ушелъ въ Бѣлую Криницу отъ константинопольскаго патріарха самовольно, нарушая соборныя правила. Въ 1864 г. Сапѣякинъ подалъ прошеніе на имя митрополита Филарета объ обращеніи одной изъ часовенъ московскихъ старообрядцевъ въ единовѣрческій храмъ. Несмотря на энергичные протесты старообрядцевъ, такъ какъ сторонниковъ Сапѣякина было очень немного, сѣверную часовню Рогожскаго кладбища насильно обратили въ единовѣрческую церковь, освятивъ ее во имя святителя Николая.

времени возникновенія Рогожскаго кладбища, у поповцевъ было еще два вліятельныхъ центра—Стародубье и Иргизъ. Между ними не одинъ разъ возникали разногласія по разнымъ церковнымъ вопросамъ. Напримѣръ, много возбудилъ споровъ старый вопросъ: какимъ чиномъ принимать священниковъ, переходящихъ къ нимъ изъ православной церкви? Поповцы Рогожскаго кладбища настаивали принимать ихъ вторымъ чиномъ, т.-е. перемазывать миромъ. Но остатки освященнаго мира отъ временъ первыхъ пяти російскихъ патріарховъ давно изсякли. Рогожцы рѣшили сварить свое. Въ 1777 г. соборомъ священниковъ наварили и освятили пуда два мира. Въ Стародубьѣ его не приняли, какъ незаконное: миромъ могутъ освящать только архіереи, а не священники. Тогда въ 1779 г. старообрядцы собрали въ Москвѣ соборъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились. Рогожцы настаивали на «перемазываніи» бѣглыхъ священниковъ, другіе же довольствовались приемомъ ихъ по третьему чину, т.-е. съ простымъ отрицаніемъ ересей безъ перемазыванія ¹⁾).

Въ царствованіе Александра I, благодаря снисходительному законодательству относительно бѣглаго священства, старообрядцы-поповцы изобиловали священниками. При Николаѣ же I не дозволялось принимать новыхъ священниковъ, вслѣдствіе чего произошло на Рогожскомъ кладбищѣ такъ называемое «оскудѣніе священства». Оставшіеся попы, понимая себѣ дѣлу, относились довольно небрежно и къ богослуженію и къ требамъ. Русское правительство, увидя затрудненіе старообрядцевъ, вздумало воспользоваться имъ, чтобы окончательно подавить расколъ. Намѣченъ былъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ «раскольниковъ». Подъ давленіемъ ихъ, нѣкоторые старообрядцы стали переходить въ единовѣріе, въ расчетъ получить особаго епископа;—имъ его не дали. Другіе смиренно просили возстановить прежній законъ 1822 г. о дозволеніи имѣть перешедшихъ изъ православія священниковъ,—имъ и въ этомъ отказали. Тогда старообрядцы поняли, что ожидать имъ отъ русской церкви и отъ русскаго правительства больше нечего; остается поискать священства гдѣ нибудь на сторонѣ.

Въ 1832 г. на Рогожскомъ кладбищѣ опять былъ соборъ, на которомъ постановили поискать православнаго епископа въ чужихъ земляхъ и отъ него учредить новую російскую іерархію, независимую отъ господствующей русской церкви. И вотъ начинается посольство за посольствомъ на Востокъ, къ греческому православію, пока не нашли въ Константинополѣ бывшаго боснійскаго митрополита Амвросія, который согласился стать во главѣ старообрядческой церкви. Рогожское кладбище приняло на себя

¹⁾ Приемъ же по первому чину требовалъ перекрещиванія.

всѣ матеріальныя издержки по устройству архіерейской катедрѣ въ Бѣлой Криницѣ.

15 апрѣля 1846 г. былъ подписанъ договоръ между митрополитомъ Амвросіемъ и старообрядцами, а 28 октября того же

Амвросій, митрополитъ бѣлокриницкій.

года его принялъ вторымъ чиномъ («перемазываніемъ») іеромонахъ Іеронимъ.

Учрежденіе бѣлокриницкой, или австрійской, іерархіи еще болѣе обезпокоило русское правительство. Въ царствованіе Николая I

вся Россія была покрыта секретно-совѣщательными комитетами по дѣламъ о раскольникахъ; но 18 февраля 1853 г. новый министр внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибиковъ, устроилъ особый секретный комитетъ для пересмотра постановленій о раскольникахъ и при немъ особую секретную канцелярію. Три года ни одинъ министр не зналъ о новой секретной системѣ и объ ея дѣйствіяхъ. А рѣшено было слѣдующее: упразднить старообрядческіе скиты, монастыри, кладбищенскія заведенія безъ всякаго исключенія, наложить на старообрядцевъ особый сборъ въ пользу православныхъ церквей, не признавать законности старообрядческихъ браковъ, не утверждать старообрядцевъ въ должностяхъ, зависящихъ отъ общественныхъ выборовъ, и многое другое.

Что касается Рогожскаго кладбища, то Бибиковъ даетъ ему такую характеристику (11 іюля 1855 г.).

«Рогожское кладбище въ Москвѣ—главная опора поповщинской секты. При дознаніи, произведенномъ въ 1854 г., обнаружено, что благотворительныя на немъ зданія были не что иное, какъ обманъ, коимъ пользовались старшины, обогащаясь собираемыми деньгами, что подъ личиною благотворительности старшины распространяли расколъ, способствуя разврату молодежи, привлекая тысячи бездомныхъ людей въ Москву, укрывая бѣглыхъ и преступниковъ, и, наконецъ, дошли до того, что упомянутое кладбище обратилось въ своего рода учрежденіе, управлявшее раскольниками по всему государству, съ раздѣленіемъ его, какъ бы на округа, въ которые посылались правители и наставники, чрезъ что расколъ какъ бы смыкался въ отдѣльныя гражданскія общины, подъ влияніемъ, съ одной стороны, возмутительнаго ученія, обнаруженнаго изъ рукописей, найденныхъ на Преображенскомъ кладбищѣ ¹⁾, а, съ другой, подъ руководствомъ основанной рогожскими старшинами митрополіи за границей».

Въ этой коротенькой запискѣ видно стараніе выставить старообрядцевъ, этихъ искони вѣрныхъ сыновъ отечества ²⁾, какъ противниковъ государственнаго устройства. Старая система! Самого Иисуса Христа, когда не могли осудить на смерть, какъ распространителя якобы богохульной ереси, выставили, какъ государственнаго преступника, и только подъ этимъ обвиненіемъ предали Его на распятіе.

¹⁾ Преображенское кладбище—центр старообрядцевъ-безпоповцевъ, у которыхъ въ то время въ большомъ ходу было ученіе, «что русское правительство съ временъ царя Алексѣя Михайловича стало богоборнымъ, и что антихристъ царствуетъ въ Россіи видимо, олицетворяясь въ верховной власти; что правительство, составляя сонмище слугъ Антихриста, сознательно творить волю діавола при управленіи народомъ». (Изъ секретной записки о русскомъ расколѣ, составленной П. Ив. Мельниковымъ, «Андреемъ Печерскимъ», для великаго князя Константина Николаевича, въ 1857 г.).

²⁾ См. указъ 16 апрѣля 1905 г.

Отсюда понятно, почему правительство обрушилось съ такимъ натискомъ на центръ старообрядцевъ, приѣмлющихъ священство, т.-е. на Рогожское кладбище. Оно опредѣлило на него смотрителя изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, насильно отобрало одну изъ старообрядческихъ церквей и передало ее единовѣрцамъ и, наконецъ, запечатало алтари оставшихся двухъ храмовъ на Рогожскомъ кладбищѣ.

IV.

Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго на Рогожскомъ кладбищѣ, мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ старообрядцами и узнать отъ нихъ самихъ, что можно ожидать въ будущемъ послѣ дарованной имъ свободы. У меня былъ знакомый начетчикъ, у котораго частенько останавливались проѣзжающіе старообрядцы разныхъ толковъ и согласій. Къ нему я и отправился въ надеждѣ почерпнуть самыя послѣднія свѣдѣнія о жизни и чаяніяхъ не только поповцевъ, но и безпоповцевъ.

У начетчика я засталъ нѣсколько человекъ за горячимъ споромъ, должны ли старообрядцы теперь выбрать себѣ патриарха, или нѣтъ.

Одинъ молодой собесѣдникъ очень горячо убѣждалъ:

— Старообрядцы нашли себѣ епископовъ, не спрашивая разрѣшенія у правительства, такъ они могутъ безъ позволенія и патриархомъ назвать любого своего епископа.

— Тутъ дѣло не въ позволеніи,—возражали ему.—Въ патриархи посвящаютъ патриархи же. А согласятся ли четыре греческихъ патриарха посвятить намъ пятого, всероссійскаго? Ты объ этомъ скажи!

— Конечно, не согласятся. Никоніанамъ поставятъ патриарха, а намъ откажутъ, хотя за деньги все можно сдѣлать. У грековъ есть патриархи, которые отстранены отъ своихъ кафедръ и живутъ «на покоѣ», не у дѣлъ. Но мы можемъ обойтись и безъ грековъ. Вѣдь святитель Іона поставленъ же былъ въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ, и благодать Божія почилла на немъ. Такъ и мы сдѣлаемъ.

— За такую милость, недавно оказанную намъ, ты хочешь огорчить государя,—замѣтилъ почтенный старикъ, ховяинъ дома.— Слава Богу, что епископы у насъ есть. Что уже тутъ о патриархѣ думать!

— Да, ты только сообрази,—горячился молодой:—русскій народъ знаетъ теперь, что царь далъ свободу старообрядцамъ, призналъ у нихъ, какъ бы правую вѣру; а тутъ еще услышать, что и патриархъ есть у насъ. Такъ вѣдь всѣ поймутъ, что у старообрядцевъ истинная благодать, что мы—настоящая великороссійская церковь!

— Погоди, все въ свое время будетъ. Мы вѣдь сильны терпѣніемъ.

— Много вы сдѣлаете со своимъ смиреніемъ и терпѣніемъ! Ты думаешь, что дали льготу старообрядцамъ да въ Москвѣ распечатали алтари ради нашего терпѣнія? Нѣтъ, брать! Теперь повсюду народъ зашевелился и сталъ требовать себѣ свободы,—дали ее и намъ. Мы должны спасибо сказать вотъ тѣмъ, которые не захотѣли терпѣть.

— Не такъ ты мыслишь. Не отъ человѣковъ зависятъ судьбы церкви, а отъ Бога. Насиліемъ ничего не сдѣлаешь въ дѣлѣ Божию. И не въ этомъ спасеніе, что церковь старообрядцевъ будетъ господствующая въ государствѣ. Здѣсь на землѣ намъ нечего искать господства. При гоненіи-то ближе къ Богу себя чувствуешь. Мы должны быть не отъ міра сего...

— Ну, опять ты за свое!—перебилъ его молодой.

Поднялся горячій споръ, какъ видно, на старую тему; но хозяинъ, чтобы уклониться отъ спора, отошелъ ко мнѣ и заговорилъ со мною вполголоса о послѣднемъ сѣздѣ въ Нижнемъ Новгородѣ.

— Этотъ годъ для насъ, старообрядцевъ, знаменательный. Вышло въ родѣ ветхозаконаго юбилея. Сорокъ девять лѣтъ были на привязи наши московскіе алтари, подъ печатью «съ кустодіею». И вотъ, какъ въ ветхозавѣтнѣй юбилей, на пятидесятый годъ, дали свободу и отпушеніе, какъ сказано: «И освятите пятьдесятое лѣто, и разгласите оставленіе (свободу) на земли всѣмъ живущимъ на ней; лѣто оставленія знаменіе (юбилей) сіе будетъ вамъ; и да отъидеть кійждо васъ въ притяжаніе свое».

Начетчикъ наклонился ко мнѣ и пониженнымъ голосомъ таинственно проговорилъ:

— Я вѣдь веду счетъ юбилеямъ. Съ раздѣленія русской церкви при Никонѣ теперь идетъ шестой юбилей.

— Старикъ, а когда же будетъ окончательный юбилей, настоящая развязка всего? Когда мы получимъ истинную свободу?

— А вотъ, какъ съ полсотенки юбилеевъ насчитаете, тогда придетъ Христосъ и сдѣлаетъ юбилей юбилеевъ, праздниковъ правдикъ. «Аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете».

— Долгонько ждать! А какъ же безпововцы говорятъ, что антихристъ уже царитъ, и что вотъ-вотъ надо ждать Страшнаго Судію?

— Передъ концомъ будетъ прежде отступленіе. А теперь посмотрите: самый разгаръ обновленія вѣры! До сихъ поръ вѣра у русскихъ часто была неразумная. А теперь разумъ хочетъ соединиться съ вѣрою и подняться на небесную высоту лицезрѣнія судебъ Божіихъ. Русскій народъ просыпается духовно. Откуда эти религіозныя броженія, многочисленныя секты, пастырскія собранія?...

— Кстати, что вы думаете относительно будущаго всероссійскаго собора?

— Нужно, давно нужно быть собору. Ужъ очень много накопилось неправды за русскимъ духовенствомъ! Не разъ нарушались распоряженіемъ синода, подъ давленіемъ гражданскихъ властей, правила апостольскія, соборныя и святыхъ отецъ.

— А старообрядцы будутъ участвовать на этомъ соборѣ?

— Надо бы. Надо, наконецъ, покончить съ вопросомъ о клятвахъ на соборѣ 1667 г.

— О нихъ уже было разъясненіе...

— Какое тутъ разъясненіе! Надо войти въ положеніе народа тогдашняго времени. Приѣзжаютъ греческіе патріархи въ Россію и низлагаютъ патріарха Никона. Народъ естественно полагалъ, что они осудятъ и его дѣло исправленія книгъ и введеніе равныхъ новшествъ. Но патріархи, не понимая по-русски, утвердили всѣ исправленія Никона. Мало того, греческіе патріархи провозгласили въ церкзи грозную анаѣму во всеуслышаніе всего народа на придерживающихся тѣхъ обрядовъ, которые содержала вся Россія въ продолженіе семи ста лѣтъ. Сами московскіе люди, непосредственно слышавшіе патріарховъ, были поражены этими проклятіями. Что же должны были подумать темные люди селъ и деревень?! Вѣдь у каждаго невольно подымается вопросъ: если ты проклинаешь двуперстное знаменіе живущихъ и будущихъ людей, то не проклинаешь ли и прошедшихъ? А мы знаемъ, что всѣ наши русскіе святители и преподобные крестились двуперстно. И, понятно, народъ не могъ принять никоновскихъ новшествъ и удержалъ старыя обряды. А вотъ скажу вамъ и про другую несуразницу, происшедшую чрезъ сто тридцать три года. Митрополитъ Платонъ, учреждая единовѣріе, разрѣшаетъ единовѣрческимъ священникамъ совершать семипросфорное служеніе, употреблять двуперстное знаменіе и другіе проклятыя обряды. Даже самъ митрополитъ Филаретъ на богослуженіи въ единовѣрческой церкви крестился двуперстно. Чему же вѣрять, чего же держаться послѣ этого?! Въ нашемъ Соборномъ свиткѣ сказано: «За содержаніе книгъ и обрядовъ, бывшихъ до Никона, Московскій соборъ 1667 г. наложилъ на предковъ нашихъ анаѣму съ такимъ прибавленіемъ, что скорѣе весь чинъ и порядокъ природы измѣнится, чѣмъ проклятіе это снимется». Могъ ли одинъ митрополитъ Платонъ сложить такую ужасную клятву, наложенную соборомъ патріарховъ и цѣлаго сонма святителей? Непремѣнно надо рѣшить этотъ вопросъ соборомъ! Это сдѣлать надо уже ради только однихъ иконъ, на которыхъ рука Спасителя изображена въ видѣ двуперстнаго знаменія. Такія иконы есть повсюду въ православныхъ храмахъ, даже и въ новыхъ въ вашемъ Петербургѣ.

— Какъ вы полагаете, подымется ли на ожидаемомъ соборѣ вопросъ о соединеніи православной церкви со старообрядческою?

— Обязательно! Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ раскололась россійская церковь, ни разу не созывали собора. Что собственно насъ теперь раздѣляетъ? У насъ одно и то же исповѣданіе вѣры, мы одинаково признаемъ всѣ каноны и уставы восточной католической церкви. Обряды старообрядцевъ теперь не осуждаются. Такъ въ чемъ же дѣло? Старообрядцы, приѣмлющіе священство, не хотятъ, какъ на это согласились единовѣрцы, признавать надъ собою главенство православныхъ архіереевъ. Вотъ! Съ другой стороны, православные не хотятъ признавать архіереями ставленниковъ бѣлокриницкаго митрополита Амвросія, считая его подъ запрещеніемъ; хотя онъ уволенъ былъ отъ епархіи по неудовольствію на него турецкаго правительства. Есть среднее примиряющее, это—единовѣріе. Но не теперешнее единовѣріе безъ епископа, сѣвшее между двухъ стульевъ. Въ настоящее время оно имѣетъ странное положеніе. Старообрядцы австрійскаго священства смотрятъ на единовѣрцевъ, какъ на измѣнниковъ, потому что они большею частію вышли изъ ихъ среды; православные тоже не считаютъ ихъ своими, не причащаются въ ихъ храмахъ и не имѣютъ законнаго права переходить изъ православія въ единовѣріе. А главное—у единовѣрцевъ нѣтъ своего епископа. Больше ста лѣтъ они просятъ для себя у синода особаго архіерея, который бы соблюдалъ ихъ интересы, и цѣлое столѣтіе имъ отказываютъ въ этомъ. Боюсь, что тутъ выйдетъ такая же ошибка, какъ и въ отказѣ когда-то синода дать намъ, старообрядцамъ, епископа. Мы поневолѣ обратились къ грекамъ.

— Вамъ, я понимаю, нуженъ былъ епископъ для поставленія священниковъ. Ну, а единовѣрцамъ зачѣмъ онъ? Имъ священниковъ вѣдь поставляютъ наши архіереи?

— Какихъ священниковъ! Какойнибудь діаконъ, которому не видать бы никогда священства, подѣдетъ къ захоластному приходу единовѣрцевъ и начнетъ похвалять ихъ порядки: «Давно я присматриваюсь къ вашимъ обрядамъ,—хотѣлъ бы быть вашимъ священникомъ». «Ну, что жъ, — отвѣчаютъ ему простецы-единовѣрцы,—если любъ тебѣ нашъ чинъ, то мы попросимъ за тебя епископа». Какъ только поставятъ этого діакона священникомъ, гляди, черезъ мѣсяцъ, два единовѣрцы опять идутъ къ епископу, чтобы онъ убралъ отъ нихъ недостойнаго священника. А тому только этого и надо было: его переведутъ куданибудь священникомъ въ православную церковь. Много такъ прошло недостойныхъ людей чрезъ единовѣріе, чтобы получить священство. Конечно, это не должно нравиться епископу. Отсюда выходятъ часто неудовольствія и пререканія между нимъ и единовѣрцами. Нѣтъ, имъ непремѣнно надо дать своего епископа. Да, и на соборѣ,—кто же будетъ защищать интересы единовѣрцевъ? И знаете еще, что я вамъ скажу: епископъ-то единовѣрческій можетъ объ-

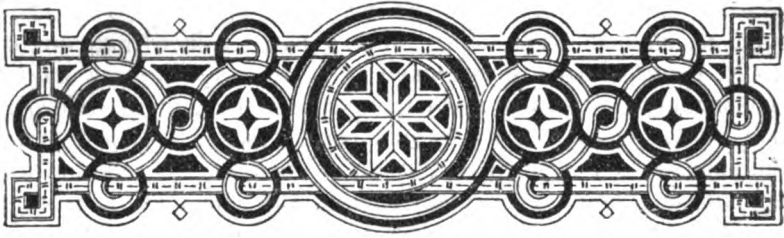
единить русскую церковь! Какъ ни оправдывая ѳлокриницкую іерархію, сомнѣніе-то относительно ея благодати есть у многихъ старообрядцевъ. И мнѣ думается, что многіе перейдутъ на сторону единовѣрцевъ, разъ у нихъ будетъ свой епископъ. Перейдутъ къ единовѣрцамъ и православные, которые любятъ благочиніе въ богослуженіи и строгій уставъ въ жизни. Вотъ почему я вамъ давеча и сказалъ, что единовѣріе-то можетъ быть примирителемъ раскола русской церкви.

— А не будетъ ли еще бѣльшаго раскола на соборѣ?

— Разныхъ мнѣній будетъ много. Безъ этого нельзя! Навѣрно, выступать со своимъ словомъ искусные ораторы, другіе щегольнуть своимъ знаніемъ. По любопренію много земного примѣшаютъ въ духовное дѣло. Но на священномъ соборѣ всѣ въ концѣ концовъ должны прійти въ единеніе и въ согласіе. А для этого всѣмъ участникамъ будущаго собора надо особенно приготовиться постомъ и молитвою, съ великимъ смиренномудріемъ и кротостью. Тогда только можно сказать въ соборномъ постановленіи: «Извѣдана бо святому духу и намъ», какъ это написали апостолы Христовы на первомъ соборѣ въ Іерусалимѣ.

И. П. Ювачевъ.

КАКЪ ЦЕНЗИРОВАЛИ ЛОШАДИНУЮ ПРИМОЧКУ.

(Матеріалы для исторіи нашей цензуры). }

ВЪТЪ пятнадцать тому назадъ судьба нежданно-негаданно забросила меня изъ тихой провинціи въ шумную столицу, личнымъ секретаремъ къ одному очень вліятельному въ Петербургѣ лицу, графу N. Кромѣ огромныхъ связей, графъ обладалъ и огромнымъ состояніемъ: почти нѣтъ губерніи, гдѣ ему не принадлежало бы хотя небольшого имѣнія. Семья N. была довольно многочисленна, и въ то время, какъ младшіе сыновья еще сидѣли на школьной скамьѣ, старшій уже носилъ мундиръ одного изъ аристократическихъ кавалерійскихъ полковъ. Несмотря на то, что весь укладъ семьи графа N. былъ чисто русскій, московско-барскій, младшее поколѣніе все-таки не избѣгло вліянія англійскихъ nurses, безъ которыхъ теперь трудно и представить русскую аристократическую семью. Помимо знанія англійскаго языка, эти англійскія воспитательницы всюду вносятъ за собою и страстную, свойственную только націи просвѣщенныхъ мореплавателей, любовь къ породистымъ собакамъ, лошадямъ и скачкамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, прошедши черезъ англійскія руки, и молодые графы N. получили такіе же вкусы, и московскія скачки не разъ заставляли ихъ нестись съ курьерскимъ поѣздомъ въ Москву, чтобы взглянуть на побѣдителя на какомъ нибудь всероссійскомъ Дерби. На собственныхъ ковиюшняхъ въ Петербургѣ и въ имѣніяхъ у графа N. стояло немало дорогихъ коней разныхъ породъ и разнаго назначенія, начиная отъ «парадеровъ» до прекрасно

подобранныхъ и лихихъ башкирскихъ троекъ. Хотя за лошадьми уходъ былъ тщательный и заботливый, тѣмъ не менѣе по невѣжеству нашихъ доморощенныхъ грумовъ на конюшняхъ постоянно случались какія нибудь невзгоды: то лошадь ногу зашибеть, то жилу вытянетъ и т. п. Кучера, боясь управляющихъ, скрывали эти бѣды, начинали втихомолку лѣчить четвероногихъ пациентовъ и доводили дѣло до того, что лошади совершенно калѣчились.

Универсальнымъ средствомъ при всякихъ заболѣваніяхъ на конюшняхъ считалась нѣкая англійская примочка д-ра Эллимана (Royal Elliman's Embrocation), употребляемая, говорятъ, во всѣхъ спортивныхъ конюшняхъ всего свѣта. Примочка эта съ незапамятныхъ временъ закупалась десятками бутылокъ въ англійскихъ магазинахъ и разсылалась по всѣмъ имѣніямъ графа. Какъ гласитъ приложенное къ каждому флакону наставленіе, ее нужно употреблять, смотря по роду болѣзни, то въ подогрѣтомъ, то въ остуженномъ видѣ, иногда въ формѣ компресса, а иногда и втиранія.

Вѣра въ англійское лѣкарство была крѣпкая, но, къ сожалѣнію, доморощенные ветеринары, по незнанію англійскаго языка, не могли воспользоваться совѣтами ея изобрѣтателя и употребляли цѣлительное снадобье, какъ Богъ на душу положить. Толку выходило мало. И вотъ, чтобы положить конецъ такимъ плачевнымъ результатамъ невѣжества, въ одинъ прекрасный день рѣшено было перевести англійскій текстъ наставленія, напечатать его жирнымъ шрифтомъ на отдѣльныхъ листахъ въ родѣ «похвальныхъ» и вывѣсить во всѣхъ конюшняхъ къ неуклонному руководству лошадиныхъ врачей. Переводъ, при отличномъ знаніи въ семьѣ N. англійскаго языка, занялъ всего одинъ вечеръ. А для того, чтобы не было какого нибудь недоразумѣнія съ то и дѣло попадавшимися ветеринарными терминами рукопись перевода была отдана предварительно на просмотръ лица, свѣдущаго по этой части. Мнѣ же было поручено отдать рукопись для напечатанія въ какую нибудь типографію.

Съ этого момента и начинается «исторія о томъ, какъ цензурировали лошадиную примочку».

Только что покинувъ университетскія аудиторіи, я, въ своей наивности, былъ въ то время совершенно далека отъ мысли, что у насъ рѣшительно ничего нельзя сдѣлать безъ спеціальнаго на то разрѣшенія начальства. Въ полной увѣренности обдѣлать данное мнѣ порученіе въ два, три дня, кладу переданные мнѣ листки перевода въ портфель и направляюсь въ ближайшую типографію. Даю заказъ.

— Нельзя ли, пожалуйста, напечатать вотъ этотъ текстъ жирнымъ, глазастымъ шрифтомъ на отдѣльныхъ листахъ, такъ чтобы ихъ можно было въ рамкѣ повѣсить?

— Къ сожалѣнію, не можемъ.

— Да отчего же?

— Нужно сначала разрѣшеніе цензуры выхлопотать.

Дѣлать нечего. Не могутъ, такъ не могутъ. Придется, очевидно, самолично познакомиться съ пресловутой цензурой, о которой я много былъ слышанъ отъ юности моея. Вооружаюсь дома благодѣтельнымъ Суворинскимъ адресъ-календаремъ, отыскиваю мѣсто-нахожденіе цензуры и на другой день отправляюсь въ Театральную улицу.

Потомъ я привыкъ къ этому желтому каменному коридору. Но когда я попалъ въ это Кавдинское ущелье въ первый разъ, что-то тоскливое стало подниматься во мнѣ. Казалось, я не на улицѣ, а въ какой-то канцеляріи съ обычными унылыми желтыми стѣнами.

Непріятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда пришлось подниматься въ самое цензурное управленіе. Грязно-желтый флигель во дворѣ съ окнами въ сосѣднія стѣны — вотъ обиталище судилища нашихъ мыслей. Узкая темная лѣстница съ полѣвными дровъ на площадкахъ привела меня въ третій этажъ. Въ передней на давно обшарканныхъ ясныхъ диванахъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, по виду похожихъ на артельщиковъ или на старшихъ дворниковъ. Въ углу приткнулся полусонный неподвижный «куррьеръ», составляющій, какъ извѣстно, неизбѣжную декорацію каждаго присутственнаго мѣста.

Вспомнивъ совѣтъ одного провинціального чиновника, безплодно хлопотавшаго мѣсяца два въ Петербургѣ по своему «пенсіонному дѣлу», — всегда начинать съ главнаго начальства, я смѣло попросилъ доложить обо мнѣ самому, что ни есть, старшему цензору.

— Нѣту ихъ сегодня, — равнодушно изрекъ мнѣ «куррьеръ», возвратившійся минутъ черезъ пять. — Да о васъ, можетъ быть, и другому чиновнику доложить можно?

— Нѣтъ, ужъ я лучше въ другой разъ приду.

Дня черезъ два опять поднимаюсь по лѣстницѣ. «Куррьеръ» приглашаетъ раздѣться и ведетъ меня куда-то въ боковую комнату, гдѣ возсѣдаетъ нужное мнѣ должностное лицо. Посрединѣ комнаты столъ, на немъ прежде всего бросается въ глаза банка красныхъ чернилъ и пюпитръ въ родѣ тѣхъ, которые употребляютъ музыканты. На пюпитрѣ, какъ на прокрустовомъ ложѣ, разложена чья-то рукопись.

— Я къ вамъ по порученію графа N. Будьте любезны, разрѣшите, по возможности, поскорѣе къ напечатанію вотъ эти три листка.

Объясняю содержаніе рукописи и цѣль русскаго перевода.

Цензоръ строго посмотрѣлъ на меня черезъ очки, взялъ рукопись и откинувъ очки на лобъ, бѣгло просмотрѣлъ поданные ему листки.

— Гм... ну, тутъ, очевидно... нѣтъ ничего такого... что могло бы вызвать... недоразумѣнія. Прекрасно, черезъ два дня мы вамъ дадимъ разрѣшеніе.

Зная, что теперь въ цензурѣ по поводу моихъ листовъ заведутъ цѣлое дѣло, а всякое дѣло, по канцелярскимъ правиламъ, должно «хорошенько вылежаться», захожу не черезъ два, а черезъ пять дней.

— Нѣту сегодня его превосходительства,—уныло заявилъ мнѣ неподвижный «куррьеръ». — Да вы бы лучше, чѣмъ самимъ-то ходить, прислали бы дворника.

Несмотря на такой обезкураживающій отвѣтъ, дня черезъ два снова являюсь самолично. Старый цензоръ въ очкахъ принялъ меня очень любезно. Видимо, онъ былъ чѣмъ-то очень доволенъ, ухмылялся съ сѣдую бороду и суживалъ глазки, словно передъ его взоромъ носился изъ ряду вонъ вкусный обѣдъ.

— А мы вашу рукопись запретили.

— Позвольте узнать, почему же?

— Не можемъ пропустить. Она медицинскаго содержанія, а такія сочиненія нашей цензурѣ не подлежатъ.

— Очень жаль, что я этого раньше не зналъ и оставилъ рукопись у васъ. Позвольте мнѣ ее назадъ, я ее представлю на цензуру, куда слѣдуетъ.

— Но ваша рукопись не разрѣшена къ напечатанію, и потому вернуть ее вамъ мы не имѣемъ права... по уставу цензурному. Иванъ Ивановичъ,—обратился онъ къ какому-то чиновнику,—дайте-ка нашъ уставъ. Вотъ, извольте видѣть, статья 58-я.

— Позвольте, однако. Вы не разрѣшаете рукопись къ напечатанію не потому, чтобы въ ней было что нибудь противное цензурному уставу, а просто потому, что она вашей цензурѣ и не подлежитъ. Во-вторыхъ, вы же сами просматривали ея содержаніе и оставили ее у себя. И, въ-третьихъ, долженъ вамъ сказать, что второго списка перевода не имѣется, и графъ N., узнавъ, что вы задержали его автографъ, по всей вѣроятности, этого дѣла такъ не оставитъ и напишетъ начальнику по дѣламъ печати. Легко можетъ выйти непріятность.

— Гм!... дѣйствительно... лицо вліятельное... Но все-таки самъ я не могу выдать вамъ рукопись. Зайдите дней черезъ пять. На этой недѣлѣ у насъ будетъ засѣданіе цензурнаго комитета, и я доложу вашу просьбу.

Положеніе неожиданно осложнилось, и мнѣ приходилось уже вызволять самую рукопись. Однако дней черезъ десять злополучные листки, перечеркнутые и съ многочисленными канцелярскими отиѣтками, вернулись ко мнѣ съ указаніемъ, что мнѣ нужно по моему дѣлу обратиться къ столичному врачебному инспектору. Сажусь на извозчика и мчусь на Большую Морскую.

— Могу видѣть г. инспектора?

— Они еще не приходили.

— Можетъ быть, слѣдуетъ подождать? Скоро онъ будетъ?

— У нихъ-съ часовъ не положено. Иногда бываютъ въ двѣнадцать, а иногда приходятъ и въ три. Завтра безпремѣнно будутъ къ часу.

На другой день опять неудача. Отвѣтъ другой, но смыслъ все тотъ же:

— Нѣтъ г. инспектора! Только что уѣхали-съ.

Начинаю входить во вкусъ хожденій по канцелярскимъ мукамъ и ѣду въ третій разъ. Инспекторъ оказался, однако, неуловимымъ. Но на этотъ разъ судьба, видимо, сжалилась надо мной и послала мнѣ избавителя отъ дальнѣйшей погони за инспекторомъ въ лицѣ какого-то мелкаго чиновника, привлеченнаго къ дѣлу при благоклонномъ, но не безкорыстномъ участіи неизбѣжнаго курьера.

Объясняю цѣль своихъ безуспѣшныхъ исканій столь подвижнаго инспектора.

— Прекрасно. Оставьте рукопись. Я передамъ ее г. инспектору, а дня черезъ два мы вамъ все это устроимъ.

«Наконецъ-то,—думалъ я, возвращаясь домой.—Остается переждать дней пять. Напечатаютъ-то живо, а то ужъ и такъ цѣлый мѣсяцъ прошелъ, а дѣло ни съ мѣста».

Но я и не подозрѣвалъ, на что я шелъ. Черезъ пять дней ѣду опять на Морскую. И наконецъ,—о чудо!—застаю самого инспектора. Онъ у себя въ кабинетѣ, и я могу его лицезрѣть безпрепятственно.

— Видите ли,—меланхолично встрѣтилъ меня медицинскій цензоръ,—мы не можемъ разрѣшить вашей рукописи.

— Смѣю спросить, почему же?

— Да по той простой причинѣ, что это не наше дѣло. На основаніи статьи 34-ой врачебнаго устава мы даемъ разрѣшеніе на помѣщеніе въ газетахъ объявленій о разныхъ лѣкарствахъ, въ родѣ травы Кузьмича, вина s-t Raphael и т. п. А ваша рукопись представляетъ собою маленькій ветеринарный трактатъ. Цензуровать такія вещи—не наше дѣло.

— Но вѣдь меня къ вамъ направили изъ цензурнаго управленія. Тамъ тоже отказываются дать разрѣшеніе и по той же самой причинѣ. Скажите, пожалуйста, куда же мнѣ обратиться съ моимъ дѣломъ?

— А это, видите ли, зависитъ отъ... зависитъ отъ... повторялъ инспекторъ, нажимая кнопку электрическаго звонка. — Позови-ка сюда Петра Петровича,—сказалъ онъ вопедшему на зовъ «курьеру».

— Вотъ, Петръ Петровичъ, какое дѣло. Куда нужно отправить на цензуру вотъ эту рукопись?

Петръ Петровичъ глубокомысленно ушелъ въ чтеніе злополучныхъ, уже порядочно измятыхъ листковъ. Воцарилось молчаніе.

— Да, медицинскаго содержанія... но о лошадяхъ все, вотъ въ чемъ дѣло... бросалъ Петръ Петровичъ по мѣрѣ того, какъ подвигалось его чтеніе.—Право, ужъ и не знаю. Надо справиться въ сводѣ законовъ. Михаилъ Михайловичъ, дайте-ка сюда сводъ законовъ, томъ такой-то.

Началось усиленное перелистываніе тома, но прозрѣніе не сходило, да и только. Неизвѣстно, какой результатъ имѣли бы поиски, если бъ не выручилъ Михаилъ Михайловичъ, скромно переминавшійся въ сторонкѣ съ ноги на ногу.

— Не въ ветеринарный ли это комитетъ-съ?

Ларчикъ просто открывался.

— Конечно, да, да, конечно!—въ одинъ голосъ воскликнули инспекторъ и Петръ Петровичъ, продолжавшій рыться въ законахъ.—Вамъ нужно обратиться въ ветеринарный комитетъ на Театральной улицѣ, а это совсѣмъ не наше дѣло.

И вотъ я опять мечусь по грязножелтому коридору, отыскивая нужный мнѣ комитетъ. Въ сотый разъ начинаю излагать свое ходатайство, опостылѣвшее отъ частаго повторенія. Не успѣлъ я на этотъ разъ и рта раскрыть, какъ меня перебили.

— Знаемъ эту примочку. У насъ есть о ней цѣлое дѣло. Достаньте дѣло о разрѣшеніи ввоза въ Россію примочки Эллимана. Вамъ, вѣроятно, — обнадеживающе прибавилъ чиновникъ, — и не нужно совсѣмъ просить разрѣшенія на напечатаніе правилъ о ея употребленіи. Если ввозъ ея въ Россію разрѣшенъ, стало быть, тѣмъ самымъ разрѣшается и примѣнять на практикѣ совѣты Эллимана.

Копавшійся въ туго набитомъ синими папками шкафу чиновникъ вытащилъ оттуда самое толстое дѣло и шлепнулъ его на столъ. Цѣлые столбы пыли закружились въ косыхъ лучахъ петербургскаго солнца.

— Тутъ, вѣроятно, это есть, — сказалъ столоначальникъ, приступая къ перелистыванію толстаго дѣла.—Присядьте, пожалуйста, — отнесся онъ ко мнѣ. — Это вотъ прошеніе. Далѣе отношеніе за № 50.788. Отзывъ. Второй отзывъ...

Дойдя до конца, столоначальникъ захлопнулъ дѣло и сердито началъ снова его перелистывать, на этотъ разъ почему-то съ конца.

— Странно, какъ же это они упустили изъ виду. Къ сожалѣнію, разрѣшенія такого въ дѣлѣ нѣтъ, и вамъ придется подать прошеніе. Впрочемъ, можно, пожалуй, ограничиться и словеснымъ заявленіемъ. Оставьте вашу рукопись, а дня черезъ два мы вамъ ее вернемъ съ соответствующимъ разрѣшеніемъ.

При знакомыхъ словахъ «дня черезъ два» я почувствовалъ, что у меня въ лицѣ начинается легкій тикъ, и посиѣшилъ откланяться.

Вооружившись терпѣніемъ, сижу дома и жду дней пять, жду недѣлю. Даже апатія какая-то находить стала, какъ вдругъ въ

одинъ прекрасный вечеръ входитъ съ взволнованнымъ видомъ моя прислуга и таинственно сообщаетъ, что меня по какому-то дѣлу требуетъ околотошный.

Что за притча?—думаю. Превратныхъ толкованій за мной не водится. Виномъ, въ немъ же есть блудъ, не упиваюсь. Нарушеній тишины и спокойствія не производилъ, — и вдругъ околотошный! Спускаясь внизъ, строго испытую свою совѣсть, но рѣшительно не нахожу за собой ничего такого, за что «вязанъ былъ бы и влеченъ, амо же не хочу».

Въ передней, дѣйствительно, стоитъ сѣрый околотошный, одной рукой портфель и пашку придерживаетъ, а другой протягиваетъ мнѣ четвертушку бумаги.

— Вамъ бумага отъ ветеринарнаго комитета. Распишитесь, пожалуйста, вотъ здѣсь, что читали.

Оказывается, въ дополненіе къ заявленію моему отъ такого-то числа комитетъ поставляетъ меня въ извѣстность, что предварительно разсмотрѣнія моего дѣла по существу мнѣ надлежитъ представить и самый англійскій подлинникъ правилъ.

Нечего дѣлать. Покупаю бутылку совершенно ненужнаго мнѣ лошадинаго снадобья, вытаскиваю изъ упаковки требуемый листъ правилъ и на этотъ разъ посылаю его почтой. Дня черезъ два углубляюсь въ изученіе теоріи вѣроятностей и, принявъ во вниманіе канцелярскую волокиту, начинаю высчитывать, когда же наконецъ разрѣшится мое злополучное дѣло, по поводу котораго завелись уже три синія обложки въ трехъ разныхъ учрежденіяхъ. Выходитъ, что самое большее недѣли черезъ двѣ.

Терпѣливо жду недѣлю, другую. На третьей малодушно не выдерживаю и бѣгу въ комитетъ.

— Я къ вамъ по дѣлу о примочкѣ Эллимана. Скажите, пожалуйста, почему такъ долго нѣтъ разрѣшенія.

— Видите, разсмотрѣніе вашего перевода и свѣрка его съ подлинникомъ поручены одному ветеринарному врачу, который понимаетъ по-англійски. Но въ настоящее время его нѣтъ въ Петербургѣ: онъ въ командировкѣ, уѣхалъ на эпизоотию въ N-скую губернію и вернется недѣльки черезъ три. Придется вамъ немножко обождать.

Былъ уже конецъ Великаго поста,—а хлопотать я началъ въ срединѣ января,—когда прислуга докладываетъ, что опять меня требуетъ околотошный.

— Вамъ-съ изъ ветеринарнаго комитета пакетъ. Распишитесь въ полученіи.

Слава Богу! Наконецъ-то хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ, и я могу завтра же сдать злополучную рукопись въ типографію. Разрываю пакетъ и глазамъ своимъ не вѣрю: перечеркнутая рукопись, офіціальная бумага за № въ пять цифръ и какой-

то крохотный листокъ бумаги. Бумагой съ № извѣщаюсь, что ветеринарный комитетъ, вникнувъ въ наставленія Эллимана, не находитъ возможнымъ разрѣшить мнѣ напечатать ихъ въ русскомъ переводѣ, такъ какъ, по мнѣнію комитета, правила эти не годятся и не соотвѣтствуютъ даннымъ ветеринарной науки. вмѣсто нихъ мнѣ предлагается напечатать то, что изложено на лоскуткѣ бумаги.

Три листика моего перевода въ изложеніи нашихъ казенныхъ ветеринаровъ превратились въ три коротенькія строчки весьма туманнаго содержанія.

Итакъ, лѣкарство, употребляемое на спортивныхъ конюшняхъ и дозволенное ко ввозу въ Россію, у насъ оказывается чуть не вреднымъ. Вотъ уже подлинно, что русскому здорову, то нѣмцу смерть! Комитетъ вывернулъ эту поговорку наоборотъ и примѣнилъ ее къ лошадямъ.

Страданія умудряютъ людей, и я кончилъ тѣмъ, съ чего долженъ былъ бы начать: велѣлъ переписать текстъ перевода на машинѣ Ремингтона въ нужномъ мнѣ количествѣ экземпляровъ, которые и были вручены, кому слѣдуетъ.

Я рассказывалъ повѣсть о томъ, какъ цензуровали лошадиную примочку, двумъ нынѣ отставнымъ губернаторамъ и одному вице-губернатору, не говоря имъ, куда я обращался. И каждый изъ нихъ сокрушенно качалъ головой и упрекалъ меня въ томъ, что я вовсе не туда обратился, куда нужно, и каждый направлялъ меня въ свое учрежденіе, но только не въ то, въ которое на самомъ дѣлѣ нужно было обратиться.

А. Лѣбовъ.

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ.

Декабристы.

I.

ОНСТИТУЦІОННЫЯ вѣянія первой четверти XIX вѣка не реализовались никакимъ положительнымъ фактомъ государственнаго порядка. Всѣ проекты по сему предмету, всѣ заданія, преподанныя Александромъ I своимъ приближеннымъ, встрѣчались имъ загадочно милостиво, удостоивались личнаго разсмотрѣнія въ тиши государственнаго кабинета, а затѣмъ сдавались въ архивъ. Еще до 1818 г. императоръ какъ будто активно ими интересовался, но затѣмъ, въ связи съ значительнымъ переломомъ въ характерѣ, или, правильнѣе, въ связи съ новымъ направленіемъ всего склада мыслей, его духовныхъ интересовъ, онъ видимо все отдаляется отъ того, что нѣкогда лично пламенно исповѣдывалъ, и явно сжигалъ то, чему въ дни молодости поклонялся. Усталость жизнью, подавленность характера, притупленіе волевыхъ элементовъ и мистическо-религіозный экстазъ выступаютъ въ его словахъ и дѣйствіяхъ съ особенною силою. Александръ Павловичъ понималъ, что страна и народъ имѣютъ основаніе ожидать съ его стороны необходимыхъ реформъ во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія, онъ сознавалъ, что на немъ лежитъ какая-то громадная историческая отвѣтственность передъ будущимъ, но въ немъ не было наличности воли для опредѣленныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Онъ какъ бы съ тоскою говоритъ Лубяновскому: «славы для Россіи довольно: больше не нужно; ошибется,

кто больше пожелаетъ. Но, когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря. Отъ этого устаю».

Да, онъ усталъ, и ему, участнику и вершителю событій мировой исторической важности, свидѣтелю разгрома всей Европы и Россіи и восстановителю общаго мира и европейскаго равновѣсія, хотѣлось на покой, на отдыхъ. Но этотъ покой имъ именно разсматривался въ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ слова; въ смыслѣ удаленія отъ власти, отъ отвѣтственности, отъ шума дворцовой и политической жизни. Иной какой нибудь формы для выхода изъ тѣснившаго его душевнаго состоянія онъ не находилъ и какъ будто не видѣлъ, что до извѣстной и при томъ сильной степени въ проектахъ и Сперанскаго и Новосильцова ¹⁾ онъ могъ обрѣсти тотъ покой, къ которому стремилась его усталая душа. Раздѣленіе власти съ народомъ, привлеченіе выборныхъ отъ этого народа къ участию въ законодательствѣ и управленіи страной, о чемъ онъ нѣкогда такъ часто и прекрасно говорилъ,—къ этимъ положеніямъ онъ уже болѣе не возвращается, замѣнивъ ихъ совершенно новою постановкою дѣла, гдѣ какъ будто былъ найденъ компромиссъ между велѣніями суровой и насущной дѣйствительности и требованіями усталого сердца. Онъ слагаетъ всю тяготящую его власть на плечи рабски преданнаго ему временщика изъ бывшихъ гатчинскихъ сподвижниковъ своего отца, на мрачнаго и всѣми ненавидимаго Аракчеева, ставитъ его какъ бы рядомъ съ собою и надъ народомъ и тѣмъ самымъ типично видоизмѣняетъ свое полное и отвѣтственное самодержавіе бюрократическою формулою командованія народомъ, внѣ всякаго соображенія съ потребностями, желаніями и идеалами этого несчастнаго и забитаго народа. За спиною Аракчеева личность самодержца скрылась, онъ совершенно отдѣлился отъ народа, а законъ уступилъ мѣсто административному произволу временщика и присныхъ ему, которые и начали мудрить надъ народною жизнью по своему усмотрѣнію и своимъ понятіямъ. Не Аракчеевъ, какъ таковой и самъ по себѣ, былъ безобразенъ, а безобразно было то положеніе дѣла государственнаго строительства, при которомъ стало мыслимо появленіе этого Аракчеева, и до котораго былое русское самодержавіе снизошло. Оно перестало быть выразителемъ народной воли и обратилось въ бездушную автократію, покоящуюся на временщикахъ, на силѣ канцелярій, на административномъ принужденіи и воинскихъ воздѣйствіяхъ. Александръ Павловичъ какъ будто подѣлился властью въ дѣлѣ внутренняго управленія съ своимъ подданнымъ изъ числа представителей военной бюрократіи, оставивъ за собою декорумъ этой власти, дѣла

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1905 г., кн. 12: «Конституціонныя вѣянія въ началѣ XIX вѣка».

внѣшней политики и ту «игру въ солдатики», которая преемственно отъ голштинскихъ предковъ, черезъ Петра III и Павла I, досталась ему въ наслѣдіе природныхъ наклонностей и влеченій.

Но, если ему, участнику мировыхъ событій, гдѣ его личность выступала все время такъ ярко и активно, становилась подъ конецъ жизни въ тягость задача управления народомъ, то послѣдній, напротивъ того, только что начиналъ пробуждаться отъ государственной спячки, имѣя уже передъ собою готовые примѣры и образцы усовершенствованныхъ европейскихъ формъ существованія, съ которыми въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ успѣлъ ознакомиться, ихъ изучить и оцѣнить. Отечественная война и, какъ историческій результатъ ея, триумфальный походъ въ Европу внесли въ русскую дѣйствительность нѣчто совершенно новое, оригинальное, о чемъ прежде можно было узнать лишь по слуху или изъ книги. Великія европейскія войны начала XVIII столѣтія имѣли громадное воспитательное значеніе для интеллигентныхъ представителей русскаго народа: они въ большомъ своемъ числѣ получили возможность на реальныхъ, конкретныхъ примѣрахъ чужой усовершенствованной жизни продумать домашнюю сѣрую и неприглядную дѣйствительность и прійти къ выводу о ея полнѣйшей непригодности въ политическомъ, социальномъ и экономическомъ отношеніи. То, о чемъ нѣкогда писалъ Радищевъ, что провозглашалъ Караяинъ, что было предметомъ мечтаній Александра I, надъ чѣмъ работали Сперанскій, Новосильцевъ и др., все это стало въ самое короткое время умственнымъ достояніемъ передовыхъ слоевъ русскаго общества. Просвѣтительныя и освободительныя идеи, толчекъ къ развитію которыхъ въ Россіи былъ данъ въ сущности самою Екатериною, начали проникать все въ большую массу, и изъ кабинетовъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей онѣ потекли широкимъ потокомъ въ средніе классы — военные, помѣщичьи, обывательскіе. Дома начало казаться все сквернымъ; что еще вчера находило, если не оправданіе, то извиненіе, нынче это самое клеймилось и поносилось. Мотивовъ для такого настроенія было много: и самый политическій строй явно билъ въ глаза своей несостоятельностью, и политика правительства вскармливала это настроеніе, и знакомство съ западно-европейскою жизнью по необходимости наводило мысль на критическій и отрицательный тонъ.

Въ послѣдней части своей дивной эпопеи—«Война и миръ», великій писатель земли Русской набросалъ гениальной кистью рельефную картину, изображающую ту умственную и психологическую атмосферу, въ которой назрѣвало настроеніе тогдашняго общества. Въ кабинетѣ Николая Ростова собрались старые знакомые—Пьеръ Безуховъ, Денисовъ, самъ Ростовъ, и Пьеръ, шагая по комнатѣ, продолжалъ начатый еще въ столовой разговоръ.

— Вотъ что. Положеніе въ Петербургѣ вотъ какое: государь ни во что не входитъ. Онъ весь преданъ этому мистицизму... Онъ ищетъ только спокойствія, и спокойствіе ему могутъ дать только тѣ люди *sans foi et loi*, которые рубятъ и душатъ все съ плеча: Магницкій, Аракчеевъ *et tutti quanti*... Ты согласишься, что ежели бы ты самъ не занимался хозяйствомъ, а хотѣлъ бы только спокойствія, то чѣмъ жестоко бы былъ твой бурмистръ, тѣмъ скорѣе ты бы достигъ цѣли?—обратился онъ къ Николаю.

— Ну, да къ чему ты это говоришь!—сказалъ Николай.

— Ну, и все гибнетъ. Въ судахъ воровство, въ арміяхъ одно только: шагнута, поселенія,—мучать народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ! Всѣ видятъ, что это не можетъ такъ итти. Все слишкомъ натянута и непремѣнно лопнетъ,—говорилъ Пьеръ.—Я одно говорилъ имъ въ Петербургѣ.

— Кому?—спросилъ Денисовъ.

— Ну, вы знаете, кому—сказалъ Пьеръ, значительно взглядывая исподлобья:—князю Ѳедору и имъ всѣмъ. Соревновать просвѣщенію и благотворительности, все это хорошо, разумѣется, цѣль прекрасная и все; но въ настоящихъ обстоятельствахъ надо другое... Это мало, я имъ говорю: теперь нужно другое. Когда вы стоите и ждете, что вотъ-вотъ лопнетъ эта натянута струна; когда всѣ ждутъ неминуемаго переворота, надо какъ можно тѣснѣе и больше народа, ввязаться рука съ рукой, чтобы противостоять общей катастрофѣ. Все молодое, сильное притягивается туда и разворачивается. Одного соблазняютъ женщины, другого почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Независимыхъ свободныхъ людей, какъ вы и я, совсѣмъ не остается. Я говорю: расширьте кругъ общества: *mot d'ordre* пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность.

Николай, оставивъ племянника, сердито передвинулъ кресло, сѣлъ на него и, слушая Пьера, недовольно покашливалъ и все больше и больше хмурился.

— Да съ какою же цѣлью дѣятельность?—вскрикнулъ онъ.—И въ какія отношенія станете вы къ правительству?

— Вотъ въ какія! Въ отношенія помощниковъ. Общество можетъ быть не тайное, ежели правительство его допустить. Оно не только не враждебное правительству, но это общество настоящихъ консерваторовъ. Общество джентльменовъ въ полномъ значеніи этого слова. Мы только для того, чтобы Пугачевъ не пришелъ зарѣзать и моихъ и твоихъ дѣтей, и чтобы Аракчеевъ не послалъ меня въ военное поселеніе,—мы только для этого беремся рука съ рукой, съ одною цѣлью общаго блага и общей безопасности.

— Да, но тайное общество, слѣдовательно враждебное и вредное, которое можетъ породить только зло.

— Отчего? Развѣ тугендбундъ, который спасъ Европу... произвелъ чтонибудь вредное? Тугендбундъ—это союзъ добродѣтели; это любовь, взаимная по мощь; это то, что на крестѣ проповѣдывалъ Христосъ...

— Ну, б'гать, это колбасникамъ хо'гошо—тугендбундъ, а я этого не понимаю, да и не выговог'ю,—послышался громкій, рѣшительный голосъ Денисова.—Все сквег'но и мег'зко, я согласишься: только тугендбундъ я не понимаю; а не н'гавится—такъ бунтъ; вотъ это такъ. *Je suis vot'e homme!*

Такова небольшая картинка изъ обывательской жизни, нарисованная намъ великимъ художникомъ, гдѣ въ сжатомъ видѣ изложено все то психологически-идейное, что создавало атмосферу общественнаго недовольства. Его герои предлагаютъ: одинъ — организацію мирныхъ сообществъ для содѣйствія правительству, отъ котораго требуется довѣріе, въ интересахъ реформированія государственной дѣятельности, другой требуетъ радикальной мѣры:

бунта, дабы опрокинуть это негодное правительство. Но ни тотъ, ни другой не указываютъ, а что же должно наступить затѣмъ, каковы должны быть тѣ новыя формы жизни, въ замѣнъ старыхъ, обветшалыхъ и стѣснительныхъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо отъ вымысла художника обратиться къ показаніямъ лѣтописцевъ той эпохи, а также современниковъ-участниковъ того интереснаго и знаменательнаго времени.

II.

Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», покойный А. Н. Пыпинъ, основываясь на многочисленныхъ источникахъ, русскихъ и иностранныхъ, даетъ очень обстоятельный анализъ развитія въ русскомъ обществѣ либеральныхъ идей и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовываетъ и возникновеніе у насъ тайныхъ обществъ. «Конецъ XVIII и XIX вѣкъ были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ, и дѣйствительныхъ, и воображаемыхъ—говоритъ онъ¹⁾.—Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которую, между прочимъ, складывались прогрессивныя стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей — ни парламентской жизни, ни свободы печатнаго слова. Это былъ общественный союзъ, соединеніе единомышленныхъ людей съ общественными цѣлями—въ такое время, когда государство еще сохраняло свою средневѣковую исключительность и нетерпимость и не давало исхода начинающемуся политическому и социальному сознанию. Тайныя общества становились ненужны тамъ, гдѣ общественныя потребности находили себѣ выраженіе, гдѣ свобода собраній и свобода печати дѣлали таинственность ненужною. Всего больше тайныхъ обществъ было именно тамъ, гдѣ пробуждавшееся общественное мнѣніе не имѣло этого исхода и, напротивъ, встрѣчалось съ политическимъ гнетомъ, какъ было во Франціи, Германіи, Италіи. Въ прошломъ столѣтіи эта форма общественности проникла и къ намъ въ видѣ масонскихъ ложъ, этихъ полу-тайныхъ обществъ, которыя могли быть допущены даже у насъ, потому что, съ одной стороны, были правительству извѣстны, съ другой — ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявляли свое удаленіе отъ всякой цѣли политической. Но масонскія логи были уже отчасти приготовленіемъ къ тайному обществу и чрезвычайно размножились во второй половинѣ царствованія Александра, когда стало обнаруживаться особенное броженіе умовъ, когда вообще распространялись у насъ всякія общества и

¹⁾ «Историческіе очерки». «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I».—А. Н. Пыпина.

союзы — литературные, филантропическіе, библейскіе, масонскіе, наконецъ, политическіе. Масонская ложа была самой извѣстной формой тѣснаго общественнаго кружка, и къ ней примкнули тайныя общества точно такъ же какъ съ другой стороны примыкало библейское общество. Самый Священный Союзъ, какъ раньше союзъ императора Александра съ королемъ прусскимъ, былъ навѣянъ духомъ мистическаго или тайнаго братства».

Масонскія ложи, тѣсныя общественныя кружки, съ большимъ или меньшимъ на нихъ налетомъ таинственности, но во всякомъ случаѣ внѣ всякой политической опредѣленной программы и безъ всякаго на нихъ характера заговора, возникали и встрѣчались въ Россіи еще въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху Павла, и въ началѣ царствованія Александра. Болѣе опредѣленную тенденцію такіе кружки получаютъ у насъ по возвращеніи русской арміи изъ-за границы, и главными членами ихъ является военная и по преимуществу гвардейская молодежь, которая начинаетъ группироваться уже подъ болѣе или менѣе опредѣленными общественными и политическими знаменами.

Одинъ изъ декабристовъ, И. Д. Якушкинъ, въ своихъ «Запискахъ»¹⁾ о томъ времени такъ рисуетъ намъ возникновеніе тайнаго общества съ опредѣленно положенною въ основу этого общества общественною тенденціею и политическою задачею. «По возвращеніи императора въ 15-мъ году, онъ просилъ у министровъ на мѣсяць отдыха; потомъ передалъ почти все управленіе государствомъ Аракчееву. Душа его была въ Европѣ; въ Россіи же болѣе всего онъ заботился объ увеличеніи числа войскъ. Царь былъ всякій день у развода; во всѣхъ полкахъ начались ученія, и шагистика вошла въ полную свою силу.

«Служба въ гвардіи стала мнѣ несносна. Въ 16-мъ году говорили о возможности войны съ турками, и я подалъ просьбу о переводѣ меня въ 37-й егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Фонвизинъ, знакомый мнѣ еще въ 13-мъ году и извѣстный въ арміи за отличнаго офицера. Въ это время Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я—мы жили въ кавармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: законѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ была каторга, повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частію со-

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина. М. 1906.

стояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего.

«Одинъ разъ Трубецкой и я — мы были у Муравьевыхъ, Матвѣя и Сергѣя; къ нимъ пріѣхали Александръ и Никита Муравьевы съ предложеніемъ составить тайное общество, цѣль котораго, по словамъ Александра, должна была состоять въ противодѣйствіи нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ. Я зналъ, что Александръ и его братья были враги всякой нѣмчанѣ, и сказалъ ему, что никакъ не согласенъ вступить въ заговоръ противъ нѣмцевъ; но что, если бы составилось тайное общество, членамъ котораго поставлялось бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи, то я охотно вступилъ бы въ такое общество. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы на предложеніе Александра отвѣчали почти то же, что и я. Послѣ нѣкоторыхъ преній Александръ признался, что предложеніе составить общество противъ нѣмцевъ было только пробное предложеніе, что самъ онъ, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цѣль котораго была въ обширномъ смыслѣ благо Россіи. Такимъ образомъ положено основаніе тайному обществу, которое существовало, можетъ быть, не совсѣмъ бесплодно для Россіи».

√ Таково возникновеніе перваго тайнаго общества, окрещеннаго наименованіемъ «Союзъ спасенія, или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», уставъ котораго былъ написанъ полковникомъ Пестелемъ, адъютантомъ командующаго 2-й арміи. Какъ усматривается изъ словъ Якушкина, главными соображеніями для составленія этого общества послужили соображенія преимущественно соціальнаго и государственнаго порядка, насильственный политическій переворотъ не входитъ въ его программу, и на немъ еще не лежитъ таинственная печать заговора. Эти элементы влились въ общество въ дальнѣйшемъ, хотя и очень скоромъ времени. Какъ показываетъ «Донесеніе слѣдственной комиссіи»¹⁾, молодое общество въ отношеніи своихъ членовъ дѣлилось на три степени: братьевъ, мужей и бояръ, изъ этой третьей, высшей степени избирались ежемѣсячно старѣйшины: предсѣдатель, флюстителъ и секретарь. Принятіе новаго члена обставлялось торжественными обрядами, по образу практики масонскихъ ложъ; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранить все въ тайнѣ, что ему откроютъ, если оно будетъ и несогласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи въ общество, онъ давалъ вторую клятву. Сверхъ того, каждая ступень и даже старѣйшины имѣли свою особенную специаль-

¹⁾ Международная бібліотека. «Тайное общество и 14-е декабря 1825 г. въ Россіи». Лейпцигъ.

ную присягу. Клятвенныя обѣщанія заключались въ стремленіи къ осуществленію цѣлей «общества» и въ оказаніи полной покорности «Верховному собору бояръ». Боярами наименовались члены коренные, то-есть основатели общества, но возводили и принимали прямо въ это званіе и новыхъ членовъ.

Цѣлью общества съ самаго начала было измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи, при чемъ центръ тяжести полагали въ подвизаніи на пользу отечества, способствованіи всему полезному, пресѣченіи злоупотребленій, оглашеніи предосудительныхъ поступковъ, недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, и въ привлеченіи наибольшаго числа надежныхъ членовъ.

Основатели общества предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, а также генераль-майору Орлову, который совмѣстно съ графами Мамоновымъ и Николаемъ Тургеневымъ замышлялъ основать новое общество подъ наименованіемъ «Русскихъ рыцарей». На совѣщаніяхъ между Орловымъ и Александромъ Муравьевымъ по вопросу о соединеніи обоихъ обществъ, какъ гласить слѣдственный актъ, не могло состояться соглашенія. «Генераль-майоръ Орловъ сначала хотѣлъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія и полагалъ испросить на то высочайшее одобреніе; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный императоръ (то-есть Александръ I) намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ, и приписывая сіе вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, имѣлъ мысль посредствомъ своего сообщества противождать онымъ; планъ его не исполнился, и общество, имъ предполагаемое, не состоялось». Но и въ «Союзѣ спасенія» сразу же почти пошли несогласія: одни видѣли въ его основаніи неопредѣленность цѣли, другіе требовали измѣненія его устава. Послѣдніе (Мих. Муравьевъ, Колошинъ, Бурцовъ, Якушкинъ, Фонвизинъ и др.) не иначе соглашались въ немъ оставаться, какъ чтобы союзъ ограничился «медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія», чтобы клятвы, слѣпое повиновеніе, насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала и яда были отмѣнены, и чтобы въ основаніе устава были положены начала, заимствованныя изъ *Freiwillige Blätter*, по коимъ управлялся нѣмецкій *Tugendbund*. По свидѣтельству слѣдственнаго акта, тогда же, во время преній сторонъ, была впервые прямо высказана мысль и о цареубійствѣ, мысль, которая встрѣтила возраженіе однихъ и поддержку и одобреніе другихъ. Въ результатъ несогласій состоялся выходъ нѣкоторыхъ членовъ изъ общества и реформированіе послѣдняго на новыхъ началахъ и съ наименованіемъ его «Союзъ благоденствія». Уставъ «Союза» былъ составленъ А. и М. Муравьевыми, кн. Трубецкимъ и Колошинымъ, при чемъ цѣли, имъ преслѣдуемыя, главнымъ образомъ намѣчались въ томъ, чтобы «способствовать правительству къ проведенію въ исполненіи всѣхъ мѣръ,

принимаемыхъ въ пользу государства, ибо правительство безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ не можетъ довольно успѣшно проводить въ дѣйствіе мѣры, имъ принимаемыя». Пестель, находившійся въ ту пору въ С.-Петербургѣ, такъ же согласился на реформу «Союза», хотя на многихъ членовъ общества произвело впечатлѣніе, будто онъ затаилъ въ себѣ недовольство по случаю преобразования устава и придачи ему болѣе мирнаго характера.

III.

Мы видимъ, что взволнованные умы, останавливаясь на вопросѣ о судьбѣ родной земли, разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ двухъ направленіяхъ. Одни видятъ панацею въ мирно-просвѣтительныхъ организаціяхъ прогрессивнаго характера, другіе—признаютъ необходимость радикальнаго государственнаго переворота, при чемъ санкціонируютъ даже идею царевубійства. Старый самодержецъ долженъ быть, по ихъ утверженію, устраненъ отъ кормила правленія, но такъ какъ никакой иной формы его устраненія въ интересахъ благополучнаго рѣшенія вопроса о реформѣ придумано быть не можетъ, то избираютъ актъ убійства, какъ наиболѣе простой и приводящій непосредственно къ желаемому результату; послѣ убійства прежняго царя они не исключаютъ совершенно возможности существованія новаго монарха, но послѣдній править уже на началахъ ограниченной конституціонной монархіи, каковую монархію признаютъ, какъ наиболѣе справедливую и совершенную форму правленія, и послѣдователи мирнаго обновленія Россіи. Пьеръ Безуховъ и Василій Денисовъ, какъ типы того времени въ изображеніи гениальнаго писателя, съ одной стороны, Н. Тургеневъ и Б. Пестель, съ другой, какъ реальные, облеченные плотью и кровью, дѣятели Александровской эпохи, — вотъ тѣ главные живыя вѣхи, по которымъ развивалась тогдашняя передовая жизнь русскаго общества. Мирно-прогрессивныя идеи и образцы почерпались въ значительной мѣрѣ изъ опыта нѣмецкой жизни (Tugendbund), революціонно-радикальныя конструировались по французскому образцу, а также принимали скорѣе окраску національную, являлись оригинальнымъ актомъ личнаго творчества ихъ носителей и приравнивались къ практической программѣ, въ цѣляхъ ея быстрого и рѣшительнаго осуществленія. Въ періодъ, который можно заключить въ хронологическія рамки 1815—1820 г.г., какъ будто имѣетъ перевѣсъ первое изъ названныхъ направленій, въ періодъ съ 1820 по 1825 г.—второе; такому перемѣщенію идейнаго содержанія обществъ содѣйствовало, главнымъ образомъ, установленіе реакціоннаго характера внутренней политики, когда окончательно выяснилось, что конституціоннымъ вѣяніямъ не су-

ждено отлиться въ какіяни будь опредѣленные реальныя формы государственной жизни. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ правительство беретъ курсъ вспять, передовая интеллигенція обратно пропорціонально этому попятному движенію съ неудержимой энергіей начинаетъ развивать уже чисто революціонныя идеи съ примѣсью въ нихъ даже нѣкоторой доли социалистическаго элемента.

Никита Михайловичъ Муравьевъ.

Несмотря на то, что «Союзъ благоденствія» довольно широко раскинулъ свою организацію, имѣя большое количество членовъ почти во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и во многихъ армейскихъ (напримѣръ, во 2-й арміи), дѣятельность его не была активною, а спорѣ смахивала на тѣ столь знакомые намъ и такъ крѣпко привившіеся въ Россіи либеральныя кружки, гдѣ идетъ всегда столько времени на толчею воды, на споры о предметахъ теоретическаго характера, на благіе порывы безъ всякихъ реальныхъ

послѣдствій. Нѣкоторые наиболѣе страстные члены уже начинали разочаровываться въ «Союзъ» и, ближе знакомясь съ тогдашнею неприглядною дѣйствительностью, особенно въ крестьянскомъ быту, приходили къ заключенію о необходимости какой нибудь активной политики или вообще практическихъ дѣйствій. Изъ категоріи послѣднихъ дѣятелей Якушкинъ придумываетъ способъ проявленія такой политики, и вотъ на первыхъ порахъ ему начинаетъ казаться наиболѣе цѣлесообразнымъ подать государю соотвѣтствующій адресъ. «Ночью, когда Фонвизинъ спалъ, я написалъ адресъ къ императору, который должны были подписатъ всѣ члены «Союза благоденствія»,—повѣствуетъ онъ ¹⁾.—Въ этомъ адресѣ излагались всѣ бѣдствія Россіи, для прекращенія которыхъ мы предлагали императору созвать земскую думу по примѣру своихъ предковъ. Поутру я прочиталъ свое сочиненіе Фонвизину, и онъ, бывъ подъ однимъ настроеніемъ духа со мной, согласился подписать адресъ. Въ тотъ же день мы съ нимъ отправились въ Дорогобужъ къ Граббе. Къ счастью, Граббе былъ благоразумнѣе насъ обоихъ; не отказываясь вмѣстѣ съ другими подписать адресъ, онъ намъ ясно доказалъ, что этими поступками за одинъ разъ уничтожалось тайное общество, и что это все вело насъ прямо въ крѣпость. Бумага, мной написанная, была уничтожена. Послѣ чего долго мы разсуждали о горестномъ положеніи Россіи и средствахъ, которыя бы могли спасти ее. «Союзъ благоденствія», казалось намъ, дремалъ. По собственному своему образованію онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было къ 1 января 1821 г. пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина для того, чтобы они на общихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣли дѣло тайнаго общества и пріискали средства для большей его дѣятельности».

Въ январѣ 1821 г. въ Москвѣ дѣйствительно состоялся съѣздъ членовъ «Союза благоденствія», на который прибыли делегаты изъ южной арміи и изъ Петербурга, и тутъ-то и рѣшено было закрыть и ликвидировать самый «Союзъ», послѣ чего въ жизни тайныхъ обществъ наступаетъ новый періодъ жизни, и они на идейныхъ развалинахъ своего прародителя начинаютъ отливаться въ совершенно опредѣленныя политическія группы съ ярко очерченными программами конституціоннаго свойства, а также выдѣляютъ изъ своего состава вожаковъ и руководителей, какъ въ отношеніи теоретическаго обоснованія предмета, такъ и самого практическаго осуществленія программъ. Когда въ 1821 г. въ Москвѣ были поставлены очередные вопросы, то Мих. Орловъ выступилъ съ предложеніемъ основать собственную типографію или литографію для печатанія прокламацій къ народу и статей, направлен-

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина.

ныхъ противъ правительства, а также открыть фабрику фальшивыхъ ассигнацій, но ни то ни другое предложеніе принято не было. Расколъ въ составѣ «Союза» былъ явный, далеко не всѣ оказались приверженцами конституціонной формы правленія, и въ февралѣ того же года состоялась ликвидація самого общества, и вслѣдъ за симъ, въ 1822 г., въ Петербургѣ начинается функционировать «Сѣверное тайное общество» съ Никитою Муравьевымъ, кн. Е. Оболенскимъ и Н. Тургеневымъ во главѣ, а въ Тульчинѣ Подольской губерніи «Южное тайное общество», во главѣ котораго стали П. Пестель и Л. Юшневскій. Оба новыхъ общества существовали совершенно самостоятельно¹⁾, имѣли между собой относительно мало сношеній и связей, пожалуй, даже конкурировали другъ съ другомъ и, во всякомъ случаѣ, относились другъ къ другу съ нѣкоторымъ недоверіемъ. Однако, въ отношеніи цѣли своего существованія задачи у нихъ были общія—ниспроверженіе существующаго государственнаго порядка вещей для установленія въ Россіи болѣе усовершенствованной и либеральной формы правленія, при чемъ «Сѣверное» общество» брало себѣ за идеаль конституціонную монархію, а «Южное» склонялось въ пользу республиканскаго строя.

Фактическая ликвидація «Союза благоденствія» и образованіе новыхъ обществъ, какъ показываетъ слѣдственная комиссія, снаряженная надъ декабристами, состоялись при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ того, какъ «Союзъ благоденствія» былъ объявленъ закрытымъ, его уставъ и бумаги сожжены, южные делегаты—полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, привезли Тульчинской управѣ извѣстіе о сдѣланномъ въ Москвѣ постановленіи съѣзда делегатовъ. Но Пестель и Юшневскій, узнавшіе заранѣе о происшедшемъ предварительно рѣшили: во-первыхъ, не признавать «Союза», разрушеннымъ и, во-вторыхъ, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы «удалить всѣхъ слабосердныхъ, представивъ имъ опасности и трудности предпріятія». Вслѣдствіе этого, когда Бурцовъ и Комаровъ, сдѣлавъ Тульчинской думѣ докладъ, удалились, то Юшневскій произнесъ рѣчь въ смыслѣ воздѣйствія на «слабосердныхъ», но эта рѣчь никого не убѣдила, а, напротивъ, лишь подстрекнула самолюбіе присутствовавшихъ. Такъ, полковникъ Адамовъ объявилъ, что, если даже всѣ оставятъ «Союзъ», то онъ не перестанетъ

¹⁾ Грань между «Сѣвернымъ» и «Южнымъ» обществами не была юридически строго проведена, и они оба какъ бы считались лишь составными частями новаго обновленнаго «Союза благоденствія». Но такое единство и въ отношеніи плана дѣйствій, и въ отношеніи программъ было фиктивнымъ, и каждый отдѣлъ жилъ, развивался и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, внѣ зависимости отъ общаго подчиненія какому либо единому административному или законодательному центру.

«полагать оный существующимъ въ немъ одномъ». Остальные также провозгласили, что ихъ депутаты въ Москвѣ вышли изъ предѣловъ данной имъ власти, что «Союзъ» не разрушенъ, что онъ будетъ всегда дѣйствовать лишь съ переменной въ некоторыхъ прежнихъ правилъ. Въ основаніе этого возобновленнаго общества былъ положенъ еще прежде составленный Пестелемъ уставъ, и въ число членовъ общества были зачислены, какъ бывшіе на засѣданіи Тульчинской думы, такъ и прибавлены сюда многіе другіе, изъ числа приставшихъ впоследствии. Всѣмъ было дано наименованіе «бояръ Союза», и изъ нихъ выбраны три директора, или предсѣдателя— Пестель, Юшневскій и заочно Никита Муравьевъ, о которомъ полагали, что онъ, не бывъ въ Москвѣ, также не согласится на ликвидацію «Союза благоденствія». Всѣ члены «Южнаго общества» (или иначе «округа») дѣлились на братьевъ, мужей и бояръ. Братья не имѣли права принимать другихъ; жени, пользуясь симъ правомъ, должны были отъ принятаго ими скрывать имена прочихъ членовъ; бояре присоединялись къ директоріи для рѣшенія наиважнѣйшихъ вопросовъ. Пріемъ члена не сопровождался никакой церемоніей, а обусловливался лишь даннымъ честнымъ словомъ. Такъ составилось «Южное общество»; исторія возникновенія «Сѣвернаго общества» слѣдующая.

Представитель Петербургской «думы» на московскомъ съѣздѣ, Н. И. Тургеневъ, по возвращеніи домой, дѣлалъ попытку составить изъ бывшихъ членовъ «Союза благоденствія» новое тайное общество, вербовалъ въ него членовъ, но старанія его имѣли мало успѣха, чему, главнымъ образомъ, было причиною выступленіе гвардіи въ походъ. Только въ 1822 г. Петербургское, или «Сѣверное», общество фактически осуществилось, и основателями его явились Никита Муравьевъ, князь Е. Оболенскій и Н. Тургеневъ. Общество было раздѣлено на «убѣжденныхъ» и «соединенныхъ», или «согласныхъ». Союзъ «убѣжденныхъ», или «верхній кругъ», составилъ изъ основателей; принимали въ него и другихъ изъ «союза соединенныхъ», но не иначе, какъ по согласію всѣхъ находящихся въ Петербургѣ «убѣжденныхъ». Это согласіе нужно было и для принятія какой либо рѣшительной мѣры; кромѣ того, «верхній кругъ» имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ думы, или совѣта, управлявшаго обществомъ, дозволялъ принятіе новопоступающихъ, требовалъ отчетовъ отъ думы. Находящійся въ немъ членъ могъ принять не болѣе двухъ и согласіе на то испрашивалъ черезъ члена, коимъ былъ самъ принятъ; послѣдній также не былъ въ числѣ «убѣжденныхъ». Это согласіе черезъ такую же цѣпь доходило отъ думы до принимающаго новыхъ членовъ. Послѣднихъ сначала испытывали, готовили, потомъ открывали имъ мало-по-малу цѣль тайнаго общества, но о средствахъ для достиженія этой цѣли и о времени начала дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣнія одинъ

лишь «верхній кругъ». Многимъ, которыхъ предназначали на роль слѣпыхъ исполнителей, говорили только, что ихъ дѣло рубиться; новопоступившіе и вообще всѣ непрічастные къ «убѣжденнымъ» знали одного принявшаго ихъ члена. Однако, всѣ эти правила исполнялись не очень строго.

«Начальникомъ», или предсѣдателемъ, общества въ первое время былъ поставленъ одинъ лишь Н. Муравьевъ, но затѣмъ ему въ

Князь Евгений Петрович Оболенскій ¹⁾.

помощь и на равныхъ съ нимъ правахъ были еще избраны князь Сергѣй Трубецкой и князь Евгений Оболенскій. Черезъ годъ князь Трубецкой уѣхалъ въ южную армію, чтобы, съ одной стороны, сообразно съ рѣшеніями своей партіи имѣть вліяніе на мѣстное войско, а, съ другой—чтобы наблюдать за Пестелемъ, которому главные дѣятели «Сѣвернаго общества» не довѣряли, видя въ немъ «хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте». На мѣсто выбывшаго князя Трубецкого былъ избранъ членомъ директоріи, или

¹⁾ Портретъ Кн. Е. П. Оболенскаго въ молодости не извѣстенъ.

думы, К. Ф. Рылѣевъ, получившій съ того времени первенствующее значеніе въ обществѣ. Рылѣевъ настоялъ, чтобы впредь директоры, или правители, были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ. Такова была организація новыхъ тайныхъ обществъ и ихъ главные руководители. Каковы же были ихъ политическія программы, и какія идеи были положены въ основу этихъ программъ ¹⁾?

IV.

И по старшинству времени составленія, и по обстоятельности разработки, по широтѣ взгляда и практичности осуществленія первое мѣсто среди программъ тайныхъ партій, по всей справедливости, принадлежитъ проекту Никиты Муравьева, чрезвычайно интересному, помимо всего прочаго, еще въ томъ отношеніи, что онъ не потерялъ своего нѣкотораго значенія и для нашихъ дней, когда наша печать и общество такъ сильно заняты обсужденіемъ вопроса о предстоящей къ созыву въ недалекомъ будущемъ «государственной думы», и когда въ историческихъ образцахъ прошлаго времени можно найти нѣкоторыя полезныя указанія и для современной дѣйствительности.

Въ началѣ своего проекта конституціи Муравьевъ устанавливаетъ слѣдующія положенія: «1) русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства; 2) источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя; 3) гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ уставѣ порядкомъ участвовать въ общественномъ управленіи: посредственно, т.е. выборомъ чиновниковъ или избирателей, непосредственно, т.е. быть самому избираемымъ въ какое либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти».

Гражданиномъ признается всякій, имѣющій 21 годъ жизни, обладающій имущественнымъ цензомъ, несущій опредѣленные повинности, не опороченный закономъ и находящійся въ здоровомъ умѣ. Передъ закономъ всѣ равны, и каждый несетъ общественныя повинности, повинуется закону и является на защиту родины по требованію закона.

Печать свободна и отвѣтственна въ опредѣленныхъ случаяхъ лишь передъ судомъ; личность неприкосновенна, и никто не мо-

¹⁾ Слѣдственная комиссія обнаружила слѣдующіе конституціонные проекты: Никиты Муравьева, П. Пестеля «Русская правда», списокъ съ конституціи Муравьева, найденный въ бумагахъ князя С. Трубецкого, «Государственный завѣтъ», сокращенный проектъ Пестеля, найденный въ бумагахъ С. Муравьева-Апостола, а также Ковалева. Въ государственномъ архивѣ имѣются еще проекты Батенкова и неизвѣстнаго.

жетъ быть взятъ подъ стражу безъ того, чтобы ему въ 24 часа не были предъявлены причины его задержанія. Виновный наказуется только по суду, при чемъ правосудіе отправляется лишь судомъ присяжныхъ. Граждане ¹⁾ пользуются свободой обществъ и союзовъ; за ними признается право жалобъ и петицій, обращаемыхъ

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

или къ народнымъ депутатамъ, или къ мѣстнымъ собраніямъ, или къ монарху. Вѣроисповѣданія свободны.

Въ административномъ отношеніи авторъ конституціи дѣлилъ Россію на 14 державъ и 2 области, а именно: державы—Ботни-

¹⁾ Въ силу равенства передъ закономъ и по соображеніямъ, почерпнутымъ изъ христіанской морали, авторъ конституціи совершенно упраздняетъ крѣпостное право: всѣ люди равны между собою и братья передъ Богомъ, ибо рождены во волѣ Его для блага, и всѣ передъ нимъ слабы.

ческая, Балтійская, Заволжская, Западная, Дѣпровская, Бужская, Черноморская, Окинская, Украинская, Низовская, Камская, Кавказская, Обійская и Ленская; области—Славянская и Донская. Столица и резиденція федеративнаго правительства предполагалась въ Нижнемъ Новгородѣ, а Петербургъ и Москва становились столицами Ботнической и Окинской державъ. Державы и области дѣлились на уѣзды или повѣты, уѣзды и повѣты—на волости. Въ судебномъ отношеніи Россію предполагено было раздѣлить на судебныя округа.

Во главѣ каждой волости стоялъ выборный волостной старѣйшина, котораго избирали ежегодно всѣми гражданами данной волости на основахъ цензоваго выборнаго начала. Во главѣ уѣзда стоялъ избранный тысяцкій, при чемъ въ выборахъ послѣдняго участвовали лишь граждане, владѣвшіе недвижимымъ имуществомъ въ 500 рублей и движимымъ въ 10.000 рублей. Право на выборъ въ тысяцкіе обуславливалось или обладаніемъ недвижимымъ имуществомъ въ 30.000 рублей или движимымъ въ 60.000 рублей. Тысяцкій ведетъ два цензовыхъ списка: въ одномъ перечислены всѣ граждане, владѣющіе ценомъ, дающимъ имъ право избирать тысяцкаго, въ другомъ—граждане, имѣющіе право быть избранными въ тысяцкіе. Граждане первой категоріи могутъ быть, кромѣ того, и присяжными, а граждане по второму списку, помимо владѣнія перечисленными правами, могутъ быть еще избираемы въ члены верховной думы, въ правители державъ, въ члены державныхъ думъ и въ члены державныхъ судовъ.

Очертивъ послѣдовательность и сроки избранія, Муравьевъ опредѣляетъ и систему управленія всею страной. Это управленіе сосредоточивается: сначала въ волости, потомъ уѣздѣ, наконецъ державѣ, которая управляется собраніемъ, составленнымъ изъ двухъ палатъ—палаты выборныхъ и державной думы, и начальника державы, избираемаго центральными представительными собраніями, которому принадлежитъ власть исполнительная и командованіе на извѣстныхъ условіяхъ земскимъ войскомъ.

Отстраняя отъ себя упрекъ въ стремленіи расчлененія Россіи на самостоятельныя области, Муравьевъ въ своемъ разборѣ обвинительнаго противъ него акта утверждаетъ, что слѣдственная коммиссія «не замѣтила, что независимость областей не согласуется съ монархическимъ правленіемъ, утвержденнымъ конституціею, и упускаетъ изъ виду не безъ пѣли, что областныя собранія не облечены державною волею. Эти областныя собранія среди совокупныхъ губерній, вѣдая только распоряженіями и расправами мѣстными, содѣйствовали бы единству управленія державнаго. Эта конституція не только не стѣсняла исполнительной власти (императорской), но доставляла ей свободу дѣйствій, необходимую для общей пользы; поручала ей соблюденіе державныхъ выгодъ, при-

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ.

знавала ея необходимое участіе въ законодательной власти и надзоръ за общимъ ходомъ судопроизводства». Изъ этихъ словъ усматривается, что Муравьевъ строитъ свою федерацію по особой системѣ, не имѣющей для себя примѣра въ системѣ государственнаго права другихъ народовъ, и являлся такимъ образомъ своего

рода новаторомъ, болѣе всего склонявшимся къ тому государственному строю, который впоследствии установился въ Австріи и частью уже тогда дѣйствовалъ въ Сѣверной Америкѣ. Авторъ сохранялъ для Россіи императорскую власть, которая являлась въ его проектѣ наследственной, но лишь по мужской линіи, и компетенція этой власти исчерпывалась правами: останавливанія дѣйствія законодательной власти и принужденія ко вторичному разсмотрѣнію закона; начальствованія надъ сухопутными и морскими силами; веденія переговоровъ съ иностранными державами, заключенія мира, но не иначе, какъ съ согласія верховной думы; назначенія министровъ, посланниковъ, консуловъ и чиновниковъ. При вступленіи на престолъ императоръ приноситъ присягу въ вѣрности конституціи и на свое содержаніе получаетъ такъ называемый гражданскій листъ, опредѣляющій его содержаніе. Лично онъ не несетъ никакой отвѣтственности, которая всецѣло падаетъ на министровъ.

Вся власть законодательная сосредоточена въ рукахъ «народнаго вѣча», которое состоитъ изъ верхней думы и палаты народныхъ представителей. Палата представителей избирается гражданами державъ на три года въ числѣ 450 человекъ мужескаго пола; это число не есть постоянное, но подлежащее видоизмѣненію, согласно народной переписи, которая совершается черезъ каждыя 10 лѣтъ. Члены другой палаты, верховной думы, избираются правительственными сословіями державъ, т.-е. въ общемъ засѣданіи обѣихъ палатъ. Число членовъ верховной думы—42 человека, по два человека отъ каждой державы и отъ Московской и Донской областей по одному. Обѣ палаты самостоятельны, и только предложенія, принятія въ обѣихъ палатахъ, идутъ на утвержденіе императора, за которымъ сохранено право утверждать или не утверждать эти предложенія. Народное вѣче выполняетъ слѣдующія функціи: 1) издаетъ для Россіи уложенія гражданское, уголовное, торговое и военное, учреждаетъ установленія по благочинію, правила по судопроизводству и внутреннему управленію присутственныхъ мѣстъ; 2) объявляетъ военныя положенія; 3) обнародываетъ законъ объ амнистіи; 4) распускаетъ правительственныя собранія державъ и назначаетъ новые выборы; 5) объявляетъ войны; 6) вѣдаетъ устройство, содержаніе, управленіе, расположеніе, движеніе войскъ сухопутныхъ и морскихъ, систему укрѣпленія предѣловъ, береговъ, пристаней, наборъ, пополненіе войскъ и внутреннюю стражу; 7) устанавливаетъ налоги, займы, повѣрку расходовъ, пенсін, жалованья, всѣ сборы и издержки и пр.; 8) вѣдаетъ и утверждаетъ мѣры правительства о промышленности, о богатствѣ народномъ, объ учрежденіи почтъ, содержаніе и устройство путей сообщенія сухопутныхъ и водяныхъ, учрежденіе банковъ; 9) покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ полезнымъ; 10) постановляетъ правила о порядкѣ службы и о награжденіи чиновни-

ковъ, объ отчетахъ по всѣмъ частямъ управленія; 11) устанавливаетъ въ соответственныхъ случаяхъ регентство; 12) избираетъ правителей державъ изъ второго списка избирателей всякой державы.

Таковы главные основы проектированной Муравьевымъ конституціи ¹⁾, при чемъ имъ отмѣчено, что вѣче при всей широтѣ своихъ полномочій не можетъ производить перемѣнъ въ конституціи, не имѣетъ права измѣнять основные конституціонные законы, не можетъ нарушать свободу слова, устнаго и письменнаго, не можетъ воспрепятствовать какому либо вѣроисповѣданію. Эти уполномочія признавались за всенароднымъ державнымъ соборомъ, т.-е. учредительнымъ собраніемъ, которое созывалось народнымъ вѣчемъ.

Планъ осуществленія конституціи предполагался Муравьевымъ, какъ то видно изъ слѣдственнаго донесенія, слѣдующимъ образомъ: 1) окончивъ проектъ конституціи, раздать множество экземпляровъ онаго людямъ всѣхъ состояній; 2) произвести возмущеніе въ войскѣ и тогда напечатать сей проектъ; 3) по мѣрѣ успѣховъ возмущенія, во всѣхъ занятыхъ мѣстахъ учреждать предположенные имъ начальства и другія присутственныя мѣста, и 4) если бы императорская фамилія не согласилась принять его конституцію, то изгнать ее и предложить установленіе республиканскаго правленія. Но послѣднее онъ допускалъ лишь въ крайности, а съ 1822 г. совершенно перемѣнилъ свой образъ мыслей и рѣшительно отказался отъ возможности установленія въ Россіи республиканской формы правленія.

Его главнымъ противникомъ по существу вопроса—быть ли въ Россіи монархической конституціи или республикѣ?—былъ П. Пестель, проектъ котораго по сему предмету въ видѣ «Русской правды» хотя и неизвѣстенъ намъ во всѣхъ деталяхъ, какъ, напримѣръ, проектъ Муравьева, но о которомъ все же сохранилось достаточно данныхъ, нынѣ опубликованныхъ, такъ что мы можемъ и въ данномъ случаѣ дать читателямъ главнѣйшія сжатые свѣдѣнія, обрисовывающія политическое настроеніе умовъ, царившее среди членовъ «Южнаго общества».

V.

Программа Пестеля, взятая въ основаніе политическаго сredo «Южнаго общества» въ главнѣйшихъ своихъ положеніяхъ рѣзко разнилась отъ программы Муравьева. Его проектъ былъ изложенъ въ составленной имъ «Русской правдѣ, или заповѣдной государственной грамотѣ великаго народа російскаго, служащей завѣтомъ для

¹⁾ Наиболеѣ полно впервые скомпонованы всѣ подробности Муравьевской конституціи въ книгѣ С. Святкова «Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895)», Р.-на-Д. 1905 г.

усовершенствованія государственнаго устройства и содержащей вѣрный наказъ какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія». Пестель выступаетъ здѣсь поборникомъ сильнаго, единаго и тѣсно сплоченнаго государства, развивающагося на началахъ послѣдовательно проведенной идеи централизаціи. Муравьевская федерація рисовалась ему такою системою, благодаря которой Россія «снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенный древней Россіи удѣльною системою, которая также была нечто иное, какъ родъ федеративнаго устройства государства» и вслѣдствіе разрозненныхъ ея частей «скоро потеряетъ не только свое могущество, величіе и силу, но даже, можетъ быть, и бытіе свое между большими или главными государствами». Всѣ племена, населяющія Россію, должны быть слиты въ одинъ народъ, ради ея единства, и должны именоваться «русскими» съ единою нераздѣльною верховною властію, единымъ образомъ правленія и общими законами для всѣхъ частей государства. Задача верховнаго правительства должна заключаться въ стремленіи къ совершенному обрусенію всѣхъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, и не только такихъ, которыя различествуютъ между собою «малыми оттѣнками» (напримѣръ, россияне, малороссияне, украинцы, бѣлоруссы), но и совершенно иного этнографическаго происхожденія, какъ, напримѣръ, финляндцы. Исключеніе имѣ дѣлалось только въ отношеніи поляковъ, для которыхъ онъ требовалъ полной независимости и восстановленія Польши въ ея старинныхъ и историческихъ границахъ.

Главные задачи вѣка и своего времени онъ усматривалъ «въ борьбѣ между массаами народными и аристократіей всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на происхожденіи основанными», онъ обращалъ особенное вниманіе на положеніе народа, считая «священнѣйшею и непремѣннѣйшею обязанностью» временнаго верховнаго правленія «уничтоженіе рабства и крѣпостнаго состоянія», которое является «дѣломъ постыднымъ, противнымъ челоувѣчеству, противнымъ законамъ естественнымъ, противнымъ святой вѣрѣ христіанской». «Поэтому не можетъ въ Россіи долѣе существовать позволеніе одному челоувѣку имѣть и называть другого своимъ крѣпостнымъ рабомъ. Рабство должно быть рѣшительно уничтожено, и дворянство должно непремѣнно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми... но ежели бы, паче всякаго чаянія, нашелся извергъ, который бы словомъ или дѣломъ вздумалъ сему дѣйствию (то-есть освобожденію) противиться или оное осуждать, то временное верховное правленіе обязывается всякаго такого злодѣя безъ изыятія немедленно взять подъ стражу и подвергнуть его строжайшему наказанію, и какъ врага отечества, и измѣнника противу первоначальнаго кореннаго права гражданскаго».

Проектируя освобождение крестьянъ, онъ признавалъ, что эта реформа «требуетъ зрѣлаго обдуманія и весьма большую производитъ въ государствѣ перемѣну», въ видахъ чего онъ предполагалъ «потребовать проектъ отъ грамотныхъ дворянскаго собранія и по онымъ мѣропріятія распорядить», соблюдая при томъ слѣдующія правила: 1) «освобождение крестьянъ отъ раб-

Павель Ивановичъ Пестель.

ства не должно лишать дворянъ дохода, ими отъ помѣстій своихъ получаемаго», и 2) «должно крестьянамъ доставить лучшее положеніе противъ теперешняго, а не мнимую свободу имъ даровать». Намѣчая освободить крестьянъ съ надѣлами земли, Пестель предполагалъ, что у помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе 5.000 десятинъ, должно отобрать всю землю въ пользу ихъ крестьянъ, а помѣщикамъ дать взаменъ тѣ же 5.000 десятинъ изъ казенныхъ земель

въ другой мѣстности или возмѣстить имъ стоимость земли деньгами. У помѣщиковъ, владѣющихъ отъ 5.000 до 10.000 десятинъ, должна быть отобрана на тѣхъ же условіяхъ половина ихъ помѣстій; у владѣльцевъ же имѣній свыше 10.000 десятинъ онъ считалъ возможнымъ отобрать половину земли безвозмездно. Опасаясь, что раскрѣпощеніе крестьянъ вызоветъ волненія и безпорядки, Пестель указывалъ, что верховное правленіе должно употребить безпощадную строгость противъ всякихъ нарушителей спокойствія въ государствѣ. Въ своемъ социальномъ радикализмѣ онъ требовалъ не только лишенія дворянства правъ рабовладѣльчества, но и всякихъ прочихъ социальныхъ привилегій; эти привилегіи отнимались имъ и отъ всѣхъ прочихъ сословій, которыя онъ вообще предполагалъ уничтожить. «Учрежденіе сословій непремѣнно должно быть уничтожено», и «всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее назваться гражданскимъ, всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ равны».

Краеугольными камнями всего реформированнаго строя Пестель считалъ свободу личности, вѣроисповѣданія, книгопечатанія (съ отвѣтственностью за преступленія передъ судомъ), свободу промышленности. Что же касается до свободы частныхъ обществъ, то таковыя онъ полагалъ необходимымъ запрещать, «какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя бесполезны, а вторыя вредны».

Мѣстное управленіе организовывалось Пестелемъ такъ, что мелко земскою единицею являлась волость (1.000 душъ), къ которой приписывались всѣ граждане ¹⁾, составлявшіе земское собраніе и избиравшіе представителей въ помѣстные собранія — волостныя, уѣздныя и окружныя. Уѣздныя собранія избирали представителей въ собранія окружныя-губернскія, а послѣднія въ собранія областныя, изъ которыхъ уже выбирались депутаты въ народное вѣче, являвшееся верховной законодательной властью въ государствѣ ²⁾. Во главѣ каждой области стоялъ областной посадникъ (генераль-губернаторъ), которому подчинены были управы — правосудія, благочинія, духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія, хозяйства и казначейства. На обязанности посадника лежало: блюсти область, содержать связь между областными управами и между его областью и прочими частями государства, наблюдать, «дабы справедливыя и законныя требованія одной управы непремѣнно исполняемы были другою».

¹⁾ Земля въ волости дѣлилась на участки, которые и раздавались гражданамъ. Оставшіяся отъ раздѣла фонды отдавались опять таки участками въ аренду на одинъ годъ.

²⁾ Въ выборахъ принимали участіе всѣ совершеннолѣтніе граждане мужского пола. Мѣстные выборы производились по системѣ прямой подачи голосовъ, общегосударственные — по двухстепенной.

Судъ предполагался присяжный и публичный, а смертная казнь совершенно отмѣнялась. Россія дѣлилась на три округа—Столичный, Донской и Кавказскій, и на десять губерній, губерніи на уѣзды, уѣзды на волости. Народное управленіе сосредоточивалось въ Москвѣ или Нижнемъ Новгородѣ. Подать проектировано платить съ земли. Каждая волость ведетъ два списка, волостной и скарбовый, всякій гражданинъ вносится въ первый изъ сихъ списковъ только въ одной волости, что означаетъ его политическое состояніе, но онъ можетъ быть записанъ въ скарбовомъ списокѣ многихъ волостей, по своему имуществу. Законодательная часть поручается народному вѣчу, состоящему изъ депутатовъ, выбранныхъ на одинъ годъ¹⁾; исполнительная же принадлежитъ «державной думѣ» изъ пяти депутатовъ, также выбранныхъ изъ среды народа на одинъ годъ. Первымъ дается право объявлять войну и заключать миръ, а послѣднимъ—вести войну и переговоры о мирѣ. Кромѣ этихъ двухъ властей, Пестель проектировалъ еще «блжстительное сословіе», именуемое «верховнымъ соборомъ» и состоящее изъ 50 членовъ²⁾, избираемыхъ народомъ на всю жизнь и называемыхъ «боярами»; они должны удерживать законодательную и исполнительную власти въ предѣлахъ законности. Никакой законъ, изданный народнымъ вѣчемъ, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе державною думою безъ утвержденія верховнымъ соборомъ. Каждый изъ гражданъ долженъ быть увѣдомленъ о предполагаемомъ законѣ и можетъ дѣлать на него замѣчанія. Губерніи находятся на военномъ положеніи; войска повинуются верховной думѣ, и только по выступленіи ихъ за предѣлы отечества главнокомандующій принимаетъ надъ ними начальство³⁾.

Сопоставляя обѣ политическія партійныя программы—Муравьева и Пестеля, мы видимъ въ нихъ значительную разницу и многія особенности. Въ то время, какъ Муравьевъ являлся скорѣе всего представителемъ англійскаго конституціонализма, Пестель почерпалъ свои руководящія идеи изъ конституціи французской директоріи. На одномъ лишь оба автора программъ сходились безусловно, это именно на необходимости вооруженнаго возстанія, уничтоженія самодержавія, созыва учредительнаго собранія и учрежденія временнаго правительства. Въ бумагахъ князя С. Трубецкаго найдена была и программа предметовъ, кои предполагалось объявить въ сенатскомъ манифестѣ объ учрежденіи временнаго правительства. Предметы эти: 1) уничтоженіе прежняго правительства, 2) учрежденіе новаго, временнаго, до установленія постояннаго выборными

¹⁾ По другому варианту, выборы депутатовъ дѣлались на 5 лѣтъ.

²⁾ По другому варианту. изъ 120.

³⁾ М. И. Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время, т. VI.

отъ народа, 3) свобода печати, 4) свобода богослуженія, 5) уничтоженіе владѣнія крѣпостными людьми, 6) равенство всѣхъ гражданъ передъ законами, и потому отмѣна военныхъ судовъ и судебныхъ комиссій, 7) объявленіе права каждому избирать родъ занятій и занимать всякія должности, 8) сложеніе подушныхъ и недоимокъ, 9) уничтоженіе монополій, 10) уничтоженіе рекрутской повинности и военныхъ поселеній, 11) сокращеніе срока службы для нижнихъ чиновъ и уравненіе воинской повинности для всѣхъ сословій, 12) увольненіе въ отставку всѣхъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ, 13) учрежденіе волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ управленій и назначеніе въ нихъ членовъ по выбору, взамѣнъ всѣхъ нынѣшнихъ чиновниковъ, 14) гласность суда и 15) введеніе суда присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе.

Временное правительство должно было немедленно провести въ исполненіе: 1) уравненіе правъ всѣхъ состояній, 2) образованіе волостныхъ, уѣздныхъ и проч. управленій, 3) образованіе внутренней народной стражи, 4) образованіе судной части съ присяжными, 5) уравненіе рекрутской повинности, 6) распущеніе постоянной арміи, 7) учрежденіе порядка выборовъ въ палату народныхъ представителей, кои должны будутъ установить на будущее время образъ правленія и государственные уставы.

VI.

Программы, положенныя въ основу «Сѣвернаго» и «Южнаго» обществъ, не исчерпывали собою всей суммы революціоннаго настроенія, охватившаго тогдашнее передовое общество и являвшагося угрозой существовавшему въ концѣ царствованія Александра I государственному строю. О бою съ ними и согласно съ ними осуществились, дѣйствовали и соприкасались съ ними еще двѣ политическія группы, о которыхъ также слѣдуетъ упомянуть. Эти общества—«Соединенныхъ славянъ», или «Славянскій союзъ», и «Польское тайное общество».

«Славянскій союзъ» ¹⁾ былъ основанъ въ 1825 г. офицеромъ Борисовымъ 2-мъ, его братомъ, Борисовымъ 1-мъ, и шляхтичемъ Люблинскимъ. Цѣлью общества было соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь «славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осьмиугольной печати ихъ: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей». Всѣ эти славянскія земли должны быть освобождены отъ самовластия, отъ національнаго антагонизма и

¹⁾ Международная бібліотека. Донесеніе слѣдственной комиссіи.

соединены между собою федеративнымъ строемъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ демократическое представительное правленіе, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненій, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Главное отличіе «Славянскаго союза» отъ другихъ тайныхъ обществъ заключалось въ томъ, что здѣсь было обращено особенное вниманіе на развитіе экономической программы, въ интересахъ каковой предполагалось построить торговые порты у береговъ морей, омывавшихъ славянскія земли—Балтійскаго, Бѣлаго, Чернаго и Адриатическаго. Въ центрѣ союзныхъ странъ долженъ былъ быть построенъ городъ, славянская столица, гдѣ собирались бы депутаты отъ славянскихъ областей, и гдѣ находилось бы главное управленіе союза.

Борисовымъ 2-мъ былъ составленъ также «Катихизисъ славянина», гдѣ рядомъ съ разсужденіями объ общественныхъ благахъ прибавлялись и формулы клятвъ, даваемыхъ на шпагахъ новопступающими членами, на примѣръ: «если измѣню, то буду наказанъ и угрызениемъ совѣсти, и сямъ оружіемъ, надъ коимъ произношу присягу; да впадетъ оно остріемъ въ сердце мое, да истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сдѣланіемъ неслыханныхъ бѣдъ».

Союзъ этотъ не былъ многочисленнымъ, на немъ лежалъ отпечатокъ традицій масонскихъ ложъ, и у него не было выработано строго опредѣленной и точно сформулированной политической программы. Подъ вліяніемъ главныхъ руководителей «Южнаго общества», преимущественно Бестужева, союзъ примкнулъ къ этому обществу и принялъ его политическія основы, которыя и были ему вручены въ видѣ «государственнаго завѣта», являвшагося сокращеніемъ «Русской правды» Пестеля. Нѣкоторымъ препятствіемъ къ соединенію или слитію союза съ обществомъ на первое время какъ будто являлся вопросъ объ убіеніи государя и истребленіи царской фамиліи: славяне находили это «противнымъ Богу и религіи». На это С. Муравьевъ возражалъ ссылками изъ библіи, а Бестужевъ приводилъ тутъ соображенія историческія: «Надобно,—говорилъ онъ,—самый прахъ ихъ (членовъ императорской фамиліи) развѣять по землѣ. Послѣдствій такихъ, какъ во Франціи, бояться не должно; тамъ началъ революцію народъ, а не войско; у нихъ не было хорошей конституціи, одна смѣняла другую, всѣ были наполнены недостатками, и между верховными правителями ихъ, консулами, былъ человекъ отважный съ обширнымъ гениемъ: у насъ противъ всего подобнаго взяты мѣры».

Что касается польских тайных обществ — «Союза друзей» и «Патріотическаго союза», то непосредственнаго отношенія собственно къ русскимъ вопросамъ о формѣ у насъ государственнаго правленія, о русской революціи, о нашихъ политическихъ программахъ они не имѣли. Ихъ возникновеніе и существованіе обуславливалось политическими отношеніями, исторически установившимися между Россіей и Польшей при Екатеринѣ II и ея преемникахъ, тѣмъ государственнымъ строемъ, который былъ санкціонированъ Александромъ I и общими теченіями политической мысли, съ одной стороны, вытекавшими изъ потери Польшею своей государственной самостоятельности, а, съ другой — изъ того общаго социально-политическаго броженія, которое создано было великою французскою революціею.

«Союзъ друзей»¹⁾, основанный въ 1817 г., когда надъ нимъ было произведено слѣдствіе, несмотря на нѣкоторыя скользкія положенія, встрѣтившіяся въ арестованныхъ документахъ, былъ реабилитированъ и признанъ не подавшимъ «повода къ какимъ либо взысканіямъ постановленнымъ законами страны за политическія преступленія». «Патріотическій союзъ», или «Общество національнаго масонства» было основано въ 1819 г., въ 1823 г. подвергнулось нѣкоторому административному разгрому, но вскорѣ затѣмъ снова окрѣпло, особенно, когда во главѣ сталъ извѣстный польскій патріотъ, графъ Станиславъ Солтыкъ. Оставляя въ сторонѣ масонскую оболочку общества, отмѣтимъ лишь, что отдаленною цѣлью его было возвращеніе отторгнутыхъ отъ прежней Польши областей подъ единою общео конституціею. «Должно быть готовымъ на каждый призывъ», — говорили его члены, и въ ожиданіи такового надлежитъ «запасться конями и оружіемъ». Союзъ состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ заграничными революціонными обществами, а также былъ въ непрерывномъ обмѣнѣ извѣстій съ тѣми нѣмецкими обществами (напримѣръ, «Polonia»), цѣлью которыхъ было возстановленіе Польши «въ границахъ высокихъ горъ, двухъ великихъ морей и двухъ рѣкъ».

Члены «Южнаго общества», служа въ войсковыхъ частяхъ, расположенныхъ у польскихъ границъ, конечно, имѣли возможность и случаи перезнакомиться и съ польскими представителями литовскаго корпуса, которые, замѣтивъ признаки политическаго броженія среди русскихъ офицеровъ, поспѣшили съ ними сблизиться и разузнать, что затѣвается въ Россіи. Несомнѣнно, всякое революціонное движеніе здѣсь, всякій мятежъ и волненіе, угрожавшіе спокойствію нашего государства, шли на руку полякамъ и приближали ихъ «тайныя общества» къ намѣченной политикѣ возстановленія былаго Польскаго королевства. Съ другой сто-

¹⁾ М. И. Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. VI.

роны, и русскіе политическіе заговорщики разсчитывали встрѣтить въ полякахъ нужную имъ поддержку и, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что послѣдніе могли арестовать цесаревича Константина Павловича, воспрепятствовать ему возвратиться въ Россію для противодѣйствія надвигавшейся революціи и отрѣзать войска, состоявшія подъ командованіемъ его, отъ прочей русской арміи, долженствовавшей стать на сторону революціонеровъ. Вступивъ въ переговоры съ представителями Польши, дѣятели «Южнаго общества» должны были, конечно, выставить для полученія обѣщанія со стороны своихъ политическихъ союзниковъ активной поддержки какія нибудь вполне опредѣленные положенія, соотвѣтствующія патріотическимъ интересамъ послѣднихъ. И вотъ Муравьевъ во время переговоровъ съ поляками опредѣленно говоритъ: «Чувства взаимной ненависти обоихъ народовъ, родившіяся во время варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда пользы всѣхъ народовъ однѣ и тѣ же, и потому русское общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способствовать къ уничтоженію вражды между обѣими націями». Въ томъ же смыслѣ высказался и Бестужевъ, утверждая, что «Россія, наскучивъ правленіемъ самовластнымъ, рѣшила учредить конституціонное»; что «стремящееся къ тому общество, уже многочисленное и сильное, съ каждымъ днемъ увеличиваетъ силы свои, и съ его только помощью поляки могутъ имѣть надежду возстановить свое отечество»; что «для этого патріотическое общество должно вступить въ сношенія съ обществомъ русскимъ чрезъ членовъ, уполномоченныхъ на заключеніе окончательныхъ условій, и если поляки соединятся съ русскими, то, безъ сомнѣнія, получатъ отъ нихъ достаточную помощь для возвращенія принадлежащихъ нынѣ другимъ державамъ своихъ областей, и будутъ народомъ независимымъ».

Депутаты «Патріотическаго союза», конечно, охотно выслушивали рѣчи русскихъ, поддакивали имъ, но очевидно, не особенно-то довѣряли силѣ революціонеровъ, мало полагались на успѣшность ихъ дѣйствій и сомнѣвались въ возможности для Россіи такъ скоро и легко раздѣлаться съ очень труднымъ и сложнымъ политическимъ вопросомъ, каковъ вопросъ о перемѣнѣ формы правленія. Поэтому во всѣхъ ихъ рѣчахъ наблюдается удивительная уклончивость, а въ дѣйствіяхъ нерѣшительность и даже отсутствіе какихъ либо прямыхъ шаговъ къ заключенію формальнаго договора съ «Южнымъ обществомъ», какъ на томъ настаивали пылкіе русскіе революціонеры. Польшѣ слишкомъ дорого далось то настоящее, котормъ она, какъ-никакъ, а пользовалась съ 1818 г., чтобы съ легкимъ сердцемъ рѣшиться на политическую авантюру, не обезпеченную въ глазахъ поляковъ ни солидными силами, ни достаточными матеріальными средствами, ни той психологической атмосферой,

которыя дѣлаютъ задачи всякаго революціоннаго движенія болѣе или менѣе осуществимыми.

И дѣйствительно, на что рассчитывали и на что опирались при жизни Александра I тѣ, кто становились во главѣ заговора, и кто, вскорѣ спустя, такъ геройски и такъ безразсудно сложили свои головы? Подъ ними не было твердой почвы, за ними не было ни широкихъ народныхъ массъ, ни многочисленныхъ общественныхъ элементовъ, ни благопріятнаго момента. Послѣдній свалился имъ на голову совершенно неожиданно и, должно признаться, засталъ ихъ, несмотря на многія подготовительныя дѣйствія, совершенно «не готовыми къ трудной борьбѣ», не организованными и даже недостаточно между собою столкновившимися. Правительство Александра I, освѣдомленное черезъ своихъ шпионовъ о всѣхъ нитяхъ заговора, точно щадило заговорщиковъ на гибель имъ самимъ, дало возможность безъ всякой надобности созрѣть заговору и само въ конечномъ результатѣ искусственно, рядомъ совершенно несообразныхъ дѣйствій, подготовило ту кровавую трагедію, которая разыгралась 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, и гдѣ престоль и благополучіе династіи были легкомысленно отданы во власть опасной случайности самими же представителями царствующаго дома.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Воспоминанія американскаго посланника Уайта.

АНДРЬЮ Диксонъ Уайтъ былъ въ Россіи два раза: въ 1855 г.—въ должности секретаря американскаго посольства въ Петербургъ, а въ 1892—1894 г.г.—въ званіи посланника. Человѣкъ высокообразованный, даровитый и практически дѣловитый, онъ и на родинѣ игралъ довольно выдающуюся роль, сперва въ качествѣ профессора, потомъ сенатора и наконецъ дипломата. Достигнувъ семидесятилѣтняго возраста, Уайтъ воспользовался досугомъ, чтобы привести въ порядокъ свои воспоминанія, и недавно издалъ ихъ подъ заглавіемъ: «Изъ моей дипломатической жизни», одновременно на двухъ языкахъ: въ Америкѣ по-англійски и въ Лейпцигѣ по-нѣмецки. Тѣ страницы воспоминаній, которыя относятся къ Россіи, представляютъ для русскихъ читателей особый интересъ, такъ какъ Уайтъ за время своего двукратнаго пребыванія въ Россіи усвоилъ себѣ русскій языкъ и не ограничивалъ круга своихъ отношеній и знакомствъ только замкнутою сферою дипломатическихъ и свѣтско-аристократическихъ кружковъ.

Первый пріѣздъ въ Россію Уайта совершился совершенно для него непредвидѣнно. Отправляясь въ Нью-Йоркъ, Уайтъ случайно встрѣтился на поѣздѣ съ губернаторомъ штата Коннектикута, Сеймуромъ, только что назначеннымъ на постъ посланника въ Петер-

бургъ. Такъ какъ Сеймуръ присутствовалъ на защитѣ Уайтомъ докторской диссертациі, то разговорился теперь съ молодымъ ученымъ и предложилъ ему мѣсто attaché при сѣверо-американской миссіи.

«Тогдашніе attachés, — говоритъ Уайтъ, — были молодые люди съ достаточными средствами, которые по рекомендаціямъ отъ американскихъ университетовъ придавались въ помощь посланникамъ. Никакого вознагражденія attachés не получали, но имъ открывалась широкая возможность знакомиться съ бытомъ и учрежденіями страны, къ которой ихъ патронъ былъ аккредитованъ. На обязанности attaché лежало помогать посланнику въ собираніи нужныхъ свѣдѣній, вести переписку и приносить посильную пользу въ отправленіи дѣятельности посольства. Такимъ образомъ, attaché являлся какъ бы сверхштатнымъ секретаремъ посольства. Въ числѣ прочихъ моихъ обязанностей въ Петербургѣ было служить Сеймуру переводчикомъ. Въ качествѣ такового я постоянно сопровождалъ посла на совѣщанія съ европейскими его коллегами, при посѣщеніяхъ русскихъ министровъ, при выѣздахъ ко двору и разныхъ официальныхъ приемахъ. Все это, разумѣется, крайне меня интересовало. Свободный досугъ, который мнѣ оставляла служба вовсе не обременительная, уходилъ на ознакомленіе съ исторіею Россіи, для чего мнѣ самымъ предупредительнымъ образомъ доставлялись всѣ сколько нибудь доступныя сочиненія, трактовавшія объ этой странѣ. Новѣйшая исторія Россіи оказывалась для меня особенно привлекательною, потому что я имѣлъ частые случаи къ свѣтскимъ встрѣчамъ съ людьми, игравшими болѣе или мѣнѣе видную роль въ исторіи русской современности.

«Важнѣйшія обязанности представителя Америки сводились къ тому, чтобы освѣдомлять свое правительство о всѣхъ текущихъ событіяхъ, охранять интересы соотечественниковъ и главнымъ образомъ заботиться о поддержаніи и развитіи исконныхъ дружественныхъ отношеній между Россіею и Соединенными Штатами.

«Если порою представительство американскихъ интересовъ и возлагалось на мало пригодныхъ къ тому субъектовъ, то въ общемъ выборъ американскаго посольскаго персонала былъ весьма тщателенъ. Цѣлый рядъ выдающихся по талантамъ американскихъ дѣятелей успѣшно способствовалъ сближенію Соединенныхъ Штатовъ съ Россіею. Среди этихъ дѣятелей двое впоследствии сдѣлались президентами Соединенныхъ Штатовъ (Джонъ Квинси Адамсъ и Джемсъ Бухананъ), Джорджъ Миффлинъ Далласъ позднѣе былъ вице-президентомъ, да и Джекъ Рандольфъ Ропокъ, Сеймуръ и др. разыграли въ исторіи Америки далеко не послѣднюю роль. Къ тому же, по счастью, оба народа по своей природѣ склонны къ миролюбію и никакихъ противорѣчивыхъ интересовъ не преслѣдуютъ.

«Поэтому курсъ, который предстояло взять Сеймуру, былъ донельзя простъ: ему надлежало оберегать свое правительство отъ стороннихъ вмѣшательствъ и стремиться къ установленію точнаго сближенія между обѣими державами. Это удалось нашему посланнику блистательно: его отношенія къ правящимъ сферамъ Россіи, начиная съ императора, не оставляли желать лучшаго. Сеймуру и другимъ дѣятелямъ, стоявшимъ на высотѣ его взгляда, Америка и обязана тѣмъ, что впослѣдствіи, когда началась междоусобная война, Россія проявила къ намъ сочувствіе, и оно оказалось достаточно могущественнымъ, чтобы удержать инныя западно-европейскія державы отъ оказанія поддержки южанамъ.

«Императоръ Николай I представлялъ собою донельзя внушительную личность и являлся воплощеніемъ идеала мужественности. И въ самой смерти не покинуло его величіе. Черезъ одинъ или два дня послѣ кончины государя я вмѣстѣ съ посланникомъ присутствовалъ при представленіи дипломатическаго корпуса вступившему на престолъ императору Александру II. Сцена была навидательная. Когда представители иноземныхъ державъ расположились полукружіемъ, имѣя возлѣ себя своихъ секретарей и attachés, двери распахнулись, и молодой государь, за которымъ слѣдовалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, вступилъ въ залъ. По щекамъ государя катились слезы, а самая рѣчь его изобличала глубокое волненіе. Государь высказалъ, что не по винѣ Россіи нарушены завѣты священнаго союза 1815 г. Какъ ни велико его стремленіе къ миру, но если западныя державы на предстоящемъ Парижскомъ конгрессѣ предъявятъ условія, не совмѣстныя съ достоинствомъ Россіи, онъ самъ встанетъ во главѣ вѣрной ему страны и скорѣе предпочтетъ отступить до Сибири и пожертвовать жизнью, но не пойдетъ на позорныя уступки.

«Затѣмъ послѣдовала разительная сцена. Отъ Австріи, которую Россія, семь лѣтъ тому назадъ, во время венгерскаго возстанія, спасла отъ уничтоженія, Александръ, по меньшей мѣрѣ, въ правѣ былъ разсчитывать на благожелательный нейтралитетъ въ знакъ вполне естественной признательности. Долгъ благодарности, однакоже, не помѣшалъ Австріи вступить съ западными державами въ тайное соглашеніе. Поэтому императоръ въ своей рѣчи внезапно обратился къ представителю Австріи, графу Эстергази, и съ большою рѣзкостью подчеркнул неблагодарность австрійскаго правительства, ссылаясь на полное право Россіи разсчитывать на иную отплату. Во время обращенія къ австрійскому посланнику императоръ не сводилъ гнѣвнаго взора съ глазъ Эстергази, а рѣчь его напоминала нагоняй, съ которымъ разгнѣванный наставникъ изобличаетъ застигнутаго на мѣстѣ совершеннаго злодѣянія школяра. По окончаніи этого эпизода я воспринялъ урокъ величайшей дипломатической невозмутимости, какую мнѣ когда либо доводилось

наблюдать: австрійскій посланникъ, который съ перваго мгнове-
нія обращенія къ нему царя до послѣдняго безъ малѣйшихъ при-
знаковъ волненія не спускалъ съ него глазъ, склонился предъ
разгнѣваннымъ самодержцемъ съ торжественною почтительностью
и, соблюдая внѣшнюю *grandezza*, продолжалъ стоять такъ безучастно,
словно ничего особеннаго не произошло, а между тѣмъ,
какъ показали послѣдствія, гнѣвная рѣчь Александра II перевернула
прежнія отношенія обѣихъ сосѣднихъ державъ и вызвала
взаимное раздраженіе, которое тянулось всю вторую половину
XIX вѣка и, весьма вѣроятно, захватитъ и XX вѣкъ. По возвращеніи
въ посольство я записалъ почти дословно содержаніе рѣчи
государя; въ этомъ видѣ она была сообщена нашему министерству
иностранныхъ дѣлъ и сохранилась въ архивѣ этого послѣд-
няго, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, просматривая нѣсколько
лѣтъ тому назадъ старыя министерскіе документы».

Описавъ похороны императора Николая и меланхолическій отгѣ-
нокъ, какой столичная общественность получила подъ впечатлѣ-
ніемъ севастопольскихъ неудачъ, несмотря на суетность высшихъ
слоевъ и фетишизмъ остальныхъ классовъ, Уайтъ даетъ любопыт-
ную характеристику тогдашней американской колоніи въ Петербургѣ.

«Американцевъ, постоянно жившихъ въ Россіи, было не много,
а случайно наѣзжавшіе въ Петербургъ наши соотечественники
прежде были въ рѣдкость, но теперь количество пріѣзжихъ аме-
риканцевъ увеличилось, и иные будили насъ къ новой дѣятель-
ности. Всего интереснѣе было посѣщеніе полковника Самюэля
Кольта, изъ Гартфорда, изобрѣтателя револьвера, носящаго его
имя; прибылъ онъ въ сопровожденіи Диккерсона, большого знатока
техническихъ знаній и патентнаго права. Кольтъ пріѣхалъ въ
Россію въ чаяніи добиться заключенія съ казною контракта на
поставку усовершенствованнаго оружія, которое союзники въ Крыму
примѣняли съ большимъ успѣхомъ. Косность русскихъ властей,
однакоже, разбила всѣ надежды Кольта на поставку. На всѣ его
убѣжденія о цѣлесообразности усовершенствованнаго оружія ему
отвѣчали: «Наши солдаты привыкли къ старинѣ и не сумѣютъ
обращаться съ другими ружьями, какъ пистонными». Блистатель-
ное подтвержденіе этому консерватизму Кольтъ и Диккерсонъ
нашли при обозрѣніи галереи Петра Великаго; гдѣ въ числѣ мо-
делей, собранныхъ и частью исполненныхъ по заданіямъ великаго
преобразователя, оказались, между прочимъ, нѣкѣмъ не замѣченныя
и не нашедшія примѣненія модели для изготовленія на-
рѣзныхъ ружейныхъ стволовъ и для воспроизведенія рельефовъ,
что въ 50-хъ годахъ XIX вѣка составляло диковинку новѣйшей
техники.

«Являлись американскіе гости и иного пошиба, и для нашего
посланника было подчасъ нелегкою задачею успокаивать распа-

ленное воображеніе соотечественниковъ, грезившихъ привести наше отдаленное отечество въ конфликтъ съ воюющими державами. Въ Соединенныхъ Штатахъ могущественная партія горячо сочувствовала Россіи и настаивала на оказаніи послѣдней всяческой поддержки, если не гласно, то подъ рукою. Эти симпатіи особенно сильно сказывались въ южныхъ рабовладѣльческихъ штатахъ и среди поборниковъ рабства въ штатахъ сѣверныхъ. Главнымъ агитаторомъ этой партіи въ Россіи являлся нѣкій Коттманкъ изъ Нью-Йорка, а мотивомъ къ агитаціи служила исконная ненависть къ Великобританіи. Фанатическіе сторонники рабства утверждали, что между ихъ партією и Россією существуетъ коренная связь, такъ какъ и Американская республика и Русское царство пользуются благодѣяніями—первая рабства, а послѣднее—крѣпостного состоянія. Эта же общность интересовъ настолько могущественна, что Америка легко можетъ быть подвинута на то, чтобы снабдить Россію судами, усовершенствованнымъ вооруженіемъ и даже войсками.

«Содѣйствіе американцевъ на первый разъ ограничилось тѣмъ, что въ русскую армію явился наплывъ американскихъ врачей и хирурговъ, занимавшихся изученіемъ своихъ специальностей въ Парижѣ. Положеніе этихъ американцевъ въ русскихъ госпиталяхъ оказалось, однакоже, фальшивымъ, и американскому посольству стоило немало хлопотъ избавить этихъ своихъ соотечественниковъ отъ напастей, въ которыя ихъ ввергали зависть и недоброжелательство русскихъ ихъ собратій.

«Крымская кампанія привлекла изъ Америки и авантюристовъ, носившихся съ нелѣпѣйшими планами воздѣйствій на союзниковъ съ помощью тайнственныхъ приемовъ и разныхъ ухищреній. Удалить такихъ проходимцевъ изъ Россіи и предостеречь отъ ихъ неблаговидныхъ искательствъ русское правительство, не придавая дѣламъ этого рода огласки, являлось одною изъ злободневныхъ задачъ американскаго посольства».

О томъ, какія всплывали въ эпоху Крымской кампаніи на петербургскомъ горизонтѣ личности, свидѣтельствуетъ разсказъ Уайта о нѣкоемъ агентѣ по поставкѣ дальнобойныхъ ружей, заряжающихся съ казенной части; онъ добился аудіенціи у государя, игралъ роль въ петербургскомъ обществѣ, разѣзжалъ въ придворныхъ экипажахъ, а на повѣрку оказался помощникомъ нью-йоркскаго шерифа (палача) и на парадномъ обѣдѣ, не въ мѣру угостившись шампанскимъ, распространился о ловкости, съ какою вдѣлывалъ петлю на рѣчныхъ пиратовъ, приговоренныхъ къ повѣшенію. Въ результатъ потребовалось дипломатическое вмѣшательство, чтобы позволить отважному заплечныхъ дѣлъ мастеру благополучно выбраться изъ Россіи, отказавшись отъ дальнѣйшихъ искательствъ выгодной казенной поставки.

Особенный интересъ для Уайта представляли въ Петербургѣ богатые англійскіе негоціанты, среди которыхъ въ ту пору особенно выдавался Бердъ, владѣвшій обширнымъ желѣзводѣлательнымъ заводомъ. Однажды, за обѣдомъ, на которомъ присутствовалъ Бердъ, кто-то изъ гостей сталъ довольно безтактно расхваливать только что обнародованную прокламацію королевы Виктории, угрожавшую карами англійскимъ подданнымъ, защищающимъ интересы враговъ союзниковъ. Бердъ выслушалъ это совершенно спокойно и замѣтилъ, что онъ, конечно, очень сожалѣетъ, если прослыветъ за измѣнника отечеству, но еще его отецъ въ эпоху перваго союза противъ Наполеона былъ приглашенъ русскимъ правительствомъ построить заводъ не только съ согласія британскаго правительства, но даже при энергичномъ содѣйствіи послѣдняго.

Вслѣдствіе этого заводъ вступилъ съ русскою казною въ долгосрочныя контрактныя условія, соблюденіе которыхъ является для Берда дѣломъ совѣсти, за чтò онъ и готовъ принять полную отвѣтственность. Человѣкъ прямой и рѣшительный, Бердъ вообще мало стѣснялся тонкими соображеніями, чтò и выразилось въ характерномъ инцидентѣ. Въ яхтъ-клубѣ, членомъ и учредителемъ котораго состоялъ Бердъ, были назначены гонки, а такъ какъ клубъ освѣдомился, что въ гонкѣ изъявилъ согласіе участвовать и наслѣдникъ цесаревича со своею яхтою, то путемъ особой подписки въ видѣ перваго приза былъ пріобрѣтенъ драгоценный золотой кубокъ, и старшины клуба начали уговаривать участниковъ гонки устроить такъ, чтобы первый призъ достался наслѣднику. Эта угодливость возмутила Берда, и онъ объявилъ, что противъ обыкновенія приметъ участіе въ гонкѣ со своею яхтою. «Если яхта великаго князя придетъ первою, она и получитъ призъ, а если шансы на состязаніи падутъ въ мою пользу, то я вовсе не постѣснюсь взять призъ». На гонкѣ остальные составители поставали и борьба велась только между яхтами наслѣдника цесаревича и Берда, при чемъ послѣдній оказался побѣдителемъ. Кубокъ Бердъ получилъ, но, разумѣется, впалъ въ немилость въ вліятельныхъ морскихъ кружкахъ.

Вспоминая о первомъ пребываніи въ Петербургѣ, Уайтъ оговаривается, что, хотя отправленіе должности *attaché* ознакомило его съ дѣловою рутинною и пріучило къ свѣтскому лоску, онъ очень бы сожалѣлъ, если бы къ этому одному свелись результаты его годовой дѣятельности въ гостепріимной Невской столицѣ.

Крымская война, разыгрывавшаяся къ невзгодѣ Россіи, бросала мрачную тѣнь на дворъ и на весь городъ, празднества и приемы ограничивались весьма тѣсными предѣлами.

«Благодаря этому,—говоритъ Уайтъ,—въ длинные зимніе вечера у меня оказывалось достаточно времени для чтенія; собирая, гдѣ

возможно, цѣнные изслѣдованія о Россіи, я обстоятельно изучилъ новѣйшую ея исторію. По счастливой случайности я тѣсно сблизился съ англичаниномъ Аткинсономъ, научно изучавшимъ Сибирь. Онъ только что вернулся оттуда съ массою папокъ, переполненныхъ эскизами и рисунками, а собранный имъ и его восхитительною женою запасъ свѣдѣній объ этой отдаленной странѣ и бытѣ ея населенія и анекдотическія подробности пережитаго путешествіями ярко воссоздавали передо мною Сибирь, и временами мнѣ казалось, будто я самъ тамъ побывалъ.

«Вернувшись на родину,—продолжаетъ Уайтъ,—я четыре года отправлялъ обязанности ректора Корнеллевскаго университета. Сложивъ съ себя затѣмъ бремя этой обязанности, я посвятилъ все свое время научнымъ занятіямъ и путешествіямъ, имѣвшимъ касательство къ сочиненію (History of the warfare of science with theology), надъ которымъ я тогда работалъ. Наступилъ 1891 годъ, который принесъ перемѣну въ моей судьбѣ. Случайно, вмѣстѣ съ Теодоромъ Рузевельтомъ, Каботъ - Лоджемъ и Шерманъ-Роджерсомъ, посѣтилъ я президента Гаррисона въ Бѣломъ домѣ. Тамъ въ непринужденной бесѣдѣ затронуть былъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, какія бы преобразованія мы предложили въ устройствѣ гражданской службы для устраненія дефицита, оказавшагося въ расходахъ по управленію. По крайнему разумѣнію я изложилъ президенту свои совѣты, нисколько не стѣсняясь, и былъ немало удивленъ, когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ мнѣ предложилъ занять постъ посланника въ Петербургѣ.

«На пути въ Петербургъ, въ Парижѣ, я по случаю новаго назначенія имѣлъ продолжительную бесѣду съ академикомъ, виконтомъ де-Вогюэ, столь много писавшимъ о Россіи. Какъ Вогюэ, такъ и Струве, русскій посланникъ въ Вашингтонѣ, отъ котораго я пріѣхалъ съ рекомендаціею къ виконту, оба по брачнымъ связямъ породнились съ русскою семьею Анненковыхъ. Да и по прежней дипломатической службѣ въ Россіи Вогюэ былъ хорошо ознакомленъ съ русскими обстоятельствами и могъ мнѣ дать драгоценнѣйшія указанія.

«Двадцать шесть лѣтъ протекло со времени перваго моего пребыванія въ Россіи, когда я, 4 ноября 1892 г., опять поселился въ Петербургѣ. Даже въ этой странѣ, гдѣ все медленно шагаетъ впередъ, произошли важныя перемѣны. Желѣзнодорожная сѣть широко развѣтвилась по Россіи, но особенной энергіи въ страну не влила. За время, напримѣръ, моего пребыванія въ Петербургѣ я шесть или восемь разъ ѣздилъ по Варшавской дорогѣ въ Берлинъ и обратно, и хотя по расписанію ходилъ всего одинъ скорый поѣздъ, я на немъ никогда не могъ насчитать болѣе двухъ, трехъ десятковъ пассажировъ. А такъ какъ эта линія связываетъ 120 милліоновъ населенія съ одной стороны съ 200 милліонами

людей по той сторонѣ границы, то нельзя не удивляться слабому развитію пассажирскаго движенія, особенно если вспомнить, что въ Соединенныхъ Штатахъ при населеніи въ 80 милліоновъ по всѣмъ пяти магистральнымъ линіямъ ежедневно движутся на протяженіи всего континента многочисленныя поѣзда большой скорости (экспрессы).

«Петербургъ, правда, разросся, на окраинахъ выросли новые кварталы и улицы, на Старо-Адмиралтейской набережной, вдоль Невы, воздвиглись красивые дома. Но это оказывалось единственнымъ достопримѣчательнымъ измѣненіемъ къ лучшему. А въ то же время безконечный Невскій проспектъ оставался попрежнему обставленнымъ оштукатуренными безвкусными домами; за сорокъ истекшихъ лѣтъ чрезъ Неву не установлено было никакихъ усовершенствованныхъ сообщеній, и попрежнему оба ея берега связывались только однимъ постояннымъ мостомъ.

«Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, конечно, составило крупное событіе, но измѣненія, имъ вызванныя, съ внѣшней стороны мало въ чемъ сказывались. Мужикъ, по видимости, остался такимъ же, какимъ былъ и раньше. Всюду чувствовалась система гнета, съ которою я ознакомился еще въ царствованіе Николая I. При Александрѣ II въ политикѣ проводились болѣе либеральныя вѣянія, а теперь опять наступила реакція, подавляющая и ограничивающая стремленія къ преобразованіямъ.

«Представившись, какъ полагается по обычаю, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, я, спустя три дня, приставленными ко мнѣ для этого чиновниками по церемоніальной части, княземъ Салтыковымъ и г. Коньяромъ, былъ отвезенъ на придворномъ поѣздѣ въ Гатчину и принятъ государемъ. Я нашелъ Александра III хотя и болѣе замкнутымъ, чѣмъ покойный его родитель, но очень симпатичнымъ и привѣтливымъ. Такъ какъ государю, да и мнѣ, одинаково непріятно было обмѣниваться общими мѣстами и заученными фразами, то нашъ разговоръ вскорѣ принялъ непринужденный характеръ и сосредоточился главнымъ образомъ на злоупотребленіяхъ котиковыхъ и тюленыхъ промысловъ въ Беринговомъ морѣ. Затѣмъ государь перевелъ разговоръ на всемірную выставку въ Чикаго и отозвался съ большою похвалою о ея планѣ и устройствѣ.

«По окончаніи высочайшей аудіенціи меня провели чрезъ длинный рядъ залъ, разукрашенныхъ коврами, фарфоромъ, статуями, картинами и всевозможными предметами искусства, представляя императрицѣ. Супруга Александра III—очень стройная, привѣтливая, съ пріятнымъ лицомъ и милостивымъ обхожденіемъ. Государыня въ значительной мѣрѣ облегчила мнѣ первое знакомство съ нею, заговоривъ по-англійски, и удостоила меня болѣе продолжительнымъ пріемомъ, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Императрица

навела разговоръ тоже на чикагскую выставку и сказала мнѣ, что нѣкоторые предметы изъ ея частныхъ коллекцій также отправлены на выставку. Въ милостивыхъ выраженіяхъ отозвалась она о дѣятельности д-ра Тальмэджа изъ Бруклина, который прибылъ съ кораблемъ, привезшимъ пожертвованія для русскаго населенія, пострадавшаго отъ голода. Затѣмъ государыня обратилась къ характеристикѣ особенностей русскихъ людей и американцевъ и сходственныхъ между тѣми и другими чертъ, распространилась о разныхъ событіяхъ мѣстнаго характера и вообще проявила по отношенію ко мнѣ большую общительность и любезность.

«Впечатлѣніе, которое на меня произвелъ императоръ при первомъ же свиданіи, въ теченіе дальнѣйшаго моего пребыванія въ Петербургѣ слагалось совершенно опредѣлительно. Это несомнѣнно очень твердый характеръ, благонамѣренный, проникнутый нѣжною привязанностью къ семьѣ и сознаниемъ, какъ своихъ обязанностей предъ подданными, такъ и отвѣтственности предъ Всевышнимъ. Постепенно все болѣе выяснялось, что политическія и религіозныя возрѣнія государя умѣренны, а злодѣянія, жертвою которыхъ палъ его родитель, бросили его въ объятія реакціи.

«Вскорѣ былъ я представленъ и наслѣднику цесаревичу, который произвелъ на меня впечатлѣніе очень привѣтливаго и обходительнаго юноши.

«Въ промежуткахъ между представленіями высочайшимъ особамъ сдѣлалъ я визиты моимъ коллегамъ по дипломатическому корпусу; оказались они интересными и любезными, какъ причисляется дипломатамъ. Старшиною (doyen) нашимъ въ ту пору былъ германскій посланникъ, генераль фонъ-Швейницъ, идеальная личность въ смыслѣ отпавленія обязанностей старшины, богатая опытностью. Швейницъ обладалъ необычайнымъ благородствомъ и, несмотря на благодушіе, умѣлъ проявлять строгость и энергію. Занимая постъ посланника въ Вѣнѣ, Швейницъ женился на дочери своего коллеги, американскаго посла Джона Гэя, моего стариннаго пріятеля и сотрудника по американскому «Historical Association». Это положило начало нашему сближенію и придало ему дружественный отпечатокъ. Откровенность и прямотушіе Швейница при разныхъ трудныхъ обстоятельствахъ принесли мнѣ великую пользу.

«Представителемъ Англіи былъ сэръ Робертъ Моріеръ. Человѣкъ характера энергичнаго, онъ совершенно былъ обдѣленъ тою привѣтливостью, которая отличала Швейница. Высокаго роста, надменный, онъ иногда проявлялъ рѣзкость, которая почти граничила съ грубостью. Сэръ Моріеръ послѣдовательно занималъ весьма отвѣтственные посты при крупныхъ европейскихъ дворахъ и находился въ дружбѣ съ выдающимися людьми своей и чужихъ странъ.

Теперь онъ дошелъ до конца житейскаго поприща. Помню я, на одномъ изъ пріемовъ въ Зимнемъ дворцѣ, съ какимъ трудомъ взбирался онъ по лѣстницѣ, ставъ во главѣ собравшихся дипломатовъ; онъ только обмѣнялся нѣсколькими словами съ государемъ и вслѣдствіе нездоровья поспѣшилъ покинуть собраніе. Это была послѣдняя встрѣча; вскорѣ онъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ и умеръ. Преемникомъ его былъ сэръ Франкъ Лассельсъ, мой collega по Берлину. Обхожденіе его было чрезвычайно подкупающее и опытность за нимъ была богатая: ему довелось нести обязанности посланника въ Парижѣ въ эпоху властвованія коммуны, потомъ онъ побывалъ въ Тегеранѣ. Отношенія у насъ сложились дружественныя и такими же остались по настоящее время.

«Большою привлекательностью обладалъ итальянскій посланникъ Марокетти, сынъ знаменитаго скульптора. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ художественныя наклонности и съ любовью занимался искусствомъ. Въ концѣ концовъ Марокетти былъ отозванъ съ занимаемаго поста, и объясненіе этому, по общему отзыву, приписывалось тому обстоятельству, будто на дипломатической его дѣятельности вредно отозвались художественныя его увлеченія.

«Зато австрійскій посланникъ, графъ Волькенштейнъ, во многихъ случаяхъ являлся для насъ надежнѣйшимъ совѣтникомъ. Имѣя связи при всѣхъ европейскихъ дворахъ, онъ всегда былъ прекрасно обо всемъ освѣдомленъ и въ точности могъ указать, къ кому въ томъ или другомъ случаѣ слѣдуетъ обратиться, чтобы достигнуть желаемаго.

«Въ моихъ отношеніяхъ къ представителямъ русскаго правительства мнѣ довелось воспользоваться всѣми выгодами доброжелательной дружественности, съ которою въ Россіи всѣ, начиная съ государя и кончая любимъ сановникомъ, относятся къ представителямъ Соединенныхъ Штатовъ.

«Къ сожалѣнію, представители Соединенныхъ Штатовъ при Петербургскомъ дворѣ обставлены по сравненію съ европейскими collegaми крайне неблагопріятно. Они вынуждены тратить на жизнь и представительство гораздо больше получаемаго ими жалованья, а потому искренно радуются, когда могутъ ухватиться за благовидный предлогъ и просить объ увольненіи отъ должности. По этому срокъ служенія нашихъ представителей въ Петербургѣ неизмѣнно очень непродолжителенъ — иные выдерживали такое положеніе 3—4 года, но, большею частью, одинъ мирился съ фальшивымъ положеніемъ нѣсколько мѣсяцевъ, а другой не выдерживалъ и нѣсколькихъ недѣль. Вѣчныя смѣны американскихъ представителей въ концѣ концовъ не могли не бросать въ глаза, и однажды государь, въ разговорѣ съ однимъ изъ нашихъ дипломатовъ, изволилъ это отмѣтить, выразивъ надежду, что, авось, новый посланникъ дольше останется на своемъ посту, чѣмъ это дѣлали его предшественники.

«Во всякомъ случаѣ частыя смѣны въ личномъ составѣ американскаго посольства отнюдь не вызываются столкновениями и недоразумѣніями съ русскими властями.

«Я считаю долгомъ, — замѣчаетъ по этому поводу Уайтъ, — серьезно предостеречь мало освѣдомленныхъ иностранцевъ противъ напраслины, воплотившейся въ крылатое слово: «grattez le russe, et vous trouverez le tartare».

«Эту якобы политико-этнологическую аксіому съ одинаковою правильностью, или, вѣрнѣе, неправильностью, можно было приложить и къ американцу, утверждая: «раздѣньте американца, и тутъ объявится дикарь-индѣецъ».

«Въ дѣйствительности русскіе чиновники, съ которыми иностранцамъ приходится соприкасаться, — люди, высоко образованные и прекрасно воспитанные, и, какъ общее правило, ничѣмъ не отличаются отъ того чиновничества и тѣхъ властей, съ которыми сталкиваешься во всей Европѣ. А между тѣмъ представителю иностранной державы приходится вступать въ дѣловые сношенія не съ однимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и его главою. По разнымъ дѣламъ завязываются сношенія съ министерствомъ финансовъ и съ министерствами морскимъ, военнымъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и такъ далѣе до столичныхъ и городскихъ управленій включительно. На основаніи собственнаго опыта я и скажу, что многіе изъ русскихъ чиновниковъ и сановниковъ, или, вѣрнѣе, громадное ихъ большинство, какъ люди общества и должностныя лица, ничѣмъ не уступаютъ европейскимъ ихъ коллегамъ, какихъ мнѣ приходилось знать въ другихъ европейскихъ столицахъ. Если порою, когда наши интересы расходятся съ интересами ихъ отечества, русскіе чиновники и проявляютъ настойчивость въ требованіяхъ, упорно руководствуясь иными политическими принципами, чѣмъ мы, то все же я долженъ признать, что способы и приемы ихъ дѣйствій по корректности стоятъ выше всякой критики.

«Въ числѣ особенно тягостныхъ обязанностей, падающихъ на американскаго посланника въ Россіи, слѣдуетъ отмѣтить необходимость считаться съ американскими искателями приключеній, съ разными личностями, потерпѣвшими политическое или дѣловое крушеніе и ищущими стать подъ охрану звѣзднаго знамени. Нельзя не признаться, что въ Россіи предпринимаются совершенно безсовѣстныя попытки использовать права американскаго гражданства. Выходцы изъ Россіи, далеко не желаннаго сорта, являются въ Америку и, проживъ въ какомъ нибудь штатѣ какъ разъ столько времени, чтобы обезпечить за собою права американскаго гражданства, тотчасъ же отправляются въ Россію вспять и ищутъ воспользоваться правами, усвояемыми за ними подданствомъ въ обѣихъ странахъ, но вовсе не заботятся о выполненіи обязанностей предъ той или другой страной.

«Особенно неприятное положеніе для представителя Америки создаетъ то легковѣріе, съ какимъ наши соотечественники принимаютъ рассказы объ угнетеніи человѣческой личности въ Россіи. Во вторую, напримѣръ, зиму моего пребыванія въ Петербургѣ я получилъ кучу писемъ и депешъ, печаловавшихся о судьбѣ нѣкоего американскаго гражданина, будто бы безъ всякаго суда сосланнаго въ Сибирь по политическимъ поводамъ. Насчетъ судьбы этого индивида поступали прошенія и протесты, покрытые сотнями подписей, отъ почтенныхъ и извѣстныхъ американцевъ и подкрѣплялись вырѣзками изъ американскихъ газетъ, метавшихъ громы и молніи противъ произвола русскаго правительства.

«По наведеннымъ мною справкамъ въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи оказалось, что незаслуженно якобы потерпѣвшій американецъ 20 лѣтъ назадъ участвовалъ въ Польшѣ въ антиправительственномъ заговорѣ, присвоилъ въ свою пользу деньги, ему ввѣренныя въ качествѣ политическаго агента, и бѣжалъ съ ними въ Америку. За амнистіею, возвѣщенной по случаю вступленія на престолъ покойнаго государя, этотъ молодецъ вернулся на родину и принялся за прежнія художества. Такъ какъ амнистія не распространялась на подобныя категоріи преступленій, то онъ былъ опять арестованъ, но власти и не помышляли о ссылкѣ его въ Сибирь, озабоченныя однимъ—разыскать деньги, которыя этотъ господинъ опять сумѣлъ себѣ обманнымъ образомъ присвоить.

«Другой случай еще типичнѣе. Въ одинъ прекрасный день меня посѣтилъ извѣстный англійскій проповѣдникъ и, волнуясь, рассказалъ мнѣ, что нѣкій американецъ подвергся аресту и заключенію въ тюрьму. Я настоялъ на скорѣйшемъ судебномъ допросѣ обвиняемаго и помимо присутствія у судебного слѣдователя имѣлъ случай побесѣдовать съ обвиняемымъ межъ четырехъ глазъ. Обвиняемый показалъ подъ присягою, что и самъ онъ и его мать родомъ изъ Аляски, а отецъ шведъ; въ Россіи никогда де онъ не бывалъ, а паспортъ, который имъ былъ предъявленъ при клятвенномъ удостовѣреніи, что онъ принадлежитъ ему, выданъ былъ вашингтонскими властями. Съ другой стороны, нѣсколько морскихъ офицеровъ, вызванныхъ въ судъ, показали подъ присягою, что обвиняемый служилъ по инженерной части на военномъ суднѣ и дезертировалъ съ корабля во время стоянки въ Петербургскомъ портѣ. Необычайнымъ представлялось то, что обвиняемый владѣлъ русскимъ языкомъ лучше, чѣмъ англійскимъ, и для человѣка, никогда не бывавшаго въ Россіи, оказался невѣроятно подробно освѣдомленнымъ по части русскихъ обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, обвиняемый стоялъ на томъ, что онъ—уроженецъ Аляски. Всѣ показанія складывались, однакоже, противъ него, и онъ содержался подъ стражею впредъ до показанія свидѣтелей, вызванныхъ

защитою. Черезъ нѣкоторое время я узналъ, что онъ бѣжалъ изъ заключенія и, добравшись до Нью-Йорка, сталъ выдавать себя за мученика, доставивъ случай представителямъ прессы его интервьюировать, и самъ выступилъ въ газетахъ съ рядомъ статей, мрачно окрашенныхъ и поносившихъ русское правительство.

«Третій случай касался русскаго переселенца въ Америку. Онъ закидывалъ всѣ инстанціи американскаго министерства и наше посольство жалобами на посланника, который будто бы чинить препятствія къ тому, чтобы жена жалобщика могла послѣдовать за нимъ въ Америку. Въ дѣйствительности же посланникъ раздобылъ всѣ документы, нужные просительницѣ для переселенія, но нѣмецкія власти соглашались разрѣшить просительницѣ переѣхать черезъ Германію подъ условіемъ предъявленія необходимыхъ для того средствъ, не желая, чтобы расходы по переселенію ея въ Америку пали на счетъ казны. А мужъ не хотѣлъ или не могъ предоставить женѣ нужной суммы, но, натурализовавшись въ Америкѣ, настаивалъ на своемъ якобы правѣ, чтобы жена была къ нему переслана.

«Мнѣ, конечно, и въ голову не приходитъ защищать русскую систему административныхъ преслѣдованій, но, во всякомъ случаѣ, по соображеніямъ международнаго такта и политической вѣжливости я бы далъ моимъ соотечественникамъ дружескій совѣтъ поменьше вѣрить баснямъ, которыя распространяются людьми, выдающими себя за жертвы русскаго деспотизма, особенно когда эти жертвы торопятся принять американское подданство затѣмъ только, чтобы поскорѣе уѣхать назадъ въ Россію и использовать тамъ права американскаго гражданства для вящаго преодолѣнія конкурентовъ по торговлѣ».

Относясь съ большимъ скептицизмомъ къ пресловутымъ дарованіямъ нашихъ дипломатовъ, Уайтъ признаетъ за ними только искусство лицемерія, но съ такимъ оружіемъ состязаться съ Линкольнами, Кавурами и Бисмарками является только покушеніемъ съ негодными средствами, и, несмотря на всѣ хитросплетенія, русское министерство иностранныхъ дѣлъ вѣчно разстрѣливаетъ свои заряды попусту. Въ примѣръ этому Уайтъ приводитъ исторію переговоровъ объ охранѣ котиковыхъ и тюленьихъ промысловъ въ Беринговомъ морѣ, гдѣ, несмотря на общность интересовъ русскіхъ и американскіхъ, Моріеръ, воспользовавшись болѣзнию министра Гирса и свѣтскими связями въ чиновныхъ кругахъ, провѣлъ заключеніе договора, явно убыточнаго для русско-американскихъ интересовъ.

Также недовѣрчиво относится Уайтъ и къ другимъ сторонамъ русской государственной дѣятельности. Если въ теченіе сотни лѣтъ руководящіе круги Русскаго царства не позаботились поднять умственное и нравственное развитіе народа на высшую ступень,

если они не похлопотали обратить на пользу общую неисчерпаемые естественныя богатства, хранящіяся въ нѣдрахъ Русской земли, и не создали въ сферѣ отечественной промышленности прочной основы для государственнаго могущества, то, повидимому, предлагались всѣ средства возвести на должную высоту военную мощь имперіи, на самомъ же дѣлѣ и въ этой области вниманіе посвящалось не сущности вещей, а только показной выправкѣ и парадной муштрѣ войскъ; въ результатѣ и получился крахъ, который съ 1815 г. является третьимъ печальнымъ предостереженіемъ для государствъ, на которыя ложится тяжелая задача, не покладая рукъ, слѣдовать за уровнемъ требованій, которыя предъявляетъ непрестанно развивающаяся жизнь.

«Противъ обвиненій, предъявляемыхъ къ русской государственности,—замѣчаетъ Уайтъ,—можно, конечно, возразить, что освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, во всякомъ случаѣ, знаменуетъ собою прогрессъ, а теперешнія бѣдствія составляютъ только роковыя послѣдствія этого преобразованія, не достаточно еще перевареннаго и ассимилированнаго жизнью. Можетъ быть, оно такъ и есть, но самая реформа въ смыслѣ ближайшихъ непосредственныхъ результатовъ оставляетъ желать многого. Я прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи до и послѣ отмѣны крѣпостного права и не осмѣлюсь, конечно, оспаривать благороднѣйшихъ побужденій, какими Александръ II и его сподвижники руководились въ дѣлѣ великихъ реформъ, но столь же мало оспоримъ и тотъ фактъ, что реакціонная партія вскорѣ взяла перевѣсъ надъ освободительными стремленіями, а въ результатѣ серьезной разницы въ положеніи русскаго крестьянства до и послѣ отмѣны крѣпостного права не оказывается или ясно не прослѣживается.

«Благодаря стремленію правительства опекать русскихъ гражданъ отъ тлетворныхъ вліяній, явилось невиданное нигдѣ развитіе литературной цензуры. Наши русскіе друзья нерѣдко заходили въ посольство просматривать въ нашемъ экземплярѣ газетъ статьи, которыя въ ихъ экзеплярахъ оказывались зачерненными. При этомъ неоднократно обнаруживались удивительнѣйшія открытія, свидѣтельствовавшія объ ограниченности цензоровъ: въ однихъ случаяхъ вычеркивались безобидныя извѣстія, а въ другихъ оставались нетронутыми рѣзкія нападки на правительство.

«Цензурованіе книгъ носитъ характеръ еще большаго произвола. Порнографическія циничныя изданія парижскаго рынка продаются невозбранно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а какая нибудь дѣльная и цѣнная въ научномъ отношеніи книга боязливо задерживается и не допускается въ обращеніе.

«Благодаря искусственному подавленію мысли и невозможности обогащаться новыми знаніями, интенсивность умственной жизни гасится, и у русскихъ людей парализуется потребность обмѣни-

ваться мыслями отвлеченнаго или общаго характера. Вслѣдствіе этого у русскихъ людей слагаются одностороннія сужденія, не умѣряемыя и не ограничиваемыя поправками, которыя вводитъ обмѣнъ мыслями съ себѣ подобными. При такихъ условіяхъ какъ бы благородна и даровита ни была единичная личность, она пріучается носиться и съ собственными сужденіями, восторгаясь ими, и утрачиваетъ способность къ правильной самооцѣнкѣ; не допуская мысли о томъ, что можетъ заблуждаться, она почитаетъ собственныя измышленія за непогрѣшимую истину.

«Съ другой стороны, благодаря отсутствію свободы рѣчи и обсуждения общественныхъ вопросовъ, Россія является рассадникомъ преданій и мѣровъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ. Нѣтъ, кажется, такой невѣроподобной безсмыслицы, которая, будучи пущена въ обиходъ, не нашла бы себѣ убѣжденныхъ вѣрующихъ.

«Первый русскій государственный человѣкъ, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло, былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ. Я неоднократно видался съ нимъ внѣ служебныхъ отношеній въ Царскомъ Селѣ, и онъ вселилъ въ меня великое къ себѣ почтеніе.

«Особенно мнѣ памятна продолжительная бесѣда Гирса о бессмысленности военныхъ успѣховъ, при чемъ онъ опирался главнымъ образомъ на свидѣтельства событій Русско-Турецкой войны. Гирсъ ярко описалъ печальные въ этомъ отношеніи успѣхи Россіи, неблагоприятность народовъ, усиліями Россіи освобожденныхъ изъ-подъ турецкаго ига, и горько скорбѣлъ о томъ, что война поглотила громадныя суммы, которыя несравненно разумнѣе можно было употребить для улучшенія положенія крестьянъ внутри государства.

«Точно также, думается мнѣ, и столкновеніе съ Японіею можно было уладить безъ неудобствъ и вполне удовлетворительно въ нѣсколько часовъ, если бы переговаривающіеся имѣли доброе къ тому желаніе, хотя бы способности ихъ и не превышали средней мѣрки, но тутъ ввязалась въ дѣло воинственная партія, которая вовлекла Россію въ самую жестокую войну, какую когда либо знавала исторія.

«Далѣе, необычайный интересъ во мнѣ пробудилъ дѣятель, трудовое поприще котораго лежало внѣ сферы моей дѣятельности. Я говорю о Побѣдоносцевѣ, который пользовался громадною властью и навлекъ на себя страшную ненависть. Каковы бы ни были сужденія о способностяхъ этого государственнаго дѣятеля, отрицать въ немъ патріотизмъ едва ли возможно.

«Въ англійскихъ газетахъ Побѣдоносцева описывали какимъ-то Торквемадою XIX вѣка, а между тѣмъ я въ немъ нашелъ любезнаго, привѣтливаго ученаго, горячо откликавшагося на всѣ явленія общественности».

Воспоминаніямъ о К. П. Побѣдоносцевѣ Уайтъ посвящаетъ цѣлую главу и поясняетъ, что мотивами къ суровой охранительной дѣятельности у опорачиваемаго многочисленными недругами дѣятеля являлись столько же религіозныя, какъ и политическія убѣжденія.

Вѣрующій христіанинъ, Побѣдоносцевъ въ греческо-православномъ вѣроисповѣданіи усматриваетъ первобытное по чистотѣ воплощеніе христіанскаго ученія. Чуждый озлобленія противъ иновѣрческихъ ученій, Побѣдоносцевъ въ православіи съ его обрядами и церковнымъ искусствомъ видитъ высшій доступный человѣчеству идеаль; точно также въ господствующей въ Россіи православной церкви съ точки зрѣнія государственнаго человѣка онъ усматриваетъ прочный оплотъ, связующее начало, которое одно можетъ объединить громадную имперію въ стройное цѣлое.

Хотя по эстетическимъ побужденіямъ широко образованный умъ Побѣдоносцева и тяготеетъ къ высшимъ идеаламъ западно-европейскаго литературнаго творчества, религіозное и политическое его чувство со всею силою возстаетъ противъ идей, воплощаемыхъ Европою въ либерализмъ и конституціонализмъ; по искреннему его убѣжденію, парламентаризмъ есть только ослѣпительный миражъ, и если къ такимъ установленіямъ приспособилась европейская жизнь, хотя развитіе социализма, нигилизма и анархизма въ достаточной мѣрѣ ивобличаетъ всю абсурдность такъ называемыхъ политическихъ свободъ, то эти начала становятся въ разрѣзъ со всѣми преданіями и правовымъ сознаніемъ русскаго народа, преклоняющагося лишь предъ автократическимъ началомъ.

Такую же снисходительную оцѣнку дѣлаетъ Уайтъ и К. В. Плева.

«Когда я познакомился съ г. Плева, онъ занималъ второстепенный постъ въ администраціи, но мнѣ и тогда казалось, что онъ снимаетъ съ своего начальника, министра Дурново, главное бремя сложныхъ трудовъ. При совмѣстномъ просмотрѣ уставовъ американскихъ страховыхъ обществъ на меня произвели весьма выгодное впечатлѣніе дальновидность и острота ума Плева, равно какъ и его предупредительность. Поэтому я впоследствии чрезвычайно поразился, когда Плева, сдѣлавшись министромъ, выступилъ суровымъ и близорукимъ реакціонеромъ. Эту метаморфозу я себѣ объясняю только тѣмъ, что Плева своею безпощадною политикою хотѣлъ заручиться поддержкой могущественной реакціонной партіи изъ личныхъ видовъ честолюбія.

«Несомнѣнно наиболѣе выдающимся среди общественныхъ дѣятелей является г. Витте. Его управленіе русскими финансами свидѣтельствуетъ о незаурядныхъ дарованіяхъ. Онъ вывелъ государство изъ трясины бумажнаго денежнаго обращенія и введеніемъ золотой валюты далъ прочную основу государственности.

«Въ болѣе тѣсное соприкосновеніе я вступилъ съ Витте, когда онъ предложилъ чрезъ мое посредство американскому правительству сдѣлать у русской казны заемъ золотомъ, въ устраненіе затрудненія, которымъ угрожалъ Америкѣ вопросъ отъ измѣненія денежной валюты. Г. Витте открылъ мнѣ, что въ русскомъ государственномъ казначействѣ хранится многомилліонный запасъ золота, входящій въ составъ неприкосновеннаго 600-милліоннаго фонда.

«Единственнымъ результатомъ этого предложенія было то, что мнѣ поручили отъ имени президента выразить признательность и заявить ему, что въ Америкѣ не существуетъ такого закона, который бы позволилъ правительству воспользоваться подобнымъ предложеніемъ — желаніе президента сводилось къ тому, чтобы сдѣлать на денежномъ рынкѣ заемъ золотомъ подъ обезпеченіе принадлежавшихъ американскому казначейству государственныхъ бумагъ.

«Въ другой разъ мнѣ пришлось вести переговоры съ Витте по поводу представленія раввина Краускопфа изъ Филадельфіи, который хотѣлъ выяснитъ вопросъ о томъ, возможно ли часть еврейства, скученнаго на западной окраинѣ въ чертѣ осѣдлости, переселить въ менѣе населенные округа. На этотъ предметъ единовѣрцы русскихъ евреевъ въ Америкѣ готовы были собрать особый денежный фондъ. При этихъ переговорахъ Витте проявилъ истинный либерализмъ и вдумчивость подлиннаго государственнаго человѣка. Къ сожалѣнію, большимъ мѣстомъ теорій, проводившихся въ жизнь Витте, было ошибочное возрѣніе, будто государство свою длань должно распростирать на веденіе промышленныхъ предпріятій и желѣзнодорожнаго хозяйства и всю хозяйственную жизнь должно принимать подъ свое высокое покровительство.

«Во всякомъ случаѣ истинною причиною паденія Витте было то, что онъ, по примѣру Тюрго и Неккера, старался спасти отечество, оберегая государственное казначейство отъ посягательствъ властныхъ людей, а для нихъ вмѣшательство министра финансовъ въ контролированіе расходовъ, мало оправдываемыхъ необходимостью, было равносильно нестерпимой обидѣ».

Несмотря на похвальные отзывы о русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ, г. Уайтъ дѣлаетъ характерную оговорку.

«Впрочемъ, я въ то же время не могу не выразить убѣжденія, сложившагося у меня постепенно на основаніи опыта: установившіяся ходячія мнѣнія о необычайной умственной силѣ, энергіи и дальновидности русскихъ государственныхъ дѣятелей мало обоснованы. Я смѣю прибавить, что государственные дѣятели и ихъ семьи чрезвычайно доступны всякому свѣтскому вліянію, а потому, если представитель иностранной державы сумѣетъ завязать и использовать свѣтскія отношенія и связи, онъ въ состояніи будетъ оказывать своей странѣ несравненно большія услуги, чѣмъ другой пред-

ставитель, путемъ хотя бы крайне искусныхъ дипломатическихъ переговоровъ».

Переходя къ характеристикѣ сдѣланныхъ имъ частныхъ знакомствъ, Уайтъ замѣчаетъ: «когда попадаешь въ Россію, диву даешься, какая встрѣчается масса выдающихся талантовъ и само-бытныхъ, богато одаренныхъ людей».

«Я почиталъ не только за долгъ, но за истинное удовольствіе, познакомившись съ людьми, почему либо достойными вниманія, поддерживать съ ними тѣсныя сношенія. Если и приходилось дѣлать немало скучныхъ визитовъ по служебнымъ обязанностямъ, то явилось у меня много и назидательныхъ знакомствъ, поддерживать которыя для меня составляло истинное наслажденіе.

«Самый разносторонній русскій, съ какимъ мнѣ довелось познакомиться, былъ князь Сергѣй Волконскій. Драматургъ, актеръ, фельетонистъ, ораторъ, лекторъ, онъ во всемъ одинаково оказывался мастеромъ. Рѣчи, какія держалъ Волконскій въ Чикаго, выходили изъ ряда вонъ, а лекціи по русской литературѣ, читанныя въ Корнеллевомъ университетѣ, Вашингтонѣ и другихъ городахъ, сдѣлали бы честь даже «Collège de France».

«Когда меня влекло къ общену мыслями съ выдающимися учеными, я отправлялся въ петербургскій quartier latin—на Васильевскій островъ, къ профессору университета (А. И.) Воейкову. Въ его домѣ собирался кружокъ выдающихся людей. Среди нихъ меня особенно привлекалъ адмиралъ Макаровъ. Съ сенаторомъ Семеновымъ и княземъ Григоріемъ Голицынымъ велъ я интересные бесѣды объ ихъ путешествіяхъ по Азій, а всеобъемлющія познанія и необычайная скромность химика Менделѣева, который теперь для всѣхъ уже сдѣлался общепризнаннымъ авторитетомъ, повергали меня въ глубочайшее изумленіе.

«Петербургское общество заключаетъ въ своемъ составѣ рядъ интереснѣйшихъ дамъ, и пріемные ихъ вечера представляли для меня большую притягательную силу, такъ какъ по тону, въ нихъ царствующему, инныя петербургскія гостинныя воистину напоминаютъ французскіе salons de l'ancien régime.

«Княгиня Волконская, напримѣръ, умѣла всякаго, кто не ограничивался пустою болтовнею, привязать къ себѣ; поэтому въ ея домѣ собирались всѣ выдающіеся люди Петербурга, и здѣсь можно было услышать любопытнѣйшія бесѣды.

«На ряду съ княгинею Волконскою можно поставить жену австрійскаго посланника, графиню Волькенштейнъ, которую я зналъ еще раньше въ Берлинѣ, когда она была замужемъ въ первомъ бракѣ за прусскимъ оберъ-гофмейстеромъ, графомъ Шлейницомъ.

«Не менѣе охотно посѣщался обществомъ домъ графа (Н. П.) Игнатъева, бывшаго русскаго посланника въ Константинополь.

Жена его—внучка кн. Кутузова-Смоленскаго, сражавшагося съ Наполеономъ въ 1812 г. То, что графиня умѣла рассказать о своей юности и позднѣйшемъ пребываніи въ Константинополь, производило подчасъ неотразимое впечатлѣніе.

«Особенно привлекательна была юная княгиня Радзивилль. Въ одной изъ ея гостиныхъ висѣлъ портретъ Бальзака, зарисованный тотчасъ же послѣ его смерти и прекрасно схватившій типичныя особенности великаго писателя. Портретъ этотъ послужилъ княгинѣ отправною точкою, и она мнѣ повѣдала немало любопытныхъ подробностей о своей теткѣ, графинѣ Ганской, къ которой были обращены знаменитыя письма Бальзака, впоследствии на ней и женившася.

«Въ этомъ же домѣ я познакомился съ другою важною дамою, съ которою встрѣчался раньше: заѣхавъ какъ-то послѣ обѣда къ первому секретарю англійскаго посольства, Генри Говарду, я въ числѣ прочихъ гостей увидѣлъ скромно одѣтую особу, которой раньше въ Петербургѣ не встрѣчалъ. Меня ей представили, фамиліи ея я не разслышалъ, но мы разговорились, и изъ ея словъ я узналъ, что она побывала въ Австраліи и въ Калифорніи, а потомъ сухимъ путемъ по Сѣверной Америкѣ проѣхала въ Нью-Йоркъ. Пережитое въ путешествіи незнакомка описывала очень ярко, и только теперь отъ княгини Радзивилль я узналъ, что моя незнакомка—англійская герцогиня Букингамъ».

Особенно широкое мѣсто въ своихъ воспоминаніяхъ Уайтъ отводитъ знакомству съ графомъ Л. Н. Толстымъ (дѣлая глава, относящаяся къ марту 1894 г.).

Уайта поразилъ пріемъ графа. Его встрѣтили лакеи во фракахъ, провели къ хозяину, который оказался въ убогой крестьянской обстановкѣ и такомъ же нарядѣ, а потомъ состоялся пріемъ у графини въ великосвѣтской, роскошно обставленной гостиной. Все это, вмѣстѣ взятое, произвело на Уайта впечатлѣніе чего-то дѣланнаго и театральнаго, но впечатлѣніе это вскорѣ уступило инымъ чувствованіямъ.

Ученый дипломатъ-историкъ, хорошо освѣдомленный въ богословіи, и русскій графъ, народолюбъ и мыслитель, нашли немало точекъ соприкосновенія, вмѣстѣ предпринимали прогулки по Москвѣ, заходили къ знакомымъ графу раскольникамъ и вели нескончаемыя бесѣды на разнообразныя темы. Такъ какъ содержаніе этихъ бесѣдъ составляетъ варианты къ извѣстнымъ религіозно-философскимъ трактатамъ графа Л. Н. Толстого, то мы не будемъ распространяться, а ограничимся лишь заключительною характеристикой, дѣлаемою Уайтомъ о нашемъ великомъ писателѣ.

«Меня не разъ уже спрашивали, дѣйствительно ли Толстой, на мой взглядъ, является тѣмъ, за что себя выдаетъ; при этомъ обыкновенно ссылаются на книгу, изданную одною дамою, которая

утверждаетъ, будто стояла къ семьѣ Толстыхъ въ близкихъ отношеніяхъ. По книгѣ этой выходитъ, будто все существованіе Толстого за послѣдній періодъ дѣятельности представляетъ ломаніе какой-то комедіи. Я же скажу, что почитаю Толстого за человѣка искренняго, и чуть ли не святаго — онъ гениаленъ и питаетъ глубочайшую и истинную любовь къ человѣчеству.

«Нельзя быть болѣе естественнымъ, чѣмъ Толстой, онъ никогда не позируетъ, не играетъ фразами и чуждается ораторскихъ прикрасъ. Всякое высказываемое имъ положеніе просто, но серьезно. Великіе его недостатки и заблужденія проистекаютъ отъ изоляціи развитія его мышленія и являются послѣдствіемъ того, что большую часть жизни онъ разрѣшалъ запутаннѣйшіе вопросы единолично, не провѣряя своихъ воззрѣній путемъ обмѣна мыслей съ другими. Поэтому онъ молится созданнымъ имъ для себя божкамъ, порою обдѣленнымъ сущностью, а на міропредставленія и убѣжденія другихъ взираетъ съ презрительнымъ недовѣріемъ свысока. Чрезвычайно рѣдко удавалось мнѣ услышать отъ Толстого теплую восторженную оцѣнку кого либо изъ братьевъ-человѣковъ. Все это и приводитъ къ тому, что, если Толстого и припрешь къ стѣнкѣ, онъ пускается въ такія хитроумныя логическія сплетенія, что они оказываются чуждыми всякой логикѣ, а тутъ ужъ Толстой ищетъ спасенія въ парадоксахъ. Порою, когда мы гуляли вмѣстѣ, съ его устъ слетали глубочайшія и ясныя, какъ кристаллъ, мысли, а выводы отсюда онъ дѣлалъ такіе глубокіе, что производилъ на меня впечатлѣніе какого-то духовидца; въ другое же время онъ какъ-то спутанно выставлялъ туманныя теоріи и дѣлалъ изъ нихъ умозаключенія, противорѣчащія всякой логикѣ; поэтому я съ любопытствомъ приглядывался къ Толстому, желая провѣрить, серьезно ли онъ говоритъ или только шутитъ. Но всѣ его рѣчи запечатлѣны такою правдивостью, что тотчасъ же падаетъ всякое подозрѣніе въ томъ, чтобы онъ могъ высказать нѣчто такое, чему бы искренно самъ не вѣрилъ, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту.

«Развитіе всего міропредставленія Толстому навѣяно окружающею обстановкою и средою.

«Два столѣтія потребовалось Россіи, чтобы медленно и мучительно высвободиться изъ средневѣковья въ самыхъ ужасныхъ его проявленіяхъ. Русская исторія во всѣхъ своихъ подробностяхъ производитъ впечатлѣніе потрясающее, а современность неволью наталкиваетъ на разочарованіе. Да и вся природа Россіи какая-то унылая, нѣтъ ни горъ, ни холмовъ, безбрежный, уходящій въ даль горизонтъ и самая даже русская лѣсная чаща не разнообразится никакими смѣнами. Страна, которая полгода остается скованною морозами, другое полугодіе иссушивается жарами. А населеніе ея! — одна часть живетъ исключительно въ свое удовольствіе, а другая изнемогаетъ отъ бѣдности и суевѣрія, и истинное народное настроеніе находитъ себѣ выраженіе въ меланхолическихъ пѣсняхъ.

«А между тѣмъ въ Россіи не одинъ великій талантъ пробивалъ себѣ пути и совершалъ великія дѣянія.

«Суворовъ, Скобелевъ, Гурко выигрывали битву за битвою, Менделѣевъ повергалъ міръ въ изумленіе открытіями, Державинъ создавалъ знаменитую оду къ Богу, рѣзецъ Антокольскаго высѣкалъ изваяніе Іоанна Грознаго, Нессельроде повергалъ всю Европу къ стопамъ самодержца, подъ влияніемъ Милютиныхъ, Самариныхъ и Черкасскихъ 20 милліоновъ крѣпостныхъ получили освобожденіе, князья Хилковы опоясывали Россію до предѣловъ крайняго востока Азіи желѣзнодорожными путями, а Витте выводилъ русское государственное хозяйство на новые пути преуспѣянія.

«Но въ этой громадной странѣ, доселѣ не знающей обшѣна мыслями, всякая гениальная личность, пускаясь въ филантропическое отвлеченное мышленіе, тотчасъ же забредаетъ въ непроходимыя дебри. Результатъ и получается такой: если то человѣкъ науки, какъ князь Крапоткинъ, — несомнѣнно одинъ изъ выдающихся научныхъ дѣятелей современности, — то онъ додумывается не только до ниспроверженія основъ общественности въ своемъ отечествѣ, но пускается отрицать всю цивилизацію и преклоняется предъ теоретическимъ и практическимъ анархизмомъ, ставящимъ себѣ логически правильною цѣлью истребленіе человѣчества.

«Если то законченный государственный дѣятель и богословъ, какъ Побѣдоносцевъ, то онъ возвращается вспять къ средневѣковымъ теоріямъ, проповѣдуетъ подавленіе всякой освободительной мысли и отрицаетъ любое проявленіе христіанства, кромѣ православія и его обрядовъ.

«Если то человѣкъ изъ среды мировыхъ писателей, какъ графъ Толстой, котораго природная доброта сердца удержала отъ крайностей нигилизма, то онъ возводитъ Вавилонскую башню мышленія, гдѣ возвышеннѣйшія истины перепутываются съ грубѣйшими заблужденіями и парадоксами. И вотъ мы становимся свидѣтелями такого зрѣлища, гдѣ гениальный человѣкъ кидаетъ обвинительный приговоръ человѣческому знанію, провозглашаетъ возвращеніе къ природѣ, объединяя теоріи Руссо съ неправильно понятымъ Новымъ Завѣтомъ, и отвергаетъ самую идею брака вопреки собственной счастливой семейной жизни въ кругу 16-ти дѣтей. Не подлежитъ сомнѣнію, что великій, незамѣтный будничныи трудъ, направляемый къ прогрессивному развитію Россіи и улучшенію ея судебъ, будетъ поднятъ людьми, чуждыми великихъ замысловъ графа Толстого: его парадоксы будутъ забыты, но благородство его помысловъ и величіе свѣтлыхъ его идеаловъ стануть, пожалуй, служить путеводною звѣздою для обновленной Россіи».

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Адамъ Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. М. Ловягина. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906.

РЕДЪ НАМИ превосходно выполненное изданіе извѣстнаго сочиненія Адама Олеарія. Всякій, болѣе или менѣе знакомый съ русской исторіей, конечно, знаетъ, какую важную роль играютъ при изученіи XVI и XVII вѣковъ сочиненія иностранцевъ о Россіи. Но среди нихъ, несомнѣнно, трудъ Олеарія занимаетъ первостепенное мѣсто, какъ по богатству и разнообразію свѣдѣній, такъ и по обилію тщательно исполненныхъ на мѣди рисунковъ и картъ. Не даромъ на западѣ сочиненіе Олеарія пользовалось самой широкой популярностью и считалось однимъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ трудовъ о Россіи.

Адамъ Олеарій (родился около 1599 г., † 22 февраля 1671 г.), родомъ изъ Ашерслебена въ Саксоніи, магистръ философіи, въ свое время пользовался славой извѣстнаго и разносторонняго ученаго: его считали ученымъ математикомъ, физикомъ, историкомъ, ориенталистомъ и даже поэтомъ. Въ послѣдствіи онъ занималъ мѣсто придворнаго математика и антикварія у Фредерика, герцога Голштейнъ-Готторпскаго. Когда же онъ былъ въ Московіи, то здѣсь его сочли за волшебника и звѣздочета и предложили вступить на русскую службу въ качествѣ астронома, но онъ отказался. Въ Москвѣ Олеарій бывалъ неоднократно: такъ, онъ участвовалъ въ посольствѣ 1634 г. къ Михаилу Феодоровичу, въ замѣчательномъ посольствѣ 1636—1639 г.г. къ шаху персидскому (путь лежалъ черезъ Москву), и еще разъ былъ въ Москвѣ въ 1643 г. въ качествѣ голштинскаго гонца съ какимъ-то порученіемъ. Во время путешествія Олеарій

внимательно присматривался къ жизни, обычаямъ и нравамъ населенія, собиралъ материалы, приобреталъ книги и рукописи, опредѣлялъ положеніе мѣстности и собственноручно заносилъ ихъ на карты. Все это и дало богатый матеріалъ для его книги.

Въ «Описаніи путешествія» въ Московію и Персію мы находимъ не только разсказъ о самомъ путешествіи, о встрѣчавшихся городахъ и населеніяхъ, о приемахъ посольства и жизни въ Москвѣ, но и обо всемъ томъ, что только «было доступно» Олеарію, и что «могло имѣть хотя малѣйшее значеніе для иностранцевъ» (Аделунгъ). Здѣсь мы встрѣчаемъ описаніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни. Такъ, Олеарій описываетъ наружный видъ, одежду и домашнюю обстановку русскихъ (хозяйство, кушанья, развлеченія), характеризуетъ ихъ духовный складъ, положеніе женщинъ въ обществѣ. Говоря о великихъ князьяхъ, онъ пересказываетъ исторію царствованій послѣднихъ 100 лѣтъ, подробно останавливается на придворной жизни и дворцовомъ управленіи, указываетъ приходы и расходы царской казны, описываетъ свадебныя торжества и обрядъ коронаванія. Серьезное вниманіе удѣляетъ общему «полицейскому строю» государства, его высшему управленію, боярамъ, окольничимъ и другимъ сановникамъ, приказному дѣлопроизводству, правосудію и видамъ наказаній. Говоритъ о религіозной жизни народа, детально останавливаясь на многихъ религіозныхъ обрядахъ и процессіяхъ (напримѣръ, описано торжественное шествіе на ослии въ вербное воскресенье съ приложеніемъ особаго рисунка), на церковномъ управленіи и роли духовенства въ жизни народа. При описаніи поѣздки въ Персію Олеарій попутно съ пересказомъ происходившихъ событій сообщаетъ различныя свѣдѣнія о тѣхъ народахъ, которые встрѣчались ему на пути («о черемисскихъ татарахъ», «о жителяхъ странъ Ногайской и Астраханской» и т. п.).

Трудъ Олеарія впервые былъ изданъ въ Шлезвигѣ въ 1647 г. съ многочисленными рисунками. Въ 1656 г. онъ былъ вновь переизданъ въ значительно дополненномъ и переработанномъ видѣ; здѣсь появились новые рисунки, но нѣкоторые изъ прежняго изданія были опущены. Впослѣдствіи изданіе 1656 г. было много разъ перепечатываемо. Книга Олеарія имѣла шумный успѣхъ: она переводилась и нѣсколько разъ издавалась на французскомъ, голландскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Подробное и точное указаніе на отдѣльныя изданія сочиненія Олеарія, а также общую литературную оцѣнку этой работы можно найти у Аделунга въ его извѣстномъ трудѣ «Uebersicht der Reisenden» (русскій переводъ этой книги, сдѣланный Ал. Клевановымъ подъ заглавіемъ: «Критико-литературное обозрѣніе путешествій по Россіи», см. въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей российскихъ», начало въ кн. IX, за 1848 г., объ Олеаріи — «Чтенія», 1864 г., кн. I, отд. IV, стр. 180—185). Сочиненіе Олеарія было переведено и на русскій языкъ П. П. Барсовымъ, печаталось въ книжкахъ «Чтеній» за 1868—1870 г.г. Въ новомъ изданіи книга Олеарія напечатана съ нѣкоторымъ сокращеніемъ (сравнительно съ подлинникомъ): выпущена часть, относящаяся всецѣло къ описанію Персіи.

Настоящее изданіе по сравненію съ прежнимъ отличается многими значительными достоинствами. Прежде всего, переводъ въ немъ болѣе правиленъ и

болѣе точенъ, здѣсь впервые переведены маргиналіи (замѣтки на поляхъ) подлинника и латинскія цитаты; исправленъ рядъ начертаній собственныхъ именъ. Въ послѣднемъ случаѣ переводчикъ удачно воспользовался русскими документами, какъ печатными, такъ и рукописными, и съ помощью ихъ возстановилъ правильную форму собственныхъ именъ. Напримѣръ, въ подлинникѣ стоитъ: Collitzou, у Барсова—Кольцовъ, здѣсь—Колычевъ, что, несомнѣнно, является болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ транскрипція Барсова.

Затѣмъ, въ настоящемъ изданіи помѣщено 66 рисунковъ въ текстѣ и 19 рисунковъ на особыхъ листахъ, всего нѣсколько больше, чѣмъ при соответствующихъ частяхъ подлинника, такъ какъ здѣсь соединены рисунки изданій 1647 и 1656 г.г. Рисунки по сравненію, напримѣръ, съ французскими изданіями позднѣйшаго времени выигрываютъ во своей точности, такъ какъ они воспроизведены фото-механическимъ путемъ съ тѣхъ самыхъ изданій, гдѣ впервые они появились. Изъ картъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ точно воспроизведенная карта пути по Волгѣ, составленная и начерченная, по заявленію Олеарія, имъ самимъ въ сотрудничествѣ съ голландскимъ шкиперомъ Корниліемъ-Кляусомъ Клютингомъ. Изданію текста предпослано обстоятельное введеніе А. М. Ловягина (I—XXVIII), въ которомъ использованъ не только печатный матеріалъ, но частью и архивный. Въ введеніи отмѣчены особенности настоящаго изданія, сообщаются свѣдѣнія о голштинскихъ посольствахъ, въ которыхъ участвовалъ Олеарій, и сравнительно кратко обрисовывается жизнь и дѣятельность Олеарія съ указаніемъ на изданія его книги. Въ концѣ помѣщены примѣчанія къ переводу (538—558 стр.) и тщательно составленный указатель именъ и географическихъ названій. Текстъ напечатанъ на прекрасной бумагѣ, въ рамкахъ и съ замѣтками на поляхъ, какъ печатался и подлинникъ въ изданіяхъ 1647—1671 г.г.

Мы увѣрены, что любители старины вполне сочувственно встрѣтятъ это изданіе умнаго и наблюдательнаго иностранца. Нужно отдать честь г. издателю: имъ предпринято все, чтобы изданіе получило серьезное научное значеніе и дѣйствительно великолѣпный видъ.

М. К.—въ.

Л. Шишко. Разказы изъ русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1906.

Небольшая книга г. Шишко, очевидно, рассчитана на большое распространеніе: объ этомъ свидѣтельствуетъ и недорогая цѣна, и выходъ ея въ свѣтъ одновременно въ двухъ изданіяхъ (второе—анонимное, подъ заглавіемъ: «Популярная исторія Россіи»). Книга эта заслуживаетъ особеннаго вниманія въ силу нѣкоторыхъ ея своеобразностей, обусловленныхъ общимъ характеромъ настоящаго времени.

Появленіе въ свѣтъ «Разказовъ изъ русской исторіи» было бы рѣшительно немислимо нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; ея изданіе стало возможнымъ, лишь благодаря установленію у насъ свободы печати, однако свобода не подразумеваетъ непремѣнно необходимости злоупотребленій ею, а разсматриваетъ

мый трудъ представляет собою яркій примѣръ именно такого злоупотребленія. Книга г. Шишко—тенденціозная книга: цѣлью ея является доказать, что исторія Русскаго государства представляет собою одно сплошное зло, одинъ позоръ, и что виновниками такого ея характера явились русскіе самодержавные государи. Авторъ не брезгаетъ никакимъ средствомъ для достиженія своей цѣли, и потому ничего общаго съ наукою русской исторіи нѣтъ въ его книгѣ, переполненной извращеніями, передержками, противорѣчіями, тенденціозными выходками, не говоря уже о многочисленныхъ ошибкахъ и случаяхъ явнаго невѣданія добытыхъ наукою результатовъ; вдобавокъ и совершенно самостоятельнымъ трудъ этотъ не можетъ быть названъ, заключаая въ себѣ многочисленныя перепечатки наиболѣе пикантныхъ мѣстъ изъ произведеній В. А. Бильбасова, Н. К. Шильдера и др.; къ сожалѣнію, авторъ не ограничился ролью компилятора и пожелалъ внести въ книгу и самостоятельный свой трудъ, а каковы результаты этого труда?

Прежде всего — масса ошибокъ и ненаучностей: г. Шишко убѣжденъ, что до появленія печенѣговъ русскіе славяне не вели войнъ, что пресвитеры и епископы — понятія равнозначущія, что Золотая орда—это ханская столица, что до татарщины не было великихъ князей, что войска Шуйскаго разбиты поляками не при Клушинѣ, а подъ Царевымъ Займищемъ, что существуетъ какой-то «Потребникъ», что Петербургъ возникаетъ послѣ Полтавскаго боя, что Ромодановскій назывался всешутѣйшимъ патріархомъ, что Наполеонъ завоевалъ Австрію, что Священный Союзъ заключенъ въ Вѣнѣ (стр. 5, 12, 17, 18, 63, 87, 124, 129, 192, 194) и т. п. На ряду съ этимъ онъ послѣ трудовъ гг. Дьяконова и Саввы рѣшается утверждать, что московскіе государи стали называться царями потому, что заступили мѣсто хановъ (стр. 38), послѣ изслѣдовавій профессора Платонова рассказываетъ о публичномъ покаяніи Грознаго и рѣшительно не понимаетъ значенія опричнины (стр. 41 и 43), вопреки доказательствамъ профессора Ключевскаго считаетъ избравшій Годунова соборъ подтасованнымъ (стр. 53), выказываетъ полнѣйшее незнакомство съ юридическими понятіями, полагая, что можетъ существовать государство безъ отношеній подданства (стр. 100), полагаетъ, что лишь со временъ татаръ установился взглядъ на территорію, какъ на собственность правительства, забывая отношенія, сложившіяся еще въ Суздальщинѣ (стр. 105), думаетъ, что дворяне хотѣли затруднить свободный переходъ крестьянъ, чтобы крѣпче держать ихъ въ своихъ рукахъ, очевидно, не зная о потребностяхъ, вызываемыхъ положеніемъ дворянъ, какъ служилыхъ людей (стр. 109), и т. д., и т. д. Одинъ уже этотъ перечень, составленный наудачу, способенъ убѣдить кого угодно, что у г. Шишко мало общаго съ научнымъ пониманіемъ и даже знаніемъ русской исторіи; невольно вспоминаются слова Гюго: «Chacun a le droit d'être imbécile, mais il ne faut pas abuser de ce droit»; къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Шишко мы найдемъ кое-что худшее, чѣмъ поправіе этой истинны.

Не говоря о многочисленныхъ противорѣчіяхъ автора съ самимъ собою, примѣры чего могутъ быть найдены при сопоставленіи страницъ 85 и 105 (то народъ глубоко вѣритъ въ царское самодержавіе, то вѣру и законъ царская воля замѣняетъ лишь для дворянъ), стр. 126 и 150 (то Петръ Великій ни-

чего не сдѣлалъ для крестьянъ, то онъ возставалъ противъ продажи ихъ въ розницу) и др., мы можемъ встрѣтить на страницахъ разсматриваемаго труда не только извращенія фактовъ (напримѣръ, стр. 8, 14, 22, 36, 55, 65, 91, 121, 122, 131, 134, 136, 149, 170, 178, 186, 204), но и явныя передержки, недопустимыя въ сколько нибудь серьезной работѣ (напримѣръ, стр. 13, 203). Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Г. Шишко, напримѣръ, полагаетъ, что смертной казни не было на Руси до появленія московскаго самодержавія, что московское правительство, закрѣпляя за служилыми людьми крестьянъ, не позаботилось объ огражденіи интересовъ послѣднихъ (а указы Годунова о двухдневной барщинѣ или о свободѣ перехода отъ мелкихъ помѣщиковъ къ мелкимъ же?), приписываетъ мѣры годуновскаго правительства Самозванцу, утверждаетъ, что новгородцы и псковичи (sic!) были истреблены Грознымъ, призываетъ причиною уступки Правобережной Украины полякамъ по Андрусовскому договору нелюбовь московскаго правительства къ вольному казачеству, а причиною неудачи «затѣйки» верховниковъ въ 1730 г. — желаніе «близкихъ пріятелей» Анны Иоанновны видѣть ее самодержавной въ ихъ выгодахъ, забывая о протестахъ шляхетства противъ олигархическаго характера «квондцій», объясняетъ воцареніе Елисаветы Петровны тѣмъ попросту, что она «видя, какъ легко въ Россіи царская власть переходитъ изъ рукъ въ руки, захотѣла сдѣлаться императрицей», утверждаетъ, что Екатерина II не русскія земли возвратила отъ Польши, а «присоединила къ себѣ польскія земли съ кореннымъ польскимъ населеніемъ», увѣряетъ, что книга Радищева «до сихъ поръ» запрещена въ Россіи. Какъ очень характерный примѣръ передержки, можно привести цитируемыя г. Шишко евангельскія слова (Маркъ, гл. 10, стихи 42—43) для доказательства, что Христосъ «отвергалъ господство сильныхъ и власть челоуѣка надъ челоуѣкомъ»; хотѣлось бы знать, почему нашъ авторъ, очевидно, большой начетчикъ, забылъ о существованіи 22 главы (стихи 15—22) Евангелія отъ Маттея или 1 стиха 13 главы Пославія къ римлянамъ апостола Павла. Тутъ же мы найдемъ любопытный примѣръ извращенія словъ Писанія (вмѣсто труждающіеся — страждущіе), одну изъ тѣхъ тенденціозностей, какими переполнена книжка. Примѣры этихъ тенденціозностей можно найти на страницахъ 10, 12, 15, 18, 25, 28, 32, 37, 51, 56, 66, 67, 85, 96, 103, 107, 108, 119, 120, 123, 129, 130, 137, 141, 148, 162, 169, 170, 171, 172, 174, 188, 196 и т. д.; особенно бросаются здѣсь въ глаза усиленное подчеркиваніе скандальной хроники дворцовой жизни (здѣсь авторъ договаривается до курьеза, изобрѣтая какую-то «должность царыцына любовника»), характеристика военной организаціи и военной дисциплины, указаніе на коммунизмъ у древнихъ христіанъ, противопоставленіе служилыхъ людей и трущпагося народа, опредѣленіе собранія Руси, какъ «захвата» московскими князьями прочихъ княжествъ, разсужденія о взаимоотношеніяхъ самодержавія и дворянства, многозначительная фраза о казакахъ, которые «тогда еще не были царскими опричниками», довольно яркая программа «настоящаго» народнаго возстанія и т. д. и т. д. Но всего любопытнѣе то представленіе о власти, какое составитъ себѣ читатель книжки г. Шишко; онъ узнаетъ, что «власть всегда портитъ людей», а что «самодержавная власть — только одинъ

обманъ»; далѣе авторъ объяснить ему, что всегдашній обычай власти — мучить и убивать-несогласныхъ съ нею, а главная ея дѣль, чтобы народъ пребывалъ въ темнотѣ и рабствѣ, тѣмъ болѣе, что «не царь для народа, а народъ для царя». Поэтому «цари не могутъ обойтись безъ палачей» и «дорожатъ своими палачами», тѣмъ болѣе, что вмѣсто помощи народу въ бѣдствіяхъ «цари приказываютъ бить, казнить и истреблять несчастныхъ людей», а люди эти, «какая бы неглѣпость и жестокость ни взбрела царю въ голову, обязаны во всемъ повиноваться ему безпрокословно, ибо онъ де божій мазанникъ». «Не боясь вообще проливать человѣческую кровь», цари нуждаются для поддержанія своей власти въ послушномъ войскѣ, и поэтому «армія существуетъ у самодержавныхъ царей не столько для защиты государства отъ вѣшняго врага, сколько для охраны своей власти противъ своего собственнаго народа» (стр. 51, 85, 90, 117, 119, 122, 127, 140, 149, 196; также стр. 70, 103, 113, 118, 159, 176, 184, 185, 205).

Войдя въ азартъ, авторъ не обращаетъ вниманія на тѣ курьезы, которые такъ и сыплются изъ-подъ его пера: то у Пугачева появляется «главный штабъ» (стр. 163), то «въ числѣ виновныхъ страдаютъ и невинные» — такъ де оно пострашнѣе будетъ и т. п.; высоко-юмористическій характеръ этой, съ позволенія сказать, русской исторіи, разумѣется, лишь выигрываетъ отъ подобныхъ обмолвокъ.

Сдѣланный нами подробный, быть можетъ, даже слишкомъ подробный, разборъ книги г. Шашко избавляетъ насъ отъ прискорбной обязанности дать ея оцѣнку: «иже чтеть—да разумѣеть».

Отаровъ.

А. А. Титовъ. Кремль Ростова Великаго. М. 1905.

Обширная и продолжительная учено-литературная дѣятельность А. А. Титова была въ большой своей части посвящена Ростову Великому и его уѣзду. Онъ составилъ описаніе Ростовскаго уѣзда въ «историческомъ, археологическомъ и статистическомъ» отношеніяхъ; сообщилъ свѣдѣнія «о кустарныхъ промыслахъ въ Ростовскомъ уѣздѣ»; посвятилъ обширный трудъ «дѣятельности Ростовскаго земства по народному образованію и по охраненію народнаго здравія»; издалъ «дорожныя и переписныя книги» Ростова Великаго и рядъ «вкладныхъ» и другихъ книгъ монастырей Ростовскаго уѣзда. Десять лѣтъ тому назадъ вышелъ въ свѣтъ и обширный его трудъ: «Ростовъ Великій и его святыни». Въ 1880-хъ г.г. А. А. Титовъ, въ качествѣ одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ такъ называемой Кремлевской комиссіи, занимался реставраціей древнихъ церквей и зданій Ростовскаго кремля и весьма много способствовалъ учрежденію въ 1883 г. въ Ростовѣ Ростовскаго музея церковныхъ древностей. Въ настоящемъ (1905) году неутомимый изслѣдователь обогатилъ нашу литературу новымъ трудомъ по археологіи Ростова Великаго, посвященнымъ историко-археологическому описанію «Кремля Ростова Великаго». Такъ какъ это сердце одного изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи наиболѣе богато прекрасными памятниками церковной архитектуры доне-

тровой Руси и нынѣ въ реставрированномъ видѣ служитъ предметомъ особаго вниманія и изученія изслѣдователей и путешественниковъ, то намъ кажется излишнимъ остановиться здѣсь нѣсколько подробнѣе на его «описаніи».

«Все, что мы знаемъ теперь подъ именемъ Ростовскаго кремля,—говоритъ намъ авторъ (стр. II),—въ теченіе многихъ вѣковъ—со времени первоначальнаго построенія соборнаго храма въ 990 г. и до перевода архіерейской кафедры изъ Ростова въ Ярославль въ 1788 г.—служило резиденціей владыкъ ростовскихъ и было извѣстно подъ названіемъ Ростовскаго архіерейскаго дома». Упоминаемый впервые въ лѣтописяхъ подъ 1212 г. Ростовскій «дворъ епископовъ» не разъ разрушался татарами и поляками, много разъ горѣлъ и вновь отстраивался и восстанавливался. «Сохранившіяся до нашего времени зданія кремля большею частію возведены въ XVII столѣтіи трудами приснопамятнаго ростовскаго митрополита Іоны Сысоевича; другія же, болѣе древнія, реставрированы имъ или вновь исправлены». Іона Сысоевичъ, будучи «большимъ знатокомъ и любителемъ строительства» и имѣя къ тому же при одномъ архіерейскомъ домѣ до 16.340 крестьянъ, украсилъ свою митрополию великолѣпнѣйшими по времени зданіями и храмами». Такъ, въ Ростовѣ онъ «воздвигъ домъ архіерейскій и митрополичій дворъ, оградилъ оградкою каменною по городовому устроенію съ башнями, съ бойницами и съ зубцами»... «Воздвигъ» въ немъ каменные церкви: Воскресенія Христова, Іоанна Богослова, «Всемиловитаго Спаса» и Григорія Богослова и проч. Преемникомъ митрополита Іоны, Іоасафомъ Лазаревичемъ, среди другихъ построекъ, была «воздвигнута» пятая церковь «во имя Пресвятыя Богородицы Одигитріи; въ ней иконостасъ рѣзной, золоченый, весьма изряденъ»; но со смертію его «окончилось процвѣтаніе Ростовскаго кремля, да и самое состояніе архіерейской казны, благодаря реформамъ Петра I, пришло въ скоромъ времени въ полное оскуднѣніе». Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ доходы ростовскаго митрополичьяго двора пришли въ такое печальное состояніе, что уже въ 1707 г. преемникъ Іоасафа, святитель Димитрій, вынужденъ былъ въ письмѣ къ одному московскому своему старинному другу изложить такую скромную просьбу: «и опроси чаю невеликое у благодѣтелей Алексѣя Александровича или у Василія Семеновича» (стр. 36). Послѣ наиболѣе гибельныхъ пожаровъ 1730 и 1758 гг. Ростовскій кремль восстанавливался очень плохо и медленно, да и уцѣлѣвшія его обширныя палаты требовали, по словамъ ростовскаго архіепископа Самуила Миславскаго (1776—1783), «великой суммы на содержаніе»... Съ перевесеніемъ въ 1788 г. архіерейской кафедры изъ Ростова въ Ярославль, ростовскій архіерейскій домъ отдавался въ распоряженіе ярославскаго губернатора, который «покои и кладовыя» подъ Одигитріевскою церковью обратилъ въ помѣщенія казначейства, а «подъ Красной палатой» устроилъ «склады винныя и соляныя» и т. д. «Вскоръ и кремлевскія церкви оказались «наличными» и оставлены были безъ богослуженія, а Григорьевская и Іоанно-Богословская предназначены даже къ сломкѣ и разборкѣ»... (стр. 60). Въ 1818 г. главный директоръ путей сообщенія, генералъ-лейтенантъ Бетанкуръ, проектировалъ на мѣстѣ кремля Ростовскаго «построить домъ торжища—гостиноярмарочный дворъ» (стр. 61), но, къ счастью, этотъ проектъ не осуществился.

Рядомъ съ дѣйствиємъ разрушительнаго времени, многія зданія кремля были обращены въ «склады спирта и вина, курени и ледники для трактирщиковъ» и пр.

Первая попытка къ поддержанію разрушающагося кремля была произведена въ 1824 г., при содѣйствіи ярославскаго губернатора, А. М. Безобразова, но она ограничилась лишь «устройствомъ на двухъ башняхъ близъ Іоанно-Богословской церкви деревянныхъ крышъ и окраскою самаго храма». Послѣ того только въ 1860-хъ г.г. вновь приступили, на средства ростовскаго купца И. И. Хранилова, къ обновленію церквей: Воскресенія Христова, Смоленской Божіей Матери Одигитріи, Іоанна Богослова и «Спаса на сѣняхъ». Что же касается Григорьевскаго храма, Митрополичьяго дома, Бѣлой палаты и другихъ зданій кремля, то на нихъ въ концѣ 1870-хъ г.г. «не было ни крышъ, ни потолковъ; своды во многихъ мѣстахъ совсѣмъ провалились; стѣны дали глубокія трещины; въ удаленныхъ отъ глаза человѣческаго углахъ осиротѣвшихъ развалинъ основали свои жилища птицы»... (стр. 68).

Изъ всѣхъ ученыхъ археологовъ болѣе всѣхъ, повидимому, скорбѣлъ объ этомъ предсѣдатель Московскаго археологическаго общества, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. «Его горячія, убѣдительныя рѣчи»—говоритъ А. А. Титовъ,—о священной обязанности каждаго охранять всѣми мѣрами древніе памятники родной старины открыли намъ цѣлый міръ новыхъ понятій, открыли ясно и опредѣленно, какое драгоценное наслѣдіе предковъ гибнетъ въ Ростовѣ, въ его историческомъ кремлѣ» (стр. V). Благодаря его настоянію, была образована въ 1880 г. особая коммиссія для производства и тщательной, научно обоснованной и глубоко продуманной реставраціи Ростовскаго кремля. На средства братьевъ: Евграфа и Всеволода Ивановичей Королевыхъ (а потомъ и другихъ: Кекина, Вахромѣевыхъ и проч.), ею были реставрированы: въ 1883 г.—Бѣлая палата въ томъ видѣ, какъ создалъ ее митрополитъ Іона Сысоевичъ; а въ слѣдующемъ 1884 г.—княжје терема, Іонинская палата и церковь Григорія Богослова. Послѣ этого реставрація церквей и зданій кремлевскихъ продолжалась непрерывно до конца 1896 г., когда возстановленіемъ «Іераршихъ палатъ» закончились и всѣ работы коммиссіи. «Дальнѣйшая судьба кремля,—говоритъ А. А. Титовъ,—можетъ теперь считаться до извѣстной степени обезпеченной». 4 марта 1888 г. Государемъ Императоромъ утверждены были «Правила управленія Ростовскимъ кремлемъ», который признается (первымъ пунктомъ ихъ) «церковно-историческимъ памятникомъ», имѣющимъ для своего охраненія и возстановленія особую коммиссію.

Такова въ общихъ чертахъ рассказанная намъ А. А. Титовымъ исторія возникновенія и реставраціи «Ростовскаго архіерейскаго дома», сравниваемаго еще архіепископомъ Самуиломъ по своему значенію съ «Троицкой лаврой» и «Воскресенскимъ монастыремъ Новоіерусалимскимъ». Свое изложеніе авторъ сопровождаетъ цѣлымъ рядомъ портретовъ и рисунковъ, тщательно исполненныхъ, и тѣмъ еще болѣе возвышаетъ достоинства своей книги, которая, помимо научнаго значенія, послужитъ къ возбужденію широкаго интереса и среди всѣхъ болѣе или менѣе интересующихся нашей родной стариной.

В. Рудаковъ.

Лицевой иконописный подлинникъ. Томъ I. Иконографія Иисуса Христа. Историческій и иконографическій очеркъ, сочиненіе академика Н. Кондакова, съ 116 рисунками. Атласъ таблицъ: 14 цвѣтныхъ автотипій, 5 гелиографюръ, 40 фототипій, 84 литографическія таблицы. Изданіе высочайше утвержденнаго комитета попечительства о русской иконописи. Спб. 1905.

Должна ли икона быть въ то же время и художественной картиной, могутъ ли иконографія удовлетворять требованіямъ живописи — свободной и индивидуальной, свободенъ ли иконописецъ въ выборѣ сюжетовъ и трактовкѣ типовъ? Эти вопросы, тѣсно связанные между собой, такъ же стары, какъ стара и самая религія. И, несмотря на долгое существованіе религіи и церковной живописи, какъ ея непрерывной служительницы; несмотря на то, что подобные вопросы поднимались не разъ, при разныхъ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ; несмотря на то, что много разъ иконографіи отказывали въ причисленіи ея къ области искусства и называли ее простымъ мастерствомъ, — этотъ вопросъ все-таки остается новымъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ начинается «искусство», и гдѣ оканчивается «мастерство»? Какая грань отдѣляетъ художника-артиста отъ ремесленника-промышленника? Въ чемъ заключается переходъ отъ живописной картины къ иконѣ и наоборотъ? Намъ кажется, что подобные вопросы отдають такой праздною схоластикой, что споръ переходитъ въ одну игру словъ, и остается одно рѣшеніе: опредѣлить цѣли религіознаго искусства и только изъ нихъ выводить цѣлесообразность каждаго отдѣльнаго произведенія этого искусства. Консервативная по своей сущности, построенная по старой системѣ, таинственная по своему самоопредѣленію и заключенная въ опредѣленные рамки неизблемыхъ догматовъ и обрядовыхъ традицій, — всякая идеальная религія должна наложить суровую, съ точки зрѣнія искусства свѣтскаго, руку на искусство церковное. Отсюда само собой понятно, что въ немъ нѣтъ мѣста свободѣ фантазіи и личнымъ вкусамъ, оригинальности въ трактовкѣ и реализму въ передачѣ и т. д. Поскольку неизмѣнна религія, какъ мистическое единеніе небснаго міра съ земнымъ, постольку и служительница ея, иконографія, должна обращать свои взоры не впередъ, а назадъ къ старинѣ, къ той старинѣ, которая освящена вѣками и канонизована традиціями. Даже элементъ «живописи» не всегда составляетъ безусловный плюсъ въ ней. Разъ христіанская икона представляетъ идеальное «подобіе», то всякій реализмъ, естественно, влечетъ за собой пониженіе представленія высшаго религіознаго идеала, и икона перестаетъ быть таковой. Академикъ Н. П. Кондаковъ очень удачно характеризуетъ ошибки въ попыткахъ живописцевъ средней и западной Европы выработать «натуралистическій» типъ Спасителя. Получается «низменная вульгарность», «грубо-реальный типъ» и т. д. «Сѣверная и южная живопись, — говоритъ онъ, — какъ бы прилагають особенныя усилія, чтобы разойтись возможно дальше въ пониманіи и представленіи образа Спасителя: первая стремится самою низменностью реальнаго образца приблизить Спасителя къ земной дѣйствительности, а вторая пытается возвеличить традиціонный образъ, доведя его до крайней

степени отвлеченности. Образъ Спасителя интересуеъ позднѣйшихъ живописцевъ—Гвидо-Рени, Паоло Веронезе, Веласкеса, Мурильо и Рубенса—зачастую, какъ фигура, тѣло которой надо выписывать съ натурщика въ Распятіи. Весьма рѣдко живописцу удается достигнуть глубокихъ чувствъ въ образѣ Спасителя. Въ томъ же раздвоенномъ положеніи остается живопись по отношенію къ идеалу Спасителя до настоящаго времени, или повторяя лишенный содержанія традиціонный шаблонъ, или придумывая натуралистическія подобія для этого идеала, низводя ихъ нерѣдко ниже и ниже, ища порази́ть глазъ зрителя реализмомъ изображенія и забывая, что этимъ путемъ нельзя замѣнить отсутствующій высшій идеаль» (стр. 58—59). Изъ этого ясно, что у живописи и у иконописи цѣли совершенно инныя. Иконографическіе сюжеты вырабатывались вѣками, вмѣстѣ съ формулировкой догматовъ, а потому всякія отступленія отъ нихъ въ сторону «самомышленія» равносильны произволу толкованія самыхъ догматовъ.

Мы остановились на общей характеристикѣ иконописи потому, что у насъ въ обществѣ далеко не многіе понимаютъ всю разумность, всю жизненность и величавое обаяніе старины; что на ея «застывшія» формы обыкновенно смотрятъ, какъ на нѣчто мертвенное и неподвижное по духу и содержанію; что извѣстіе о началѣ изданія «Иконописнаго лицевого подлинника» въ прессѣ было понято, какъ желаніе комитета попечительства о русской иконописи совершенно ограничить творчество нашихъ иконописцевъ и тѣмъ установить какой-то шаблонъ, стереотипъ, цензуру и т. п. Это невярно, и каждый, кто понимаетъ духъ національной старины, — пойметъ и цѣль грандіознаго изданія: не подчинять этого творчества какому-то насильственнымъ требованіямъ, а предоставить лишь богатый матеріалъ для изученія иконописцами родной старины, дать неисчерпаемый источникъ для вдохновенія иконописцевъ, собрать лучшіе образцы «пресловутихъ» (по древней терминологіи) мастеровъ-художниковъ. Такимъ образомъ, все изданіе преслѣдуетъ прежде всего археологическія цѣли, а добровольныя подражанія глубоко-національнымъ и высоко-религіознымъ образцамъ художественной старины, естественно, могутъ только упорядочить кустарное производство иконъ и обезпечить дальнѣйшее развитіе «народной» иконописи на началахъ религіозно-національныхъ. Указанныя соображенія настолько просты и ясны, что появленіе Подлинника можно только приветствовать и пожелать скораго выхода остальныхъ томовъ.

По научности и изяществу это изданіе стоитъ особнякомъ и освобождаетъ самаго строгаго критика отъ необходимости подробнаго разбора изданія со стороны исторической и эстетической, а разнообразіе иконографическаго матеріала, принадлежащаго разнымъ эпохамъ и разнымъ школамъ, еще разъ показываетъ, что комитетъ не имѣетъ въ виду никакихъ ограничительныхъ тенденцій. Обратившійся же къ Подлиннику мастеръ или заказчикъ иконъ найдеть здѣсь нѣсколько десятковъ образцовъ одного и того же сюжета и такимъ образомъ имѣетъ полную возможность остановиться на томъ, что покажется ему болѣе древнимъ или возвышеннымъ, болѣе красивымъ или величавымъ, болѣе національнымъ или общечеловѣческимъ, болѣе типичнымъ или индивидуальнымъ и т. д. Обширное предисловіе академика П. П. Кондакова

написано съ глубокимъ знаніемъ предмета, доступно, мѣстами красиво и сопровождается массою иллюстрацій, дающихъ въ общемъ ясную и демонстративную картину разнообразныхъ историческихъ изображеній Спасителя на востокѣ и на западѣ, въ мозаикѣ, на фрескахъ, въ станковой живописи и подѣлкахъ художественной промышленности. Оно заключаетъ въ себѣ два большіе отдѣла: «Историческій очеркъ» и «Иконографическій очеркъ», за которыми слѣдуетъ объяснительный указатель. Изданіе стоитъ 25 рублей, и, зная стоимость артистическихъ воспроизведеній, особенно красками, цѣну огромнаго альбома около 150 таблицъ слѣдуетъ считать невысокой.

А. И. Яцимирскій.

Рожковъ, Н. Историческіе и социологическіе очерки. Сборникъ статей, ч. I. Изданіе И. К. Шамова. М. 1906.

Въ этой книгѣ собраны статьи г. Рожкова, печатавшіяся въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ разныхъ повременныхъ изданій. Статьи въ интересахъ читателя раздѣлены на двѣ части: въ первой помѣщены статьи болѣе общаго характера, рассчитанныя на широкіе круги читающей публики, во второй — болѣе спеціальныя. Само собою разумѣется, — поясняетъ авторъ въ предисловіи, — предлагаемый сборникъ не включаетъ въ себя всего, напечатаннаго авторомъ за время его литературной дѣятельности; сюда не вошли большіе труды, какъ «Сельское хозяйство Московской Руси XVI вѣка», «Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія», а также и нѣкоторыя брошюры.

Въ сборникѣ напечатаны статьи довольно разнообразнаго характера, хотя съ значительнымъ преобладаніемъ статей по историко-экономическимъ вопросамъ. Въ немъ помѣщены: 1 — Исторія, мораль и политика (1 — 19 стр.); 2 — Научное міросозерцаніе и исторія; 3 — Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи (29 — 46); 4 — Сельское хозяйство въ Московской Руси и его вліяніе на социальную-политическій строй того времени; 5 — Развитие экономическихъ и социальныхъ отношеній въ Россіи XIX в. (81 — 102); 6 — Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи; 7 — Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ новой Россіи (133 — 164); 8 — Психологія характера и социологія (165 — 259).

Изъ статей историческихъ наиболѣе любопытны статьи о формахъ землевладѣнія въ древней и новой Россіи. Здѣсь авторъ пытается установить связь между формой землевладѣнія и господствующей системой народнаго хозяйства. Вкратцѣ содержаніе ихъ таково. «Основнымъ элементомъ всего хозяйственнаго развитія новой, какъ и древней Россіи, — говоритъ г. Рожковъ (прямѣняя къ исторіи Россіи выводъ М. Ковалевскаго о значеніи плотности населенія для народнаго хозяйства см. «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства»), — оставался ростъ населенія. Непосредственными проявленіями этого роста населенія были постепенное распространеніе земледѣлія на всю почти территорію страны и зарожденіе и медленное развитіе денежнаго хозяйства, разчитаннаго при томъ на болѣе или менѣе обширный рынокъ.

Соотвѣтственно измѣненію въ системѣ народнаго хозяйства измѣнялись и формы землевладѣнія. Сначала, на зарѣ исторіи, въ первую стадію развитія народнаго хозяйства, когда населеніе чрезвычайно рѣдко, и главной отраслью народнаго производства является добывающая промышленность, всюду господствуетъ вольное землепользованіе. Вторая стадія въ развитіи натурального хозяйства, отличающаяся начавшейся борьбой земледѣлія съ добывающей промышленностью, отмѣчена преобладаніемъ складническаго или сябриннаго землевладѣнія. Наконецъ, съ побѣдой земледѣлія наступаетъ третья и послѣдняя стадія въ развитіи натурального хозяйства, типическими для этой стадіи формами землевладѣнія надо считать помѣстье и монастырскую вотчину». Со второй половины XVI в. въ Россіи начинается зарождающееся денежное хозяйство, которому прежнее натуральное мало-по-малу уступило свое господствующее положеніе. Подъ влияніемъ этой новой формы народнаго хозяйства, въ связи съ господствомъ земледѣлія въ области формъ землевладѣнія и въ организациіи народнаго труда, обнаружилось два параллельныхъ ряда послѣдствій. Первый рядъ состоитъ въ смѣнѣ несвободныхъ формъ земельного владѣнія—служилаго землевладѣнія и монастырской вотчины—полусвободными, дворянской недвижимою собственностью и государственнымъ землевладѣніемъ. Второй рядъ послѣдствій слагается, во-первыхъ, изъ крѣпостнаго права на крестьянъ, усвоившаго при этомъ характеръ личной, а не поземельной крѣпости; во-вторыхъ, изъ мірскаго общиннаго или уравнилельно-душевого крестьянскаго землепользованія. Наконецъ, съ половины XIX вѣка денежное хозяйство въ Россіи вступило во вторую стадію своего развитія, что повело, съ одной стороны, къ паденію крѣпостнаго права, съ другой, къ торжеству свободной, бессословной земельной собственности и началу разложенія мірскаго землевладѣнія.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе статей, касающихся формъ землевладѣнія. Нужно сказать, что попытка автора поставить въ связь формы землевладѣнія съ системой народнаго хозяйства довольно любопытна, хотя рѣшеніе вопроса далеко не кажется убѣдительнымъ. Прежде всего оно не вездѣ отличается послѣдовательностью. Такъ, на стр. 121 отмѣчается, что въ формахъ землевладѣнія въ концѣ XV вѣка произошелъ переходъ: «отъ сябриннаго къ подворно-участковому», а на 130 и 132 стр. настойчиво указывается, что отъ складническаго или сябриннаго землевладѣнія былъ переходъ къ землевладѣнію въ видѣ помѣстій и монастырскихъ вотчинъ. Затѣмъ утвержденіе автора, что въ XVI вѣкѣ помѣстья и монастырскія вотчины занимали большую часть территоріи Московскаго государства, является простымъ предположеніемъ: у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, касающихся всей Россіи, а цифровыя указанія относительно отдѣльныхъ мѣстностей, при приложеніи ихъ ко всей территоріи, могутъ привести лишь къ совершенно произвольнымъ выводамъ. При чтеніи статей о формахъ землевладѣнія вызывается рядъ и другихъ недоумѣній.

Однако, несмотря на нѣкоторую смѣлость рѣшеній вопросовъ авторомъ и на его порой недостаточное вниманіе къ деталямъ, статьи, помѣщенные въ сборникъ, заслуживаютъ полнаго вниманія: онѣ подкупаютъ новизной мысли, широтой взглядовъ и живостью изложенія.

Историческія письма. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1905.

Эта книга принадлежит перу извѣстнаго эмигранта, соціолога-публициста П. Л. Лаврова (Арнольди, Миртовъ—псевдонимы того же автора). Она уже давно была извѣстна въ печати, сначала въ видѣ отдѣльных писемъ, помѣщенныхъ въ 1860-хъ г.г. въ «Недѣль», а потомъ въ изданіи 1870 г., которое, впрочемъ, скоро же сдѣлалось для широкаго круга читателей почти что недоступнымъ.

Въ «Историческихъ письмахъ» авторъ занимается рѣшеніемъ многихъ основныхъ вопросовъ исторіи и пытается указать мѣсто исторіи, какъ науки, въ ряду другихъ наукъ примѣнительно къ интересамъ человѣка. На вопросъ: «что ближе для современной жизни—естествознаніе или исторія?» онъ отвѣчаетъ: «основныя части естествознанія составляютъ совершенно необходимую подкладку современной жизни, но представляютъ для нея болѣе отдаленный интересъ. Что касается до высшихъ частей естествознанія, до всесторонняго изученія процессовъ и продуктовъ жизни лица и общества, то подобное изученіе стоитъ совершенно на одной ступени съ исторіей, какъ по теоретической научности, такъ и по практической полезности; нельзя сказать, что эти части естествознанія связаны съ болѣе дѣловыми вопросами для человѣка, чѣмъ исторія, но серьезное изученіе ихъ невозможно безъ изученія исторіи, и онѣ осмысливаются для читателя лишь настолько, насколько для него осмыслена исторія».

Далѣе авторъ рѣшаетъ вопросъ, что слѣдуетъ признавать историческимъ, и все ли въ прошломъ достойно вниманія историка. По его мнѣнію, къ фактамъ прошлаго, къ процессу исторіи волей-неволей приходится прилагать субъективную оцѣнку, т.-е. «усвоивъ, по степени своего нравственнаго развитія, тотъ или другой нравственный идеалъ, расположить всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или противодѣйствовали этому идеалу, и на первый планъ исторіи выставить по возможности тѣ факты, въ которыхъ это содѣйствіе или противодѣйствіе выразилось съ наибольшей яркостью» (стр. 37). Это приближеніе историческихъ фактовъ къ реальному или идеальному лучшему, по мнѣнію автора, и составляетъ для cadaго единственный смыслъ исторіи, единственный законъ исторической группировки событий,—законъ прогресса, считаемъ ли мы прогрессъ фактически непрерывнымъ или подверженнымъ колебаніямъ. Значить, по неизбѣжной необходимости человѣческаго мышленія, для человѣка процессъ исторіи всегда представляется борьбой за прогрессъ, реальнымъ или идеальнымъ развитіемъ прогрессивныхъ стремленій, прогрессивнаго пониманія, и лишь тѣ явленія были историческими въ строгомъ смыслѣ этого слова, которыя вліяли на этотъ прогрессъ.

Чтобы показать, каково содерженіе остальной части книги, мы только укажемъ на тѣ предметы, которыхъ касается авторъ. Такъ, онъ трактуетъ о роли личности въ исторіи, о силѣ критической мысли, объ обществѣ и формахъ общественности, о національности въ исторіи, о значеніи договора и закона, о государствѣ, о теоріи и практикѣ прогресса. Заканчивая книгу, авторъ

пишетъ: «Настоящее нельзя оторвать отъ минувшаго, но и минувшее потеряло бы всякое живое и реальное значеніе, если бы оно не было неразрывно связано съ настоящимъ, если бы одинъ великій процессъ не охватывалъ исторію въ ея цѣломъ». Предъ нами тѣ же задачи истины и справедливости, чтó раскрываются подъ многообразными формами прошлаго; «вопросы дня получаютъ свой дѣйствительный, существенный интересъ именно отъ тѣхъ вѣчныхъ историческихъ вопросовъ, которыхъ авторъ коснулся въ этихъ письмахъ. Читатели поймутъ, что они именно, какъ личности, должны совершить критическую работу мысли надъ современной культурой... что они именно должны противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что они именно должны образовать растущую силу для усиленнаго хода процесса».

Нѣтъ сомнѣній, что нѣкоторые вопросы, затронутые авторомъ, уже потеряли свою остроту или же рѣшаются иначе, съ другихъ точекъ зрѣнія. Напримѣръ, вопросъ объ отношеніи естествознанія къ гуманитарнымъ наукамъ (въ частности и къ исторіи), вызывавшій такъ много споровъ въ 1860-хъ г.г., въ эпоху крайняго увлеченія естественными науками, теперь уже потерялъ свое боевое значеніе. Несмотря, однако, на нѣкоторую устарѣлость, «Историческія письма» все же имѣютъ свои достоинства и теперь. Въ нихъ затронутъ цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ, которые и въ настоящую пору имѣютъ жизненное значеніе. Авторъ всюду старается внести ясность и даетъ посылные отвѣты на затронутые вопросы. Если не всегда читатель можетъ согласиться съ авторомъ, то все же книга дастъ ему нѣкоторыя откровенныя точки и будитъ мысль. Въ этомъ значеніи книги несомнѣнно. Изложеніе въ ней, соотвѣтственно самой темѣ, отвлеченно и нѣсколько суховато, но читается книга съ интересомъ. Съ вѣшной стороны книга издана довольно хорошо, цѣна (1 рубль) — вполне доступна.

К—въ.

В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и рассказы. Изданіе 2-е. Спб. 1905.

При появленіи на свѣтъ перваго изданія повѣстей и рассказовъ г. Грибовскаго намъ приходилось упоминать, что лишь половина книги посвящена повѣстямъ и рассказамъ собственно историческимъ, содержаніе же остальныхъ произведеній почерпнуто изъ текущей современности. Хотя съ того времени прошло не больше трехъ лѣтъ, но событія, чередовавшіяся одно за другимъ съ головокружительною быстротою, провели такую рѣзкую грань между этою недавнею современностью и являющимся ей на смѣну укладомъ жизни, что въ настоящее время, строго говоря, и большая часть произведеній автора, относящихся къ послѣдней категоріи (кромѣ двухъ-трехъ этюдовъ психологическаго характера), можетъ быть отвесена уже къ разряду повѣствованій, имѣющихъ значеніе историческое. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе должно быть удѣлено самой крупной изъ повѣстей, носящей заглавіе «Передъ завітной дверью». Герой повѣсти, студентъ Сушковъ, подобно большинству молодыхъ людей, вступавшихъ въ жизнь въ эпоху російскаго безвременья, еще на школь-

ной скамьѣ соображаетъ, что ему выгоднѣе начать службу въ провинціи, такъ какъ это «на годъ сокращаетъ на чинъ выслугу»; онъ проникается невольнымъ почтеніемъ къ чиновнику Новомѣйскому потому только, что тотъ, имѣя всего двадцать девять лѣтъ отъ роду, «числился въ чинъ надворнаго совѣтника и получалъ чуть ли не двѣ тысячи жалованья при казенной квартирѣ». Съ практическимъ чутьемъ, свойственнымъ молодымъ людямъ такого закала, онъ понимаетъ, что «нынче трудно начать, устроиться, зацѣпиться», а потому онъ считаетъ «дѣломъ дальновидной и расчетливой политики» ухаживать заблаговременно и за своимъ дядей, занимающимъ вице-губернаторскій постъ въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ, и за упомянутымъ уже Новомѣйскимъ, правителемъ канцеляріи губернатора.

По поводу историческихъ разсказовъ г. Грибовскаго: «Душа женщины», «Алмазъ изъ рода Гиреевъ» и др.,—слѣдуетъ отмѣтить, какъ характерную ихъ особенность, что авторъ избѣгаетъ избитыхъ сюжетовъ и предпочитаетъ ходить по непротореннымъ дорожкамъ. Такъ, дѣйствіе повѣсти «Душа женщины» развивается на фонѣ живыми чертами нарисованной картины быта и нравовъ Ягеллонскаго университета XVI вѣка. Университетъ этотъ, основанный въ Краковѣ Казимиромъ Великимъ по образцу высшихъ школъ Болоньи и Парижа, впитавшій въ себя насимъ особый духъ германскихъ университетскихъ корпорацій и за долгіе годы своего существованія выставившій цѣлый рядъ выдающихся теологовъ, философовъ и юристовъ, въ описываемую авторомъ эпоху переживалъ періодъ упадка. Тѣмъ болѣе рельефной представляется фигура самаго интереснаго изъ дѣйствующихъ лицъ, «еретика и чернокнижника», профессора Костки, который въ стремленіи къ проникновенію въ самыя сокровенныя тайны природы рѣшается, для того, чтобы познать «тайну вѣчнаго возрожденія», вызвать при помощи заклинаній «душу женщины», такъ какъ она одна можетъ освѣтить этотъ вопросъ. Въ обработкѣ крымской легенды «Алмазъ изъ рода Гиреевъ» авторъ выказалъ много поэтического чутья, и вмѣстѣ съ тѣмъ его ханы, муллы, пѣвцы, начальники ханскихъ рабовъ и др., равно какъ гаремныя обитательницы, являются ли онѣ въ видѣ бедуинки Зайнадъ, бойкой, живой и остроумной, или въ образѣ ханской дочери Амдэ, нашедшей въ своей безумной страсти свою погибель,—не манекены, наряженные въ татарскіе костюмы, а живыя лица.

Н. В—ль.

Д. Садовниковъ. Наши землепроходцы. Разказы о заселеніи Сибири. Москва. 1905.

Трудъ Садовникова посвященъ описанію постепеннаго «прохожденія» и заселенія Сибири. Основываясь на «Дополненіяхъ къ историческимъ актамъ» и на трудахъ Фишера, Миллера, Карамзина, Словцова, Соловьева и другихъ, авторъ описываетъ въ популярной формѣ походы Ермака, Власьева, Бугора, Пояркова, Хабарова, Нагибы, Степанова, Бузы, Балдакова, Дежнева, Стадухина, Морозка, Атласова и Андиферова. Свою работу составитель предназначаетъ для широкой публики и, главнымъ образомъ, для юношества.

Можно утверждать, что важную задачу для популяризатора — совмѣстить художественное изложеніе съ общедоступностью и научностью, Садовниковъ рѣшилъ вполне. Онъ сумѣлъ изложить историческіе факты въ художественной формѣ, въ простыхъ, но яркихъ картинахъ представить походы нашихъ первыхъ колонизаторовъ Сибири, изобразить всѣ тѣ преграды, которыя имъ пришлось одолѣть, тѣ непоимѣрные усилія, жертвы, дѣлю которыхъ куплено «прохожденіе». Кроме того, авторъ идейно освѣтилъ этотъ матеріалъ: рисуя грандіозность борьбы человѣка съ природой, онъ показываетъ, что человѣкъ можетъ выигрывать изъ нея побѣдителемъ, нужно только приложить извѣстныя усилія, смѣло идти къ намѣченной дѣли.

Въ большую заслугу Садовникову можно поставить еще то, что онъ сумѣлъ удержаться на почвѣ научной объективности, дать вѣрную характеристику тѣхъ мотивовъ, которые руководили нашими колонизаторами. Отмѣчая привлекательныя черты русскихъ землепроходцевъ — непреклонное стремленіе къ осуществленію намѣченныхъ плановъ, самоотверженіе и мужество, авторъ не утаиваетъ ихъ дурныхъ сторонъ — жестокости по отношенію къ покореннымъ инвертамъ, приводившей къ тому, что дѣльныя племена въ продолженіе немногихъ лѣтъ совершенно вымирали. Всѣ эти достоинства ставятъ работу Садовникова на ряду съ лучшими нашими популярными трудами, дѣлаютъ ее очень полезной книгой, появленіе которой намъ остается только приветствовать.

А. Фоминъ.

В. Горленко. Отблески. Замятки по словесности и искусству.
Спб. 1905.

Въ сборникъ В. Горленка вошли 23 статьи самаго разнообразнаго содержанія и достоинства, но, собранныя вмѣстѣ, овѣ много выигрываютъ и представляютъ извѣстный интересъ. Хорошо зная иностранные языки, авторъ ставитъ своею дѣлюю въ дѣломъ рядѣ очерковъ познакомить русскаго читателя съ отзывами заграничныхъ критиковъ о нашихъ писателяхъ, даетъ одѣнку переводовъ произведеній послѣднихъ на иностранные языки, знакомитъ съ новинками заграничнаго книжнаго рынка — съ изслѣдованіями и монографіями о выдающихся дѣятеляхъ Запада. Кроме того, авторъ даетъ нѣсколько очерковъ по русской и малорусской литературѣ и исторіи. Къ послѣднимъ относятся: «Къ біографіямъ графа А. К. Толстого», «Яковъ Старостинъ», «Записки Филиппа Орлика», «И. П. Котляревскій» и др.

Не имѣя возможности въ краткой рецензіи передать содержаніе всѣхъ статей и замѣтокъ г. Горленка, остановимся на наиболѣе интересныхъ. Такой является, прежде всего, статья: «Гоголь и иностранцы», въ которой авторъ разсматриваетъ отзывы иностранныхъ критиковъ о творцѣ «Мертвыхъ душъ». Сюда вошли отзывы Сентъ-Бѣва, Мериме, Цабеля, Дююп, Валишевскаго, де-Вогюэ и др. Односторонность сужденій критиковъ г. Горленко приписываетъ, съ одной стороны, ихъ незнакомству съ бытовыми условіями, въ обстановкѣ которыхъ работалъ Гоголь, съ другой, — неудовлетворительнымъ переводамъ произведеній послѣдняго. Чгобы дать общее представленіе о качествѣ переводовъ

произведеній русскихъ писателей на иностранные языки, авторъ въ другой статьѣ—«Переводчики-обрусители», разсматриваетъ цѣлый рядъ ихъ. Не говоря уже о томъ, что большинство переводчиковъ совершенно не передаютъ настроенія писателя, ихъ переводы даже со стилистической и лектической стороны полны грубыхъ ошибокъ. Это, прежде всего, надо сказать о переводахъ Гальперина-Каменскаго, Гольшмана, Ивана Странника, Биштока и др. Только за послѣднее время появляются хорошіе переводчики, ставящіе главной цѣлью своихъ трудовъ не коммерческую выгоду, а болѣе высокія цѣли. Такими являются Дени Рошъ, Жюль Лепри, Широль и др.

Большое вниманіе удѣляетъ г. Горленко обрисовкѣ душевныхъ слабостей и романовъ знаменитыхъ людей. Въ этомъ отношеніи очень интересны очерки, обрисовывающіе отношенія къ женщинамъ Бальзака, Бетховена, Шопена. Не менѣе интересна статья: «Собственные романы романистки», въ которой авторъ затрагиваетъ любовныя увлеченія г-жи Стааль, стремится дать психологическій анализъ души знаменитой женщины—вождя сентиментализма.

Въ статьѣ «Новое поколѣніе» г. Горленко разсматриваетъ произведенія современныхъ русскихъ писательницъ. Основываясь на нѣсколькихъ произведеніяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера совершенно неизвѣстныхъ авторовъ, какъ, на примѣръ, г-жъ Мятлевой, Юшковой, Иноземцевой, Иларіоновой и др., онъ дѣлаетъ слишкомъ необыкновенное обобщеніе. Оказывается, что Росточина, Марко-Вовчекъ, Кохановская «писали потому, что такъ имъ велѣло предопредѣленіе свыше», современныхъ же писательницъ такая судьба не постигла, и ихъ произведенія, на взглядъ автора, какой-то младенческій бредъ. Такое утвержденіе совершенно неправильно. Въ настоящее время на литературной нивѣ работаетъ масса писательницъ, которыя, если и не внесли новыхъ мотивовъ въ русскую литературу, то отказать имъ въ талантливости нельзя.

Въ своихъ очеркахъ авторъ не высказываетъ оригинальныхъ мыслей, въ большинствѣ случаевъ, онъ даетъ компиляціи, передаетъ содержаніе взглядовъ, высказанныхъ другими. Но его статьи, написанныя живо и литературно, тѣмъ не менѣе, представляютъ извѣстный интересъ для читателя средняго круга.

А. Фоминовъ.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

Лекціи профессоровъ. Изданіе Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1905.

Въ предисловіи редакторъ этого сборника лекцій, М. Ковалевскій, знакомитъ читателей съ характеромъ того преподаванія, которое ведется въ Парижской школѣ общественныхъ наукъ. Здѣсь преподаваніе, по примѣру высшихъ школъ Франціи, «никогда не носило характера того сообщенія элементарныхъ знаній по всѣмъ рѣшительно вопросамъ, входящимъ въ официальные программы, съ которыми, повидимому, доселѣ связываютъ въ Россіи представленіе о полнотѣ и систематичности. Мы ожидали и ожидаемъ отъ нашихъ слушателей нѣкоторой самостоятельности». «Многіе изъ насъ, — говоритъ профессоръ М. Ковалевскій, — на себѣ испытали всѣ неудобства, связанныя съ тѣмъ порядкомъ, при которомъ изъ года въ годъ и на разстояніи нерѣдко 30 лѣтъ

читается по пожелтѣвшимъ запискамъ курсъ, имѣющей въ виду дать посильный отвѣтъ на всѣ вопросы постоянно двигающейся и развивающейся науки». Не такъ ведется дѣло въ высшей школѣ общественныхъ наукъ. Здѣсь предоставляется широкій просторъ профессору избрать для лекцій болѣе или менѣе обширный, интересующій его, отдѣлъ науки (или какой либо частный вопросъ) и на немъ сосредоточить вниманіе слушателей; изученіе же другихъ отдѣловъ науки предоставляется самодѣтельности учащихся подъ общимъ руководствомъ профессора. Нѣтъ сомнѣній, что при такой постановкѣ дѣла профессоръ имѣеть возможность читать о многихъ вопросахъ, дающихъ отвѣты на современные запросы жизни, и тѣмъ самымъ показывать, такъ сказать, біеніе пульса науки.

По составу своему сборникъ лекцій не претендуетъ на строгую систематичность и законченность. Помѣщенные въ немъ статьи раздѣлены на четыре отдѣла: соціологіи, исторіи философіи, экономики, права и политики. Въ первомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія статьи: Габріэля Тарда—«Теорія психическихъ воздѣйствій» (3—31); Е. де-Роберти—«Къ оцѣнкѣ основныхъ предпосылокъ соціологической теоріи Карла Маркса» (32—57); М. Ковалевскаго—«Соціальная доктрина Спенсера»; Л. Шейниса—«Къ исторіи самоубійства» (58—84).

Во второмъ отдѣлѣ: Виктора Аври—«Философія Лейбница и современная энергетика» (115—134); В. Баша—«Столѣтняя годовщина Канта» (135—156); Вл. Лесевича—«Отъ Огюста Кюпта къ Авенаріусу» (157—183).

Въ отдѣлѣ экономики помѣщены: Шарля Жюда—«Возникновеніе и развитіе соціальной экономіи въ XIX вѣкѣ»; Ренэ Вормса—«Методы научнаго анализа въ обществовѣдѣніи» (212—243); М. Ковалевскаго—«Исходные моменты въ развитіи капиталистическаго хозяйства»; А. Чупрова—«Мелкое землевладѣніе и его основныя нужды» (274—391).

Въ четвертомъ отдѣлѣ права и политики: Тарбуриеша—«Понятія индивидуальной и коллективной собственности»; Ю. Гамбарова—«Право собственности» (434—496); М. Ковалевскаго—«Взглядъ на общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX вѣка»; П. Виноградова—«Кризисъ англійскаго правовѣдѣнія» (531—541); А. Трачевскаго—«Историческій ли народъ японцы?»; М. Тамамшева—«Знакомство и сношенія Россіи съ Грузіей и армянами до Петра Великаго» (576—595 стр.).

Таковъ рядъ крупныхъ вопросовъ первостепенной важности, которые трактуются въ статьяхъ сборника. Изъ нихъ особенно нужно отмѣтить вопросы о природѣ собственности и государства, о преимуществахъ и недостаткахъ тѣхъ или другихъ формъ правленія, объ условіяхъ, дозволяющихъ примирить законность со свободой, и вопросы о нуждахъ сельскаго хозяйства и рабочаго законодательства. Все это такіе вопросы, которые, какъ нельзя лучше, отвѣчаютъ запросамъ широкихъ круговъ русскаго общества. А потому можно только привѣтствовать появленіе сборника, гдѣ трактуются многія темы, затрагивающія современность. Имена составителей сборника, глубокихъ специалистовъ своего дѣла, ручаются за то, что читатель найдетъ здѣсь много для себя новаго и поучительнаго. Къ этому считаемъ нужнымъ для свѣдѣнія прибавить, что

нѣкоторыя статьи сборника написаны далеко не популярно: для ихъ пониманія требуется нѣкоторая спеціальная подготовка или, по меньшей мѣрѣ, самое серіозное вниманіе и вдумчивость, читаются онѣ не очень легко.

М. К.

В. Ө. Дерюжинскій. Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906.

Не всѣ историческіе очерки, собранные въ книгѣ профессора Дерюжинскаго, самостоятельныя изслѣдованія, нѣкоторые—только хорошее изложеніе иностранныхъ книгъ, но всѣ они интересны и появляются очень кстати. Авторъ справедливо полагаетъ, что знакомство съ политической исторіей другихъ народовъ составляетъ одну изъ главныхъ потребностей русскаго общества, и что изъ области политической исторіи особеннаго вниманія заслуживаетъ развитие политической свободы.

Нѣкоторые выводы, которыхъ не дѣлаетъ авторъ, напрашиваются сами собой. У насъ многіе думаютъ, что безъ революціи Европа не получила бы свободы, и при этомъ обыкновенно имѣютъ въ виду Францію. Но въ Англіи свобода личности, свобода собраній, свобода печати завоеваны постепенно мирной борьбой въ парламентѣ и путемъ медленной эволюціи.

Митинги явились неизбежнымъ слѣдствіемъ выборовъ въ парламентъ, однако въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX правительство считало митинги опаснымъ оружіемъ въ рукахъ общества и старалось ихъ ограничить. Король англійскій Георгъ III, царствовавшій въ концѣ XVIII вѣка, заявилъ, что не намѣренъ допускать какихъ либо проявленій независимости со стороны народа ни въ области публичнаго выраженія взглядовъ населенія на политическія мѣропріятія, ни тѣмъ болѣе какихъ либо активныхъ стремленій. Въ 1781 г. въ парламентѣ многіе ораторы говорили, что митинги и союзы—опасное орудіе общественнаго возбужденія. Въ 1793 г. въ Лондонѣ собрался первый публичный митингъ на открытомъ воздухѣ. Вскорѣ послѣ этого въ палатѣ прошелъ законъ, направленный противъ митинговъ. Законъ этотъ подвергалъ свободу митинговъ такимъ стѣсненіямъ, что право публичнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ было фактически упразднено. Иногда собранія разговялись вооруженной силой безъ достаточнаго основанія. Въ 1819 г. на многолюдный митингъ, который велся въ большемъ порядкѣ, посланъ былъ отрядъ кавалеріи, онъ ворвался въ безоружную толпу и вызвалъ смятеніе, въ результатѣ оказалось 11 убитыхъ и около 500 раненыхъ. Это ничѣмъ не вызванное насиліе произвело во всей Англіи очень сильное впечатлѣніе, выразившееся въ безчисленномъ рядѣ митинговъ негодованія. Въ 1825 г. всѣ исключительные законы, направленные противъ митинговъ, были отмѣнены, и съ этихъ поръ свобода собраній ничѣмъ не ограничивается.

Постепенно безъ всякаго кровопролитія шла въ Англіи демократизація политическаго строя. Важнѣйшими актами этого процесса являются безспорно три парламентскія реформы, изъ которыхъ каждая знаменовала собою новый шагъ на пути отъ режима аристократической олигархіи къ водворенію демо-

кратическаго строя. Реформа 1832 г. надѣлила избирательными правами средніе классы, реформа 1867 г. привлекла къ участию въ политическихъ дѣлахъ слишкомъ миллионъ гражданъ изъ низшихъ городскихъ классовъ, реформа 1885 г. увеличила контингентъ избирателей $2\frac{1}{2}$ миллионами сельскихъ рабочихъ. Тогда какъ до реформы 1832 г. число избирателей немногимъ превышало полъ-милліона, въ избирательныхъ спискахъ 1892 г. значилось болѣе 6 милліоновъ.

Всеобщее избирательное право нигдѣ не вводилось сразу.

Точно также и свобода печати въ Англіи есть слѣдствіе культурнаго развитія страны, а не завоеваніе революціонеровъ. Въ Англіи въ противоположность всей Европѣ совсѣмъ нѣтъ законовъ о печати.

По словамъ профессора Дерюжинскаго, свобода печати въ Англіи — не что иное, какъ проявленіе общаго принципа, по которому никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ за извѣстное определенное нарушеніе закона, — принципа, исключающаго, какъ цензуру, такъ и другія ограниченія въ родѣ залоговъ. Англійское право предоставляетъ каждому говорить, писать и издавать все, что онъ пожелаетъ, но тотъ, кто употребить во зло эту свободу, подлежитъ наказанію. Если онъ несправедливо нападаетъ на кого либо, обиженный можетъ искать убытки. Если же написанное или напечатанное обязываетъ въ себѣ государственную измѣну или безнравственные вещи, то виновный подлежитъ за свое преступленіе уголовному преслѣдованію. Одна изъ главныхъ особенностей англійской печати состоитъ въ томъ, что печать подлежитъ дѣйствию обыкновеннаго закона страны. Въ связи съ этимъ находится и другая основная черта, характеристичная для положенія печати въ Англіи, а именно, что преступленія печати вѣдаются и наказуются только обыкновенными судами страны, т.-е. судьями при непремѣнномъ участіи присяжныхъ. Судъ присяжныхъ — вотъ истинная основа свободы печати въ Англіи. Положеніе англійской печати въ ея прошломъ и настоящемъ приводитъ къ твердому убѣжденію, что вполне свободной печать можетъ быть лишь тогда, когда рѣшеніе вопроса объ оскорбительности, безнравственности или преступности ея произведеній принадлежитъ безпристрастнымъ и независимымъ представителямъ общественной совѣсти.

Свобода печати, завоеванная великой французской революціей, оказалась очень непрочнымъ приобрѣтеніемъ и просуществовала всего 10 лѣтъ. Терроръ привелъ къ деспотизму Наполеона, и тогда, когда онъ не былъ еще императоромъ, а только консуломъ, онъ начинаетъ притѣснять печать. Въ 1800 г., принимая во вниманіе, что многія газеты являются лишь орудіемъ въ рукахъ враговъ республики, и что правительство облечено французскимъ народомъ обязанностями заботиться о его безопасности, консулъ счелъ за благо закрыть 60 газетъ изъ 73, издававшихся въ Парижѣ. Стремленіе Наполеона подавлять все, что казалось ему противоправительственнымъ, доходило до того, что даже такое консервативное и благонамѣренное учрежденіе, какъ академія, навлекло на себя неудовольствіе императора. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждено было главное управленіе по дѣламъ печати и книжной торговли. Право на содержаніе типографій выдавалось лишь тому, кто докажетъ свою нравоспособность, добрые нравы и преданность отечеству и монарху. Воспре-

палось печатать все, что противно обязанностямъ подданныхъ по отношенію къ монарху и государственному интересу. Нѣкоторыя газеты преувеличили разъ издержки императорскаго двора, и вотъ Наполеонъ пишетъ министру полиціи: «Укротите газеты, пусть тамъ появляются хорошія статьи. Дайте понять редакторамъ газетъ, что не далеко то время, когда я, замѣчая, что онѣ бесполезны мнѣ, закрою ихъ, что я никогда не потеряю, чтобы мои газеты говорили и дѣйствовали противъ моихъ интересовъ, что редакторы могутъ выпускать ядовитыя статейки, но пусть знаютъ, что въ одно прекрасное утро имъ замкнутъ рты». Наполеонъ находилъ, что въ провинціи газетъ слишкомъ много, и издалъ декретъ, предписывавшій, чтобы въ каждомъ департаментѣ издавалось не болѣе одной политической газеты. Въ результатъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, по замѣчанію французскаго историка Вельшингера, мысль была изгнана изъ политической прессы, сколько нибудь талантливые люди оставили ее. Малѣйшая крупца независимости, самый незначительный грѣшокъ стали уголовными преступленіями. Честное обсужденіе текущаго положенія дѣлъ стало рѣшительно невозможнымъ, почти столь же невозможными сдѣлались и историческія изысканія, такъ какъ вездѣ полиція и цензура умѣли находить вредныя мысли, коварныя намеки. Государственные тюрьмы при Наполеонѣ были переполнены литераторами и публицистами.

П. В.

Веньяминъ Эндрузъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междуусобной войны 1861—1862 г.г. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго Е. А. Гурвичъ. Спб. 1905.

Переводчица говорить въ предисловіи, что Эндрузъ не задавался цѣлью писать философію исторіи, а довольствовался ролью лѣтописца. Дѣйствительно, едва ли книгу Эндруза можно назвать исторіей въ настоящемъ смыслѣ слова.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ конца 1860-хъ г.г., т.-е. съ перваго президентства генерала Гранта, и доводитъ его до 1903 г., когда президентомъ уже былъ Рузвельтъ. Авторъ собралъ самый разнообразный матеріалъ: здѣсь и перипетія борьбы республиканской и демократической партій при выборахъ президента и депутатовъ въ конгрессъ, и финансовыя мѣропріятія конгресса, и законодательство, и борьба расъ въ Южныхъ штатахъ, колонизація запада и столкновения съ индѣйцами, мошенническія продѣлки знаменитаго Таммани-Голля, трѣсты и рабочіе союзы, наконецъ международная полтика, которой авторъ удѣляетъ особенно много вниманія съ конца 1890-хъ г.г., когда Соединенные Штаты сдѣлались тихоокеанскою державою послѣ побѣдоносной войны съ Испаніей. Но все это изложено сбивчиво и крайне поверхностно. Авторъ просто отмѣчаетъ заинтересовавшіе его факты, не всегда соблюдая даже хронологическую послѣдовательность и не заботясь объ установленіи причинной связи между событіями. Авторъ совсѣмъ не касается духовной культуры и слишкомъ кратко и даже непонятенъ при изложеніи социальныхъ вопросовъ. Зато, какъ американца, его особенно интересуютъ чудеса промышленной техники. Поэтому онъ посвящаетъ много мѣста описанію все-

мірныхъ выставокъ и даже удѣляетъ цѣлую главу изобрѣтеніямъ Эдиссона и Тесла (гл. XXII). Такъ же живо интересуется онъ полярными экспедиціями, при чемъ XV глава, имъ посвященная, является самой интересной во всемъ сочиненіи.

Такимъ образомъ, если бы читатель обратился къ книгѣ Эндруза съ цѣлю уяснить себѣ эволюцію постепеннаго преобразованія демократіи въ имперію за послѣднія 40 лѣтъ и ограничился бы ею одной, мы очень сомнѣваемся, чтобы онъ вынесъ вполне ясное представленіе о такой эволюціи. Но, какъ пособие, книга Эндруза не лишена значенія и можетъ сослужить свою службу, такъ какъ другихъ сочиненій по новѣйшей исторіи Америки на русскомъ языкѣ нѣтъ. Къ чести автора нужно сказать, что книга отличается безпристрастіемъ и объективностью, и что авторъ сумѣлъ избѣжать искушенія сдѣлаться панегиристомъ триумфальнаго шествія капитализма и империализма.

Переводъ книги сдѣланъ вообще недурно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаетъ необходимой точности и аккуратности. Путается, напримѣръ, транскрипція собственныхъ именъ (Блейвъ и Блэвъ, Гарфилдъ и Гарфильдъ, Юва и Айова), много специфическихъ американскихъ терминовъ оставляется безъ перевода и объясненія, и въ то же время переводчица не забываетъ любезно сообщить публикѣ въ особомъ примѣчаніи, что Бѣлымъ Домомъ называется дворець президента Соединенныхъ Штатовъ. Удивило насъ также постоянное употребленіе слова «партизанскій» вмѣсто «партийный» и слишкомъ ужъ вольный переводъ выраженія «carpet-baggers» — тапкентцы. Съ этимъ Щедринскимъ понятіемъ связано такое опредѣленное по времени и мѣсту содержаніе, что едва ли удобно его примѣнять къ расовой борьбѣ въ Южныхъ штатахъ.

V.

Краковъ, jego kultura i sztuka. (Краковъ, его культура и искусство). Краковъ. 1904.

Раскинувшійся по пригоркамъ и низинамъ извилистой Вислы, живописный и оригинальный Краковъ полонъ прекрасной старины. Древніе костелы чередуются со старинными частными домами XVII, XVIII, иногда XVI вѣка, общественныя зданія тѣхъ же временъ — съ остатками древнихъ городскихъ стѣнъ, и все это оберегается съ такимъ вниманіемъ, съ такою любовью, что каждый туристъ невольно проникается любовью къ краковской старинѣ и уваженіемъ къ тѣмъ краковянамъ, которые оберегаютъ національные памятники, изучаютъ ихъ. Въ Краковѣ существуетъ специальное археологическое общество «любителей исторіи и памятниковъ Кракова» (Towarzystwo miłośników historii i zabytków Krakowa). Ежегодно оно издаетъ «Rocznik Krakowski» съ иллюстраціями, гдѣ помѣщаются статьи, касающіяся специально краковскихъ древностей. Послѣдній, шестой, томъ представляетъ первый сводъ отдѣльныхъ разысканій и имѣетъ общій интересъ. Мы отказываемся отдать предпочтеніе одной или нѣсколькимъ статьямъ разсматриваемой книги предъ остальными: всѣ онѣ имѣютъ одинаковое значеніе, всѣ написаны научно и доступно, всѣ проникнуты любовью къ польской старинѣ, столь важной для

изученія юго-западной русской археологій XVI—XVIII вв. и т. д. Статьи расположены въ системѣ. За «Историческимъ вступленіемъ» Станислава Кжижановскаго слѣдуетъ очеркъ Томковича: «Культура Кракова». Затѣмъ идутъ статьи г. Хмеля — «Организація городская и цеховъ», Коперы — «Исторія (старой архитектуры», Гурскаго — «Архитектура XIX вѣка», Мучковскаго — «Исторія скульптуры», Леншаго — «Исторія живописи» и «Художественная промышленность и торговля».

Въ художественномъ отношеніи книга не оставляетъ желать лучшаго) Кромѣ автотипій въ текстѣ, на отдѣльныхъ листахъ приложены снимки въ краскахъ, въ разнотонныхъ фототипіяхъ и т. д. Все подобрано со вкусомъ и въ то же время научно. Для тѣхъ русскихъ читателей, кто затрудняется польскимъ текстомъ, будутъ интересны рисунки: памятники церковнаго и гражданскаго зодчества, архитектурныя детали, эмблемы домовъ, скульптурныя группы, грамоты, рукописи и старопечатныя книги, портреты историческихъ лицъ, миниатюры, масляныя картины и акварели, старинныя гравюры, монеты, печати, переплеты съ тисненіями, надгробныя памятники, статуи, образцы рѣзбы по дереву и металлу, особенно — жезлы краковскихъ бургомистровъ и университетскіе цеховые ларцы и кубки, оружіе, посуда, мебель, ткани и т. д. Въ концѣ книги приложены указатели именной и предметной. Становится обидно, что у насъ нѣтъ подобныхъ монографій хотя бы о Москвѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, не говоря уже о второстепенныхъ городахъ, полныхъ старины, какъ Новгородъ, Псковъ, Владимиръ, Ярославль, Юрьевъ, Ростовъ и многіе другіе.

А. Я.

C. Mettig. Baltische Städte. Skizzen aus der Geschichte Est, Lif und Kurlands. 2-е дополн. изданіе. Рига. 1905.

Книжку г. Меттига прочтаетъ съ интересомъ и пользою каждый любитель прибалтійской старины. Далекая отъ малѣйшей тенденціозности, что выгодно выдѣляетъ ее изъ обширной мѣстной исторической литературы, она даетъ воистинѣ объективныя, сжатые, но обстоятельныя очерки изъ прошлой жизни цѣлаго ряда городовъ всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній, доводя эти очерки до нашего времени. Описаны слѣдующіе города: въ Лифляндіи — Аренсбургъ, Юрьевъ, Феллинъ, Лемзаль, Перновъ (Старый и Новый), Рига, Шлокъ, Валкъ, Венденъ, Верро и Вольмаръ; въ Эстляндіи — Балтійскій портъ, Гаусаль, Ревель, Вейсенштейнъ и Везенбергъ; въ Курляндіи — Баускъ, Фридрихштадтъ, Гольдингенъ, Гробинъ, Газенпотъ, Якобштадтъ, Либава, Митава, Полотскъ, Туккумъ и Виндава. Въ прибавленіи помѣщены очерки исторіи Кокенгузена, Роннебурга, Роопа, Двинска, Лудзена, Мемеля, Нарвы и Розитена. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ мѣстностей уже потеряли значеніе городовъ: таковы первыя три, — нѣкоторыя отдѣлились отъ территоріи древней Ливоніи: таковы — Двинскъ, Мемель и Нарва, и, наконецъ, Лудзенъ и Розитень только послѣ этого отдѣленія получили права городовъ. Всѣ эти пункты авторъ нашелъ нужнымъ выдѣлить въ особый отдѣлъ своей книжки о Балтійскихъ городахъ.

Книжка г. Меттига издана очень опрятно, въ изящномъ издательскомъ переплетѣ, съ видомъ г. Риги, а то, что первое изданіе ея было встрѣчено очень сочувственно мѣстной прессой, избалованной по части исторій своего края, это можетъ служить лучшей рекомендаціей для работы г. Меттига.

А. Э. Мальмгрень.

Feuereisen. Die livländische Geschichtsliteratur 1902. Рига. 1904.

Начиная съ 1880 г. рижская книжная фирма Киммеля издаетъ ежегодные библиографическіе обзоры исторической (въ широкомъ смыслѣ) литературы о Прибалтійскомъ краѣ, первоначально составлявшіеся К. Меттигомъ, затѣмъ—д-ромъ А. Пельхау и, наконецъ, г. Фейерейзеномъ.

Настоящій томикъ содержитъ 757 номеровъ книгъ и статей (не только изданныхъ въ 1902 г., но и раньше, но пропущенныхъ въ предыдущихъ томикахъ), при чемъ указавы и соответствующія рецензіи, замѣтки и т. д., а иногда и число экземпляровъ, въ которомъ изданы книги. Заглавія книгъ и статей на русскомъ или другихъ (не нѣмецкихъ) языкахъ тутъ же переведены на нѣмецкій языкъ.

Матеріаль разбитъ на 15 отдѣловъ: 1) библиографія, историческія общества, 2) первобытная исторія, археологія, древности, 3) изданія источниковъ и документовъ, архивы, 4) исторія, 5) церковная исторія, 6) исторія культуры, 7) языковѣдѣніе, исторія литературы, 8) исторія университетовъ и учебныхъ заведеній, 9) исторія искусства, 10) исторія права и общественнаго хозяйства, статистика, 11) географія и топографія, 12) антропология, этнографія, фольклоръ, 13) нумизматика, геральдика, сфрагистика, 14) біографіи, генеалогія, некрологи, 15) рецензіи и рефераты.

Въ приложеніяхъ помѣщена библиографія эстонской литературы за 1901 и 1902 г.г. (составл. пасторомъ Рейманомъ) и латышской литературы за 1902 г. (составл. пасторомъ Эрдманомъ), при чемъ заглавія снабжены переводомъ на нѣмецкій языкъ.

Книжка оканчивается алфавитными указателями всѣхъ упоминаемыхъ авторовъ и анонимныхъ сочиненій.

А. Э. Мальмгрень.

Russland in Asien. Band. I. Das Transcaspische Gebiet von Kraemer, königl. preussischer Generalmajor Z. D. Mit einer Uebersichtskarte und zwei Skizzen. Berlin. 1905.

Автору этой книги принадлежатъ еще шесть книгъ, касающихся водворенія русскаго владычества въ Азіи и сношеній Россіи съ Персіей и Японіей. Настоящій томъ г. Крамера, основанный на работахъ Ѳедорова («Закаспійская область», Асхабадъ, 1902), Ильенкова («Закаспійская область», Москва, 1902), Обручева, Дмитріева-Мамонова и др., заключаетъ въ себѣ 14 главъ. Авторъ обозрѣваетъ исторію завоеванія Россіей Закаспійскаго края съ географическимъ и этнографическимъ его очерками, сообщаетъ свѣдѣнія о состояніи края въ экономическомъ и торговомъ отношеніи, орошеніи, флорѣ и фаунѣ, ми-

неральных богатствахъ, народномъ образованіи. Сношенія Россіи съ туркменами завязались еще въ царствованіе Петра Великаго. Впослѣдствіи они просили русскихъ царей о принятіи ихъ въ подданство. Въ 1813 г., во время русско-персидской войны, туркмены стали на сторону русскихъ. Въ виду вторженія туркменовъ въ русскія владѣнія, въ 1874 и 1876 г.г. были предприняты походы противъ нихъ подъ начальствомъ генерала Ломакіна, который занялъ Кызыль-Арватъ, и дальнѣйшія экспедиціи привели къ занятію Теке, Ташкента, Геокъ-Тепе (подъ начальствомъ генерала Скобелева въ 1881 г.). Переходя къ сообщенію свѣдѣній о населеніи, авторъ согласно съ установившимся мнѣніемъ производитъ слово «туркмены» изъ персидскаго языка и толкуетъ въ смыслѣ «подобные туркамъ», затѣмъ касается вопроса о происхожденіи текинцевъ, ихъ религіи, нравовъ, быта.

А. Х—въ.

С. Карѣва. Школьный историческій словарь. Подъ редакціей Н. И. Карѣва. Спб. 1906.

Безспорно надобность въ подобномъ справочномъ пособіи, какъ «Школьный историческій словарь», составленный г-жею Карѣвою, ощущалась давно и весьма настоятельно. Но до сихъ поръ, къ крайнему сожалѣнію, никто не рѣшался приступить къ подобной работѣ, правда, требующей большого знанія и кропотливаго труда. Поэтому уже одно появленіе въ печати «Историческаго словаря» должно быть привѣтствовано всеми учащимися и самообучающимися, а также и любителями историческаго чтенія. Первоначально принятыя на себя задачи составительницею «Школьнаго историческаго словаря» постепенно, по мѣрѣ дальнѣйшаго хода работы, разрастались, и «въ результатъ получилось весьма значительное количество словъ, около 6.600». «Основу словаря,— читаемъ на IV страницѣ предисловія,— составляютъ собственные имена странъ, народовъ, городовъ и мѣстностей, ознаменовавшихся какими либо событіями, въ особенности же собственные имена отдѣльныхъ лицъ. Вторая категорія словъ, вошедшихъ въ составъ словаря,— историческіе факты и явленія (то-есть событія, учрежденія и т. п.). Кромѣ того, въ словарь включены объясненія научныхъ терминовъ, въ пониманіи которыхъ ученики могли бы встрѣтить затрудненія». Относительно вышеприведенной группировки и самаго состава словъ, долженствовавшихъ войти въ «Школьный историческій словарь», на нашъ взглядъ, едва ли и можно спорить. Равно, конечно, необходимо было, въ виду справочнаго характера «Словаря», ограничиться при объясненіяхъ словъ «краткими опредѣленіями, а отнюдь не статьями для чтенія». Но и въ погонѣ за «краткими опредѣленіями», по нашему крайнему убѣжденію, нужно было принять во вниманіе большее число историческихъ учебниковъ, особенно въ виду ихъ разнообразной программы, коснуться большаго числа историческихъ пособій и ничуть не стѣснять себя «объясненіями», находимыми въ школьныхъ руководствахъ (эти объясненія, впрочемъ, извлечены составительницею лишь «отчасти»). Такого рода требованія мы позволяемъ себѣ высказывать вовсе не ради упрека, а лишь изъ желанія сдѣлать подобное справочное изданіе болѣе полнымъ, болѣе цѣннымъ и пригоднымъ для возможно большаго

круга читателей справочниковъ. Намъ кажется, что и пытливаго 15-лѣтняго ученика врядъ ли вполне можетъ удовлетворить такое объясненіе слова «Декабристы», какое приведено въ «Словарѣ»; это—лица, составившія заговоръ съ цѣлью перемены государственнаго устройства въ Россіи, но потерпѣвшія пораженіе 14 декабря 1825 г., откуда и ихъ названіе... Затѣмъ не мѣшало бы при словѣ: «Миллеръ, Ѳедоръ Ивановичъ», привести и его настоящее имя Герардъ-Фридрихъ-Іоганнъ, подъ которымъ напечатаны всѣ его сочиненія; при объясненіи слова «Нимвегенскій миръ»—подробнѣе коснуться его условій, а именно послѣ Франшъ-Контэ назвать и другія крѣпости (всѣхъ ихъ было 12) и города (Валансьенъ и Фрейбургъ), которые получила Франція; упомянуть хотя бы одного графа Петра Андреевича Толстого (1645—1729) и др. Не имѣя цѣли въ настоящей замѣткѣ дополнять и исправлять «Словарь», замѣтимъ, что даже бѣглое знакомство съ нимъ вызываетъ желаніе по возможности расширить его содержаніе, потому что въ болѣе распространенномъ видѣ «Словарь» этотъ скорѣе станетъ необходимой настольной книгой не только для учащихся, но и для всѣхъ любителей историческаго чтенія. Правильно поставленный въ своей основѣ, изложенный сжатымъ, но и легкимъ литературнымъ языкомъ и безукоризненно изданный съ внѣшней стороны (почти полное отсутствіе опечатокъ) «Школьный историческій словарь» г-жи Карѣевой долженъ занять видное мѣсто среди нашихъ историческихъ справочныхъ пособій и при своихъ дальнѣйшихъ изданіяхъ безспорно расширится въ своемъ содержаніи, оставаясь при той же 2-рублевой цѣнѣ.

В. Р—въ.

Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края. Ананьинскій могильникъ. Очеркъ. Составленъ В. Ф. Кудрявцевымъ. Выпускъ IV. Вятка. 1905.

Первые три выпуска названнаго труда вышли отдѣльными отгисками (Вятка, 1897, 1898, 1901) изъ «Календаря Вятской губерніи». Въ этомъ трудѣ В. Ф. Кудрявцевъ на основаніи памятниковъ старины, преданій и легендъ знакомитъ съ исторіей Прикамскаго края, преимущественно Вятской губерніи.

Недавно вышедшій въ свѣтъ четвертый выпускъ посвященъ Ананьинскому могильнику, находящемуся въ окрестностяхъ города Елабуги. Этотъ могильникъ, по словамъ барона де-Бая, «одинъ изъ самыхъ интересныхъ некрополисовъ, находящихся въ Россіи». Г. Кудрявцевъ описываетъ могильникъ, даетъ подробное описаніе раскопокъ и ихъ результатовъ.

Книжку, безъ сомнѣнія, многіе прочтутъ съ удовольствіемъ. Д—ій.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1905 г. Выпускъ III. Вятка. 1905.

Только что открывшаяся въ ноябрѣ 1904 г. Вятская ученая архивная комиссія выпускаетъ въ свѣтъ въ теченіе менѣе, чѣмъ года, уже третій выпускъ своихъ «Трудовъ». О первыхъ двухъ мы говорили на страницахъ

«Историческаго Вѣстника» (июль, 1905 г.). Главное содержаніе настоящаго третьяго выпуска «Трудовъ» составляетъ «Повѣсть о странѣ Вятской», или «Вятскій лѣтописецъ». Исслѣдователь и «издатель» ея, А. С. Верещагинъ, предпослалъ «Повѣсти» «предисловіе», въ которомъ трактуеть, главнымъ образомъ, о дошедшихъ до насъ пяти спискахъ ея, а вслѣдъ за текстомъ помѣстилъ свое «Послѣсловіе». Послѣднее представляетъ собою научное изслѣдованіе одного изъ выдающихся знатоковъ исторіи Вятскаго края и заслуживаетъ особаго вниманія. Въ немъ А. С. Верещагину удалось съ рѣдкою убѣдительностью доказать, что вторая часть «Повѣсти», а именно разсказъ о появленіи русскихъ людей (новгородцевъ) на Вяткѣ и о первоначальномъ ихъ «жительствоу» съ 1174 г., служившій «единственною основою, единственнымъ фундаментомъ» державшагося болѣе столѣтія мнѣнія о «древности» русской Вятки, «поддержаннаго и укрѣпленнаго авторитетами Карамзина и Костомарова и доселѣ разучиваемаго отроками по нѣкоторымъ учебникамъ русской исторіи»,—долженъ быть отвергнутъ, какъ весьма сомнительный въ хронологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, А. С. Верещагинъ утверждаетъ, что «Повѣсть о странѣ Вятской» есть «повѣсть книжника (и далеко неумѣлаго) конца XVII вѣка или начала XVIII» (стр. 69). Свое утвержденіе онъ основываетъ, между прочимъ, и на томъ, что «послѣднія краткія лѣтописныя извѣстія «Повѣсти», числомъ 12, съ импонирующимъ окончаніемъ (о взятіи въ 1552 г. Казани и Болгарь), оказались выписанными изъ «Вятскаго Временника» со всѣми ошибками, появившимися въ послѣднемъ исключительно отъ спутанности листовъ его источника»; а «Временникъ» доведенъ до 1700 г. Далѣе онъ доказываетъ, что какъ въ Толстовскомъ, такъ и Миллеровскомъ, двухъ главнѣйшихъ спискахъ «Повѣсти», находится «немало анахронизмовъ, противорѣчій, извѣстій, замѣчательныхъ по своей неправильности, странности или очевидной несообразности»; а это, по его мнѣнію, заставляетъ лишь признать, что вторая часть «Повѣсти» составлена «по преданіямъ, циркулировавшимъ на Вяткѣ въ концѣ XVII вѣка». Сравнивъ, затѣмъ, извѣстія «Повѣсти» съ подобными же извѣстіями въ русскихъ лѣтописяхъ, нашъ изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что «самый походъ новгородцевъ на Вятку въ 1774 г. въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ въ «Повѣсти», былъ невозможенъ» (стр. 71). Не осталось, наконецъ, никакихъ слѣдовъ пребыванія новгородцевъ на Вяткѣ до 1374 г. ни въ этнографическомъ, ни въ лектическомъ элементахъ Вятскаго края.

«Такимъ образомъ, — заключаетъ нашъ авторъ свое «Послѣсловіе» — оставя показаніе «Повѣсти» о походѣ новгородцевъ на Вятку въ 1174 г., какъ не только не подтверждаемое, но и прямо опровергаемое другими вполне достоверными показаніями, приходится принять показаніе лѣтописей о приходѣ на Вятку новгородцевъ въ 1374 г., дѣйствительность котораго не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и подтверждается дальнѣйшими лѣтописными извѣстіями, вполне достоверными: только съ конца XIV вѣка начинаются упоминанія о Вяткѣ въ лѣтописяхъ и актахъ, начинается обнаруживаться русская жизнь на Вяткѣ» (стр. 97).

Что же касается приведенія въ «Повѣсти» 1174 г., то А. С. Верещагинъ склоненъ признать его за «описку» вмѣсто 1374 г., и «даже, пожалуй, намѣренную», введенную для приданія «вящей древности русской Вяткѣ, по примѣру повѣстей, одновременныхъ съ нашей, въ другихъ областяхъ и городахъ русскихъ».

Самый текстъ «Повѣсти» напечатанъ А. С. Верещагинымъ по Толстовскому списку на одной сторонѣ страницы и Миллеровскому на другой, съ указаніемъ вариантовъ изъ прочихъ списковъ: Синодальнаго, Баженовскаго и Блиновскаго, при чемъ тексту предпослано «Предисловіе», имѣющееся только въ Толстовскомъ спискѣ, подъ заглавіемъ: «Начало великому Словенску, еже есть нынѣ Великій Новгородъ».

Въ третій отдѣлъ разсматриваемаго выпуска «Трудовъ» вошли три грамоты: одна великаго князя Василя Ивановича, отъ 1522 г., «на Вятку въ Слободской городокъ» и двѣ великаго князя Ивана Васильевича, отъ 1542 г.; краткія статистическія данныя о «жителяхъ Елабуги по переписной книгѣ приказанаго Богдана Нехаева», 1617 г.; указъ преосвященнаго Варлаама Скамницкаго духовной консисторіи объ опредѣленіи въ казначей архіерейскаго дома Іоанна Тукмачева 1747 г.; два прошенія М. Е. Финицкаго преосвященному Варлааму Скамницкому 1743 и 1745 г.г.; три замѣтки: — одна о «самыхъ старыхъ студентахъ риторики въ Вятской семинаріи», другая—о «первыхъ проповѣдникахъ на Вяткѣ» (самый первый проповѣдникъ былъ преосвященный Лаврентій Горка, 1733—1737) и третья—объ «учрежденіи проповѣднической цензуры на Вяткѣ при преосвященномъ Лазарѣ Барановичѣ въ 1794 г.».

Далѣе слѣдуютъ наиболѣе любопытныя выписки изъ «Записокъ»¹⁾ Никодима (Казанцева), епископа красноярскаго, бывшаго въ 1835 — 1838 г.г. ректоромъ Вятской семинаріи, о бесѣдахъ его съ оберъ-прокуроромъ свѣтѣйшаго синода, графомъ Н. А. Протасовымъ, который вызвалъ Никодима, какъ автора лучшаго «богословскаго конспекта», для составленія и проведенія новаго устава для духовныхъ семинарій. Слѣдующій отвѣтъ о. Никодиму графа Протасова наиболѣе ярко опредѣляетъ его взглядъ на семинарское образованіе: «Подумайте хорошенько и мнѣ скажите: что нужно измѣнить въ семинаріяхъ? какъ упростить существующія науки? Не нужно ли ввести новыя и какія именно? Не надобно ли инныя науки сократить, а другія вовсе выгнать? Помните: семинарія—не академія. Изъ академій идутъ профессоры: имъ много знать нужно. Изъ семинаріи поступаютъ во священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и умѣть быть полезными крестьянину, даже въ его дѣлахъ житейскихъ. Итакъ, на что огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоромъ, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы? Пусть лучше затвердятъ хорошенько катихизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе. И довольно! Высокія науки пусть останутся въ академіяхъ... (стр. 118).

¹⁾ Напечатаны были еще въ 1877 г. въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей російскихъ».

Глубокообразованный о. Никодимъ особенно отстаивалъ для семинаріи философію.

— «Напрасно вы отнимаете,—говорилъ онъ,—у насъ философію. Она у насъ смиренна, ибо обуздывается богословіемъ. У насъ есть надзоръ: архіерей, ректоръ, инспекторъ, экзамены... Намъ нужна философія для раскрытія и укрѣпленія строгости и правильности мышленія, для ознакомленія себя съ истинами естественными, умозрительными и нравственными... Императоръ Александръ Павловичъ уничтожилъ въ университетѣ философію, опасаясь, конечно, вольностей. Что же вышло? Пустыя науки, науки безъ зерна, сдѣлали пустыми головы студентовъ: и мы имѣемъ, мы записали 14-е декабря 1825 года»...

— «Оставьте!—воскликнулъ на это графъ.—Не хочу слушать вашихъ апологій. Философію изгнать изъ семинаріи! Объявляю волю императора! Ты не знаешь: когда я помянулъ государю, что въ духовныхъ семинаріяхъ читаютъ философію, государь съ гнѣвомъ и недоумѣніемъ воскликнулъ:

— «Какъ? У духовныхъ есть философія, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!»... (стр. 119—120).

Интересно еще сообщеніе о. Никодима о книгѣ священника Красноцвѣтова, бывшаго нѣкоторое время въ Швейцаріи при дворѣ Анны Ѳеодоровны, супруги великаго князя Константина Павловича. Священникъ Красноцвѣтовъ, рассказываетъ онъ, «написалъ тамъ съ нѣмецкой книги «Библейскую исторію для дѣтей» и, возвратившись въ Петербургъ, напечаталъ ее. Исторія повралась при дворѣ. Объ этомъ узнали въ публикѣ. Стали читать и покупать на расхватъ. Плюшаръ, спекулянтъ-книгопродавецъ, французъ, далъ художникамъ сочинить приличные картинки къ каждому уроку, послалъ въ Парижъ вырѣзать ихъ на стали и началъ печатать книгу, вкладывая въ нее картинки, тысячами экземпляровъ. Министръ просвѣщенія далъ строгое предписаніе преподавать священную исторію по сей книгѣ. Книга гремѣла по всей Россіи и всюду развозилась возами»... Цензурное разрѣшеніе на ея напечатаніе было дано митрополитомъ Филаретомъ кievскимъ; враждовавшій съ нимъ Филаретъ московскій вскорѣ написалъ свою рецензію, и на основаніи послѣдней «синодъ вынужденъ былъ объявить запрещеніе книги и потребовалъ отобрать ее и уничтожить. Россія изумилась. Министръ просвѣщенія Уваровъ пришелъ въ ярость; задумались во дворцѣ. Книга была отобрана и скоро забыта» (стр. 121).

Вслѣдъ за этими «Записками» находимъ: «Нѣсколько эпизодовъ изъ жизни преосвященнаго Макарія Миролюбова по «Воспоминаніямъ» его брата»; «Отзывъ рязанскаго губернатора о дѣятельности вице-губернатора М. Е. Салтыкова (Щедрина) въ 1858 г.» (изъ XX выпуска «Трудовъ» Рязанской архивной комиссіи): констатируя въ губернскомъ правленіи «успѣхъ въ улучшеніи дѣлопроизводства», губернаторъ относитъ его «къ особенной дѣятельности, знанію дѣла и усердію вице-губернатора Салтыкова, который, вступивъ въ эту должность въ апрѣлѣ 1858 г., въ короткое время успѣлъ привести губернское правленіе въ весьма удовлетворительное сравнительно съ прежнимъ положеніе, а подробною своею ревизіею дѣлопроизводства и личнымъ участіемъ въ изготовленіи докладовъ и журналовъ, направилъ дѣла къ прямому произ-

водству ихъ»... (стр. 130). Въ заключеніе помѣщена пзъ «Дневника» В. А. Добудовскаго замѣтка объ Оскарѣ Авейде, политическомъ преступникѣ, отбывшемъ наказаніе въ Вяткѣ, гдѣ и прожилъ «немалое время присяжнымъ преступникомъ съ отличною репутаціей».

В. Рудаковъ.

Охранная опись рукописнаго отдѣленія библіотеки императорской академіи наукъ. I. Книги священнаго писанія. Спб. 1905. Свѣдѣніи о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе императорской академіи наукъ въ 1902 г. Приложение. Рукописи и книги, приобретенныя В. И. Срезневскимъ во время поѣздки въ Вологодскую, Олонецкую и Пермскую губерніи. Спб. 1905.

Рукописная библіотека академіи наукъ до конца прошлаго вѣка была бѣдна и мало популярна. За исключеніемъ немногихъ ученыхъ, ею никто не пользовался; покойный А. Куникъ ревниво оберегалъ ее отъ всѣхъ, кому могли быть интересны ея собранія,—и далеко не всѣмъ было извѣстно, что именно хранятся въ ней. Первый перечень академическихъ рукописей относится къ 1742 г.; затѣмъ слѣдуютъ каталоги П. Соколова (1818) и В. Перевощикова (1840), описанія отдѣльныхъ рукописей и изслѣдованія о нихъ І. Вакмейстера, Я. Бердника, М. Коршунова, И. Срезневскаго, А. Востокова, А. Куника и др., но въ общемъ эта библіотека оставалась мало доступной. Только съ поступленія академика А. А. Шахматова на должность директора I отдѣленія ея рукописный отдѣлъ сталъ замѣтно расширяться путемъ пожертвованій, покупокъ и передачи рукописей изъ другихъ отдѣленій; тогда же была учреждена новая должность завѣдующаго специально рукописной библіотекой, начались правильныя занятія въ ней, рукописи приводятся въ порядокъ, описываются и т. д. Теперь можно надѣяться, что академическая библіотека современемъ приобрететъ не меньшее значеніе, чѣмъ Публичная, потому что поступления рукописей въ послѣднюю съ каждымъ годомъ становятся все болѣе скудными и случайными.

Первый выпускъ «Охранной описи», составленный В. И. Срезневскимъ, даетъ нѣкоторое представленіе о размѣрахъ и характерѣ собранія. Въ немъ много пергаменныхъ отрывковъ, начиная съ XI вѣка; есть интересный палимпсестъ (стр. 9). Часть наиболѣе древнихъ рукописей извѣстна была и раньше по изданіямъ Срезневскаго и Востокова, но большая часть является новостью и ожидаетъ изслѣдователей. Интересны, между прочимъ, переводы книгъ священнаго писанія на малорусскій языкъ, сдѣланные Ф. С. Морачевскимъ въ 1860 г. Преобладаютъ рукописи русскаго происхожденія, и юго-славянскихъ очень немного. Мы думаемъ, что изъ послѣднихъ нѣкоторыя, на средне-болгарскія особенности которыхъ указываетъ авторъ описанія, окажутся вполне русскими съ такъ называемыми «подражательными» болгаризмами (напримѣръ, стр. 11, 24, 25, 28, 30, 48); съ другой стороны, кое-что слѣдуетъ считать несомнѣнно средне-болгарскимъ (напримѣръ, стр. 14). Все описаніе ведется необыкновенно подробно и точно. Въ приложеніи изданы отрывки для образца языка и снимки съ 4 рукописей.

Главную особенность рукописнаго собранія академіи наукъ составляютъ новѣйшія ея пріобрѣтенія, точнѣе характеръ этихъ пріобрѣтеній, обещающій сдѣлать академическое собраніе самымъ богатымъ въ Россіи. Каждое лѣто В. Н. Срезневскій командированъ на сѣверъ Россіи и получаетъ спеціально для академической бібліотеки по дорогимъ цѣнамъ рукописи, старопечатныя книги, документы, лубочныя картинки и т. п. Это—новость для нашихъ бібліотекъ, и ея академія въ правѣ гордиться уже потому, что такими систематическими пріобрѣтеніями масса рукописей, не всегда даже важныхъ въ научномъ отношеніи, буквально спасается отъ гибели. Среди массы поступленій, напримѣръ, 1902 г. найдете не одинъ десятокъ рукописей, цѣнныхъ для исторіи старинной русской письменности. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ богослужебныхъ книгъ и произведеній церковнаго характера, хронографовъ, лѣтописныхъ отрывковъ и матеріаловъ для исторіи раскола, житія русскихъ святыхъ, пѣсенники XVIII вѣка и сборники разнообразнаго содержанія, нотныя и гадательныя книги и т. д. Обращаетъ на себя вниманіе рѣдкій апокрифъ объ Енохѣ (91), «Повѣсть о Саввѣ Груддынѣ» (102), «Исторія о Поліонціонѣ, царевичѣ египетскомъ, и о прекрасной королевы Милитинѣ» (107), «Исторія маркиза Мирмона» (142), «Повѣсть о Дмитріи Басаргѣ и сынѣ его Борзомыслѣ» (157), «Повѣсть о царѣ Мамерѣ» (162, 164, 176, 186), «Челобитная Стефана Наумова на игумена Терапонтова монастыря Аванасія (215)» и др.

А. Я.

Лѣтопись Екатеринославской ученой архивной комиссіи. Годъ первый. Екатеринославъ. 1904.

Выпуская въ свѣтъ первую книгу своихъ трудовъ, Екатеринославская архивная комиссія совершенно не претендуетъ на большую научную цѣнность ея изданія. Этимъ первымъ опытомъ она лишь хочетъ подѣлиться съ любителями древностей тѣми данными, которыя получены ею въ началѣ своей дѣятельности, а также возбудить въ мѣстной интеллигенціи бѣльшій интересъ къ историческому знанію и собиранію остатковъ старины. Члены комиссіи надѣются, что ихъ труды не пропадутъ даромъ, скоро къ нимъ примкнетъ и выступитъ имъ на смѣну «молодое, болѣе научно подготовленное, энергичное поколѣніе, любящее свой край, которое достойно поработаетъ для его изученія».

Въ содержаніе книги входятъ: 1) «А. И. Маркевичъ, историкъ Новороссійскаго края», А. Снявскаго; 2) «А. Н. Поль, основатель Екатеринославскаго музея»,—того же автора (приложенъ портретъ, 13—34 стр.); 3) «Записки Юрія Крижанича о Малороссіи» — В. Пичеты (1—17 стр.); 4) «Послѣдній кошевой Запорожья, П. И. Кальвишевскій»,—В. Вѣднова; 5) «Къ вопросу о задачахъ Екатеринославской ученой архивной комиссіи» — И. Вертоградова (33—43 стр.); 6) «Къ столѣтію императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ» — В. Пичеты; 7) «Нѣсколько словъ о состояніи архива екатеринославскаго нижняго земскаго суда» — В. Пичеты (54—64 стр.); 8) и 9) «Описаніе границъ и городовъ Азовской губерніи» — Я. Новицкаго; 10) «Земское Запорожье—корень екатеринославщины» — Н. Быкова (94—103 стр.); 11) «До-

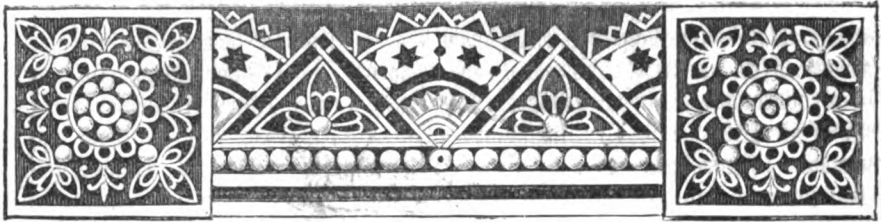
кладъ Я. Новицкаго о результатахъ осмотра архивовъ александровскаго предводителя дворянства и уѣзднаго казначейства»; 12) «Опись архивныхъ дѣлъ мариупольскаго и александровскаго уѣздныхъ предводителей дворянства съ 1797 до 1826 г.» — Я. Новицкаго (109—137 стр.); 13) «Древній край южнаго Приднѣпровья» — Н. Быкова; 14) и 15) «Потомокъ запорожцевъ. Въ святынь Запорожья» — Н. Сочинскаго (155—165 стр.); 16) «Протоколы засѣданій комиссіи»; 17) «Къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. Программы для собиранія свѣдѣній по предметамъ древности» (203—225 стр.); 18) «Къ XIII археологическому съѣзду» — А. Синявскаго; 19) «Потемкинъ садъ въ археологическомъ отношеніи» — его же (233—337 стр.). Дальше помѣщены свѣдѣнія о библиотекѣ комиссіи, денежномъ отчетѣ и о воставѣ членовъ комиссіи.

Въ концѣ, изъ отчета о дѣятельности узнаемъ, что комиссія открыта 16 марта 1903 г. и первымъ долгомъ занялась изученіемъ мѣстныхъ архивовъ, разборомъ архивныхъ описей и дѣлъ и разработкой мѣстной исторіи. По этимъ вопросамъ въ засѣданіяхъ комиссіи было прочитано 12 докладовъ, которые и вошли въ содержаніе «Лѣтописи». Кромѣ того, комиссіей собраны свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ (у кого онѣ находятся, гдѣ и проч.).

Съ своей стороны, мы не можемъ не выразить нашего удовольствія по поводу выхода первой книги трудовъ Екатеринославской архивной комиссіи. Надѣмся, что, судя по началу, комиссія энергично примется за важную работу изученія мѣстнаго края и собиранія существующихъ въ немъ остатковъ старины, чѣмъ, несомнѣнно, окажетъ великую услугу историческому изученію нашей родины.

К—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕСТЬ жены Генриха VIII. Тѣмъ читателямъ, которые любятъ, какъ говорилъ Мишлэ, «les petits cotés de l'histoire», значительный интересъ представляетъ книга ¹⁾ англійскаго историка и публициста, Мартина Юма, только что вышедшая подъ заглавіемъ «Жены Генриха VIII и роли, которыя онѣ играли въ исторіи». Хотя объ этомъ король много уже писано, и главнымъ образомъ онъ извѣстенъ не только въ исторіи Англій, но и въ исторіи всего человѣчества, какъ мужъ шести женъ, но авторъ послѣдней книги обстоятельнѣе всѣхъ описалъ эпизоды его брачной шестилогіи. Въ предисловіи Юмъ проводитъ новый взглядъ на Генриха. Онъ считаетъ его не глубокомысленнымъ государственнымъ дѣятелемъ, который имѣетъ цѣлью добыть своей странѣ религіозную свободу, но слабымъ, суетнымъ и тщеславнымъ созданиемъ, играющимъ своихъ страстей и послушнымъ орудіемъ великихъ умовъ, которые дѣйствовали за его спиною для осуществленія своихъ религіозныхъ и политическихъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ, этотъ историкъ успѣлъ доказать, что каждая изъ женъ Генриха была въ свою очередь пѣшкой на политической шахматной доскѣ. Самая большая и замѣчательная часть книги Юма посвящена первой женѣ короля, Екатеринѣ Аррагонской. Хотя онъ рисуетъ патетическій и благородный портретъ злополучной испанской принцессы, но въ то же время бросаетъ новый, однако не очень сочувственный

¹⁾ The wives of Henry the Eighth, and the parts they played in history. By Martin Hume. London, 1905.

взглядъ на эпоху ея долговременнаго вдовства, протекшую между смертью ея перваго юнаго мужа и свадьбой съ своимъ восемнадцатилѣтнимъ шуриномъ. Въ это время ея свекоръ, Генрихъ VII, и его министры обращались съ Екатериной, какъ принцессой Уэльской, то любовно, то жестоко, а сама она завела себѣ въ видѣ утѣшенія молодого испанскаго патера. Только недавно обнаружена любопытная переписка относительно этого доселѣ невѣдомаго придворнаго скандала. Юмъ, повидимому, считаетъ достовѣрнымъ фактомъ эту связь Екатерины, но она положительно ничѣмъ не доказана. Письма, писанныя ею Генриху VII съ цѣлью удержать этого патера въ качествѣ своего духовника, въ сущности не подтверждаютъ ея преступныхъ отношеній къ нему, а скорѣе служатъ доказательствомъ того, что между ними существовало, какъ французы называютъ, «une amitié amoureuse». Даже послѣ ея замужества съ Генрихомъ патеръ сохранилъ свое вліяніе на королеву и сдѣлался ея канцлеромъ. Надо прибавить, что впоследствии онъ впалъ въ немилость за неприличное поведеніе съ женщинами. Но то обстоятельство, что во время разводнаго процесса Екатерины не была приведена, какъ обвинительный пунктъ, ея связь съ патеромъ, можетъ быть признано за оправданіе ея поведенія. Что касается до второй жены Генриха VIII, Анны Болейнъ, то Юмъ безжалостно рисуетъ ее неблагородной, невеликодушшой, суетной и легкомысленной женщиной. Даже въ немногіе дни ея торжества она вела себя вполне безумно, выказывая непонятную жестокость къ своей предшественницѣ и къ старшей дочери Генриха, принцессѣ Маріи, которую онъ очень любилъ. Всѣ факты паденія и казни Анны Болейнъ хорошо извѣстны, но Юмъ описываетъ ихъ съ замѣчательной ясностью и полнотой, очень опредѣленно характеризуетъ ея дерзкое и надменное обращеніе съ друзьями и сторонниками. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Кромвель, чтобы дѣйствовать противъ нея, благодаря возникшей любви короля къ Джени Симоръ. Несмотря на то, что Юмъ сомнѣвается въ подлинности благороднаго письма, написаннаго Анной Болейнъ, достойно отвергнувшей введеное на нее обвиненіе, но онъ, очевидно, того мнѣнія, что нѣтъ ни малѣйшаго доказательства въ ея виновности, кромѣ развѣ показанія Смитона, вырваннаго у него подъ пыткой. Три другіе свидѣтеля отвергли, какъ свою виновность, такъ и королевы относительно Норрея, который самъ говорилъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ признается во лжи. Въ день казни, послѣ принятія причастія Анна также торжественно клялась въ своей невинности. О третьей женѣ короля, Джени Симоръ, извѣстно только, что она помогала королю погубить Анну Болейнъ, главнымъ образомъ, потому что она имѣла дочь, будущую королеву Елисавету, и сама вскорѣ умерла послѣ рожденія Эдуарда VI. Затѣмъ послѣдовалъ бракъ короля съ Анной Клеве изъ политическихъ причинъ. Его устроилъ Кромвель для того, чтобы утвердить союзъ Генриха съ германскими протестантскими князьями, но, по несчастію, Генрихъ былъ обманутъ относительно красоты Анны и вскорѣ развелся съ нею. Съ психологической и романической точки зрѣнія самой интересной изъ женъ Генриха VIII была Екатерина Говардъ, племянница герцога Норфолка. По словамъ самаго Генриха, она «казалась очень маленькой дѣвочкой», въ сущности же Екатерина была уже молодой дѣвушкой, живой, смѣлой легкомы-

сленной, и король влюбился въ нее до безумія. Въ рукахъ Норфолька и его партіи она была драгоценнымъ политическимъ орудіемъ, и вообще въ первое время ея будущее казалось болѣе обезпеченнымъ и счастливымъ, чѣмъ всѣхъ прежнихъ женъ короля. Но, по несчастію для нея, царедворцы противной партіи открыли въ ея прошедшей жизни, до брака съ королемъ, позорныя подробности: именно, что она находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкимъ Дергамовомъ, съ которымъ она даже заключила брачный контрактъ. Конечно, Генрихъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, но намѣревался только развестись съ нею. Однако, свидѣтели, допрошенные на судѣ, показали болѣе, чѣмъ ихъ спрашивали: именно о поведеніи Екатерины послѣ замужества съ королемъ. Было вполне доказано, что она находилась въ любовныхъ сношеніяхъ съ двоюроднымъ братомъ, Томасомъ Кульпе, перомъ. Хотя до послѣдней минуты она отвергала свою преступность, но открыто созналась въ своей любви къ пару Кульпе, и когда, по обычаю, палачъ всталъ предъ нею на колѣни и просилъ у нея прощенія за свой предстоящій поступокъ, то она, простивъ его, прибавила: «Я умираю королевою, но съ большею радостью умерла бы женою пера Кульпе». Во многихъ отношеніяхъ послѣдній бракъ короля былъ самымъ разумнымъ: Екатерина Пааръ, вдова лорда Латимэра, отличалась красотой, молодостью и благородствомъ. Она была закадычнымъ другомъ старшей дочери короля, принцессы Маріи. Когда король впервые увидѣлъ лэди Латимэръ, то она была уже невѣстой сэра Томаса Симорано, но, повидимому, волѣ короля нельзя было сопротивляться, и она согласилась на этотъ «*marriage de convenance*». Она оказалась очень умной, тактичной и пріятной женой, ловко обращавшейся со своимъ легкомысленнымъ мужемъ, но все же она не избѣгла одного рокового влывода. По несчастію, Екатерина однажды поспорила съ королемъ относительно одного религіознаго вопроса, и ея враги увѣряли короля, что она участвовала въ политической интригѣ противъ него. Онъ рѣшился отдать ее подѣ судѣ, но наканунѣ ея ареста друзья предупредили ее о грозившей ей опасности, и она съ ловкой хитростью поддѣлалась къ королю, завела съ нимъ религіозный споръ, во всемъ согласилась съ нимъ и вновь приобрѣла его доброе расположеніе. Долго ли продолжалось бы это сочувственное къ королевѣ настроеніе короля — большой вопросъ, но, по счастью для нея, Генрихъ неожиданно занемогъ и умеръ въ 1547 г. Екатерина преданно ухаживала за нимъ до послѣдней его минуты и оплакивала его цѣлый годъ. Потомъ она вышла замужъ за своего стараго жениха, сэра Томаса Симора, но послѣ года не вполне счастливой брачной жизни, благодаря ревности своей падчерицы Елисаветы, Екатерина преждевременно умерла. Такимъ образомъ окончилась эта королевская шестилогія.

— Двѣнадцатилѣтняя королева. Изъ появившихся историческихъ книгъ въ Парижѣ обратила на себя вниманія «*Une reine de douze ans*» Люсьена Перэя¹⁾, благодаря тому, что авторъ представилъ въ ней совершенно новую характеристику молоденькой испанской королевы Маріи-Луизы, жены Фи-

¹⁾ *Une reine de douze ans* (Marie-Louise-Gabrielle de Savoie, reine d'Espagne), par Lucien Perey. Paris. 1906.

липа V. Личность этой двѣнадцатилѣтней королевы совершенно заслонялась такой крупной фигурой, какою была ея придворная дама, ставленница г-жи Ментеновъ — Анна-Мари де-ла-Треймуль, принцесса Урсэнъ, женщина съ сильной волей, которой было предоставлено руководить этимъ ребенкомъ. Когда Филиппъ V узналъ, что его хотятъ женить, — ему въ это время было восемнадцать лѣтъ, — то пришелъ въ такой восторгъ, что принялся прыгать въ присутствіи своихъ слугъ и производить всевозможныя гримасы предъ зеркаломъ. Его двѣнадцатилѣтняя невѣста, Марія Савойская, младшая сестра герцогини Бургонской, дофиня Франціи, была не по лѣтамъ развита душевно. Изъ меланхолическаго, апатичнаго, лѣнливаго юноши она сумѣла превратить его въ страстнаго, воодушевленнаго мужа. Возлѣ своей маленькой жены Филиппъ V забывалъ объ охотѣ, о своихъ карликахъ и не говорилъ болѣе, что у него въ головѣ какая-то пустота, и онъ боится упасть. Въ немъ проснулась отвага, и онъ сталъ мечтать о дѣятельности, блескѣ, побѣдахъ и отбитыхъ у врага знаменяхъ. Его вѣрность женѣ была такая стойкая, что когда во время ея болѣзни къ нему явились интриганы: герцогъ Ноайль и маркизъ Агиларъ, съ предложеніемъ завести фаворитку, то онъ повернулся къ нимъ спиною и побѣждалъ къ женѣ рассказать о сдѣланномъ ему предложеніи. До послѣдняго времени историки рисовали молоденькую королеву какой-то одержимой духомъ политики и отраженіемъ воли принцессы Урсэнъ, но найденныя Перэемъ въ туринскихъ и ватиканскихъ архивахъ и въ французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ письма Маріи-Луизы къ отсутствующему мужу, къ родителямъ, къ Людовику XIV и къ г-жѣ Ментеновъ доказываютъ, что королева писала письма самостоятельно, потому что ихъ стиль не измѣнялся ни въ присутствіи при дворѣ принцессы Урсэнъ, ни во время ея изгнанія. Если испанская корона въ концѣ концовъ осталась за Бурбонами, то не только благодаря Бервику и Вандому, но и едва ли не болѣе силѣ воли этой молоденькой женщины. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, какъ Марія-Луиза управляла Испаніей, она все время была предана долгу, а не удовольствіямъ, и мечтала только о славѣ «своего дорогаго маленькаго короля» и не видѣла въ немъ ни «дегенерата», ни «полусумасшедшаго». Ея главной заботой было нравиться ему, и она всѣми силами старалась служить его интересамъ. Споры и продолжительныя пренія кортесовъ казались ей невыносимыми, а потому, чтобы не давать имъ увлекаться ораторскимъ искусствомъ и задерживать этимъ рѣшенія вопросовъ, она садилась у нихъ на глазахъ съ работою и тѣмъ принуждала ихъ скорѣе вести дѣла. Она признавалась въ письмахъ, что предпочитала бы лучше играть на клавесинахъ, на гитарѣ, въ жмурки съ фрейлинами, ласкать своихъ дѣтей, писать письма въ Туринъ или Версаль, а еще лучше запереться съ своимъ обожаемымъ мужемъ, чѣмъ заниматься государственными дѣлами. Марія-Луиза вліяла на Людовика XIV такъ же сильно на разстояніи, какъ принцесса Бургонская, находясь при Версальскомъ дворѣ. Особенно дѣйствовалъ въ ней король полную гармонію ея сердца, ума и нравственной силы. Рядомъ съ дѣтскими шаловливыми словами у нея уживались поступки государственнаго человѣка, дѣтская нѣжность и энергія съ неотразимымъ краснорѣчіемъ. Она служила лучшимъ нравственнымъ исполненіемъ своего мужа-короля, который не могъ

обойтись без нея, какъ она безъ него. Молоденькая королева выказала собственную волю еще по дорогѣ въ Мадридъ изъ Турина, когда, недовольная окружавшими ее кастильско-придворными дамами и горничными, она хотѣла возвратиться къ родителямъ, и только ловкая принцесса Урсэнъ сумѣла удержать юную своевольницу. Король и маркиза Ментенонъ, поручивъ своей ставленницѣ наблюденіе надъ молодыми, слишкомъ надѣялись на свою довѣренную. Ведя съ нею переписку изъ Версаля, они воображали, что уже управляютъ Эскуриаломъ. На самомъ же дѣлѣ все обстояло иначе. Принцесса Урсэнъ то держалась испанской партіи, то французской, согласно своимъ интересамъ и выгодамъ своего сообщника, контролера Орри, и сообщала въ Версаль только то, что хотѣла. Тщетно французскіе посланники при испанскомъ дворѣ: Аркуръ, д'Эстрэ и Граммонъ, старались обнаружить игру фаворитки, — все было тщетно: они попадали въ немилость, а положеніе принцессы Урсэнъ при испанскомъ дворѣ дѣлалось все устойчивѣе. Этому немало способствовало то обстоятельство, что маленькой королевѣ было скучно среди испанскаго порою просто смѣшного этикета, и она невольно искала подругу, съ которой могла бы раздѣлить впечатлѣнія, посмѣяться или подѣлиться чувствомъ отвращенія при видѣ придворныхъ карликовъ и гномовъ. Суевѣріе и нелѣпыя представленія объ особѣ короля доходили тамъ до того, что требовалось по этикету дѣлать парики короля исключительно изъ волосъ испанскихъ грандовъ. По мнѣнію испавцевъ, у короля было два ангела-хранителя, и на второмъ лежала обязанность слѣдить за государственными дѣлами, а потому самый неспособный изъ королей былъ гораздо мудрѣе самаго умнаго изъ своихъ совѣтниковъ. Неудивительно, что молодая королева предпочитала общество принцессы Урсэнъ бесѣдамъ со скучными, суевѣрными ханжами. Однако, одному изъ посланниковъ удалось понемногу сорвать маску съ фаворитки, которая подверглась на нѣсколько мѣсяцевъ изгнанію. Д'Эстрэ написалъ въ Версаль, что принцесса Урсэнъ находится подъ влияніемъ своего секретаря Обиньи, съ которымъ она жила, какъ съ мужемъ, и даже, можетъ быть, была обвѣнчана. Принцесса имѣла смѣлость надписать на письмѣ: «Относительно вѣнчанія — нѣтъ», и отправила письмо королю. Когда она возвратилась изъ изгнанія, королева измѣнилась: она созрѣла отъ перенесенныхъ испытаній. Она уже не была прежней сильной, но беззаботной маленькой королевой итальянской войны съ Арагоніей. Ея героизмъ теперь былъ нерадостный. Послѣ вступленія непріятеля въ Мадридъ, во все время переселенія въ Бургосъ, она поддерживала своими письмами и примѣромъ колеблющуюся энергію своего мужа. Отцу она написала письмо, полное такта и уваженія, упрекая его въ своемъ несчастіи, а когда Людовикъ XIV не осмѣливался болѣе рассчитывать на возвращеніе счастья и готовъ былъ пожертвовать короной внука, она стыдила стараго короля и нашла хлесткія слова, чтобы добиться отъ него послѣдняго усилія. Ранній бракъ, частые роды и жестокая война, длившаяся двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ Утрехтскій трактатъ наконецъ обезпечилъ Филиппу V окончательное владѣніе его королевствомъ, или, по крайней мѣрѣ, остатками его, такъ какъ участники въ коалиціи, въ томъ числѣ и отецъ королевы, отдѣлили себѣ богатую добычу, — совершенно истощили королеву, и она скончалась 19 фев-

рала 1714 г. По словамъ Сенъ-Симона, когда, нѣсколько дней спустя, король встрѣтилъ похоронную процессію жены, то продолжалъ охотиться съ принцессой. Напротивъ, Гельвецій говорилъ, что его горе было глубоко. Авторъ книги злорадно насмѣхается надъ послѣднимъ предположеніемъ.

— Русскіе салоны въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Небезызвѣстный читателямъ «Историческаго Вѣстника» французскій историческій хроникеръ Дю-Блэ, печатавшій въ «Revue Hebdomadaire» о русскихъ салонахъ въ Парижѣ, теперь помѣстилъ въ томъ же журналѣ двѣ статьи ¹⁾ о русскомъ великосвѣтскомъ обществѣ въ Петербургѣ и Москвѣ. Отчасти онъ пользовался для этого уже готовымъ матеріаломъ изъ различныхъ воспоминаній французовъ, посѣщавшихъ Россію, отчасти произведеніями русскихъ, поселившихся за границей, а также небольшой долей собственныхъ воспоминаній и перепиской съ русскими. Въ общемъ свѣдѣнія о русской жизни и русскомъ обществѣ онъ даетъ отрывочныя, особенно объ обществѣ позднѣйшей эпохи, довольствуясь перебираниемъ именъ. Относя русскіе великосвѣтскіе салоны конца XVIII и начала XIX вѣковъ къ первокласснымъ, онъ, конечно, въ качествѣ француза приписываетъ просвѣтительное начало русскаго общества своей націи и зарожденіе русскихъ салоновъ не инициативѣ русскаго самосознанія, а влиянію Екатерины и французскихъ эмигрантовъ. Въ виду того, что русскихъ салоновъ было множество, я потребовался бы цѣлые томы для ихъ перечисленія, Дю-Блэ упоминаетъ только о нѣкоторыхъ. Первое мѣсто онъ отводитъ салонамъ княгини Натали Куракиной, графини Головиной, княгини Дашковой, графини Строгановой, княгини Зинаиды Волконской, княгини Голицыной, жены фельд-маршала Салтыкова, и г-жи Дивовой. Говоря объ общественныхъ празднествахъ, онъ упоминаетъ о замѣчательныхъ операхъ и балетахъ въ дворянскомъ собраніи, исполненныхъ группою артистовъ изъ крѣпостныхъ. Конечно, въ его описаніи Россіи попадаются и такія курьезныя представленія о русскихъ, какъ, напримѣръ, купаніе въ снѣгу безъ всякой одежды по возвращеніи съ баловъ, что будто бы совершается и по сію пору. Относя русскіе великосвѣтскіе салоны той эпохи къ первокласснымъ, онъ, однако, находитъ, что въ попыткахъ русскихъ ввести у себя изящную жизнь видно много неопытности и болѣе показной стороны, чѣмъ дѣйствительной утонченности. Для примѣра онъ приводитъ бесѣду князя Вѣлосельскаго, отца княгини Волконской, съ одной дамой, явившейся осмотрѣть его картинную галерею. — «Чѣмъ полюбоваться пожаловали вы, сударыня?» — спросилъ князь Вѣлосельскій. — «Вашими картинами, князь». — «У меня ихъ много. Какой школы?» — «Итальянской». — «Но тамъ столько художниковъ. Какого изъ нихъ хотите видѣть?» — «Рафаэля». — «Сударыня, у Рафаэля есть три манеры рисовать: которую желаете вы видѣть сначала?» — «Третью». — «Достаточно». — Но этотъ chef d'oeuvre князя оказался ничѣмъ инымъ, какъ скверной копіей, и этому никто не удивлялся, такъ какъ галерея князя была извѣстна подъ остроумнымъ прозвищемъ «le buffet» вслѣдствіе того, что тамъ находились «croûtes», т.-е. всякая

¹⁾ La société russe: les salons de Pétersbourg et de Moscou, par Victor Du Bled. «La Revue Hebdomadaire» 4 Novembre—2 Decembre 1905.

мазня. Впрочемъ, это—не рѣшительный приговоръ надъ всеми русскими салонами: какъ исключеніе, онъ приводитъ настоящіе салоны, напримѣръ, княгини Долгорукой, у которой, по словамъ художницы Виже-Лебрёнъ, собиралось многочисленное общество въ имѣніи Александровскомъ, гдѣ царилъ настоящее веселье. Послѣ обѣда гости отиралялись кататься въ разукрашенныхъ гондолахъ съ красными бархатными балдахинами съ золотой бахромой. Впереди слѣдовали пѣвцы и музыканты въ болѣе простыхъ лодкахъ, и ихъ пѣвие очаровывало слушателей и отличалось замѣчательной вѣрностью звуковъ, даже на самыхъ высокихъ нотахъ. Кроме того, гости разыгрывали на сценѣ различныя комедіи и, между прочимъ, «Souterrain» Дамираки, гдѣ роль Камиллы исполняла княгиня Долгорукая, ребенка— юный Рибоьеръ, а садовника— австрійскій посолъ, Кобенцель. При этомъ произошло забавное недоразумѣніе. Во время представленія Кобенцелю прислало его правительство депешу съ курьеромъ, и, когда посолъ вышелъ, загримированный и въ костюмѣ садовника, то курьеръ не хотѣлъ вручить ему депешу, не узнавъ его. Это вызвало забавную сцену. Театръ въ Александровскомъ былъ маленькій, но прелестный, и Виже-Лебрёнъ устраивала на его сценѣ живыя картины, въ которыхъ участвовали многочисленные прїѣзжавшіе изъ Петербурга гости, и въ красивыхъ лицахъ обоого пола не было недостатка. Сюжеты она брала изъ Библии, такъ какъ у княгини было изобиліе кашемировыхъ шалей, которыми художница драпировала участниковъ и участницъ. Страсть къ живымъ картинамъ перекочевала на слѣдующую зиму въ Петербургъ, и желающихъ выставляться на показъ было такое количество, что приходилось многимъ отказывать. Княгиня Долгорукая сводила съ ума всѣхъ, и Потемкинъ устраивалъ для нея сказочныя празднества, на которыхъ дамы черпали брильянты изъ хрустальныхъ бокаловъ. Ради нея онъ сдѣлалъ осаду Очакова равнѣ, чѣмъ того требовала стратегія, и посылалъ курьера въ Парижъ за туфлями для нея, чтобы она могла присутствовать на одномъ праздествіи; несчастный курьеръ скакалъ день и ночь. Она ввела въ моду эластичныя башмаки, которые дѣлалъ французскій эмигрантъ, графъ Одисанъ. Княгиня Долгорукая поднесла художницѣ Виже-Лебрёнъ браслетъ изъ своей пряди волосъ, съ надписью изъ брильянтовъ: «Украшайте ту, которая украшаетъ свой вѣкъ». Она была послѣдней музой Ривароля, и когда онъ выздоравливалъ отъ тяжелой болѣзни, то она остроумно написала ему: «Ваше здоровье доказывало намъ, что вы очень любезны, а ваша болѣзнь— что вы очень любимы». Въ салонахъ графини Толстой, адмиральши Чичаговой, графини Строгановой, г-жи Нарышкиной и г-жи Свѣчиной пользовался большимъ успѣхомъ, какъ «causeur», посолъ сардинскаго короля, графъ де-Мэстръ. Его любили и уважали за его таланты, характеръ и умъ. Онъ не вѣрилъ въ гевій женщинъ и требовалъ, чтобы онѣ были возвышенными, ибо, какъ только онѣ хотѣли соперничать съ мужчинами, то дѣлаются похожими на обезьяну. Въ обществѣ онъ былъ веселымъ собесѣдникомъ, и его разговоры оказывались настоящими монологами, такъ что ему удавалось вздремнуть, пока ему отвѣчали. Одно время главнымъ сюжетомъ салонныхъ разговоровъ былъ Наполеонъ. Ненависть русскихъ къ нему имѣла болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ это думали, и, по мнѣнію Дю-

Бла, Румянцевъ, министръ Александра I, былъ правъ, говоря, что правительство должно принимать во вниманіе общественное мнѣніе. Эта ненависть доходила до того, что, когда состоялось дружественное соглашеніе между государями, то она пала всецѣло на императора. По словамъ Коленкура, въ августѣ 1809 г. въ петербургскихъ салонахъ громко говорили: «Государь добръ, но глупъ, а Румянцевъ—дуракъ: они никогда не сумѣютъ извлечь изъ чегонибудь пользы; затѣявъ войну, имъ слѣдовало овладѣть Галиціей: поляки не пришли бы оспаривать ее у насъ. Изъ императора надо сдѣлать монаха: онъ поддерживалъ бы миръ въ монастырѣ; изъ Нарышкиной—монахиню, она прислуживала бы священнику и садовнику, особенно, если бы они были поляками. Что до Румянцева, то изъ него надо сдѣлать сбитенщика!» Въ Вѣнѣ Разумовскій открыто повелъ войну противъ французскаго посла, затмивъ его своими празднествами, царской роскошью и своей щедростью, которая онъ распространялъ на музыкантовъ, особенно на Бетховена. Благодаря всему этому, онъ достигъ популярности не только въ аристократическомъ обществѣ, но и среди народа. Его главными помощниками были посланникъ въ Неаполь, Алопеусъ, проживавшій въ Вѣнѣ, и русскія дамы, «топившія свою скорбь» въ Баденскихъ, Эграсскихъ, Карлсбадскихъ и Теплицкихъ водахъ, особенно, княгиня Багратіонъ. Въ то время русскими великосвѣтскими дамами овладѣла страсть играть политическую роль, и княгиня Багратіонъ осуществила эту мечту. Въ 1810 г. ея салонъ былъ первымъ въ Вѣнѣ. У нея собирались обожатели, ухаживатели и друзья, мужъ же всегда отсутствовалъ. Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, куда не допускались посторонніе, создавалась мода, составлялись мнѣнія и рѣшались вопросы, какія отношенія допустимы, какія—нѣтъ, кого можно видѣть и кого—избѣгать. Тамъ же было предписано, что посѣщать французское посольство—дурной тонъ, и часто туда навѣдываться значило пренебрегать принципами и приличіями. Всѣ повиновались этому распоряженію изъ боязни порицаній и сарказмовъ. Французскій посланникъ, графъ Отто, писалъ къ министру Шампань, что надъ посѣщавшими французское посольство запросто всѣ насмѣхались. Въ то время вѣнскія женщины и дѣвицы, какъ молодя, такъ и старя, имѣли сильное вліяніе и, собравшись подъ знамя княгини Багратіонъ, повторяли въ одинъ голосъ, что «Бонапартъ не принадлежитъ къ обществу». Изъ этой коалиціи изящества и тщеславія Александръ извлекъ большую политическую выгоду. Авторъ упоминаетъ также объ одесскомъ обществѣ, но, главнымъ образомъ, чтобы напомнить, что Одесса создана инициативой Ришелье, который не только основалъ цѣлый городъ, но еще ввелъ прелести цивилизаціи въ родѣ роскошныхъ костюмированныхъ баловъ, выписки изъ-за границы новыхъ костюмовъ для актеровъ и составленія двухъ любительскихъ труппъ — французской и итальянской. Эти разорительныя прелести цивилизаціи, которая Дю-Бла ставитъ въ заслугу своимъ землякамъ, какъ разъ были тѣмъ источникомъ, изъ котораго вытекала русская показная цивилизація, за которую онъ самъ порицаетъ русскихъ, тогда какъ виновниками этого зла являются его же сородичи, заѣзжіе аристократическіе эмигранты. Къ сожалѣнію, эта страсть къ наружному блеску безъ фундаментальной подкладки отразилась на всемъ

складъ русской общественной жизни. Съ 1824 по 1829 г. русскія великосвѣтскія дамы собирались вокругъ Мицкевича, жившаго тогда въ Россіи. Среди аристократокъ были талантливыя актрисы, и даже, благодаря одной изъ нихъ, графинѣ Евдокіи Ростопчиной, парижская публика обязана появленіемъ на сценахъ произведеній Мюссэ, до 1847 г. не дававшихся въ парижскихъ театрахъ. Французская актриса Алланъ, увидя въ домѣ графини Ростопчиной, матери Лидіи Ростопчиной, и графини Торниелли, талантливо разыгранную самой графиней, княгиней Юліей Гагариной и гвардейскимъ поручикомъ, пьесу Мюссэ «Саргісе», пришла въ такой восторгъ, что въ свой прощальный бенефисъ дала именно эту пьесу. Дю-Бля никакъ не можетъ допустить, чтобы русскіе могли создать что нибудь самостоятельно, безъ посторонней инициативы, и потому добавляетъ, что если графиня Ростопчина и оказала услугу французской литературѣ, то не надо забывать, что въ ея жилахъ течетъ часть французской крови, Сегуровъ. Великосвѣтскіе салоны позднѣйшей эпохи онъ раздѣляетъ на три вѣтви: русскую, нѣмецкую—балтійскихъ бароновъ, и польскую. Хотя въ русскихъ салонахъ бесѣды велись уже либеральнѣе, но все-таки гостинныя не представляли арены для политическихъ разговоровъ, и только въ польскомъ обществѣ открыто составлялись заговоры. Въ русскихъ же кружкахъ старались обходить эти разговоры, и если кто нечаянно проронить хотя одно политическое слово, то хозяйка дома старалась перевести разговоръ на другой предметъ. Это дѣлалось, по словамъ Дю-Бля, вслѣдствіе того, что въ русскихъ салонахъ было много шпионовъ, и среди гостей всегда находились друзья высокопоставленныхъ лицъ. Поэтому среди русскихъ сложилась поговорка: «Когда бесѣдуютъ трое русскихъ, то лишь одинъ изъ нихъ не изъ полиціи». Русскіе мужчины выѣзжаютъ въ свѣтъ, по мнѣнію Дю-Бля, чаще, чѣмъ французы; этимъ занимаются лишь парижскіе денди и бездѣльники, тогда какъ въ Россіи, едва наступаютъ сумерки, такъ не только молодые, но и зрѣлаго возраста мужчины бросаютъ работу и отправляются дѣлать визиты. Вообще онъ находитъ, что русскіе работаютъ менѣе французовъ. Онъ говоритъ, будто бы русскіе не любятъ носить знаковь отличія, а украшаютъ себя академическими знаками. Хотя тщеславіе царитъ во всѣхъ обществахъ, но въ русскомъ оно проявляется какъ-то лихорадочнѣе и пламеннѣе, чѣмъ у французовъ, это—потому, что оно какъ бы коллективно. Ихъ тщеславіе не въ томъ, чтобы стремиться къ доблести или къ внѣшнему виду доблести, а въ домогательствѣ быть чѣмъ нибудь болѣе того, что есть на самомъ дѣлѣ, или составлять часть чего нибудь. И эта необходимость безпрестанно фигурировать и достигать высшаго поста порождаетъ у всѣхъ русскихъ алчныя желанія, расточительность, вѣчную нужду въ деньгахъ, что составляетъ самый выдающійся недостатокъ русскаго общества. Впрочемъ, это, увя, очень мѣткое мнѣніе не принадлежитъ самому Дю-Бля, а заимствовано отъ другихъ. Самъ авторъ статьи говоритъ, что у русскихъ есть сотня другихъ недостатковъ и достоинствъ, которые входятъ въ основаніе всякаго общества. Переходя къ позднѣйшимъ временамъ, онъ упоминаетъ о салонѣ графини Клейнмихель, извѣстной среди петербургскаго великосвѣтскаго общества своею привлекательностью и тонкимъ умомъ. У нея устраивались спектакли и ко-

стюмированные балы. Она любит литературу, рисует довольно пикантные портреты и обожает политику, «а allumé sa cigarette à celle de tous les ministres et ambassadeurs». Поэтому она находилась в дружеских отношениях со всеми посланниками и министрами, особенно с Лорисъ-Меликовымъ. В ней уживалась вмѣстѣ съ мальчишескими шалостями осторожность государственнаго человека. Графиня Клейнмихель отличалась находчивостью и лѣтъ пятнадцать тому назадъ на одномъ обѣдѣ въ Парижѣ у княгини Долгорукой-Юрьевской, услышавъ саркастическое замѣчаніе своего сосѣда по столу, какого-то академика, что у иностранцевъ манія интервьюировать и заставлять говорить знаменитыхъ людей, — отвѣтила: «Вы ошибаетесь, сударь, утверждая это относительно себя. Обѣдать рядомъ съ вами ничего нѣтъ особенно дивнаго. Вы пьете и ѣдите, какъ всѣ, и не всегда бываете любезны. Все это не очень удивительно! Между тѣмъ за три франка пятьдесятъ сантимовъ такъ легко купить лучшаго изъ васъ!»... Одна подруга графини Клейнмихель писала автору: «На ея четверги являются всѣ дипломаты и тамъ вступаютъ въ сношенія съ высшимъ обществомъ. Хотите ли вы съ кѣмъ нибудь побесѣдовать? У васъ большой выборъ: министры, крупные чиновники, молодыя женщины. Предполагаете ли вы играть въ карты? Недостатка нѣтъ въ партнерахъ и столахъ. Хозяйка дома переходитъ отъ одного къ другому и заботится, чтобы всѣмъ было у нея хорошо. Если вы хотите, то можете украдкой удалиться изъ ея залъ, не прощаясь, чтобы не увеличивать числа удаляющихся, заражая примѣромъ. Кромѣ четверговъ, она даетъ цѣлую серію маленькихъ обѣдовъ и разъ или два въ годъ большой вечеръ. Среди ея лучшихъ любителей-актеровъ блеститъ г-жа Гартунгъ, урожденная Стенбокъ-Ферморъ: это — наша салонная Режанъ и Бартэ. Что касается ея, то я приложила бы къ ней слова Манцони, сказанныя относительно Кавура: «У него есть всѣ качества государственнаго человека: осторожность и даже неосторожность». Ей помогаютъ два князя Голицыны, Андрей и Борисъ. Въ ихъ венахъ течетъ французская кровь: ихъ мать была Ла-Рошъ-Эмонъ». Въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ графиня Клейнмихель, находится салонъ княгини Елисаветы Куракиной, урожденной Волконской, очень либеральной женщины. По воскресеньямъ у нея собираются играть въ карты, а затѣмъ бываютъ прекрасные холодные ужины. Другая пріятельница пишетъ Дю-Блэ: «Салонъ болѣе не существуетъ: ихъ убили карты. Чаще всего собираются послѣ театра; въ полночь пьютъ чай и играютъ до утра, любимыми играми считаются азартныя: бридусъ и вистъ; остальные люди играютъ въ преферансъ. Игра ведется крупная: въ Москвѣ свѣтскія женщины проигрываютъ по десяти тысячъ франковъ въ ночь; другія партіи бываютъ еще крупнѣе». Дю-Блэ какъ бы въ утѣшеніе нѣкоторой части русскаго общества, здраво смотрящаго на жизнь, говоритъ, что это зло еще не столь громадное, бываетъ хуже, и для примѣра приводитъ г-жу Монтеспанъ, проигравшую въ 1679 г. въ одну ночь 700.000 эку, которая она отчасти отыграла. Въ 1885 г. лучшими салонами въ Петербургѣ считались: г-жи Нелидовой, графини Блудовой, г-жи Крейдцъ, г-жи Дурново, княгини Паскевичъ и княгини Меншиковой. Вѣрными друзьями г-жи Нелидовой считались графъ Лорисъ-Меликовъ, графъ Валувевъ и Александръ Агтевичъ Абаза. Въ

гостиной г-жи Нелидовой была выработана конституція, которую Лорисъ-Меликовъ поднесъ къ подписи въ роковое воскресенье 1-го марта императору Александру II. Салонъ г-жи Нелидовой настолько слылъ за центръ сборища сильныхъ міра сего, что при каждой новой правительственной мѣрѣ публика спрашивала: «что говорятъ у г-жи Нелидовой?» Менѣе вліятельными были салонъ матери директора императорскихъ театровъ, княгини Волконской, очень умной женщины, нѣсколько мужеподобной, но искренней и пріятной, у которой бывали на всѣхъ празднествахъ императоръ и великіе князья; г-жи Нарышкиной, женщины съ возвышеннымъ умомъ и преданной дѣлу благотворительности; г-жи Хитрово, вдовы бывшаго посланника въ Японію: въ ея гостиной блестялъ Всеволодъ Соловьевъ. Салонъ г-жи Деляновой, жены министра народнаго просвѣщенія, былъ центромъ сборища всѣхъ дипломатовъ, но ея собранія были слишкомъ многолюдны. О г-жѣ Половцовой, мечтавшей, по словамъ Дю-Блэ, играть роль княгини Ливенъ, онъ очень зло замѣчаетъ, что, вмѣшиваясь въ дѣла благотворительности «такъ какъ» и «потому что», она посѣщала бѣдныхъ, украшая уши стотысячными солитерами, и объясняла это тѣмъ, что бѣдные заслуживаютъ, чтобы для нихъ хорошо одѣвались. Царица моды и отличная хозяйка, она умѣла группировать за столомъ избранныхъ собесѣдниковъ. Съ политическимъ направленіемъ было лишь два салона — Головина и Арсеньева. У перваго каждую среду собирались извѣстные люди: сенаторы, члены государственнаго совѣта, профессора и публицисты, и его собранія носили ученый оттѣнокъ. Въ салонъ Арсеньева виталъ духъ либерализма, и Дю-Блэ очень расхваливаетъ почтеннаго академика, сравнивая его съ Прево Парадолемъ во время второй имперіи. Литературное и артистическое общество, по словамъ Дю-Блэ, собиралось у А. С. Суворина. Профессиональными салонными говорунами за послѣднія двадцать пять лѣтъ французъ называетъ Дондукова-Корсакова, генераль-губернатора Кавказа, о которомъ сложилось мнѣніе, будто, «что Корсаковъ общаетъ, Дондуковъ въ томъ отказываетъ». Онъ пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ. Затѣмъ слѣдовали генераль Тимашевъ — «настоящій салонный метеоръ», графъ Шуваловъ, князь Валеріанъ Оболенскій, генераль Анненковъ, князь Святополкъ-Мирскій, графъ Валугевъ, прованный русскимъ Эвдимиономъ, князь Кантакузенъ, князь Никсъ Долгорукій и директоръ Эрмитажа, Всеволожскій. Княгиня Марія Васильчикова, дочь прежняго директора Эрмитажа блестящей эпохи, считается самой умной, любезной и веселой хозяйкой петербургскаго великосвѣтскаго общества. Музыкальное общество собирается у герцога Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, сына умершей великой княгини Екатерины Михайловны, женатаго на г-жѣ Вонлярлярской, получившей титулъ графини Карловой. Въ его дворцѣ находится прекрасная бібліотека, собраны коллекціи силуэтовъ-портретовъ придворныхъ Екатерины II и Павла I. Страстный меломанъ, онъ организовалъ недавно замѣчательный квартетъ, приводящій всѣхъ въ восторгъ. Музыкой развлекаются еще въ салонахъ г-жи Сабуровой, урожденной Соллогубъ, вдовы министра финансовъ Абазы, урожденной Гюббэ, бывшей пѣвицы, великой княгини Елены Павловны, у «вѣчно юной» маркизы Паулуччи «Evergreen», какъ ее прозвали въ обществѣ, и у принцессы Саксъ-Альтенбургской въ ея дворцѣ на Ка-

менномъ островѣ, которая сама прекрасно поетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересуется наукой и искусствомъ. Княгиня Бѣлосельская, урожденная Скобелева, давала въ 1903 г. блестящіе балы въ своемъ дворцѣ на Крестовскомъ островѣ въ честь совершеннолѣтія ея младшей дочери. Ея старшая дочь не любитъ общества и питаетъ привязанность къ лошадямъ и собакамъ; вторая же дочь, княгиня Ольга Орлова, слыветъ за самую изящную женщину въ великосвѣтскомъ петербургскомъ обществѣ, и въ ея салонѣ царятъ игра въ карты и танцы. Княгиня Бетси Барятинская, когда-то много принимавшая, впоследствии устраивала у себя небольшіе обѣды, человекъ на 12, и ея поваръ считается лучшимъ въ Петербургѣ. Дю-Блэ отзывается о ней довольно мефистофельски, говоря, что она обладала болѣе социальнымъ знаніемъ, чѣмъ умомъ, болѣе любезной привлекательностью, чѣмъ искреннею добротою, и нѣкоторыя ея качества настолько развиты, что замѣняли другія и даже даютъ о нихъ иллюзію. Ради того, чтобы понравиться великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, она завела у себя рулетку. Ее прозвали *princesse Château* за ея величественную осанку. Она умерла въ 1902 г. Ея дочь, графиня Шувалова, занимается болѣе благотворительностью. Тому же предмету посвящала себя г-жа Нарышкина, которая отличалась крайней прямою характеромъ, благодаря чему всѣ ея бывалась, начиная съ министровъ, которымъ она одинаково дѣлаетъ правдивыя замѣчанія. При этомъ она обладала замѣчательной силой характера и научилась дѣлать кружева *point de Venise*, а также ткать ковры, чтобы передать свои знанія крестьянамъ въ своихъ имѣніяхъ. Теперь ея крестьяне занимаются этимъ производствомъ, и, по словамъ Дю-Блэ, дѣла пошли прекрасно. Сначала у нея былъ салонъ, но затѣмъ она посвятила себя своему мужу, который умеръ девятию лѣтъ отъ роду. Различныя празднества, устраиваемыя княгиней Юсуповой, графиней Сумароковой-Эльстонъ, обладательницей прекрасной картинной галлерей, брильянтовъ и прочихъ богатствъ,—напоминали своей пышностью придворные балы. Окружающіе курили еиміамъ передъ княгиней, называя ее «феей», «королевой граціи, доброты и красоты». У нея два сына, и одинъ изъ нихъ—студентъ университета. Въ прошломъ году въ С.-Петербургѣ была дана серія «бѣлыхъ баловъ», въ честь модаленскихъ дебютантокъ на свѣтскихъ подмосткахъ, но Дю-Блэ жестоко ихъ оскорбилъ, говоря, что среди нихъ мало красавицъ. Переходя къ московскимъ великосвѣтскимъ салонамъ, онъ говоритъ, что ихъ ограниченное число; напротивъ, главное мѣсто занимаютъ купеческіе салоны, отличающіеся большою роскошью. Среди хозяекъ послѣднихъ есть очень красивыя и изящныя, какъ, напримѣръ, г-жи Морозова, Вострякова, Зенобія Морозова, Лукутина и Якуникова. На ихъ вечерахъ присутствуетъ и генералъ-губернаторъ. Когда-то въ Москвѣ существовали великосвѣтскіе салоны, но теперь тамъ осталось ихъ только два или три: г-жъ Ермоловой, Батюшковой и графини Уваровой. Послѣдняя моложе двухъ первыхъ и состоитъ президентшей археологическаго общества въ Москвѣ. Княгиня Голицына, урожденная графиня Борхъ, бывшая гофмейстерина Елисаветы Теодоровны, отказавшаяся отъ этого поста вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, много читаетъ; ея мужъ состоитъ во главѣ государственнаго архива. Затѣмъ слѣдуетъ жена бывшаго губернатора Булыгина, обладающая прекрас-

нымъ голосомъ и, по словамъ Дю-Блэ, очень пріятная особа. Въ заключеніе онъ говоритъ, что русское общество—полированное и цивилизованное, влюбленное въ развлечения, раздѣляется на три теченія: славянское, авглійское и французское, и старается держать иностранцевъ, особенно посланниковъ и политическихъ людей, подалеже отъ себя. За это онъ не порицаетъ русскаго общества, ибо не разъ, благодаря имъ, обнаруживались, какъ государственныя, такъ и салонныя тайны, и даже распространялись клеветы. Касаясь самой пикантной стороны великосвѣтскаго общества—любви, Дю-Блэ говоритъ, что въ немъ царитъ самый разнообразный флиртъ и страсти, и русскіе любятъ и по-французски и по-европейски, конечно, съ присущимъ каждой націи своеобразнымъ оттѣнкомъ. Чтобы привести образцы русскаго флирта, не хватило бы одного тома. Однажды, когда ему пришлось процитировать опредѣленіе любви Пальерона: «*De grands mots avant, des petits mots pendant et des gros mots après*», какая-то графиня, имени которой французъ не отважился привести, замѣтила: «*Moi, je n'ai jamais connue que les gros mots*». Впрочемъ, съ присущей французамъ утливостью онъ оговаривается, что русскія женщины знаютъ особенно *les grands mots* и *les petits mots*, хотя не можетъ поклясться, что имъ никогда не приходится выслушивать *gros mots*. О русскихъ дѣвушкахъ французъ отзывается съ большою похвалою, говоря, что, если онъ выходитъ замужъ по любви, то становятся замѣчательными женщинами. Материнство поглощаетъ ихъ вполне, но не касается ихъ интеллектуальной жизни: онъ дѣлаются болѣе матерями, чѣмъ супругами, а превосходное образование даетъ возможность руководить умственнымъ развитіемъ сыновей и нравственно вліять на ихъ душу.

— Вторичное отреченіе Наполеона и бѣлый терроръ. Въ прошедшемъ году однимъ изъ самыхъ видныхъ явленій французской исторической литературы было окончаніе замѣчательнаго труда Абри Гуссэ: «1815»¹⁾. Талантливый авторъ трудился надъ нимъ болѣе двадцати лѣтъ, и онъ состоитъ изъ трехъ томовъ. Въ первомъ томѣ изложена первая Реставрація, возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и «Сто дней»; во второмъ—Ватерлоо, а въ третьемъ окончаніе этой патетической трилогіи. Съ положительной художественностью, съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и съ обстоятельнымъ реализмомъ Гуссэ исполнилъ свою задачу, и успѣхъ его громаденъ. Первые двѣ части вышли въ пятидесяти изданіяхъ, а послѣдняя уже быстро достигаетъ того же колоссальнаго распространенія. Этотъ эпитогъ великой наполеоновской драмы заключаетъ въ себѣ не только послѣдніе дни Наполеона во Франціи, но и мрачную исторію монархическаго террора. Авторъ безпристрастно, но съ понятнымъ сожалѣніемъ рисуетъ паденіе несчастнаго, но во всякомъ случаѣ великаго человека, и, быть можетъ, впервые представляетъ во всей ихъ чудовищности роковую жестокость Бурбоновъ, убійство маршала Брюна, казни Нея и Лабедуайера, а также бѣлый терроръ на югѣ. Авторъ справедливо сравниваетъ эту тяжелую годину реакціи съ худшими годами Лиги и Столѣтней войны, когда Франція, обезоруженная и истощенная, едва не сдѣлалась вассаломъ испан-

¹⁾ 1815. *La seconde abdication. La terreur blanche. Par Henry Houssaye. Paris. 1906.*

скаго короля или не подпала подъ иго Англіи. Монархическія крайности Людовика XVIII и гнусная месть клерикальныхъ аристократовъ породили во Франціи страшную эпоху 1815 г. «Тогда не было арміи, — говоритъ Гуссэ, — страна не имѣла защиты, король безвластвовалъ; шестьдесятъ департаментовъ состояли подъ иностраннымъ игомъ; города платили контрибуціи; селенія были разорены; жители бѣжали въ лѣса; вся власть въ государствѣ находилась въ рукахъ враговъ; Франція подверглась расчлененію; гражданская война присоединялась къ войнѣ съ чужеземцами, три четверти населенія терпѣли дерзкое иго побѣдоносной партіи, и, наконецъ, политическія ненависти и религиозные ужасы наполняли всю страну огнемъ и убійствами. Здѣсь свирѣпствовали пруссаки, а тамъ роялистскіе убійцы; всюду царили насиліе, позоръ, нищета, отчаяніе и терроръ. И все же Франція возстала. Такая мысль поддерживала меня и придавала мнѣ силы рассказывать подобныя событія. Я научился изъ этого горькаго опыта твердой вѣрѣ въ счастье Франціи». Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ книги Гуссэ заключается въ томъ, что, изображая главныя историческія личности, онъ не упускаетъ представить полную конкретную картину обстановки этой человѣческой драмы. На первомъ планѣ, конечно, выступаютъ гевій Наполеона, неосторожность Нея и вѣроломство Фушэ, но ихъ окружаетъ толпа, долго невѣдомая историкамъ. По словамъ извѣстнаго французскаго критика, Ранэ Думика, толпа занимаетъ фонъ картины, но она не безмолвна, не неподвижна. Благодаря послѣднимъ открытіямъ исторіи и психологіи, роль толпы вполне обнаружена и ярко отмѣчена. По справедливому замѣчанію Гуссэ, «государя, полководцы и министры — не одни дѣйствующія лица въ исторіи: народъ и армія играютъ въ ней также видную роль. Рядомъ съ дворомъ и сенатомъ находится площадь, а подлѣ главной квартиры — лагерь». Рисуя послѣдній эпизодъ жизни Наполеона, Гуссэ старается вмѣстѣ съ тѣмъ изобразить чувства французовъ и ихъ дѣйствія въ 1815 г. Наполеонъ, Людовикъ XVIII, Талейрантъ, Фушэ, Ней, Даву, Карно занимаютъ, безъ сомнѣнія, первый планъ изображаемой имъ эпопеи, но недалеко отъ нихъ виднѣются поселяне, рабочіе, солдаты, буржуазія, какъ въ греческомъ театрѣ, и вы видите рядомъ съ Аяксомъ и Агамемнономъ хоръ стариковъ и воиновъ. «Если исторія революціи, — говоритъ Гуссэ, непонятна безъ уясненія себѣ тревоженней народной души, такъ и возвращеніе съ Эльбы, Ватерлоо и бѣлый терроръ не могутъ быть выяснены безъ должнаго понятія о коллективной личности народной толпы». Такова задача современнаго историка при воскрешеніи прошедшаго; при этомъ онъ долженъ всякую малѣйшую подробность своего разсказа основать на подлинныхъ документахъ, возстановить тѣ достовѣрныя декорации, въ которыхъ совершались описанныя событія, и предоставить толпѣ, окружавшей главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ея настоящую роль. Все это мы видимъ въ книгѣ Гуссэ, и потому представленная имъ картина событій 1815 г. — вполне вѣрна. Самъ переживъ ихъ, онъ даетъ возможность и читателю жить съ дѣятелями той эпохи и испытать то, что они испытали.

— Итальянскія письма жены дипломата. Подъ этимъ заглавіемъ вышло въ прошломъ году уже два изданія новыхъ книгъ 1) г-жи Ваддинг-

1) Italian letters of a diplomat's wife. By Mary King Waddington. London. 1906.

тонъ. Хотя означенный трудъ не столь интересенъ, какъ первый, въ которомъ она описывала картины великосвѣтскаго Лондона и Москву во время коронаціи Александра III, но авторъ живо рисуетъ Римъ во время своего тамъ пребыванія съ мужемъ, въ 1880 г., и когда она его посѣтила въ 1904 г., послѣ смерти Ваддингтона. Къ тому же заключающіяся въ этой книгѣ ея письма къ матери и сестрѣ обнимаютъ такой историческій и художественный цыклъ воспоминаній, что невольно читаются съ любопытствомъ. Письма начинаются съ оставленія Ваддингтономъ званія французскаго пергаго министра въ 1880 г. Прежде чѣмъ отправиться въ Италію, г-жа Ваддингтонъ описываетъ съ неподдѣльнымъ юморомъ посѣщеніе ея женою президента Грэви. Этотъ визитъ «de condoleance» былъ тѣмъ замѣчательнѣе, что у г-жи Ваддингтонъ сидѣли въ это время двѣ пріятельницы, до безумія роляистки: онѣ съ презрѣніемъ взглянули на президентшу, бывшую кухарку, и быстро удалились. Г-жа же Грэви отказалась отъ предложенной чашки чая и просидѣла у г-жи Ваддингтонъ, сколько необходимо было для официальнаго визита. На долю г-жи Ваддингтонъ пришлось уже не первый разъ принимать президентшу въ неловкихъ обстоятельствахъ. Въ то время, когда ея мужъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Макъ-Магонъ-вышелъ въ отставку, и его жена, изящная аристократка, сидѣла у г-жи Ваддингтонъ, какъ вдругъ въ комнату вошла новая президентша-кухарка. Герцогиня Макъ-Магонъ была очень рада познакомиться съ своей преемницей и обошлась съ нею съ полнымъ достоинствомъ, тогда какъ г-жа Грэви, видимо, растерялась и не знала, какъ вести себя. Герцогиня поспѣшно завела разговоръ о благотворительныхъ дѣлахъ, о художествѣ и т. д., при чемъ ей помогать русскій посолъ Орловъ, болтавшій и шутившій съ обѣими дамами. Эти два эпизода изъ переписки посланницы, какъ нельзя рельефнѣе, очерчиваютъ социальное развитіе, существующее въ верхнихъ слояхъ нынѣшняго республиканскаго общества во Франціи. Пребываніе г-жи Ваддингтонъ въ Римѣ въ 1880 г. было не первымъ, и она прекрасно знала вѣчный городъ, такъ какъ жила въ немъ нѣсколько лѣтъ въ юности, когда ея братъ, Кингъ, былъ американскимъ посланникомъ при папѣ. Поэтому она знала многихъ замѣчательныхъ людей исторической эпохи Италіи и не разъ видала папу Пія IX, хотя ему не представлялась. По словамъ Мингетти, одного изъ умнѣйшихъ итальянцевъ того времени, Пій IX былъ однимъ изъ либеральнѣйшихъ людей, которыхъ когда либо онъ зналъ. «Но, — прибавлялъ онъ съ улыбкой, — что онъ могъ сдѣлать? — вѣдь онъ былъ папой». Пій IX живо интересовался социальной жизнью Рима и съ удовольствіемъ слушалъ свѣтскіе разговоры тогдашняго англійскаго посла, Оддо Росселя. Самое сильное впечатлѣніе произвело на г-жу Ваддингтонъ благословеніе папою Шемъ IX съ балкона св. Петра толпы, которая привѣтствовала громкими криками всѣхъ, окружавшихъ его, даже Монтебелло, командовавшаго французскимъ оккупационнымъ отрядомъ. Но г-жу Ваддингтонъ также занимали встрѣчи съ папою на улицахъ въ то время, когда Пій IX еще не былъ ватиканскимъ узникомъ. Его выѣзды въ Римъ были настоящими королевскими процессіями, во главѣ которыхъ находился конный отрядъ *batta strada*, разгонявшій всѣ экипажи и торговцевъ. Затѣмъ въ красивомъ экипажѣ появлялся папа съ двумя духовными лицами. За нимъ слѣдо-

вало нѣсколько кардиналовъ и его свита, папская гвардія замыкала шествіе. Всѣ встрѣчавшіеся проѣзжіе останавливались, и мужчины выходили изъ экипажей и становились на колѣни, а дамы поднимались со своихъ мѣсть и кланялись. Старикъ весь въ бѣломъ высовывался изъ кареты и благословлялъ толпу. Онъ рѣдко гулялъ пѣшкомъ по улицамъ Рима, но его можно было видѣть часто въ виллахъ Памфили и Боргезе. «Однажды, гуляя съ цѣлой толпой итальянской и американской молодежи, — рассказываетъ г-жа Ваддингтонъ, — я встрѣтила папу пѣшкомъ въ саду виллы Памфили, и такъ какъ всѣ мои итальянскіе товарищи и товарки встали на колѣни, то мы, протестанты, послѣдовали ихъ примѣру, и Пій IX съ улыбкой благословилъ всѣхъ насъ». Совершенно не походилъ на этого папу Левъ XIII, котораго она видѣла во время своего второго пребыванія въ Римѣ, уже съ мужемъ. «Онъ былъ высокаго роста, худощавый, съ чрезвычайно интеллигентнымъ выраженіемъ лица и удивительно блестящими глазами, — говоритъ г-жа Ваддингтонъ. — Онъ принялъ насъ очень любезно и посадилъ на золоченныя кресла по обѣ стороны своего кресла подъ роскошнымъ балдахиномъ. Со мною онъ говорилъ по-итальянски, когда узналъ, что я была прежняя обитательница Рима, а съ Ваддингтономъ — по-французски, такъ какъ, несмотря на то, что папа знаетъ по-итальянски, онъ предпочитаетъ говорить по-французски. Левъ XIII зналъ всѣ подробности о французскихъ дѣлахъ, даже то, что въ министерствѣ Ваддингтона было три протестанта: онъ самъ, Леонъ Сэ и Фрейсинэ. Въ своемъ разговорѣ папа говорилъ очень много о политикѣ и объ отношеніяхъ Франціи къ католической церкви. Ваддингтонъ сначала былъ очень остороженъ въ своихъ замѣчаніяхъ, но папа, взглянувъ на него своими блестящими, провицательными глазами, сказалъ: «Je vous en prie, mr. Waddington, parlez sans reserves». Мы пробыли у него три четверти часа, и наша бесѣда была очень интересна. Очевидно, Левъ XIII былъ радъ видѣть Ваддингтона, потому что считалъ его, какъ протестанта, безпристрастнымъ политическимъ дѣятелемъ. Отъ времени до времени онъ обращался ко мнѣ и спрашивалъ меня по-итальянски, интересуется ли меня политика, и много ли я нашла старыхъ друзей въ Римѣ. При прощаніи мы оба поцѣловали руку папы. Вообще Ваддингтонъ былъ очень заинтересованъ всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ въ Ватиканѣ». Здѣсь, кстати, привести и свиданіе г-жи Ваддингтонъ въ ея послѣднее посѣщеніе Рима въ 1904 г. съ папой Піемъ X. «Онъ стоялъ посреди маленькой комнаты, — говоритъ она, — стѣны которой были декорированы красной матеріей, на полу лежалъ также красный коверъ, а въ концѣ стояло три золоченныхъ кресла. Я съ своей пріятельницей, маркизой Тайлеранъ-Перигоръ, урожденной Картръ, низко присѣла предъ папой, такъ какъ мы обѣ были протестантками и слѣдовательно не нуждались ни въ колѣноуклоненіи, ни въ цѣлованіи руки. Папа подошелъ къ намъ, пожалъ намъ руки и указалъ намъ на кресла. Онъ былъ, конечно, весь въ бѣломъ и говорилъ исключительно по-итальянски, хотя понималъ по-французски, но самъ не могъ объясняться на этомъ языкѣ. Его прекрасное лицо дышало искренностью, а устремленные къ небу глаза выражали необыкновенную простоту; во всякомъ случаѣ онъ не походилъ на аскетически-интеллектуальнаго Льва XIII, ни на добродушно-улыбающагося, хотя саркастической улыбки»

кой, Пия IX, но его наружность была такова, что, увидавъ ее разъ, никогда ея не забудешь. Я спросила его, такъ ли онъ теперь уставалъ, какъ въ первое время избранія его въ папы. Онъ отвѣчалъ, что, конечно, въ первое время ему было очень тяжело отъ переменъ обычаевъ, климата и пищи, хотя послѣднее замѣчаніе было странно, такъ какъ между Римомъ и Венеціей могла быть разница только въ количествѣ рыбы. Онъ говорилъ очень мало о Франціи и трудныхъ временахъ, переживаемыхъ католической церковью; зная, что я была протестантка и старая жительница Рима, онъ спросилъ меня, сколько лѣтъ я уже не видала вѣчнаго города, замѣтилъ: «Вы ужъ не узнаете знакомаго вамъ стараго Рима: въ немъ произошло много, много переменъ». Поговоривъ съ Бетси объ Америкѣ и тамошней католической церкви, папа спросилъ, знаютъ ли онъ объ Венеціи. И лицо его совершенно просіяло, когда они стали разговаривать о любимомъ его городѣ. Его очень любили въ Венеціи. Онъ сдѣлалъ на г-жу Ваддингтонъ впечатлѣніе человѣка, который еще не привыкъ къ своему новому положенію, но который рѣшился во что бы то ни стало исполнять свой долгъ. «Однако я, — прибавляетъ авторъ, — должна сказать, что большинство людей въ Римѣ увѣрено, что онъ совершенно подчинится окружающимъ его, которые не дозволяютъ ему имѣть никакой инициативы. Когда мы прощались съ папой, то я сказала, что хочу у него кое-что попросить. «Dico, dico, la prezo (скажите, скажите, прошу васъ)», — отвѣчалъ онъ. Тогда я объяснила, что я протестантка, и мой мужъ тоже протестантъ, но мой сынъ женился на католичкѣ, и я желала бы передать ей благословеніе папы. Онъ знакомъ пригласилъ меня встать на колѣни и, дотронувшись рукой до моей головы, сказалъ по-латыни необходимыя слова, потомъ прибавилъ: «E per lei et tutta la sua famiglia (и для васъ и для всей вашей семьи)». Когда мы удалились, то папа изъ любезности немножко отвернулся, чтобы не заставлять насъ итти пятясь по этикету. Послѣ визита къ папѣ мы посѣтили кардинала Мерри-Дель-Валь, и я была рада, что познакомилась съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ также встрѣтилъ насъ стоя и тотчасъ предложилъ намъ сѣсть. Онъ — высокаго роста, красивый молодой человѣкъ, настоящій *homme du monde*. По его собственнымъ словамъ, ему еще не было сорока лѣтъ, и онъ походитъ скорѣе на англичанина, чѣмъ на итальянца. Впрочемъ, это не удивительно, такъ какъ его мать — англичанка. Онъ изъясняется по-англійски не хуже меня и говоритъ, что онъ знаетъ почти всѣ языки. Вообще, Мерри-Дель-Валь, повидимому, читалъ все на свѣтѣ и въ курсѣ всего, что говорятъ и думаютъ во всѣхъ странахъ. Онъ говорилъ о политикѣ болѣе папы и такъ же, какъ онъ, сожалѣлъ о происшедшемъ во Франціи. Признаюсь, что я никогда не видала такого кардинала; это, быть можетъ, потому, что онъ молодъ и скорѣе кажется свѣтскимъ человѣкомъ, чѣмъ духовнымъ лицомъ. Впрочемъ, типъ послѣдняго, какъ все остальное въ Римѣ, чрезвычайно измѣнился». Отъ папы одинъ шагъ до королей, и хотя г-жа Ваддингтонъ видѣла въ юности «*re galantuomo*», но не говоритъ о немъ ни слова, а распространяется только о короляхъ Гумбертѣ и Викторѣ-Эммануилѣ II. Она не представлялась королю Гумберту, но ея мужъ присутствовалъ на королевской аудіенціи, при чемъ Гумбертъ былъ съ нимъ очень любезенъ и разговорчивъ. Онъ

говорилъ меньше папы о политикѣ и увѣрялъ, что Франція и Италія, какъ двѣ великія латинскія расы, должны быть друзьями. Вообще весь пріемъ отличался простотою, не похожей на чопорность Ватикана. Онъ происходилъ въ королевскомъ кабинетѣ, и Ваддингтонъ видѣлъ во дворцѣ только толстаго швейцара, двухъ или трехъ лакеевъ и дежурнаго королевскаго адъютанта. Что же касается до королевы Маргариты, то г-жа Ваддингтонъ была ей представлена вмѣстѣ съ мужемъ, которому королева очень понравилась. Онъ напелъ ее высоко образованной и *très instruite*. По словамъ г-жи Ваддингтонъ, они во время разговора совершенно забыли, что были въ присутствіи королевской особы. Вообще она—очаровательная женщина, и вся ея обстановка въ комнатѣ, гдѣ она принимала Ваддингтоновъ, отличалась привлекательностью, прекрасными картинами и безконечными художественными бездѣлушками. Онѣ говорили преимущественно по-французски, но отчасти и на англійскомъ языкѣ, который королева хорошо знаетъ. Во время этой бесѣды въ комнату вошелъ маленькій неаполитанскій принцъ, теперешній король, и на вопросъ г-жи Ваддингтонъ, любитъ ли онъ лошадей, и есть ли у него лошадка, —отвѣчалъ: «O, yes! j'oleu!» Во время своего посѣщенія Рима въ 1904 г. г-жа Ваддингтонъ и королева Маргарита были обѣ вдовами. Въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ она немного потолстѣла, но, по замѣчанію г-жи Ваддингтонъ, она была попрежнему прелестна; ея пріемъ отличался добродушной простотою, и съ нею можно было разговаривать обо всемъ, особенно о всякаго родѣ спортѣ, между прочимъ, объ автомобиляхъ, которые она очень любила. Молодой королевѣ Еленѣ г-жа Ваддингтонъ представилась въ послѣдній свой визитъ въ Римъ и отзывается о ней также очень сочувственно. «Королева, —разсказываетъ она, —высокаго роста, темноволосая, съ прекрасными глазами и пріятной улыбкой. Она такъ радушно меня приняла, что не дала сдѣлать трехъ обычныхъ придворныхъ поклоновъ и тотчасъ усадила меня. Нашъ разговоръ былъ не долгій, и королева говорила больше о своихъ дѣтяхъ и спрашивала меня о моемъ сынѣ». Королю Виктору-Эммануилу II г-жа Ваддингтонъ не представлялась, но видѣла его на придворномъ балѣ, гдѣ онъ стоялъ возлѣ королевы, сидѣвшей на парадномъ креслѣ, и разговаривалъ съ очень немногими посланниками и знатными иностранцами. Г-жѣ Ваддингтонъ говорили знакомые итальянцы, что король почти никогда не разговаривалъ съ дамами. Кромѣ того, г-жа Ваддингтонъ присутствовала на великолѣпномъ концертѣ во дворцѣ, гдѣ королева принимала очень небольшое избранное общество. Наконецъ, во время нахождения въ тотъ разъ г-жи Ваддингтонъ въ Римѣ пришлось большія празднества въ честь пріѣзда французскаго президента Лубэ, и она присутствовала при всѣхъ торжествахъ, имѣя возможность видѣть досыта королевскихъ особъ и высокопоставленныхъ личностей во всевозможныхъ блестящихъ мундирахъ. По этому случаю она разсказываетъ очень забавный анекдотъ въ Вашингтонскомъ Бѣломъ домѣ иностранныхъ посланниковъ. Какъ извѣстно, туда допускаютъ всѣхъ американцевъ безъ различія положеній, и однажды, увѣряетъ г-жа Ваддингтонъ, послышался въ толпѣ чей-то голосъ: «Что это за люди въ золоченныхъ ливреяхъ и пестрыхъ лентахъ?» На это типичный янки отвѣчалъ: «Я полагаю, это—музыканты». Большинство страницъ въ интересной книгѣ

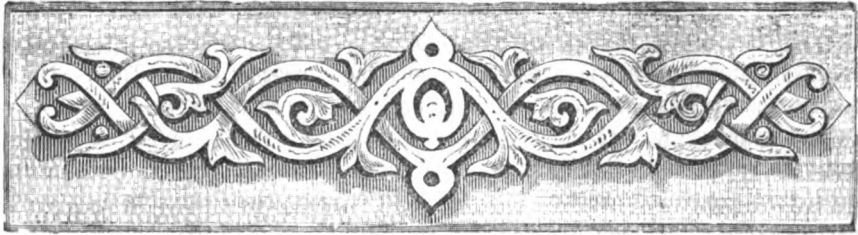
г-жи Ваддингтонъ наполнены художественными картинками итальянской природы, предметов искусства и живыми портретами современныхъ итальянскихъ дѣятелей. Въ послѣднемъ отношеніи она рельефно рисуетъ характеристики Мингетти, Кароли Депретиса, Висконти Векосты, Селлы и проч. Чрезвычайно оригинальны строки, посвященные г-жей Ваддингтонъ знаменитой актрисѣ Ристори, теперь маркизѣ Каиронники. По ея словамъ, Ристори до сихъ поръ имѣетъ поразительное выраженіе лица, говоритъ очень много преимущественно на безупречномъ французскомъ языкѣ. Бывшей американкѣ и ея маленькому американскому обществу очень хотѣлось видѣть игру артистки въ старости, и если имъ это не удалось, то они присутствовали при нѣкотораго рода замѣчательной сценѣ, разыгранной великой актрисой. Во время одного обѣда, на которомъ присутствовали Ристори и г-жа Ваддингтонъ, на улицѣ послышалась громкая ссора кучеровъ. Ристори не выдержала, узнавъ голосъ своего кучера, а вскочила изъ-за стола, подбѣжала къ окну, отворила его и начала бранить кучера самыми отборными словами. «Che diavolo!»—кричала она звучнымъ, трагическимъ голосомъ, и присутствующіе едва могли ее усюкоить.

— Смерть Альфреда Рамбо и Поля Мѣриса. 10 ноября истекшаго года скончался послѣ продолжительной болѣзни извѣстный историкъ, профессоръ и политическій дѣятель Альфредъ Рамбо, а ровно чрезъ мѣсяцъ, 10 декабря, французская литература лишилась своего почетнаго ветерана, друга Виктора Гюго—Поля Мѣриса. Первый изъ нихъ родился въ Безансонѣ 2 іюля 1842 г. и воспитывался въ Нормальной школѣ, изъ которой вышелъ со степенію доктора литературы. Онъ преподавалъ исторію въ лицеяхъ Нанси, Буржа и Кальмара, а, кромѣ того, участвовалъ съ Анатолемъ Леруа-Болье и Луи Лежэ въ литературной экспедиціи въ Россію; онъ совершилъ два путешествія въ Петербургъ, Москву, Кіевъ и Казань, съ цѣлю основательно изучить Россію, которая тогда становилась союзникомъ Франціи. Возвратясь на родину, онъ прежде всего издалъ «Героическія пѣсни Россіи», обратившія на себя гнѣвное вниманіе прусской критики. Затѣмъ онъ напечаталъ вторую книгу о Россіи, подъ названіемъ: «Москва и Севастополь», удостоившуюся большой похвалы Александра III, бывшаго еще тогда наслѣдникомъ престола, и наконецъ составилъ свою знаменитую «Исторію Россію», имѣвшую большой успѣхъ во Франціи и переведенную на многіе языки. По увѣренію нѣкоторыхъ русскихъ критиковъ, на русскомъ языкѣ нѣтъ подобной обстоятельной, хотя краткой исторіи. Когда его большой другъ Жюль Ферри сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, то онъ назначилъ Рамбо директоромъ департамента, и въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ усердно подготавливалъ всѣ реформы въ дѣлѣ общественнаго образованія, ознаменовавшія ту эпоху. По удаленіи изъ министерства Жюля Ферри, Рамбо получилъ въ Сорбоннѣ только что основанную кафедру современной исторіи и принялся за извѣстную трехтомную «Исторію французской цивилизаціи». Около того же времени онъ былъ назначенъ редакторомъ «Revue politique et littéraire», которая обратилась впоследствии въ «Revue Bleue». Два года онъ усердно занимался журнальнымъ трудомъ, посвящая всѣ свои силы распространенію либеральныхъ и демократическихъ идей. Въ 1890 г. по случаю новыхъ посылокъ за границу и личныхъ литературныхъ

трудоу, онъ отказался отъ редакціи «Revue Bleue» и прежде всего издалъ извѣстную книгу, имѣющую большое историческое значеніе: «Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France en Russie» (1890), а потомъ принялся вмѣстѣ съ историкомъ Лависсомъ за изданіе ихъ монументальнаго труда: «Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашихъ дней». Послѣ многихъ лѣтъ усидчивой работы этотъ трудъ приведенъ къ окончанію, и въ немъ Рамбо главнымъ образомъ писалъ все, что касается Россіи. Въ 1896 г. Рамбо сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія въ министерствѣ Мелина, и при немъ не только заключенъ былъ, къ величайшему его удовольствію, союзъ съ Россіей, но еще проведенъ новый законъ объ университетахъ. Однако, вслѣдствіе своего чрезвычайнаго труда онъ нажилъ тяжелое воспаленіе легкихъ, которое совершенно разстроило его здоровье. Въ это же время онъ находился нѣсколько лѣтъ членомъ сената и въ послѣдніе годы избранъ академикомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Несмотря на свое слабое здоровье, онъ издалъ нѣсколько политическихъ сочиненій, изъ которыхъ всего болѣе замѣчательна историческая монографія: «Жюль Ферри», и, кромѣ того, написалъ нѣсколько интересныхъ и живыхъ историческихъ романовъ, въ числѣ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣлъ «Кароагенскій императоръ».

Поль Мѣрись былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ французскихъ литераторовъ настоящаго времени и дожилъ до глубокой старости, именно до восьмидесяти пяти лѣтъ. Родившись въ Парижѣ въ 1820 г., онъ былъ сыномъ золотыхъ дѣлъ мастера, но посвятилъ себя изученію права, однако вскорѣ онъ предался всецѣло литературѣ. Подружившись съ Векри, онъ вмѣстѣ съ нимъ посвятилъ всю свою жизнь служенію славѣ Виктора Гюго. Конечно, онъ былъ яркимъ романтикомъ и, какъ въ беллетристическихъ, такъ и въ драматическихъ произведеніяхъ шелъ по слѣдамъ великаго поэта. Въ 1848 г. онъ былъ редакторомъ газеты «Evénement», основанной Викторомъ Гюго, и высидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за слишкомъ либеральныя стремленія. Черезъ двадцать лѣтъ онъ принялъ участіе въ изданіи газеты «Rapport», также основанной Викторомъ Гюго, и много лѣтъ состоялъ ея издателемъ. Изъ его драматическихъ произведеній самыя извѣстныя: «L'avocat des pauvres», «Fanfan la tulipe», «Struensée». Кромѣ того, онъ передѣлалъ для сцены знаменитые романы своего великаго друга: «Notre Dame de Paris» и «Quatre-vingt-treize». Въ числѣ его романовъ наибольшій успѣхъ имѣли «Ascanio», «Amauni» и «Les deux Dianes». Въ послѣдніе годы онъ занимался исключительно изданіемъ посмертныхъ сочиненій Виктора Гюго. Мѣрись умеръ совершенно неожиданно; вечеромъ у него обѣдало нѣсколько пріятелей, и онъ легъ спать, нимало не подозрѣвая близости конца. Ночью у него случился параличъ сердца, и онъ умеръ не просыпаясь.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ СОБРАНИИ архитекторовъ. 29 ноября минувшаго года въ собраніи архитекторовъ разсматривался проектъ конкурса на постройку зданія государственной думы. Мѣстомъ постройки предполагается Царицынъ лугъ. Зданіе намѣчено въ два этажа. Въ первомъ этажѣ помѣстятся: залъ засѣданій государственной думы съ прилегающими комнатами, въ центрѣ зала мѣсто для предсѣдателя государственной думы, мѣста для министровъ и секретарей, кругомъ амфитеатромъ для членовъ думы 650 мѣстъ. Немного ниже мѣста предсѣдателя каеэдра для ораторовъ, а еще ниже мѣста для стенографовъ. Во второмъ ярусѣ кругомъ амфитеатра идутъ хоры и ложи. Противъ мѣста предсѣдателя царская ложа на 12 человекъ съ прилегающими къ ней пріемными, уборными и отдѣльнымъ ходомъ; ложа для дипломатическаго корпуса на 20 человекъ, ложа для членовъ государственнаго совѣта на 20 человекъ, ложа для членовъ государственной думы на 80 человекъ, ложа для представителей печати, 2 ложи на 40 человекъ представителей различныхъ правительственныхъ учреждений, ложа на 200 мѣстъ для публики и хоры. Второй этажъ будетъ занятъ кабинетами предсѣдателя думы, товарищей предсѣдателя, министровъ, затѣмъ общій залъ совѣта, пріемныя, залы для публики и членовъ думы. Проектъ для конкурса одобренъ единогласно. Участіе въ конкурсѣ принимаютъ только русскіе. Сумма, выданная обществомъ для конкурса, 2.000 рублей: пять премій, по четыреста рублей каждая. Срокъ конкурса—28 февраля 1906 г. Стоимость постройки не опредѣлена.

Сорокалѣтне дѣятельности высочайше утвержденной комиссiи для разбора и описанiя архива святѣйшаго синода. 6 декабря 1905 г. исполнилось сорокъ лѣтъ со времени учрежденiя комиссiи для разбора и описанiя архива святѣйшаго синода. Въ 1865 г. синодальный оберъ-прокуроръ, графъ Дм. А. Толстой, посѣтилъ синодальный архивъ и нашелъ его въ состоянiи, далеко не соответствующемъ тому устройству, какой онъ долженъ былъ имѣть, какъ хранилище документовъ высшаго управленiя православной церкви. Тѣснясь въ 4-хъ комнатахъ и храня въ себѣ много ненужнаго или имѣющаго только косвенное къ нему отношенiе, архивъ былъ частью синодальной канцелярiи, «складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ дѣлъ и вещей». Попытки къ приведенiю его въ порядокъ, начавшiяся съ половины XVIII столѣтiя, не имѣли успѣха. Послѣдняя попытка 1860 г. разбора архива окончилась тѣмъ, что десятки тысячъ дѣлъ предназначены были къ уничтоженiю. Въ это-то время и подана была Н. И. Григоровичемъ (послѣ начальникомъ архива) мысль объ учрежденiи ученой архивной комиссiи для приведенiя въ порядокъ и ясность синодальнаго архива. Высочайшее соизволенiе послѣдовало 6 декабря 1865 г. Во главѣ комиссiи съ самаго ея учрежденiя почти 35 лѣтъ стоялъ ординарный академикъ Ае. Ѳ. Бычковъ, а нынѣ комиссiя имѣетъ своимъ предсѣдателемъ ординарнаго академика А. И. Соболевскаго и членами: ординарнаго академика Е. Е. Голубинскаго, профессоровъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ учебныхъ заведенiй—протоіерея М. И. Горчакова, С. Ѳ. Платонова, П. Н. Жуковича и С. Г. Рункевича, сенатора дѣйств. тайн. сов. А. Г. Вишнякова, управляющаго синодальной канцелярiей С. П. Григоровскаго, его помощника Н. Ѳ. Маркова, прокурора московской синодальной конторы А. А. Завьялова, управляющаго синодальной типографiей А. В. Гаврилова, начальника синодальнаго архива К. Я. Здравомыслова, архивариусовъ—И. Д. Дьяконова и А. И. Никольскаго, и еще семь лицъ свѣтскаго и духовнаго званiя, труженниковъ по духовному вѣдомству, любящихъ науку и интересующихся архивнымъ-дѣломъ: А. Н. Надеждина, свящ. В. А. Васильева, Ѳ. И. Виноградова, Ф. П. Виноградова, Б. Н. Жуковича, П. П. Лукьянова и П. Д. Овсянкина. Съ сознаниемъ важности возложеннаго на нее дѣла, комиссiя начала и продолжала свои занятiя, довела архивъ и библиотечку святѣйшаго синода до нынѣшняго образцоваго ихъ состоянiя и въ пятый десятокъ лѣтъ своей дѣятельности вступаетъ съ полною готовностью работать и расширять свое дѣло. Архивъ и библиотечка святѣйшаго синода, по высочайше утвержденному 31 iюля 1897 г. о нихъ «Положенiю», представляютъ собою въ настоящее время отдѣльное ученое учрежденiе, открытое для занятiй ученыхъ изслѣдователей. Они занимаютъ 14 комнатъ въ первомъ этажѣ синодальнаго зданiя, сухихъ, свѣтлыхъ и безопасныхъ въ пожарномъ отношенiи, съ каменными сводами и такими же полами, съ электрическимъ освѣщенiемъ и духовымъ отопленiемъ. Дѣла въ архивѣ (460.000 дѣлъ и 6.000 томовъ документовъ) раздѣлены на 27 отдѣловъ, а книги въ библиотекѣ (до 80.000 названiй)—на 22 отдѣла; хранятся въ шкафахъ, закрытыхъ глухими деревянными или рѣшетчатыми проволочными дверцами; половина дѣлъ вложена въ картонны, а половина хранится въ связкахъ; на шкафахъ, картонахъ, связкахъ и дѣлахъ показаны отдѣлы, годъ и № дѣла. Сдаточныя и ин-

вентарныя описи, а также систематически-предметныя, алфавитныя указатели, личныя и предметныя, на желѣзныхъ дугахъ, въ книгахъ и на карточкахъ имѣются, хотя и не за всѣ годы. Составлены также карточные каталоги, авторскій и предметный, для книгъ библіотеки. Выработаны утвержденныя въ 1891 г. правила сдачи и выдачи дѣлъ, документовъ и книгъ на справку и для чтенія и занятій. Утверждены въ 1895 г. и новыя штаты архива и библіотеки, но поддержаніе въ порядкѣ этого огромнаго и ежегодно разрастающагося хозяйства съ предметами, не неподвижно лежащими, а ежедневно и иногда въ большомъ количествѣ находящимися въ обращеніи, составленіе алфавитовъ, облегчающихъ работу ученыхъ изслѣдователей, и другія многочисленныя архивныя занятія заставляютъ прибѣгать къ найму многихъ постороннихъ работниковъ. Комиссія руководитъ всѣмъ этимъ дѣломъ, обсуждаетъ и разсматриваетъ работы, даетъ совѣты, составляетъ постановленія и проводитъ ихъ въ архивѣ чрезъ своихъ дѣлопроизводителей—начальниковъ архива и библіотеки. Свою издательскую дѣятельностію комиссія давно приобрѣла себѣ почетную извѣстность. По отзывамъ знатоковъ, изданія ея, образцовыя во всѣхъ отношеніяхъ, послужили матеріаломъ для многихъ уже церковно-историческихъ ученыхъ изслѣдованій. Изданія эти слѣдующія: «Описаніе дѣлъ и документовъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода»—издано 12 томовъ описанія дѣлъ за 1542—1732 г.г. (кромѣ 1729 г.), печатается и скоро выйдеть въ свѣтъ 7 томовъ за 1729, 1735—1738, 1740 и 1747 г.г., и составляютъ 13 томовъ по 1751 г включительно. «Полное собраніе постановленій и распорядженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи»—издано 10 томовъ за 1721—1737 и 1741—1743 г.г., печатается 2 тома за 1744—1745 и 1763—1767 г.г., и составляется одинъ томъ за 1738—25 ноября 1741 г. «Описаніе архива бывшихъ грекоуніатскихъ митрополитовъ»—изданъ одинъ томъ за 1470—1700 г.г., и печатаются 2 тома за 1700—1839 г.г. «Отеческое завѣщаніе Посошкова»—съ новооткрытою въ синодальномъ архивѣ второю половиною этого литературнаго памятника. Вначалѣ изданія печатались въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; нынѣ количество печатаемыхъ экземпляровъ сокращено до 900; полный комплектъ оставшихся изданій продается съ уступкою 75°/₁₀₀; нѣкоторые томы составляютъ библиографическую рѣдкость. Но не одинъ только синодальный архивъ былъ предметомъ занятій комиссіи. Немало проведено ею положеній, объединяющихъ архивное дѣло въ духовныхъ консисторіяхъ, духовныхъ правленіяхъ, монастыряхъ, церквяхъ и духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Благодаря комиссіи, приостановлено въ епархіальныхъ архивахъ уничтоженіе старыхъ дѣлъ цѣлыми разрядами; выработаны утвержденныя святѣйшимъ синодомъ правила разбора дѣлъ въ духовныхъ консисторіяхъ («Странникъ» 1869 г., сентябрь). Описаніе консисторскихъ архивовъ, учрежденіе особыхъ епархіальныхъ церковно-археологическихъ комитетовъ съ историческими при нихъ архивами и музеями, учрежденіе должности епархіальнаго архивиста и проч.—все это, по грандіозности предпріятія, остается пока въ проектѣ. Вся бѣда въ помѣщеніяхъ консисторскихъ архивовъ: они тѣсны, темны, по мѣстамъ сыры и небезопасны отъ огня (8 архивовъ сгорѣло, и во многихъ истлѣли дѣла старыхъ лѣтъ). Будь эти помѣщенія обширны, они хра-

нили бы и дѣла старыхъ лѣтъ, да принимали бы къ себѣ на храненіе и дѣла закрываемыхъ и упраздняемыхъ духовныхъ правленій, монастырей, церквей, епархіальныхъ попечительствъ, различныхъ комитетовъ, комиссій и другихъ мѣстныхъ учреждений, дѣла коихъ, большею частью, куда-то исчезаютъ, или же хранятся гдѣ нибудь нѣкоторое время, а потомъ либо топятся въ водѣ, либо сжигаются на иллюминаціи въ пасхальную ночь. Многіе архивы буквально спасены комиссіею отъ уничтоженія. Кромѣ вопросовъ архивовѣдѣнія, въ комиссіи возбуждались вопросы и чисто археологическаго характера. Такъ, святѣйшимъ синодомъ передавались на заключеніе комиссіи вопросы объ охраненіи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, о возобновленіи комитета 1853 г. по описанію рязницъ и древнихъ памятниковъ. Въ послѣднее время бывшимъ начальникомъ архива, А. Н. Львовымъ, возбужденъ былъ вопросъ объ охраненіи вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ родной старины, пріостановленный по независящимъ отъ комиссіи обстоятельствамъ, съ правомъ возобновить его, когда будетъ необходимо и удобно. Но поданная комиссіею благая мысль пустила въ провинціи корни и дала уже обильный плодъ въ видѣ весьма многихъ церковно-историческихъ и археологическихъ обществъ, комитетовъ, комиссій и древлехранилицъ, открытыхъ уже въ 30 епархіяхъ—Архангельской, Владимирской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Гродненской, Донской, Калужской, Кишиневской, Кіевской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Олонецкой, Орловской, Пензенской, Подольской, Полоцкой, Псковской, Рижской, Рязанской, С.-Петербургской, Смоленской, Ставропольской, Тверской, Тобольской, Тульской, Холмской, Черниговской и Ярославской. Нѣкоторыя изъ этихъ учреждений имѣютъ печатныя изданія своихъ трудовъ. Утвержденныя святѣйшимъ синодомъ въ 1904 г. новыя правила точно опредѣляютъ занятія комиссій: продолженіе начатыхъ изданій; изданіе памятниковъ исторіи, литературы и права, хранящихся въ синодальномъ архивѣ, и посвященныхъ этимъ памятникамъ изслѣдованій; обсужденіе архивныхъ и археологическихъ вопросовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе комиссіи святѣйшимъ синодомъ и его оберъ-прокуроромъ; доклады членовъ о своихъ трудахъ по комиссіи и вообще по вопросамъ архивовѣдѣнія и археологіи, изъ коихъ на очереди вопросы—о мѣрахъ къ своевременной сдачѣ дѣлъ въ архивъ изъ канцелярій, о централизаціи архивовъ духовнаго вѣдомства и о мѣрахъ къ охраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ родной старины.

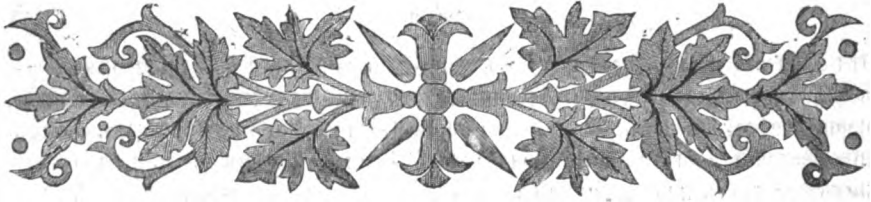
Галицко-русское общество. Въ галицко-русскомъ обществѣ 1 декабря прошлаго года, въ присутствіи многочисленныхъ членовъ, подѣ председательствомъ профессора Будиловича, сдѣлала интересныя сообщенія холмская депутація. Первую рѣчь держалъ преосвященный Евлогій; онъ обрисовалъ въ яркихъ краскахъ тяжелое положеніе русскихъ среди польскаго края, рядъ насильствъ надъ совѣстью, надъ жизнью православныхъ крестьянъ, вслѣдствіе чего много русскихъ перешло въ католичество. Какъ единственное средство спасенія русскихъ, преосвященный видитъ въ отдѣленіи Забужья отъ Польши, для чего собственно и пріѣхала въ Петербургъ депутація. Священникъ Трачъ выяснилъ, что въ Холмщинѣ только попы да крестьяне русскіе, чиновниковъ и средняго сословія тамъ нѣтъ, а помѣщики всѣ поляки и католики, крестьяне же,

большую часть, лишь арендаторы, а въ меньшинствѣ это—мелкіе собственники. Съ арендаторами расчеты короткіе: «Хочешь у меня жить арендой,—говоритъ панъ-помѣщикъ,—переходи въ католичество, а не хочешь—убирайся». Горячо отстаивалъ отецъ Трачъ и русское духовенство въ краѣ, терпящее униженія и притѣсненія и все-таки борющееся. Въ безыскусственныхъ словахъ подтвердили рѣчь священника Трача и крестьяне изъ Холмскаго, Грубешовскаго, Влодавскаго и Томашовскаго уѣздовъ. Одинъ изъ нихъ высказалъ, между прочимъ, такую идею, что у крестьянъ нѣтъ настоящихъ школъ, что имъ нужно дать такія же школы, какія даютъ господамъ, тогда будетъ больше свѣта въ народѣ и больше справедливости. Рассказывали крестьяне, какъ прѣзжали мутить русскія села разные бунтари. Игуменья Вировскаго монастыря засвидѣтельствовала, какъ къ ней приходять сотнями обиженные крестьяне, которыхъ преслѣдуютъ латиняне; до чего доходятъ эти фанатики, видно изъ разсказа игуменья, что они распустили слухъ, что обитель закрыта теперь, что она назначена польскимъ монастыремъ. Мало того, они подъ монастырскій праздникъ даже дорогу въ монастырь испортили, разбросали разныя колючки, и бѣдные крестьяне портили себѣ обувь и одежду, равили ноги, но все-таки пришли на монастырскій праздникъ. Обитель содержитъ школу на 200 дѣвчонокъ, и теперь не знаетъ, какъ быть: нѣтъ у нея средствъ, все кругомъ обдѣнѣло, а дѣти и православные все больше и больше ищутъ укрыться въ ней. Игуменья закончила рѣчь обращеніемъ къ русскимъ людямъ, что они должны помочь холмцамъ и русскому крестьянству, что отдать древнюю православную Русь, наслѣдіе князя Владимира, было бы государственнымъ преступленіемъ. Собраніе постановило выработать отъ общества адресъ государю императору о Холмской Руси.

Юбилей І. І. Ясинскаго. Въ декабрѣ 1905 г. исполнилось 35 лѣтъ плодотворной литературной дѣятельности Іеронима Іеронимовича Ясинскаго, извѣстнаго беллетриста, публициста и журналиста. Его прекрасно знаютъ читатели, любящіе «изящную литературу», какъ автора многочисленныхъ романовъ и повѣстей, талантливыхъ и, большую часть, идейныхъ,—произведеній, въ которыхъ виденъ истинный художникъ. Но І. І. Ясинскаго знаютъ не менѣе отлично и читатели газетъ, какъ даровитаго работника, изслѣдовавшаго жизнь и нужды провинціи. Одно время его псевдонимъ Независимый, которымъ почтенный писатель подписывалъ свои статьи въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» во время редактированія имъ этого органа,—пользовался большой популярностью и далъ ему возможность основать собственное изданіе, посвященное интересамъ провинціи. Въ прошломъ году г. Ясинскій могъ праздновать еще и двадцатипятилѣтіе беллетристической дѣятельности Максима Бѣлинскаго, такъ какъ этимъ именемъ были подписаны его первые разсказы: «На чистоту», «Дѣти», «Ночь» и «Распѣлата», появившіеся въ журналѣ «Слово» 1880 г., гдѣ онъ также былъ однимъ изъ редакторовъ. Съ появленія въ литературѣ Максима Бѣлинскаго собственно и начинается извѣстность г. Ясинскаго, которую упрочили два его произведенія «Искра Божія» и «Всходы»—живыя, ярко талантливыя картины провинціальной жизни,—напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1882 г.) редакціи М. Е. Салтыкова, который очень высоко ставилъ

эти произведёнія, дѣйствительно блестящія по замыслу и выполнённю, и справедливо предрекаль ихъ автору беллетристическій успѣхъ. Нѣтъ почти такого періодическаго изданія, гдѣ бы почтённый беллетристъ не помѣщаль своихъ произведёній, а читатели «Историческаго Вѣстника» ещё въ двухъ предпоследнихъ книжкахъ журнала имѣли возможность убѣдиться, насколько ещё свѣжимъ и разностороннимъ сохранился талантъ нашего писателя-юбилара. Печать этого таланта, болѣе или менѣе яркаго, лежитъ на всѣхъ произведёнїяхъ, на всѣхъ его предпрїятїяхъ. Талантливы его публицистическія работы, въ большинствѣ которыхъ художникъ заслоняетъ серьёзнаго мыслителя; талантливы издававшіеся и издаваемые имъ журналы («Ежемесячныя Сочиненія», «Почталонъ», «Всѣда», «Живописецъ» и «Провинція»), и если они не имѣли настоящаго матеріальнаго успѣха и широкаго распространенія, то въ этомъ виноваты совершенно постороннія обстоятельства. Было бы несправедливо умолчать о г. Ясинскомъ, какъ о поэтѣ. У него есть цѣлая книга стихотвореній, изящныхъ, образныхъ, красивыхъ, не чуждыхъ настроенія, въ которыхъ преобладаетъ вѣжннй свѣтлый лиризмъ, и только отсутствіе широкаго размаха и поэтической силы мѣшаеъ имъ стать въ уровень съ произведёнїями многихъ нашихъ старыхъ мастеровъ, выросшихъ на завѣтахъ пушкинской школы.

НЕКРОЛОГИ.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Скончался извѣстный ученый юристъ, сенаторъ гражданскаго кассационнаго департамента, А. С. Боровиковскій. Сынъ извѣстнаго малороссійскаго писателя, поэта и этнографа сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, онъ родился 14 ноября 1844 г., воспитывался въ первой харьковской гимназій и на юридическомъ факультетѣ Харьковскаго университета. По окончаніи здѣсь курса въ 1866 г. со степенью кандидата правъ, онъ былъ оставленъ при университетѣ для притоговленія къ кафедрѣ исторіи русскаго права и съ той же цѣлью командированъ въ Москву для занятій подъ руководствомъ профессоровъ И. Д. Вѣляева и С. М. Соловьева. Въ ноябрѣ 1867 г. А. Л. поступилъ на службу въ харьковскій окружный судъ помощникомъ секретаря и, кромѣ того, сталъ заниматься адвокатурой. Въ 1870 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ прокурора симбирскаго окружнаго суда, недолго занималъ ту же должность въ Самарѣ, а съ 1871 г. — въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ состоялъ присяжнымъ повѣреннымъ с.-петербургскаго судебного округа около семи лѣтъ и принималъ въ этотъ періодъ времени участіе въ защитѣ дѣлаго ряда дѣлъ, преимущественно гражданскихъ. Въ 1878 г. А. Л. былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей по Верхнедѣпровскому уѣзду Екатеринославской губерніи и утвержденъ въ этой должности. Въ 1883 г. послѣдовало его назначеніе членомъ одесской судебной палаты, а въ 1885 г. — избраніе почетнымъ мировымъ судьей города Одессы. Съ января 1887 г. А. Л. получилъ приглашеніе отъ Новороссійскаго университета для преподаванія гражданскаго права въ качествѣ приватъ-доцента и читалъ собственно гражданскій процессъ. Въ 1894 г. А. Л. былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, а съ 8 апрѣля 1895 г. по 1898 г. состоялъ оберъ-прокуроромъ гражданскаго

кассационнаго департамента сената. Наконецъ, въ 1898 г., онъ былъ назначенъ сенаторомъ. Какъ юристъ и литераторъ, онъ былъ привлеченъ къ участию въ занятіяхъ комиссіи Д. Ѳ. Кобеко по выработкѣ новаго закона о печати. Начало литературной дѣятельности А. Л. Боровиковскаго относится къ послѣднимъ годамъ его студенчества. Въ 1867 г. въ «Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей руссійскихъ» появилось его этнографическое изслѣдованіе «Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ», вышедшее потомъ отдѣльно и выдержавшее два изданія, и тогда же въ «Женскомъ Вѣстникѣ» и разныхъ мелкихъ изданіяхъ былъ напечатанъ рядъ его стихотвореній лирическаго характера. Затѣмъ стихотворенія его печатались съ семидесятихъ годовъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», а юмористическія пьесы въ «Новомъ Времени» (1876 г.) подъ псевдонимомъ А. Фертъ. Эпигъ же псевдонимомъ подписаны и его статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1874 г.). А. Л. превосходно владѣлъ стихомъ; у него былъ природный юморъ, чисто малороссійскій. Въ юридической литературѣ онъ приобрѣлъ себѣ большое имя своими капитальными трудами: «Законы гражданскіе (Сводъ законовъ, т. X, ч. I) съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента сената», «Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями» и «Отчетъ судьи» (чужие право, третья лица въ процессѣ, законъ и судейская совѣсть, давность, судъ и семья, дѣла мужичьи). Всѣ эти книги выдержали нѣсколько изданій. Имъ же (вмѣстѣ съ А. Книриномъ) составленъ «Сборникъ систематическихъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента сената» въ нѣсколькихъ томахъ. Упомянутыя изданія являются цѣннымъ пособіемъ для судебной практики. Кромѣ того, много статей А. Л. Боровиковскаго разсыяно въ «Журналъ министерства юстиціи», «Журналъ гражданскаго и торговаго права», «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», «Судебномъ Вѣстникѣ» и др. изданіяхъ («Право и фактъ», «О семейномъ правѣ раскольниковъ», «О правахъ женщинъ по законамъ Черниговской и Полтавской губерній», «Проектъ устава объ опекахъ», «Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ», статьи по поводу проекта бракоразводныхъ дѣлъ и проч.). А. Л. былъ всесторонне образованный человѣкъ и большой эстетикъ. (Некрологи его: «Слово», 1905 г., № 358; «Новое Время», 1905 г., № 10.663).

Гильтебрандтъ, П. А. 29 ноября минувшаго года скончался Петръ Андреевичъ Гильтебрандтъ, широко извѣстный дѣятель въ области археографіи и западно-русской исторіи, пробывшій 34 года членомъ археографической комиссіи и 20 лѣтъ ученымъ справщикомъ С.-Петербургской синодальной типографіи. Покойный происходилъ изъ дворянской семьи, имѣвшей земельныя владѣнія въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Дѣдъ его, Иванъ Андреевичъ Гильтебрандтъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1822 г.), «изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей», какъ значится въ его формулярѣ, въ службу вступилъ въ 1794 г. въ Московскій генеральный госпиталь «волонтеромъ», откуда черезъ 5 лѣтъ былъ выпущенъ младшимъ лѣкаремъ, и умеръ штабъ-лѣкаремъ Московскаго военнаго госпиталя, въ чинѣ коллежскаго асессора. Изъ троихъ его сыновей: Андрея (род. въ 1803 г.), Аполлона (род. въ 1816 г.) и Платона (род. въ 1818 г.), двое старшихъ также были врачами, и отецъ покойнаго, Андрей Ивановичъ, до

1836 г. состоялъ уѣзднымъ врачомъ въ г. Шуѣ. Въ первомъ бракѣ съ Елизаветой Ивановной Киселевой Андрей Ивановичъ имѣлъ сына Николая и дочь Марію, а во второмъ съ Александрой Ивановной Лазаревой—пятерыхъ сыновей: Петра, Андрея, Ивана, Ѳедора и Александра. Петръ Андреевичъ Гильтебрандтъ родился въ с. Перьяхъ Касимовскаго уѣзда 26 апрѣля 1840 г. По окончаніи Московской первой гимназіи, слушалъ въ теченіе 1861—1862 г.г. въ Московскомъ университетѣ «лекціи профессоромъ перваго разряда» (нынѣшняго филологическаго факультета); въ 1865 г. опредѣлился помощникомъ архиваріуса «Центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Минскій» и пробылъ въ этой должности до 1871 г., когда былъ назначенъ членомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія. Съ 1884 г. по 1903 г. П. А. былъ усерднѣйшимъ и лучшимъ справщикомъ С.-Петербургской синодальной типографіи; въ теченіе десятилѣтія, съ 1893 по 1903 г., состоялъ правителемъ дѣлъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія и съ 1897 г. чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. Кроме того, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ императорскаго Русскаго географическаго общества, членомъ общества древней письменности, Рязанской ученой архивной комиссіи и др. Первые проявленія литературной дѣятельности П. А. Гильтебрандта относятся еще ко времени прохожденія имъ гимназическаго курса; здѣсь онъ вмѣстѣ съ Е. Пушкинымъ, Веденяинымъ и др. составлялъ оставшіяся въ рукописи «Гимназическій сборникъ. Литературный журналъ» (1859 г.), въ первомъ номерѣ котораго помѣщена его статья: «Унія въ Малороссіи». Печататься же, насколько намъ извѣстно, онъ сталъ съ конца 1861 г. въ газетѣ И. С. Аксакова: «День». Какъ истинный москвичъ по многимъ убѣжденіямъ своимъ, П. А. скоро сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Дня» почти до самаго его запрещенія, и его сотрудничество «очень цѣнилъ И. С. Аксаковъ». Въ 1863 г. онъ напечаталъ небольшую библиографическую замѣтку въ журналѣ «Русскій Архивъ» о «Lexicon» въ Фр. Миклошича и издалъ составленную имъ «Польскую грамматику». Съ 1864 г. много работалъ въ «Голосѣ», помѣщая въ немъ передовыя статьи, рецензій и т. п., за подписью П. А., П. Г—дтъ и рѣдко полнаго имени (напримѣръ, подъ статью: «Памятвни народнаго творчества въ Сѣверо-Западномъ краѣ», «Голосъ» за 1871 г., № 236). Съ переѣздомъ въ Вильну онъ дѣлается усерднымъ сотрудникомъ «Виленскаго Вѣстника» и состоялъ одно время даже помощникомъ редактора, при А. И. Забѣлинѣ. Большинство статей его напечатано здѣсь безъ подписи или съ подписью П. Г—дтъ. Изъ послѣднихъ назовемъ для характеристики ихъ хотя бы слѣдующія: «Къ вопросу объ ученоемъ литературномъ и педагогическомъ обществѣ въ Вильнѣ»; «Примѣчательный историческій фактъ (о присягѣ для крестьянъ по-русски)»; «Богатыри по великорусскимъ пѣснямъ»; «Виленскій музей древностей»; «Замѣтки о составленіи описательнаго указателя виленскихъ археографическихъ изданій»; «Замѣтки о Евгеньевскомъ отрывкѣ изъ евангельскихъ чтеній XIV вѣка» и др.

Въ 1864—1866 г.г. попечитель Виленскаго учебнаго округа, И. П. Корниловъ, организовывалъ ученые экскурсіи по западнымъ губерніямъ Виленскаго округа, и П. А. Гильтебрандту выпало на долю заниматься учеными разысканіями въ Ковенской губерніи. По инициативѣ того же И. П. Корнилова, началъ издаваться при управленіи Виленскаго учебнаго округа «Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси»; изъ всѣхъ изданныхъ при немъ томовъ этого «Сборника» П. А. Гильтебрандтъ участвовалъ въ редакціи трехъ—перваго, въ который вошли: «акты церковной исторіи и политическіе документы» (всего 167 документовъ), четвертаго и седьмого. Четвертый томъ, содержащій «церковные документы, политическіе, юридическіе и разнородные» (всего 108), редактированъ исключительно однимъ П. А., а седьмой («Несвижскій архивъ»—279 документовъ) вмѣстѣ съ Миротворцевымъ. Еще до появленія въ свѣтъ «Археографическаго сборника» онъ воспользовался матеріалами, собранными во время ученыхъ экскурсіи и доставленными мѣстными дѣятелями, и напечаталъ «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверо-Западномъ краѣ» (Вильна, 1866 г.). По порученію И. П. Корнилова, покойный занимался разборомъ Виленской публичной бібліотеки, преобразованной въ 1865 г. изъ Виленскаго музея древностей, и составилъ описаніе рукописнаго его отдѣленія, подъ заглавіемъ: «Рукописное отдѣленіе Виленской публичной бібліотеки. Перечневая опись. Выпускъ I. Церковно-славянскія рукописи. Выпускъ II. Русскіе пергаменты» (Вильна, 1871 г.). Церковно-славянскихъ рукописей описано 82, изъ нихъ древнѣйшія отъ XI столѣтія, а позднѣйшія—XIX; пергаментовъ—75 №№, древнѣйшій отъ 1503 г., а позднѣйшій—1603 г. Въ предисловіи къ описанію авторъ далъ «первый», по отзыву проф. М. О. Коляловича, «обстоятельный отчетъ о томъ, что сдѣлано въ этомъ новомъ учрежденіи, и въ какомъ видѣ оно является на смѣну музея» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1872 г., № 2, отд. «Критика и бібліографія»). При разборѣ бібліотеки П. А. Гильтебрандту удалось найти, между прочимъ, Туровское евангеліе, которое онъ и напечаталъ со своими объясненіями, подъ заглавіемъ: «Туровское евангеліе XI вѣка. I. Краткое извѣстіе о Туровскомъ евангеліи. II. Древній текстъ съ современнымъ насупротивъ и съ отмѣнами по Остромирову евангелію» (Вильна, 1869 г.). Впослѣдствіи покойный напечаталъ въ шестомъ выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи», издаваемыхъ П. Н. Батюшковымъ, въ приложеніи къ «Исторіи города Вильны» В. Гр. Васильевскаго, объясненіе къ рисункамъ, указатели и рядъ «приложеній», среди которыхъ наиболѣе важное значеніе имѣютъ «Матеріалы для западнорусской старопечати».

По переѣздѣ въ Петербургъ, покойный сталъ принимать дѣятельнѣйшее участіе въ трудахъ императорскаго Русскаго географическаго общества. Какъ знатокъ исторіи и этнографіи Западнаго края Россіи, онъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ къ редактированію «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной императорскимъ Русскимъ географическимъ обществомъ», въ которые должны были войти «матеріалы и изслѣдованія», собранные П. П. Чубинскимъ. Проредактированы имъ были т. I («Вѣрованія и суевѣрія»), т. II («Малорусскія сказки»).

т. VI («Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ») и т. VII («Поляки. Евреи. Племена малорусскаго происхожденія. Малоруссы. Статистика, сельскій бытъ и языкъ»). Затѣмъ въ «Извѣстіяхъ императорскаго Русскаго географическаго общества» онъ напечаталъ: «Земская литература. Матеріалы для изученія земства» (за 1876 г., № 1, и отдѣльно); «Сообщеніе о хроникѣ Вѣлевскихъ» (ib.); «Похожденіе Н. Радзивилла въ Святую землю. Старорусскій переводъ по рукописи синодальной бібліотеки», и др. Кромѣ того, редактировалъ вмѣстѣ съ О. Θ. Миллеромъ пятый томъ «Записокъ» по отдѣленію этнографіи императорскаго Русскаго географическаго общества (въ него вошли этнографическія данныя по Виленской губерніи) и составилъ вмѣстѣ съ С. Сердечнымъ и Е. П. Мельгуновымъ «Каталогъ бібліотеки императорскаго Русскаго географическаго общества» (Спб., 1875 г.). Наконецъ по составленной имъ программѣ для задуманнаго имъ же Низово-Городецкаго (прежнее названіе г. Касимова) сборника были собраны мѣстными дѣятелями «статистическо-этнографическія свѣдѣнія». Программа и «свѣдѣнія» напечатаны въ «Извѣстіяхъ» географическаго общества за 1876 г.

Въ 1877—1880 г.г. П. А. Гильтебрандтъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Древняя и Новая Россія», издаваемаго Граціанскимъ; въ немъ онъ, начиная съ 7 № 1877 г. по 4 № 1880 г. (т.-е. почти за все время существованія журнала), печаталъ ежемѣсячно свои «Замѣтки и новости», переименованныя съ 10 № 1879 г. въ «Областная печать и современная лѣтопись». Чтобы судить о характерѣ и значеніи этихъ «Замѣтокъ», достаточно привести заглавія хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, «Хомовское гнѣніе», «Обзоръ литературы русской исторіи за 1875 г.», «Рукописи Кіево-Выдубицкаго монастыря», «Журнальные юбилеи», «Случай изъ жизни Ломоносова», «Императорская Публичная Библіотека въ 1875 г.», «О дѣятельности нѣкоторыхъ статистическихъ комитетовъ», «Новые документы о Пугачевскомъ бунтѣ», «Марьяновская секта», «Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна», «Московскій Страстной монастырь», «Польскіе помѣщики наканунѣ мятежа 1831 г.», «Кирилло-Бѣлозерская рукопись Козьмы Индикоплова», «Архангелогородская старина», «Саратовскіе писатели», «Русскій историкъ, заточенный въ австрійской темницѣ», «Азбуковники», «Сестрорѣцкій рубль» и мн. др. Велики должны были быть усердіе и эрудиція составителя подобныхъ «Замѣтокъ», и можно только пожалѣть, что съ 1881 г. наши историческіе журналы не имѣютъ такихъ крайне цѣнныхъ и необходимыхъ отдѣловъ.

Какъ членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣнія, П. А. Гильтебрандтъ былъ однимъ изъ усердныхъ и выдающихся ея дѣятелей. Въ издаваемой комиссіею «Русской Исторической Библіотекѣ» онъ напечаталъ три книги «Памятниковъ полемической литературы въ Западной Руси», которые, по общему отзыву критиковъ, представляютъ цѣннѣйшій вкладъ въ литературу исторіи русской церкви и русской палеографіи. Въ первую книгу «Памятниковъ» изъ старопечатныхъ сочиненій XVI и XVII вѣковъ вошли слѣдующія: «Дѣянія Виленскаго собора 1509 г.»; «Дѣянія Кіевского собора 1640 г.» по разсказу навѣстнаго отступника Касьяна Саковича (единственное полное извѣстіе объ этомъ соборѣ); «Діаріушь Берестейскаго

игумена Аванасія Филипповича»; «Оборона уніи»; «Палинодія, или книга обороны каеолической вѣры, написанная въ 1621—1622 г.г. Захаріемъ Копыстенскимъ»; «Посланія Артемія» и др. Первая книга вошла въ IV томъ «Русской Исторической Библіотеки» (Спб., 1878 г.). Содержание второй книги, появившейся въ свѣтъ въ 1882 г. («Русск. Ист. Библ.», т. VII), слѣдующее: 1) «Вопросы и отвѣты православному съ папезникомъ», по рукописи 1603 г., принадлежащей С.-Петербургской синодальной бібліотекѣ; 2) старопечатная брошюра 1595 г. «Уніа грековъ съ костеломъ римскимъ» (величайшая бібліографическая рѣдкость, извѣстная въ одномъ экземплярѣ); 3) старопечатная брошюра 1608 г. — «Гармонія восточной церкви съ костеломъ римскимъ» (тоже большая бібліографическая рѣдкость); 4) старопечатная книга 1577 г., содержащая сочиненіе Петра Скарги: «О единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ и о греческомъ отъ этого единства отступленіи» (тоже большая бібліографическая рѣдкость); 5) старопечатная книга 1588 г., сочиненіе острожскаго священника Василя: «О единой истинной православной вѣрѣ»; 6) сочиненіе Петра Скарги: «Берестейскій соборъ и оборона его 1596 г.», воспроизведенное съ изданія 1738 г. и вызвавшее знаменитый «Апокризисъ Христофора Филарета», и нѣк. др. Наконецъ, содержаніемъ третьей книги «Памятниковъ», напечатанной въ 1903 г. («Русск. Истор. Библ.», т. XIX), служатъ: «Посланіе венеціанскаго архіепископа Доминика къ антиохійскому патріарху Петру объ опрѣсновахъ и подробное описаніе послѣдняго»; «Списанье противъ люторовъ», въ двухъ редакціяхъ, XVI и XVII вѣковъ, западно-русскаго происхожденія; «Берестейскій соборъ и оборона его 1596 г.», Петра Скарги, въ двухъ текстахъ: польскомъ и вновь открытомъ западно-русскомъ; «Ипатій Потей—Антиризисъ»; «Посланія до лативъ»; «Αντιγραφη» извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго и др.

На страницахъ той же «Русской Исторической Библіотеки» (т. XX, 1903 г.) напечатанъ редактированный П. А. Гильтебрандтомъ первый томъ «Литовской метрики», въ который вошли первыя три книги такъ называемыхъ судебныхъ дѣлъ: 1) за время съ 1510 по 1517 г.; 2) съ 1506 по 1523 г. и 3) съ 1518 по 1522 г. Документы печатались въ порядкѣ подлинника и съ необыкновенною осторожностью редактора, отмѣчавшаго всякую поправку, подчистку, ошибку писца, разность чернилъ и т. п. Въ концѣ книги приложенъ указатель «въ два алфавита» (именъ, предметовъ и «нѣкоторыхъ реченій»).

Еще ранѣе изданія «Литовской метрики» покойнымъ были напечатаны на страницахъ другого періодическаго изданія археографической комиссіи: «Лѣтопись занятій археографической комиссіи» (вып. XI) — «Старинныя описи Литовской метрики», вып. I (1900 г.). Сюда вошли «Описи-реестры» (въ количествѣ четырехъ), писанные въ XVI вѣкѣ русскимъ письмомъ и служащіе лучшими «бібліографическими пособиями для ознакомленія съ богатѣйшимъ содержаніемъ Литовской метрики». Три «реестра», относящіеся къ 10-й, 77-й и 3-ей «книгамъ судебныхъ дѣлъ», «списаны прямо съ подлинниковъ», а опись 9-й книги, не имѣющей «реестра», составлена П. А. Гильтебрандтомъ по тексту книги.

Состоя правителемъ дѣлъ археографической комиссіи, П. А. Гильтебрандтъ редактировалъ XII, XIII, XIV и XV томы «Лѣтописи занятій» комиссіи, помѣстивъ, между прочимъ, въ XIII томѣ «Жалованную грамоту князя Юрія Лынгвеневича боярину Воронцу 1455 г.» (съ приложеніемъ снимка съ подлинной грамоты) и въ XII—краткія воспоминанія объ А. И. Тимоѣевѣ.

Помимо вышеуказаннаго богатаго научнаго матеріала, свидѣтельствующаго о широкой эрудиціи, рѣдкому трудолюбію и любознательности автора, отъ покойнаго мы имѣемъ еще одинъ замѣчательный и дѣяніишій трудъ. Это—его «Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завѣту», изданный въ шести книгахъ, въ теченіе 1882—1885 г.г. Какъ справочный, онъ составляетъ подобіе старинныхъ такъ называемыхъ симфоній или конкордацій на книги священнаго писанія, писавшихся обыкновенно на отдѣльныя книги. Какъ объяснительный, «Словарь» при каждомъ славянскомъ словѣ, сопоставляемому съ греческимъ и латинскимъ, даетъ объясненія богословскія, основанныя главнымъ образомъ на трудахъ Теофилакта Болгарскаго, географическія и историческія; въ области же лингвистическихъ изысканій авторъ ограничивается самымъ необходимымъ. Еще въ рукописи «Словарь» былъ одобренъ извѣстнымъ московскимъ митрополитомъ Макаріемъ. Покойный академикъ Я. К. Гротъ въ письмѣ отъ 18 февраля 1886 г. къ П. А. Гильтебрандту пишетъ: «Получивъ шестую и послѣднюю книгу «Справочнаго и объяснительнаго словаря къ Новому Завѣту», чувствую сердечную потребность поздравить васъ съ окончаніемъ этого монументальнаго труда и вмѣстѣ принести вамъ глубокую мою благодарность за драгоценный даръ. Удивляюсь совершенству исполненія плана. Это—истинный подвигъ на пользу многихъ поколѣній и отрадный памятникъ нашего времени, доказывающій, что и среди суеты настоящаго есть люди, хранящіе священныи огонь любви къ высокимъ духовнымъ дѣламъ и способные вдохновляться ею на трудъ долгій и тяжелый. А вашъ трудъ тѣмъ замѣчательнѣе, что вы совершили его въ сравнительно короткій срокъ».

Намъ извѣстно, что покойный послѣдніе годы занимался составленіемъ подобныхъ карточекъ и къ книгамъ «Ветхаго Завѣта», и что въ этомъ отношеніи имъ уже сдѣлано очень многое, но увидитъ ли свѣтъ это сдѣланное, и будетъ ли оно продолжаться, трудно сказать, а между тѣмъ многіе и очень многіе пожалуютъ объ этой пропадающей работѣ.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка литературной дѣятельности П. А. Гильтебрандта укажемъ еще на статьи его въ «Филологическихъ Запискахъ» А. А. Хованскаго: «Мысли о народной психологіи» (за 1864 г., т. IV), «Наука о языкѣ и естествознаніи» (ib.) и «Грамматическія наблюденія и выводы изъ живого языка и житейскаго быта» (за 1869 г., вып. 2 и 3), и едва ли не на единственную замѣтку въ «Русской Старинѣ»—«Воззваніе Васка Воцила, внука Богдана Хмельницкаго, 1744 г.» (за 1870 г., т. II). В. Рудаковъ.

† Лагоріо, Л. Ф., профессоръ пейзажной живописи, скончался 9 декабря 1905 г., на восьмидесятомъ году отъ рожденія. Родился онъ въ Феодосіи въ 1826 г. и до 1842 г. жилъ и учился въ родномъ городѣ знаменитаго Айвазовскаго. Еще будучи въ гимназіи, Левъ Феликсовичъ обратилъ на себя вниманіе своими способностями къ рисованію, что и побудило извѣстнаго феодосійскаго

градоначальника А. Казначеева привести его въ Петербургъ и помочь ему поступить ученикомъ въ академію художествъ, числясь пансіонеромъ председателя общества поощренія художествъ. Начиная съ 1847 г., Лагоріо за свои пейзажи ежегодно получалъ награды и въ 1850 г. окончилъ академію съ большой золотой медалью за «Видъ на Лахтѣ». Эта медаль, за рѣдкими исключеніями, въ то время давала право поѣздки за границу на казенный счетъ. Левъ Феликсовичъ добился нѣкоторыхъ льготъ и, прежде чѣмъ отправиться въ Италію, гдѣ онъ потомъ прожилъ восемь лѣтъ, уѣхалъ на годъ на Кавказъ, который далъ ему неустойчивый матеріалъ для картинъ на всю жизнь. Возвратившись въ 1860 г. изъ Италіи, онъ привезъ съ собой нѣсколько картинъ, за которыя ему было присуждено званіе профессора. Особенно извѣстны его «Фонтанъ Анибалла въ Рокка-ди-Попа» (Третьяковская галлерей) и «Капо-ди-Монте въ Сорренто» (музей Академіи художествъ). Въ 1862 г. Л. Ф. отправился въ свѣтъ великаго князя Михаила Николаевича на Кавказъ вторично и участвовалъ въ дѣлѣ противъ горцевъ. Возвратившись оттуда, онъ навсегда поселился въ Петербургѣ, лишь изрѣдка уѣзжая на этюды то на берегъ Чернаго моря, то въ Константинополь, то въ Азіатскую Турцію, то на поля сраженій русско-турецкой войны, картины которой онъ исполнялъ по высочайшему заказу. Своими видами Чернаго моря и Крыма Л. Ф. прославился болѣе всего. Пріятный сѣроватый колоритъ морской дали, фіолетовая береговая скала, прозрачная морская волна—все это ласкаетъ глазъ зрителя, напоминаетъ о тепломъ югѣ, о морскомъ свѣжемъ воздухѣ. Въ послѣдніе годы Лагоріо сильно ослабѣлъ, полуслѣпъ и работалъ съ большимъ трудомъ. Вообще же онъ работалъ много и, кромѣ картинъ, сдѣлалъ множество акварелей и главнымъ образомъ сепіей. Состоя долгое время (едва ли не со дня основанія) членомъ общества понедѣльниковъ, Л. Ф. былъ послѣдніе годы товарищемъ председателя и пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ своихъ товарищей и знакомыхъ. Въ своей частной жизни, въ своихъ сношеніяхъ съ самыми разнообразными по характеру и убѣжденіямъ людьми, Л. Ф. Лагоріо былъ поистинѣ рѣдкой души человекъ. Кроткій, незлобивый, чуждый и тѣни зависти къ кому либо изъ своихъ собратьевъ-художниковъ, среди которыхъ онъ былъ настоящимъ патріархомъ, презиравшій низменные интересы, покойный всегда шелъ навстрѣчу каждому доброму сердечному порыву, каждому хорошему начинанію, и недаромъ его художественное имя и самая вѣшность этого красиваго, изящнаго старца, олицетворявшаго собою благороднѣйшій типъ истиннаго художника, производили такое обаятельное на всѣхъ впечатлѣніе. Въ кругу друзей и близкихъ почившаго его называли не иначе, какъ «папа Лева», и это милое, дружелюбное обращеніе къ Льву Феликсовичу какъ нельзя болѣе отвѣчало всей его доброй, славной фигурѣ, отъ которой вѣяло простотою, доступностью и сердечностью. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10.682; «Новости», 1905 г., № 243).

† Лобко, П. Л., членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, бывшій недавно государственнымъ контролеромъ, скончался скоростипжно 25 ноября минувшаго года.

Родился онъ въ 1838 г. Происходя изъ дворянъ Самарской губерніи, первоначальное образованіе покойный Павель Львовичъ получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1856 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ л.-гв. въ Литовскій полкъ съ прикомандированіемъ къ Михайловской артиллерійской академіи. Въ академіи онъ пробылъ одинъ годъ и отправился въ свой полкъ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ и былъ командированъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. По окончаніи въ 1861 г. курса наукъ академіи съ награжденіемъ малою серебряною медалью и съ занесеніемъ имени его на мраморную доску, П. Л. былъ причисленъ къ генеральному штабу, съ назначеніемъ состоять при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Переведенный въ 1863 г. въ гвардейскій генеральный штабъ, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а чрезъ два года назначенъ для порученій при штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа. Въ 1867 г. покойный П. Л. былъ назначенъ помощникомъ дѣлопроизводителя канцеляріи военного министерства съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ и въ томъ же году назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ военной администраціи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба съ оставленіемъ и въ занимаемой должности. Въ 1868 г. онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ той же канцеляріи, а чрезъ два года, кромѣ того, назначенъ профессоромъ военной администраціи въ вышеуказанной академіи. Произведенный въ 1871 г. въ полковники, П. Л. чрезъ пять лѣтъ былъ назначенъ членомъ мобилизаціоннаго комитета, съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ занимаемыхъ должностяхъ. Въ послѣднюю нашу войну съ турками 1877—1878 г.г. П. Л., состоя при военномъ министрѣ, во время путешествія государя императора на театръ военныхъ дѣйствій, участвовалъ въ четырехдневномъ артиллерійскомъ бою подъ Плевной (съ 26 по 29 августа) въ высочайшемъ государя императора присутствіи, въ штурмѣ и бомбардированіи Плевны (30 и 31 августа) и въ бомбардированіи позиціи Османа-паши и гор. Плевны (1 и 2 сентября) также въ высочайшемъ государя императора присутствіи. За отличіе въ дѣлахъ подъ Плевной онъ былъ награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость». Произведенный въ 1878 г. въ генералъ-майоры, онъ въ томъ же году былъ отчисленъ отъ вышеупомянутой должности, а чрезъ три года назначенъ управляющимъ дѣлами военно-ученаго комитета главнаго штаба и въ томъ же году—помощникомъ начальника канцеляріи военного министерства съ оставленіемъ профессоромъ академіи генеральнаго штаба. Въ 1883 г. П. Л. былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора военной администраціи названной академіи съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Назначенный въ 1884 г. начальникомъ канцеляріи военного министерства, П. Л. въ слѣдующемъ году удостоился чести, съ высочайшаго соизволенія, быть преподавателемъ военной администраціи его высочеству наследнику цесаревичу (нынѣ благополучно царствующему государю императору). Произведенный въ 1889 г. въ генералъ-лейтенанты, онъ чрезъ два года былъ назначенъ почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба съ оставленіемъ въ настоящей должности и въ званіи заслуженнаго профес-

сора, а въ 1894 г. П. Л. былъ назначенъ почетнымъ членомъ самой Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ 1898 г. П. Л. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта съ оставленіемъ въ занимаемой должности, но въ томъ же году (30 іюня) былъ уволенъ отъ должности начальника канцеляріи военнаго министерства съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и по генеральному штабу. Въ 1899 г. покойный П. Л. вновь былъ призванъ къ высшей государственной дѣятельности и назначенъ государственнымъ контролеромъ, на каковой должности оставался вплоть до прошлаго года. Произведенный въ 1900 г. въ генералы отъ инфантеріи, П. Л. высочайшимъ приказомъ 26 октября 1905 г. былъ уволенъ отъ должности государственнаго контролера съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и назначенъ генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству. За періодъ своей долготѣтней службы на покойнаго П. Л. было возлагаемо разрѣшеніе массы вопросовъ военно-административнаго характера въ высшемъ ихъ значеніи, такъ, напримѣръ: въ 1873 г. онъ принялъ дѣятельное участіе въ комиссіи объ организаціи войскъ; въ 1878 г. онъ, въ качествѣ члена, принялъ участіе въ комиссіи для пересмотра существующихъ положеній объ устройствѣ интендантскихъ управленій въ мирное и военное время; въ слѣдующемъ году—въ редакціонной комиссіи по составленію новаго положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время; въ 1881 г. онъ участвовалъ въ комиссіи по разсмотрѣнію вопросовъ о переустройствѣ высшаго военнаго управленія; съ 1882 г. П. Л. послѣдовательно былъ назначаемъ: отвѣтственнымъ редакторомъ законодательныхъ работъ по пересмотру положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, членомъ высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру законоположеній о казенныхъ заготовленіяхъ и хозяйственныхъ операціяхъ (1886 г.), предсѣдателемъ комиссіи по обсужденію вопроса о возможномъ уменьшеніи расхода на достройку Закаспійской желѣзной дороги (1889 г.), членомъ главной распорядительной комиссіи по перевооруженію арміи, членомъ же высочайше учрежденной при государственномъ совѣтѣ комиссіи для пересмотра устава о службѣ гражданской (1895 г.), предсѣдателемъ комиссіи по пересмотру штатовъ главныхъ управленій военнаго министерства и многихъ другихъ. Въ своей ученой дѣятельности и въ литературѣ покойный приобрѣлъ обширную извѣстность курсомъ военной администраціи, который онъ читалъ въ академіи; кромѣ того, имѣются его «Записки военной администраціи», приспособленныя къ курсу юнкерскихъ училищъ и выдержавшія около 15 изданій. По этимъ запискамъ въ теченіе 30 лѣтъ готовятся всѣ военныя и юнкерскія училища. (Некрологи его: «Русскій Инвалидъ», 1905 г., № 249; «Новое Время», 1905 г., № 10.668).

† **Найденовъ, Н. А.**, предсѣдатель московскаго биржевого комитета, скончался въ Москвѣ 28 ноября минувшаго года. Покойный находился во главѣ биржевого комитета съ 1876 г. и съ тѣхъ поръ былъ его неизмѣннымъ руководителемъ. При немъ и благодаря его замѣчательной энергіи, опытности и неутомимости, московская биржа измѣнилась до неузнаваемости, укрѣпилась духовная связь въ купеческой средѣ, организовались правильныя биржевыя собранія и былъ собранъ крупный капиталъ биржевого общества. Громадное болѣ-

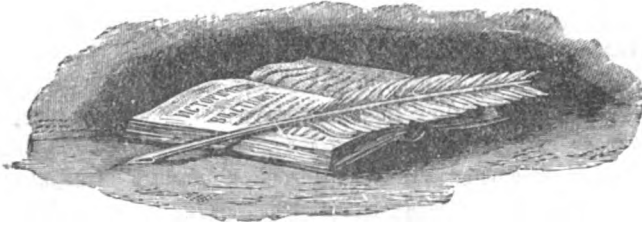
шинство экономических реформъ послѣдняго тридцатилѣтія было разработано при его дѣятельномъ участіи и нерѣдко по почину московскаго биржевого общества. Покойнымъ учрежденъ Московскій торговый банкъ, въ которомъ онъ былъ все время предсѣдателемъ правленія. Онъ же обратилъ вниманіе на развитіе хлопководства въ Средней Азіи и учредилъ торгово-промышленное товарищество по торговлѣ хлопкомъ, шерстью и каракулемъ въ Средней Азіи. Горячій сторонникъ поднятія образованія и специальной подготовки въ торговой средѣ, Н. А. явился инициаторомъ учрежденія Александровскаго коммерческаго училища въ Москвѣ. Московское биржевое общество цѣнило своего предсѣдателя и, желая отмѣтить его заслуги, учредило въ день двадцатипятилѣтія его предсѣдательства 14 стипендій имени покойнаго въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Москвѣ. Съ 1866 г. онъ былъ гласнымъ московской думы. Н. А. происходилъ изъ старинной купеческой семьи. Умеръ на 70-мъ году жизни въ званіи коммерціи совѣтника. Ему былъ пожалованъ за труды по развитію отечественной промышленности орденъ Бѣлаго Орла и было предложено дворянское достоинство, но покойный пожелалъ остаться купцомъ и отъ дворянства отказался. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10.672).

† Сахаровъ, В. В., бывшій военный министр, почетный членъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и Николаевской инженерной академіи, членившійся по генеральному штабу, генераль-адъютантъ и генераль-лейтенантъ, былъ убитъ въ г. Саратовѣ 22 ноября 1905 г. членомъ боевой революціонной дружины во время исполненія имъ служебныхъ обязанностей по умиротворенію аграрныхъ беспорядковъ въ Саратовской и Пензенской губерніяхъ. Родился онъ въ 1848 г. Происходя изъ дворянъ Московской губерніи, первоначальное образованіе покойный Викторъ Викторовичъ получилъ въ 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ, откуда съ наименованіемъ «отличнѣйшій» въ 1866 г. былъ выпущенъ подпоручикомъ въ 123-й пѣхотный Коаловскій полкъ, съ прикомандированіемъ л.-гв. къ Гренадерскому полку, куда и былъ переведенъ въ слѣдующемъ году. Въ 1872 г. В. В. былъ командированъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, по окончаніи курса наукъ въ которой, въ 1875 г., былъ причисленъ къ генеральному штабу. съ назначеніемъ на службу въ штабъ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Во время послѣдней нашей кампаніи съ турками 1877 — 1878 г.г. В. В. принималъ самое дѣятельное участіе во многихъ сраженіяхъ подъ начальствомъ генераль-адъютанта Гурка, генераль-лейтенанта Радецкаго и др., за которыя имъ было получено много боевыхъ наградъ до ордена св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Произведенный въ 1880 г. въ полковники, В. В. въ этомъ же году былъ назначенъ штабъ-офицеромъ особыхъ порученій при его императорскомъ высочествѣ главнокомандующемъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, на каковой должности оставался около 5-ти лѣтъ, и въ 1885 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Произведенный въ томъ же году въ генераль-майоры, онъ чрезъ два года былъ назначенъ окружнымъ генераль-квартирмейстеромъ, откуда въ 1894 г. былъ переведенъ въ Одесскій военный округъ, съ назначеніемъ начальникомъ штаба этого округа. Произведенный за отличіе по службѣ въ генераль-лейте-

нанты, покойный В. В. высочайшимъ приказомъ 20 января 1898 г. былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба съ оставленіемъ по генеральному штабу. Къ 1899 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, а въ 1903 г.—назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. За назначеніемъ военнаго министра, генералъ-адъютанта Куропаткина, командующимъ Маньчжурской арміей на В. В. по высочайшему повелѣнію было возложено временное управленіе военнымъ министерствомъ, въ каковой должности онъ вскорѣ и былъ утвержденъ съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Наконецъ въ 1905 г. онъ былъ отчисленъ отъ должности военнаго министра съ оставленіемъ въ званіи генералъ адъютанта. Послѣдней наградой покойнаго былъ орденъ Бѣлаго Орла. (Некрологи его: «Русскій Инвалидъ», 1905 г., № 246; «Новое Время», 1905 г., № 10.665).

† **Тевяшевъ, Н. Н.**, туркестанскій генералъ-губернаторъ, скончался въ г. Ташкентѣ 27 ноября 1905 г. Покойный до своего назначенія генералъ-губернаторомъ находился въ теченіе восьми лѣтъ во главѣ военнаго интендантскаго управленія, какъ начальникъ этого управленія и главный интендантъ. Его дѣятельность по интендантству отмѣчена въ свое время въ приказѣ по военному вѣдомству, какъ просвѣщенная, полная инициативы и умѣнья. Цѣлымъ рядомъ мѣропріятій онъ внесъ множество крупныхъ улучшеній по удовлетворенію хозяйственныхъ потребностей арміи. При немъ были выработаны и введены новое положеніе о продовольствіи войскъ въ военное время, правила о покупкѣ интендантствомъ продовольственныхъ и фуражныхъ продуктовъ непосредственно отъ земствъ и землевладѣльцевъ, нормальныя таблицы обмундирования и снаряженія войскъ. Затѣмъ организованы по-новому войсковыя обозы, открыты интендантскіе курсы для офицеровъ, учреждены особыя учебныя команды при вещевыхъ складахъ, предпринято изданіе «Интендантскаго Журнала» для ознакомленія интендантскихъ чиновъ съ различными вопросами ихъ специальности. Имъ же установленъ во всѣхъ интендантскихъ учрежденіяхъ восьмичасовой рабочій день. Передъ назначеніемъ главнымъ интендантомъ генералъ Тевяшевъ былъ астраханскимъ губернаторомъ и болѣе пяти лѣтъ управлялъ Астраханской губерніей, оставивъ по себѣ хорошую память. Почти всѣ станицы Астраханскаго казачьяго войска избрали его своимъ почетнымъ казакомъ, городское управленіе Астрахани—почетнымъ гражданиномъ и почетнымъ мировымъ судьей. Помимо административныхъ заслугъ покойный имѣлъ славное боевое прошлое. Во главѣ Ахтырскаго гусарскаго полка онъ провелъ всю русско-турецкую кампанію 1877—1878 г.г. вмѣстѣ съ полкомъ при наступленіи къ Русуку входилъ въ составъ кавалерійскаго отряда ген.-ад. гр. Воронцова-Дашкова, участвовалъ въ занятіи дер. Писаницы, разрушеніи желѣзнодорожнаго полотна и телеграфныхъ сообщеній у станціи Ветово. Особенно памятно его участіе въ бояхъ у Трестеника при наступленіи арміи Сулеймана-паши. Ахтырцы подъ его руководствомъ участвовали въ обхватѣ лѣваго фланга наступавшаго непріятели. Боевыя заслуги генерала Тевяшева отмѣчены золотой саблей и орденами св. Владимира 4 и 3 ст. съ мечами. Покой-

ный скончался на 64-мъ году жизни. Военное образование онъ получилъ въ школъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и въ разное время до назначенія астраханскимъ губернаторомъ командовалъ л.-гв. Конно-Гренадерскимъ полкомъ, былъ начальникомъ первой бригады второй кавалерійской дивизіи и чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10.671; «Русскій Инвалидъ», 1905 г., № 251).

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и въ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

I. Богословіе.

Бабушкинъ, С. Д. Церковно-приходская община и земскій соборъ. Казань. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Введенскій, Дмитрій. Тайна смерти малютки. Въ утѣшеніе родительской скорби. Св.-Тр. Сергіева лавра. 1906. Ц. 30 к.

Гидуляновъ, Павелъ. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства. М. 1906. Ц. 3 р. 50 к.

Левашевъ, Павелъ, священ. Зачѣмъ такъ много у насъ обрядовъ? По мыслимъ лучшихъ русскыхъ людей. Спб. 1906. Ц. 20 к.

О возрожденіи русской церкви. Вышній-Водочекъ. 1906. Ц. 50 к.

Папковъ, А. Воззваніе къ священникамъ и прихожанамъ. Единственный возможный въ настоящее время путь къ возстановленію православнаго прихода—явочный порядокъ. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Православная богословская энциклопедія, т. IV. Аванъ-Іоаннъ Маронитъ. Съ 42 рис.

Составленъ подъ редакціей Н. Н. Глубоковскаго. (Общедоступная Богословская Библиотека, вып. 15). Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Смиайскій, А. Л., прот. Изъ исторіи мѣропріятій противъ русскаго раскола старообрядства въ первые годы синодальнаго управленія (при преемникахъ Петра Великаго, въ царствованіе Елизаветы I и Петра II. 1725—1730 г.), Церковно-историческій очеркъ. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Титовъ, Ф. М., проф. Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вѣкахъ (1654—1695 гг.). Томъ I. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII вѣкахъ. Первая половина тома (1654—1725 гг.). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Изд. 2-е. Киевъ. 1905. Ц. 3 р.

Успенскій, А. М. Церковь св. Николая чудотворца на Версеневкѣ. Съ 18 рис. въ текстѣ. М. 1906. Ц. 1 р.

II. Философія, психологія, логика.

Лазурскій, А. Очеркъ науки о характерахъ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Миртовъ, Д. Нравственная автономія по Канту и Ницше. Спб. 1906. Ц. 35 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Тайнственный міръ. Перев. съ англ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

III. Математика, астрономія и метеорологія.

Alexejeff, W. G. N. W. Bugajew und die idealistischen Probleme der Moskauer mathematischen Schule. Leipzig. 1905. Ц. 60 к.

Штрайхманъ, Александръ. Сборникъ задачъ по высшей математикѣ съ подробными рѣшеніями. Руководство для студентовъ и для самообразованія. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1906—1906. Ц. 1 р. 50 к.

IV. Словесность.

Арбенинъ, Н. Ф. Западный театр. Привѣтствіе искусствъ. — Сафо. — Лорензаччо. — Паризъ. — Донъ-Фернандо, стойкій принцъ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 75 к.

Баргъ (де-ла), Ф., гр. Шатобрианъ и поэтика мировой скорби во Франціи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Кіевъ. 1905. Ц. 3 р.

Березининъ, Д. М. Во тѣхъ вѣковой. Повѣсть и рассказы изъ быта ханствова, скопцовъ и бѣгуновъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Венгеровъ, С. А. Эпоха Бѣлинскаго. (Общій очеркъ). Публичная лекція. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Гегидзе, Борисъ. Вракъ. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Грановскій, Т. И. Избранныя сочиненія. М. 1905. Ц. 75 к.

Грибовскій, В. М. Въ годы юности. Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Дмитріева, В. І. Рассказы и повѣсти. Т. I. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Достоевскій, Ф. М. Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Изд. 6-е. Повѣсти и рассказы. Спб. 1905. Цѣна по подпискѣ за 14 том. 25 р.

Думни дремлющаго Силы. Для взрослыхъ. Кіевъ. 1905. Ц. 30 к.

Дьяковъ, И., свящ. Въ Маньчжуріи съ сибирскими стрѣлками (1905 г.). Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

*Дома, Алесандръ. Ожерелье королевы. Романъ въ 3 томахъ. Перев. съ франц. (Новая Библіотека Суворина, МЛЖ 86—88). Спб. 1905. Ц. 1 р. 80 к.

Изъ прошлаго. Романъ изъ исторіи 70-хъ годовъ. С. Б.—го. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Каразинъ, Н. И. Голосъ крови. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. Ц. 1 р.

— Недавнее былое. Повѣсти и рассказы. Спб. Ц. 1 р.

Кони, А. Ф. Очерки и воспоминанія. Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки. Спб. 1906. Ц. 4 р.

Куртышевъ, Я. В. Стихотворенія всѣхъ правдъ жгучихъ минутъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Милить, Е. На жизненномъ пути. Наброски перомъ. Верланъ. 1905. Ц. 55 к.

— Изъ міра души... Стихотворенія. Верланъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Милытомъ. Потерянный и возвращенный рай. Перев. съ англ. П. А. Камшина. Изд. 2-е, исправл. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Вѣгій король. (Съ Камчатка). Японія. — Фордоса. — Мадагаскаръ. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ времени царствованія императрицы Екатерины II. Изд. 3-е, исправл. и просмотрѣнн. авторомъ. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Мырный, Пампъ. Книжка друга творивъ. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Неонъ (В. П. Гордия). Горь-учителя. Комедія въ 1 д. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Олеиниъ, Петръ. «На вахтѣ». Очерки и рассказы. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель. Материалы для исторіи славянской филологіи. Варшава. 1905. Ц. 6 р.

По времени—богатыри, по богатствамъ—сказанія. Не сказка, а присказка. «17 октября». М. 1905. Ц. 20 к.

Подъ розгой. Изъ жизни солдата. Спб. Ц. 3 к.

Пругавинъ-Борецкій, А. С. Милліонъ. Рассказъ. Изд. 2-е. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 6 к.

Ребу, Поль. Горячая кровь. Романъ. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 1 р.

«Розага». Украинскій декламаторъ, артистычныи збирникъ. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Семтъ-Отанъ, Лефевръ. Старость Донъ-Жуана. Комедія въ 3 л. Перев. В. В. Уманова-Каплуновскаго. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Среди рельефной и правдивой мысли и красивыхъ рѣчей (изъ прошлаго и настоящаго). Спб. 1905. Ц. 30 к.

Старый капралъ, И. А. М. Живыя души. Похожденіе Подметкина. Поэма въ трехъ частяхъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Стефаньки, Василь. Оповіданія. Спб. 1905. Ц. 70 к.

Танъ. Стихотворенія. 3-е исправл. изданіе. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Ходырева, Н. Намеки и облики. Сказки. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Чюмина (Михайлова), О. М. Новыя стихотворенія. Томъ III. 1898—1904. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Яновська, Л. Оповіданія. Кіевъ. 1905. Ц. 75 к.

V. Исторія, біографія и археологія.

Ардашевъ, П., проф. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. 1774—1789. Провинціальныя интенданты. Т. II. Кіевъ. 1906. Ц. 2 р. 75 к.

Бахъ, Макс. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Перев. съ нѣм. Вып. I. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Болсуновскій, Н. Символь змѣя въ «Трипольской культурѣ». Мисеологическій этюдъ. Изд. 2-е. Кіевъ. 1905. Ц. 40 к.

Булгановъ, Ф. М. Портъ-Артуръ. Японская осада и русская оборона его съ моря и суши. Съ многочисленными иллюстраціями и портретами. Т. I. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Велиная французская революція. Р. 3. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Владимировъ, Всеволодъ. Революція въ Финляндіи при князѣ Иванѣ Оболенскомъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Военскій, П. Отечественная война въ русской журналистикѣ. Библиографическій

сборникъ статей, относящихся къ 1812 г. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Волонштейнъ, Людмила Александровна. 13 лѣтъ въ Шляссельбургской крѣпости. Записки. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Диввалеговъ, А. К. Очерки по исторіи Германіи. 1806—1871. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Идановъ, Сергѣй. Три мѣсяца «въ одиночкѣ». Впечатлѣнія и воспоминанія. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Камитовъ, В. М. Цѣнныя русскія монеты. М. 1903. Ц. 70 к.

Мондановъ, И. П. Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. Съ 78 рис. въ текстѣ и 74 отдѣльными таблицами. Спб. 1904. Ц. 6 р.

Мони, А. Ф. Очерки и воспоминанія. Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки. Спб. 1906. Ц. 4 р.

Нрасновъ, П. Годъ войны. 14 мѣсяцевъ на войнѣ. Очерки русско-японской войны съ февраля 1904 г. по апрѣль 1905 г. Т. I. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Лѣтопись войны съ Японіей. № 81. 1905. Ц. 30 к.

Лѣтопись войны съ Японіей. Вып. 82—83. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Мировичъ, И. Очерки изъ исторіи великой французской революціи. Шарлотта Корде. М. 1905. Ц. 10 к.

Модзалевскій, Б. Л. Воспоминанія Софьи Александровны Лайкевичъ. Спб. 1905. Ц. 85 к.

*Олеарій, Адамъ. Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ, примѣчанія и указатель А. М. Ловягина. Съ 19 рис. на особыхъ листахъ и 66 рис. въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 12 р.

Печенинъ, И. Описаніе орудій, находящихся у Главнаго артиллерійскаго управленія. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Половъ, А. И. Отечественная война 1812 г. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войною 1812 г. М. 1905. Ц. 4 р.

Популярная исторія Россіи. Часть II. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Придикъ, Е. М. Греческія и римскія монеты. Пособіе для ознакомленія съ главными началами нумизматики. Съ приложеніемъ 4 табличекъ монетъ, исполненныхъ фотографіей. Спб. 1906. Ц. 75 к.

*Радищевъ, А. М. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Изд. 2-е. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Русскія монеты XIX столѣтія въ ихъ сохранности. М. 1905. Ц. 3 р., на плотн. бум. 4 р. 50 к.

Рѣдигъ, Е. К. Искусство и археологія. (Критика и библиографія). Спб. 1905. Ц. 60 к.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга X. М. 1905. Ц. 2 р.

Стеллякъ, С. Подпольная Россія. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Стороженъ, В. И. Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 к.

Cybulski, Stephan. Die Kultur der Griechen und Römer dargestellt an der Hand ihrer Gebrauchsgegenstände und Bauten. Leipzig. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Шмишо, Л. Разказы изъ русской исторіи. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905. Ц. 45 к.

Щепкина, Е. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ времънь до начала XX вѣка. Изд. 2-е, пересмотрѣнн. и дополн. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Эмле. Князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, первый борецъ за правду и свободу русскаго народа. Въ отзывкахъ русской современной печати, рѣчахъ и воспоминаніяхъ его послѣдователей и почитателей. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Якушинъ, М. Д. Записки. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

VI. Географія.

Врадій, В. П. Уссурийскій край. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Подлятовъ, П. М. Харьковская губернія. Популярный географическій очеркъ. Харьковъ. 1905. Ц. 30 к.

VII. Сельское хозяйство.

Александрова-Игнатьева, П. П. Практическія основы кулинарнаго искусства. Руководство для кулинарныхъ школъ и для самообученія, съ 108 рисунками. Съ приложеніемъ краткаго популярнаго курса мясовѣдѣнія магистра ветеринарныхъ наукъ М. А. Игнатьева. Изд. 4-е. Спб. 1906. Ц. 3 р. 50 к.

Альбомъ хозяйственныхъ породъ домашней птицы. Настольная книга птицевода. Спб. 1905. Ц. въ пер. 4 р. 50 к.

«Земледѣльческая Газета», №№ 45—46. 1905. Ц. 20 к.

— №№ 47—49. 1905. Ц. по 15 к.

Коссовичъ, Дм. Къ рѣшенію аграрнаго вопроса. Формы мелкаго земновладѣнія въ Россіи съ сельск.-хозяйственной точки зрѣнія. М. 1905. Ц. 10 к.

Орловъ, М. А. Сухіе консервы. Описаніе способовъ сушки плодовъ и овощей. Съ 9 рис. 1905. Ц. 30 к.

Рудзкій, Александръ. Руководство къ устройству русскіякъ лѣсовъ. Изд. 3-е. Спб. 1906. Ц. 3 р. 50 к.

Тихоновъ, А. С. Укрѣпленіе овраговъ при помощи простѣйшихъ сооруженій. Спб. 1906. Ц. 50 к.

VIII. Технологія.

Беднарій, Э. М. Къ вопросу о засыпкѣ Екатерининскаго канала въ городѣ С.-Петербургѣ. Ц. 50 к.

Берловъ, М. И., проф. Детали машинъ. Руководство по расчету и проектированію деталей машинъ. Для студентовъ, учениковъ техническихъ училищъ, техникумовъ, механиковъ и инженеровъ. Вып. VII. Цапфы, оси, валы и муфты. Рига. 1905. Ц. 5 р.

Быновъ, Алексій. Техникъ. Автоматиче-

скій инвентарь «Ога» и «Графомобиль». Спб. 1905. Ц. 50 к.

Гулишамбаровъ, Ст. I. Благородные металлы и камни въ мировой промышленности. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Лебедевъ, А. А., горн. инж. Предѣльная величина газоваго двигателя. Сиб. 1905. Ц. 75 к.

Рейсеръ, А. С., инж.-техн. Постройка сахарнаго завода. (Замѣтки изъ практики). Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

IX. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Ардашевъ, П., проф. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. 1774—1789. Провинціальныя интенданты. Т. II. Кіевъ. 1906. Ц. 2 р. 75 к.

Ариольди, С. С. I. Кому принадлежитъ будущее. II. Изъ рукописей 90-хъ годовъ. М. 1905. Ц. 30 к.

Бакъ, А. И. Экономическіе очерки. М. 1905. Ц. 15 к.

Бабель, А. О политической массовой стачкѣ. Рефератъ, читанный на партентатѣ въ Іенѣ 22 сентабри 1905 г. Сиб. 1906. Ц. 8 к.

— Очерки по женскому вопросу. Женщина и социализмъ. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. А. Поссе. М. 1905. Ц. 80 к.

Бесѣды о неприкосновенности личности и свободѣ совѣсти, слова, собраній и союзовъ. (По поводу манифеста 17 октября 1905 г.). Спб. 1905. Ц. 5 к.

Богавенсія, П. Красный Крестъ въ развитіи международнаго права. Часть I. Национальныя общества Краснаго Креста и Женевская конвенція 22 августа 1864 г. М. 1906. Ц. 3 р.

Большіе города, ихъ общественное, политическое и экономическое значеніе. Сборникъ статей: проф. К. Вюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля, Г. Вентига, Т. Петермана и Д. Шефера. Спб. 1905. Ц. 44 к.

Борно, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституцій. Переводъ П. Высоцкой, подъ редакціей Ф. Ф. Кокошкина. Вып. I. М. 1905. Ц. 70 к.

Бране, В. Долой социаль-демократовъ. Перев. съ нѣм. Э. Верштейнъ, подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Рожкова. М. 1905. Ц. 5 к.

Гадъ, Н. С. Коллективизмъ. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 4 к.

Гези. Влаготворительность. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 2 к.

Герс, Павелъ, свщ. Какъ священникъ сталъ социаль-демократомъ. Перев. съ нѣм. Б. Смирнова. Спб. 1906. Ц. 6 к.

Городское самоуправленіе въ Россіи. А. Б. М. 1905. Ц. 10 к.

Гумпловичъ, Л. Национализмъ и интернационализмъ въ XIX вѣкѣ. Переводъ съ нем. I. Я. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Демченко, Я. Вестѣды о текущихъ событіяхъ въ Россіи. Кіевъ. 1905. Ц. 40 к.

Димзелоговъ, А. И. Отвѣтственность министровъ въ конституціонныхъ государствахъ. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 3 к.

Дюмо. Неприкосновенность личности и жилища. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Дѣла III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Дѣло объ убійствѣ Адальберта Вагнера, викарія харьковской римско-католической церкви. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Ерешновъ, I. А. Автономія царства Польскаго. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Зомбартъ, В. Рабочій вопросъ въ промышленности. Перев. съ нѣм. Ростовъ на-Дону. 1905. Ц. 20 к.

Избирательное право. Чѣмъ оно являлось прежде? Что оно представляетъ собою нынѣ? Какія желательныя въ немъ видѣть поправки въ будущемъ? (По Унольдъ, Мейеру и Венуа). Спб. 1906. Ц. 30 к.

Изъ истории социаль-демократіи въ Германіи. Составлено по книгѣ Росселя: «Германская социаль-демократія». М. 1905. Ц. 4 к.

Каутскій, Н. Возникновеніе рабочаго класса и образованіе ремесленныхъ цеховъ. Изд. 3-е. Спб. 1906. Ц. 4 к.

— Классовыя интересы. М. 1905. Ц. 5 к.

— Республика и социаль-демократія во Франціи. Перев. съ нѣмецкаго М. Ольгина. М. 1905. Ц. 7 к.

— Профессиональное движеніе и политическая партія пролетаріата. (Къ вопросу о нейтрализаціи профессиональныхъ союзовъ). Перев. съ нѣм. А. Гродзинскаго. Спб. 1906. Ц. 10 к.

— Социаль-демократія и католическая церковь. — Религія и духовенство. — Вуржуазія и церковь. — Пролетаріатъ и церковь. Переводъ съ нѣм. М. 1906. Ц. 15 к.

— Соціальная реформа и на другой день послѣ социальной реформы. Ростовъ на-Дону. 1905. Ц. 25 к.

— Экономическое ученіе Карла Маркса. Перев. съ 8-го нѣм. изд. Харьковъ. 1906. Ц. 40 к.

Котларвенскій, П. Русская адвокатура и законъ. Очеркъ судоустройства. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р.

Къ избирателямъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Лассаль, Ф. Капиталъ и трудъ. Г. Вастіа-Шульце-Делитчъ. Экономическій Юліанъ. Перев. Э. Зиновьевой. Изд. 2-е. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Либерализмъ и демократизмъ. М. 1905. Ц. 5 к.

Либинехтъ, В. Отъ обороны къ нападенію. Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 10 к.

Малининъ, Ф. И. Роль общества въ борьбѣ съ преступностью. (Тюремный патронатъ). Вып. I. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Марксъ, К. Наемный трудъ и капиталъ. Перев. съ нѣмецк. М. 1905. Ц. 5 к.

— Общественное движеніе во Франціи въ 1870—1871 гг. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 10 к.

Менгеръ, А. Новое ученіе о государствѣ. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. В. Л. Шанцера. Съ предисл. С. Цейтлина. М. 1905. Ц. 60 к.

— Право на полный продуктъ труда. Перев. О. Е. Вужинскаго. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Микулинъ, А. А. Нужды рабочихъ. Сборникъ статей по рабочему вопросу. Киевъ. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Мильтонъ, Рѣчь о свободѣ печати (Агеорагитика). Спб. 1906. Ц. 20 к.

Миллюновъ, П. Исконныя начала и требованія жизни въ русскомъ государственномъ стрѣ. Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 5 к.

Михайловскій, І. В. Основные принципы организаціи уголовного суда. Уголовно-политическое изслѣдованіе. Томскъ. 1905. Ц. 2 р.

Незоровъ, А. С., проф. Краткое изложене курса мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній. Ч. II. Семейственное право и наследственное право. Юрьевъ. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Нольманъ, А. М., баронъ. Вопросы административной практики, разъясненные первымъ общимъ собраніемъ правительствующаго сената и государственными совѣтомъ по дѣламъ земскимъ, городскимъ, о крестьянахъ, о службѣ гражданской, о оврагахъ и другимъ, бывшимъ въ разсмотрѣніи консультаціи при министерствѣ юстиціи, учрежденной за время съ Іюня 1901 по Іюль 1905 г. Спб. 1906. Ц. 1 р. 60 к.

Пирсонъ, М. Наука и обязанности гражданина. Перев. К. А. Тимирязева. М. 1905. Ц. 25 к.

Плехановъ, Г. В. Дневникъ социаль-демократа, № 3. Ц. 5 к.

Полный сборникъ платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій. Съ приложеніемъ высочайшаго манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнѣйшаго доклада графа Витте. Исправлены и дополнены по послѣднимъ революціямъ партійныхъ съѣздовъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Правдивый, Аристархъ. Правда объ октябрьскихъ дняхъ въ Петербургѣ. Политическая

хроника послѣднихъ событій. На основаніи официальныхъ документовъ и газетныхъ статей. Ц. 20 к.

Программы русскихъ политическихъ партій. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Птицынъ, Вл. Современная деревня. Очерки. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Пышконовъ, А. В. Хлѣбъ, свѣтъ и свобода. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Рихтеръ, Е., по Вебелю. Социаль-демократическія картинки будущаго. Перев. съ нѣмецкаго. Ц. 25 к.

Рониковъ, Н. Къ аграрному вопросу. М. 1905. Ц. 5 к.

Самодержавіе и Государственная Дума. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя. М. 1906. Ц. 50 к.

Сватиковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1896). Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 60 к.

Свѣтловъ, К. П. Мысли и думы юриста, воспитаннаго на судебныхъ уставахъ Императора Александра II. Объ условномъ осужденіи. Пенза. 1905. Ц. 25 к.

Сиговъ, М. Что такое свобода? Спб. 1905. Ц. 2 к.

Славинъ, Г. Главныя политическія партіи въ Россіи. (Наканунѣ выборовъ въ государственную думу). Спб. 1905. Ц. 10 к.

Страдомскій, Н. Ф. Основанія реформы городского положенія. Киевъ. 1905. Ц. 40 к.

Сувиловъ, М. И. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Спб. 1905. Ц. 49 к.

Танъ. Новое крестьянство. Очерки деревенскихъ настроеній: 1) По губерніи Везловской. 2) Крестьянскій съѣздъ въ Москвѣ. М. 1905. Ц. 25 к.

Франсъ, Амиоль. Отдѣленіе церкви отъ государства. М. 1906. Ц. 40 к.

Фридманъ, М. Наша финансовая система. Опытъ характеристика. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Фтита. Христіанство и политика. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Шиппель. Профессиональные союзы рабочихъ. Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 10 к.

Щепининъ, М. И. Земская и городская Россія о народномъ представительствѣ. Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 10 к.

Яковлевичъ. Русская революція и еврейская социаль-демократія. Харьковъ. 1905. Ц. 10 к.

Янушинъ. Государственная дума. Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 3 к.

Ящерицынъ, П. В. Какъ вести дѣла о возобновленіи межевыхъ знаковъ по границамъ казенныхъ, удѣльныхъ, частновладельческихъ дачъ, крестьянскихъ надѣловъ и церковныхъ земель. Саратовъ. 1905. Ц. 30 к.

Х. Медицина, гигиена.

Догель, А. С. Гистология. Лекціи, читанныя на 1 и 2 курсѣ С.-Петербургскомъ Императорск. университета и Женскаго медицинскаго института. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Лангъ, Э., профессоръ. Учебникъ половыхъ болѣзней. Съ 85 рисунк. въ текстъ. Переводъ съ нѣмецк. д-ра П. Лурье-Гибрманъ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Мечниковъ, М., проф. Что такое старость? Публичная лекція. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 20 к.

— Этюды о природѣ человѣка. Съ портретомъ автора и 20 рисунками. Изд. 2-е, дополненное новыми главами: «Этюды о естественной смерти» и предисловіемъ проф. Н. А. Умова. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Микуличъ, Ф., проф. Ортопедическая гимнастика при искривленіяхъ позвоночнаго столба и неправильной осанкѣ. Руководство для врачей и воспитателей. Съ 90 рисунк.

въ текстѣ. Перев. со 2-го нѣмецк. изд. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Ослеръ, В., профессор. Руководство по внутреннимъ и нервнымъ болѣзнямъ. Для врачей и студентовъ. Съ 15 рисунками въ текстѣ. Съ 5-го англійск. изд. перев. д-ръ С. З. Серебрянниковъ. Т. I. Спб. 1906. Ц. 4 р.

Шлезингеръ, профессор. Показанія къ хирургическому вмѣшательству при внутреннихъ болѣзняхъ. Обработано для практическихъ врачей. 1-я и 2-я книги. Перев. съ нѣмецк. врачъ Н. Топальскій. Спб. 1906. Ц. 1 р. 75 к.

XI. Искусство.

Картины современныхъ художниковъ въ краскахъ. Текстъ И. Грабара, вып. 11 и 12. М. 1904. Ц. за 12 выпусковъ 12 р.
Московская городская художественная

галлерея П. и С. Третьяковыхъ. Вып. 31. М. 1905. Ц. по подл. на 12 вып. 24 р.
«Театръ и искусство» ЖМ 45—46, 1905. Ц. 20 к. ЖМ 47 и 48, 1906. Ц. по 20 к.

XII. Военное и морское дѣло.

Печенинъ, И. Описание орудій, находящихся у главнаго артиллерійскаго управления. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Шульгинъ, Г. М. Мореходная астрономія. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1905. Ц. 4 р.

XIII. Коммерческія науки.

Страховое обозрѣніе. Ежемесячный журналъ страховыхъ знаній и вопросовъ. 1905 г. № 9 и 10. Спб. 1905. Ц. 1 р.
Максимовъ, М. Г. Счетоводство. Краткій ис-

торическій очеркъ развитія счетоводства и его значеніе въ торговъ-промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ. Спб. 1906. Ц. 50 коп.

XIV. Воспитаніе, обученіе и учебники.

Ашеръ, Фридрихъ. Педагогическіе афоризмы. Практическіе совѣты воспитанія дѣтей до 15-лѣтняго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго. Варшавъ. 1906. Ц. 20 к.

Виноградовъ, М. В. Азбука «Другъ русскаго народа». Составлена по строго-звуковой системѣ преподаванія. Съ рисунк. въ текстѣ. Спб. Ц. 40 к., велен. 50 к.

Кейръ, Фредерикъ. Характеры и нравственное воспитаніе. Перев. съ франц. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Леше, Л. Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть I. Кіевъ. 1905. Ц. въ пер. 1 р.

Мироносицкій, П. П. Ноты-буквы. Пѣвчесая грамота для начальныхъ школъ и народныхъ хоровъ. По англійской буквенной методѣ. Книжка первая—для учениковъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

— Книжка вторая—для учителей и самообученія. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Общее дѣло. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослого населенія. Составленъ подъ редакціей В. С. Костроминой. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Вып. I. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

XV. Книги для дѣтей и юношества.

Алексева, О. Изъ дѣтской жизни. Картины изъ жизни дѣтей. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Готманъ, Фр. Пестрая книжка. Рассказы для дѣтей младшаго возраста. Перев. съ нѣмецк. Въры Энгельгардтъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
Дубровская, В. И. Рассказки дѣткамъ-малолѣткамъ. Съ рисунками и заставками художниковъ М. А. Андреева, И. Зубрилова и друг. Спб. Ц. 1 р.

Красныя Зори, двухнедѣльный иллюстрированный журналъ для дѣтей младшаго возраста подъ редакціей К. С. Баранцевича, 1905 г., № 1. Ц. 20 к.

Лумашевичъ, М. По морю житейскому. Сборникъ рассказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Махцемичъ, В. Хорошо жить на свѣтѣ. Изъ воспоминаній счастливой дѣвочки. Съ иллюстраціями Е. П. Сажокишъ-Судковской. Спб. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.

Мечавъ, А. П. Въ царствѣ воды и вѣтра. Очерки и картины изъ жизни и исторіи земли. Съ 125 рисунк. Ц. 1 р. 90 к., въ папкѣ 2 р. 20 к.

Въ каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ, а новые подписчики, выписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) первымъ 10 книгъ Салтыкова-Щедрина за 1905 г., получаютъ ихъ при первомъ № „Нивы“ 1906 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1906 годъ

(37-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстриров.

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1906 года:

НИВА

52

№№ художеств.-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себя романы, повѣсти, рассказы; гравюры, рисунки и иллюстраціи современ. событій.

40

КНИГЪ „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ОСТАЛЬНЫМЪ

30

КНИГЪ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

(„Сказки“, „Мелочи жизни“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Господа Ташкентцы“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Письма къ тетенькѣ“ и мн. друг. Войдутъ также не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ три сказки и комедія „Смерть Паухуина“).
(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.)

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫМЪ

10

КНИГЪ К. М. СТАНЮКОВИЧА

(въ которыхъ войдутъ „Морскіе рассказы“, романы: „Безъ исхода“, „Два брата“ и рядъ рассказовъ), подъ редакціей и съ биогр. очеркомъ П. В. Быкова.
(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.)

12

КНИГЪ „Ежемесячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложений“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

12

№№ „Парижскихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12

ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльных, вышивальныхъ работъ и для вышиванія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1

„ОТЪННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1906 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки — 8 р. 50 к.
съ доставкой — 7 р. 50 к.
безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 8 р.
За границу — 12 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗОРОЧНА ПЛАТЕНА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1906 г. со всѣми ея приложениями, еще ПЕРВЫЕ 10 книгъ соч. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА за 1905 г., доплачиваютъ одновременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПб. — 1 р. 50 к.; съ дост. въ СПб. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу — 2 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

1906 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1906 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„БЫЛОЕ“.

Журналъ будетъ издаваться подъ редакціей В. Я. Яковлева-Вогучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Издаваться онъ будетъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. Я. Вогучарскій; В. Л. Бурцевъ; С. А. Венгеровъ; М. О. Гершензонъ; С. Я. Елпатьевскій; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; Д. А. Клеженцъ; А. А. Корниловъ; Е. Д. Кускова; М. Е. Лемке; Г. А. Лопатинъ; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милуковъ; Н. А. Морозовъ; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; А. П. Прибылева-Корба; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семеновскій; А. В. Тырковъ; М. Ф. Фроленко; кн. Д. И. Шаховской; П. Е. Щеголевъ; В. М. Хижняковъ; В. Е. Якушинъ и др.

Журналъ будетъ выходить, начиная съ января 1906 года, ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 рублей; на 1/2 года—4 рубля, на 3 мѣс. 2 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство «Донская Рѣчь».

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздн.) отъ 2—3 ч. д.

Редакторы { В. Я. Вогучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

AP50

.I 9

Jan.-
1906

APR - 4 1971

Digitized by

Google

PENN STATE UNIVERSITY LIBRARY

A000060083104